23-1-14

Издательством «Юридическая литература» в серии «Российское законодательство X—XX веков» выпущен сборник документов «Судебная реформа» (отв. ред. д-р юрид. наук проф. Б. В. Виленский, 1991, 496 с., цена 6 руб.).

Одним из основных направлений изучения истории являются законы и иные правовые акты, ушедшие в прошлое. По законодательству можно судить о разных сторонах государственной деятельности и общественной жизни.

Судебная реформа 1864 г. была самой последовательной из прогрессивных реформ 60—70-х годов XIX в. в России. Именно тогда в политическую жизнь страны впервые вошли такие понятия и принципы, как отделение суда от администрации, несменяемость судей и следователей, создание суда присяжных, учреждение адвокатуры, провозглашение гласности, устности и состязательности процесса, свободная оценка доказательств, выборность некоторых судебных органов.

В предлагаемой читателям книге дается общая характеристика судебной реформы 1864 г. в России. Включены законы об изменении судебной системы России, уголовного процесса, уголовного права: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» и др.

Тексты законов приводятся по первоисточникам, документы сопровождаются текстологическим и историко-правовым комментарием. Книга открывается введением, содержащим характеристику эпохи, в конце даются библиографический и именной указатели.

Авторы стремились к тому, чтобы сборник был доступен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Красочно оформленная, эта уникальная серия пользуется популярностью у различной читательской аудитории: историков, юристов, всех интересующихся историей Государства Российского.

Заказать книгу можно по адресу: 121069, г. Москва, ул. Качалова, д. 14, издательство «Юридическая литература». Книга будет выслана наложенным платежом.

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
4 р. 50 к. Индекс 70145
9-10/91

ISSN 0042—87

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9-10
91

9-10/91 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Выходит с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» МОСКВА

СТАТЬИ

Россия между реформой и диктатурой (1861—1920 гг.)

Б. С. Клейн

Наша историческая наука все еще не может выйти из шокового состояния, вызванного крушением идеологических мифов и схем, в плену которых она пребывала с 30-х годов. Выступления ученых на страницах печати обычно сводятся к полемике по частным вопросам, тогда как первостепенной является задача выработки новой концепции и научной методологии.

Концепция истории России, принятая до сих пор за основу советской наукой, изложена суммарно на страницах одного из пособий по истории СССР: «Первая часть пособия охватывает огромный период в жизни нашей Родины: от появления человека на нынешней территории СССР до Великой Октябрьской социалистической революции». И далее: «Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась поворотным пунктом в мировой истории, открыла новую эру в истории человечества»[1].

Октябрьская революция, приравненная по значению к появлению человека, рассматривается как закономерный итог смены формаций, как рубеж, которым завершается как бы «предыстория» народов нашей страны и всего мира. Понятно, что с этих позиций смысл изучения и преподавания истории России будет заключаться в обосновании неизбежности движения страны от «низших» стадий (рабовладельчество, феодализм) к «промежуточной» (капитализм) и, наконец, «высшей» — социализму. Иная логика исторического процесса отвергалась как антимарксистская, а значит, и антинаучная.

Чем ближе к 1917 г., тем откровеннее подчеркивали историки подчиненную роль науки, исторического познания по отношению к господствующей идеологии. «Изучение эпохи капитализма, — пишет В. И. Бовыкин, — имеет большое значение для понимания процессов общественного развития, которые привели к событиям Великого Октября»[2]. По утверждению Е. Д. Черменского, «изучение периода империализма в истории нашей Родины имеет весьма существенное значение. Именно в это время окончательно сложились исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции — тот уровень производства и та расстановка классовых сил, которые обеспечили возможность ее победы и явились исходным пунктом для успешного строительства социализма. Задача курса истории СССР периода империализма заключается в том, чтобы на конкретном материале

Клейн Борис Самуилович — доктор исторических наук, профессор Гродненского педагогического института.

показать закономерность победы Великой Октябрьской революции, оказавшей огромное влияние на судьбы всего мира»[3].

Но то самое ленинское положение, которое так часто цитировалось, — положение о том, что критерием истины является «вся человеческая практика»[4], выявляет сегодня несостоятельность этой концепции. Как в нашей стране, так и в тех государствах, которые следовали ее примеру, строительство социализма оказалось безуспешным. «Новая эра в истории человечества» стала на деле тупиком цивилизации. То, что именовали социализмом, означало фактически появление тоталитарного монстра, загубившего десятки миллионов людей, поставившего целые народы на грань катастрофы.

Перед лицом этого страшного опыта, в свете нового мышления, деление на дооктябрьскую «предысторию» и послеоктябрьскую («подлинную») историю нашей страны не выдерживает критики. Без своей «вершины» («развитого социализма») не может существовать и вся «пирамида формаций», обнажается схоластичность рассмотрения исторического процесса как череды «ступеней на пути всего человечества к высшей, коммунистической формации»[5].

Состоявшаяся в апреле 1988 г. конференция, посвященная обсуждению актуальных вопросов исторической науки и литературы, показала, что и в атмосфере перестройки над сознанием многих историков по-прежнему властвовал привычный стереотип. По мнению В. И. Касьяненко, ныне, как и 30 лет назад, после XX съезда КПСС, предстоит разобраться «в объективных и субъективных причинах деформации реального социализма». Ю. С. Кукушкин утверждал: «Нам нужно не огульное охаивание, а скрупулезная историографическая и литературоведческая работа по анализу того, что сделано историками и литераторами». Выступая с заключительным словом, вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев заявил: «Я согласен целиком, что фактическая сторона истории, реальная жизнь XX в., особенно советского периода, была подвергнута большим извращениям, страдала зияющими пробелами. Но если говорить о марксистской концепции исторического процесса в целом — всеобщей и отечественной истории, — то она создавалась, строилась многими поколениями... Так что фундамент для дальнейшей работы у нас есть»[6].

Однако на той же конференции приводились сведения о том, под каким политическим диктатом происходило «строительство» этой концепции исторического процесса. И потому никакие апелляции к «срокам давности» не должны тормозить движение исторической мысли. Не содержат принципиально нового в методологическом плане и публикуемые в последнее время очерки по истории советского общества, где в качестве исходного рубежа, как и прежде, принят 1917 год[7].

На смену марксистским (а нередко — лжемарксистским) схемам должно прийти реальное знание. Каждый этап истории России приобретает самоценность как объект исследования. Это вовсе не означает недооценки того рубежа, каким стал Октябрь 1917 года. Но задача, стоящая перед историками, отнюдь не в том, чтобы традиционно подгонять факты под обанкротившуюся идеологию. Наоборот, освободиться от предвзятости и уяснить, почему в нашей стране была установлена и нашла опору тоталитарная диктатура, — такова первостепенная цель. Именно вокруг этой проблемы скрещиваются копья, здесь нашли себе широкое поле деятельности дилетанты и конъюнктурщики.

Подлинно научный подход к этой проблеме требует изучения ее не как национальной, восточноевропейской и т. п., анализ может быть эффективным лишь в общеисторическом контексте XX века. Ведь тоталитаризм утвердился и в Германии; фашистские и полуфашистские диктатуры установлены были в Италии, Испании и ряде других государств Центральной и Западной Европы. Не следует строить иллюзий по поводу относительной краткосрочности существования тоталитарных режимов за пределами нашей страны: ведь они рухнули не под воздействием внутренних причин, а в результате победы антигитлеровской коалиции во второй мировой войне. Тем не менее остается фактом, что именно в России тоталитарная диктатура возникла впервые, здесь она держалась значительно дольше, нежели в других странах, а вред, причиненный ею, не идет в сравнение с последствиями господства режимов подобного типа где бы то ни было. Поэтому особенно важно исследовать генезис российского тоталитаризма.

В последнее время все большее распространение находит «веховская» точка

зрения о том, что основную ответственность за появление в России тоталитарного режима несет российская радикальная (а отчасти и либеральная) интеллигенция, начиная с Н. Г. Чернышевского, а по некоторым суждениям, еще с А. Н. Радищева и декабристов, поскольку все они были, дескать, сторонниками насилия как основного способа разрешения общественных противоречий. Такому воззрению отдает дань, в частности, А. С. Ципко, когда пишет: «Сменовеховцы были абсолютно правы в том, что главным субъектом, главным действующим лицом всех наших революций был не народ, а левая, радикальная интеллигенция. Настало время разоблачить миф о ее жертвенности и сострадательности... Громадное влияние гуманитарной интеллигенции на настроения людей — это не наша сила, а наша слабость. Те народы, где этот обособленный, специальный слой не существует, не знали ужасов революционных потрясений, бессмысленной, тупой гражданской войны»[8].

«Зигзаги» и тупики российского радикализма хорошо известны. Но нельзя столь откровенно игнорировать опыт истории. Где на карте мира те народы, которые не знали «ужасов революционных потрясений»? Много ли происходило революций, руководящее ядро которых не составляла интеллигенция? А разве фашистские перевороты «смягчало» то, что их главари рекрутировались из элементов, хватавшихся за пистолет при слове «культура»? Те, кто видят в «разночинской» интеллигенции первоисточник отечественных бедствий, не замечают того очевидного факта, что идеология и психология насилия, как революционного, так и реакционного, пропитывает всю новую историю Европы, не исключая и Россию. Если не задаваться целью задним числом «переписать» эту историю, то нужно непредвзято оценить и тех, кто духовно готовил Американскую, Великую Французскую революции, венгерские, немецкие, испанские, польские и другие революции, но также и тех, кто были идеологами подавления этих движений, кто «железом и кровью» цементировал империи прошлого. Восстания, войны, завоевания вершились не руками одиночек. Эту аксиому забывать нельзя.

Как известно, первая волна революционного терроризма поднялась в России в 70-е годы прошлого столетия, вторая — в начале XX века. Массы остались равнодушными к действиям народовольцев и в небольшой степени были затронуты организациями эсеров. Действительно народным явилось шествие 9 января 1905 г. десятков тысяч людей к Зимнему дворцу, возглавленное священником Гапоном, а их расстрел царскими властями стал началом революции. Способны ли были подчинить ее своим целям 8 — 9 тыс. большевиков? Можно ли всерьез утверждать, что 24 тыс. членов этой партии, разбросанных по всей стране, при том что почти вся руководящая их часть находилась в эмиграции или в ссылке, смогли играть лидирующую роль в Февральской революции 1917 года?

История любой страны, в частности России, изобилует примерами формирования разного рода радикальных, экстремистских групп и организаций. Проблема состоит в том, чтобы изучить механизм развития группового, так сказать, эмбрионального тоталитаризма, его ускоренного разрастания и превращения в конечном счете в систему политического господства. Для этого должны возникнуть многообразные предпосылки, когда данное общество как бы устремляется навстречу диктатуре, обнаруживает в значительной своей части готовность воспринять и поддержать тоталитарные структуры. Конечно, если согласиться с авторами, которые, подобно В. Карпецу, утверждают, что «в соцветии мировой истории Российское самодержавие — жемчужина, затоптанная ногами и упрятанная под спуд»[9], то каждый противник этого самодержавия предстанет злонамеренным русофобом, и тогда начинать надо с С. Разина, Е. Пугачева и их сторонников, что и делается уже «Военно-историческим журналом», опубликовавшим статью Н. Ф. Шахмагонова.

Длительное замалчивание жестокостей повстанцев создало определенный пробел, что и использует этот автор, всячески «развенчивая» Пугачева, представляя его уголовным преступником, «изменником Родины», проводником иноземных интриг. В вину ему ставится призыв к свободе, истреблению дворян, которые, как подчеркивает Шахмагонов, «цементировали государство». Собранное Пугачевым огромное войско он определяет как «сброд, бандитскую ватагу, и более ничего»[10]. С таких позиций не выступали сколько-нибудь заметные историки и в царской России. Например, С. Ф. Платонов, говоря о народном движении, указывал, что, «как

во времена Разина, так и теперь крепостные люди и поволжские инородцы легко поднимались против помещиков и властей»[11].

Коль скоро Пугачев ставится в ряд «душителей великого русского народа предсталинской и сталинской эпох», можно ожидать, что найдутся последователи Шахмагонова, которые причислят к таковым участников бесчисленных крестьянских бунтов, рабочих волнений, солдатских возмущений и т. д. Нетрудно предвидеть, как подобные «охранители государственных устоев» отнесутся к восстанию на броненосце «Потемкин», другим массовым движениям 1905, а затем 1917 г., опрокинувшим самодержавие, — увы, с неизменными эксцессами массового терроризма.

Призвание историков не в том, чтобы прнукрашивать российское самодержавие или иные авторитарные, военно-полицейские режимы, не в том, чтобы воспевать извечное «смирение» народа или осуждать его «невежество», «разрушительные инстинкты». Предстоит найти действительные причины, обусловившие общемировой кризис парламентаризма в конце XIX — начале XX в., раскрыть во всей полноте процесс сползания к тоталитаризму в нашей стране, определить все движущие силы этого процесса независимо от субъективных намерений, политических целей и платформ тех или иных деятелей.

С этих позиций и может быть предложена новая периодизация отечественной истории второй половины XIX — начала XX века. Представляется, что хронологические границы этого периода следует обозначить 1861—1920 гг.[12], а в их пределах разграничить два важнейших этапа.

Первый этап (1861—1903 гг.) можно было бы определить следующим образом: «Отмена крепостного права. Вступление России на путь буржуазных реформ». От общепринятого до сих пор названия («Россия в период утверждения капитализма»)[13] предложенное нами отличается прежде всего тем, что оно отходит от соотнесения с идеологизированными, весьма размытыми социально-экономическими понятиями (капитализм — империализм). Критическое осмысление ленинских работ, на основе которых строилась прежняя периодизация, ставит под сомнение правомерность ориентации исторической науки на поиски доказательств «зрелости» или «незрелости» капиталистической формации, признаков ее перерастания в империалистическую стадию и т. п. Ведь само определение империализма как высшей и последней стадии капитализма ныне отвергнуто.

Потому название второго этапа не должно соотноситься с этим понятием (до сих пор: «Россия в период империализма»)[14]. Вместо этого мы предлагаем следующее: «Падение абсолютизма и установление тоталитарной диктатуры», обозначив хронологические рамки этого этапа 1903—1920 годами. Чем мотивируется такой подход? В своей глубоко аргументированной работе «Теория империализма: ретроспективный взгляд в конце столетия» Ю. Шишков исследовал обстоятельства формирования ленинской концепции империализма, последствия ее применения в теории и на практике и пришел к заключению: «Эта теория, родившаяся в начале XX века в условиях разгула милитаризма и грабительских войн за передел мира, уже во второй половине 20-х годов обнаружила свою несостоятельность. Но стараниями Сталина и его окружения, а также верноподданных обществоведов она была канонизирована и на протяжении многих десятилетий почиталась как своего рода «новый завет» марксизма. Однако, видя растущее расхождение многих ее положений с действительностью, официальные идеологи пытались в последние десятилетия эту теорию оштукатурить и даже отчасти модифицировать ее несущие конструкции — «пять признаков империализма». Все усилия оказались тщетными. Сегодня эта теория представляет собой груду развалин»[15].

Ожидает нового прочтения и ленинский труд «Развитие капитализма в России». Это — самостоятельная задача; в данном же случае ограничимся весьма немаловажным примером. В одном месте этой работы Ленин приводит статистику 1890 г., согласно которой общее число фабрично-заводских рабочих, а также занятых в горной промышленности и на железных дорогах составило 1432 тысячи. В то же время, подвергая собственной обработке сведения переписи 1897 г., он утверждает, что в стране насчитывалось не менее 22 млн. пролетариев, а вместе с «полупролетариями» эта цифра вырастает до 63,7 млн.[16], что составляло более половины всего населения. Доказывая, что в пореформенной России победил капитализм, в начале XX в. вступивший во всем мире в свою высшую и последнюю стадию, Ленин преследовал вполне определенную цель: обосновать наличие необходимых предпосылок для совершения в России («слабом звене» империализма) социалистической революции, которая превратится в мировую революцию, а это в свою очередь требовало, в его понимании, создания партии «нового типа». Как говорится, тут «ни убавить, ни прибавить», логическая цепь неразрывна. Ошибка в конечных выводах Ленина ставит под вопрос правомерность всей конструкции, основанной на подчинении научного анализа заданной политической цели.

Возвращаясь к методам объективного исследования, мы убеждаемся, что в действительности с 1860-х годов в России совершался процесс индустриализации, требовавший адекватной государственной и общественной структуры. Возникновение такой структуры встречало упорное сопротивление полуфеодального дворянства и самодержавной бюрократии, так как лишало их господствующего положения и прежних привилегий. Этими интересами обусловлена была ложная идея о возможности устойчивого экономического развития страны без введения конституции, парламента, политических свобод и т. д., вообще без всеобъемлющего переустройства по типу Западной Европы. Несостоятельность попыток (они предпринимаются и в наше время) доказать, будто Россия была настолько самобытной, «незрелой» и т. п., что только навязанная «верхами» модель ее устройства являлась исторически необходимой, подтверждается примером балканских, гораздо более отсталых стран, легко воспринявших в 60—80-е годы XIX в., после освобождения от турецкого владычества, парламентские режимы.

Как справедливо заметили авторы монографии «Революционная традиция в России», «российское самодержавие обнаружило особое, держимордовское упорство в неприятии даже ограниченных конституционных начал по сравнению с другими странами второго эшелона капитализма, где были приняты в XIX в. буржуазные конституции, например с Грецией (1844 г.), Румынией (1866 г.), Сербией (1869 г.), Болгарией (1879 г.), Японией (1890 г.) и др... В России политические и правовые предпосылки буржуазной формации были созданы лишь в феврале 1917 г. Но было уже поздно»[17]. Именно отсутствие в России представительного правления позволило принять и реализовать такой вариант реформы, который возложил на крестьянство непосильное бремя платежей и повинностей, истощал его производительную силу, тормозил общественный прогресс. Буржуазная модернизация России в этих условиях неизбежно влекла за собой и хаотическое разрушение патриархального уклада, привычного для основной массы населения, прежде всего крестьянства.

Только с 80-х годов XIX в. власти вынуждены были признать появление в России «рабочего вопроса», но и в дальнейшем, по феодальной традиции, отрицали за рабочими право на объединения. Недавний крестьянин, попадая на фабрику, оказывался еще менее защищенным, нежели в деревне, где его как-то поддерживала община. Зачатки фабричного законодательства сочетались с законом 1886 г. об усилении уголовной ответственности за стачки. Но там, где не действуют общепринятые механизмы регулирования отношений с работодателем, создается почва для «промышленной войны». И если народничество так и не нашло опоры в пореформенной деревне, то влияние социал-демократии увеличилось: рабочее движение обретало вожаков и неуклонно политизировалось.

Нараставшие социальные конфликты в начале XX в. могли получить разрешение либо на пути компромиссов, реформ «сверху», либо в форме революционных потрясений. Ни тот, ни другой путь не приводил к созданию предпосылок для социализма. Мы выделяем 1903 г. как рубеж, завершающий этап буржуазного реформирования в рамках абсолютной монархии. В качестве последней попытки подобного рода реформ можно рассматривать «зубатовщину» — политику, направленную на «разрешение» рабочего вопроса методами полицейской опеки, не допуская создания профсоюзов, других ассоциаций, стачечного движения и т. п., то есть атрибутов конституционного строя. Всеобщая политическая стачка на юге России летом 1903 г., для подавления которой были использованы войска, знаменовала собой крах «зубатовщины» и одновременно доказала, что только нарастающий массовый нажим на самодержавие может привести к коренному изменению порядков в стране. Поражения в русско-японской войне ускорили революцию.

Столыпинские преобразования, контуры которых обозначены были еще планами С. Ю. Витте, не означали возникновения качественно новой ситуации, они были органически связаны с предшествующими процессами в экономике и выте-

кали из них. Действительная их новизна состояла в том, что они предприняты были для подведения социально-экономической базы под предложенную «сверху» — альтернативу революции, а именно, под ограничение монархии — вместо ее свержения, и эволюцию старых порядков — вместо их разрушения.

Сомнительность исхода намеченных реформ вытекала не столько из их содержания, сколько из порочности самой политической альтернативы, заложенной в манифесте 17 октября 1905 года. Вряд ли можно доказать и убедить, что Россия получила основы конституционного строя. Не касаясь других аспектов, уже отсутствие ответственности правительства перед Думой подрывало принцип парламентаризма, ибо оставляло всю исполнительную власть под безраздельным контролем императора. Такое межеумочное, а значит, изначально неустойчивое состояние центральной власти в стране, продвигавшейся по пути все более глубоких социально-экономических перемен с неизбежным обострением общественных противоречий, заключало в себе постоянную опасность социально-политического катаклизма.

Этому выводу, казалось бы, противоречат успешные итоги развития страны, связываемые во многих публикациях с реформаторской деятельностью П. А. Столыпина. Его нынешние апологеты подчас не утруждают себя даже точным воспроизведением общеизвестных фактов[18].

Долгое время позитивные стороны столыпинских преобразований не находили надлежащей оценки в нашей историографии. Однако можно согласиться с П. Н. Зыряновым, что причины повышенного интереса к личности этого крупного государственного деятеля — в общественном разочаровании состоянием сельского хозяйства в наше время. У Столыпина, как «отца» крестьян-фермеров, многие ищут рецептов выхода из кризиса[19]. В такой обстановке от историка требуется особенно осторожный подход к оценке замыслов и в особенности результатов столыпинских реформ.

Определив свою программу, Столыпин, как он сам заявлял, рассчитывал, что ее реализация не может быть скорой, а потребует не менее 20 лет мира и покоя. Отсюда надлежит сделать ряд существенных выводов. Во-первых, следует сопоставить российские реалии с этим планом. Столыпин действовал под прессом постоянной угрозы покушений со стороны террористов. Но в них ли заключались главные препятствия? Как отмечает А. Янов, Столыпин не имел собственных политических механизмов, своей политической базы для исполнения программы, находясь в зависимости от расположения к нему царя и чиновничье-дворянской иерархии[20]. Здесь мы вновь подходим к проблеме российского абсолютизма в период после революции 1905 г. и его взаимоотношений со столь многочисленным и неоднородным в социальном и национальном смысле населением империи.

Без сомнения, выдвинутая Столыпиным, пусть и весьма отдаленная, перспектива превращения России в конституционную монархию противоречила династическим интересам Романовых, как и вообще интересам имперских «верхов». Они нуждались в подавлении революции и в этих целях допускали разрушение общины, но создание сильного среднего класса могло быть только помехой господству военно-бюрократического слоя.

Немаловажно и то, что репутацию Александра II как «царя-освободителя» не унаследовал его преемник, а тем более явным стало падение престижа императорской власти с появлением на престоле Николая II. С именем этого царя, с его окружением связывались такие трагедии, как Ходынка, проигранная война с Японией, расстрел народного шествия 9 января, кровавые усмирения и погромы в годы революции и т. д. Не проходило незамеченным появление при дворе различных проходимцев, выдвижение Распутина. Отсюда рост недоверия и враждебности массы к мероприятиям правительства. Но ведь именно через государственный аппарат проводилась в жизнь столыпинская аграрная реформа, а она, как известно, вела к обогащению одних крестьян и разорению других.

Не способствовали водворению внутреннего мира и деятельность III и IV Государственных дум, состав которых, по новому избирательному закону, явно представлял интересы высших слоев общества.

Расширение и упрочение слоя частных собственников не могло не сталкиваться с огромными трудностями в стране, где так и не сложился режим правового государства, где сильно, особенно на местах, давал о себе знать произвол властей, где

глубоко укоренились полуфеодальные традиции помещичьего и крестьянско-общинного хозяйства. Вот почему конфликтные ситуации, которые в развитых странах Запада обычно находили мирное разрешение, в России систематически перерастали в насильственное противостояние, в открытую борьбу с государственной властью (посягательства крестьян на помещиков и новых хуторян, рабочие политические стачки и столкновения с полицией и войсками, студенческие, национальные движения и т. п.). В этом смысле показательно то, что именно в период апогея экономических успехов возник политический кризис 1913—1914 годов.

Не создавала уверенности в сохранении мирных условий и международная обстановка, во многом определявшаяся для России тем, что еще с 90-х годов XIX в. она была вовлечена в военный блок, противостоящий Германии. Столыпин принимал меры, чтобы избежать войны. Но уже Боснийский кризис 1908—1909 гг. показал, как близка вооруженная конфронтация держав. Становившаяся неизбежной милитаризация промышленности едва ли способствовала реформам.

Все эти соображения не следует истолковывать как попытку преуменьшить значение экономических успехов России. Вряд ли можно последовать за П. Н. Зыряновым, когда он отрицает их взаимосвязь со столыпинской реформой, которая, по его мнению, могла принести реальные плоды лишь в более отдаленной перспективе. Но заслуживают внимания те факторы, с воздействием которых Зырянов связывает действительное улучшение положения в русской деревне: полная отмена с 1907 г. выкупных платежей; рост мировых цен на зерно; постепенное сокращение помещичьего землевладения; очень хорошие урожаи 1912—1913 годов. Говоря же о других факторах экономического роста, нужно принять во внимание, что на 1909 — 1914 гг. пришлась вторая (после 1893 — 1900 гг.) мощная волна иностранных инвестиций, составивших более половины всех новых капиталовложений в российскую промышленность[21].

С учетом всех указанных обстоятельств можно подойти к оценке как сильных, так и слабых сторон внутреннего и международного положения России накануне первой мировой войны. То, что было достигнуто, обеспечивало относительную стабильность развития, но — подчеркнем это — лишь в сложившейся обстановке. Модернизация страны далеко еще не была завершена. Некоторое смягчение старых противоречий сопровождалось появлением новых, не получавших разрешения в рамках абсолютизма. Обнаженное революцией 1905 г. противостояние власти и народа не утратило своей остроты. Экстремальные ситуации общество так долго выдерживать не способно, в нем с неизбежностью должны нарастать тенденции разложения, распада. Это и произошло в годы мировой войны.

Самодержавие было обречено, коль скоро правящие круги не решились, после тяжких военных поражений, на сепаратный мир и в то же время даже в 1915 — 1916 гг. отвергли выдвинутые «Прогрессивным блоком» требования «министерства доверия», а тем более правительства, ответственного перед Думой. В результате, несмотря на достигнутые ранее значительные успехи, режим третьеиюньской монархии оказался в изоляции, не выдержал испытаний мировой войны и не сумел предотвратить вторую, Февральскую революцию 1917 года.

Крушение монархии выявило отсутствие сколько-нибудь прочной основы и для российского парламентаризма, прежде всего потому, что в стране еще не сформировались устойчивые средние слои населения, а военные бедствия и разруха способствовали дальнейшей поляризации интересов, стимулировали резкое увеличение массы «маргиналов», люмпенизированных слоев. Именно они стали определять общественно-политическую ситуацию в столице.

Временное правительство, вынужденное разделить власть с Советами, обрекло себя на провал уже тем, что поставило перед собой несовместимые цели. Продолжая войну, оно узаконило в стране такой режим широчайших политических свобод, который подрывал в корне систему милитаризма, а следовательно, все более ослаблял армию, усугублял разруху и т. п. Выдав народу векселя на скорое достижение победы и столь желаемого мира, на радикальное решение аграрного вопроса, оно своими практическими действиями подрывало веру в возможность достижения этих целей легальными средствами. Результатом явилось быстрое усиление политического экстремизма как «справа», так и «слева».

В обстановке нараставшей анархии партия большевиков, одержав легкую победу в октябре 1917 г., первоначально выступала в роли объединителя распадав-

шегося государства, гаранта мира и немедленного, радикального решения аграрного вопроса. Однако левоэкстремистское ядро большевиков, объявившее себя «диктатурой пролетариата», отвергнув политические компромиссы, взяло курс на «мировую социалистическую революцию». Следствием этого явилась гражданская война — так в суммарном виде можно интерпретировать ход событий.

В этой связи остановимся на некоторых положениях, выдвинутых недавно Ю. А. Поляковым. Констатируя, что с момента Февральской революции стихийно происходила эскалация насилия и жестокости, взаимного подозрения и недоверия, он утверждает: «Корни происходившего — в социальной несправедливости, существовавшей веками, в колоссальном различии между власть имущими и бесправной массой, в укоренившемся психологическом противостоянии бедных и богатых, господствующих и подчиненных. Взрыв был объективно неизбежен, классовая ненависть должна была выплеснуться»[22]. Все это верно, если вести речь о подоплеке Февральской революции или о событиях 1905 года. Но Октябрьский переворот никак нельзя трактовать в качестве стихийного взрыва; как известно, он тщательно готовился, планировался, вплоть до конкретного дня, осуществлялся не только с ближним, но также с дальним «прицелом». Мотивировать объективную неизбежность такого «взрыва» и последующей гражданской войны классовой ненавистью по меньшей мере сомнительно.

Не выглядит доказательным и мнение автора о том, что в октябре 1917 г. в России была установлена диктатура пролетариата, на сторону которой встали основные классы населения[23]. То, что диктатура существовала, несомненно, но чья? Временное правительство свергли отряды рабочих, а также матросов и солдат — в большинстве своем крестьян. Даже в среде фабрично-заводских рабочих отношение к перевороту было неоднозначным: в отличие от большевиков (среди которых тоже были разногласия), его не одобряли рабочие-меньшевики, эсеры, беспартийные (вспомним позицию «Викжеля») и т. п. На выборах в Учредительное собрание большевиков поддержали 23% избирателей. Показателен и состав II Всероссийского съезда крестьянских депутатов (декабрь 1917 г.): из 790 делегатов — только 91 большевик. В дальнейшем соотношение сил изменялось, на то были причины, но это скорее вопрос об эффективности власти, нежели о ее изначальной сущности.

В духе старых традиций подходит Поляков и к проблеме истоков, а следовательно, хронологии гражданской войны, тем более ее результатов, которые он оценивает следующим образом: «В народе и партии укрепилась убежденность в могуществе, непобедимости революции и созданного ею строя»[24]. Это говорится о периоде, когда вспыхнули Антоновское восстание (август 1920 г.), Кронштадтский мятеж (март 1921 г.), восстания в Сибири и других местах, побудившие Ленина признать наличие самого большого внутреннего политического кризиса Советской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих[25]. Где же истина?

Еще со времен «Краткого курса» в нашей историографии утвердилось положение, что обстановку гражданской войны создало объединение иностранных и внутренних антисоветских сил в первой половине 1918 года[26]. Однако это противоречит прямым высказываниям Ленина. Так, выступая 11(24) января 1918 г. с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров на III Всероссийском съезде Советов, он заявил: «На все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто, — есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров»[27].

В тесной связи с этим находится и вопрос о терроре, применение которого получило в «Кратком курсе» следующее обоснование: «Эсеры, убившие т. т. Урицкого и Володарского и произведшие злодейское покушение на жизнь Ленина, за белый террор против большевиков были подвергнуты красному террору»[28]. Поскольку такая трактовка находилась в явном противоречии с истиной, в дальнейшем введена была более «обтекаемая» формулировка: «В ответ на террор контрреволюции Советская власть ввела красный террор»[29]. Однако еще в своей речи, произнесенной 4(17) ноября 1917 г. на заседании Петроградского Совета совместно с фронтовыми представителями, Ленин заявлял: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор,

какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем... И надеюсь, не будем применять, так как за нами сила»[30].

Высказывая такую надежду, Ленин, по-видимому, исходил из того, что большевики, выдвинувшие общедемократические лозунги, еще находили широкую поддержку населения. Но по мере того как разворачивалась «красногвардейская атака на капитал», положение менялось. Выступая 4(17) декабря 1917 г., Ленин предупредил рабочих, что нужно заменить капитализм «аппаратом социализма», а поэтому «сейчас не должно думать об улучшении вот в этот момент своего положения, а думать о том, чтобы стать классом господствующим». Вместо защиты своих реальных интересов городской рабочий, носитель «великой перспективы», должен был повести за собою массы к победе социализма. А поскольку, как считал Ленин, «нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы»[31], такое сознание должно было быть привнесено из города.

Что это означало на практике? Следуя опять-таки установкам «Краткого курса», наши историки ссылаются на то, что раздел помещичьих земель весной 1918 г. вызвал обострение классовой борьбы в деревне. Кулацкая контрреволюция являлась главным виновником голода, охватившего всю страну. Советской власти пришлось издать ряд декретов, направленных против деревенской буржуазии. Чтобы организовать бедноту, сломить сопротивление кулачества и привлечь на сторону пролетариата среднее крестьянство, «по призыву партии десятки тысяч лучших представителей рабочего класса выехали в деревню»[32]. 11 июня 1918 г. был принят декрет об организации комитетов бедноты.

Но еще в начале февраля 1918 г., выступая перед агитаторами, направляемыми в провинцию, Ленин говорил: «Разъясните деревне, что кулаков и мироедов необходимо урезать... Война внешняя кончилась или кончается... Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего, — мы отсидимся»... Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться... Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное»[33].

Таким образом, если следовать Ленину, атака на многомиллионную зажиточную часть деревни начата была не в ответ на «кулацкие восстания» и отнюдь не сводилась к улучшению положения с продовольствием. Понимая, что крестьянство, получившее землю, в условиях мира будет настроено на восстановление хозяйств, торговлю, рост благосостояния и т. п., но никоим образом не на принесение все новых жертв во имя абсолютно чуждой ему «мировой революции», большевистское руководство сделало ставку на раскол деревни по «классовому признаку», на разжигание ненависти бедноты к зажиточным крестьянам, которых поставили, по существу, в бесправное положение. Таким образом надеялись получить опору для «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства».

На деле такая политика вела к резкому сужению первоначальной социальной базы Советской власти как в деревне, так и в городе, каковое сужение мог компенсировать только рост произвола и насилия. И действительно, уже в январе 1918 г. Ленин дает установку на проведение массовых обысков и реквизиций. «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет»[34].

Как видим, переход к массовому террору не был «ответной мерой», но его невозможно объяснить и случайными причинами, только личной жестокостью большевистских лидеров и т. п. Одержимые решимостью добиться любой ценой осуществления той социально-политической утопии, ради которой они захватили власть, эти лидеры с самого начала встали на наклонную плоскость, и по этой плоскости они сползали вместе со своими сторонниками, со всей страной в пучину гражданской войны, все более страшной разрухи, неисчислимых жертв.

Почему же в России не оказалось сил, способных объединить народные массы на основе достаточно убедительной политической альтернативы тоталитаризму? Несмотря на огромное количество публикаций, вышедших как в нашей стране, так и за рубежом, думается, что исчерпывающего ответа на этот вопрос мы еще не имеем. Не вдаваясь во всестороннее обсуждение, ограничимся лишь некоторыми соображениями.

Самоочевидна разобщенность противников Советской власти. Верно и то, что

генералитет, возглавлявший белое движение, не сумел избавиться от того, что связывало это движение с реставрацией прежних монархически-помещичьих порядков. Труднее понять деморализацию и бессилие российских либералов и демократов. Дело тут не только в традиционной рыхлости, аморфности оппозиционных партий. Лидеров этих партий погубило то, что они не поняли новой эпохи в политике, не сумели освоить и применить принципиально новый подход, который внес большевизм: умение привлекать обездоленных, темных и забитых, доходить до каждого. Факты говорят, что благодаря умелой большевистской агитации даже такие схоластические абстракции, как «всемирная коммуна», «мировая республика Советов» и т. п., наполнялись конкретным содержанием применительно к самому низкому уровню обыденного сознания, причем постоянно давалась установка на простые, сиюминутные задачи и действия.

И такой, еще первый в истории, опыт маскировки тоталитаризмом своей сущности оказался чрезвычайно эффективным. Миллионы людей поверили, что путь к благополучию лежит через уничтожение всех имущих, что «социализм — это учет», что коммунизм — это «Советская власть плюс электрификация всей страны» и т. п. Тем более что эта власть не только агитировала — она действовала, создавая огромные возможности социального переустройства и продвижения, вселяя в тех, кто прежде «был ничем», уверенность, что они могут «стать всем». Те грубые силовые методы, которые и ранее доминировали в российской политической жизни, новая власть возвела в абсолют.

Понимая стремление многих историков и публицистов высветить долго замалчивавшиеся негативные стороны политики большевиков, следует признать, что победу последних в гражданской войне вряд ли можно объяснить только административным принуждением, репрессиями. Ведь в той мере, в какой их политика выражала и общенациональное содержание, шла навстречу стремлениям народов России, она находила поддержку. Эта сторона дела нуждается в тщательном анализе, который поможет за завесой ультрареволюционных лозунгов увидеть реальные интересы.

Но в ходе гражданской войны — и это приобрело в перспективе решающее значение — большевизм утратил основные признаки политической партии, он превратился в милитаризованную организацию и стал сердцевиной необычайно мощной военно-бюрократической системы, которая узаконила, по существу, неограниченный, массовый террор. Вместе с тем создан был не имевший аналогов механизм идеологической обработки и политического манипулирования массами. Исход гражданской войны знаменовал собою утверждение тоталитаризма в России.

Все это — постепенная деградация и крах абсолютизма, провал попыток установления парламентской демократии и переход власти к тоталитарной диктатуре — есть процесс коренных политических перемен, определивший весь последующий ход истории страны. Отказ от целостного изучения этого процесса, а значит, от анализа закономерного и случайного в нем, выявления имевшихся альтернатив, значения традиций, массовой психологии, влияния международной обстановки и т. д., обречет нас на то, чтобы оставаться все в том же порочном круге проблематики, обозначенной водоразделом «до-» и «послеоктябрьская эпоха», «капитализм» и «социализм».

Между тем именно с рубежа 20-х годов, осмысленного в предложенном аспекте, откроется перспектива дальнейших исследований, содержание которых, естественно, не будет определяться поиском иллюзорных успехов и прославлением побед социализма. Нам предстоит определить сущность и исторически конкретные формы последующих модификаций тоталитарной системы, предел существования которой обозначился лишь к исходу 80-х годов.

Примечания

1. Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов. Ч. 1. М. 1984, с. 337, 340.
2. Новое в исторической науке. М. 1984, с. 36.
3. ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. История СССР. Период империализма. М. 1974, с. 3.
4. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 290.
5. См. История СССР. Ч. 1. М. 1973, с. 4.
6. Вопросы истории, 1988, № 6, с. 16, 67, 111—112.
7. См. История советского общества. Краткий очерк (1917—1945 гг.). — История СССР, 1990, № 1 сл.
8. ЦИПКО А. Если бы победил Троцкий... — Даугава, 1990, № 9, с. 89.
9. Цит. по: ШИРОПАЕВ А. Голос «Века». По страницам независимого русского альманаха. — Наш современник, 1990, № 8, с. 180.
10. ШАХМАГОНОВ Н. Ф. Не прикажете ли вешать? — Военно-исторический журнал, 1990, № 11, с. 92, 94.
11. ПЛАТОНОВ С. Ф. Сокращенный курс русской истории. Пг. 1915, с. 296.
12. Формально у такой хронологии есть прецедент: ШЕСТАКОВ А. Русская история (1861—1920 гг.). М. 1927. Вернее — был, так как в дальнейшем автор изменил свою позицию.
13. См. История СССР. XIX — начало XX в. М. 1987, с. 148.
14. Там же, с. 291.
15. Наука и жизнь, 1990, № 9, с. 35.
16. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 498, 582, 505.
17. ПАНТИН И. К., ПЛИМАК Е. Г., ХОРОС В. Г. Революционная традиция в России. 1783—1883 гг. М. 1986, с. 45.
18. Например, в одной из статей читаем, что в 1902—1903 гг. Столыпин «работал» ковенским и гродненским губернатором (ШИПУНОВ Ф. Великая замятня. — Наш современник. 1989, № 11, с. 133—134). На деле Столыпин в 1899 г. стал ковенским губернским предводителем дворянства, а в 1902 г. — гродненским губернатором, пробыв в этой должности 10 месяцев. По утверждению другого автора, в частное владение более чем 2,5 млн. семей перешло более половины общинной земли (ЖУКОВ Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина. В кн.: ШУЛЬГИН В. В. Дни. 1920. Записки. М. 1989, с. 22). Фактически из общинного оборота было изъято 22% земель.
19. См. Спаситель русской деревни? — Диалог, 1990, № 12, с. 69.
20. ЯНОВ А. Русская идея и 2000-й год. — Нева, 1990, № 11, с. 170.
21. ДОНГАРОВ А. Новая индустриальная страна — Россия? (Иностранный капитал и русская промышленная революция). — Международная жизнь, 1989, № 6, с. 124.
22. ПОЛЯКОВ Ю. А. Гражданская война в России (Поиски нового видения). — История СССР, 1990, № 2, с. 105.
23. Там же, с. 106—107.
24. Там же, с. 114.
25. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 282.
26. См. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938, с. 215—216.
27. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 268.
28. История Всесоюзной Коммунистической партии, с. 219.
29. КПСС. Справочник. М. 1963, с. 157.
30. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 63.
31. Там же, с. 146—147.
32. История СССР. Ч. 2. М. 1973, с. 71.
33. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 326—327.
34. Там же, с. 311.

Крах «золотой эпохи» Чаушеску

А. А. Язькова

Феномен тоталитаризма принадлежит XX веку, хотя и вбирает в себя ряд особенностей, сложившихся в предшествующие исторические эпохи[1]. История диктаторских режимов уже прослежена на примере ряда стран. Представляет в этом плане интерес история становления и падения режима Чаушеску в Румынии.

Со времени декабрьских событий 1989 г. в Румынии прошло более полутора лет. Характер их — от кровавого подавления акций гражданского неповиновения в Тимишоаре до спонтанного взрыва в Бухаресте, свержения диктатора и его казни, — не оставляет сомнений в том, что чаша народного возмущения была переполнена до краев и именно это предопределило крах «золотой эпохи» Чаушеску (как он сам называл годы своего 25-летнего правления). Каким же образом Чаушеску смог не только утвердиться у власти, создав себе на первых порах достаточно широкую опору в румынском обществе, но и получать поддержку зарубежных правительств, а отчасти и западной общественности? Почему, несмотря на созданный им репрессивный аппарат, разветвленную сеть подземных бункеров и систему чрезвычайных мер по своей личной охране, его режим рухнул, как карточный домик? В чем, наконец, причина того, что сегодня в румынском обществе сформировалось устойчивое неприятие не только тоталитарной диктатуры, но и компартии в целом, включая ту часть ее членов, которые пытались противостоять режиму Чаушеску?

События 17 — 22 декабря 1989 г. явили собой нечастый в современной истории пример массового народного взрыва, не подготовленного заранее и не имевшего лидеров. По свидетельству руководителей созданного в ходе революции Фронта национального спасения (ФНС)[2], многие из них впервые встретились 22 декабря в здании телевидения, ставшем штабом революции. И тем не менее волна народного протеста «смыла» казавшуюся незыблемой диктатуру. Столкнувшись с этим феноменом, политологи и публицисты указывали прежде всего на влияние внешнего фактора — лавинообразных событий в ГДР, Чехословакии, Болгарии. Стремительность перемен в странах Восточной Европы порождала все большее беспокойство в стране, что режим Чаушеску, оставшись в изоляции, не остановится ни перед чем, защищая систему, пришедшую в непримиримое противоречие не только с интересами подавляющего большинства собственного народа, но и окружающих Румынию государств.

Язькова Алла Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором Института международных экономических и политических исследований АН СССР.

Главной причиной и прологом декабрьских событий стал тяжелейший внутренний кризис румынского общества. Как справедливо подчеркивает румынский историк Д. Хурезяну, революция сфокусировала в себе неудержимое стремление большинства румынского народа освободиться от оков диктатуры, вернуть себе человеческое достоинство, грубо попиравшееся властями, восстановить возможности нормального общения между людьми, наконец, подвергнуть общество своеобразному гражданскому испытанию[3].

В основе внутреннего кризиса лежал румынский вариант административно-командной системы экономических и общественных отношений, заложенной в стране после второй мировой войны. Суть этой системы — произвол и волюнтаризм, замешанный на безграмотных экономических и политических решениях, слепом копировании сталинской «модели» общественного развития, сдобренной откровенным национализмом. С начала 50-х годов в Румынии, как и в большинстве восточноевропейских стран, был взят курс на развитие тяжелой промышленности, проходившее на экстенсивной основе, преимущественно за счет перелива средств из сельского хозяйства, где — также по сталинской схеме, хотя и с меньшими потерями, — в 1962 г. была завершена «сплошная коллективизация»[4].

В 50-е годы, используя материальную помощь и кредиты СССР, ГДР, Чехословакии, румынское руководство добилось известного прогресса в экономическом развитии страны: был реконструирован или построен заново ряд крупных промышленных предприятий. Стоявший тогда у власти Г. Георгиу-Деж последовательно придерживался сталинской модели форсированного развития, создания в стране многоотраслевой экономики, базирующейся прежде всего на неперспективных, с точки зрения научно-технического прогресса, отраслях тяжелой промышленности. Придя в 1965 г. к руководству, Н. Чаушеску «скорректировал» эту стратегическую линию, поставив целью в кратчайшие сроки добиться превращения Румынии в передовую европейскую державу. Сделать это предполагалось посредством широкого привлечения западных кредитов, направив их в перспективные отрасли экономики.

Западная помощь не пошла, однако, впрок тоталитарному режиму. Реализация в его условиях идеи научно-технического прогресса по западному образцу должна была рано или поздно обернуться незапрограммированными последствиями. «Подвел» и энергетический кризис середины 70-х годов, и резкий взлет цен на нефть, которую Румыния стала в эти годы закупать в больших количествах для реализации амбициозных планов Чаушеску. Добывая ежегодно 10—11 млн. т нефти, Румыния закупала почти вдвое больше. При этом объемы перерабатывавшейся в стране нефти быстро возрастали (с 22,6 млн. т в 1982 г. до 30,6 млн. т в 1989 г.) как в целях расширения экспорта нефтепродуктов за рубеж, так и для нужд нефтехимии — планы ее форсированного развития, лишенные реальной основы, разрабатывались под руководством «академика» Е. Чаушеску[5]. В итоге к началу 80-х годов внешний долг Румынии составил 12 млрд. долл., а во второй половине 80-х годов, с учетом процентов, превысил 20 млрд. долларов.

Понимая, что стала практически невыполнимой провозглашенная в середине 70-х годов цель построения «всесторонне развитого социалистического общества и продвижения Румынии к коммунизму», Чаушеску выдвинул новую «сверхзадачу» — любой ценой погасить к концу 80-х годов внешний долг страны[6]. Непомерные усилия, направленные на его ликвидацию, стали одной из дополнительных причин сбоев в экономике, оказавшейся в тисках сверхцентрализованной системы власти и управления народным хозяйством.

Подобного рода «эксперименты» мог позволить себе лишь режим, политическую основу которого составляло бесконтрольное господство верхушечного руководящего слоя, возглавляемого Чаушеску. В годы «золотой эпохи» ощутимо проявилась пропасть между ним и 3,8-миллионной массой членов Румынской компартии (РКП). Власть клана Чаушеску покоилась не только на моральной и физической эксплуатации подавляющего большинства рядовых партийцев, но и на неустойчивом, «подвешенном» положении среднего, а подчас и руководящего звена партии.

Для упрочения своего положения «вождя партии и нации» и обеспечения лояльности Чаушеску завел на каждого из видных партийных и государственных функционеров компрометирующие их «досье». Он, например, угрожал одному из старейших членов руководства партии и главных участников свержения Антонеску в

августе 1944 г., Э. Боднэрашу, бывшему министру обороны, обнародованием данных о прежних связях его с ведомством Берии[7]. Для поддержания неуверенности в высшем и среднем руководящем звене Чаушеску систематически проводил кадровые перестановки — «ротации», порождавшие неуверенность в будущем и боязнь высказывать свое мнение. Показателем кризисного состояния румынского общества явилось и то, что между XIII (1984 г.) и XIV (1989 г.) съездами РКП «ротация» затронула почти половину партийной номенклатуры (более 10 тыс. человек), в том числе 8 секретарей ЦК РКП, 40 из 41 первых секретарей уездов, большинство заместителей премьер-министра и министров[8].

Согласно существовавшим инструкциям, общение любого из румынских граждан с иностранцами могло проходить лишь в присутствии свидетелей, а о содержании разговора необходимо было на следующий же день сообщить в письменной форме «куда следует». И тем не менее за пределы страны проникали сообщения о многих вопиющих фактах румынской действительности, в том числе о том, что, согласно изданному в середине 80-х годов распоряжению, новорожденные подлежали регистрации лишь в двухмесячном возрасте. Делалось это для того, чтобы не «испортить» статистические показатели детской смертности, поскольку многие из появившихся на свет сразу же погибали, так как даже в родильных домах температура зимой не превышала 7—9° тепла[9]. На этом фоне все более невероятными выглядели данные официальной статистики, согласно которым объем промышленного производства увеличился за годы правления Чаушеску в 128 раз (об этом было заявлено в ноябре 1989 г.), а урожай зерновых якобы составил в том году 60 млн. тонн. Газета «Romania libera» писала 28 декабря 1989 г., что на деле он не достиг и 20 млн. тонн.

Ухудшение внутреннего положения сопровождалось усилением внешних проявлений культа личности Чаушеску. Всего за месяц до декабрьских событий, в ноябре 1989 г., заседания XIV съезда РКП сопровождались скандированием возгласов: «Чаушеску — РКП!», «Чаушеску и народ!» В июне 1989 г. политический еженедельник «Lumea» отмечал: «С чувством глубокого удовлетворения и патриотической гордости коммунисты, все граждане социалистической Румынии всецело одобрили решение пленума предложить XIV съезду переизбрать товарища Николая Чаушеску — героя среди героев, выдающегося руководителя нации, гениального зодчего социалистической Румынии, выдающуюся личность современности — на высшую должность Генерального секретаря РКП»[10].

Вопреки панегирикам внутреннее недовольство в стране неуклонно нарастало. Не сулили ничего хорошего срывы в экономике, нараставшая нехватка продовольствия, жесткий режим экономии электроэнергии и газоснабжения, приводившие в зимнюю пору к массовым заболеваниям и смертям; поборы и штрафы, тяжелый, принудительный труд. Но еще в середине декабря 1989 г. ничто, казалось, не предвещало перемен. Газета «Scantea», орган ЦК РКП, за 20 декабря пестрела фотоснимками, запечатлевшими визит президента Социалистической Республики Румынии в Иран. Однако бросалось в глаза то, что на этот раз Чаушеску совершил этот ставший последним в его политической карьере официальный государственный визит без жены. На следующий день, 21 декабря, фотография Елены Чаушеску — также в последний раз в ее жизни — появилась на первой полосе последнего в истории номера «Scantea».

На той же газетной полосе публиковался президентский указ о введении чрезвычайного положения на территории уезда Тимиш, а также текст выступления Чаушеску по радио и телевидению, из которого следовало, что 16 и 17 декабря «группы хулиганов» спровоцировали в Тимишоаре серию инцидентов «под предлогом противодействия законному судебному решению» (речь шла о попытке насильственной депортации венгерского реформатского пастора Л. Тёкеша, взятого под защиту местным населением). За спиной этих групп, как следовало из сбивчивого выступления президента, действовали «реваншистские, ревизионистские и империалистические круги различных стран», цель которых — «подорвать независимость, целостность и суверенитет Румынии», вернуть страну «ко временам чужеземного господства», ликвидировать «социалистические завоевания».

Диктатор еще до отбытия в Иран предпринял попытки подавить «мятеж». 17 декабря под его председательством состоялось последнее заседание Политисполкома ЦК РКП, где, угрожая снять с постов министра обороны, командующего

силами госбезопасности и внутренних войск, он приказал стрелять по «мятежникам». Приказав открыть огонь по демонстрантам, Чаушеску впервые натолкнулся на возражения министров обороны, внутренних дел и госбезопасности. Как явствует из стенограммы заседания и свидетельства одного из его участников, диктатор после этого заорал: «Тогда выбирайте себе другого Генерального секретаря!» — и направился к выходу из зала заседаний. По всей вероятности, это было предусмотрено заранее разработанным сценарием. Кто-то побежал за Чаушеску, умоляя вернуться, женщины зарыдали, а Елена заявила: «Оставьте в покое товарища Чаушеску, я попытаюсь убедить его не подавать в отставку». Через несколько минут он вернулся, и заседание продолжилось. В тот же день он провел засекреченную «телеконференцию» военного руководства всех уездов, объявив боевую тревогу и приказав привести вооруженные силы в состояние повышенной боевой готовности, а по «мятежникам открывать огонь без предупреждения»[11].

По мере того как волнения стали охватывать другие уезды Румынии, в борьбу против «мятежников» вступали родственники отбывшего в Иран Чаушеску[12]. Елена вызывала к себе то одного, то другого генерала, которым, однако, удалось в конечном счете избежать массового кровопролития. А сын Чаушеску Нику, занимавший пост первого секретаря РКП в уезде Сибиу, отдал приказ стрелять в демонстрантов.

Возвратившись в страну, диктатор попытался выступить перед многолюдной манифестацией на Дворцовой площади. Встреченный свистом и градом камней, он велел открыть огонь по собравшимся. Расстрелом руководил его брат, Николае Андруцэ, — генерал-лейтенант, лично стрелявший в толпу.

Диктаторская чета 22 декабря через подземный переход перешла из президентского (бывшего королевского) дворца в здание ЦК и бежала на вертолете, дежурившем на крыше. После этого находившийся среди демонстрантов профессор Бухарестского политехнического института (ныне премьер-министр Румынии) П. Роман провозгласил с балкона того же здания: «Сегодня, 22 декабря, диктатура Чаушеску пала. Провозглашаем власть народа». В тот же день был сформирован Фронт национального спасения как орган всех здоровых сил нации, всех организаций и групп, выступивших против диктатуры. Первым руководителем ФНС стал И. Илиеску (ныне президент Румынии).

Победа революции была обеспечена и закреплена переходом армии на сторону восставшего народа. Важнейшую роль сыграл при этом министр обороны генерал-полковник В. Миля, который отказался передать армейским подразделениям приказ Чаушеску о расстреле демонстрантов Тимишоары, а затем — расстрелять манифестантов на Дворцовой площади в Бухаресте, мотивируя это тем, что «в воинском уставе он не нашел статьи, где бы говорилось, что народная армия может воевать против собственного народа». По приказу Чаушеску Миля был тут же убит. В ходе декабрьских событий выяснилось, что армия находилась в значительно худшем положении, чем силы госбезопасности (зарплата и довольствие офицера «секуритате», например, в несколько раз превышали жалованье армейского офицера, армейские части использовались на стройках), и, может быть, поэтому в решающий момент поддержала народ.

Бежавшая из столицы чета Чаушеску сделала первую остановку в Снагове — вблизи своей летней резиденции в 40 км к северу от Бухареста. Чаушеску позвонил в «секуритате», в какие-то воинские подразделения и в Сибиу — сыну Нику. Согласно одной из версий, когда стало ясно, что побег из страны невозможен, вертолет был брошен в сельской местности, вблизи города Тырговиште. Бывший диктатор и его жена в сопровождении двух охранников захватили машину с водителем и, угрожая оружием, приказали ему ехать вперед. Водитель — некто Петришор — рассказывал, что Елена предлагала спрятаться и переждать в лесу, а Николае считал, что они должны прибегнуть к помощи рабочих. Однако во время остановки у первого же предприятия рабочие забросали машину камнями, выкрикивая: «Смерть преступникам!» Это страшно расстроило Чаушеску. В Тырговиште они пытались найти убежище в здании местного комитета РКП, но их туда не пустили. После бесполезных поисков пристанища они остановились у Центра по охране предприятий, где люди, смотревшие телевизор, сначала не поверили, что перед ними Чаушеску, а затем вызвали военных[13].

25 декабря Чаушеску были подвергнуты суду военного трибунала. Отвечавший

за организацию процесса В. Войкулеску (тогдашний заместитель премьер-министра) позднее рассказал, что Елена и Николае не признавали себя пленниками, считали, что их укрывают в этой войсковой части в Тырговиште, меры предосторожности (на ночь их запирали в бронетранспортер) казались им необходимыми из-за постоянной опасности нападения[14]. Находясь под стражей, бывший диктатор большую часть времени молчал, а его жена вела себя вызывающе[15].

Начало судебного процесса и появление прокурора было для четы совершенно неожиданным. За годы своего правления они потеряли ощущение действительности. Членов судебной коллегии раздражало поведение обвиняемых, которые отрицали все обвинения. Несмотря на спешку, судебный процесс был законным, подчеркнул Войкулеску. Например, чтобы отложить исполнение приговора, Чаушеску могли опротестовать обвинение[16]. По свидетельству защищавшего Чаушеску адвоката, заслушав смертный приговор, Чаушеску, будучи убежден в несерьезности всего происходящего, заявил прокурору: «То, что вы говорите, — клевета. Когда все это закончится, я отдам вас под суд». Чета Чаушеску не была казнена назначенными для этого исполнителями. Ненависть к ней была настолько велика, что, как только их вывели во двор, находящиеся там военные открыли по ним беспорядочный огонь, что говорит о настроениях в армии.

Казнь Чаушеску стала прологом развала и гибели правящего клана (по некоторым данным, численность его родственников и свояков в различных звеньях аппарата РКП достигала 300—400 человек). Среди прямых родственников диктатора выделялся его сын Нику (39 лет). Следствием установлено, что в результате его приказа открыть огонь по участникам мирной демонстрации в Сибиу 21 — 22 декабря было убито 89 и ранено 219 человек[17]. Кроме Нику, перед судом предстали и двое других детей Чаушеску — Валентин и Зоя, которые обвинялись в использовании в личных целях государственного имущества. При ЦК РКП было создано «Бюро по обслуживанию и снабжению» высших функционеров партии и членов их семей. Оно бесплатно предоставляло им квартиры, мебель, одежду, продукты питания. В 1989 г. бюджет этого бюро составлял 70 млн. лей (10 млн. долл.)[18]. Упоминавшийся выше брат диктатора был обвинен в совершении убийств при отягчающих обстоятельствах и в подстрекательстве к геноциду. А другой его брат, Марин, находившийся на посту главы торгпредства в Австрии, сразу же после революции покончил жизнь самоубийством. Еще один брат Чаушеску, Илие, генерал-лейтенант, занимал пост заместителя министра обороны, а сестра диктатора, Елена Бэрбулеску, имея четырехклассное образование, получила степень доктора истории и должность главы школьного инспектората в родном уезде Олт, где прославилась пропагандой обскурантизма, травлей честных людей, коррупцией и хищениями. При аресте у нее были конфискованы банковские чеки на сумму около полумиллиона лей[19].

Доведенная до пределов административно-командная система, замешанная на национализме, невежестве, алчном стремлении к наживе, — все это нашло свое законченное выражение в режиме Чаушеску. Сам он и его жена, «академик с мировым реноме», были выходцами из социальных низов довоенной Румынии. Их восхождение к вершинам власти сопровождалось разрушением их нравственных и культурных устоев, деградацией личности, утратой понятий об элементарных нормах человеческого общения.

Согласно официально публиковавшимся данным, Чаушеску родился 26 января 1918 г. в бедной крестьянской семье в селе Скорничешти уезда Олт. 15-ти лет он вступил в комсомол, был организатором ряда выступлений трудящихся, затем был арестован и годы войны провел в заключении. Тогда и начали формироваться его политические взгляды. Согласно официальной версии, в годы заключения особое влияние на него оказал Г. Георгиу-Деж. После освобождения страны началось быстрое продвижение Чаушеску по ступенькам власти: секретарь ЦК комсомола, член ЦК РКП, начальник высшего политуправления армии, заместитель министра обороны, генерал[20]. В официальных биографиях подчеркивалось, что его последующее избрание на пост Генерального секретаря РКП и президента Румынии было «закономерным результатом его выдающихся революционных заслуг», начальная веха которых отодвигалась по мере «изучения» документов. В последнем варианте официальной биографии утверждалось, что в революционное движение Чаушеску вступил в возрасте... 12 лет.

Подобными мифами постепенно обрастала и биография жены Чаушеску. После наступления «золотой эпохи» Елена стала академиком, а затем и президентом Академии, прибрала к своим рукам ряд важных постов, став фактически вторым лицом в государстве[21].

Елена родилась 6 января 1916 г. в семье владельца пивной Н. Петреску в деревеньке Петрешь уезда Дымбовица и была одной из самых плохих учениц в округе. Из ее школьного табеля (матрикула) следует, что в 4-м классе (последнем, который она посещала в возрасте 13 лет) у нее были двойки по истории, географии, чтению и закону божьему. В годы войны она проводила время с немецкими офицерами. Об этом рассказал на допросе брат диктатора Николае, ставший невольным свидетелем поведения Елены и впоследствии имевший из-за этого множество неприятностей[22].

Сам Чаушеску в юности был подмастерьем сапожника. Будучи арестованным за кражу[23], в тюрьме он познакомился с политическими заключенными и в результате примкнул к коммунистам и стал последователем той группы в немногочисленном румынском коммунистическом движении, которую формально возглавлял с сентября 1945 г. Георгиу-Деж[24]. Последнему удалось не только отодвинуть на второй план, а в начале 50-х годов и устранить «промосковскую группу», но и расправиться со своим наиболее сильным в интеллектуальном отношении соперником Л. Патрашкану, который в 1948 г. был арестован, а в 1954 г. убит в тюрьме без суда и следствия.

Годы правления Георгиу-Дежа были периодом активного внедрения в румынскую практику сталинизма. При этом по мере утверждения командно-административной системы в Румынии и особенно после XX съезда КПСС в стране стал возрождаться национализм (это отчасти можно было оправдать желанием поставить предел слишком уж рьяным попыткам вмешательства советских руководителей во внутренние дела страны). К концу своей жизни Георгиу-Деж сумел добиться для Румынии более автономного положения в «социалистическом содружестве». Она стала единственной страной, из которой в конце 50-х годов были выведены части Советской Армии; после апрельского (1964 г.) Пленума ЦК Румынской рабочей партии (название компартии с 1948 по 1965 г.) румынское руководство заняло особые позиции в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) и в Организации Варшавского Договора (ОВД). Внутри страны, как это уже отмечалось, Георгиу-Деж последовательно придерживался сталинской модели экономического развития.

Таковы были внутренние и внешние условия, в которых в 1965 г. к власти пришел Чаушеску. Официально его выдвижение объясняли тем, что неизлечимо больной Георгиу-Деж сам назначил его своим преемником. Однако в интервью 4 января 1990 г. Свободному румынскому телевидению И. Г. Маурер, бывший в 1965 г. премьер-министром, заявил: «Ошибку назначить Чаушеску Генеральным секретарем совершил я». Выдвигалось и другое предложение — избрать на этот пост Г. Апостола, но оно не прошло из-за «противодействия А. Дрэгича[25] и скрытой оппозиции Н. Чаушеску». По словам Маурера, члены румынского руководства опасались, что в случае, если начнется открытая борьба за власть, в страну под этим предлогом могут быть вновь введены советские войска. Чаушеску казался тогда Мауреру человеком хотя и недостаточно образованным, но «с большим желанием учиться, следовательно, человеком с открытым умом, который слушает и пытается понимать».

Эта оценка оказалась ошибочной. Всю жизнь страдавший глубоко затаенным комплексом неполноценности Чаушеску, получив власть, отодвинул в сторону тех, кто помог ему взобраться на ее вершину, включая и Маурера[26]. «Золотая эпоха» была отмечена печатью волюнтаризма, многочисленных преступлений против собственного народа, невероятной по своим масштабам коррупцией и вседозволенностью, выходящей за грань всех норм нравственности. В международных делах Чаушеску продолжил и развил политику своего предшественника. При этом его политический курс стал более вызывающим, рассчитанным на привлечение внимания и симпатий мировой общественности. В результате на протяжении по крайней мере полутора десятилетий на Западе считали, что Чаушеску «успешно противостоит давлению Москвы».

Его едва ли можно причислить к сторонникам «Пражской весны», но его публичное выступление 21 августа 1968 г. с резким осуждением ввода войск ОВД в

Чехословакию надолго закрепило на Западе мнение о нем как о «диссиденте в социалистическом лагере». Его обращение к участникам многотысячного митинга в Бухаресте было безоговорочно поддержано народом и снискало ему широкую популярность в стране и за рубежом. На Западе же этот шаг Чаушеску был воспринят с пониманием, ибо выстраивался в один ряд с особой позицией Румынии в отношении ближневосточного конфликта 1967 г., а также с сепаратным, без учета интересов союзников по Варшавскому Договору, установлением дипломатических отношений между Румынией и ФРГ.

Сохранение после июньской войны 1967 г. на Ближнем Востоке дипломатических отношений с Израилем стало впоследствии главным аргументом при решении конгрессом США вопроса о предоставлении Румынии режима наибольшего благоприятствования в торговле. Позиция Запада не была поколеблена даже тем, что Чаушеску в самый разгар «культурной революции» в Китае поддерживал отношения с ним, объясняя это «необходимостью совместной защиты от советской угрозы». Отношение Запада к Чаушеску изменилось лишь в начале 80-х годов, когда он первым из руководителей восточноевропейских стран «заклеймил» развитие событий в Польше.

В первой половине 70-х годов Румынии были предоставлены особые преференции Европейского экономического сообщества (ЕЭС), а в 1975 г. — подписано румыно-американское торговое соглашение с предоставлением Румынии режима наиболее благоприятствуемой нации. В апреле 1978 г., во время визита Чаушеску в Вашингтон, была подписана румыно-американская декларация, в которой по настоянию румынской стороны официально признавался статут Румынии как развивающейся страны, что имело практическое значение для получения дополнительных торговых преференций. Президент США Дж. Картер в то время неоднократно подчеркивал особые «заслуги» Чаушеску в решении сложных политических проблем современности, его «приверженность принципам независимости и суверенитета», закрывая глаза на внутреннее положение в Румынии, в частности на ее национальные проблемы[27]. Льготные режимы западных государств, полученные ценой спекулятивных международных акций, имели своей целью в кратчайшие сроки «вывести Румынию на уровень передовых в экономическом отношении западных государств». Однако этим, по существу своему авантюрным, планам не суждено было сбыться в силу очевидной неэффективности действовавшей в Румынии системы.

Более грамотные советники рекомендовали Чаушеску встать на путь реформ. Однако «вождь нации» немедленно отвергал подобные советы, как ведущие к «реставрации капитализма». Румыния была, наверное, единственной страной, где провозглашенная экономическая реформа основывалась на системе вычетов и штрафов, а не поощрений. В соответствии с принятым в 1978 г. законом из зарплаты работающих ежемесячно удерживалось до 20—25%, и эта часть выплачивалась в качестве «премии» лишь в случае выполнения плана, при этом никакие объективные причины его невыполнения (например, отсутствие сырья) не принимались во внимание.

В 80-е годы общее ухудшение политического и экономического положения порождало все большую безысходность и апатию населения, страдавшего от перешагнувшего все дозволенные границы режима экономии. Согласно официальным инструкциям, в квартире разрешалось зажечь только одну лампочку мощностью 15 ватт, использование холодильников и других бытовых электроприборов зимой категорически запрещалось, равно как и употребление газа для обогрева жилых помещений[28]. Нарушения выявлялись созданной с этой целью «экономической полицией» и карались штрафами, а затем и отключением газа и электроэнергии. Горячая вода в квартиры практически не подавалась, а телевидение работало 2—3 часа в сутки.

Потребление электроэнергии на душу населения в Румынии было тогда самым низким в Европе. Во имя «светлого будущего» страна вынуждена была сесть на голодный паек. Потребление мяса сократилось с 45 кг на душу в 1980 г. до 37,2 в 1988 году. На внутренний рынок поступало всего около 14,6% готовых текстильных изделий, 11,6% обуви, 6,3% бензина, производившихся в стране[29].

С начала 80-х годов, когда в Бухаресте стали все чаще появляться истощенные и босые крестьяне, а крестьянские дети, выбегая к проходящим поездам, просили

хлеба, нараставший в сельском хозяйстве страны кризис становился все более очевидным. Несмотря на это, резко расширялся экспорт сельскохозяйственной продукции, разумеется, за твердую валюту, в счет оплаты внешнего долга. Особенно подкосила сельское хозяйство кампания по так называемой «систематизации» — ликвидации нескольких тысяч «неперспективных» сел и созданию «социалистических агрогородов», а на деле — строительству в целях «социалистического переустройства села» скороспелых и плохо оборудованных многоэтажных бараков, куда принудительно переселяли крестьян.

Политика «систематизации» была частью «великих преобразований эпохи Чаушеску». Увековечить ее были призваны престижные сооружения, дворцы и каналы, создававшиеся, по существу, рабским трудом армии и заключенных. «Венцом» всех этих сооружений должны были стать помпезный «Проспект победы социализма» и «Дворец весны» в Бухаресте, при строительстве которых уничтожили многие исторические памятники румынской столицы. Все стройки «золотой эпохи» требовали гигантских по масштабам страны расходов. В конце 80-х годов на строительство каналов, административного центра Бухареста, энергоемких объектов и предприятий нефтехимии направлялось около 30% всех капиталовложений[30]. По западным оценкам, в 1989 г. национальный доход и промышленное производство в Румынии по сравнению с 1988 г. сократились на 5%, среднедушевое потребление опустилось ниже уровня многих развивающихся стран, было введено жесткое рационирование практически всех видов основных товаров[31].

Внутри страны Чаушеску прибег в те годы к разжиганию национализма, поиску «внутреннего врага», стравливанию людей разных национальностей. Провозгласив курс на ускоренную ассимиляцию нерумынских групп населения, оформленный как задача создания «единой румынской социалистической нации», включающей в себя венгров, немцев, югославян, болгар, режим Чаушеску усилил дискриминационные меры прежде всего в отношении почти двухмиллионного венгерского населения. В 80-е годы по инициативе Венгрии на международных форумах неоднократно поднимался вопрос о бедственном положении венгров в Трансильвании, которое послужило причиной роста числа беженцев из Румынии в Венгрию (в 1989 г. — 22 тыс. человек). Проблема «беженцев», покинувших родные места, была прямым следствием «систематизации», охватившей в первую очередь деревни, в которых жили венгры, немцы, сербы и греки. В принятом в 1989 г. венгерским парламентом документе отмечалось: «Осуществление проекта («систематизации». — *А. Я.*) означало бы для национальных меньшинств Румынии разрушение их материальных и духовных корней, рассеивание их общин, человеческие трагедии, в конечном счете — их насильственную, ускоренную ассимиляцию»[32].

В обвинительном заключении по делу Чаушеску среди вмененных им преступлений главным являлся систематический геноцид собственного народа. Это и потери, понесенные в боях против диктатуры 17—22 декабря 1989 г., и большое число жертв событий 16—22 декабря в Тимишоаре[33]. Не учтены десятки и сотни тысяч румын, погибших в тюрьмах, на сооружении различных «строек века», грудные младенцы и старики, умершие от холода или отсутствия лекарств, женщины, погибшие в результате тайных абортов. Они были строго запрещены из-за амбициозных планов увеличить к 2000 г. население страны до 30 млн. человек. Согласно данным державшейся в строгом секрете статистики, это стоило жизни 12—14 тыс. женщин. Не говоря уже о господствовавшей безраздельно «секуритате», от произвола которой никто не был застрахован[34].

Поэтому нет ничего удивительного в нарастании протеста против режима Чаушеску. Начиная со второй половины 70-х годов в Румынии неоднократно возникали стихийные забастовки. Подавляли их с неизменной жестокостью, как это произошло, например, в Брашове 15 ноября 1987 года. События, происшедшие в этом городе, были первым открытым политическим выступлением против тоталитарного режима. По воспоминаниям очевидцев, в тот день около 7 тыс. рабочих собрались у здания мэрии (она же — уездный комитет РКП) с требованием хлеба, который стало невозможно купить даже по талонам, прекращения систематических перебоев в водоснабжении и уменьшения вычетов, достигших 40% зарплаты. Мэр (он же — секретарь уездного комитета РКП) угрожал рабочим, что через месяц они и их дети рады будут есть солому. Когда рабочие штурмом взяли мэрию, они обнаружили там банкетные столы, ломившиеся от всякой снеди по случаю избрания «пер-

вого уездного лица» в Великое национальное собрание. Возмущенные рабочие сорвали со стен кабинетов портреты Чаушеску и сожгли их на площади перед мэрией. Выступление рабочих Брашова было потоплено в крови, многие из них исчезли бесследно.

Против диктатуры протестовали и старые коммунисты, представители интеллигенции. Мужественную акцию предпринял член РКП с дореволюционным стажем, участник событий августа 1944 г. К. Пырвулеску, выступив в 1979 г. на XII съезде партии с резкой критикой Чаушеску. Сегодня известно и о предпринятой в середине 80-х годов попытке устранения Чаушеску путем заговора высших военных чинов. Акция была задумана генералом армии И. Ионицей, являвшимся в 1966—1976 гг. министром обороны и устраненным с этого поста по настоянию Е. Чаушеску за отказ повысить в должность генерала тогда еще никому не известного майора И. Чаушеску.

Вступив в 1983—1984 гг. в более тесный контакт с генерал-майором Шт. Костялом, вместе с которым в 50-е годы учился в военной академии в Москве, а также с близким ему генералом Н. Милитару, Ионица разработал несколько вариантов плана свержения Чаушеску, одним из которых предусматривался военный переворот в момент зарубежного визита диктаторской четы. При этом предполагалось арестовать наиболее близких к Чаушеску лиц, а затем силами войск бухарестского гарнизона овладеть радио и телевидением, чтобы обратиться с воззванием к народу и получить его поддержку. Была намечена и дата переворота: 15—17 октября 1984 г., когда должен был состояться визит Чаушеску в ФРГ.

Но еще в сентябре воинская часть, которая должна была осуществить эту акцию, была отправлена на уборку кукурузы, а ее командир уволен в отставку. Вскоре после этого Ионицу и Милитару вызвали «наверх», где им было предложено прекратить всякие контакты с Костялом, который был вскоре арестован. В 1987 г. Ионица скончался, а Милитару продолжил конспиративную деятельность в армейской среде, получил доступ к подразделениям, охранявшим ЦК и президентский дворец, что оказалось очень кстати в ходе событий 22 декабря 1989 года[35].

В апреле 1989 г. в адрес Чаушеску было направлено открытое «Обращение шестерых», подписанное старыми членами партии и его бывшими соратниками — А. Бырлэдяну, К. Мэнэску, К. Пырвулеску, Т. Рэчану, С. Бруканом и Г. Апостолом. Они призывали «к изменению политического курса, пока это еще не поздно», приводя конкретные факты нарушения диктаторским режимом румынской конституции и Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г., Хельсинки)[36]. Поскольку расправа с авторами обращения могла привести к окончательной потере диктатором его международного престижа, все они оказались под домашним арестом.

Чаушеску не терпел возражений, высказанных даже в самой корректной форме. Это привело к тому, что члены партийного руководства и правительства не сообщали ему фактов, которые, по словам одного из них, «могли бы вызвать президентскую истерику». В результате Чаушеску «умудрялся руководить страной не на основе информации, даже и извращенной», а исходя из «собственных измышлений, не имевших ничего общего с действительностью». Возомнив себя «сверхчеловеком», он не удостаивал нормальным обращением даже лиц высокого ранга. Во время визита в США он прилюдно орал на министра иностранных дел, посла и главу постпредства Румынии в Нью-Йорке, которые не смогли выполнить его приказ немедленно установить связь с государственным секретарем США С. Вэнсом[37].

Поднявшийся на вершины власти, Чаушеску был логическим воплощением созданной в Румынии системы. Она характеризовалась разорением и нищетой большинства и беспрецедентным обогащением правящей верхушки. «Дворец весны», где проживало семейство Чаушеску, отличался роскошью, нагромождением самых дорогих предметов (даже краны в ванной у Чаушеску были золотыми, а у Елены — серебряными). Диктаторская чета питала пристрастие к бриллиантам. Начальник охраны (он же шеф разведывательной службы) М. Пачепа, сопровождавший Чаушеску в зарубежных поездках, свидетельствовал, что, закупая драгоценности (конечно же, за государственный счет), Елена заставляла сопровождающих ее лиц торговаться, фарисейски приговаривая, что «не следует обогащать капиталистов коммунистическими деньгами»[38].

Опасаясь медленно действующих ядов, которыми враги могли пропитать его

одежду, Чаушеску ежедневно менял свой гардероб, включая верхнее платье и обувь. Приготовленные для одноразового использования в течение года 365 костюмов, пар обуви и т. д. содержались в особом помещении при определенной температуре, под усиленной охраной и надзором инженера-химика и после употребления уничтожались[39]. В зарубежные поездки диктаторская чета брала с собою постельное белье и собственную кухню. На стенах приходской церкви на родине Чаушеску в селе Скорничешти появились стилизованные изображения его родителей и деда с бабкой, которым художник придал портретное сходство с диктаторской четой[40].

Чаушеску считал себя великим историком, о чем неоднократно заявлял публично. В 1974 г. в Программу РКП был включен лично им отредактированный раздел, где была «нарисована» схема исторического развития Румынии с древнейших времен до наших дней. Задача официальной историографии свелась после этого к комментированию этой схемы, созданию угодных диктатору исторических мифов и утверждению национализма.

Ныне в Румынии нет коммунистической партии, в стране идет «охота за коммунистами»[41]. Нельзя при этом не учитывать того, что РКП сама себя погубила конформизмом. Сложным остается положение в сфере экономики. Крушение диктатуры и сопряженной с ней палочной дисциплины при отсутствии здоровых хозяйственных механизмов обернулось глубоким экономическим кризисом. Растет дефицит товарной продукции, падает производительность труда в промышленности и добыча важнейшего для страны вида топлива — угля, сокращается экспорт и соответственно импорт. В стране пока не сложились и сколько-нибудь прочные основы политической стабильности. Возросла активность народных масс, особенно молодежи, которая полна решимости покончить с остатками ненавистной тирании. Порожденные ею нищета и вчерашнее бесправие, слабость среднего класса как общественного стабилизатора являются питательной средой для экстремистских движений. Все это затрудняет предпринимаемые правительством ФНС шаги по пути реформ и демократизации. Но, как свидетельствуют результаты майских выборов 1990 г., откат к додекабрьскому прошлому невозможен. Здоровые силы румынского общества рассчитывают постепенно преодолеть тупик, в который завела страну «золотая эпоха» Чаушеску.

Примечания

1. Тоталитаризм как исторический феномен. М. 1989, с. 10.
2. В марте 1991 г. преобразован в политическую партию социал-демократического типа, ориентированную на Социнтерн.
3. HUREZEANU D. Revoluţia şi refondarea societaţii. — Alternative, 1990, № 5, p. 12.
4. Согласно официальным данным, в первой половине 50-х годов промышленные инвестиции достигли почти 60% их общего объема, а капиталовложения в сельское хозяйство составили менее 10% (см. История Румынии. 1918 — 1970. М. 1971, с. 522). Наносимый этим ущерб был настолько очевидным, что уже в 1953 г. румынские руководители вынуждены были пересмотреть распределение инвестиций по основным отраслям народного хозяйства, что, однако, не изменило общей направленности их экономической политики.
5. Adevarul, 21.III.1990. Созданные мощности нефтеперерабатывающих предприятий и в этом случае оставались незагруженными.
6. Выплата долга осуществлялась за счет сокращения импорта при одновременном увеличении экспорта, в том числе и таких остро необходимых для внутреннего потребления товаров, как продовольствие и нефтепродукты, зачастую по демпинговым ценам. Таким путем обеспечивалось активное сальдо — ежегодно в 2—2,5 млрд. долл., а всего с 1975 по март 1989 г. зарубежным кредиторам ценой неимоверного напряжения сил было выплачено около 21 млрд. долл., в том числе 7 млрд. — в счет процентов (см. ПОТАПОВ В. И. Судьба диктатора Чаушеску. — Новая и новейшая история, 1990, № 4, с. 113).
7. Эхо планеты, 1990, № 4—5, с. 27.
8. ПОТАПОВ В. И. Ук. соч., с. 107.
9. Такое положение было следствием варварских мер по экономии энергоресурсов.
10. Известия, 17.XI.1989.
11. Adevarul, 10.I.1990.
12. Ряд депутатов иранского парламента заявил протест своему Министерству иностранных дел по поводу визита румынского президента (Adevarul, 26.XII.1989).
13. Liberation, 27.XII.1989.
14. Dimineaţa, 28.III.1990.
15. Adevarul, 5.I.1990.

16. Впоследствии высказывались различные мнения по поводу законности суда над Чаушеску и их казни (что процесс был скороспелым и потому не отвечал правовым нормам). Но как заявил английский исследователь Р. Конквест, «больше надо милосердия к жертвам Чаушеску, чем к нему самому. Он плохо кончил. Однако лучше, чтобы он плохо кончил, чем если бы продолжалось его правление» (Известия, 18.V.1990).
17. Adevarul, 7.I.1990.
18. Доходы членов семьи Чаушеску этим не ограничивались. При обыске в квартире Зои были обнаружены представляющие огромную ценность произведения искусства, золото, около 100 тыс. долларов.
19. Adevarul, 28.XII.1989. Ее муж, В. Бэрбулеску, был секретарем ЦК РКП, брат Елены, Барбу Петреску, возглавлял Бухарестский комитет РКП, а муж ее сестры, Корнел Буртикэ, был председателем Национального совета по радиовещанию и телевидению.
20. Правда, 16.V.1986.
21. В ЦК РКП кабинет № 1 занимал сам Чаушеску, а кабинет № 2 — его жена, на просмотр которой предварительно поступали все служебные бумаги; она выносила решения по кадровым вопросам, в том числе в отношении членов Политисполкома. В случае необходимости она прибегала к их дискредитации, организуя слежку за их личной жизнью.
22. Adevarul, 13.III.1990.
23. Новое время, 1990, № 2, с. 8.
24. Как рассказал автору настоящей статьи М. Константинеску, Сталин при первом же знакомстве в декабре 1944 г. обратил внимание на сервилизм и приспособленчество Георгиу-Дежа. Это и сыграло свою роль при выборе будущего лидера компартии Румынии. Ему было отдано предпочтение перед А. Паукер и В. Лука, хотя они были к тому времени значительно более известны своей деятельностью в Коминтерне.
25. А. Дрэгич — тогдашний министр внутренних дел, запятнавший себя многочисленными репрессиями.
26. Маурер был вынужден уйти в отставку в 1974 г. «по состоянию здоровья». Этому предшествовала массированная кампания по «организации» в его адрес анонимных писем с осуждением его либеральных идей и «легкомысленного» поведения его супруги. Еще ранее Чаушеску подобным же образом расправился с Апостолом. В декабре 1967 г., во время проходившей тогда партконференции, Чаушеску показал ему «порочащее» его анонимное письмо. На созванном тут же заседании Политбюро Апостол был снят со всех постов (Эхо планеты, 1990, № 4—5, с. 26).
27. Характерно, что Картер не обратил внимания на многолюдные демонстрации протеста, проходившие в 1978 г. в Нью-Йорке перед резиденцией Чаушеску под лозунгами «Чаушеску — Иди Амин», «Чаушеску — дьявол!» и т. п. (Adevarul, 30.XII.1989).
28. Scinteia, 7—8.II.1987.
29. Alternative, 1990, № 4, pp. 26, 31.
30. Romania libera, 7.III.1990.
31. Adevarul, 10.I.1990.
32. См. Мировая экономика и международные отношения, 1989, № 9, с. 9.
33. 17 декабря там погибли 30 подростков, которые, держа в руках зажженные свечи, двинулись навстречу автоматчикам. Сейчас уже известно о тайных захоронениях вблизи этого города и похищении по приказу Е. Чаушеску из местного госпиталя 40 трупов погибших, тайно сожженных затем в Бухаресте в крематории.
34. Председатель трибунала, вынесшего приговор диктаторской чете, Г. Попа в марте 1990 г. покончил жизнь самоубийством, оставив записку, что он «не видит другого способа избавиться от страха, который сделал его жизнь невыносимой». Он хорошо знал обличье «секуритате», состоящей из фанатичных сторонников свергнутого режима. Часть их ушла в подполье. На что были способны эти боевики, напоминавшие по своей жестокости «зеленорубашечников» из довоенной «железной гвардии», показал процесс, проведенный в марте 1990 г. в Тимишоаре. Отряды боевиков пополнялись за счет «детей Чаушеску», янычар XX в., воспитанников специально созданных лагерей для сирот и жертв войн и конфликтов в «третьем мире».
35. Adevarul, 25.VII.1990; Известия, 24.VII.1990.
36. Adevarul, 5.I.1990. Это обращение опиралось на расширявшиеся в стране настроения, проявлением их был и факт открытого выступления против избрания Чаушеску Генеральным секретарем партии накануне ее XIV съезда. 22 сентября рабочий крупного столичного предприятия «23 августа» Н. Кулчер заявил на партийном собрании, что «страна нуждается в другом руководителе». За это он был исключен из партии, арестован, и только революция спасла его жизнь (Adevarul, 10.I.1990).
37. Adevarul, 29.XII.1989.
38. Еще в 70-е годы М. Пачепа бежал на Запад и там издал воспоминания о семье Чаушеску. После 22 декабря 1989 г. эта книга выборочно публиковалась в газете «Adevarul».
39. Adevarul, 7.I.1990.
40. Ibid., 25.III.1990.
41. Tineretul liber, 6.IV.1990.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

Кооперация и Советская власть: период «военного коммунизма»

С. В. Веселов

Взаимоотношениям государства и кооперации первых лет Советской власти уделялось немало внимания уже в 20-е годы[1]. Различные аспекты проблемы нашли освещение в литературе 60—80-х годов[2]. Несмотря на столь значительный временной разрыв между исследованиями, оригинальность методов анализа и обращение ученых к самым разным сторонам проблемы, большинство работ объединяет безусловное признание и, как правило, возведение в абсолютную истину «ленинского кооперативного плана». При этом не столько исследовалась сущность взаимоотношений Советской власти и кооперации, сколько доказывалась объективная необходимость принятых государством и партией решений. Но существует и противоположный, хотя и менее распространенный подход к проблеме, который применили представители «старой кооперации»: все проблемы кооперации в 1917—1920 гг. они объясняли исключительно неразумной деятельностью органов Советской власти [3]. И тот и другой подход имеют свои плюсы и минусы.

Сегодня появилась возможность несколько иначе осветить данную проблему и, учитывая аргументы обеих сторон, предпринять попытку вскрыть суть противоречий между Советским государством и кооперацией, выявить различия между коммунистами и их оппонентами в оценке последней, определении ее места и роли в новом обществе, в отношении к конкретным формам кооперативного движения.

Накануне Октябрьской революции кооперативное движение в России, уже весьма мощное, активно развивалось. По числу кооперативов и членов в них она занимала первое место в мире. На отечественную потребительскую кооперацию приходилось до 35% всего товарооборота страны, по его величине она уступала только Английскому обществу оптовых закупок[4]. С кооперативным движением было связано от 65 млн. до 84 млн. человек, то есть 40—50% всего населения России[5].

Кооператоры имели значительный вес в обществе, с ними было вынуждено считаться и царское правительство. После Февральской революции в состав министерства земледелия Временного правительства сразу же были делегированы видные деятели кооперативного движения — В. Н. Зельгейм (стал товарищем министра), Д. С. Коробов, В. И. Анисимов, А. Е. Кулыжный; несколько позже представители кооперации получили и министерские посты: С. Н. Прокопович — министра торговли и промышленности (август 1917 г.) и продовольствия (сентябрь —

Веселов Сергей Вячеславович — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

октябрь); С. Л. Маслов — министра земледелия (сентябрь — октябрь). Основная масса кооператоров, в целом разделяя социалистические идеалы, к Октябрьскому восстанию отнеслась отрицательно, считая, что власть должно взять избранное всем народом Учредительное собрание, однако и с Советской властью они согласны были сотрудничать.

А как относились к кооперативному движению большевики? Наиболее показательным здесь может быть анализ эволюции взглядов на кооперацию В. И. Ленина. В начале века он вовсе не уделял ей внимания, если не считать негативной констатации типа: «Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии» (1902 г.); «от всех этих улучшений, удешевлений и кооперации (союзов для продажи и закупки товаров) *гораздо больше выигрывают богатые»* (1903 г.)[6]. Но уже в период первой российской революции Ленин соглашается, что «потребительные общества есть в известном смысле кусочек социализма. Во-1-х, социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно организованным производством для потребления; во-2-х, социализм неосуществим без мощного, многостороннего рабочего движения, а одной из этих многих сторон неизбежно являются потребительные общества» (1905 г.)[7].

Наиболее четко взгляды на кооперацию Ленин выразил на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене (1910 г.). Он признал, что «пролетарские кооперативы дают возможность рабочему классу улучшать свое положение уменьшением посреднической эксплуатации... получают все более важное значение в массовой экономической и политической борьбе... организуют массы рабочего класса, обучают его самостоятельному ведению дел... подготовляя его в этой области к роли организатора экономической жизни в будущем социалистическом обществе». Но в то же время Ленин считал, что, являясь чисто коммерческими учреждениями, кооперативы «имеют тенденцию вырождаться в буржуазные акционерные общества» и, «не будучи организациями непосредственной борьбы с капиталом, способны порождать и порождают иллюзии, будто они являются средством решения социального вопроса»[8].

Отсюда фактически следовал вывод, что наличие кооперативов, конечно, неплохо для рабочего класса (непролетарское кооперативное движение — наиболее мощное в России — вообще не учитывалось), но особой надежды на них в деле ликвидации капиталистического общества и создания социализма возлагать не стоит; следовательно, серьезного внимания они не заслуживают. Иначе говоря, кооперативное движение рассматривалось не как самостоятельное общественное явление, а лишь как вспомогательный инструмент в политической борьбе с царизмом и капитализмом. Думается, это было ошибкой, которой не преминули воспользоваться оппоненты большевиков — меньшевики и эсеры, активно включившиеся в кооперативное движение. К началу Октябрьской революции они в значительной мере контролировали деятельность центральных и местных кооперативных организаций, влияние же большевиков в них было минимальным.

Придя к власти, партия Ленина наряду с конфискацией помещичьих земель, введением рабочего контроля, национализацией банков, фабрик и заводов провозгласила и необходимость принудительной организации всего населения в потребительные общества[9], что фактически вело к реализации идеи К. Маркса об огосударствлении кооперации[10]. Ленин написал проект декрета о потребительных коммунах и передал его наркому продовольствия А. Г. Шлихтеру. 19 января (1 февраля по н. ст.) 1918 г. после небольшой доработки проект от имени Шлихтера был опубликован в печати [11]. Основные его идеи сводились к следующему: 1. Все граждане государства должны принадлежать к местному потребительному обществу, объединяющему жителей каждого данного населенного пункта. 2. Существующие потребительные общества национализируются. 3. Самостоятельность местных потребительных обществ ограничивается по нормам отпуска на одного человека, торговле с заграницей, ценам и т. д.

Таким образом, предлагалось разом уничтожить принципы добровольности, хозяйственной самостоятельности, материальной заинтересованности, на которых зиждется кооперация, и провести ее огосударствление (пока только потребкооперации) путем национализации. Проект декрета вызвал взрыв недовольства кооператоров. С 10 по 17 февраля они провели ряд экстренных совещаний, на которых

признали проект неприемлемым. Об этом заявила делегация представителей центральных, московских и петроградских учреждений потребкооперации на встрече в ВСНХ.

Из Ржева, Минска, Саратова, Брянска, Арзамаса, Ставрополя и других городов поступали сообщения об атаках местных органов власти на кооперацию. В связи с этим кооператоры напомнили Советскому правительству, что в III Государственную думу уже вносился законопроект об обязательных потребительных обществах при фабриках и заводах (и не по всей стране, а лишь в рамках отдельных предприятий). Цель тогдашнего проекта была очевидна — борьба с независимой рабочей кооперацией; даже столыпинская Дума нашла его неприемлемым. 19 февраля в Москве открылся 1-й очередной Всероссийский кооперативный съезд. Он признал проект о потребительных коммунах с деловой точки зрения несостоятельным и гибельным для кооперации. На съезде было заявлено, что «непременным условием успешного в интересах трудового народа развития кооперации является полная самостоятельность кооперативных организаций... Над кооперацией, приближающей в своем развитии осуществление социализма, никаких принудительных опытов социализации или национализации производимо быть не должно»[12].

Обсуждение проекта было приостановлено в связи с советско-германскими переговорами в Бресте и последовавшими за ними событиями. В середине марта контакты между правительством и кооперативными объединениями возобновились. 21 марта состоялось совещание четырех союзных объединений (Центросоюза, Совета рабочей кооперации, Центрального рабочего кооператива, Союза рабочих потребительных обществ г. Москвы и окрестностей) и представителей ВСНХ, на котором было единогласно принято и подписано соглашение, значительно отличавшееся от первоначального проекта. Однако по настоянию Ленина на заседании ВСНХ 25 марта оно было радикально пересмотрено. 28 марта в очередной раз собрались представители союзных объединений и отвергли новый вариант соглашения, но, учитывая реальное соотношение сил, попытались найти компромиссное решение.

Участники совещания заявили, что их не устраивают некоторые пункты, в частности о продаже членам и нечленам кооперативов товаров по разным ценам (это технически сложно организовать); о фактическом освобождении беднейших слоев населения от уплаты вступительных и паевых взносов; о запрете иметь более $^{1}/_{3}$ голосов в правлении представителям зажиточных слоев (при весьма своеобразных критериях зажиточности, например, наличие домашней кухарки). По последнему пункту было сделано едкое, но точное замечание: «Для того чтобы руководить общественными учреждениями, мало быть бедным, надо же понимать и толк в той работе, которая лежит на руководителе кооператива»[13].

29 марта открылся 2-й, чрезвычайный, съезд рабочей кооперации. На нем, вопреки мнению Ленина, что «рабочий класс должен... руководить всеми частями населения без изъятия в деле перевода их к поголовному объединению в единый всенародный кооператив»[14] (написано буквально накануне съезда!), была принята резолюция: «Принудительное введение потребительных коммун неприемлемо для рабочей кооперации, ибо уничтожает ее целиком и растворяет во всесословной, а равно и неприемлемо для кооперации вообще, ибо уничтожает самую сущность кооперации»[15]. Принудительная приписка к кооперации вовлечет в ее среду ее врагов, предупреждал (и, как оказалось, пророчески) лидер рабочей кооперации Л. М. Хинчук[16].

Правительство вынуждено было согласиться на новые переговоры. Наконец, 9—10 апреля состоялось заключительное совещание представителей ВСНХ и кооператоров, которое и приняло компромиссное решение. 10 апреля декрет СНК «О потребительских кооперативных организациях» был подписан и два дня спустя опубликован. По нему кооператоры обязались обслуживать все население по одинаковым ценам (члены кооперативов затем получали 5-процентную компенсацию от своего кооператива), поголовное включение всех граждан в кооперативы не предусматривалось, но для малодостаточных слоев устанавливался минимальный вступительный взнос (не свыше 50 коп.). В пределах каждой местности разрешалось действие общегражданского и рабочего потребительных обществ, а в правление не допускались представители частного капитала[17]. При ВСНХ предусматривалась организация кооперативного отдела в составе двух представителей ВСНХ, по

одному — от наркоматов по продовольствию и финансам, от Центросоюза, Совета рабочей кооперации и остальных видов кооперации.

Одновременно с принятием декрета ВСНХ разослал телеграмму всем Советам: «Правительство заключило соглашение со всероссийскими кооперативными организациями о помощи и совместной работе. Именем «Совнаркома» немедленно прикажите уездным совдепам, всем органам Советской власти прекратить преследования кооператоров. Восстановите распущенные и национализированные, освободите арестованных. Президиум ВСНХ: Милютин, Ларин»[18]. Наркомпрод, в свою очередь, направил циркулярное распоряжение, в котором категорически предложил «не разрушать кооперативных организаций и не вмешиваться в их работу»[19].

Значило ли это, что по наиболее антикооперативным пунктам Советская власть отступила окончательно? Нет. Уже 11 апреля ВЦИК, утверждая декрет, принял предложенную фракцией большевиков резолюцию, в которой отмечалось, что декрет есть «компромиссное решение, страдающее существенными недостатками», переходная мера, ведущая «по пути к осуществлению государственного распределения продуктов и товаров в стране»[20]. Итак, первый натиск на кооперативы не удался. Государство решило выждать и накопить силы, не отказываясь от своих первоначальных замыслов.

До августа 1918 г. значительных конфликтов, да, собственно, и контактов у Советского государства с кооперацией не было. Но с августа и особенно с сентября Советская власть и РКП(б) начинают новое наступление на самостоятельность кооперативного движения, используя как идеологические, так и политические, административные и даже репрессивные методы борьбы. 27 сентября было опубликовано обращение ЦК РКП (б) о позиции партии в отношении кооперации. В нем констатировалось, что влияние коммунистов в ней весьма незначительно, между тем «в настоящий переходный период кооперация, включая в свои ряды почти все население, может иметь огромное значение». Поэтому партия «должна наметить руководящую линию для всего ее развития»[21]. Почему же большевики так резко изменили свою позицию? А потому, что, по признанию Ленина, Советы не справились с распределением, не справились с организацией советских лавок. И глава Совнаркома вынужден был заявить: «Кооперация — огромнейшее культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться»[22].

Подразумевалось, правда, что хорошей кооперация может быть только под руководством большевиков, и они начали действовать. Во-первых, понимая, что общегражданскую (не рабочую) кооперацию в данный момент возглавить невозможно, они попытались административно ограничить ее права. По тезисам Ленина в августе издается Декрет об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях, который предусматривал для всех торгующих лиц и организаций (прежде всего для сельских потребительных обществ) реализацию промышленных товаров только в обмен на хлеб, лен, кожи и т. д.: «Крестьянам-посевщикам *не* давать *ни* одного товара иначе как в обмен за хлеб»[23]. В ноябре публикуется Декрет об организации снабжения, по сути передававший в руки государства весь аппарат потребкооперации (без ее на то согласия) для организации заготовок и распределения фактически всех предметов потребления. Формально сохраняя самостоятельность, кооперация попала под сверхжесткий контроль государства, ибо по декрету в Центросоюз, в областные и губернские объединения потребителей вводились назначаемые властями комиссары с правом вето[24]. Во-вторых, государство лишало кооперацию финансовой самостоятельности, национализируя Московский народный (кооперативный) банк (МНБ) — фактически единственное крупное финансовое учреждение в стране, не контролируемое правительством. Отчаянная попытка Чрезвычайного съезда уполномоченных Народного банка, направившего делегацию во главе с А. В. Чаяновым, Д. С. Коробовым и В. Н. Зельгеймом к Ленину с просьбой о сохранении независимости кредитной кооперации, успеха не принесла, да и не могла принести, если знать точку зрения председателя Совнаркома по этому вопросу[25]. 2 декабря 1918 г. МНБ был национализирован и вошел в состав Госбанка на правах отдела кредитования кооперации. В-третьих, большевики попытались возглавить рабочее кооперативное движение.

Наступление на кооперацию пошло широким фронтом. Советская власть, предлагая на словах сотрудничество кооперации, ни в коей мере не желала допустить ослабления своего контроля над нею. В этом смысле очень показательно

обращение Ленина к кооператорам на собрании партработников Москвы в ноябре 1918 г.: «И давайте, добрые соседи, договариваться разумным образом с вами. Мы всячески вам содействуем, осуществляем ваши права, разберем ваши претензии, дадим вам какие бы то ни было привилегии, но исполняйте наши задания. Если вы этого не сделаете, то знайте, что... мы будем рассматривать вас как нарушителей государственной воли»[26].

Но это было, так сказать, внешнее давление на кооперацию, явно недостаточное для полного контроля над нею. Коммунистам было необходимо проникнуть «внутрь» кооперации, а осуществить это проще всего было через рабочую кооперацию. От других видов потребкооперации она идейно обособилась (не выделяясь из Центросоюза экономически) в августе 1917 года. Это было левое крыло кооперативного движения в России, которое довольно быстро политизировалось. Своей задачей оно ставило не только всестороннюю защиту потребительских интересов рабочего класса, но и удовлетворение культурных запросов рабочих и воспитание их в духе социализма[27]. Идейная направленность рабочей кооперации имела социалистический характер, об этом, кстати, говорит и партийная принадлежность делегатов 2-го, чрезвычайного, съезда рабочей кооперации: среди 177 делегатов, вписавших в анкеты данные о своей партийности, было 99 социал-демократов (55,9%), 42 эсера (23%), 5 социалистов других направлений (3,2%), 28 беспартийных (15,9%). 63% всех делегатов составляли рабочие [28]. Но возглавляли рабочую кооперацию меньшевики — Л. М. Хинчук, И. И. Егоров, П. Н. Колокольников, С. И. Цедербаум (Ежов), И. Г. Волков и другие. Они отстаивали идею независимости кооперативного движения от любой власти, в том числе и от Советской, хотя сотрудничать с нею не отказывались.

Столкновение большевиков и остальных партий в борьбе за рабочую кооперацию произошло в декабре 1918 г. на 3-м съезде рабочей кооперации. Борьба началась уже при регистрации делегатов. Действительными признали 208 мандатов (121 — большевиков и им сочувствующих, 87 — «независимых»), недействительными — 27, спорными — 60 (14 — от московских и 46 — от петроградских кооператоров)[29]. По спорным мандатам голосовали только 208 «действительных» депутатов и при большевистском большинстве решили: дать право голоса 10 делегатам (все большевики) Петроградского центрального рабочего кооператива (он не представлял тогда ни одного низового кооператива и состоял только из аппарата, сформированного по указанию властей) и не признавать 50 остальных мандатов (почти все «независимые»). Решение это лишало представительства 120 тыс. петроградских рабочих-кооператоров.

Большевики на съезде преобладали, что и предопределило его решения. От большевиков с докладами выступали В. И. Ленин, В. П. Ногин, В. П. Милютин, от «независимых» — Ю. О. Мартов, И. Г. Волков. Основная идея большевиков сводилась к следующему: «Наш съезд найдет свой правильный выход из создавшегося положения. А выход этот один — слияние кооперации с Советской властью» (Ленин)[30]. Ногин шел еще дальше, заявляя, что для кооперации «независимость от пролетарского правительства есть зависимость от какой-либо другой партии и класса»[31].

Мартов и Волков выступали в защиту самостоятельности рабочей кооперации, против ее огосударствления. Особенно впечатляющим было выступление Мартова: «Диктатура пролетариата должна осуществляться не руками бюрократии, а путем широкого самоуправления, в котором принимают участие все живые самодеятельные ячейки классовых организаций. Первый путь — бюрократизма — ведет к омертвению общественной жизни. Второй путь привлекает к управлению живые силы страны, это и есть тот путь независимости, о котором идет речь. Социалистические реформы, опыт нового социального строительства в первом случае потерпят крушение, разбиваясь об инертность масс, они калечатся, попадая в руки бюрократического аппарата. Только в процессе самодеятельного творчества пролетариат приобретает навыки в социальном строительстве, кооперация же является лучшей школой самодеятельности»[32].

После докладов фракция большевиков неожиданно предложила «прений не открывать, а сразу проголосовать резолюции». Это вызвало взрыв возмущения «независимых» — принципы демократического обсуждения в кооперации до сих пор не нарушались. Но прения не состоялись, и прошла резолюция (хотя и незначи-

тельным большинством — 99 против 81) ЦК РКП(б): «Рабочая кооперация должна стать составной частью советской организации»[33]. Вторая резолюция, принятая также без обсуждения (93 против 68), требовала немедленного введения представителей рабочей кооперации, «стоящих на советской платформе», в правление Центросоюза, причем в числе, соответствующем «руководящему влиянию пролетариата (то есть не менее $^2/_3$ общего числа)»[34]. В случае отказа Центросоюза удовлетворить это требование (а в то время на рабочую кооперацию приходилось $^1/_7$ оборота, $^1/_5$ паевых капиталов, но свыше 60% членов потребкооперативов [35]) предлагалось создать собственный хозяйственный центр рабочей кооперации, изъяв из Центросоюза все ее средства.

При выборах нового руководства в Высший совет рабочей кооперации (ВСРК) были избраны 10 сторонников большевиков и 5 «независимых». Эти результаты свидетельствовали о присоединении рабочей кооперации к органам государственной власти — в ВСРК вошли: член президиума ВСНХ В. П. Ногин, заместитель председателя ВСНХ В. П. Милютин, член коллегии Наркомпрода М. И. Фрумкин, нарком труда В. В. Шмидт и другие. На серьезную работу в кооперации времени у них физически не могло хватить, но ведь главным для большевиков было не работать в кооперации, а контролировать ее.

Конечно же, на съезде шла борьба не двух течений в кооперации, а правящей и оппозиционных социалистических партий: «Кооперация была тем оселком, на котором две партии, или, скорее, два миросозерцания, хотели померить свои силы»[36]. Для самой кооперации последствия борьбы оказались печальными. С утратой независимости рабочая кооперация потеряла (хотя это, конечно, не самое главное) и свою печать. «Вестник рабочей кооперации», доступный и популярный журнал, с приходом нового руководства вышел лишь один раз и в значительно меньшем объеме. И содержание его изменилось не в лучшую сторону, о чем говорит хотя бы такая фраза из «обновленного» журнала: «3-й Всероссийский съезд рабочей кооперации решительным ударом покончил со старыми песнями о «независимости» рабочей кооперации и мощным движением властно поставил рабочие кооперативы в общие ряды пролетарских организаций, спаянных единой волей, единым стремлением скорейшего достижения социализма»[37].

Итак, плацдарм большевиками в кооперации был завоеван. Центросоюз, учитывая соотношение сил, пошел на уступки и подтвердил желательность и необходимость участия представителей рабочей кооперации в его правлении в числе, «соответствующем ее значению и положению экономическому и политическому»[38]. На 1919 г. рабочей кооперации было предложено в правлении 5 мест из 12. Но большевиков это не устраивало. 28 января 1919 г. на заседании Совнаркома по предложению Ленина было принято решение поручить рабочей кооперации провести большинство от нее в правление Центросоюза и «обеспечить возможность введения туда опытных практиков-*коммунистов*»[39]. Одновременно наркому финансов Н. Н. Крестинскому предлагалось подготовить проект декрета «О потребительских коммунах». Уже 16 марта он был принят, а 20-го опубликован. Все кооперативы реорганизовывались в единые распределительные органы — потребительские коммуны; в них обязано было вступить все население; коммуны подчинялись местным и центральным продовольственным комитетам, которые фактически получали право вето по всем вопросам[40].

В развитие положений декрета 3 апреля принимается постановление СНК о реорганизации управления Центросоюза. В его правление вводится дополнительно 7 человек: 4 от рабочей кооперации и 3 от правительства, причем от СНК назначаются наиболее активные сторонники огосударствления кооперации — М. И. Фрумкин, О. Ю. Шмидт, П. Л. Войков[41]. ВСРК делегирует В. П. Милютина, Н. Л. Мещерякова, П. Н. Кирсанова, И. А. Саммера (несколько позже первых троих сменили А. А. Сольц, И. И. Скворцов-Степанов, А. М. Лежава). 26 июня на основе решения соединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) постановлением правительства в правление Центросоюза вводятся еще три представителя СНК — Н. Н. Крестинский, С. С. Пилявский, С. З. Розовский[42]. Коммунисты получают в правлении большинство. Все это делается в соответствии с новой программой РКП (б), целью которой в области распределения объявлялась организация всего населения в единую сеть потребительных коммун при строгой централизации всего распределительного аппарата[43].

С приходом коммунистов к руководству Центросоюзом сменился состав его основного печатного органа — «Союза потребителей». Вынуждены были покинуть редакцию Л. П. Куприянов и В. К. Миров, многие годы издававшие журнал. Изменился и ее московский адрес — из собственного дома во 2-м Переведеновском переулке она «переехала» на Старую площадь. Издательская деятельность фактически прекратилась — если за первые три месяца года старой редакцией было выпущено 10 номеров «Союза потребителей», начал формироваться № 11 (но не вышел в свет), то новой редакцией за девять месяцев до конца года было выпущено всего два номера: № 12 (без даты) и № 13 от 28 декабря. Прекратил свою деятельность 8 лет издававшийся Центросоюзом рабочий журнал «Объединение».

Кооперация пыталась противостоять наступлению на нее, причем иногда в весьма своеобразных формах. Сельскохозяйственная кооперация, с одной стороны, в ответ на обособление рабочей кооперации, а с другой — для отстаивания своих интересов перед государством начала в 1918 г. активно формировать собственные общероссийские сбытовые и иные центры. К возникшим до революции Льноцентру и Кооперативному книгоиздательству добавились Союзкартофель, Союзплодоовощ (май 1918 г.), Союз коноплеводов (июль), объединение ремесленников «Кустарьсбыт» (август), Страховой союз (октябрь), союзы «Кооперативное зерно» (декабрь) и «Кооперативное яйцо» (январь 1919 г.). 17 декабря 1918 г. сельхозкооперация создала свои национальные центры — Сельскосоюз (материальное снабжение кооперации) и Сельскосовет (идейный центр). Она консолидировалась и, отражая интересы крестьян, пыталась обеспечить им более выгодные условия сбыта сельхозпродукции (фактически вызывая их недовольство продразверсткой).

Естественно, что правительство, которое должно контролировать положение в стране и при этом кормить армию и рабочих, не могло позволить такого развития событий. Воспользовавшись незавершенностью организационного строительства и финансовой слабостью сельхозкооперации, Советская власть резко усилила давление на нее. О слабости кооперации в тот момент говорит и то, что не удалась попытка высшего независимого кооперативного органа в стране — Совета всероссийских кооперативных съездов — созвать чрезвычайный кооперативный съезд в связи с принятием Декрета о потребительских коммунах. Да и сам Совет в 1919 г. почти прекратил свою деятельность. Все это фактически означало конец «старой» кооперации. То, что создавалось вновь, к кооперации никакого отношения не имело, за исключением аппарата. Мощный и отлаженный аппарат Советская власть взяла, но принципы деятельности кооперации — самостоятельность, добровольность, разнообразие форм и методов работы — сверхцентрализованную административную систему явно не интересовали.

Коммунисты далеко не всегда тщательно и осторожно выбирали формы и методы достижения «новых побед» над кооперацией. Характеристику этим действиям Советской власти дал О. Ю. Шмидт в речи на Всероссийском совещании представителей кооперативных отделов при губпродкомах: «Кооперация является несомненно другом Советской власти по существу, ибо кооперация, сознательно или нет, выросла в аппарат социалистического общественного снабжения. И если этот друг не понимает, насколько он нам близок, то достаточно, что мы это понимаем, чтобы ему предложить и, может быть, даже навязать этот союз, если он по недоразумению не пойдет по пути единственно правильному как для нас, так и для него»[44].

Большевики в своем стремлении как можно скорее перейти к коммунистическим формам производства и распределения не учитывали реального положения вещей. Оторванность от действительности и безоглядная вера в «светлое будущее» сыграли злую шутку — вынашиваемая и лелеемая большевиками в течение 15 месяцев (с декабря 1917 г.) идея о потребительских коммунах была отторгнута жизнью всего за три месяца (апрель — июнь 1919 г.). 30 июня ВЦИК вынужден был принять постановление «О рабоче-крестьянских потребительских обществах», которым предусматривалась замена наименования «потребительская коммуна» наименованием «потребительское общество» как «более привычным для населения»[45]. Но не только в названии было дело — коммунистических отношений (точнее, «военно-коммунистических») люди не воспринимали, тогда как потребительские общества, кооперация работали в самой гуще народа.

Итак, к середине 1919 г. Советская власть фактически провела огосударствление кооперации. Но были и другие варианты сотрудничества кооперативного движения и новой власти, предполагались и иные подходы. Наиболее ярко это выявилось на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства в конце 1918 года. К тому времени стало ясно, что система заготовок и распределения продовольствия из-за параллелизма — и через советский заготовительный аппарат и через потребкооперацию — неэффективна. Один из руководителей кооперативного отдела ВСНХ и соавтор «проекта Шлихтера» о потребительских коммунах Ю. Ларин (М. А. Лурье), делая от имени отдела доклад, предложил: 1) ликвидировать параллелизм, передав всё кооперации, поскольку советский аппарат оказался почти полным банкротом; 2) материально заинтересовать кооперацию и возложить на нее ответственность за ведение продовольственных операций, а за Советской властью оставить контроль и общее руководство[46].

После доклада руководивший работой съезда председатель президиума ВСНХ А. И. Рыков объявил, что была изложена не позиция ВСНХ, а точка зрения Ларина. Началась дискуссия. Из 11 выступивших докладчика поддержали двое, остальные категорически не согласились с ним. Г. И. Ломов, заместитель председателя президиума ВСНХ, считал, что необходимо превратить кооперативы в государственные, в которые войдет все население. По мнению члена коллегии Наркомпрода Фрумкина, кооперативы «надо прибрать к рукам», но передавать им все дело снабжения нельзя; самоуправление же кооперативов он назвал пережитком прошлого [47]. Съезд «признал тезисы тов. Ларина в главной части малообоснованными»[48]. И хотя в его решениях подчеркивалась необходимость бережного отношения к кооперативному аппарату, фактически потребительская кооперация должна была превратиться во вспомогательный технический орган Советской власти.

Иные варианты взаимоотношений государства и кооперации не только имелись, но отчасти уже реализовывались на практике. Сразу же после Октябрьского восстания Совет всероссийских кооперативных съездов выпустил обращение «Ко всем кооператорам России», в котором резко осудил переворот и требовал восстановления законной власти[49]. Но это было фактически последнее крупное политическое выступление кооперации. Уже в резолюции 1-го кооперативного съезда в феврале 1918 г. содержался призыв к кооператорам содействовать сотрудничеству всех сил и организаций, ставящих «своим заданием благо трудящихся масс, каковы бы ни были политико-партийные разногласия»[50].

В первые месяцы Советской власти национализация банков и промышленности привела даже к укреплению кооперации. Потребительская и производительная кооперация в центре и на местах приобрела ряд предприятий, подлежащих национализации, а МНБ и кооперативным кредитным союзам в провинции передали отделения частных банков. При этом начался перелив средств частных лиц из национализированных банков в единственный негосударственный — МНБ. Советское государство резко ограничивало и частную торговлю, тем самым (иной раз и против своего желания) создавая благоприятные условия для развития кооперации. Председатель правления Совета кооперативных съездов В. В. Хижняков заявил даже, что «кооперация с ее хозяйственными задачами не может быть в позиции борьбы с властью», «должна быть в той или иной степени в контакте с ней»[51].

17 марта 1918 г. Совет кооперативных съездов принял решение о сотрудничестве с государственными органами в тех случаях, когда это касается интересов кооперации и ее хозяйственных организаций[52]. В 1918—1919 гг. Совет был представлен в кооперативном отделе ВСНХ, в различных комиссиях, отделах и секциях наркоматов земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, других госучреждениях — всего более чем в десяти организациях. Еще активнее готово было сотрудничать с властями руководство Центросоюза. В феврале 1919 г. председатель его правления Д. С. Коробов говорил, что различия, которые существуют у кооперации с Советской властью, не имеют принципиального значения, «ибо у нас есть общие основания для этой работы» — совместная деятельность по обеспечению страны продовольствием[53].

Но большевики предпочли иной вариант. Окончательно свою независимость кооперация утратила в начале 1920 года. 16 января Верховный совет Антанты опубликовал заявление, в котором, не признавая официально Советскую власть, высказал пожелание начать восстановление торговых связей с Россией через привычные

для него формы — при посредничестве кооперативов. Большевики не могли допустить, чтобы подобные отношения устанавливались с кем-либо помимо них.

17 — 18 января состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором было решено: «Немедленно разработать меры, обеспечивающие полное овладение нами кооперативным аппаратом»[54]. 26 января под председательством Ленина проходит совещание по кооперации, поддержавшее в основном проект Декрета об объединении всех видов кооперации, подготовленный О. Ю. Шмидтом. На следующий день правительство приняло этот декрет. В преамбуле его говорилось, что созданные широкими массами трудящихся кооперативные организации, лишенные всероссийского центра, разделенные во многих местах на отдельные части без ясного разграничения сфер деятельности и весьма часто по своему составу и строению отражающие интересы не трудящихся, а их классовых врагов, не дают и не могут дать тех результатов, которых рабоче-крестьянская власть вправе от них требовать[55]. Всероссийский кооперативный центр — Совет кооперативных съездов — тогда еще существовал, но не контролировался Советской властью и находился к ней в оппозиции. Несмотря на это, декрет предписывал кредитные и ссудосберегательные кооперативы и их союзы влить в потребкооперацию, а всероссийские центры сельскохозяйственной, промысловой и других видов кооперации присоединить к Центросоюзу[56].

29 января постановлением СНК ликвидируются Всероссийский и губернские советы кооперативных съездов «ввиду слияния на основе декрета от 27 января», их функции передаются Цетросоюзу и губсоюзам[57]. Таким образом, власти сначала заявили, что всероссийского центра кооперации не существует, а поэтому необходимо объединить все имеющиеся кооперативные центры, а затем, поскольку это объединение произошло, провозгласили, что старый всероссийский центр упраздняется, а его функции передаются новому центру! И уже в феврале в беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Л. Эйром Ленин говорит, что на первый взгляд план Антанты — возобновление торговых отношений при помощи кооперативов — выглядит правдоподобно, «но кооперативы больше не существуют — они были объединены с нашими советскими распределительными органами»[58].

Сильному нажиму подвергаются отдельные руководители кооперации, большая их группа была арестована. В апреле 1920 г. Совнарком по представлению Ф. Э. Дзержинского решает «отстранить от обязанностей членов правления Центросоюза: 1) арестованных Коробова, Лаврухина, Кузнецова, 2) находящихся за рубежом Зельгейма, Беркенгейма, Ленскую, Вахмистрова, Михайлова, 3) их заместителей в Москве — Прусса (он был тоже арестован. — *С. В.)*, Сахарова и Сергеева»[59]. И после этого теперь уже проправительственный «Союз потребителей» пишет, что «не кровожадные большевики уничтожили кооперацию, а ее вожди, идеологи подписали ей смертный приговор. Их старанию и усердию, их кооперативному кретинизму, кооперативной узости и тупости обязаны мы тем, что кооперация оставалась отщепенцем в честной советской семье»[60].

Большевики установили абсолютный контроль над кооперацией: на состоявшемся в июле 1920 г. съезде уполномоченных Центросоюза они имели 108 мандатов из 145 (75%), меньшевики — 7 (5%), остальные — беспартийные[61]. Возражения со стороны оппозиции на съезде, как выразился «союз потребителей», были уже чрезвычайно слабы: «Их было всего два. Один оратор призывал не забывать, что кооперация — не только технический аппарат, но что у нее имеется также и «душа» — связь с массами, неторговая часть и т. д. Другой предостерегал от личной унии в управляющих органах кооперации и продорганов»[62].

В чем же заключалась причина противостояния Советской власти и кооперации, что скрывалось за резким неприятием новой Советской властью такого мощного общественного движения социалистического направления, как кооперация? Был ли объективно неизбежным конфликт между ними или же сыграл свою роль чисто субъективный фактор?

Конечно, усиление политики, направленной в 1919 — 1920 гг. на огосударствление кооперации, отчасти можно объяснить тяжелой хозяйственной и политической обстановкой — шла гражданская война. Страну надо было кормить. Не случайно известный английский историк Э. Карр особо подчеркивает, что результаты, достигнутые Советским правительством в период «военного коммунизма», объяс-

няются почти полностью его успехами в превращении кооперативного движения в основной инструмент своей политики[63]. Но главное в другом — за годы войны взгляды большевиков на кооперацию фактически не изменились. То, что Ленин и Шлихтер говорили в декабре 1917 г., Бухарин утверждал в мае 1918 г., а Н. Осинский (В. В. Оболенский) — в июле 1920 года[64].

Ликвидация независимости кооперативного движения преследовала не хозяйственные, а прежде всего политические цели. Это было настолько очевидно, что в те годы с этим соглашались и «независимые» кооператоры и большевики. Представитель России в Международном кооперативном альянсе В. Ф. Тотомианц писал, что при реорганизации кооперации коммунисты имели в виду не ее интересы, а стремились «к устранению нежелательных, с политической точки зрения, руководителей»[65]. Ему вторил видный теоретик и практик советского кооперативного движения В. М. Целлариус, подчеркивая, что декрет 20 марта 1919 г. был обусловлен «необходимостью сделать из недостаточно еще выверенного в политическом отношении кооперативного аппарата аппарат, послушный решениям руководящих органов Советской власти», а декрет от 27 января 1920 г. вообще «не имел больших хозяйственных результатов, таковые и не ставились в качестве его задач, но он завершал политическое овладение кооперацией»[66].

Так в чем же состоял конфликт? Конечно же, он существовал не столько между Советской властью и кооперацией, сколько между большевиками и кооперацией. В основу всех своих действий большевики положили идею о безусловном приоритете классовых (пролетарских) интересов над всеми остальными. Кроме того, по их мнению, у рабоче-крестьянского государства не должно было быть оппонентов со стороны как нетрудовых классов (их следовало ликвидировать), так и трудящихся — все заботы о защите их интересов берет на себя государство. Выразителями интересов рабочего класса провозглашались только большевики; если же отдельные отряды рабочего движения (рабочая кооперация, некоторые профсоюзы) им не подчинялись, их трактовали как мелкобуржуазные, буржуазные и т. д. и соответственно начинали на них активно воздействовать. Это первая, основополагающая причина, определявшая взаимоотношения Советской власти с кооперацией.

Большевики изначально предвзято относились к кооперации — они считали ее чем-то второстепенным, вспомогательным инструментом в политической борьбе с капитализмом. А народники, эсеры, меньшевики видели в ней ячейки нового строя. Трудящиеся, по их мнению, в кооперативных организациях должны приучаться к ведению общественного хозяйства. Известный деятель российского кооперативного движения Б. Р. Фроммет отмечал, что без помощи кооперации общественные навыки будут прививаться с большим трудом, что перевоспитание людей не может быть осуществлено декретом, а является довольно длительным процессом «эволюционного, а не революционного характера»[67]. С этим большевики согласиться не могли, и Ленин видел в кооперации только отличный технический аппарат, который необходимо изъять.

Придя к власти, коммунисты под воздействием странного симбиоза различных факторов — разваливающейся экономики, искренней нетерпеливой устремленности к социализму и некоторых идей Маркса — от игнорирования кооперативного движения бросились в другую крайность: превращение общества в единый общенародный кооператив, причем чуть ли не немедленно. В феврале 1920 г. Ленин заявил: «Мы можем сказать с уверенностью, что вся Советская республика, может быть, через несколько недель, а может быть, через небольшое число месяцев превратится в один великий кооператив трудящихся»[68]. Ощущения реальной действительности здесь нет. Нормальное понятие и принципы кооперативного движения подменялись при этом иными, совершенно ему чуждыми, искусственно привязанными к абстрактной теории «единого кооператива».

Свою власть большевики обеспечивали благодаря отличной организации партии и военной силе. Пока шла война, с этим вынуждены были соглашаться и мириться их оппоненты, но с ее окончанием ситуация изменилась, а позиции коммунистов в области политики, экономики, да и идеологии бесспорными и привлекательными для большинства населения не являлись. Поэтому большевики должны были либо резко усилить свои позиции в названных областях (что сделать было весьма сложно), либо ослабить позиции своих оппонентов.

В экономике Советское государство пыталось подчинить себе абсолютно все, переходя при этом разумные границы. Очень точно об этом сказал член правления Совета кооперативных съездов П. Т. Саломатов: «Во всяком труде, не подчиненном себе, власть видит подрыв своего существования... Власть отрицает общечеловеческие идеалы и общечеловеческие интересы. Она признает только идеалы и интересы властвующих»[69]. В области политики партийно-советским руководителям представлялась недопустимой даже мысль о независимости кооперации, профсоюзов, а затем и о деятельности оппозиционных политических партий. В идеологии, по их мнению, также могло командовать только большевистское государство, а потому никакой культурно-воспитательной и просветительской деятельностью (что было весьма развито в кооперации) никто, кроме него, заниматься не имел права. Для того чтобы осуществить все эти мероприятия и контролировать все сферы экономики, политики, идеологии, культуры, необходимы были мощный аппарат, отлаженная командно-административная система, не допускающая никакой самостоятельности и самодеятельности.

Руководили кооперацией активно развивавшие ее в последние годы меньшевики и эсеры — оппоненты большевиков в борьбе за власть. Это вызывало серьезные трения между Советской властью и кооперацией. Более того, политические взгляды значительной части кооператоров не совпадали с воззрениями коммунистов: кооперация выступала за Учредительное собрание (а следовательно, против Советской власти), некоторые ее руководители были сторонниками несоветских правительств (Комуч и др.), иные даже активно поддерживали белое движение. Но в основном кооперация относилась к любому правительству (в том числе и царскому) как к реальности и искала пути сотрудничества с ним в своих интересах.

Таким образом, существовали серьезные расхождения во взглядах на кооперацию большевиков и идеологов кооперации, что, собственно, и вызвало обострение взаимоотношений между Советской властью и кооперативным движением. Расхождения были почти во всем: и в определении приоритета интересов (классовые или общечеловеческие), и в понимании места и роли кооперации в обществе (вспомогательный, технический аппарат или подготовительная школа хозяйствования в будущем социалистическом обществе), и в практической хозяйственной политике («единый кооператив», огосударствление кооперации и формирование мощной административной системы или деятельность самостоятельных хозяйственных организаций с традиционными принципами добровольности, независимости и самодеятельности), и, наконец, в политических взглядах (Советская власть или допущение и иных вариантов). Усложняла взаимоотношения и конкретная политическая и иная деятельность отдельных лиц.

Большевики из этого противоборства вышли победителями. И прежде всего благодаря тому, что в их руках была государственная власть со всем набором инструментов воздействия, начиная от национализации и кончая репрессиями. Но, кроме того, у них имелся хорошо продуманный, долговременный план огосударствления кооперативного движения. Столкнувшись с единым кооперативным фронтом в начале 1918 г., большевики отступили и стали накапливать силы. Во второй половине года несколько частных декретов по кооперации показали, что соотношение сил существенно изменилось и не в пользу последней. С национализацией Народного банка из-под ног кооперации была выбита ее финансовая опора. Из всех видов кооперации объектом для дальнейшего давления было наиболее слабое ее звено — потребкооперация, а в ней упор сделан на борьбу за контроль над рабочей кооперацией. Установив его, большевики двойным ударом — декретами СНК введены в правление Центросоюза шесть представителей правительства, а через рабочую кооперацию проведены туда же еще четыре коммуниста — обеспечили себе большинство в руководстве Центросоюза. Затем все остальные виды кооперации были присоединены к уже контролируемой потребительской, при этом попутно устранен старый всероссийский кооперативный центр и «нейтрализованы» (вплоть до арестов) представители «старой» кооперации.

Выиграло ли общество от такого исхода борьбы государства и кооперации? Видимо, нет, как и от всего, что связано с господством жесткой административной системы. Разумеется, большевики действовали в основном как люди, искренне верившие в возможность создания нового, справедливого строя в кратчайшие сроки. Самой большой их ошибкой, может быть, даже трагедией было неумение (а

отчасти, наверное, и нежелание) слушать, а тем более воспринимать иные точки зрения. А между тем оппонентами коммунистов были люди, также искренне боровшиеся за социалистическое будущее страны.

Примечания

1. ИЛИМСКИЙ-КУТУЗОВ Д. И. Кризис кооперации. М. 1922; МЕЩЕРЯКОВ Н. Л. Кооперация в Советской России. М. 1922; ЛОЗОВОЙ А. Н. Ленин и кооперация. М. 1924; БАЛАБАНОВ М. С. История рабочей кооперации в России. М. 1928; ЦЕЛЛАРИУС В. М. ВКП(б) и кооперация. Харьков. 1928; и др.
2. СЕЛУНСКАЯ В. М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М. 1961; ГАМАЮНОВ М. В. Большие перемены. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. М. 1969; МОРОЗОВ Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М. 1969; ФАЙН Л. Е. История разработки В. И. Лениным кооперативного плана. М. 1970; ФАРУТИН И. А. Из истории борьбы КПСС за реорганизацию буржуазной кооперации в социалистическую (1919—1920). Калининград. 1970; Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9—12 июня 1969 г. М. 1971; КАБАНОВ В. В. Октябрьская революция и кооперация, 1917 — март 1919 г. М. 1973; История крестьянства СССР. Т. 1. М. 1986; и др.
3. ХИЖНЯКОВ В. В. История и организация Совета всероссийских кооперативных съездов. М. 1919; МАЛАХОВ А. Русская кооперация и коммунисты. Прага. 1921; ОРЛОВ А. С. Начало возрождения кооперации в России. Париж. 1922; ТОТОМИАНЦ В. Ф. Кооперация в России. Прага. 1922; и др.
4. ХЕЙСИН М. Л. Исторический очерк кооперации в России. Пг. 1918, с. 156—157.
5. Там же, с. 3; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Социальные основы кооперации. М. 1989, с. 297.
6. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 396; т.7, с. 159.
7. Там же. Т. 11, с. 369—370.
8. См. там же. Т. 19, с. 310—311.
9. См. там же. Т. 35, с. 175, 196.
10. См. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 16, с. 10.
11. См.: Известия ВЦИК, 19. I. 1918; Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959, с. 77—93.
12. Союз потребителей, 1918, № 9, с. 24—25.
13. Там же, с. 36.
14. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 162.
15. Вестник рабочей кооперации, 1918, № 4, с. 11.
16. Союз потребителей, 1918, № 11—12, с. 82.
17. См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 1. М. 1967, с. 48—49.
18. Цит. по: ВУЛЬФ Г., ОГОРОДНИКОВ Д. Декрет о потребительских кооперативах. Комментарии. Материалы. Тверь. 1918, с. 148.
19. Кооперативная жизнь, 1918, № 2, с. 57.
20. Декреты Советской власти. Т. 2, с. 76, 77.
21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1, с. 106.
22. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 202.
23. Там же, с. 32.
24. Союз потребителей, 1918, № 40—41, с. 46—47.
25. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 196—197.
26. Там же, с. 232—233.
27. Вестник рабочей кооперации, 1918, № 1—2, с. 3.
28. Там же, № 4, с. 13.
29. Союз потребителей, 1918, № 40—41, с. 22—23.
30. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 351.
31. Речи В. Ленина, В. Милютина, В. Ногина на 3-м съезде рабочей кооперации. С приложением важнейших резолюций. М. 1919, с. 18.
32. Союз потребителей, 1918, № 40—41, с. 25.
33. Там же, с. 26.
34. Там же, с. 29.
35. Там же, 1919, № 3—4, с. 3; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. Ук. соч., с. 174.
36. Кооперативная жизнь, 1918, № 8—9, с. 30.
37. Вестник рабочей кооперации, 1919, № 1—2, с. 8.
38. Союз потребителей, 1918, № 40—41, с. 38.
39. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 469.
40. См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1, с. 130—131.
41. Декреты Советской власти. Т. 5. М. 1971, с. 11.
42. Там же, с. 625.
43. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2, с. 55.
44. Союз потребителей, 1919, № 12, с. 16.
45. Декреты Советской власти. Т. 5, с. 317.
46. Кооперативная жизнь, 1919, № 1—3, с. 8.
47. Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства 19—27 декабря 1918 г. Стеногр. отч. М. 1919, с. 102—128.
48. Известия ВЦИК, 26. XII. 1918.
49. См. ХИЖНЯКОВ В. В. История и организация Совета всероссийских кооперативных съездов. М. 1919, с. 38.
50. Союз потребителей, 1918, № 9, с. 24.
51. ХИЖНЯКОВ В. В. Ук. соч., с. 47.
52. Там же, с. 48.
53. Цит. по: КАБАНОВ В. В. Ук. соч., с. 225.
54. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 53.
55. Декреты Советской власти. Т. 7. М. 1974, с. 147—148.
56. Там же, с. 148.
57. Там же, с. 149.
58. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 150.
59. Декреты Советской власти. Т. 8. М. 1976, с. 108—109.
60. Союз потребителей, 1920, № 4, с. 2.
61. Там же, № 5, с. 2.
62. Там же, с. 4.
63. КАРР Э. История Советской России. Кн. 1, т. 2. М. 1990, с. 568.
64. См.: БУХАРИН Н. Программа коммунистов (большевиков). М. 1918, с. 41; ОСИНСКИЙ Н. Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М. 1920, с. 8—9.
65. ТОТОМИАНЦ В. Ф. Ук. соч., с. 159.
66. ЦЕЛЛАРИУС В. М. Ук. соч., с. 188, 189.
67. Вестник кооперации, 1918, № 11—12, с. 119, 121.
68. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 103.
69. Кооперативная жизнь, 1920, № 1—2, с. 4.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Нестор Иванович Махно

В. Н. Волковинский

Среди главных действующих лиц гражданской войны одной из колоритных фигур был «батька Махно». Возглавляя в 1917—1921 гг. большое крестьянское войско на Украине, он воевал практически со всеми властями и режимами, существовавшими в то время. Участвуя в борьбе с войсками донского атамана Каледина, украинской Центральной Рады, гетмана Скоропадского, Петлюры, Деникина, Врангеля, атамана Григорьева, австро-немецкими и антантовскими интервентами, выступая на стороне Советской власти, он внес свою лепту в разгром внешней и внутренней контрреволюции. И в то же время вооруженной борьбой против Красной Армии он нанес Стране Советов немалый ущерб. Но, сражаясь с Советской властью, он ни разу не встал под знамена иноземных, белогвардейских или буржуазно-националистических армий.

Об этой неординарной личности писали сотни авторов. Но в нашей литературе Махно традиционно освещался отрицательно, так что легенды и вымыслы густой пеленой закрывали его подлинное лицо. Сейчас появилась возможность расширить документальную базу для характеристики предводителя екатеринославских крестьян.

26 октября 1888 г. в крестьянской семье, проживавшей в богатом селе Гуляйполе Екатеринославской губернии, у Ивана Родионовича и Евдокии Матвеевны родился пятый сын. На следующий день его крестили и нарекли Нестором[1]. По селу пронеслась молва, что при крещении у священника загорелась риза, и седовласые гуляйпольцы предсказали, что родился младенец, из которого вырастет «разбойник, какого мир не видывал». Махно, очевидно, не знал точной даты своего появления на свет и потому во всех документах называл 27 октября 1889 года. Специалисты же, не обращавшиеся к архивам, либо повторяли эту дату, либо даже упоминали 1884 год. Имеются косвенные свидетельства того, что мать Нестора, как это тогда делали многие крестьяне, у которых были слабые или больные дети, умышленно уменьшила сыну возраст, стараясь продлить ему детство, отсрочив начало трудовой жизни или призыв в армию. Своей хитростью она спасла, как это выяснилось позднее, жизнь младшему сыну.

Гуляйполе на рубеже XIX—XX вв. было большим промышленным и торговым селом с многотысячным многонациональным населением. Оно славилось не только в Александровском уезде, но и во всей губернии, поскольку в нем функционировало около 80 предприятий, на которых трудилось несколько сотен рабочих. Вели торговлю 18 лавок, ежегодно проводилась ярмарка, близ села проходила железнодорожная линия Чаплино — Бердянск, а в окрестностях располагались 50 богатых хуторов, в основном принадлежавших немецким колонистам. «Наше село, — с гордостью писал один из местных репортеров в губернской газете, — находится в наилучших условиях по отношению к другим селам, потому что вокруг него живет огромное количество богатых землевладельцев, среди которых наибольше — немцев. Поэтому и село наше сделалось значительным центром культуры. Если его сравнить с каким-нибудь другим наилучшим селом, то Гуляйполе победит его. У нас в селе жители, не похожие на крестьян, а горожане, да и только. У нас есть и заводы, и паровые мельницы, и фабрики, достаточно было и есть школ»[2].

Детство подростка, рано ставшего сиротой, было трудным. Вот что он писал много лет спустя: «Отец мой — бывший крепостной помещика Мабельского, жившего в одном из своих имений в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляйполя Александровского уезда Екатеринославской губернии. Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика то конюхом, то воловником. Ко времени моего рождения он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляйпольскому заводчику, богатому еврею Кернеру. Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только 11 месяцев. Пятеро нас братьев-сирот, мал мала меньше, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали сами на себя зарабатывать. На 8-м году мать отдала меня во 2-ю Гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, а мать была довольна моими успехами».

Скоро учебу пришлось бросить и начать работать. Мальчик сполна испытал на себе тяготы эксплуатации: «Летом я нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотьбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 копеек в день»[3]. К хозяевам он рано начал испытывать чувство ненависти, его буквально разрывала жажда мести за перенесенные оскорбления и унижения. И он мстил, как мог. Купец Тупиков, выгнавший Нестора из своего магазина, рассказывал потом односельчанам: «Это был настоящий хорек: молчаливый, замкнутый, сумрачно смотревший на всех недобрым взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к хозяину, так и к покупателям. За три месяца его пребывания в магазине я обломил на его спине и голове совершенно без всякой пользы около сорока деревянных аршинов. Наша наука ему не давалась»[4].

Большую роль в формировании бунтарской натуры подростка сыграли рассказы старых гуляйпольцев о казачьей вольнице Запорожской Сечи, о легендарных походах украинских гетманов, воспоминания о которых передавались из поколения в поколение. В 1903 г., «поднявшись немного и окрепнув», как он выразился, Махно поступил чернорабочим на чугунолитейный завод М. Кернера. На заводе существовал любительский театральный кружок, и Нестор, желая стать артистом и «смешить зрителей», поступил на это предприятие. Первая российская революция в считанные дни изменила жизнь даже провинциального Гуляйполя. Энергичный и жаждущий деятельности Нестор не остался в стороне: он жадно вслушивался в разговоры односельчан, которые они вели на базарах, улицах и предприятиях, впитывал без разбора и анализа диаметрально противоположные рассуждения и мнения, верил различным невероятным слухам, которые расползались по Гуляйполю. Для «усмирения беспорядков» туда прибыли казаки и усиленные полицейские наряды. Были арестованы несколько социал-демократов, которые вели революционную пропаганду на селе.

Вскоре в Гуляйполе развернула деятельность группа анархистов-коммунистов («Союз бедных хлеборобов») во главе с братьями Александром и Прокопием Семенютами и Вольдемаром Антони. Действовала она (согласно жандармским документам) с 5 сентября 1906 г. по 9 июля 1908 года. По воспоминаниям Антони (уже в 70-е годы), члены организации читали любую литературу, где встречались слова «революция» и «социализм», смутно понимали анархизм в трактовке П. Ж. Прудона,

Волковинский Валерий Николаевич — кандидат исторических наук, зам. главного редактора «Українського історичного журнала» (Киев).

М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина. Главной их целью являлась экспроприация (нападения на банки и кассы, грабежи богатых), «безмотивные» расправы с полицейскими и чиновниками на селе. Крестьянство ассоциировало деформированный до уровня их понимания анархизм с былой запорожской вольницей. Недаром главари «Союза» радужными красками рисовали гуляйпольской молодежи конечную цель их борьбы, когда наступит «время степным орлятам погулять на мирском поле за вольную жизнь, за волю и счастье». А. П. Семенюта, напутствуя своих друзей, постоянно говорил: «Великая честь и слава вам — сынам народа, славным правнукам запорожцев»[5].

Махно попытался вступить в «Союз», но сначала получил отказ, так как его члены боялись, что известный пьяными дебошами, отличавшийся непредсказуемыми действиями и хвастовством Махно может раскрыть организацию. Настойчивый в достижении цели, Махно все-таки стал ее членом. Выследив боевиков, собиравшихся на очередную акцию, он заявил им: «Или вы меня возьмете с собой, или

убейте на месте». Экспроприаторы взяли настырного юношу «на дело». Случилось это 10 октября 1906 года. Затем Махно принял участие в налете на дом торговца Брука, у которого взяли на нужды «голодающих» 151 рубль. Почти через месяц он с товарищами в масках ворвался к владельцу завода Кернеру и, угрожая оружием, отобрал 400 рублей[6]. Махно вызвался также изготовлять бомбы, для чего перешел работать в литейный цех.

Он не отличался дисциплинированностью. Владея пистолетом «бульдог», он применял его по собственному усмотрению. В конце 1906 г. служащий земской больницы Михеев, приревновавший свою невесту, поведал Нестору о личной драме. Махно за небольшое вознаграждение стрелял в мнимого соперника Михеева, однако, будучи пьян, промахнулся. Дело получило огласку, и Махно арестовали за незаконное хранение оружия, но вскоре отпустили. Это был первый его арест. «Слава» о нем еще больше разнеслась по Гуляйполю, а в полицейских протоколах появилась фамилия нового потенциального преступника. Из этой истории он не извлек уроков. Ночью 27 августа 1907 г. вместе с М. Маховским и А. Ткаченко он шел по селу. Внезапно из темноты показались двое стражников, которые приказали им остановиться. Друзья Нестора кинулись бежать, а он сначала выхватил пистолет, выстрелил в стражников и лишь затем бросился вслед за товарищами. Возле земской больницы беглецов окликнул услышавший выстрелы крестьянин С. Назаренко. Не останавливаясь, Махно открыл стрельбу и по нему.

Полиция недолго искала злоумышленников. «5 октября 1907 г., — доносил судебный следователь прокурору Екатеринославского окружного суда, — пристав 4-го стана Александровского уезда доставил мне задержанных им Махно и Антони вместе с дознанием, коим устанавливалось, что стражник Захаров узнал в одном из стрелявших рабочего Вольдемара Антони, другой же стражник — Быков — узнал другого стрелявшего — Нестора Махно. Допрошенный мной в качестве свидетеля стражник Захаров в предъявленном ему Антони не узнал стрелявшего в него в ночь на 27 августа 1907 г., потому Антони привлечен мной к следствию не был и из-под стражи был освобожден. Другой допрошенный мной стражник — Быков — показал, что в предъявленном ему Несторе Махно он узнает стрелявшего в него человека. Посему Махно был привлечен мною по сему делу в качестве обвиняемого»[7].

В ту пору Махно был мелкой сошкой в «Союзе». Поэтому выдать его властям или специально подставить под удар полиции не считалось у экспроприаторов большим грехом. И когда 19 октября 1907 г. они совершили вооруженное нападение на почту в Гуляйполе, убив при этом почтальона и десятского, а потом началось следствие, фамилия Махно появилась в полицейских протоколах первой, причем как самого активного участника. Не столько ради восстановления справедливости, а чтобы не завести следствие в тупик, судебный следователь заявил: «Махно участвовать в нападении на почту не мог, так как в это время содержался в Александровской тюрьме по постановлению моему от 5 октября 1907 г.»[8]. Полиция решила даже выпустить его из-под стражи под залог. Его мать уговорила заводчика Й. Виглинского дать для того две тысячи рублей, и 4 июля 1908 г. Нестор вышел на свободу. Но отсиживаться дома он не собирался, а сразу же уехал в Екатеринослав восстанавливать связи с членами организации.

Однако дни ее были уже сочтены. Уездный исправник Караченцев видел в Махно опасного человека, которого не просто заставить свернуть с избранного пути. И 11 июля 1908 г. он послал на имя екатеринославского губернатора рапорт, в котором говорилось: «Я нахожу, что пребывание его, Махно, на свободе может повлечь за собой новые, более тяжелые преступления, не исключая и убийства чинов полиции, почему покорно прошу разрешения Вашего Превосходительства об изменении принятой против Махно меры пресечения — заменою поручительства на личное содержание под стражей или же об аресте его до суда в порядке положения о государственной охране»[9].

В том же месяце большинство членов «Союза бедных хлеборобов» было арестовано, Прокопий Семенюта погиб, и полиция разыскивала тех, кто оставался на свободе. 26 августа на ст. Гуляйполе, во время стоянки поездов, курсировавших между Александровском и Екатеринославом, был арестован Нестор. В это же время там оказался руководитель организации Антони. Из них двоих полиция решила в первую очередь схватить Махно, благодаря чему Антони удалось бежать за границу. Вернувшись в СССР лишь в 70-е годы, он рассказал о случившемся в ту

летнюю ночь. Махно всю жизнь считал, что выдал его член их организации Н. Альтгаузен. Истинными же предателями оказались его ближайшие друзья Н. Зуйченко и И. Левадный, давшие на предварительном следствии ложные показания об участии Махно в убийстве провокатора Гуры и подведшие его под военно-окружной суд.

Попав в 1909 г. в Александровскую тюрьму, Махно стойко держался на допросах и никого не выдавал. Однако, вернувшись в камеру, с присущей крестьянам дотошностью рассказывал соседям о «подвигах» гуляйпольских анархистов. Так, он поведал соседу по нарам, некоему А. Сидуре, об убийстве пристава Караченцева, назвав при этом одного из участников дела, С. Кравченко. Эта информация стала известна тюремным властям, когда, оказавшись в Псковской тюрьме, Сидура при допросе в обмен на смягчение ему наказания сообщил эти сведения жандармскому ротмистру. Тот не замедлил срочно переслать их Екатеринославскому губернскому жандармскому управлению. Кравченко арестовали[10].

Еще 1 сентября 1908 г. тюремщик Рыжко перехватил записку Махно Левадному: «Берите на себя дело». Полицейские чины пытались добиться от Махно каких-либо признаний, но тот хладнокровно ответил, что хотел посоветовать своему товарищу давать правдивые показания. Сам он не пал духом и лелеял надежду на побег. Вскоре тюремщики перехватили новую его записку: «Товарищи, напишите, на чем остановились: будете ли что-нибудь предпринимать? Сила вся у вас, у нас только четыре человека. Да или нет — и назначим день. До свидания, привет всем»[11]. Полицейским стало ясно, что заключенные готовят побег и один из его организаторов — Махно.

5 января 1910 г. при перевозке гуляйпольских анархистов из Александровска в Екатеринослав А. Семенюта предпринял с воли попытку освободить товарищей. Перестрелка между ним и солдатами 133-го Симферопольского полка закончилась его бегством. И после прибытия арестантов в Екатеринославскую тюрьму Махно был доставлен к помощнику губернского тюремного инспектора. Тот записал, что рост арестанта — 2 аршина 4 вершка, глаза у него карие, волосы темно-русые, на левой щеке около глаза шрам, он малограмотен, говорит на малороссийском и русском языках, холост, православного вероисповедания, в момент поступления в тюрьму денег и ценных вещей не имел, поведения удовлетворительного[12].

В этой тюрьме он пробыл почти полтора года, пережив там самые страшные дни своей жизни. С 22 по 26 марта 1910 г. в Екатеринославе состоялся суд над группой анархистов-коммунистов. Их судил Одесский военно-окружной суд. Приговор Махно — высшая мера наказания[13]. 52 дня он мучился в камере, еженощно прислушиваясь к каждому шороху и ожидая прихода палача с тюремным священником. Однако в момент вынесения приговора (благодаря вышеупомянутому поступку матери) ему не хватало до совершеннолетия (21 год) полгода, что спасло его от смертной казни. Подписал помилование министр внутренних дел П. А. Столыпин.

Махно считал, что остался жив благодаря хлопотам матери, которая с помощью родственников и соседей написала письмо вдовствующей императрице о помиловании сына. Послание якобы попало к Марии Федоровне в день ее именин; будучи в хорошем настроении, она отменила смертиый приговор. 2 августа 1911 г. вместе с другими 11 каторжниками Нестор был отправлен в Москву. Его везли в ручных и ножных кандалах. 4 августа он впервые через зарешеченное окно увидел «первопрестольную», а через час за ним закрылись железные ворота московской центральной пересыльной тюрьмы — Бутырской. Новоприбывший каторжник вскоре попал в камеру, где судьба свела его с анархистом П. А. Аршиновым (Мариным). Тот оказал на Махно большое влияние и, по сути дела, впервые познакомил с теорией анархизма.

В «Бутырках» Нестор подорвал здоровье. Упрямый, не желавший смириться с бесправием, с тяжелым режимом, он постоянно спорил с начальством и часто сидел в холодном карцере. 14 октября 1911 г. тюремный врач обнаружил у него чахотку и отметил, что заключенный приобрел эту болезнь во время содержания под стражей. В тюремной больнице ему было удалено одно легкое. Махно переносил превратности судьбы стойко, не падал духом и верил, что рано или поздно ему удастся вырваться на свободу. Из Гуляйполя он получал на Пасху письма от матери, иногда от братьев, близких и соседей. Брат Григорий призывал Нестора «обратиться к Иисусу Христу», который его защитит и спасет от бед. Ко дню рождения приходили

поздравительные открытки от жившей в Гуляйполе любимой девушки Нюси Васецкой.

Махно скучал по дому, просил родных писать почаще, побольше сообщать об их жизни, в одном из писем матери напомнил ей, как важно получать весточку от родного человека, когда находишься в беде: «Ведь помнишь, как радостно нам было, когда мы были дома, а Савва в Японии, в плену, и когда получили мы от него письмо, отражающее собой всю жизнь его. Как больно, тяжело и в то же время радостно нам было от того, что он жив, что у него есть надежда быть в живых и возвратиться на родину. Так ожидаю я от Вас и Нюси письма, которое мне скажет, что вы обе живы-здоровы, что у Вас, мама, есть надежды на здоровую жизнь и на счастье увидеть меня возле себя, а у Нюси надежды на ее счастливую юную жизнь, познающую свое призвание, и также видеться со мной. Я от одного только воспоминания прихожу в неописуемое упоение»[14].

Воспоминания о бутырских днях жизни Махно оставил Аршинов. «В обстановке каторги, — писал духовный наставник Нестора, — он ничем особенным не отличался от других, жил, как и все прочие — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на поверку. Единственное, что обращало на него внимание, — это его неугомонность. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме этого, сидя в тюрьме, он любил писать стихотворения и в этой области достиг большего успеха, чем в прозе»[15].

Когда вышел манифест об амнистии в связи с празднованием 300-летия дома Романовых, Нестор с нетерпением ожидал, что и перед ним откроются тюремные ворота. Не дождавшись, 17 июля 1913 г. он написал прошение московскому губернскому тюремному инспектору с запросом, применим ли к нему царский указ. Узнав через неделю, что вынесенный ему приговор не подлежит пересмотру, он впал в депрессию и стал вынашивать идею побега. Первую мировую войну, о которой часто писали Нестору его братья, он встретил без эмоций. В отличие от многих политических заключенных его не охватил патриотический угар. От брата Савелия, принимавшего участие в русско-японской войне 1904—1905 гг., он знал о лишениях, которые ждут солдат, и беспокоился о братьях, понимал, что им предстоит воевать. 10 августа 1914 г. Махно обратился к тюремному начальству с просьбой разрешить ему написать вне очереди письмо в связи с уходом на фронт брата Емельяна.

С собратьями по несчастью Нестор держался отчужденно, за что и обрел кличку «Скромный». Многие считали его чудаком, поскольку он не раз заявлял, что, выйдя из «Бутырок», станет знаменитым человеком. «Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, — вспоминал Аршинов, — Махно тем не менее постарался широко использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучал русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события»[16].

12 июня 1916 г. Махно написал начальнику тюрьмы просьбу разрешить ему на заработанные деньги купить «Словарь иностранных слов»[17]. Обычно же он вел себя вызывающе, выражая недовольство по любому поводу. Уже через несколько недель пребывания в «Бутырках» он в графе «поведение» удостоился записи «скверное», за что в течение остальных лет, вплоть до своего освобождения 2 марта 1917 г., ходил закованным по рукам и ногам.

Как известно, после свержения царизма к политике потянулось «неслыханно громадное количество» людей; «гигантская мелкобуржуазная волна» подняла на своем гребне множество представителей различных партий[18]. В этой ситуации Махно не остался в стороне и, выйдя из тюрьмы, тотчас отбыл в Гуляйполе. В деревне местные новости распространяются с большой быстротой. О том, что 23 марта 1917 г. домой вернулся из Москвы каторжник Махно, стало известно мгновенно. В глазах односельчан он был человеком, пострадавшим за крестьянские идеалы. Поскольку других революционеров им почти не доводилось ни

видеть, ни слышать, Махно олицетворял в их глазах борца за народное счастье. Местный поэт А. Монюшенко сочинил стихи «Привет каторжанам», которые Нестору продекламировала группа гуляйпольских школьников: «Привет вам, страдальцы за счастье людей!//Привет вам, борцы за свободу!//Привет вам, добывшие мукой своей//Желанную волю народу!»

Махно устроился маляром на завод сельскохозяйственных машин «Богатырь». Рядом с ним работали еще не стряхнувшие с себя груз деревенских традиций селяне. В Гуляйполе тогда не было сил, способных взять власть в свои руки, объединив всех трудящихся. Поэтому на первое место в новых органах власти вышли офицеры дислоцировавшегося там 8-го Сербского полка. В лице Махно они вскоре встретили серьезного соперника. Он сколотил из бывших экспроприаторов и рвавшейся в революцию молодежи отряд «Черная гвардия» и установил в Гуляйполе и всей волости режим террора. Первым делом Махно, изучив местные полицейские архивы, расправился с К. Васецким, А. Власенко и попом Дмитрием, которые в 1908 г. содействовали властям в разгроме «Союза бедных хлеборобов». Убрав физически всех, кто стоял на его пути к власти, Махно фактически стал гуляйпольским диктатором и на время отбросил анархистские идеалы. На упреки своих товарищей по организации он отвечал, что это — необходимый тактический прием для окончательной победы революции; «по силе возможности нужно выбрасывать буржуазию и занимать посты нашими людьми»[19].

Еще 28 или 29 марта 1917 г. Гуляйпольский крестьянский союз утвердил Махно в должности своего председателя. После реорганизации союза в первых числах августа в Совет рабочих и крестьянских депутатов Махно остался на посту председателя. В дни корниловщины Совет организовал Комитет спасения революции, опять же во главе с Махно. 4 октября 1917 г. Нестор был единогласно избран председателем Союза металлистов, деревообделочников и других профессий от Гуляйполя и его окрестностей[20]. В том году он женился на Анне Васецкой, которая ждала его возвращения из тюрьмы и часто писала ему теплые письма. Вскоре у молодых родился сын. После этого Махно настолько отдался делам семьи, что на время забросил все иные. В «Черной гвардии» опасались, что главарь отойдет от борьбы и тем самым помешает набиравшей силу вольнице. Приближенные Махно арестовали его жену и под страхом смертной казни заставили ее вместе с сыном навсегда покинуть Гуляйполе. Так канула в неизвестность первая семья Махно. Кое-кто из махновских командиров высказывал предположение, что гуляйпольские головорезы просто расстреляли ее. Махно очень тяжело перенес эту утрату, хотя потом еще дважды женился. Он еще больше ожесточился. Теперь жизнь других людей, включая тех, кто находился с ним рядом, в его глазах утратила всякую цену.

По воле Махно, несмотря на попытки уездного комиссара Временного правительства Михно усмирить своего почти однофамильца, Гуляйпольский район превратился в карликовое вольное государство, которым он и руководил. Махно быстро вошел во вкус правителя, но понимал, что его власть зависит от крестьянской поддержки. И он решил ликвидировать помещичье землевладение. В середине августа 1917 г. Нестор как председатель местного Совета произвел в Гуляйпольском районе учет брошенной сбежавшими помещиками земли и инвентаря и предложил материально уравнять богатых и бедных крестьян. 25 сентября он подписал декрет уездного Совета о национализации земли и разделе ее между крестьянами. Так он ликвидировал местное помещичье хозяйство еще до Октябрьской революции, и гуляйпольские крестьяне всегда потом считали, что землю им дал именно Махно.

Победу Октябрьской революции Махно воспринял благосклонно, как и подавляющее большинство крестьян, интересы которых он защищал. Как раз тогда он вел борьбу со сторонниками Центральной Рады, в которой увидел серьезного соперника. В конце 1917 г. он сотрудничал с небезызвестной анархисткой М. Никифоровой, которая во главе своего отряда громила местные органы власти, наводила «порядок» по своему усмотрению и никому не подчинялась. Если Аршинов преподнес Махно уроки теории анархизма, то Никифорова — практического воплощения их в жизнь в обстановке революции и гражданской войны. Махно принимал участие в разоружении казаков, возвращавшихся с фронта на Дон, где концентрировались силы контрреволюции под командованием атамана Каледина, и

именно тогда заключил союз с Советской властью. В начале 1918 г. Махно пригласил одного из командиров красных войск, сражавшихся с контрреволюцией на Юге, А. М. Беленкевича, в Гуляйполе. Рассказав о своей судьбе, Махно склонил его на свою сторону. Тот даже заявил, что «Гуляйполе — это маленький красный Петроград», и дал Нестору 3 тыс. винтовок, 6 пушек, 11 вагонов патронов и снарядов[21].

В апреле 1918 г. к Гуляйполю подошли приглашенные Центральной Радой кайзеровские войска. Крестьянский предводитель бежал в Таганрог, откуда через Ростов-на-Дону, Астрахань, Царицын и Саратов добрался до Москвы. В столице он встретился с рядом видных анархистов, в частности с Кропоткиным. Побывал Махно и у Председателя Совнаркома РСФСР. В. И. Ленин интересовался событиями на Украине, особенно тем, как идет борьба народных масс против австро-немецких оккупантов, войск Центральной Рады, а затем сменившего ее гетмана Скоропадского. Их встречу организовал Я. М. Свердлов. Как писал Махно, Ленин произвел на него большое впечатление[22]. В то же время Махно обвинил Предсовнаркома в разгроме анархистских организаций в Москве в апреле 1918 года. Тогда же Махно впервые услышал выступление Л. Д. Троцкого и познакомился с одним из руководителей левоэсеровского мятежа в июле 1918 г. Д. И. Поповым, в будущем видным деятелем махновщины.

Московские встречи вдохновили Махно на борьбу с кайзеровскими оккупантами и их марионеткой Скоропадским. Получив от члена Всеукраинского бюро по руководству повстанческим движением В. П. Затонского документы на имя учителя И. Я. Шепеля (отсюда, очевидно, укоренившаяся в литературе версия, что Махно был учителем), он выехал в Гуляйполе. Покидая «бестолково-суетливую» Москву, Махно увозил с собой разочарование в деятельности столичных анархистов, которые практически прекратили там выступления, но обещал Аршинову оказывать им материальную помощь. Путь домой был опасен, поэтому он прихватил с собой в качестве попутчика своего земляка, члена «Черной гвардии» А. Чубенко. В офицерской форме «державной варты» они почти без приключений прибыли 21 июля в родное село. Как свидетельствовал попутчик будущего «батьки», тот сначала не помышлял о массовом крестьянском восстании, отдавая предпочтение индивидуальному террору. Он даже грозился убить Скоропадского, в правлении которого видел реставрацию монархизма. Собрав небольшой отряд единомышленников, Махно в ночь на 26 июля напал на имение помещика Резникова, четверо сыновей которого служили у гетмана. Перебив всех, кто там был, он забрал 7 винтовок, 7 лошадей и револьвер[23].

С тех пор отряд действовал по сходному сценарию. Захватив экономию немца Нейфельда, махновцы нашли во дворе бричку и установили на ней пулемет. Вскоре пулемет испробовали в деле. Хотя слава о Махно быстро облетела округу, однако таких, как он, мстителей имелось там немало, и каждый считал себя главнокомандующим. Рядом с Гуляйполем действовал отряд Ермократьева. Когда австрийцы его разгромили и повстанцы разбежались, Махно, присоединив беглецов к своему отряду, уже на следующий день одержал победу. После этого все ермократьевцы единогласно признали Махно атаманом. А из Киева к нему прибыли анархисты группы «Набат», чтобы дать его движению идеологическую базу и сочетать теорию анархизма «в полевых условиях» с практикой. Бои пошли с переменным успехом: то махновцы били гетманцев, то наоборот. Всего махновцы в те недели совершили около 120 налетов на оккупантов и гетманцев[24].

1 октября, когда австрийцы окружили его отряды в Добровском лесу и крах казался неизбежным, Махно лично повел бойцов вперед. Враг дрогнул и потерпел поражение. Молва об этой победе разнеслась по всему Югу. Тогда-то крестьяне и нарекли Махно «батькой», а Щусь, Белаш, Удовиченко и другие командиры повстанческих отрядов Приазовья признали за ним верховенство. «Наш батька, — говорили крестьяне, — или с чертом знается, или с богом, но он не простой человек».

После того как немцы расправились с братом Махно, инвалидом войны Емельяном, и сожгли хату их матери, «батька» стал крестьянам еще ближе. Повстанцы жестоко мстили вернувшимся с оккупантами помещикам и колонистам. В газетах публиковали леденящие душу рассказы о зверствах Махно. В Киев вереницей шли телеграммы с просьбой о помощи. 14 ноября из Гуляйполя поступила следующая депеша: «Весь уезд занят вооруженными шайками разбойника Махно. Режут жиз-

ни, зверски истязают. Население уезда панически бежит, заполняя город, которому грозит та же участь. Помощи ниоткуда нет. Все усилия местной администрации и общественных организаций не приводят к результатам из-за отсутствия на местах военной силы, оружия. Агитация имеет успех ввиду географического положения города и уезда. Крайне необходима немедленная посылка крупных военных сил, всех родов оружия»[25].

Ноябрьская революция в Германии была на руку и Махно, поскольку оккупанты тотчас прекратили борьбу с повстанцами. Зато у него появился старый противник — Петлюра, возглавивший теперь правительство Директории. Он попытался заключить союз с легендарным «батькой», и 15 декабря договор был подписан. Петлюра выделял Махно боеприпасы, а тот разрешал проводить мобилизацию гуляйпольцев в армию Директории. Однако этот альянс просуществовал всего несколько дней. Директория, как заявил Махно, не даст ничего живого и здорового, связанного с чаяниями украинских тружеников, даже если бы и стремилась к тому: по примеру всех либеральных правительств, какие иногда бывают в республиканских странах, она вскоре сделается поборницей прав буржуазии[26].

Когда петлюровцы захватили Екатеринослав, а местная организация КП(б)У решила освободить город, сил ей не хватило. Решено было взять в союзники Махно. Батька, которому предложили должность главнокомандующего, согласился. Он надеялся на богатые трофеи. Наступление на Екатеринослав началось 27 декабря. Находчивость Махно, энтузиазм повстанцев и рабочих отрядов помогли овладеть городом. В Гуляйполе потянулись обозы с награбленным имуществом, оружием, боеприпасами.

Но махновцы переусердствовали, и на следующее утро в Екатеринославе появились воззвания за подписью главнокомандующего Советской Революционной Рабоче-Крестьянской Армии Екатеринославского района Н. Махно, призывавшие к прекращению грабежей и нормализации жизни в городе[27]. И все же батька совершил ряд серьезных просчетов. Петлюровцев он не разгромил, а только вытеснил из города. Несмотря на то что он бахвалился победой, 31 декабря петлюровцы выбили повстанцев из Екатеринослава. 5 января 1919 г. Махно возвратился в Гуляйполе. За ним, повесив головы, скакали около 200 всадников. Чубенко, который встречал повстанцев у околицы, удивленно спросил: «А где же остальное войско?» Махно со злостью ответил: «В Днепре».

Батька понял, что его крестьянское войско годится только для партизанских действий и что сам он не может командовать большой армией, решая стратегические и оперативные задачи. Поэтому он решил впредь хнтрить, не лезть в драку между двумя крупными противоборствующими силами, а держаться в стороне. Удивило его, что на него в Екатеринославе дважды устраивались покушения. Раньше он сам стрелял в того, кого считал угнетателем. А теперь кто-то решил, что его смерть избавит людей от тирана. Чтобы возвратить себе утраченный авторитет, Махно стал чаще устраивать погромы местных колонистов.

1919 год стал для него особенно знаменитым. В январе его соединение, примерно 10 тыс. человек, столкнулось с белогвардейцами. Махно не сразу осознал, какая надвигается опасность в лице Добровольческой армии. А. И. Деникин хотел дойти до «первопрестольной» и восстановить прежние порядки. Земля возвращалась помещикам; с теми, кто посягнул на «вековые законы», расправлялись. А под боком постоянно напоминал о себе Петлюра. Однако батьке повезло: с севера подоспели советские войска.

21 февраля из отрядов, которыми командовали П. Е. Дыбенко, Н. А. Григорьев и Н. И. Махно, создали 1-ю Заднепровскую дивизию. Ее начальником стал Дыбенко, командиром 3-й бригады — Махно[28]. Вряд ли когда-либо прежде Нестор Иванович радовался столь искренне. Со слезами на глазах он говорил: «Думал ли я когда-нибудь, что буду командовать бригадой, хотя ни одного дня не был на военной службе»[29]. Еще 5 февраля Бюро печати УССР сообщило об установлении прямой связи с Махно. На следующий день из Екатеринослава была прислана телеграмма: «На фронте советских войск Дыбенко ожесточенные бои с казаками-чеченцами. Захвачено много пленных, оружия. Отличился в боях бывший вождь повстанческих отрядов, теперь командир бригады — Махно»[30].

Развернулась широкая кампания восхваления Махно как революционера. Первая такого рода публикация появилась 9 февраля в московских «Известиях»: «Гнездом скрытого революционного брожения в дни реакции Скоропадского было Гуляйполе. Здесь с июля месяца 1918 года начала действовать маленькая группа революционеров под начальством батьки Махно. В состав ее входили левые социалисты-революционеры, анархисты, но главной силой в них были, конечно, коммунисты». 14 февраля газета «Правда» поместила на первой странице большую статью видного большевика Ю. П. Гавена «О батьке Махно и махновщине».

Бригада Махно добилась крупных успехов в борьбе с белогвардейцами. 15 марта она заняла Бердянск, 17 марта — узловую станцию Волноваха. В конце марта главком И. И. Вацетис послал директиву командованию Украинским фронтом начать решительное наступление на Мариуполь и Таганрог силами Заднепровской дивизии. 26 марта махновцы окружили Мариуполь и после ожесточенного боя на следующий день овладели городом, потом на несколько десятков километров продвинулись к Таганрогу, где вынуждены были остановиться. Чтобы преодолеть сопротивление белых, главком 16 апреля отдал приказ командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко оказать энергичную поддержку бригаде Махно[31]. Однако приказ не был выполнен: Дыбенко увлекся наступлением на Крым, оставив на участке Таганрог — Ростов лишь махновцев.

С 15 апреля бригада действовала в составе 2-й Украинской советской армии под командованием А. Е. Скачко, став ее ударной силой. Вскоре махновцев затмил своими успехами Григорьев, который был представлен за взятие Одессы к ордену Красного Знамени. Председатель Совнаркома УССР Х. Г. Раковский предложил также наградить командиров, отличившихся в боях за Мариуполь. Эти сведения, очевидно, послужили основой для длительных споров о награждении Махно таким же орденом[32].

Ленин писал в апреле 1919 г.: «Все завоевания, которые наша Красная Армия сделала на Украине и на Дону… дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо»[33]. На занятой советскими войсками территории вводилась продразверстка. Она лишала крестьян права распоряжаться прибавочным продуктом своего труда. У них изымался хлеб, по существу без компенсации. Большое недовольство в деревне вызывали и такие ошибки руководства УССР, как конфискация помещичьих земель без передачи их местному населению, а для использования в первую очередь в целях организации совхозов.

Махно хорошо знал стремления крестьянства. Первые антисоветские настроения прозвучали еще на II съезде махновцев, который состоялся 12—16 февраля 1919 г. в Гуляйполе. Махно тогда заявил: «Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: «Добро пожаловать, дорогие друзья!» Если они идут сюда с целью монополизовать Украину, мы скажем им: «Руки прочь!»[34] Более сильный размах получили антисоветские настроения на III Гуляйпольском съезде в апреле, когда Махно и его окружение заявили, что Советская власть изменила «октябрьским принципам», а Коммунистическая партия узурпировала власть и «оградила себя чрезвычайками».

Дыбенко сделал тогда неудачную попытку запретить проведение этого съезда, чем вызвал большое недовольство крестьян. Анархисты-«набатовцы», которые весной 1919 г. прибыли к Махно, чтобы дать его движению идеологическую базу и в конечном счете подчинить махновщину себе, использовали это для новых нападок на большевиков. Махно в этих условиях, с одной стороны, помогал Петрограду и Москве зерном, послав туда 90 вагонов хлеба[35], с другой — грабил эшелоны с продовольствием, шедшие в Донбасс. Используя разногласия между командующими Украинского (В. А. Антонов-Овсеенко) и Южного (В. М. Гиттис) фронтов, Махно действовал самостоятельно. Сотни телеграмм приходили в апреле и мае 1919 г. на имя председателя Совнаркома УССР Раковского и представителей российского Реввоенсовета на Украине о бесчинствах махновцев.

Там верховодили анархисты, которые весной 1919 г. съехались к батьке со всей страны. Его армия состояла преимущественно из беспартийных крестьян. В ней одновременно действовали организации анархистов, левых эсеров и большевиков. Демонстрируя терпимость к различным политическим направлениям, взглядам и идеям, Нестор Иванович благодаря межпартийным спорам укреплял свой авторитет: последнее слово оставалось за ним. Коммунистов же в отрядах он держал в

качестве заложников, на случай боевых действий против него со стороны Советской власти. В то же время он знал, что коммунисты являлись наиболее дисциплинированной и боеспособной силой в критических ситуациях, и мирился с их присутствием. В целом Махно трезво оценивал реальное влияние политических партий на крестьянские массы. Главная цель — получить землю и инвентарь, добиться независимости от властей и свободы действий.

Среди махновцев господствовал лозунг «Долой назначенцев!» (включая назначенных советским командованием военачальников). Махновцы требовали избрания «своих», причем этот принцип распространялся только на младших командиров, старших же батька назначал сам. Выбирали не наиболее подготовленных в военном отношении лиц, а по принципу землячества. Командирами становились обычно зажиточные селяне, которые и раньше занимали в жизни деревни ведущие позиции. Махно категорически отказывался от военспецов и ругал Советскую власть за то, что она принимает на службу бывших царских генералов и офицеров. Этот протест раздражал Реввоенсовет Республики. Троцкий называл комсостав бригады «бестолковыми и беспутными анархистскими командирами», обвиняя именно его в неудачах[36]. Правда, отказ от военспецов вызывался не только волей Махно: в его распоряжении не было почти никакой военной техники, а при партизанских формах ведения борьбы она и не была нужна. Следовательно, и в офицерах-специалистах Махно не нуждался.

Он все еще пользовался большим авторитетом в Москве и Киеве. В первой половине 1919 г. он встречался с А. М. Коллонтай, В. И. Межлауком и произвел на них сильное впечатление, а кое-кто был им просто восхищен, усмотрев в его действиях верность традициям запорожских казаков. Коллонтай называла Гуляйполе «истинной Сечью», Л. Б. Каменев — «картинкой украинского XVII века». В то же время анархисты из «Набата», льстя самолюбию батьки, называли его «великим анархистом» и «вторым Бакуниным», уверяли, будто Кропоткин считал его своим последователем и заявил: «Передайте товарищу Махно, чтоб он берег себя, ведь таких, как он, мало в России»[37]. Казалось, что Махно был обласкан и большевиками, и анархистами. Но представители Советской власти не обещали ему высоких должностей, а анархисты провозгласили его лидером народных масс.

Встречавшиеся уже тогда попытки обвинить Махно в контрреволюции и применить к его командирам и бойцам «карающую руку ВЧК» встретили со стороны батьки резкий отпор. 29 апреля по его распоряжению начштаба бригады В. Ф. Белаш издал приказ, согласно которому подвергались аресту все политкомиссары. Узнав об этом, к Махно сразу же выехал Антонов-Овсеенко. Батька хлебосольно встретил высокого гостя и сумел убедить его в своей преданности революционному делу. Антонов-Овсеенко уехал довольный и направил правительству телеграмму: «Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада и весь район — большая боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не Южфронтом. При надлежащей работе станет несокрушимой крепостью. Карательные меры — безумие. Надо немедленно прекратить начавшуюся газетную травлю махновцев»[38].

Махно тоже остался доволен встречей и радовался, что отвел угрозу. 1 мая он телеграфировал Белашу: «Ко мне прибыл командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко по поводу ареста комиссаров. Он, как маленький ребенок, чуть не плачет и говорит, что если вы не освободите арестованных, то можете арестовать и меня, иначе я от вас не уеду»[39]. Комиссаров Махно отпустил, потому что многие махновцы в условиях надвигавшейся деникинской опасности и сами ранее сделали то же, не желая рисковать боеспособностью подразделений. 2 мая батька заявил политотделу дивизии: «Арест политкомиссаров был произведен по приказанию моему. Сейчас они работают на своих местах. Этот вопрос выяснен и улажен с комфронта Антоновым лично. Но заявляю, если подлая ложь в большевистских газетах наподобие харьковских «Известий», выпустивших статью под заглавием «Долой махновщину», будет повторяться, то я не буду арестовывать, а разгоню их к чертям как ненужных и вредных элементов для общего дела и буду продолжать дело так, как этого требует долг революционера и окружающих нас рабочих и крестьянских масс»[40].

Одним из острейших вопросов, негативно сказывавшихся на боеспособности советских войск, было плохое и бессистемное снабжение. Это вынуждало их заниматься самоснабжением, что нередко оказывалось сродни грабежам. И Дыбенко, и Махно, и Григорьев отдавали приказы останавливать эшелоны с хлебом, шедшие в Донбасс. На протесты наркомпрода республики А. Г. Шлихтера и наркомвоенмора УССР Н. И. Подвойского они не обращали никакого внимания. Махновцы же вообще все, что попадалось в районе их боевых действий, считали своими трофеями. И в мае Председатель ВСНХ А. И. Рыков, поддержав многочисленные протесты украинских рабочих, потребовал от правительства РСФСР и командования РККА принять меры к прекращению бесчинств Махно.

Ленин предложил Совнаркому Украины получить из деревни необходимые продукты и сырье путем товарообмена на ткани и другие нужные крестьянству товары. Кроме того, чтобы обеспечить проезд хлебных эшелонов в Донбасс и Центр, прибыл уполномоченный Совета Труда и Обороны Л. Б. Каменев. Узнав, что Махно держится самостоятельно и никого не слушает, он заявил: «Тогда эта самая Советская власть к черту годится, если ей Махно не подчиняется. Сегодня мы не можем справиться с Махно, завтра — с Григорьевым; нет, это все пустяки, они подчинятся»[41]. 7 мая в сопровождении наркомвнудела УССР К. Е. Ворошилова и члена Президиума ВЦИК РСФСР М. К. Муранова Каменев приехал в Гуляйполе. Встреча с Махно произвела на него наилучшее впечатление. Вернувшись в Екатеринослав, он заявил: «После личного посещения Гуляйполя и беседы с тов. Махно и его сотрудниками я считаю своим долгом во всеуслышание заявить, что все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны. В лице Махно я видел честного и отважного борца, который в тяжелых условиях, лишенный самого необходимого, собирает силы и мужественно борется с белогвардейцами и иностранными завоевателями. За их отвагу, за их борьбу на фронте приветствую их»[42].

Воодушевленный успешными переговорами с Махно, Каменев думал таким же образом решить вопрос с начальником 6-й украинской стрелковой дивизии Григорьевым, который 7 мая поднял мятеж. 8 мая он вызвал этого атамана к прямому проводу, чтобы условиться с ним о месте и времени свидания. Однако никаких конкретных результатов не было достигнуто. Каменев не знал еще о мятеже. Выяснив затем, что атаман отказался выполнять приказ о продвижении его дивизии на помощь сражавшейся Советской Венгрии и отдал приказ об аресте советских и партийных работников, а также издал «Универсал», в котором провозглашал себя атаманом Украины и призывал народ бороться против власти Советов, Каменев был ошарашен этим известием. Теперь и его встреча с Махно предстала в ином свете. Он вспомнил о слухах насчет попыток Григорьева заключить союз с Махно; о сообщении Екатеринославского комитета КП(б)У РВС Украинского фронта от 10 апреля 1919 г. о задержании делегата Махно к Григорьеву и мн. др. Уполномоченный Совета Труда и Обороны теперь больше надеялся на чудо, чем верил в преданность Махно. Сообщая о происшедшем Ленину, он писал: «Григорьев, вчера отложивший свидание со мной в Знаменке, сегодня отказывается разговаривать, он пытается снестись с Махно. После личного свидания с Махно и посещения Гуляйполя полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена. Махно не выпускает ни угля, ни хлеба и, вероятно, не будет выпускать, хотя лично мне обещал все и клялся в верности».

Чтобы узнать о намерениях Махно и его отношении к григорьевскому мятежу, Каменев 9 мая направил в Гуляйполе телеграмму: «Изменник Григорьев предал фронт, не исполнив боевого приказа идти на фронт. Он повернул оружие. Пришел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на днях откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение наших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров вашу, Аршинова, Веретельникова и других. Каменев»[43].

Не зная, как поведет себя Махно в условиях григорьевского мятежа, взволновался и Антонов-Овсеенко. 9 мая он отправил с нарочным из Одессы в Киев записку председателю Совнаркома УССР Раковскому: «Не могу нести ответственность за Махно, изъятого из моего подчинения». Раковский заявил, что Махно не поддержит Григорьева, поскольку такой шаг окажется на руку белогвардейцам, чей приход противоречит интересам широких крестьянских масс. Действительно, Махно не поддержал Григорьева. Но он и не осудил «григорьевщины», а вину за

мятеж возложил на Советскую власть, которая своей антикрестьянской политикой создавала почву для подобных выступлений. 13 мая батька послал Каменеву телеграмму, в которой, отрицая все слухи о своих связях с Григорьевым, сообщал о боевых успехах повстанцев.

На всякий случай, чтобы нейтрализовать махновщину, Антонов-Овсеенко, Подвойский и Скачко разработали план реорганизации махновской бригады в дивизию: предполагалось путем пополнения соединения новыми частями, усиления политработниками и замены Махно на начдива Е. И. Чикваная ликвидировать взрывоопасную силу. Но махновское окружение возмутилось таким планом и послало протест правительству УССР. Против выступил и председатель РВСР Троцкий, назвавший данную попытку в условиях боев с белыми безумной и направленной на упрочение сил контрреволюции. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, собрание командиров повстанческих отрядов в Мариуполе заявило о создании отдельной армии повстанцев-махновцев.

Дыбенко опасался, что участившиеся нападки прессы на махновцев и сравнение Махно с Григорьевым заставят первого открыто вступить в борьбу за власть на Украине. Чтобы успокоить Махно, 14 мая Дыбенко дал в Харькове интервью корреспонденту «Коммуниста», в котором так отозвался о Махно: «Никто не может утверждать о причастности Махно к григорьевщине. Наоборот, честный революционер, каким он является, несмотря на свой анархизм, Махно верен рабочему движению и свято выполняет свой долг в войне против белогвардейских банд. Всякие обвинения Махно — гнусная провокация против борца за права угнетенного народа»[44]. На Южном фронте в те дни бригада Махно взаимодействовала с 8-й и 13-й армиями Южного фронта. 14 мая они начали наступление, заняли Луганск и продвинулись глубоко на территорию Донбасса, а махновцы освободили ст. Кутейниково, выйдя в тыл белым. Над деникинскими войсками нависла угроза. Перебросив с участка 9-й армии в район 13-й армии 3-й Кубанский конный корпус А. Г. Шкуро, Деникин 19 мая начал контрнаступление, местом массированного удара избрав стык между бригадой Махно и 9-й дивизией 13-й армии. В первый же день казаки прорвали фронт.

Между тем использование Махно для борьбы с белогвардейцами и одновременно боязнь, что он рано или поздно перейдет на сторону контрреволюции, вынуждали представителей советского командования ограничивать махновцев в оружии и боеприпасах. Заднепровской дивизии не хватало всего. Как докладывал Антонов-Овсеенко, «у Махно четыре очереди на одну винтовку», в других же соединениях «имелось не положенное по штату вооружение или положенное, но в количестве, превосходящем в несколько раз штатную норму»[45]. Белое командование понимало, что Махно не настолько стойкий защитник Советской власти, чтобы с ним нельзя было сговориться, и предприняло попытку склонить его на свою сторону. 23 мая Шкуро направил батьке письмо с предложением перейти на сторону Деникина. Однако Махно с негодованием отверг его предложение[46].

К 23 мая фронт прорыва на махновском участке достиг 30 км, а сама бригада отступила на 100 км, оголив правый фланг 13-й армии. Для советских войск создалось катастрофическое положение. Главком Вацетис приказал срочно выделить с Украинского фронта боеспособную бригаду пехоты с дивизионом артиллерии и закрыть брешь. Но Подвойскому не удалось мобилизовать дополнительно рабочих для пополнения частей Южного фронта. Ленин 28 мая указал Раковскому: «Между тем Махно откатывается на запад и обнажает фланг и тыл 13-й армии, открывая свободный путь деникинцам»[47].

Боеспособность армии Махно рухнула в один миг. Батька был подавлен, его воля парализована, он не мог принимать никаких решений и пребывал в Гуляйполе, не имея представления о белых и своих войсках. Потом он решил пополнить состав бригады путем принудительной мобилизации. Но Аршинов сумел доказать ему, что это подорвет веру крестьянства в вольный строй, который проповедовали анархисты, и пошатнет авторитет батьки. Взамен он склонил Нестора Ивановича к проведению экстренного съезда Гуляйпольского района, который ранее было намечено провести 15 июня. Это решение дало повод Троцкому для наступления на махновщину. Однако бытовавшее в нашей литературе прежде утверждение, что борьба с махновщиной велась по инициативе Троцкого, не совсем верно.

Начали ее руководящие работники Украины Раковский, член правительства

УССР Г. Л. Пятаков и член Совета обороны УССР А. С. Бубнов. Но сделали они этот шаг действительно под давлением Троцкого, который обвинял Раковского в мягкотелости и в том, что фактически руководителем на Украине является наркомвоен Подвойский. Да, Раковский длительное время не принимал никаких мер в отношении Махно. Но это была не слабость характера, а учет ситуации. Лишь 25 мая руководимый им Совет рабоче-крестьянской обороны Украины принял постановление о ликвидации махновщины.

Сначала это была декларация, не имевшая перспективы быстрой реализации. 2 июня Троцкий, вызвав Махно к прямому проводу, отдал приказ закрыть его войсками оголенный участок на деникинском фронте. Ссылаясь на отсутствие боеприпасов и вооружения, батька в присущей ему резкой манере отказался выполнить распоряжение председателя РВСР. Кроме того, махновцы еще в первых числах мая объявили Троцкого «вне закона», чем вызвали у него еще бóльшую ненависть к себе[48]. В тот же день Троцкий опубликовал статью «Долой махновщину!»; в ней он назвал армию Махно худшим видом партизанщины, которая объединена не вокруг какой-то программы или идейного знамени, а вокруг одного лица. Троцкий провел параллель между Махно и Григорьевым, напомнив, что такая же «личная армия» была в свое время у Григорьева, почему тот и повел ее легко против Советской власти. «Поскреби махновца, найдешь григорьевца». Статья заканчивалась призывом: «С этим анархо-кулацким развратом пора кончать — кончать твердо, раз и навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было».

4 июня был издан приказ РВСР, запрещавший проведение очередного махновского съезда: «Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может стать только новый, безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров». На следующий день вопрос о созыве гуляйпольского съезда рассмотрел ВУЦИК. Заслушав сообщение Пятакова, высший орган Советской государственной власти на Украине принял решение отменить созыв съезда[49].

Развернулась беспощадная борьба с махновцами и всеми, кто их поддерживал. Военным властям и заградотрядам приказывалось железной рукой наводить революционный порядок и дисциплину, применять к врагам народа только одну кару — расстрел. 6 июня приказом Троцкого был создан Чрезвычайный военно-революционный трибунал под председательством Пятакова, который с 12 июня в Синельниково начал выжигать «язву провокации, григорьевщины и махновщины»[50]. Позднее командование Красной Армии заявило, что Махно «открыл фронт белогвардейцам». Это — одна из укоренившихся в литературе легенд. Махно не сумел закрыть 100-верстный участок прорыва, но свой прежний участок удерживал вплоть до середины июня. В донесениях соседа Махно — 13-й армии — нет даже намека на его измену. Имеются лишь сведения о тяжелом положении махновской бригады и попытках помочь ей. 18 мая начштаба 9-й дивизии в оперсводке констатировал: «Части бригады Махно, 15-й Украинский и 9-й Заднепровский полки — отходят к западу, под давлением противника»[51]. 20 мая начдив-9 отдал приказ о наступлении на белых при тесном взаимодействии с левофланговыми частями бригады Махно.

Достаточно объективную оценку причин поражения отрядов Махно дал Бубнов на заседании ВУЦИК 21 июня 1919 г.: «Генерал Деникин прекрасно организовал свою армию, а еще лучше поставил разведку. Ему было хорошо известно состояние бригады «батьки» Махно, что фактически и привело к катастрофе. Поэтому, создав в районе действий этой бригады ударный кулак, он нанес удар именно по этой бригаде, деморализовав ее, и вынудил бежать, зашел в тыл нашим частям на этом участке фронта»[52]. 10 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, председателю Петроградской коммуны Г. Е. Зиновьеву, Каменеву, Раковскому и Ворошилову, в которой сообщил о своей преданности революционному делу и объяснил происшедший разрыв с Красной Армией нападками на него со стороны «представителей центральной власти». Махно хотел оправдаться также перед своими повстанцами и крестьянством и поэтому опубликовал текст телеграммы 30 июня в анархистской газете «Набат».

Оставив основные свои силы в частях РККА, расставшись с Аршиновым и дру-

гими «набатовцами», батька с немногочисленным отрядом отступил в глубь Украины, где нападал на небольшие гарнизоны Красной Армии. Соединившись в середине июля 1919 г. с разбитым Красной Армией атаманом Григорьевым, батька уступил ему должность командующего, начштаба был назначен брат батьки Григорий, сам же он возглавил Реввоенсовет. Махно в то время находился в с. Песчаный Брод, на родине новой жены Галины, где «сражался» преимущественно с тестем — бывшим жандармом А. Кузьменко, который не хотел признавать гражданского брака своей дочери и Махно.

Попытавшись публично разоблачить Григорьева как агента белогвардейцев, Махно и его ближайшие сподвижники решили убрать атамана. 27 июля в с. Сентово они осуществили это, разослав телеграмму: «Всем. Всем. Всем. Копия — Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Подпись: Махно. Начальник оперативной части Чучко»[53]. Одним из первых получил ее Ворошилов, который еще 29 мая объявил, что выдаст 100 тыс. руб. тому, кто живым или мертвым доставит ему Григорьева[54]. Махно награды не потребовал, а лишь присоединил к своему войску григорьевцев. Троцкий опубликовал 4 августа в газете «В путь» статью «Махно и другие», предсказывая быструю политическую смерть и григорьевщине, и махновщине. Но он ошибся.

Наоборот, в условиях деникинского нашествия звезда батьки взошла вновь. Очутившись в тяжелом положении, части Красной Армии уходили с Украины. Для крестьянства приход Деникина был более тяжелым крахом надежд, чем политика «военного коммунизма». Их страшило возвращение помещиков, которые отбирали свои земли и имущество, наказывали участников разграбления поместий и конфисковывали выращенный на полях урожай. Поэтому крестьянство поднялось на борьбу с деникинцами. Чтобы объединить силы, понадобился вождь, которым и стал батька Махно. К нему примкнул также ряд красноармейских частей. Объясняя поворот от войны с «коммунией» к войне против белогвардейщины, Махно заявил: «Главный наш враг, товарищи крестьяне, — Деникин. Коммунисты — все же революционеры... С ними мы сможем рассчитаться потом. Сейчас все должно быть направлено против Деникина»[55].

31 августа состоялось воссоединение махновских сил. 1 сентября возле с. Доброволичковка батька провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)». Ее с двух сторон теснили деникинцы и петлюровцы. Махно проявил незаурядные дипломатические способности. Воспользовавшись разногласиями между Петлюрой и Деникиным, он заключил 20 сентября договор с первым, чтобы добыть себе оружие и боеприпасы, и в то же время предпринял попытку ликвидировать Петлюру, а затем возглавить его войска. Акцию запланировали на 26 сентября, когда тот приехал в Умань для встречи с батькой[56]. Однако в городе оказалось столько сечевиков, что махновские боевики не рискнули устроить покушение.

Петлюровцы считали Махно талантливым руководителем масс, хотя и подчеркивали, что он отошел за годы каторги от украинских дел, забыл родной язык и, попав под влияние евреев-анархистов и отвлекши тысячи крестьян своими идеями, сильно навредил борьбе за «самостийность Украины». Разгромив в бою возле с. Перегоновка деникинцев, махновцы вырвались на простор и двинулись к себе, на Екатеринославщину. В те дни, когда Деникин мечтал въехать на белом коне в Москву, махновцы на разномастных лошадях въезжали в Александровск, Мариуполь, Мелитополь, Никополь, Бердянск, Гуляйполе, дважды брали Екатеринослав и подошли даже к ставке Деникина в Таганроге. Войско батьки насчитывало свыше 80 тыс. человек. В его рядах было немало красных бойцов. Большую помощь оказывало ему большевистское подполье. Активизировались и вновь вернувшиеся анархисты, которые настойчиво пропагандировали идею «свободных Советов» и создания на Юге страны «безвластного государства».

Махновцы беспощадно расправлялись с офицерами, помещиками, интеллигенцией, поддерживавшими деникинский режим обывателями. О зверствах батьки и его подчиненных ходили легенды. Пресса сравнивала его то с Разиным, то с Пугачевым. Тогда-то публицисты и вспомнили пророчество Пугачева, что он «вороненок», а настоящий «ворон» еще прилетит в Россию. «Усугубленной пугачевщиной» назвала махновское движение Особая комиссия по расследованию деятельности большевиков, созданная по распоряжению Деникина. Впрочем, осенью 1919 г. над

армией Махно нависла опасность. Деникин бросил против него Чеченскую конную дивизию из 2-го армейского корпуса Я. А. Слащева и корпус Шкуро. Раньше махновцы воевали, как правило, с тыловиками, так как основные силы белых концентрировались на иных фронтах. Теперь же махновцы сразу понесли тяжелые потери.

В середине октября Красная Армия начала контрнаступление. Махно и радовался, и был озабочен. Он знал, что многие его бойцы с нетерпением ожидают прихода Красной Армии, чтобы влиться в ее ряды. Сходила на нет идея создания «Махновии». Гуляйполе к тому времени уже называли «Махноградом». Батька пользовался даже провокацией. Обвинив в измене командира одного из лучших полков коммуниста М. Л. Полонского, он приказал своим подручным убить его без суда и следствия.

Готовился к встрече с Махно и РВСР. 11 декабря его председатель издал приказ об окончательной ликвидации партизанщины[57]. Об опасности Махно для советского строительства на Украине много говорили Я. А. Яковлев, Бубнов и другие участники VIII Всесоюзной конференции РКП(б)[58]. 29 декабря снова состоялась одна из встреч махновцев с красноармейцами. Все повстанцы того отряда, кроме командира по прозвищу «Дьявол», перешли на сторону РККА. Командир советской бригады М. В. Голубенко арестовал «Дьявола» и отправил его в штаб 45-й дивизии, где начдив И. Э. Якир отдал приказ расстрелять его[59].

В январе 1920 г. была предпринята безуспешная попытка ликвидировать самого батьку и его штаб в Александровске. 8 января командующий 14-й армией И. П. Уборевич и член РВС фронта И. В. Сталин приказали Махно выступить на Польский фронт в район Ковеля. 9 января, не дожидаясь ответа батьки, Всеукраинский ревком объявил Махно и его сподвижников вне закона[60].

Между уменьшившейся в несколько десятков раз махновской армией и частями 14-й армии развернулись бои. Батька в то время болел тифом. Армия его таяла. Этому способствовал новый подход Советской власти к решению земельного вопроса на Украине с отказом от обязательного создания коммун. Один из соратников батьки Белаш считал, что если бы Советская власть не применяла к повстанцам репрессий, то махновщина самоликвидировалась бы еще в начале 1920 года. Зато, увязнув в боевых действиях с Махно, 14-я армия дала возможность силам деникинцев отойти в Крым. 1920 год пролетел в стычках Махно с красными. Он уничтожал комнезамы и местные Советы, без суда расстреливал чекистов и продотрядовцев.

Действия Махно в тылу Красной Армии в разгар борьбы с Врангелем наносили вред. Советская власть не вела тогда организованной военной борьбы с махновщиной. Были сделаны лишь попытки дискредитировать Махно. В центральной печати появились статьи о его связях с Врангелем. В июне 1920 г. прозвучал призыв Раковского и наркомвнудела РСФСР Ф. Э. Дзержинского к екатеринославским крестьянам террористическим актом ликвидировать батьку[61]. Однако призыв не дал результата. Крестьяне любили Махно: если в присутствии бойца его армии можно было критиковать батьку, то в кругу крестьян за это можно было поплатиться жизнью[62].

Осенью 1920 г. войска Врангеля захватили «махновский район». Росло недовольство местных крестьян. Они вместе с анархистами снова пошли за батькой, рассчитывая создать свое «безвластное государство». В целом попытки таких видных деятелей анархистского движения, как В. Волин (В. М. Эйхенбаум) и А. Барон, подчинить себе батьку оказались безуспешными, и Всеукраинская конференция «набатовцев» в сентябре 1920 г. констатировала, что Махно перестал быть анархистом[63]. В этой связи встает вопрос о его программе. Еще 20 октября 1919 г. на заседании Военно-Революционного Совета махновской армии эта программа была оглашена самим Махно. Она сводилась в основном к борьбе с политикой «военного коммунизма», защите деревни от города, ликвидации эксплуатации крестьянства со стороны кого бы то ни было, к собственности крестьян на землю и ее плоды, уничтожению диктатуры пролетариата, ликвидации руководящей роли компартии и командно-бюрократических слоев населения, передаче власти беспартийным Советам в волостях, городах и губерниях, проведению «третьей социальной революции» для свержения большевиков и установления истинно народной власти. Потом эта программа, модифицируясь, в основном сохранялась.

Но в условиях врангелевского наступления Махно ничего не оставалось, как

пойти на очередное соглашение с Советской властью. Оно было подписано 2 октября 1920 г. в Старобельске[64]. Личного участия в боях с врангелевцами батька уже не принимал, потому что 28 августа был тяжело ранен. Пока его «сынки» форсировали Сиваш, брали Симферополь и Евпаторию, он надеялся, что после завершения боев в Крыму части Красной Армии перейдут на его сторону и он развернет новый этап борьбы за «свободные Советы». Однако командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе приказами от 23 и 24 ноября начал полную ликвидацию махновщины. Чтобы выманить батьку из его района, ему предложили выступить на Южный Кавказ для дальнейшей борьбы с контрреволюцией. Махно отказался выполнить это распоряжение. 26 ноября, вырвавшись из окруженного красными частями Гуляйполя, он начал изнурительную борьбу против Советской власти.

Важную роль разгрома махновщины подчеркивал Ленин. Этим вопросом занимались также ЦК КП(б)У и Совнарком УССР. Под председательством Раковского было создано Постоянное совещание по борьбе с бандитизмом на Украине. Руководил боевыми операциями против «зеленых» командующий войсками Харьковского военного округа и помощник командующего Вооруженными Силами Украины и Крыма Р. П. Эйдеман. В 1921 г. от армии Махно остался лишь конный отряд, который поддерживали главным образом богатые крестьяне. Сделав ставку на кавалерию и тачанки, Махно впервые остался с глазу на глаз с Красной Армией. Он, отвлекая на себя около 60 тыс. человек, почти на год задержал начало мирного строительства в тех местах. Объективно он был обречен. Сочетая экономические, политические и военные мероприятия, Советская власть ликвидировала социальную основу, которая питала махновщину, и настроила против батьки бедняков. Действовала и благоприятная для крестьян обстановка нэпа.

Летом 1921 г., потерпев ряд поражений, Махно устремился на Дон, оттуда перебрался в Поволжье, увидел, что надвигается голод, и ускакал на запад. Понимая, что нужно уходить за рубеж, Махно предложил сотоварищам идти в Галицию и там поднять восстание. Его соратники считали лучшим вариантом принять участие в борьбе турецкого народа за независимость под руководством Кемаля Ататюрка. Однако постоянно преследуемый красноармейскими частями и 11 раз раненный, Махно вместе с 78 фанатично преданными ему бойцами перешел 28 августа 1921 г. границу с Румынией возле Ямполя. Бухарестское правительство разрешило Махно, его жене и товарищам поселиться в Румынии. 11 апреля 1922 г. батька и 17 его соратников были переправлены в Польшу, где попали в лагерь для интернированных.

12 апреля 1922 г. ВУЦИК объявил всеобщую амнистию тем, кто воевал против Советской власти на Украине, за исключением семи врагов: Скоропадского, Петлюры, Махно, атамана Тютюнника, барона Врангеля, деникинского генерала А. П. Кутепова и председателя варшавского Русского политического комитета Б. В. Савинкова[65]. Считая Махно одним из коварнейших врагов, Москва не раз требовала выдачи его советскому правосудию. Польские власти арестовали батьку, его жену Г. А. Кузьменко, а также его сподвижников И. Хмару и Я. Дорошенко и предали их суду. Суд начался 27 ноября 1923 года. Перед переполненным залом предстал Махно: небольшого роста, в черной куртке, черноволосый, черноглазый. Рядом с ним — Галина с короткой прической, в пенсне, держится спокойно, уверенно. Махно был обвинен в том, что поддерживал через нее связь с миссией УССР в Варшаве и вел переговоры о подготовке восстания в Восточной Галиции для присоединения ее к Советской Украине. К тому имелись определенные основания. Как свидетельствуют недавно обнаруженные архивные источники, 22 июля 1922 г. Кузьменко обратилась в консульский отдел посольства УССР в Варшаве с предложением от Махно заключить новое соглашение с Советской властью: он просил дать ему оружие и деньги для побега на Украину, откуда махновцы двинутся в Польшу и, подняв восстание в Галиции, присоединят ее к УССР. Однако это предложение было сразу же отвергнуто ЦК КП(б)У и правительством республики[66].

В процессе судебного разбирательства стала очевидной несостоятельность этого обвинения. Поэтому далее речь шла в основном о личности Махно. Прокурор потребовал его наказания как предводителя разбойничьих банд. Три защитника утверждали, что Украина всегда была колыбелью различных атаманов и гайдамаков. К тому же Махно никаких преступлений против Польши не совершил. Тот факт, что правительство УССР 24 мая и 4 ноября 1922 г. потребовало выдачи батьки, подтвердил отсутствие связи между ним и большевиками. Экспертиза перехваченных властями писем, где шла речь о попытке поднять население Восточной Галиции на антипольское восстание, показала, что Махно не был их автором.

На суде Махно дал много ложных показаний, в том числе касавшихся его личной жизни. Это вошло потом во многие работы о нем, вышедшие как за рубежом, так и в СССР. Махно, в частности, говорил, что отбывал каторгу в Сибири, что никогда не был в Умани, что его жена Галина родом из Киева и др. «Махно на суде, — писал корреспондент, — держится свободно, охотно говорит, категорически отказывается от возводимых на него обвинений в бандитизме, насилиях, в злых умыслах против Польши, в сношениях с большевиками. Говорит о себе и «махновском движении» как о своеобразном народном освободительном движении, о борьбе против всякой навязываемой народу власти. Говорит «интеллигентным» языком, порою с вычурными книжными оборотами. Объяснения атамана не вызывают сочувствия публики: нарисованные свидетелями картины насилий, чинимых бандами атамана на Украине, создали настроения не в его пользу»[67].

29 ноября Махно выложил свой последний козырь, заявив, что весной 1920 г. своей борьбой в тылу Красной Армии задержал 1-ю Конную армию С. М. Буденного на две недели, чем спас Варшаву от захвата. Он заявил также, что боролся «со всеми», но только не с Польшей и в 1920 г. отказался повести свою 57-тысячную армию на польский фронт. А в последнем слове подчеркнул, что надеется на гостеприимство славянского народа и верит в объективность польского суда. 1 декабря суд оправдал Махно и выслал его из Варшавы на поселение в Торунь. Власти были уверены, что рано или поздно он бежит на Украину, где возглавит крестьянские бунты и остатки контрреволюционного охвостья. Поморский воевода 29 декабря 1923 г. писал министру иностранных дел Польши: «Не подлежит сомнению, что если Махно удастся поднять на Украине хотя бы небольшое восстание, то его отряд пополнится остатками добровольческих и монархических организаций. В Гданьске находятся несколько офицеров и солдат из бывших банд Махно. Можно предположить, что весной следующего года Махно попробует удрать из Торуни в Россию»[68].

Однако заявление Махно о борьбе против большевиков и Советской власти, которое он опубликовал в конце декабря 1923 г. во многих европейских газетах, вызвало обратную реакцию в Варшаве. 31 января 1924 г. польские власти заявили, что «подобное выступление Махно, явно обращенное против правительства государства, с которым Польша заключила мир и поддерживает постоянные дипломатические контакты», оно считает недопустимым и вредным. По приказу военного министра Махно был подвергнут «самому строгому полицейскому надзору с угрозой насильственного его выдворения из Польши в случае обнаружения каких-либо политических махинаций с его стороны или возобновления заявлений, подобных вышеприведенным»[69]. 14 апреля 1924 г. Литовское телеграфное агентство сообщило: «Махно, который последнее время находился в Торуни, покончил с собой, перерезав себе бритвой горло». Но на следующий день в газетах появилось опровержение под заголовком «Махно жив». Батька действительно предпринял попытку самоубийства, но был спасен. Причины этого поступка объяснялись туманно: «На этот шаг толкнули Махно разные побуждения политического характера»[70].

Его опорой опять стали анархисты, которых было много в Германии и во Франции. Они на все лады расхваливали Махно, нуждаясь в человеке, вокруг которого можно было объединить их силы. Все анархистские вожди в основном лишь теоретизировали, а Махно был единственным, кто показал, что их идеями можно вооружить народ, даже не подготовленный к их восприятию. В 1924 г. с помощью анархистов Махно перебрался в Германию, затем во Францию. В пригороде Парижа Венсенне семья Махно прожила почти 10 лет. О Махно много печаталось в анархистском журнале «Дело труда». Там публиковались самые разнообразные материалы: начиная с воспоминаний о матросе А. Г. Железнякове, который, по словам батьки, сделал большую ошибку, вслед за Учредительным собранием не разогнав Совет Народных Комиссаров, и кончая соболезнованиями семьям казненных в США в 1927 г. анархистов-революционеров Н. Сакко и Б. Ванцетти. Ряд своих статей Махно посвятил 10-летию Великого Октября на Украине, празднованию дня 1 Мая, национальному и крестьянскому вопросам, много писал о формах и методах вооруженной защиты революции, доказывал свою непричастность к еврейским погромам на Украине.

Он начал часто говорить об этом после убийства Петлюры 25 мая 1926 г. в Париже выходцем с Украины С. Шварцбардом, принявшим французское подданство. Убийца заявил, что не принадлежит ни к какой политической партии и действовал в одиночку, а убил Петлюру потому, что считал своим долгом отомстить атаману за совершенные им бесчисленные еврейские погромы. Шварцбарду не поверили и попытались доказать, что его руку направляла «большевистская террористическая организация». Называлось также имя Махно. Как утверждает Мале, антагонизм между батькой и «головным атаманом» в эмиграции усилился, а Махно, будучи лично знаком с украинским анархистом Шварцбардом, принимал участие в обсуждении подробностей покушения на Петлюру; происходило это в парижском «Русском ресторане»[71].

Однако ряд других биографов батьки считают его непричастным к этому террористическому акту. А. Скирда, ссылаясь на воспоминания болгарского анархиста К. Радеффа, писал, что Шварцбард лишь консультировался у батьки по поводу готовящегося покушения, но Махно пытался отговорить его, утверждая, что убийство — метод, осужденный анархистами, и доказывал личную непричастность Петлюры к еврейским погромам: это Махно сделал в знак благодарности Петлюре за то, что в 1922 г. тот якобы спас его от агрессивно настроенных петлюровских офицеров, хотевших расправиться с батькой во время его пребывания в Польше; когда же «головной атаман» был убит, то Махно выказал возмущение. К тому же, добавляет В. Петерс, он испугался, понимая, что и его тоже могут обвинить в поощрении еврейских погромов[72].

В апреле 1927 г. Махно обратился «К евреям всех стран», призвав общественность сделать проверку «грязного материала». 23 июня того же года он выступил в парижском клубе «Фобур» на диспуте «Был ли главарь Махно другом евреев или он участвовал в убийстве их» и доказывал, что одной из причин расстрела махновцами Григорьева явилась организация им массовых еврейских погромов[73].

За границей Махно начал писать мемуары. Первый их том был издан прижизненно, два остальных — посмертно. Редактировал их Волин, отношения с которым у Махно были сложными еще со времен гражданской войны, ибо тот пытался преувеличить влияние анархистов на Махно. Деятельность Махно за рубежом находилась под пристальным вниманием ВЧК и ОГПУ. Как свидетельствуют ветераны ВЧК, они усматривали в нем потенциального врага Советской власти и считали его в политическом отношении живым мертвецом[74].

Здоровье Махно ухудшалось. В июне 1934 г. врачи предложили ему сложную операцию. О последних днях Махно оставила воспоминания Кузьменко. «Однажды в конце июня, — писала она 18 марта 1974 г. своим родственникам в Гуляйполе, — я зашла к нему в госпиталь. Он был уставший, измученный, ослабевший... А через несколько дней ко мне на работу в Кенси приезжает на такси один товарищ — Максим — и говорит: «Собирайся, Галина, сейчас же едем в Париж, Нестор умирает». Я взяла дочь, спустилась к заведующей и заявила ей, что я сейчас с дочерью уезжаю в Париж, так как там умирает мой муж, отец моей дочери... Муж лежал в постели после операции бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от всех остальных простыней... Я его поцеловала в щеку. Он открыл глаза и, обращаясь к дочери, слабым голосом произнес: «Оставайся, доченька, здоровой и счастливой». Потом закрыл глаза и сказал: «Извините, друзья, я очень устал, хочу уснуть»... На следующий день утром, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, пуста и ширмы возле кровати не было. Один из больных сказал, что сегодня утром около 6 часов утра муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла ему простыней лицо, а потом его вынесли в мертвецкую. Это было 6 июля 1934 г.[75]... Через пару дней мы его хоронили на кладбище Пер-ла-Шез. Тело его было сожжено в крематории, и урна с прахом была замурована в стене»[76].

Дальнейшая судьба семьи Махно непроста. В годы второй мировой войны, после оккупации в 1940 г. Парижа, гитлеровцы вывезли Кузьменко с дочерью на работу в Германию. В июле 1945 г. за участие в махновском движении она была осуждена в СССР на 10 лет. Пробыв в заключении 8 лет и 9 месяцев, Кузьменко была освобождена по амнистии и вместе с дочерью жила в г. Джамбуле, где работала на хлопчатобумажном комбинате до выхода на пенсию. Несколько раз приезжала в Гуляйполе.

Махно и массовое движение, которое он возглавлял в течение четырех лет, навсегда вписаны в историю гражданской войны. Историками делалась не одна попытка разобраться в лабиринтах махновщины. Однако доныне в ней остается много спорного и невыясненного. Одно из существующих истолкований махновщины, данное некогда Фрунзе, таково: «В течение всей гражданской войны каждая сила, которая пыталась быть нейтральной между борющимися пролетариатом и буржуазией или одновременно враждебной и пролетариату и буржуазии, немедленно скатывалась на ту или иную сторону. Всякая активная оппозиция Советской власти, какими бы левыми лозунгами она ни прикрывалась, неизбежно превращалась в помощь врагам Советской власти. Типичным примером этого является Махно»[77]. Но сегодня могут быть даны и несколько иные характеристики феномена махновщины.

Примечания

1. В этом, а также многих других дореволюционных документах их фамилия значится как Михно (иногда Михненко) (Государственный архив Запорожской области (ГАЗО), ф. Р-5593, оп.2, д.469, л.82об.).
2. Народная жизнь, Екатеринослав, 5.IX.1915.
3. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) УССР, ф. 177, оп.2, д.2743, лл.1—2.
4. ГЕРАСИМЕНКО Н. Батько Махно (Из воспоминаний белогвардейца). М.—Л. 1928, с. 9.
5. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) УССР в г. Киеве, ф.313, оп.2, д.2383, л.106.
6. ЦГАОР СССР, ф.102, 7-е д-во, 1908 г., д.4754, л.15об.
7. Государственный архив Днепропетровской области, ф.11, оп.1, д.882, л.6.
8. Там же, л.9
9. Там же, л.18.
10. ЦГИА УССР в г. Киеве, ф.313, оп.2, д.2579, л.261.
11. НЕВОЛИН Г. Махно и гуляйпольская группа анархистов. — Каторга и ссылка, 1927, № 5, с. 75—76.
12. Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф.623, оп.4, д.15002, лл.24, 41.
13. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф.801, оп.7/67, д.10/59, лл.132—152.
14. ЦГИАМ, ф.623, оп.4, д.15002, л.57.
15. АРШИНОВ П. История махновского движения (1918—1921). Берлин. 1923, с. 215.
16. Там же, с. 50.
17. ЦГИАМ, ф.623, оп.4, д.15002, л.74.
18. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 155—156.
19. Партийный архив Института истории партии (ПА ИИП) ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.153, л.153.
20. ГАЗО, ф. Р-53, оп.1, д.7, л.381; ф. Р-1058, оп.1, д.1, л.127; Літопис революції, 1928, № 3, с. 195.
21. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.133, л.5.
22. МАХНО Н. Под ударами контрреволюции (апрель — июнь 1918). Кн. II. Париж. 1936, с. 125.
23. РУДНЕВ В. Махновщина. Харьков. 1928, с. 17.
24. ПЕТРОВИЧ Ю. Махно: історія одного повстанського ватажка. Львів. 1937, с. 12.
25. ЦГАОР УССР, ф.1064, оп.3, д.2, л.28.
26. МАХНО Н. Ук. соч. Кн. III. Париж. 1937, с.155.
27. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1. д.262, лл.261—262.
28. ЖИГЛОВ И. Дыбенко. М. 1983, с. 200.
29. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.153, л.45.
30. ЦГАОР УССР, ф.1738, оп.1, д.2, лл.54, 60.
31. Українська РСР в період громадянської війни, 1917—1920 рр. Т.2. Київ. 1968, с. 201.
32. См. ВЕРСТЮК В. Ф. Комбриг Нестор Махно. Препринт Института истории АН УССР, № 3 (15). Київ. 1990, с. 12.
33. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 245.
34. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф.17, оп.6, д.370, л.28.
35. Известия, 9.II.1919.

36. Правда, 15.VI.1919.
37. НИКУЛИН Л. Гибель махновщины. — Звезда, 1941, № 3, с. 173.
38. Центральный Государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 999, оп.1, д.34, л.57; АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В. А. Записки о гражданской войне. Т. 4. М.—Л. 1933, с. 112.
39. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.351, л.13.
40. ЦГАСА, ф.999, оп.1, д.34, л.43.
41. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.7, с. 230; Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 132.
42. Пролетарская революция, 1925, № 6, с. 139.
43. Там же, с. 145; ЦГАОР УССР, ф. 2579, оп.1, д.15, л.46.
44. Коммунист, 15.V.1919.
45. Директивы командования фронтов Красной Армии. Т.2. М.1972, с. 182—183; ЦГАОР УССР, ф. 2579, оп.1, д.5, л.110.
46. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.531, л.58; Коммунар, Харьков, 15.VI.1919.
47. ЛЕНИН В. И. Военная переписка (1917—1920). М.1957, с. 134.
48. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.531, л.71; ф. 1, оп.20, д.328, л.41.
49. ЦГАОР УССР, ф.1, оп.1, дополн., д.1, л.68; ф.2579, оп.1, д.5, л.117.
50. ТРОЦКИЙ Л. Как вооружалась революция. Т.II, кн. 1. М. 1924, с. 199—200; Красная звезда, 18.VI.1919.
51. ЦГАСА, ф.198, оп.3, д.185, л.40.
52. ЦГАОР УССР, ф.1, оп.1, д.11, л.2.
53. КУБАНИН М. Махновщина. М. 1928, с. 83.
54. Известия, 31.V.1919.
55. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.331, л.14.
56. ЦГАОР УССР, ф.177, оп.2, д.2743, л.76.
57. ТРОЦКИЙ Л. Ук. соч. Т.II, кн. 2. М. 1924, с. 308—309.
58. Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 года. Протоколы. М.1961, с. 87, 102.
59. ЦГАОР УССР, ф.177, оп.2, д.3238, л.3.
60. Там же, ф.2360, оп.1, д.5, л.7.
61. ВОЛКОВИНСЬКИЙ В. М., КУЛЬЧИЦЬКИЙ С. В. Християн Раковський. Київ. 1990, с. 136.
62. ГЕРАСИМЕНКО И. Ук. соч., с. 85.
63. ТЕПЕР (ГОРДЕЕВ) И. Махно (От «единого анархизма» к стопам румынского короля). Харьков. 1924, с. 101.
64. Гражданская война на Украине. Сб.док. и м-лов. Т.3. Киев. 1967, с. 571—572.
65. Коммунист, 13.IV.1922.
66. Український історичний журнал, 1990, № 12, с. 134.
67. Дни, 5.XII.1923.
68. Archiwum akt nowych. Warszawa, t.6742, s.109-a.
69. Ibid., s. 113.
70. Последние новости, Париж, 15.IV.1924.
71. MALET M. Nestor Makhno in the Russian Civil War. Lnd. 1982, p. 189.
72. PETERS V. Nestor Makhno: the Life of an Anarchist. Winnipeg. 1970, pp.89—93; SKIRDA A. Nestor Makhno: le Cosaque de l'Anarchie. Millau. 1982, p.320.
73. Дело труда, 1927, № 23—24, с. 8—10.
74. Пламенное сердце. М. 1977, с. 86—87.
75. Ошибка: Махно умер 15 июля.
76. Из материалов Гуляйпольского краеведческого музея. Поскольку эти сведения исходят от самой Кузьменко и содержат в разных случаях расхождения, в последних публикациях они излагаются различными авторами по-разному.
77. ПА ИИП ЦК КПУ, ф.5, оп.1, д.262, л.258.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Послевоенные размышления

На 24 июня 1945 г. в Москве был назначен Парад Победы. Я тоже приехал в Москву. Мне хотелось посмотреть, как пройдут войска по Красной площади, порадоваться вместе со всем народом в столице нашей Родины. Не помню, звонил ли мне Сталин, чтобы я приехал, или же я сам просто взял да поехал. Прибыл к нам Эйзенхауэр. Он тоже стоял тогда на Мавзолее. В тот раз я впервые встретился с Эйзенхауэром, в ту пору еще не президентом США, а верховным главнокомандующим силами союзников в Западной Европе.

Как прошел парад, не мне сейчас описывать. Его видели многие, он запечатлен в кинокартинах и художниками. Это действительно был парад большой радости. Потом Сталиным был дан обед. Там находился и Эйзенхауэр, и все наши видные военные. Английского командующего, кажется, не было. У Сталина сложились хорошие отношения с Эйзенхауэром и еще лучше с Рузвельтом. С Черчиллем же были плохие отношения и очень скверные с Монтгомери. Сталин относился к нему плохо, и я считаю, что для того имелись у Сталина большие основания.

Хочу высказать здесь свою точку зрения на наши взаимоотношения с союзниками, с которыми мы вместе воевали против гитлеровской Германии. Франция почти не воевала после 1940 г., а вскоре после своего освобождения вышла из масштабной войны в связи с ее окончанием. Реально оставались боевыми союзниками на протяжении 1941—1945 гг. США и Англия. Я считаю, что большую роль в ходе войны сыграл Черчилль. Он понял угрозу, нависшую над Англией, и делал все, чтобы натравить немцев на Советский Союз, втянуть СССР в войну против Германии. А когда Гитлер счел возможным напасть на нас, Черчилль первым заявил, что Англии необходимо заключить договор с СССР, чтобы объединить наши военные усилия. Сталин поступил правильно: он принял это предложение, и установились соответствующие контакты, которые были оформлены договорами. Спустя какое-то время вступили в войну США. Сложилась коалиция трех великих держав: Советского Союза, США и Англии.

Япония выступила в конце 1941 г. против США, Англии, Нидерландов и других стран, которые имели свои колонии в Азии и на Тихом океане. Тут уже мы получили военное облегчение, смогли использовать наши войска с Дальнего Востока и обрели уверенность в том, что Япония не будет воевать против нас. Теперь наш

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—8.

Дальний Восток уже не находился под непосредственной угрозой. Это создавало возможности для маневра, для лучшего использования наших вооруженных сил, хотя и тогда мы должны были учитывать возможность какого-то удара со стороны Японии. Япония же вначале успешно наступала и была уверена, что скоро добьется решающей победы. Но это были «неразумные победы», и, когда она застряла в войне и американцы остановили ее продвижение, стало видно, что Япония не в состоянии организовать нападение на Советский Союз.

Англия и США делали все, чтобы оказать нам материальную помощь всех видов, главным образом военную — вооружением и другим материальным обеспечением, нужным для ведения войны. Мы получили очень существенную помощь. Это было, конечно, не великодушие со стороны Англии и США и не то, что они хотели помочь народам Советского Союза, вовсе нет. Они оказывали нам помощь, чтобы мы перемалывали живую силу общего врага. Таким образом, они нашими руками, нашей кровью воевали против гитлеровской Германии. Они платили нам, чтобы мы могли продолжать воевать, платили вооружением и материалами. С их точки зрения это было разумно. И это действительно было разумно, да и нам выгодно. Ведь нам тогда приходилось тяжело, мы платили очень дорогую цену в войне, но вынуждены были это делать, потому что иначе воевать были неспособны. Тут возник взаимный интерес, и у нас установились и налаживались далее хорошие отношения и обоюдное доверие.

Хотел бы высказать свое мнение и рассказать в обнаженной форме насчет мнения Сталина по вопросу, смогли бы Красная Армия, Советский Союз без помощи со стороны США и Англии справиться с гитлеровской Германией и выжить в войне. Прежде всего хочу сказать о словах Сталина, которые он несколько раз повторял, когда мы вели между собой «вольные беседы». Он прямо говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну. Этой темы официально у нас никто не затрагивал, и Сталин нигде, я думаю, не оставил письменных следов своего мнения, но я заявляю тут, что он несколько раз в разговорах со мной отмечал это обстоятельство. Он не вел специально разговоров по этому вопросу, но когда возникала беседа непринужденного характера, перебирались международные вопросы прошлого и настоящего и когда мы возвращались к пройденному этапу войны, то он это высказывал.

От Сталина трудно было ожидать объективности. Он был человеком очень субъективным. Да и вообще в политике, между прочим, субъективизм, роль личности играли большую роль. Иной раз бывает полезно оценить, что было сделано правильно, подойти объективно к прошлому, взвесить все влиявшие на дело факторы, с тем чтобы вернее оценить пройденный этап и на будущее находить правильные решения. В данном случае считаю, что заключение Сталина было правильным. Когда я слушал его, то полностью был с ним согласен, а сейчас — тем более. Поэтому хочу аргументировать со своей стороны то, что говорил Сталин, и то, что я сам тогда видел и понимал.

Как протекала война? Надо войти в наше положение, мысленно проанализировать пройденный нами путь после нападения Германии, особенно после того, как Гитлер вынудил нас оставить Белоруссию, Украину и огромные области Российской Федерации, включая Северный Кавказ с его нефтеносными районами. Правда, основные нефтеносные районы оставались там в наших руках, но они были фактически выведены из строя, оборудование демонтировано, прекратились добыча и переработка нефти. Сложились тяжелые условия для промышленности. Кроме того, мы лишились возможности экономически использовать территории, которые достались противнику.

Возьмем хотя бы Украину. Какой удельный вес в СССР занимала в 1941 г. украинская металлургия? Я сейчас не имею статистических данных, но думаю, что тогда Украина вырабатывала как минимум 50% всей стали, если не больше; занимала ведущее место по добыче угля; имела большой удельный вес в производстве хлеба, овощей, мяса. Мощными были украинская машиностроительная промышленность, химия.

Была фактически выведена из строя ленинградская промышленность: судостроение, танкостроение, приборостроение. Это была промышленность с высококвалифицированными рабочими и большим количеством научно-исследователь-

ских институтов, мозговой центр всей технической мысли Советского Союза. Он был парализован и дезорганизован, реально блокирован. Вопрос стоял уже не о производстве, а о том, как людям выжить физически. Много тысяч ленинградцев умерло, лишь частично они эвакуировались. Стала работать с перебоями горьковская промышленность, ибо попала в сферу действия немецкой авиации. Московская промышленность тоже была дезорганизована. Производство самолетов вывели из Москвы, производство моторов — тоже, производство автомашин в Москве прекратилось. Да мало ли что делала Москва с ее мощным квалифицированным потенциалом?

Харьков: крупнейший тракторный завод, второй в СССР по силе после Сталинградского; потом машиностроительные, паровозостроительные заводы. Харьковская промышленность давала много средств ведения войны, и все это осталось в руках противника. Воронеж — крупный промышленный город. Там большой авиационный завод, и он тоже фактически прекратил производство: не тогда, когда противник вторгся в Воронеж, а еще ранее его оборудование было вывезено, завод же использовался как мастерские фронтового значения для ремонта самолетов, а не их производства.

Мы лишились самых мощных баз по производству самолетов, танков, моторов для тракторов и автомашин. А Сталинградский тракторный завод? Мы и его потеряли. Там же находился крупнейший орудийный завод, который давал легкую и тяжелую артиллерию для армии и военно-морского флота, включая береговую артиллерию дальнего боя. Можете себе представить, какая надвинулась на нас катастрофа? Мы оказались без средств передвижения, у нас не стало заводов, которые обеспечивали нас автомобильным транспортом, особенно тягачами, без которых нельзя воевать. Нет тяги! Правда, значительная часть артиллерии имела у нас конную тягу. Даже в эту войну румыны воевали с артиллерией, которая передвигалась на волах. Значит, и нам полностью переходить на волов и лошадей? Вот какое возникло положение.

При современной технике и современном вооружении у немецкой армии, когда немцы захватили почти всю Европу с ее промышленным потенциалом, создавалась тяжелая для нас ситуация. Если оглянуться, то скажу, что, когда мы отступали, я не мог представить себе, как же мы сумеем выйти из этого положения. Часть оборудования эвакуировали на Восток, но еще надо найти помещение, установить и смонтировать оборудование, а это требует большого времени. Наши люди героически справились с такими трудностями. Они творили чудеса. Порой буквально в сараях монтировали оборудование и приступали к производству вооружения. Но, как бы там ни было, потеря времени была неизбежна.

Тут американцы и англичане предприняли усилия, чтобы не дать нам возможности выйти из строя, чтобы противник не разгромил нас, чтобы мы не оставались беспомощными. Они нам давали самолеты, автомашины, вооружение. Когда я увидел машины, которые мы стали получать, то глазам своим не поверил. А мы их получали в довольно-таки большом количестве. Эти цифры у нас пока что не опубликованы. Их хранителем, если не в письменных материалах, то в памяти, является сейчас Микоян. Он выполнял соответствующие функции представителя СССР, имел дело с США и Англией при получении по ленд-лизу военного снаряжения и промышленного оборудования. Ленд-лиз — это особый кредит военного времени, за который предусматривалось рассчитываться на льготных условиях после окончания войны.

Одним словом, к нам потекли всякие товары. Как-то Анастас Иванович рассказал, сколько он получил дюралюминия, стали, бензина, самолетов, материалов для производства самолетов, сколько другого военного имущества и вооружения. Это была очень существенная помощь. Прежде всего автомашины. Значит, мы обрели возможность обеспечить подвижность наших войск, что в современных условиях является решающим условием для успешной войны. Немцы против Франции и против нас широко использовали подвижность своих войск, наносили удары рассекающими клиньями, а потом окружали наши войска, уничтожали их или пленили и двигались дальше, совершая марши на большую глубину для нового окружения. Они наводили панику на гражданское население, да и военные были напуганы, подвержены боязни окружения. Это затем нашло, между прочим, отражение в нашей военной и художественной литературе.

А дальняя бомбардировочная авиация? В начале войны мы фактически ее не имели. Она была у нас, так сказать, символической. Иной раз несколько самолетов добирались до Берлина. Но это же не систематическая бомбежка. Такой бомбежкой нельзя нарушить производственный потенциал противника. Это была капля в море, булавочные уколы, а были нужны мощные налеты на промышленные центры. У нас для этого не было возможностей. Я уж не говорю о том, что, когда мы отступили и Ленинград остался в окружении, то потеряли возможность бомбить даже административный центр Германии — Берлин, не говоря уже о районах Западной Германии. Они находились в безопасности, и мы для них никакой угрозы не представляли. Другое дело — налеты английской авиации. А когда вступили в войну США, которые поставили свою промышленность на рельсы удовлетворения запросов войны, то огромный потенциал американской промышленности создал реальную угрозу для Германии. Думаю, что Гитлер, видимо, представлял себе, что это — начало его конца.

Вот я ссылаюсь тут на Сталина, критикую его. Но деятельность Сталина имела две стороны. Он делал много хорошего и полезного для нашей страны, это всеми признавалось, и я это сейчас тоже признаю. Но как человек, который был поставлен на такой высокий пост, который я занимал, я должен был все анализировать, вскрывать недостатки, промахи и злоупотребления властью, превышение этой власти со стороны Сталина. Вот одна сторона дела. Теперь я беру и другую сторону, положительную. Сталин, когда США вступили в войну, сказал мне в беседе: «Ну, сейчас пойдет война моторов». Но он говорил это и раньше. Были ли это его собственные слова или они были сказаны кем-то до него, не знаю. Ясно, однако, каждому среднеразвитому человеку, что война сейчас, на современном этапе, действительно война моторов. У кого больше моторов, у кого больше возможностей держать эти моторы на ходу, то есть иметь в достаточном количестве горючее, тот и выиграет войну. Конечно, США, у которых совершенно исключалось всякое нарушение их промышленной деятельности, имели огромный экономический потенциал и такие возможности. И они эти возможности использовали.

А нам это было выгодно с точки зрения поставки материалов и вооружения. Конечно, поставки обогащали капиталистов, на них наживались монополии США. Но они помогали нам. США создали мощные воздушные силы. У них появился самолет «летающая крепость» (Б-29), замечательный самолет, лучший в мире. Американцы на таких самолетах вторгались в воздушное пространство противника даже без сопровождения истребителей, а наши бомбардировщики могли так поступать только ночью, днем же должны были иметь прикрытие. Без прикрытия они могли действовать в пределах фронта, используя внезапность нападения. И мы несли довольно тяжелые потери от зенитной артиллерии и истребительной авиации немцев. Американцы же на Б-29 без прикрытия налетали на территорию противника и подвергали бомбардировке его промышленные центры, что имело огромное значение. Эти самолеты были вооружены крупнокалиберными пулеметами — хвостовыми, бортовыми и лобовыми.

В 1943 г., когда мы наступали под Киевом, авиация у противника была уже довольно жиденькая и не представляла такой серьезной силы, как в начале войны. В 1944 г., хотя я редко выезжал на фронт, тем не менее вообще не слышал жалоб, что немецкая авиация не дает нам покоя. Мои фронтовые приятели, с которыми я поддерживал телефонную связь, когда они приезжали в Киев или я иной раз приезжал на фронт, говорили: «Вы не можете себе даже представить, сейчас мы ездим и днем, и ночью, и нас авиация противника не беспокоит». Чья это была заслуга? Американской авиации. Она вывела из строя немецкие заводы, которые производили самолеты. Металл у немцев был, и бензин имелся, но разрушены были авиационные заводы. Разве этого мало? Разве маленькая помощь? И другие их заводы, которые производили вооружение, США очень настойчиво, упорно и со знанием дела разрушали. Это была большая поддержка нам. А помощь, которую мы получали в виде готовых танков? Помню, получили мы английские танки под Сталинградом (сейчас уже забыл их название). Их боевые качества были невысокими, но это все же был танк. Пехотинец был прикрыт броней, смелее шел в атаку и лучше наносил удары по врагу. Конечно, эти танки уступали нашим по броне, но в ходовой части превосходили их.

Вспоминаю возмутительные случаи с нашими танками. Получили мы танки, а

они, не пройдя и 100 километров, были оставлены в пути, потому что у них вышла из строя ходовая часть. Я тогда написал записку Сталину, и Сталин принял суровые меры. В частности, сделал перестановку в руководстве, ответственным за производство танков был назначен Малышев. Заострили внимание на качестве ходовой части танков, а не только на их количестве. Но ее качество все же было невысоким. Пришла к нам Гвардейская армия Малиновского. В ней имелось три корпуса, а в каждом корпусе — по танковому полку. И из этих танковых полков ни один не вышел на линию фронта: все танки стояли на дорогах и ждали, пока их приведут в подвижное состояние. Если бы дошел хоть один танк из трех, то мы имели бы танковый полк, а так не получилось ни одного полка в результате низкого качества производства. А ведь воевать надо было! Противник имел достаточно вооружения. Оно было часто хуже нашего, но его было значительно больше. Да и не все у немцев было хуже нашего. Простой патриотизм — он больно бьет, если на нем основывать политику и не анализировать факты. Следовательно, и на будущее нельзя строить иллюзий, а надо исходить из реальных фактов.

У нас нет соответствующих сведений. Они не появились в печати из-за чувства ложного стыда. Это неправильно. Считаю, что было бы полезно, если бы такие работы были опубликованы. Может быть, даже подготовлены каким-то научным институтом, который провел бы глубокий научный анализ былого. Надо изучать прошлое, чтобы не допускать тех ошибок, которые были допущены раньше, и исключить их в настоящем и будущем. К сожалению, Сталин в то время уже стоял на неправильных позициях. Он многое признавал, но сам перед собой, в туалете. А высказать это где-то публично, чтобы другие услышали, он считал унизительным. Нет, это не унижение! Признание заслуг своего партнера не принижает наших заслуг. Наоборот, объективное заявление подняло бы нас еще выше в глазах всех народов и ни в какой степени не принизило бы наших достоинств, наших успехов, наших побед, значения тех решающих ударов, которые мы нанесли по общему врагу. Но это было для Сталина невозможно. Он старался прикрыть нашу слабость, полагая, что это делает нас как бы сильнее противника: пусть нас больше боятся. Это глупый вывод, неправильный. Противника не обманешь: он умеет считать, умеет анализировать, а наш народ все понял бы правильно.

Возможно, Сталин боялся, что откровенность в этом вопросе когда-то обернется и против него: почему не предвидел? Это уже другой вопрос. Думаю, что надо было бы пойти на откровенное признание, не щадить себя, потому что лучшая помощь стране и делу, которому ты служишь, — не прикрывать недостатки, а вскрывать их, даже с болью, чтобы народ все увидел. Тогда народ правильно поймет тебя, оценит и поддержит, если нужно, то и простит ошибки, которые были допущены. Если люди искренне анализируют ошибки, следовательно, они не будут их повторять. Могут сказать: «Вот, Хрущев критикует Сталина, а сам в этих вопросах анализа и критики на Сталина же и ссылается». Верно. Впрочем, полагаю, что мои товарищи, с которыми я вместе работал под руководством Сталина, тоже оставят какие-то воспоминания. Если они будут объективны, то не побоятся перед историей рассказать о недостатках Сталина, обо всем том, что они знали. Сталин же то, о чем я сейчас рассказываю, мне говорил не только один на один, а и в беседах, в которых участвовало 5, 7, 10 человек. Не все члены Политбюро принимали обычно участие в заседаниях у Сталина. Сталин всегда выбирал какую-то группу, которую он приближал к себе, а какую-то группу как бы в порядке наказания некоторое время не приглашал. В такую группу мог попасть кто угодно. Одних он приглашает сегодня, а завтра пригласит тех, которых не приглашал вчера. Для острастки. Чтобы помнили и боялись.

То, о чем говорил Сталин на этих заседаниях, являлось правильным, глубоким и трезвым признанием на основе сопоставления всех фактов, определяющих, быть нам на свете или не быть, победить или же проиграть войну. Когда там Сталин хорошо оценивал роль наших союзников, я был абсолютно согласен с ним и считал, что это — правильный анализ фактов. Сказать это никогда не поздно. Ведь новое поколение, которое сменит современное руководство страной, обязательно осмелится объективно осветить начало войны. Сейчас это уже не имеет принципиального значения. Все равно наши вчерашние союзники сегодня стали нашими противниками. Признание их помощи нам с точки зрения материального обеспечения и вооружения в то время не отражает нынешнего состояния дел, потому что сейчас

А дальняя бомбардировочная авиация? В начале войны мы фактически ее не имели. Она была у нас, так сказать, символической. Иной раз несколько самолетов добирались до Берлина. Но это же не систематическая бомбежка. Такой бомбежкой нельзя нарушить производственный потенциал противника. Это была капля в море, булавочные уколы, а были нужны мощные налеты на промышленные центры. У нас для этого не было возможностей. Я уж не говорю о том, что, когда мы отступили и Ленинград остался в окружении, то потеряли возможность бомбить даже административный центр Германии — Берлин, не говоря уже о районах Западной Германии. Они находились в безопасности, и мы для них никакой угрозы не представляли. Другое дело — налеты английской авиации. А когда вступили в войну США, которые поставили свою промышленность на рельсы удовлетворения запросов войны, то огромный потенциал американской промышленности создал реальную угрозу для Германии. Думаю, что Гитлер, видимо, представлял себе, что это — начало его конца.

Вот я ссылаюсь тут на Сталина, критикую его. Но деятельность Сталина имела две стороны. Он делал много хорошего и полезного для нашей страны, это всеми признавалось, и я это сейчас тоже признаю. Но как человек, который был поставлен на такой высокий пост, который я занимал, я должен был все анализировать, вскрывать недостатки, промахи и злоупотребления властью, превышение этой власти со стороны Сталина. Вот одна сторона дела. Теперь я беру и другую сторону, положительную. Сталин, когда США вступили в войну, сказал мне в беседе: «Ну, сейчас пойдет война моторов». Но он говорил это и раньше. Были ли это его собственные слова или они были сказаны кем-то до него, не знаю. Ясно, однако, каждому среднеразвитому человеку, что война сейчас, на современном этапе, действительно война моторов. У кого больше моторов, у кого больше возможностей держать эти моторы на ходу, то есть иметь в достаточном количестве горючее, тот и выиграет войну. Конечно, США, у которых совершенно исключалось всякое нарушение их промышленной деятельности, имели огромный экономический потенциал и такие возможности. И они эти возможности использовали.

А нам это было выгодно с точки зрения поставки материалов и вооружения. Конечно, поставки обогащали капиталистов, на них наживались монополии США. Но они помогали нам. США создали мощные воздушные силы. У них появился самолет «летающая крепость» (Б-29), замечательный самолет, лучший в мире. Американцы на таких самолетах вторгались в воздушное пространство противника даже без сопровождения истребителей, а наши бомбардировщики могли так поступать только ночью, днем же должны были иметь прикрытие. Без прикрытия они могли действовать в пределах фронта, используя внезапность нападения. И мы несли довольно тяжелые потери от зенитной артиллерии и истребительной авиации немцев. Американцы же на Б-29 без прикрытия налетали на территорию противника и подвергали бомбардировке его промышленные центры, что имело огромное значение. Эти самолеты были вооружены крупнокалиберными пулеметами — хвостовыми, бортовыми и лобовыми.

В 1943 г., когда мы наступали под Киевом, авиация у противника была уже довольно жиденькая и не представляла такой серьезной силы, как в начале войны. В 1944 г., хотя я редко выезжал на фронт, тем не менее вообще не слышал жалоб, что немецкая авиация не дает нам покоя. Мои фронтовые приятели, с которыми я поддерживал телефонную связь, когда они приезжали в Киев или я иной раз приезжал на фронт, говорили: «Вы не можете себе даже представить, сейчас мы ездим и днем, и ночью, и нас авиация противника не беспокоит». Чья это была заслуга? Американской авиации. Она вывела из строя немецкие заводы, которые производили самолеты. Металл у немцев был, и бензин имелся, но разрушены были авиационные заводы. Разве этого мало? Разве маленькая помощь? И другие их заводы, которые производили вооружение, США очень настойчиво, упорно и со знанием дела разрушали. Это была большая поддержка нам. А помощь, которую мы получали в виде готовых танков? Помню, получили мы английские танки под Сталинградом (сейчас уже забыл их название). Их боевые качества были невысокими, но это все же был танк. Пехотинец был прикрыт броней, смелее шел в атаку и лучше наносил удары по врагу. Конечно, эти танки уступали нашим по броне, но в ходовой части превосходили их.

Вспоминаю возмутительные случаи с нашими танками. Получили мы танки, а они, не пройдя и 100 километров, были оставлены в пути, потому что у них вышла из строя ходовая часть. Я тогда написал записку Сталину, и Сталин принял суровые меры. В частности, сделал перестановку в руководстве, ответственным за производство танков был назначен Малышев. Заострили внимание на качестве ходовой части танков, а не только на их количестве. Но ее качество все же было невысоким. Пришла к нам Гвардейская армия Малиновского. В ней имелось три корпуса, а в каждом корпусе — по танковому полку. И из этих танковых полков ни один не вышел на линию фронта: все танки стояли на дорогах и ждали, пока их приведут в подвижное состояние. Если бы дошел хоть один танк из трех, то мы имели бы танковый полк, а так не получилось ни одного полка в результате низкого качества производства. А ведь воевать надо было! Противник имел достаточно вооружения. Оно было часто хуже нашего, но его было значительно больше. Да и не все у немцев было хуже нашего. Простой патриотизм — он больно бьет, если на нем основывать политику и не анализировать факты. Следовательно, и на будущее нельзя строить иллюзий, а надо исходить из реальных фактов.

У нас нет соответствующих сведений. Они не появились в печати из-за чувства ложного стыда. Это неправильно. Считаю, что было бы полезно, если бы такие работы были опубликованы. Может быть, даже подготовлены каким-то научным институтом, который провел бы глубокий научный анализ былого. Надо изучать прошлое, чтобы не допускать тех ошибок, которые были допущены раньше, и исключить их в настоящем и будущем. К сожалению, Сталин в то время уже стоял на неправильных позициях. Он многое признавал, но сам перед собой, в туалете. А высказать это где-то публично, чтобы другие услышали, он считал унизительным. Нет, это не унижение! Признание заслуг своего партнера не принижает наших заслуг. Наоборот, объективное заявление подняло бы нас еще выше в глазах всех народов и ни в какой степени не принизило бы наших достоинств, наших успехов, наших побед, значения тех решающих ударов, которые мы нанесли по общему врагу. Но это было для Сталина невозможно. Он старался прикрыть нашу слабость, полагая, что это делает нас как бы сильнее противника: пусть нас больше боятся. Это глупый вывод, неправильный. Противника не обманешь: он умеет считать, умеет анализировать, а наш народ все понял бы правильно.

Возможно, Сталин боялся, что откровенность в этом вопросе когда-то обернется и против него: почему не предвидел? Это уже другой вопрос. Думаю, что надо было бы пойти на откровенное признание, не щадить себя, потому что лучшая помощь стране и делу, которому ты служишь, — не прикрывать недостатки, а вскрывать их, даже с болью, чтобы народ все увидел. Тогда народ правильно поймет тебя, оценит и поддержит, если нужно, то и простит ошибки, которые были допущены. Если люди искренне анализируют ошибки, следовательно, они не будут их повторять. Могут сказать: «Вот, Хрущев критикует Сталина, а сам в этих вопросах анализа и критики на Сталина же и ссылается». Верно. Впрочем, полагаю, что мои товарищи, с которыми я вместе работал под руководством Сталина, тоже оставят какие-то воспоминания. Если они будут объективны, то не побоятся перед историей рассказать о недостатках Сталина, обо всем том, что они знали. Сталин же то, о чем я сейчас рассказываю, мне говорил не только один на один, а и в беседах, в которых участвовало 5, 7, 10 человек. Не все члены Политбюро принимали обычно участие в заседаниях у Сталина. Сталин всегда выбирал какую-то группу, которую он приближал к себе, а какую-то группу как бы в порядке наказания некоторое время не приглашал. В такую группу мог попасть кто угодно. Одних он приглашает сегодня, а завтра пригласит тех, которых не приглашал вчера. Для острастки. Чтобы помнили и боялись.

То, о чем говорил Сталин на этих заседаниях, являлось правильным, глубоким и трезвым признанием на основе сопоставления всех фактов, определяющих, быть нам на свете или не быть, победить или же проиграть войну. Когда там Сталин хорошо оценивал роль наших союзников, я был абсолютно согласен с ним и считал, что это — правильный анализ фактов. Сказать это никогда не поздно. Ведь новое поколение, которое сменит современное руководство страной, обязательно осмелится объективно осветить начало войны. Сейчас это уже не имеет принципиального значения. Все равно наши вчерашние союзники сегодня стали нашими противниками. Признание их помощи нам с точки зрения материального обеспечения и вооружения в то время не отражает нынешнего состояния дел, потому что сейчас

мы находимся в другом положении. Шутка ли сказать, дожили до такого времени, когда нас считают второй державой по промышленному потенциалу в мире! Мы действительно являемся такой державой.

Мне британский премьер Макмиллан, когда я недавно беседовал с ним, говорил: «Ну что сейчас Англия? Англия сейчас уже не та, когда она была владычицей морей и определяла мировую политику. Теперь все решают две страны — США и СССР». Почти в таких же выражениях мне сказал это де Голль, президент Франции, человек трезвого ума. Он сказал: «Господин Хрущев, сейчас США и Советский Союз — вот два великих государства. Франция не имеет того величия, какое имела в прошлом. Теперь она уже не может определять мировую политику». Таково признание нашей мощи, нашей роли и значения в мировой политике. Поэтому нисколько не умалило бы нашего достоинства признание, что в прошлом эти страны оказали нам такую помощь, которая существенно повлияла на исход войны.

Повторяю: они оказали нам помощь не ради победы дела социализма, идей марксизма-ленинизма. Для них стоял вопрос о жизни или смерти. Они нам помогали для того, чтобы наша армия не пала под ударами гитлеровской Германии, а, опираясь на более современное вооружение, перемалывала бы живую силу врага, тем самым ослабляя и себя. Это ведь тоже было в интересах наших союзников. Они хотели выбрать подходящее время и активно включиться в войну против Германии тогда, когда Советский Союз уже не обладал бы мощью и не занимал бы решающего положения при решении мировых проблем после разгрома Германии. Поэтому их помощь — это не любовь к нашему народу и не проявление уважения к нашей государственной системе, а результат трезвого взвешивания возникшего тогда положения для западных стран.

Ситуация сложилась так, что мы стали союзниками с ними, чтобы выиграть эту войну против общего врага. Англия и США хотели воспользоваться ситуацией и использовать наши государственные и главным образом людские ресурсы, с тем чтобы чужими руками перемолоть силы общего врага, добиться победы и получить возможность самим вершить судьбы мира. Этим они и руководствовались, когда помогали нам. Они не стыдились того, что идут на союз с социалистическим государством — заклятым врагом капитализма. И Сталин, нужно отдать ему должное, тоже пошел на это. Конечно, не от хорошей жизни, а потому, что иного выхода не было, никакого выбора не было. Но это был путь к спасению. Единственный путь, чтобы выжить и выиграть войну. Так я оцениваю этот вопрос, и такое же мнение я слышал от Сталина. Он подробно не разбирал тот период войны. Но не требуется больших усилий, чтобы прийти к такому заключению. Он понимал это и говорил об этом.

Я надеюсь, что моя точка зрения найдет отражение в исследованиях тех историков, которые попробуют объективно разобраться в обстановке, сложившейся в 1941—1943 годах. Впрочем, и в 1944—1945 гг. американцы многое нам давали. Уже после войны Жданов съездил в США, и мне сказали, что после этого по ленд-лизу мы получили мощный прокатный американский стан и этот стан решено смонтировать на заводе им. Ильича в Мариуполе, потом этот город назвали Жданов. Я туда съездил. На монтаже работали японцы. Монтаж был организован узлами, чтобы быстрее ввести стан в строй. Помню, говорил я с японцами, спрашивал об их жизни. Потом мы шутили над тем, что нам пленные японские солдаты отвечали: они приехали сюда помогать русским, их прислал помогать микадо. Они считали себя не пленными, а посланцами микадо (императора).

Итак, мы получали от союзников оборудование, корабли, много военного снаряжения. Это сыграло важную роль в войне. Почти вся наша артиллерия была на американской тяге. Как-то, уже после смерти Сталина, я предложил: «Давайте все машины, которые мы производим, дадим нашим военным, потому что просто неприлично смотреть: идет парад, а тягачи — американские». Почти вся наша военная техника, которая стояла в ГДР, тоже была на американских «студебеккерах». Это неудобно, это для нас позор. Уже сколько лет прошло, как кончилась война, а мы все еще ездим на американской технике.

Хочу тут подчеркнуть, какое количество этих машин и какого качества мы получили. Представьте, как без них мы бы наступали? Как двигались бы от Сталинграда до Берлина? Я не представляю себе. Наши потери были бы колоссальными, потому что не было бы никакой маневренности у наших войск. Кроме того, мы получали много стали и дюралюминия. Наша промышленность была подорвана, частично оставлена врагу. В этих условиях помощь от США имела очень большое значение.

В оказании нам помощи проявили большое упорство и англичане. Они доставляли грузы кораблями в Мурманск и несли при этом большие потери. Там пролег длинный путь, на котором безнаказанно разгуливали немецкие подводные лодки. Германия захватила Норвегию и подошла вплотную к нашему Мурманску. Поэтому многие машины англичане перегоняли к нам и через Иран. Это было гораздо выгоднее, потому что южный путь был безопасен. Корабли разгружались в Персидском заливе, а дальше машины своим ходом двигались к нам. Кроме того, самолеты из США летели своим ходом через Аляску, Чукотку и Сибирь. Там получились довольно большие грузопотоки.

Конечно, это не все полностью решало, но без этого не оказалось бы и главного решения дела. Из крови наших бойцов и техники со стороны США и Англии в совокупности складывалось обеспечение победы, обеспечение действий Красной Армии, которая дралась и наносила сильнейшие потери нашему общему врагу. Продукты питания мы тоже получали тогда в большом количестве. Я сейчас не могу назвать конкретных цифр, ибо их нигде и никогда не публиковали. Ходило немало анекдотов, в том числе неприличных, об американской тушенке. И все-таки она была вкусной. Много появилось на этот счет прибауток, но тушенку-то мы ели. Без нее нам было бы очень трудно кормить армию. Ведь мы потеряли самые плодородные земли — Украину и Северный Кавказ. Это надо себе представить, как трудно было в таких условиях организовать обеспечение продовольствием всей страны.

Кроме того, мы получили от союзников много новых технических устройств, о которых вообще не имели понятия. Для противовоздушных сил мы получили электронный прибор — радиолокатор. Командующий военно-воздушными силами говорил мне, что этот аппарат прибыл из Англии. Раньше мы оборудовали противовоздушную оборону из приборов только прожекторами и «слухачами», довольно грубыми и сложными. О современном электронном оборудовании мы и понятия не имели, англичане же его имели и какое-то количество передали нам. На командном авиапункте меня обучали военные, как можно следить за авиацией противника по экрану этого аппарата.

Одним словом, надо честно признать вклад наших союзников в разгром Гитлера. Нельзя хвастать: вот мы шашки вынули и победили, а они пришли к шапочному разбору. Такая точка зрения верна, если рассматривать лишь вклад союзников с точки зрения высадки десантников, то есть непосредственного участия американских и английских войск в борьбе против Германии на Европейском континенте. Тут будет верно. Но техника и материалы, которыми они помогали нам, — другой вопрос. Если бы они не помогали, то мы бы не победили, не выиграли эту войну, потому что понесли слишком большие потери в первые дни войны. Теперь — о десантах союзников. Мы ждали второго фронта в Европе в 1942 г. и в 1943 году. Особенно он был нужен в 1942 г., когда нам приходилось очень тяжело. Я говорю в основном о нашем участке — Юго-Западном и Южном фронтах, где в 1942 г. наносился врагом главный удар. Противник поставил задачу лишить нас нефти и пробиться через Кавказ в Иран. Он был недалек от реализации своих планов. Конечно, если бы наши союзники высадили десант именно тогда, то наши потери были бы гораздо меньшими.

Сейчас мне трудно судить о намерениях союзников в то время. Было ли решение не высаживать десант продиктовано желанием переложить еще больший груз на плечи Советского Союза и еще больше нас обескровить? Этого я не исключаю. Или же было так, как они нам объясняли: что они еще недостаточно подготовлены, что у них еще недостаточно развито производство вооружения и они не готовы к высадке мощного десанта? Что им нужно еще какое-то время? Думаю, что имело место и то, и другое, но больше первого. Больше было желания обескровить нас, обескровить своего союзника, с тем чтобы включиться в войну как следует уже на завершающем этапе и потом вершить судьбы мира. Воспользоваться результатами войны и навязать всем свою волю: не только врагу, но и союзнику. Это я вполне допускаю. И это, видимо, сыграло немалую роль.

Если рассматривать с классовых позиций, то союзникам было неинтересно усиливать нас. Их интересы заключались в том, чтобы своевременно использовать СССР, несмотря на то что он базируется на социалистических принципах. Так уж сложилась наша общая судьба, что нам понадобилось объединить свои усилия. Каждый из нас поодиночке или совсем не смог бы выиграть войну, или же выиграл бы, но с гигантскими потерями и очень большой затяжкой во времени. Поэтому стороны шли на такой союз и, прилагая совместные усилия в борьбе против общего врага, оставались в то же время на своих классовых позициях.

Мы тоже считали, что нам было бы полезно стать значительно сильнее своих союзников к концу войны, чтобы наш голос звучал еще внушительнее при решении международных вопросов. Если бы это удалось, то не так был бы решен вопрос о Германии, как он был решен в Потсдаме. В Потсдаме решение явилось компромиссным. Оно основывалось на соотношении сил, которое сложилось к концу войны. Особенно сказалось это на статусе Берлина и Вены. Эти города находились в зоне, которую занимали советские войска. Казалось бы, эти города должны целиком входить в нашу зону. Однако союзники целиком нам их не отдали. Эти города были разделены на четыре зоны: мы получили четвертую часть, а три части получили Англия, США и Франция. Это тоже свидетельствует о соотношении сил, которое сложилось к концу войны.

О многом, конечно, американцы и англичане думали еще тогда, когда пошли на союз с нами. Особенно стала эта проблема беспокоить их, когда наша армия выдержала немецкий удар и при напряжении всех сил перешла в наступление, весьма устойчиво чувствуя себя на всех фронтах. Когда мы уже двигались на запад и подошли к Германии, союзники вынуждены были поспешить открыть второй фронт в Европе, потому что они теперь боялись, что мы можем продвинуться значительно дальше на запад от тех границ, которые были определены в Ялте, когда там намечались зоны оккупации для каждой страны, участвовавшей в войне. Все это тоже надо учитывать, указывая и на достоинства союзников, их вклад в общее дело разгрома гитлеровской Германии, и на их классовую позицию.

Теперь хочу рассказать насчет высказываний Сталина относительно взаимоотношений с союзниками в процессе войны, конкретно — с Рузвельтом и Черчиллем. Франция не имела крупных сил в Европе, и Сталин стал уделять ей внимание, в сущности, начиная с Потсдамской конференции и после нее. Его внимание занимали раньше главным образом Рузвельт и Черчилль. Сталин, по его собственным словам, больше симпатизировал Рузвельту, потому что президент США с пониманием относился к нашим проблемам. Сближала Рузвельта со Сталиным и его нелюбовь к английской монархии, к ее институтам.

Сталин как-то рассказал о таком эпизоде. Когда во время Тегеранской конференции главы держав встретились за обедом, Рузвельт, подняв бокал, предложил выпить за президента Советского Союза господина Калинина. Все выпили. Спустя какой-то срок Черчилль, тоже подняв бокал, объявил тост за короля Великобритании. Рузвельт сказал, что он пить не будет. Черчилль обиженно насторожился, а тот — ни в какую: «Нет, я пить не буду. Я не могу пить за английского короля. Я не могу забыть слова моего отца». Оказывается, когда отец Рузвельта уезжал в Америку из Европы, то уже на пароходе он сказал сыну про британского короля: «Он наш враг». Сын не забыл этого и, невзирая на этикет, так и не поднял бокала.

При деловых разговорах и возникавших спорах очень часто Сталин встречал поддержку со стороны Рузвельта против Черчилля. Таким образом, у Сталина симпатии сложились явно в пользу Рузвельта, хотя Черчилля он тоже ценил и относился к нему с уважением. Это был крупный политический деятель не только Англии, он занимал одно из ведущих мест в сфере мировой политики. При неудаче конца 1944 г. в Арденнах, когда немцы серьезно угрожали союзным войскам на втором фронте, Черчилль обратился за помощью к Сталину, с тем чтобы мы оттянули на себя немецкие армии. Для этого нам нужно было провести внеочередную наступательную операцию. Ее мы провели, хотя она планировалась у нас на значительно более поздний срок. Это стало демонстрацией дружбы и помощи союзнику, у которого сложилась тяжелая обстановка. Это было Сталиным проведено очень хорошо, он умел и понимать такие дела, и проводить их в жизнь.

Помню, как Сталин несколько раз возвращался к характеристике Эйзенхауэра. Он отмечал его благородство, рыцарский подход к взаимоотношениям с союзником. Несколько раз я слышал такие высказывания при беседах в узком кругу у Сталина уже после войны, но еще до моего переезда в Москву. А когда я вновь начал работать в Москве и чаще бывал у Сталина, он стал часто приглашать меня, когда уезжал в отпуск на Кавказ. Я чувствовал, что он просто не терпит одиночества и даже боится его. У него появлялся физический страх перед одиночеством. Это было для всех нас довольно накладно (говорю о членах руководства страны, которое окружало Сталина). Отдыхать вместе с ним и обедать считалось великой честью. Но это еще и большая физическая нагрузка.

Однажды я с ним вместе отдыхал целый месяц. Он меня поместил тогда буквально рядом с собой. Приходилось и жить рядом, все время вместе обедать и ужинать. Но это внешняя сторона дела. А если бы знали, что это означает на деле, какие это физические нагрузки, сколько нужно было съедать и вообще потреблять того, что вредно или неприятно, лишь бы не нарушить личных отношений! Отношение к тебе демонстрировалось самое хорошее, дружеское, и приходилось идти на жертвы. Но такая жизнь была отчасти полезна тем, что велись беседы, из которых можно было извлечь для себя пользу и сделать различные политические выводы.

В ходе таких бесед я неоднократно слышал от Сталина очень лестные отзывы о порядочности Эйзенхауэра. Сталин говорил, что когда мы наступали на Берлин, то если бы со стороны союзников был не Эйзенхауэр, а какой-то другой верховный командующий их войсками, мы бы, конечно, Берлин не взяли, просто не успели бы. Его бы заняли раньше нас американцы. И это действительно так, потому что немцы сосредоточили главные силы против нас и охотно готовы были сдаться Западу. Сталин обратился к Эйзенхауэру с письмом, в котором говорилось, что, согласно межсоюзническому договору и с учетом крови, которая пролита нашим народом, мы хотели бы, чтобы наши войска вошли первыми в Берлин, а не союзные. Как говорил Сталин, Эйзенхауэр тогда придержал свои войска и прекратил наступление. Он предоставил нашим войскам возможность разбить немцев и занять Берлин. Таким образом, мы получили приоритет, захватив столицу Германии. Другой человек на это не пошел бы. А ведь если бы Берлин был захвачен американцами, то тогда, по словам Сталина, по-другому решался бы вопрос о судьбе Германии, а наше положение значительно ухудшилось бы. Эйзенхауэр проявил такое рыцарское благородство и был верен слову, данному нам Рузвельтом. Он уважал память о Рузвельте.

В это время новым президентом США стал Трумэн, которого Сталин и не уважал, и не ценил. И, видимо, правильно делал, потому что тот заслуживал такого отношения. А вот еще один факт, о котором рассказывал Сталин, тоже относящийся к концу войны, когда немцы были уже приперты нашими войсками к стене капитуляции и не могли оказывать сопротивления, должны были слагать оружие и сдаваться в плен. Многие из них отказались сдаваться в плен нашим войскам и двинулись на запад с тем, чтобы сдаться американцам. Опять последовало обращение Сталина к Эйзенхауэру: было сказано, что советские войска проливали кровь, разгромили врага, а противник, который стоит перед нашими войсками, сдается в плен американцам; это несправедливо. Эйзенхауэр приказал тогда не брать немцев в плен (кажется, это было в Северной Австрии, где у нас наступал Малиновский) и предложил командующему германскими силами сдаться в плен русским, так как именно русское оружие победило его армию. Так и получилось.

Сталин рассказывал также, что он обратился с аналогичной просьбой к Черчиллю. На участке в Северной Германии, который занимал Монтгомери, немцы тоже убегали от войск Рокоссовского к англичанам. Сталин попросил, чтобы их англичане не брали в плен и вынудили сдаться нашим войскам. «Ничего подобного! — возмущался Сталин. — Монтгомери забрал себе их всех и забрал их оружие. Так наши войска разбили немцев, а результат разгрома пожинал Монтгомери». И Эйзенхауэр, и Монтгомери — оба представители буржуазного класса. Но они решили по-разному и по-разному соблюдали принципы партнерства, договоренности, слова, чести. Когда я имел дело с Эйзенхауэром, то всегда передо мной как бы стояли его былые действия. Я помнил слова, сказанные Сталиным, и верил им. Ведь Сталина заподозрить в симпатиях к кому-либо никак было нельзя. В классовых вопросах он был неподкупен и непримирим. Это у него была очень сильная политическая черта, за которую он пользовался среди нас большим уважением.

Под конец войны Сталин очень беспокоился, как бы американцы не перешли

через линию разграничения союзных войск. Я уже говорил, что против нас было организованное сопротивление немцев, а американцы спокойнее наступали и легко пересекли линию разграничения. Сталин сомневался, уступят ли они, сдержат ли слово, данное Рузвельтом в Тегеране. Они ведь могли сказать, что их войска останутся там, куда вышли, и это будет теперь разделительная граница оккупационных районов. Но нет, американцы отвели свои войска назад и расположили их по линии, которая была намечена в Тегеране, еще до победы над Германией. Это тоже свидетельствует о порядочности Эйзенхауэра. Из таких вот фактов складывалось хорошее отношение Сталина к Эйзенхауэру. Поэтому Сталин и пригласил Эйзенхауэра на Парад Победы и выразил наше признание его заслуг награждением его высшим военным орденом СССР — «Победы». Это очень высокая награда. Правда, тем же орденом был награжден фельдмаршал Монтгомери. Но в данном случае налицо формальное выполнение нашего долга по отношению к союзнику, потому что англичане тоже награждали наше начальство своими орденами. Здесь имела место лишь официальная взаимность, а Эйзенхауэра Сталин выделял особо. Потом я не раз встречался с Эйзенхауэром, но об этом я расскажу в другом месте.

Сейчас хочу высказать свои соображения на тему, были ли созданы условия в СССР для того, чтобы все отдать нашей Красной Армии, дабы она могла противостоять врагу. Следовательно, вопрос конкретно стоит так: могла ли Красная Армия противостоять гитлеровской армии и, как тогда говорили Ворошилов и Сталин, не уступить ни пяди земли врагу? Могла ли бить врага только на его территории? Был такой лозунг. Весь мир чувствовал ложность этого лозунга, необеспеченность СССР реальной силой. Но могли ли мы сделать его реальностью? Безусловно, могли. Другое дело, что, помимо экономики, очень остро зависело это, особенно в начальный период войны, от проблемы военных кадров. Мы бы легче справились с фашистами, если бы в 30-е годы не были уничтожены наши военные кадры. Кадровый состав командиров Красной Армии был истреблен в очень большой степени.

У меня нет точных количественных данных, сколько офицеров различных званий было уничтожено. Но если посмотреть на высший командный состав, то видно, что почти весь он — от командующих войсками военных округов до командиров дивизий — был истреблен. А ведь это были люди, которые обладали хорошими знаниями, многие из них окончили военные академии, а некоторые — и по две академии: общевойсковую и специальную. Средний командный состав имел среднее военное образование. Но самое ценное в этих кадрах было то, что они прошли гражданскую и другие войны, обладали важным опытом. Они не имели нужных знаний раньше, когда участвовали в гражданской войне, но после окончания гражданской войны получили теоретические и специальные военные знания и накопили большой опыт командования соединениями, а до того прошли солдатскую и офицерскую школу первой мировой войны, в Красной Армии стали командирами разных степеней и рангов, участвовали в военных играх, военных маневрах. Все у нас было сделано, что только можно было сделать, с этими кадрами, чтобы научить и должным образом натренировать этих людей. Они вполне соответствовали своему назначению и готовы были выполнить свой долг перед Родиной.

К сожалению, эти люди были истреблены, после чего были выдвинуты на командные должности люди, не обладавшие ни знаниями, ни опытом. Поэтому они во время войны уже на поле брани проходили стажировку и обучались вождению войск. А это совсем не то, что в мирных условиях. Правда, тут созревание шло быстрее, но обходилось народу дороже. Когда разыгрывается на карте та или другая операция, подсчитывают: столько-то тысяч людей погибло; но тут условные потери. На фронте же погибали не условно, а безусловно. Если бы сохранились кадры, которые прошли должную школу еще до войны, то мы понесли бы значительно меньшие потери. Это каждому понятно, и это обязательно нужно учитывать при анализе событий начального периода войны. К сожалению, никто не приподнимал этой завесы. Люди, которые были уничтожены в 30-е годы, считались «врагами народа». Вот почему их гибель не ставилась в вину тем, по чьей вине эти люди были загублены; наоборот, их уничтожение даже возводилось в заслугу.

Ну, ладно, тогда все мы были обмануты, все верили, что прозорливость «отца и вождя советского народа великого Сталина» спасла нас от врагов. Но потом-то, на XX съезде КПСС все эти вопросы были подняты и неопровержимо освещены. Неопровержимые факты могут быть предоставлены в распоряжение всем, кто

захочет произвести глубокий анализ свершившегося. Однако еще и сейчас остались люди, которые буквально дрожат перед загаженными кальсонами Сталина, по-прежнему становятся перед ним во фронт и считают, что исторически тогда были неизбежные потери и что они говорят о величии того, кто не остановился перед потерями, а вывел нашу страну туда-то и туда-то, на такой-то рубеж, добился того-то и того-то. Я даже не знаю, как называть людей, которые так рассуждают. А если бы не было тех потерь и злоупотребления властью? Разве было бы хуже? Вспомним, что говорил Ленин о Сталине. Что Сталин нетерпим, поэтому нужно его отстранить от партийной власти. Если бы это было сделано, то война за спасение СССР стоила бы нам во много раз меньше, чем стоила при «отце родном, величайшем и гениальном вожде».

Подготовка к ведению войны — это не только занятия на местности, проведение операций на картах, тренировка и муштровка людей, хотя без этого нельзя подготовиться к войне. Если не создать необходимых материальных условий, не создать экономического фундамента, то никакая война не может быть выиграна. Главное — это вопросы материального обеспечения и производства вооружения: авиация, артиллерия, танки, стрелковое оружие, инженерные средства, другое оружие — все то, что нужно для разгрома врага и отражения его нападения. Некоторые средства нужно иметь на всякий случай: химическое и бактериологическое оружие. К счастью, вторая мировая война прошла без применения таких средств, но в первой мировой войне использовались газы. Если бы у нас не имелось заранее таких средств, а противник применил бы их, то для наших армий создалось бы бедственное положение. Следовательно, это оружие, необходимое в прошлом, необходимо готовить, увы, и в настоящем, и даже на будущее, пока существуют противоположные общественные системы. В какой-то степени мы просто вынуждены накапливать такие средства войны и держать их про запас.

Итак, я высказался относительно репрессированных военных. Мне трудно перечислить их всех, хочу остановиться лишь на некоторых из них. Возьмем Гамарника, заместителя наркома обороны СССР. Это был большой политический деятель и очень хороший организатор, человек, который принимал непосредственное участие в создании Красной Армии. Его роль как заместителя наркома обороны тоже была весьма велика. Егоров — крупнейший военачальник. Еще в гражданскую войну он командовал Юго-Западным фронтом. Тухачевский в возрасте 27 лет руководил рядом фронтов. Какие операции поручал лично Ленин проводить Тухачевскому? Кронштадтская, против Антонова, против Колчака, против белополяков. Когда его казнили, сколько всякого ничтожного лепета произносилось в его адрес теми людьми, которые не доросли не только до его пупа, но и до его коленок. А они лягали его.

Если в гражданскую войну какая-то операция проводилась под командованием Тухачевского, то персонально валили все личные неудачи именно на Тухачевского. Однако после тех операций, которые, как считали эти критики, были провалены в результате того, что Тухачевский оказался «не на высоте», другие, даже более сложные операции, связанные с вопросом и жизни, и смерти Советской страны, Ленин неизменно поручал Тухачевскому. Он его ценил, и ценил правильно. Я с Тухачевским встречался, хотя знал его не столь близко, но и не очень далеко. Когда я работал секретарем Московского городского и областного комитетов партии, мы с ним перезванивались и встречались, причем не только на пленумах: я с ним не раз выезжал в поле, где он показывал мне в деле некоторые военные новинки. Я говорю о новинках, которые имеют отношение к вооружению Красной Армии и ее инженерному оборудованию. У меня осталась самая добрая память о Тухачевском.

Теперь — Якир. Якир был раньше студентом, не имевшим до 1917 г. никакого военного образования. Он не был на мировой войне, а во время гражданской начал свою военную карьеру с создания какого-то отряда. Вооружались тогда, кто чем мог, а главным оружием трудящихся была ненависть к старому строю и преданность новому строю, во имя которого и шла война. Отряд Якира вырос затем в дивизию. Он командовал ею, оставаясь на Юге, где был отрезан от основных сил Красной Армии, пробился к основным силам, прошел как бы сквозь строй белогвардейцев и вывел дивизию к своим. Потом успешно руководил группами войск. Кончилась гражданская война, и он занимал высшие командные посты в Красной

Армии, командуя войсками Украины и Крыма, других округов, а затем был арестован и казнен.

Эйдеман. Он был поэтом и был воином. Тоже выделялся как крупный военачальник. Возглавлял Осоавиахим, когда был арестован и тоже казнен. Я сейчас забыл фамилию того военного, по национальности эстонца, который был офицером царской армии, но прошел вместе с нами всю гражданскую войну, а затем командовал войсками Московского и других военных округов. Я знавал его в Москве. Он тоже считался крупнейшим военачальником, тоже был арестован с Тухачевским и Якиром и казнен вместе с ними.

Скажут, что вот Гамарник не был казнен. Знаю, Гамарник сам застрелился. Но он предвидел, что будет казнен. К нему пришли, чтобы его арестовать, и он застрелился. Палачи пришли тянуть его на плаху, и он решил, что лучше будет покончить жизнь самоубийством. Это был честнейший человек. А Блюхер? Сейчас в газетах без конца твердят: Блюхер получил первым орден Красного Знамени, Блюхер сделал то-то, Блюхер сделал то-то. Никто не осмеливается, однако, рассказать, как окончил жизнь Блюхер. Где он был, когда шла война с Гитлером? А он был уже мертв. Почему? Он сам умер? Нет, тоже был казнен как «враг народа». Это был рабочий, имел профессию слесаря, приобрел военный опыт в первую мировую войну унтер-офицером, а потом вырос в крупнейшего военачальника, командовал в гражданскую войну соединениями, был нашим советником у Чан Кайши, которому мы тогда доверяли как военному и политическому деятелю, командовал войсками Дальневосточного военного округа, являлся грозой для врагов и надежным щитом Страны Советов. Сейчас ему ставят памятник. Как же не стыдно тем, которые не хотят сказать народу правду, что Блюхер пал от руки того, о ком Ленин сказал, что ему нельзя доверять? Да, памятник Блюхеру нужен. Но памятник ему должен ставиться такой, чтобы все знали, что нас лишила возможности использовать талант Блюхера в войне против немцев не естественная смерть человека.

Я недавно вновь смотрел кинофильм «Железный поток» по известной книге. Это была первая книга о гражданской войне, которую я в свое время прочел. Написана она талантливым писателем Серафимовичем, а теперь эта книга вышла на экран. Я смотрел этот фильм не в первый раз, но, как всегда, волновался и переживал, все время не мог отделаться от мысли: где и когда видел я этого мужественного и умного человека, командующего авангардом Таманской армии? В книге его называли Кожух, а на деле это Ковтюх, человек, проявивший ум, военный талант и мужество: он вывел Таманскую армию, прорвался из белого окружения. Зрители восхищаются талантом этого человека и его бойцами — крестьянами и кубанскими казаками, которые выходили из окружения со своими семьями. Спрашивается, где же Ковтюх? Что он делал во время этой войны? Нет Ковтюха. Он тоже попал в число «врагов народа» и был расстрелян. Можете себе представить? Если бы Ковтюх был жив и возглавлял бы воинские соединения в борьбе с немцами, какую пользу принес бы? Когда его арестовали, он имел звание комкора, крупное воинское звание. Так разве только Ковтюх? А другие?

Они тоже погибли от руки Сталина как «враги народа». Теперь всем им вернули доброе имя. Это сделано после XX съезда партии. Но и сейчас многое замалчивается. Я считаю, что нужно не только вернуть, но и показать их всех как мучеников террора, который проводился Сталиным под лозунгом борьбы с «врагами народа». Чего же он стоит? Какой он гений? Какой же он «отец родной» советского народа, каким его провозглашали на митингах и повторяли это, где надо и где не надо? В литературе он тоже выведен «отцом родным». Нет, прежний покров будет содран, и Сталин будет показан перед советским народом нагим, займет именно соответствующее ему место в истории.

Еще один крупный военачальник, тоже выходец из народа, — Федько. И его тоже нет. В последнее время своей деятельности он командовал войсками Киевского военного округа и стал заместителем наркома обороны. Потом был арестован в 1938 г. и тоже погиб, как и другие честные люди, объявленный «врагом народа». Я сейчас уже не помню, рассказывал ли я когда-нибудь раньше об Иване Наумовиче Дубовом. Дубовой — выходец из пролетарской семьи. Его отец — донецкий шахтер с дореволюционным партийным стажем. Мне говорили, что во время первой мировой войны Иван окончил школу прапорщиков и стал офицером. Потом

началась гражданская война, и вот он уже заместитель начальника дивизии, а начальником был Щорс. Я познакомился с Дубовым позже, на съездах Компартии Украины. Он всегда был участником этих съездов. Особенно близко я с ним познакомился в 1928—1929 гг., когда работал в Киеве, заведуя орготделом Окружного комитета партии, а Дубовой был помощником командующего войсками Украинского военного округа. Он очень дружил с Николаем Несторовичем Демченко, секретарем Окружного комитета партии Киева. А я в свою очередь уважал этого человека, часто с ним встречался, выезжал вместе с ним в войска. Дубовой был ближайшим другом Якира. Я радовался, что вот такие у нас сейчас имеются командиры в Красной Армии, душой и телом преданные делу революции, Советской власти и социализма.

Когда же началось разоблачение «врагов народа», погибли Якир, Тухачевский и другие, то спустя какое-то время Сталин разослал нам их «показания». Он иной раз делал это. Редко, но рассылал. Читаю я эти «показания» Дубового. Оказывается, они собственноручно написаны Дубовым. Он там писал, что убил Щорса, так описывая место, где тогда вела бой дивизия, которой командовал Щорс: «Мы со Щорсом лежали и наблюдали за боем. Вдруг пулеметчик противника повел огонь в нашем направлении. Пули довольно хорошо ложились вокруг наших бойцов. Мы тоже были под обстрелом этого пулемета. Я сзади был, а Щорс впереди, он повернулся: «Ваня, Ваня, а у беляков-то пулеметчик хороший, смотри, как он метко ведет огонь». Потом он еще обернулся и что-то хотел мне сказать. Тут я убил его — выстрелил ему в висок. Убил, чтобы после него самому занять его место, то есть получить командование этой дивизией».

Вы можете себе представить, насколько я был возмущен? Я уважал этого человека, и вдруг он сделал такую подлость. Я ругал себя: каким же я оказался слепцом, как же я мог не увидеть! Ведь когда я его знал, он уже был убийцей Щорса! Теперь, после XX съезда партии, когда мы подняли архивы, взяли те дела, по которым людей объявляли «врагами народа», расстреливали и душили, я увидел, что все это были ложь и обман. Так я оказался во второй раз обманутым: в первый раз был ложный обман, когда я считал Дубового честным человеком, а он «признался» в своих преступлениях; а вторично я оказался обманутым уже убийцей этого человека, то есть Сталиным.

Я вполне допускаю, что это были собственноручные показания Дубового, которые он сам написал и сам рассказал о своих «преступлениях», признался в убийстве Щорса — ближайшего друга. Тогда же я узнал, как делали «врагом народа» Мерецкова. Он тоже собственноручно написал показания, в которых признавался, что является английским шпионом, врагом народа и прочее. Его показаний я не читал, в 1941 г. Сталин уже не нуждался в том, чтобы его поддержали другие лица в руководстве, он просто сам вершил суд и уничтожал людей. Шла война, а мне эту историю рассказал Берия, то есть источник довольно точный. Бывало, когда о ком-нибудь говорили как о стойком человеке, Берия высказывался так: «Слушайте, дайте мне его на одну ночь, и он у меня признается, что он английский король». Уж он-то знал, как этого можно добиться, да и не раз добивался. Тогда, при жизни Сталина, он только говорил так, а позднее, когда мы подняли архивные материалы, арестовали и осудили Берию, то увидели, какими методами он достигал своей цели.

Так вот, Берия еще при жизни Сталина рассказывал об истории ареста Мерецкова и ставил освобождение его себе в заслугу: «Я пришел к товарищу Сталину и говорю: «Товарищ Сталин, Мерецков сидит как английский шпион. Какой он шпион? Он честный человек. Война идет, а он сидит. Мог бы командовать. Он вовсе не английский шпион». Я и сейчас не могу понять, кто же его арестовал? Берия валил все на Абакумова. Но кто этот Абакумов? Человек Берии. Он в своей деятельности прежде всего отчитывался перед Берией, а уж потом перед Сталиным. Следовательно, Абакумов не мог арестовать Мерецкова, не посоветовавшись с Берией и без санкции Сталина. «И вот, — продолжает Берия, — Сталин сказал: «Верно. Вызовите Мерецкова и поговорите с ним». Я вызвал его и говорю: «Мерецков, ты же глупости написал, ты не шпион. Ты честный человек, ты русский человек, как ты можешь быть английским шпионом? Зачем тебе Англия? Ты русский, ты честный человек». Мерецков смотрит на меня и отвечает: «Я все сказал. Я собственноручно написал, что я английский шпион. Больше добавить ничего не

могу и не знаю, зачем вы меня опять вызвали на допрос». — «Не допрос. Я тебе хочу сказать, что ты не шпион. Ступай в камеру, посиди еще, подумай, поспи, я тебя вызову». Его снова увели в камеру. Потом, на второй день, я вызвал Мерецкова и спрашиваю: «Ну, что, подумал?» Он стал плакать: «Как я мог быть шпионом? Я русский человек, люблю свой народ и верю в свой народ». Его выпустили из тюрьмы, одели в генеральскую форму, и он пошел командовать на фронт».

А теперь, когда я видел Мерецкова в последний раз, это был уже не Мерецков, а его тень. Раньше он был молодой генерал, физически крепкий, сильный человек, а теперь он еле ходит, «скрипит». Я узнал, что его в очередной раз наградили в связи с 50-летием Советских Вооруженных Сил. Это, конечно, награда по заслугам. Но здоровье-то отнял у него Сталин, и он из честного человека был превращен во «врага народа», в английского шпиона, спасся чудом, и я не знаю, как это пришло в голову Берии. Думаю, что он хотел его вернуть в строй как талантливого полководца, хотел вернуть его армии, чтобы он делал свое дело, командовал войсками и громил вражеские полчища, которые вторглись в нашу страну. Ведь Берии было небезразлично, что с ним станет, если СССР рухнет.

Но Берия — это такая бестия. Не исключаю, что он мог так поступить еще и с дальним прицелом: ведь два века никто не живет, а талантливый полководец Мерецков вновь займет соответствующее место в Вооруженных Силах в свое время, сможет лично ему пригодиться. Берия был очень коварен, и я не исключаю, что с его стороны тут был шаг большой политики, предвидение возможности опереться на него и других «своих» военачальников в будущем, когда Берия будет нуждаться в этом.

Много потребовалось бы мне времени (да я и все равно не смог бы), чтобы перечислить всех, кто погиб в результате сталинского вероломства и террора. Впрочем, для моих воспоминаний этого, вероятно, и не требуется. Может быть, когда-нибудь, уже для наших потомков, историки покопаются в архивах и извлекут все на свет. Это все станет доступно, и они обнародуют тайные факты, чтобы люди их знали и чтобы они не допустили возможности повторения такого.

История иной раз повторяется, особенно вот в таких делах. Тут нельзя благодушествовать, нельзя считать, что это пройденный этап, который никогда не повторится. Надо клеймить содеянную гнусность, надо разоблачать ее авторов, надо не замалчивать событий, не приглаживать историю, а, наоборот, поднимать и обострять чувство ответственности у народа, у партии, с тем чтобы исключить повторение того, что было сделано Сталиным. Ведь Сталин сделал с превышением то, о чем Ленин предупреждал, причем предупреждал очень четко. Несмотря на его предупреждение, Сталин все-таки втерся в доверие народа, а потом быстро вернулся к тем методам действий, о которых упоминал Ленин, предупреждавший, что может произойти злоупотребление властью. Так и случилось.

Возвращаюсь опять к тому, что если бы кадры, которые были обучены, выращены партией и прошли школу гражданской войны, остались бы в живых и занимали в войсках соответствующие места, то совершенно иначе пошло бы дело при нападении Гитлера на Советский Союз. Недаром нам в войну потребовалось выдвижение новых командиров. Наверное, имели место две, три, а где-то и четыре смены командного состава. Я знаю людей даже пятой смены. Многие из них заслуженно вырывались вперед. Это были способные и честные люди, преданные Родине. Но им нужен был опыт, а опыт этот они приобретали в ходе войны за счет солдатской крови и материального ущерба для ресурсов Родины. Такое учение стоило огромного количества жизней и разорения страны. В конце концов мы выжили, победили, на собственных ошибках научились командовать по-настоящему и разбили врага. Но чего это стоило? Если бы не произошло того, что сделал Сталин, когда выдумал «врагов народа» и уничтожил честных людей, я убежден, что нам победа стоила бы во много раз дешевле, если, конечно, это слово морально допустимо с точки зрения оценки количества крови тех человеческих жизней, которые пришлось положить во время войны. Все бы произошло значительно дешевле и гораздо легче для нашего народа.

Сейчас таких работ еще не написано, никто таким анализом не занимался. Многие историки получают кандидатские и докторские ученые степени за анализ событий, которые мало интересны. Иной раз смотришь: состоится защита диссертации на такую-то тему, а тема достаточно сомнительная для науки. Порою

бывают такие темы. А вот провести бы ту работу, о которой я мечтаю. Она еще ждет своих исследователей и, конечно, будет осуществлена, но, видимо, не сразу.

Что касается наших прежних кадров, то полагаю, что, возможно, при их наличии противник и не решился бы навязать нам войну. А если бы война возникла, то велась бы действительно больше на чужой территории, чем на нашей. Итак, умение использовать человеческие ресурсы, правильно организовать войска, верно командовать, быть на высоте положения в военной тактике и стратегии — одно из решающих условий победы. Но только одно. Вторая сторона дела — экономика. Насколько развита страна экономически и в какой мере экономика может служить базой механизации и вооружения армии, от этого в современных условиях тоже зависит победа. Прошли времена, когда князья выводили свои дружины с пиками, топорами, вилами и булавами драться с врагом. Теперь налицо война механизмов, моторов, артиллерии, авиации, танков и противотанкового оружия, инженерных войск. Она идет на земле и на воде, под землей (мины, убежища) и под водой, в воздухе. Если одна сторона будет владеть всем, что создали современная наука и техника, а другая станет опираться только на мускульную и волевую возможности человека, возникнут неравные условия.

Так имела ли Красная Армия эту инженерно-техническую материальную базу до войны? Если нет, то возникает следующий вопрос: имели ли мы общую возможность создать соответствующую военно-техническую базу, вооружение, средства защиты и нападения? Без всяких колебаний я категорически отвечаю: «Да, имели!» Наш народ, рассматривая окончание гражданской войны как передышку в борьбе с империалистами, стремился использовать ее, чтобы создать могучую индустрию, перестроить народное хозяйство, пробежать в короткий срок путь, который капиталистические страны проходили за десятки лет. Наш народ затягивал животы поясами, голодал и холодал, жил в нужде, но не жалел средств на создание такой индустрии и вооружение армии, с тем чтобы враг не мог даже подступиться к нашим границам.

Помню время, когда я вернулся с фронтов гражданской войны в начале 1922 года. Как только пришел, меня партийная организация направила заместителем управляющего рудниками французской компании, туда, где я в 1912—1914 гг. работал слесарем. А управляющим этими рудниками был мой ближайший друг Егор Трофимович Абакумов. Это не тот Абакумов, который был министром внутренних дел, а другой, который стал позднее одним из руководителей угольной промышленности СССР. Тяжелое время переживали мы в 20-е годы. На рудниках был голод, в 1922 г. отмечались отдельные случаи людоедства. А деревня еще сильнее была разорена, чем промышленность. Вот какое возникло положение. Но народ поверил партии, потому что знал, что нам навязала разруху наша собственная и мировая буржуазия, которая поддержала контрреволюцию и организовала интервенцию. Лозунги партии были понятны каждому неграмотному. Мы тогда не только клали животы ради новой жизни, но иной раз брали грех на душу и говорили, что в старое время, дескать, жилось хуже.

Грех потому, что хотя и не все, но высококвалифицированные рабочие в том районе Донбасса, где я трудился, до революции жили лучше, даже значительно лучше. Например, в 1913 г. я лично был обеспечен материально лучше, чем в 1932 г., когда работал вторым секретарем Московского комитета партии. Могут сказать, что зато другие рабочие жили хуже. Наверное, хуже. Ведь не все жили одинаково... Да, мы сознательно шли на лишения, потому что мы выжимали буквально все ради раскручивания индустриализации. Надо было выиграть время. Порой это требовало просто нечеловеческих жертв. Но и на это шел народ и создал современную промышленность. Однако использовать эту промышленность как следует мы не сумели. Наша армия оказалась к началу войны и без квалифицированного командного состава, и без соответствующего вооружения, необходимого для отражения наступления противника и разгрома его еще на границе СССР.

Думаю, что нашим историкам понадобится проанализировать результаты потерь не только военных кадров, уничтоженных Сталиным, но и в народном хозяйстве. Сколько же там погибло честнейших людей, партийных, профсоюзных и других работников промышленности! Тысячи и тысячи... Самые квалифицированные люди были загублены: директора заводов, главные инженеры, начальники цехов, секретари районных и городских партийных комитетов, председатели рай- и

горсоветов, секретари первичных партийных организаций. Погибли безвинно сотни тысяч людей. Я, конечно, не смогу их перечислить, я могу здесь назвать лишь отдельных людей, из числа тех, которых знал.

Вот, например, Иван Тарасович Кирилкин — директор Рутченковских рудников, где я раньше был рабочим, а потом заместителем управляющего. Как я уже рассказывал, я поступил на эти рудники в 1912 году. Тогда они принадлежали французской компании, которая потом продала их (кажется, «Брянскому акционерному обществу»). После революции они стали государственной собственностью, и их назвали Рутченковскими. Прежде они носили название Краснотворческих, но это слово не прижилось. Их называли Рутченковские копи, по фамилии владельца местных земель, крупного помещика. Кирилкин был управляющим этими рудниками в 1925—1926 годах. А потом Ивана Тарасовича назначили директором Макеевских металлургических заводов, и он со знанием дела руководил ими. А заводами, которые принадлежали раньше англичанину Юзу, командовал Базулин, то есть всем известный Вася Базулин, местный рабочий. Он неплохо управлял этими заводами, опираясь на актив, на инженеров. А затем наступил 1937 год. Погиб Иван Тарасович. Я так и не нашел следов, где и при каких обстоятельствах он погиб. Базулин тоже исчез с горизонта.

А в Москве сколько же директоров заводов, сколько инженеров погибло? Только, бывало, и докладывают мне: вот, проглядели «врага народа». Партийная организация бьет себя в грудь: проглядели! Таких «врагов народа» набралось столько, что уже и Орджоникидзе не смог переварить это и застрелился. Покончил с собой честнейший человек рыцарского склада характера.

Как мне передавал в разговоре Анастас Иванович Микоян, перед тем как застрелиться, Серго ходил с ним вечером по аллеям Кремля и говорил: «Не могу больше, не могу мириться с тем, что творится. Бороться со Сталиным я тоже не могу и не вижу сейчас возможности продлевать свою жизнь». И вот Серго застрелился. А как же Сталин? Сталин этот случай ловко обставил по-своему. Я в то время был секретарем Московского городского и областного комитетов партии. В один из выходных дней мне звонит Авель Софронович Енукидзе и говорит: «Товарищ Хрущев, приезжайте ко мне в Кремль. Срочный вопрос». Приезжаю. Спрашиваю: «В чем дело?» «Умер, — говорит, — Серго». «Как умер? Я его видел недавно». — «Скоропостижно скончался. Вы же знаете, что он был больной человек. Создана правительственная комиссия по организации его похорон, и Вы входите в эту комиссию, а я в ней председатель. Мы должны сейчас подготовить предложения для ЦК о порядке проведения похорон». Имелся соответствующий трафарет для таких похоронных дел, мы быстро обсудили вопрос и дали свои предложения. Не помню сейчас точно, но, кажется, я выступал от Московского комитета партии на этих похоронах.

Я очень жалел Серго. Он пользовался большим уважением в народе, а мне лично было его жаль еще и потому, что я чувствовал его хорошее, теплое отношение ко мне. Серго ко мне относился с некоторым отцовским покровительством, а я нуждался в этом, к тому же было приятно. Ведь всякому человеку приятнее доброе слово, чем окрик или грубость, которые тогда были в ходу... Похоронили. Я так и считал тогда, что Серго скоропостижно скончался в выходной день. Говорили, что он позавтракал, прилег на диван и уже не поднялся. Он действительно лег на диван, но застрелился.

А правду я узнал совершенно случайно, причем во время войны. Я приехал с фронта. У Сталина на обеде, который тянулся целую ночь, видимо, я попал в ненормальное состояние. Вспомнил я вдруг о Серго, начал говорить о нем добрые слова: лишились мы такого человека, умного, хорошего, рано он умер, а мог бы еще и пожить, и поработать. Смотрю, сразу за столом такая реакция, как будто я сказал что-то неприличное. Правда, никто мне ничего не сказал, и такое, знаете ли, повисло молчание. Я это увидел, а потом, когда мы с Маленковым вышли, я говорю ему: «В чем дело?» «А что, ты разве ничего не знаешь?» — «Да о чем ты?» — «Ведь Серго-то не умер, а застрелился, Сталин его осуждает, а ты по-доброму сказал о нем, поэтому и возникла пауза, которую ты заметил». — «В первый раз слышу! Вот так-так...»

Столько лет я и другие были обмануты на этот счет Сталиным. Зачем ему понадобилось обманывать? Видимо, чтобы не будить лишних мыслей у наших

людей, почему такой человек, как Серго, ближайший к Сталину человек, вдруг застрелился. Видимо, не от хорошей жизни? И это — человек, который прошел через испытания подпольной борьбы, ссылок. А в годы, когда СССР на подъеме, когда, казалось, только и надо, что работать да радоваться, вдруг решил уйти из жизни и уничтожил сам себя. Значит, была причина. Без причины такой человек не мог умертвить себя, потому что это был коммунист высокого толка и особого воспитания, с высокоразвитым чувством чести. Я так говорю, опираясь на мнение и самого Сталина: беспринципный в вопросах морали, Сталин его осуждал как раз за это. Когда я узнал, что Серго застрелился, мне многое стало понятнее из того, что я слышал от Сталина о Серго: Сталин всегда старался приуменьшить его роль в революции и в борьбе за развитие экономики СССР.

А Завенягин Авраамий Павлович? Мой приятель, с которым я познакомился в 1922 г., когда вернулся из Красной Армии. Он тогда был в Юзовке секретарем уездного комитета партии. Потом я пошел учиться в Юзовке на рабочий факультет, а Авраамий Павлович поступил в Горную академию и с блеском ее окончил. Это был интересный человек и хороший работник. Он трудился на многих постах. Потом Орджоникидзе выдвинул его своим заместителем по черной металлургии. И вдруг Завенягин исчез. Я обеспокоился, где же Авраамий? Ни слуху ни духу. Но через какое-то время опять всплывает Завенягин. Позднее он стал заместителем Председателя Совета Министров СССР. Последняя его должность (по совместительству) — министр среднего машиностроения СССР. Иначе говоря, он занимался атомными делами. А умер он, пострадав от облучения атомными зарядами. Где же пропадал в свое время Завенягин? Оказывается, отбывал ссылку. Мне потом рассказывали, что Сталин его вызвал и выразил ему свое недоверие: «Вот, Завенягин, на тебя есть показания». И куда-то сослал его за тридевять земель. Там он трудился и отличился. Честный был человек, с умением мог использовать свои знания и энергию. Потом, правда, Сталин вернул его, и он опять стал работать в Москве.

Я сейчас и не решаюсь называть всех зря пострадавших по фамилиям. Во-первых, я забыл фамилии многих директоров заводов, инженеров и начальников цехов, которые были уничтожены в те годы в Москве. Их, наверное, были тысячи. Во-вторых, просто не в курсе дела: где эти люди, куда подевались? Но делаю такой вывод: если бы эти кадры не были уничтожены, а продолжали свою деятельность на пользу нашей страны, создавая средства производства и средства вооружения Красной Армии, применяя разумно и со знанием дела промышленный потенциал, то мы использовали бы с толком все условия, чтобы создать нужное вооружение и в нужном количестве, так что Красная Армия была бы обеспечена не хуже, а лучше немецкой. Мы имели для этого все возможности.

Хотел бы показать это наглядно. К примеру, мы сумели создать нужное количество вооружения уже в ходе войны, к середине 1943 года. Как раз тогда мы разгромили на Курской дуге огромнейшую армию гитлеровцев, вооруженную до зубов самым современным оружием. Я не припоминаю, чтобы там в составе наших наземных войск использовалось какое-то иностранное оружие, если не говорить об автомобилях. Я видел под Сталинградом отдельные экземпляры английских и американских танков, но советские танкисты по боевым качествам всегда ставили на первое место наши, отечественные танки, особенно Т-34. Артиллерия, пулеметы, винтовки, автоматы были нашими, отечественными. Следовательно, смогли же мы создать замечательное оружие в нужном количестве, чтобы вооружить нашу армию к середине 1943 года? Далее, мы получали наше оружие в нарастающем количестве, хотя ранее оставили врагу обширную территорию — Украину с Донбассом, Белоруссию, другие районы с их заводами и сырьем.

Но и это еще не все. Мы лишились тогда промышленной, научной и технической базы блокированного Ленинграда и эвакуированной Москвы — двух центров индустрии союзного значения. Лишились мы Ростова, Воронежа, Сталинграда, Северного Кавказа. Если сделать сейчас выборки из статистических данных, то районы, которые оказались оккупированы немцами, давали чугуна, стали, угля и нефти значительно больше половины всего их производства в СССР. Вероятно, процентов 60 или 70, если взять металлургию. И вот, лишенный всей этой базы, наш народ, вывезя кадры и оборудование, какое успел, нашел возможность смонтировать это оборудование, порою на чистом месте, где-нибудь в сараях, и наладил заново производство танков, артиллерии, автоматического оружия, винтовок,

пулеметов, мин, взрывчатки и прочего. Колоссальная была проделана работа для того, чтобы дать армии все необходимое.

В чем же дело? Почему не все успели сделать до войны? Как только определилось, что война с фашистской Германией у нас будет, а это определилось с приходом Гитлера к власти в 1933 г., мы должны были непрерывно наращивать производство боевой техники и подготовиться к неизбежной войне. В 1936—1939 гг., когда шла война в республиканской Испании, мы стояли лицом к лицу со своим врагом, оказывая помощь революционным силам Испании. Наши люди сталкивались там с немецкими и итальянскими фашистами, которые воевали на стороне мятежника Франко. Но вот наступил 1939 год. Был подписан договор Риббентропа — Молотова, как тогда называли его на Западе. И Сталин сказал нам: «Обману, обману Гитлера». Следовательно, он считал, что Гитлер все равно нападет на нас, но он-то выиграет нужное время, подписав этот договор. Вместо того, чтобы сразу столкнуться лбом с Гитлером и вызвать огонь на себя, мы подписанием этого договора миновали опасный рубеж, создав условия для столкновения Гитлера сначала с западноевропейскими странами. Это и был тот выигрыш времени, о котором говорил Сталин.

Сталин именно так оценивал тогда сложившееся положение. Хочу думать, что он его понимал как раз так. В таком случае он должен был приложить все усилия, чтобы, подписав договор о ненападении, а затем новый договор — о дружбе и границе с Гитлером, сейчас же развернуть работу нашей промышленности, научных учреждений, конструкторских бюро по производству требуемого вооружения, развернуть дело на полный ход, на все обороты. Если бы мы это сделали (беру 1939 г., 1940 г. и почти половину 1941 г., то есть 2,5 года, именно то время, за которое мы потом потеряли, отступая, полстраны по промышленному потенциалу), то сумели бы раньше наладить выпуск вооружения и заранее обеспечить армию всеми средствами ведения войны. Значит, если бы мы с толком использовали полученную передышку, то к 1941 г. имели бы то, что получили в 1943 г., и Красной Армии этого было бы достаточно, и даже с лихвой, чтобы разгромить немцев еще на наших границах и не допустить вторжения фашистских орд в пределы Советского Союза.

Конечно, мы не бездельничали, а трудились. Однако использовали передышку не так, как следовало. Это знает история. Мне, близко стоявшему к армии, хорошо известно, что, как только началась война, рабочие на Украине сами пришли в ЦК партии и потребовали: «Дайте винтовки!» А я ничего не смог предложить им, ибо винтовок не было, и обратился с этой просьбой к Москве. Москва сказала (к телефону подходил Маленков): «Нет винтовок. Те, что были в Москве, осоавиахимовские винтовки с дырочками, мы восстановили, заклепали дырочки и отдали Ленинграду. А вы должны теперь ковать оружие сами. Делайте ножи, пики и прочее». Можете себе представить? Немцы обрушились на нас с такой боевой техникой, а нам говорят: «Куйте пики, куйте ножи, громите врага, который наступает с танками». Только наш народ, наша армия, наша партия смогли выдержать такое испытание! Несмотря на тяжелейшие условия, армия сопротивлялась, отходя, но и при отходах перемалывала живую силу противника и его технику. Тут шли в ход и бутылки с горючим, и мины, и всякие другие выдумки, на которые пошел народ, защищавший свою родную землю, честь и богатство.

А если бы мы полностью использовали передышку? Имел ли Сталин право, игнорируя опасность, сохранять прежние темпы работы промышленности по производству вооружения и на том же уровне, на котором она была до подписания договоров с Германией? Нет, не имел такого права. Ведь он сам сказал, что обманет Гитлера. Следовательно, был уверен, что Гитлер нападет на нас. А раз нападет, нужно с толком использовать время, пока Гитлер завяз на Западе, с тем чтобы развернуть производство средств уничтожения врага, дать их в нужном количестве и создать резервы. Тут надо бы вставить цифровые данные об уровне производства чугуна, стали, проката, развития машиностроения. Цифр этих у меня под рукой нет.

Разумеется, сказанное не противоречит рассуждениям о том, что мы победили с учетом помощи нам боевых союзников. Как не противоречит сказанное и тому, что мы сами производили массу вооружения для разгрома врага. Не знаю, получали ли мы артиллерию от союзников. По-моему, нет. Самолеты, автомашины получа-

ли. Автомашинами мы не только оснастили армию, но даже после войны поступило в народное хозяйство большое количество американских автомобилей. Морской транспорт у нас в значительной степени тоже был американским. Часть кораблей мы вернули США после войны.

В принципе же тот факт, что мы отступили далеко от границы и дали противнику возможность занять и разорить Украину, Белоруссию, часть Российской Федерации, явился результатом просчетов и неумелого руководства. Вероятно, многие люди, которым доверили дело, были достаточно примитивны. Еще раз напомню о Кулике. Кулик, занимавшийся вопросами вооружения армии, был именно примитивным человеком. Сталин потом его расстрелял. Повторяю в который раз, что это было преступно, он не заслуживал расстрела. Но что Кулик был недостоин назначения на столь высокий пост, несомненно. В этом я давно не сомневался и говорил это Сталину еще до войны.

А теперь о технике. В 1940 г. танк Т-34 был уже принят на вооружение и прошел нужные испытания. Раз мы находились в таком состоянии, что вот-вот грянет война, надо было не на одном 75-м Харьковском заводе заниматься этим танком, а сейчас же разработать массовую технологию, создать технологическое оборудование, выделить ряд заводов и развернуть широкое производство Т-34. Тогда в начале войны мы могли бы каждый месяц давать Т-34 столько, чтобы обеспечивать минимальную в них потребность. У нас не было также достаточно зенитных пулеметов, а уж пулеметы-то производить мы умели, да и промышленность наша готова была дать их столько, сколько нужно. Хлопали ушами.

Я уже говорил раньше, что после заключения договора о ненападении с Германией Сталин поставил вопрос о строительстве новых заводов по производству зенитных пулеметов. Заводы, конечно, не были выстроены к началу войны, не построили их и во время войны. Производство таких пулеметов перенесли на другие заводы, так что в дальнейшем потребности армии были удовлетворены, но за счет иной продукции. Почему же это не было сделано в 1939, в 1940 году? Имелось ведь достаточно времени. У нас не хватало и дивизионной артиллерии. Под Сталинградом к нам приходили пополнения без пушек. Помню, прибыла дивизия (при ней служил сын Долорес Ибаррури) не только без артиллерии: она не была даже вооружена в должном количестве пулеметами. Кто отвечает за это? Говорят, Сталина подвели. Значит, когда Сталин уничтожал военные, хозяйственные, партийные и научные кадры, интеллигенцию, это подсказывал ему его гений? А то, что он допустил, чтобы наша армия не имела в начале войны нужного количества винтовок, не говоря уже о другом вооружении, тут его подвели другие. Отчего же столь неодинаковый подход к оценке гениальности и провалов вождя?

Я же считаю, что случившееся — преступно. Тут проявляется моральное потворство, рабская психология: все прощать сильному и искать слабого, который «подвел» сильного, чтобы слабого бросить в мясорубку, вдобавок к тому, что этой мясорубкой уже было раньше уничтожено. Думаю, что партия сделает правильные выводы и завершит то дело, которое было начато на XX и XXII партсъездах; что будут названы все виновные и таким образом правильно проинформирована советская общественность, с тем чтобы не допустить в дальнейшем повторения этого. Вот мое мнение о наших поражениях в первые годы войны, наших потерях, нашем отступлении. Поражения, которые как бы готовились «в союзе» с Гитлером. Гитлер использовал подозрительность, недоверие и вероломство Сталина и подбросил ему материалы о том, что наши известные военные — немецкие агенты. Сталин поверил, и заработала машина истребления. Так враг сумел лишить нас военных кадров. А мы ему в этом помогли. Высшего накала уничтожение честных советских людей достигло в 1937 г., том единственном предвоенном году в рамках пятилеток, когда промышленный план не был выполнен. А Гитлер учел задержку в развитии нашей промышленности, готовясь к войне с СССР.

Сталинисты (эта кличка станет позднее, я знаю, самой оскорбительной, самой ругательной) сегодняшнего дня лакируют Сталина как гения и как вождя. Это вреднейшие люди. Они, вольно или невольно, не только прикрывают преступления, которые были совершены, но и прокладывают путь в будущее таким же методам, которыми пользовался Сталин. Открыл это «движение» сталинистов с середины 60-х годов маршал Захаров. По его пути идет маршал Конев, а за ними плетется в хвосте Гречко на своих длинных ходулях. Это позор!

У Захарова мог иметься какой-то личный осадок по отношению ко мне, хотя у меня никогда не было с ним столкновений и я никогда ему не сказал ни одного плохого слова во время войны, да и от него не слышал. Уже в 1960-е годы я действительно говорил Малиновскому, что надо Матвея Захарова освободить от обязанностей начальника Генерального штаба. Но ведь я это не сам сделал единолично, Боже упаси! Когда я возглавлял руководство страной, то все вопросы проводил через заседание Президиума ЦК, все важные решения обсуждались и с этим предложением все согласились. Чем я мотивировал? Возрастом и физическим состоянием человека. Нельзя оставлять начальником Генерального штаба человека, который на заседании через пять минут после его открытия клюет носом или просто спит. Как же можно доверять оборону страны людям, которые физически износились? Это не их вина. Возраст есть возраст.

Но держать в должности людей, которые уже физически не могут с должной энергией работать на пользу армии, нельзя. Поэтому я и сказал, что надо найти Захарову другой, тоже почетный пост. И он был назначен начальником Академии Генерального штаба. Это не только почетно, но и ответственно: создавать кадры, учить людей. Там его возраст не мешал, ибо там преподает ряд профессоров, преподавателей, да и он сам, человек знающий, грамотный, честный и преданный, понимал, какие отдавать распоряжения. Видимо, человеческая обида иной раз заглушает разум и лишает возможности правильно уразуметь акцию, которая не обязательно является приятной. Но надо же понимать, чтó осуществляется в интересах дела!

Его преемником назначили маршала Бирюзова, который погиб, когда летел с делегацией в Югославию. Захаров был выше его по уровню военных знаний, зато Бирюзов — моложе и энергичнее. Сейчас Захарова вернули на прежний пост. Считаю, что эту комбинацию произвели за счет интересов страны, за счет улучшения руководства, за счет улучшения работы по подготовке армии. Потому что, увы, стар товарищ Захаров. А почему такую позицию занял Конев? Конев — это человек особого склада ума и особого характера. Он единственный из крупных военачальников, кто «откликнулся» на материал, который был разослан Сталиным по делу «врачей-вредителей», арестованных под конец жизни Сталина. Конев в ответ на эти псевдоматериалы прислал Сталину письмо, в котором солидаризировался с разосланной фальшивкой, хотя это была липа. Он укреплял Сталина в мысли о правильности ареста врачей и даже подтверждал это на примере собственной персоны, что его вроде бы врачи тоже неправильно лечили. Это просто позор для честного человека! Не могу примириться с тем, как это мог культурный человек согласиться с бредом, который был выдуман Сталиным. Потом все рассеялось, как дым. Никаких преступлений не было, и все эти люди, крупнейшие врачи, освобождены.

А Гречко? Это — КВД (то есть куда ветер дует). Я много приложил усилий, чтобы его приподнять. Тот же Конев распространял слухи о том, что Хрущев покровительствует Гречко, выдвигает его, поддерживает его, что именно Хрущев предложил присвоить ему звание Маршала Советского Союза уже после войны, и пр. А потом с Гречко произошло удивительное превращение! Я многих видел, перед моими глазами прошел не один Гречко, и могу сказать, что в ряду людей-хамелеонов он тоже типичный хамелеон. Да, господа хорошие, какой бы вы пост ни занимали, какие бы у вас ни имелись личные заслуги, нельзя становиться на ложный путь, история этого не прощает. Вы только оставите неверную память по себе, потому что не были честны перед самими собою и вводили в заблуждение народ, прикрывая злоупотребления Сталина и обеляя его тем фактом, что наша страна ведь победила!

Да, народ добился победы, партия добилась ее. А Сталин? Сталин в своих идеях, в своем мировоззрении, понимании дел был, конечно, партийный человек. Но его методы, формы работы основывались на уничтожении людей, расстрелах, пытках, вымогательствах признаний в несуществующих преступлениях. Не может возникнуть двух мнений в оценке личной деятельности Сталина, подробности которой выявились в полной мере уже после его смерти. Многие стороны этой деятельности заслуживают морального осуждения, а может быть, и суда истории. На этом хочу закончить свои воспоминания о ярком периоде борьбы нашего народа за преобразование нашего общества на социалистических началах.

Мы добились больших успехов в строительстве, создании могучей индустрии, перестройке сельского хозяйства, подъеме культуры, науки, искусства. Народ пробудил свои силы и создал такую сильную державу, какой является Советский Союз. Сегодня мы не слабее любой страны. Хотя промышленность США сильнее нашей, но наши Вооруженные Силы вооружены не хуже, а может быть, даже лучше американских. Пусть это будет серьезным предупреждением для всех авантюристов, милитаристов и агрессоров. Если они развяжут войну, то такая война выйдет им боком. Я даже не говорю о каких-то европейских противниках СССР, таких, как Западная Германия. В сравнении с нами любая страна Европы без США — просто нуль. Сейчас никакой здравомыслящий человек, как бы он ни был ослеплен ненавистью к Советскому Союзу, не может думать об агрессии против СССР. Вот дальнее последствие победы Октябрьской революции в 1917 году.

Дальний Восток после Великой Отечественной войны

Потерянные в результате Русско-японской войны 1904—1905 гг. права на собственность в Маньчжурии и Корее вернулись к нам. Та война закончилась поражением царской России, и Япония навязала, как известно, кабальный мирный договор. Соответствующие пункты, касающиеся нас, были включены сначала в текст Сан-Францисского мирного договора с Японией, но без учета всех предложений СССР, и мы в 1951 г. не подписали его. Очень трудно, на мой взгляд, найти какую-то логику в нашем подходе к заключению мирного договора. Имело значение одно: нам нужно было признать, что главные усилия для разгрома Японии были приложены США. Этот факт понятен каждому знающему факты и мыслящему человеку. В результате вероломного нападения со стороны Японии именно США первыми понесли потери, хотя потом были затронуты также интересы Англиии, Нидерландов и других стран европейских колонизаторов: Япония захватила некоторые колонии этих стран. Не нам переживать за это. Что касается нас, то на протяжении всего времени вплоть до второй мировой войны Япония проводила враждебную политику в отношении СССР. И не только враждебную, а наглую, вымогательскую, нетерпимую. Мы же, тем не менее, вынуждены были терпеть. Кроме того, мы понимали, что дело не только в Японии: милитаристская Япония действовала на Востоке, нацистская Германия — на Западе. Надо было вести дипломатическую игру, лавировать, чтобы обеспечить мир и не вызвать противников на войну. Нельзя было допустить войну СССР на два фронта: на Западе и на Востоке. Мы были тогда еще слабы для такой войны. Даже в 1945 г. мы соблюли трехмесячный интервал. Впрочем, я никогда не слышал от Сталина (он не рассказывал этого при мне), как конкретно был оформлен договор СССР с союзниками о нашем участии в войне против Японии после разгрома гитлеровской Германии.

Когда этот момент наступил, наши войска перешли маньчжурскую границу. Главнокомандующим этими войсками был назначен Василевский. Фронтами руководили Малиновский, Мерецков, Пуркаев. Больше других дали войск Малиновскому. И мы разгромили Квантунскую армию Японии. Правда, после того, как Япония уже была, собственно, разбита, ибо на нее были сброшены американцами две атомные бомбы. Япония металась в предсмертной агонии и искала возможность как-нибудь выйти из войны. Буквально в последний месяц событий и мы включились в войну с нею. Я присутствовал однажды в Москве при разговоре, когда Сталин торопил военачальников как можно скорее начать операции против Японии, иначе она капитулирует перед США и мы не успеем включиться в войну. У Сталина были тогда сомнения, станут ли американцы держать данное ими ранее слово. Думал, что могут и не сдержать. Обговоренные между нами условия были таковы: мы получаем территории, которые были отторгнуты от России Японией в войне 1904—1905 гг., если сейчас станем участвовать в этой войне с Японией. А если не будем участвовать? Если еще до нашего вступления в войну Япония капитулирует? Складывается другая ситуация, так что американцы могут пересмотреть обязательства, которые они нам дали. Скажут: вы не участвовали, и мы вам ничем не обязаны.

Если бы оставался жив президент Рузвельт, у Сталина было бы больше надежд. Рузвельт был умным руководителем и считался с Советским Союзом. С ним Сталин не раз делал дела, и у них сложились, как говорил сам Сталин (видимо,

так оно и было), хорошие личные отношения. Они были куда лучше, чем взаимоотношения с другим нашим союзником Великобританией и лично с ее лидером Черчиллем. Но Рузвельта летом 1945 г. уже не было в живых, он умер весной, а войну с Японией завершал Трумэн. Трумэн был неумный человек и стал случайно президентом. Он вел разнузданно реакционную политику, а в отношении Советского Союза его политика стала потом просто нетерпимой.

Когда капитулировала Япония, я сейчас точно не могу вспомнить, нашего представителя, кажется, при этом сразу не было, он прибыл на церемонию подписания капитуляции специально. И это не случайно. Мы ведь не воевали на тихоокеанских островах, если не говорить о Сахалине и Курилах; наших войск там никогда не было. Это вызывало раздражение союзников по отношению к нам, а Сталин, переоценивая свои возможности, отвечал им той же неприязнью. Одним словом, отношения с США начали портиться. Были созданы Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии, которые наблюдали за положением дел в этой стране после капитуляции японской армии. В них были и советские представители, но мы занимали там, на мой взгляд, незавидное место, как нищий на свадьбе у богача. Нас нередко игнорировали, с нами порою не считались, нас пытались третировать. Первым третировал нас Трумэн. Это вытекало из его характера и умственных способностей. Умный президент не вел бы себя так вызывающе и не восстанавливал бы Советский Союз против Соединенных Штатов Америки.

Что касается территорий, то американцы, нужно отдать им должное, сдержали свое слово. Когда проект мирного договора с Японией был составлен, мы тоже получили там место для подписи. Соблюдение наших интересов было частично предусмотрено, как и оговаривалось ранее протоколом, подписанным еще Рузвельтом. Нам надо было подписать этот договор. Я не знаю, что сыграло главную роль в нашем отказе: самолюбие Сталина, гордость за наши успехи во второй мировой войне или то, что Сталин переоценил свои возможности и влияние на ход событий. Но он закусил удила и отказался подписать договор. Кому была выгода от нашего отказа? Правда, мы фактически территории Южного Сахалина и Курильских островов получили. Наши войска стояли там, реализация соответствующих пунктов договора как бы уже произошла. Но юридического подтверждения она не обрела и не была закреплена в мирном договоре. Раз мы не подписали договор, то и не сумели воспользоваться им для закрепления принятых решений.

Сталин был недоволен, и справедливо недоволен, политикой Трумэна. Но одно дело быть недовольным и другое — совершать неправильные действия, которые наносят вред нашему государству. Нас пригласили подписать мирный договор с Японией, а мы отказались. Сложилась неясная обстановка, которая тянется до сих пор. Мне лично это совершенно непонятно. Тогда было непонятно и сейчас непонятно. Сталин не советовался с нами, да и вообще не считался с другими людьми. Он был слишком самоуверен. Тем более после разгрома нами гитлеровской Германии. Тут, как раньше говорилось, он изображал лихого казака Кузьму Крючкова. Люди младшего поколения могут не знать этого газетного героя. Во время первой мировой войны был создан армейский герой, донской казак Кузьма Крючков. Изображали на иллюстрациях в журналах и газетах, как он поднимал на пику сразу по 10 немцев. Лучше бы Сталин изображал не его, а Василия Теркина, известного героя поэмы Твардовского, если уж искать аналогию, а не точное сравнение. А Сталин изображал именно Кузьму Крючкова. Ему море по колено, ему все нипочем. Что захочет, то, дескать, и получит. Но в то время война уже кончилась. Главный враг, для разгрома которого мы были нужны Западу, был разбит. Теперь Запад начал уже мобилизовывать и сплачивать свои силы против Советского Союза. И когда мы отказались подписать мирный договор с Японией, это не только не огорчило былых союзников, но оказалось для них выгодным.

Наши представители в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии никакого влияния на ход событий не имели, американцы их третировали. Я сейчас конкретного подтверждения не могу привести, потому что такие факты выветрились из памяти, но было так. Это нас раздражало, да и не только Сталина. Но ничего не поделаешь, там первенствовали США. Не войну же объявлять им из-за этого? Немыслимое дело! Да и возможностей таких у нас не было. Вообще из-за подобного умные государственные деятели войн не объявляют. Однако отношения между союзниками не только заморозились, но и все время накалялись.

Помню, уже после войны приезжала по какому-то случаю делегация из США. Возглавлял ее государственный секретарь Бирнс. Я был в то время в Москве и присутствовал на обеде, который Сталин дал в его честь. На этом обеде присутствовал и лидер лейбористов Англии Бевин. Он раньше входил в военный кабинет Черчилля. Влиятельный человек. В какой атмосфере проходил обед? Сталин как хозяин стола объявлял тосты и при этом буквально третировал Бевина. Мы позднее, когда обменивались мнениями, возмущались этим. Ведь Бевин вышел из рабочих, он был шофером и докером. А когда Сталин за столом делал в его адрес какие-то совершенно недопустимые намеки, предпринимал булавочные уколы, Бевин стыдил Сталина: «Я первым поднял голос в защиту Советской России. Это я организовал в свое время забастовку английских докеров под лозунгом "Руки прочь от Советской России!"». Так и было, он говорил правду, об этом писали все газеты.

Чем было вызвано такое поведение Сталина? Трудно объяснить. Думаю, что Сталин, как говорится, закусил удила, считал себя вершителем мировой политики. Поэтому он столь несдержанно вел себя в отношении этого представителя союзной страны, нашего партнера по войне. Зато он очень любезно держал себя в отношении Бирнса. Правда, его любезность тоже имела обратную сторону. На обеде присутствовали представители американского посольства, а Сталин, ухаживая за Бирнсом и говоря ему всякие приятные слова, в то же время позволял себе отпускать шуточки, направленные против президента США Трумэна. Это было совершенно недопустимо: любезничать в лицо с представителем Трумэна и поносить самого Трумэна. Бирнс же как-то «уворачивался», не принимал комплиментов в свой адрес. А Сталин сравнивал Трумэна и Бирнса в невыгодном для президента свете. Даже Берия, когда мы после обеда беседовали, возмущался: «Слюшай, как это можно, как это можно? Ведь еще сегодня, как только Бирнс выйдет от нас, все станет известно Трумэну». Видимо, так и произошло. Трумэн как бы подогревался нами в своих антисоветских настроениях и антипатии к Сталину.

После подписания мирного договора с Японией были постепенно ликвидированы органы, созданные для наблюдения за ней. Хотя мы и входили в них, но на положении, не соответствующем статусу великой державы. И все же присутствовали там. А после подписания мирного договора с Японией ею были установлены обычные дипломатические отношения со странами, подписавшими договор. Наши представители еще какое-то время пребывали в Токио, не хотели уезжать оттуда, пользовались правом державы, которая тоже принимала капитуляцию Японии. Наконец американцы попросили, чтобы мы ушли вон. Мы сопротивлялись. В конце концов, наши люди были там буквально блокированы. Им были созданы невыносимые условия жизни. И при этом они ничем, по существу, не занимались, их никуда не пускали, с ними не считались. В результате наши люди уехали домой.

Что же получилось? После разгрома Японии мы обрели то, что было утеряно царской Россией. Наша честь великой державы была восстановлена. Наши войска участвовали на завершающем этапе операций в разгроме японской армии, нам надо было проявить трезвость: все-таки главные затраты и материальных средств, и живой силы пришлись в войне с Японией на США. Если сравнивать, то мы меньше затратили в войне против Японии, чем американцы и англичане при разгроме гитлеровской Германии. Из вклад соответственно был побольше, хотя они тоже пришли к победе над Германией, которую завоевал главным образом СССР, завоевал кровью советских людей и истощением наших ресурсов. Конечно, они согласно договору о ленд-лизе оказывали нам существенную помощь. Даже Сталин признавал это в нашем кругу, я об этом несколько раз от него слышал: «Если бы нам американцы и англичане не помогли по ленд-лизу, то мы бы одни не смогли справиться с Германией, мы слишком много потеряли».

Почти каждый солдат знает, как шли дела в Маньчжурии под конец второй мировой войны. Наши самолеты приземлились с десантом в Мукдене, и был захвачен в плен император Маньчжурии Пу И, ставленник Японии. Одно это само по себе говорит о том, в каком состоянии находился противник. Император не успел даже уехать из Маньчжурии и был захвачен нашими солдатами, которые прибыли туда на транспортном самолете! Разве сравнимо это с тем, что происходило на Западном фронте? Конечно, иное дело, что в других местах Маньчжурии и мы пролили немало крови. А когда после подписания мирного договора наших представи-

телей, собственно говоря, выдворили из Японии, то вплоть до самой смерти Сталина абсолютно никаких контактов с нею у СССР как бы и не было. А это кому было выгодно? Произошло же это по нашей вине. Если бы мы подписали договор, то завели бы в Японии свое посольство, имели бы мы контакты с японской общественностью, налаживали бы торговые и деловые отношения с японскими фирмами и предприятиями. А мы такой возможности лишились. Вот то, чего как раз хотели американцы. Они желали, чтобы наших представителей там не было, и вообще стремились изолировать нас. Эта политика, впрочем, проводилась фактически с первых дней возникновения Советского государства: вражеское окружение, интервенция, непризнание; но теперь мы сами попались на эту удочку, в угоду агрессивным силам США. Да и не только США, а и всех антисоветских сил в мире. Вот такое положение мы создали по своему недомыслию в результате какого-то затемнения сознания и переоценки собственных возможностей. Противник же наш, по тому времени — США, этим воспользовался.

Когда мы в середине 50-х годов начали расчищать политическое поле и убирать осколки, оставшиеся после второй мировой войны в Европе и в Азии, то сразу столкнулись с еще не нормализованными отношениями с Японией. У нас не было с нею никаких прямых контактов, и это наносило ущерб нашей политике и экономике. Американцы же были представлены в Японии не только посольством: они как оккупанты были там почти хозяевами, вели себя нагло, строили базы, проводили антисоветскую политику, настраивали японцев против нас. Одним словом, делали все, что диктовали оголтелые монополисты и милитаристы, дышавшие ненавистью к странам социализма, в первую очередь к стране, первой поднявшей марксистско-ленинское знамя борьбы рабочего класса и добившейся больших успехов в этой области.

Хочу теперь рассказать, как мы решили ликвидировать это наследие сталинских времен, убрав осколки ошибочной политики. Эту политику Сталин строил вместе с Молотовым. Внешнеполитические взгляды Сталина и Молотова — это все равно, что взгляды Молотова и Сталина. Кто у них был первой скрипкой? Безусловно, Сталин. Но Молотов вторил ему, как мог, во весь голос. Между прочим, Молотов — скрипач. Я не могу оценить, насколько хорошо он играл на скрипке, но слышал, как он играл. Сталин иной раз подтрунивал над ним в этой связи, иногда просто издевался. Когда Молотов был до революции в ссылке в Вологде или еще где-то (Молотов сам про это рассказывал, а я был слушателем), то пьяные купцы в ресторан зазывали его. Он играл им на скрипке, а они ему платили. Молотов говорил: «Вот был заработок». Сталин же, когда раздражался, бросал Молотову: «Ты играл перед пьяными купцами, тебе морду горчицей мазали». Тут я тоже, признаюсь, был больше на стороне Сталина, потому что считал, что это унижало человека, особенно политического ссыльного. Тот играет на скрипке и ублажает пьяных купцов! Можно ведь было поискать пути материального самообеспечения и другим трудом. Ну, ладно, это попутно.

Итак, когда я поднял вопрос о ненормальном положении с Японией, то разговаривал с Микояном, Булганиным, Маленковым и другими. Все мы в этом вопросе оказались едины: надо искать пути, как поставить свои подписи под мирным договором и таким способом официально ликвидировать состояние войны СССР с Японией. Мы хотели иметь возможность послать в Токио посольство, которое проводило бы необходимую работу в Японии. Только Молотов проявил непонимание, выказал запальчивость и резкость, такие же, как при заключении мирного договора с Австрией: «Как же так? Они и того не сделали, и этого не сделали... Поэтому и мы не можем!» Одним словом, повторял все аргументы, которыми прежде руководствовался Сталин, когда отказался поставить нашу подпись под мирным договором. Мы Молотова убеждали: «Вячеслав Михайлович, поймите же, чего сейчас мы можем добиться в создавшемся положении? Какое может быть наше влияние в Японии? Поправить пройденное невозможно, старое ушло невозвратимо. Единственное, что еще можно поправить, — добиться, чтобы приняли нашу подпись к протоколу мирного договора. Тогда все встанет на должное место. Мы ведь, собственно, получили все, что было предусмотрено протоколом. Наши интересы фактически учтены, и мы это уже реализовали. Осталось единственное: мы все еще находимся юридически в состоянии войны с Японией. Нет ни японского посольства в Москве, ни нашего в Токио. Кому выгодно наше отсутствие в Токио? Надо же понимать, что выгодно это только США. Они господствовали и ныне господствуют в Японии. Наше возвращение будет выгодно прогрессивным японцам, а невыгодно американцам. Сразу же, как только наше посольство появится в Токио, оно, как магнит, станет притягивать силы, недовольные реакционной политикой. Так мы начали бы оказывать влияние на политику Японии. Ведь в Японии, естественно, существует большое недовольство американцами. Достаточно вспомнить о Хиросиме и Нагасаки! Больные люди, которые облучились, но остались еще живы. Мертвые, конечно, недовольство выражать не могут. А их родственники? Японцы ничего не могли тут поделать, потому что были обессилены. Американцы после войны вели себя в Японии нагло, их солдаты проявляли грубость и насилия, всяческие художества. Да и сейчас это еще случается. «Поэтому, — говорил я, — если мы будем упорствовать, отказываться от поиска контактов и возможностей подписать мирный договор, который нас устраивает, то это подарок лишь американцам. Им и желать более нечего от нас, это самое лучшее: мы будем выражать недовольство, а им предоставим абсолютную свободу действий в проведении политики. Они восстанавливали Японию в еще большей степени против СССР, указывая, что советские захватили то-то и то-то, но не подписали мирный договор; видимо, имеют еще какие-то намерения... А никаких других особых намерений даже у Сталина не было!»

Вот с какими трудностями столкнулись мы и какую оппозицию встретили со стороны Молотова. Но она не вызывала у нас гнева, а мне было просто жаль Молотова. Я недоумевал: как же это можно? И этот человек при Сталине занимался вопросами дипломатии? Представлял столько лет нашу внешнюю политику в самых ответственных ситуациях? Был наркомом иностранных дел и даже главой правительства? И такая ограниченность, такое непонимание простейших вещей? Да, ограниченность. Я и сам удивляюсь, откуда такое? Если с ним просто о чем-то разговаривать (а у меня даже дружеские отношения сложились ранее с Молотовым), то видно, что умный человек. Поговорить с ним доставляло мне удовольствие. О хороших отношениях, сложившихся у нас с Молотовым, свидетельствует и такой факт. Я всегда называл его на «Вы»: «Вячеслав Михайлович, Вы». А он мне как-то говорит: «Слушай, давай перейдем на «ты»? Будем называть друг друга по имени и перейдем на «ты». Я первое время испытывал какую-то неловкость. Потом привык. Он особенно хорошо был расположен ко мне после устранения Берии. Когда был дан обед в честь моего 60-летия в кругу руководства страны, то Молотов произнес там в мой адрес очень дружескую речь, причем особенно подчеркивал мою роль и заслуги в организации устранения Берии.

Не хочу играть в скромность, но скажу, что устранение Берии было проведено своевременно. Если бы мы не сделали этого, то совершенно по другому направлению развивались бы все события внутренней и международной политики Советского Союза. Этот изверг и палач расправился бы со всеми нами, и он уже был близок к такой расправе. Все люди, которые выполняли его тайные поручения, были уже собраны им в Москве и, видимо, успели получить или должны были получить задания. После ареста Берии эти люди были названы нам пофамильно. Я сейчас их фамилий не помню. Те события очень сблизили нас, потому что Молотов хорошо понимал Берию и знал, на что тот способен. Понимал, что, начни Берия действовать, головы Молотова и Хрущева полетели бы в первую очередь. Эти головы Берии надо было снять, чтобы развязать себе руки. Было бы пролито море крови, еще больше, чем при Сталине.

Я отвлекся, чтобы рассказать, какие у меня были хорошие, не просто доверительные, а даже дружеские отношения с Молотовым. Поэтому у меня лично не было никаких причин быть недовольным Молотовым. Но факты политики, столь разное понимание простых вещей, истин для каждого, даже не искушенного в политике человека меня обескураживали. Казалось, и другого выхода-то нет, нельзя найти другого решения. Конечно, лишь единственное решение бывает полностью разумным, но могут быть и компромиссные решения. Компромисс с учетом условий, в которых может быть проведено единственно правильное решение. В данном же случае заключение мирного договора вообще не требовало никакого компромисса. Отказ — это затемнение мозгов и проявление тупоумия. В конце концов мы стали предпринимать дипломатические шаги к установлению контактов с японским правительством. Нельзя было обойти США при этом, потому что протокол-то

находился там и от США зависела возможность подписания договора. Когда мы сообщили, что хотим подписать мирный договор, США отказались. Ведь протокол был составлен руками Америки, и там наша подпись была, как говорят канцеляристы, уже заделана. Надо было только расписаться. Но нам в этом отказали.

Японцы, конечно, вели линию против нашего подписания. Я говорю о японцах, проводивших антисоветскую политику. Тогда именно они были у власти, те, которые были угодны США. Америка фактически определяла подбор людей и комплектование ими высших государственных органов в Японии и оказала решающее влияние на японскую позицию. Естественно, японцы стали бороться против пунктов мирного договора, фиксирующих переход Курильских островов и Южного Сахалина к Советскому Союзу, а также против прочих выгод, которые предусматривались в нашу пользу. Вот почему мы так и не получили возможности подписать договор. Не захотели нашей подписи ни японское правительство, ни американское. Какую позицию занимала по этому вопросу Англия, у меня не отложилось в памяти. Видимо, занимала подчиненную позицию, не решающую. Антисоветская политика по японскому вопросу в это время определялась США. А у нас отношения с США были тогда обострены до невозможности.

Казалось бы, простое дело: исправить ошибку, которая была совершена Сталиным и Молотовым, проявить желание подписать мирный договор с Японией и подписать его? На деле же оказалось, что одного нашего желания мало. И это было понятно. Почему? Да потому, что недругам было выгодно, чтобы мы не имели советского посольства в Токио, не имели возможности оказывать влияние на японские общественность и правительство. Напротив, США развернули большую деятельность по закреплению своих позиций в Японии. Были подписаны договоры о военных базах. В резкой форме обсуждалось пребывание американцев на территории Японии. После войны еще не остыли страсти, и США наслаждались победой над Японией, а в 50-е годы Япония уже сама прикрывалась силами США от Советского Союза. Главным врагом Японии стал Советский Союз. Вот как обернулось дело!

А если бы мы дали ранее правильную оценку сложившихся после разгрома японского милитаризма условий и подписали бы мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учетом наших интересов, мы бы сразу открыли в Токио свое представительство, создали посольство. Наши люди имели бы контакты с японцами на новой основе. Наше влияние как-то возрастало бы. Думаю, что в те дни, когда только что был подписан мирный договор, существовали более хорошие условия установления контактов с прогрессивной общественностью в Японии и доведения сути нашей политики до сознания ее общественности, чем сейчас. Главной силой, которая разгромила Японию и разрушила ее военщину, были США. Но своими действиями они нанесли материальный и моральный ущерб Японии, особенно в результате применения атомных бомб. Это было первое в истории такого рода зверство, совершенное против человечества! А мы не использовали тогда выгодный момент, сами себя изолировали и тем самым позволили агрессивным силам США натравить японцев против Советского Союза. После того как наши представители удалились из Японии, много лет мы не имели там никаких представителей. Это большая потеря. Мы сами, проявив тупость, непонимание, создали наилучшие условия для антисоветской пропаганды со стороны врагов как внутри Японии, так и в США. Огромный пропагандистский аппарат, находившийся на Японских островах, был нацелен против Советского Союза. Так поплатились мы за проявленное нами совершенно необъяснимое упорство. Я и сейчас толком не пойму, чем оно было вызвано.

Молотов, когда подняли вопрос о том, что надо подписать мирный договор с Японией, буквально становился на дыбы. Даже в 50-е годы. Я его абсолютно не понимал, смотрел на него и думал: «Что такое? Почему?» Потом, после принятия нами решения, Молотов уже не возражал. Ведь существовало партийное решение. Но понял ли он сам суть дела или нет? Я никогда не возвращался позднее к тем неприятным разговорам. Такой опытный дипломат, каким мы его считали, и вдруг оказал нашей стране медвежью услугу. Мы же пресекли это, решив по-своему. А теперь жизнь показала, что мы поступали правильно, хотя нам и не предоставили возможности подписать мирный договор. Мы подписали декларацию о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Японией, и только. Юридически

это можно толковать как перемирие. Конечно, лучше, если бы мы имели подписанный нами мирный договор. Правда, сейчас наши отношения нормализовались и развиваются так, как развивались бы, если бы был подписан мирный договор, но юридическая сторона дела остается прежней.

Итак, мы создали в Токио свое посольство и получили тут равные права с другими странами, которые находятся в состоянии мира с Японским государством. Таким образом, было восстановлено нормальное положение, стали хорошо развиваться различные контакты, даже очень хорошо, я бы сказал. Сейчас забыл фамилию японского премьер-министра той поры, либерального человека. Когда он пришел к власти, то приехал к нам, в Советский Союз. С ним приезжал, кажется, еще министр земледелия и рыболовства, не старый, можно даже сказать — молодой человек, и очень активный. У нас состоялись переговоры относительно возможности подписать все-таки мирный договор с Японией. Я нетвердо сейчас помню, говорилось ли об этом с премьер-министром или же с министром, хотя и очень влиятельным. Вспоминаю, но не могу восстановить это в своей памяти, а к газетному источнику сейчас не в состоянии обратиться.

Повели мы переговоры. Премьер проявлял много внимания к делу и прилагал все усилия к тому, чтобы нормализовать отношения с СССР. Он был сторонником подписания мирного договора. Но внутренние силы Японии, а самое главное, влияние США, которые давили на общественность и на правительство Японии и держали японскую внешнюю и внутреннюю политику в шорах, не позволили сделать это. Японцы могли делать тогда только то, что им негласно рекомендовали американцы. Правда, самим приездом японской делегации были заложены основы, которые обещали принести хорошие плоды. Но, к сожалению, улучшение отношений не получило дальнейшего развития. Реакционная сторона была сильна, а США проводили политику изоляции СССР. Да и сейчас проводится эта агрессивная антисоветская политика. Может быть, если бы тот премьер пожил бы дольше и укрепился у власти, то общественное мнение Японии могло измениться. Но он был уже стар и очень болен. По возвращении в Японию он вскоре умер. Таким образом, его усилия по нормализации наших отношений, по фиксации новых, хороших отношений подписанием мирного договора не увенчались успехом.

Во время его визита японской стороной был поднят также вопрос об уступке нами двух небольших Курильских островов, непосредственно прилегающих к Японским островам. Мы долго совещались тогда в руководстве СССР и пришли к выводу, что стоит пойти навстречу желаниям японцев и согласиться с передачей этих островов (сейчас не помню их названий), но при условии подписания мирного договора Японии с СССР и выведения войск США с Японских островов. Иначе было бы непонятно, просто глупо передавать эти острова такой Японии, которая сама фактически находится под оккупацией. Несмотря на подписание мирного договора, она как бы оккупирована войсками США. Мы бы передали острова японцам, а США превратили бы их в свои военные базы. Мы хотели одного, а получили бы другое. И поэтому мы сказали: «Поймите, что мы не можем выполнить вашу просьбу. Когда будут выведены американские войска и прекратится действие военного союза Японии с США, направленного против СССР, тогда можно будет говорить о передаче вам островов».

Дело затянулось. Сейчас очередной премьер-министр Японии Сато во время своей поездки в США и встречи с президентом Никсоном достиг какого-то соглашения о выводе американских войск. Непонятно, конкретно какая там достигнута договоренность, но об Окинаве они тоже договорились. Как это осуществится на практике, надо еще посмотреть, не торопиться с выводами. Во всяком случае, США не расстанутся полностью с территорией Японии, не выведут целиком свои войска и не прекратят действие военного договора с Японией, направленного против СССР. Тогда и наше упомянутое соглашение с премьер-министром Японии, видимо, не будет реализовано. На этот счет я уже ничего не могу сказать, потому что это вопрос той ситуации, которая сложится в будущем, в процессе развития наших отношений с Японией. Это будет зависеть и от позиции руководства Советского Союза, даваемых им оценок ситуации.

Но о том, что была допущена грубая ошибка, когда мы не подписали мирный договор с Японией, свидетельствует многое. Когда в 60-е годы были испорчены наши отношения с Китаем (я входил тогда в руководство страны), я узнал, что Мао

Цзэдун принимал какую-то японскую делегацию. Не помню, были ли это промышленники или политические деятели. В беседе с Мао японцы подняли вопрос об их претензиях к Советскому Союзу, в том числе о Южном Сахалине и Курильских островах. Мао Цзэдун согласился с их претензиями: «Да, мы поддерживаем вас. Ваши претензии имеют силу и законные основания».

Я познакомился с некоторыми материалами, опубликованными уже после возвращения той делегации в Японию. Японцы публиковали в своей печати сообщения о том, что Мао с пониманием отнесся к их национальным чаяниям, к претензиям в адрес Советского Союза. Вот вам конкретные плоды нашей былой ошибки. Конечно, возмутительный поступок со стороны Мао Цзэдуна. Он не только не поддержал СССР, но натравливал общественность Японии на нас и поддерживал их стремление отторгнуть от нас Курильские острова и Южный Сахалин. Ведь Япония никаких исторических оснований к этому не имела. В свое время, когда Россия была слаба, были учинены захваты, осуществленные японцами.

Сейчас я, читая газеты и слушая радио, полагаю, что дипломатические отношения СССР с Японией, экономические связи развиваются нормально. Мы долго вели в свое время переговоры о прямом воздушном сообщении из Европы с Японией по самому краткому маршруту, через воздушное пространство СССР. Нам не удавалось решить вопрос. Уже в самом конце моей деятельности мы достигли договоренности на базе какого-то суррогата, хотя все же пришли к тому факту, что полеты состоятся, но на наших самолетах и под нашим контролем. И здесь тоже на японцев давили США, они ие хотели этого. Но существовало и другое: нас самих сдерживали навязанные нам во времена Сталина дипломатическая практика и неправильное понимание вещей. Вот скажут: «Опять на Сталина все валят!» Нет, я не валю. Нужно ведь признать: столько лет мы воспитывались в духе того, когда даже малейшее послабление казалось недопустимым. Как это так: иностранец поднимется в воздух и пролетит через Советский Союз? Надо будет пролететь через СССР буквально от восточной его границы до западной. Мы считали, что зарубежные разведчики буквально вывернут нам нутро, все будут знать о нас. Конечно, мы тоже смотрели тогда на вещи упрощенно. Сами же осуждали Сталина, а смотрели его глазами, руководствовались его практикой и его ложным, неправильным, больным пониманием событий. Надо беречь суверенитет. Надо не давать возможности разведчикам империалистических держав работать против нас, эта мысль всегда свежа и правильна. Но нужно все-таки иметь и чувство меры. Разведчики останутся, пока существуют разные социально-политические и экономические устройства в государствах, пока мир будет разделен, как сейчас. Пока существуют антагонистические общественные устройства, сохранится их борьба, и разведки будут стремиться делать свое дело. Здесь, как говорится, надо «держать ухо востро». Но это не значит, что мы должны пойти на самоизоляцию, которая выгодна только крупным капиталистическим державам, лидерам западного мира вроде США. Вот что я хотел сказать. Думаю, что эта тема представляет общий интерес, ибо речь идет о значительных вехах в развитии наших отношений с Японией.

Япония сегодня — третья страна в мире по размерам производимой продукции. Она стоит сразу же за СССР и довольно быстро развивает свою экономику. Так что с Японией надо считаться и надо прилагать усилия к созданию между нами нормальных отношений, насколько возможно их создать при различном социально-политическом устройстве. Японии выгодно укреплять экономические и дипломатические связи с нами, это бесспорно, потому что мы — самая близкая к Японским островам страна, к тому же богатая природными ресурсами, в значительной степени могущая удовлетворять запросы промышленности Японии в сырье. Например, когда я входил еще в руководство, японцы проявляли особый интерес к нашему лесу. Скажут, что немудрено. Япония нуждается в сырье, а мы нуждаемся в покупателе и в товарах, которые может нам поставлять Япония. Да, японцы предложили тогда: мы вам поставим оборудование по переработке леса, выработке целлюлозы и получения на основе полученной целлюлозы пряжи из искусственного волокна. Оно по техническим характеристикам было бы наилучшим кордом из всего, что производится за границей. Условия действительно выгодные и для той, и для другой стороны. Они нам поставят в кредит все оборудование. После его монтажа на Дальнем Востоке мы должны будем платить им целлюлозой из перерабатываемого леса. Что может

быть более выгодно? Проценты тоже, как говорится в капиталистическом мире, были божеские. Да и другое сырье мы могли бы поставлять в Японию.

Япония вообще очень интересная страна, с сильно развитой промышленностью. Я это повторяю сейчас с осадком горечи. Ведь если принять во внимание, что Япония была разбита в войне, не имеет природного сырья и обладает гораздо меньшим населением, чем мы, то как оценить, что она так шагнула вперед не только в производстве промышленных товаров, но и в технике, в производстве тончайших и точнейших приборов? Не знаю, на каком уровне они сейчас находятся в оптике, но в конце моей деятельности Япония занимала тут одно из первых мест (может быть, самое первое место в мире). Помню, как наши инженеры-оптики ездили в Японию, привезли оттуда образцы продукции и нам показывали. Наши специалисты смотрели раскрывши рты. Я спросил: «Сколько это стоит?» Услышал ответ: «Ничего. Это просто дали нам в подарок». Тогда я сказал: «Если это дали в подарок, так имейте в виду: то, что они нам дали, уже снято с производства. Никогда фирма не даст образцы, которые сейчас по-новой находятся в производстве, потому что это может создать конкуренцию их фирме».

Все это вполне закономерно: конкуренция, прибыль! Да, многое свидетельствует, говорит о том, как далеко шагнула техническая мысль в Японии. А транзисторные приемники? Японские считаются пока самыми лучшими. Говорят, с ними конкурируют западногерманские. Тоже ведь разрушенной была страна! Все это заставляет нас подумать об организационных формах, о работе наших научно-исследовательских институтов и многом другом. Видимо, здесь существует у нас какой-то большой дефект. Количество инженеров и ученых, если подходить к делу чисто арифметически, у нас, видимо, не меньше, чем в Западной Германии и Японии. Статистика гласит даже, что мы выпускаем во столько-то раз больше инженеров и техников. А сколько у нас докторов и кандидатов наук? Тем не менее результаты технической и научной мысли, на основе которой создаются прогрессивные машины и приборы, приходится приобретать за границей. И сейчас остается такое же положение. Это заставляет нас думать, и не только думать, а хорошенько проанализировать ситуацию, чтобы поправить дело.

Победа будет за тем общественным строем, который сумеет лучше использовать возможности научно-исследовательской мысли и инженерно-конструкторских усилий. Кто обеспечит наивысший уровень производства и самую высокую производительность труда, тот и победит. Материальные блага, которые может получить человек при той или другой общественной системе, капиталистической или социалистической, определяются уровнем развития науки и техники, инженерной мысли, станочного оборудования и приборов, увеличивающих производительность труда. Я не скрываю, что говорю это с завистью: мне и завидно, и обидно, что мы, прожив уже 52 года после Октябрьской революции, хотя достигли огромных успехов и преобразили свою страну, до сих пор не можем похвастать передовыми позициями в технике и науке. Наша техника и наука сделали невероятно большой шаг вперед. Но все же ученые, наверное, лучше меня знают и чувствуют, как подпирают нас ученые капиталистических стран. Это не какое-то свойство социалистических или капиталистических условий. Никак невозможно согласиться с тем, что капиталистические порядки создают лучшие условия для развития науки и техники. С этим я не смогу согласиться. Нет, имеются какие-то у нас организационные дефекты, которые нужно нащупать и устранить, чтобы мысли ученых реализовались и были поставлены на службу социалистическому обществу.

Хочу также сказать несколько слов, чтобы было понятно, почему мы решили пойти в те годы на уступку Японии, точнее — этому премьеру, который приехал к нам и проводил политику сближения и дружбы с Советским Союзом. Мы считали, что такая уступка не имеет особого значения для СССР. Там лежат пустынные острова, которыми пользовались только рыбаки и военные. Оборонного значения при современной военной технике эти острова тоже не имеют. Когда мы получили ракеты, которыми можно поражать врага на тысячи километров, острова утратили значение, которое они имели ранее для береговой артиллерии. Экономического значения они тоже никакого не имеют. По-моему, и никаких полезных ископаемых там не было найдено. Зато дружба, которую мы хотели завоевать со стороны японского народа, наша взаимная дружба имела бы колоссальное значение. Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы теми новыми отно-

шениями, которые сложились бы между народами Советского Союза и Японии.

Мы хотели усилить влияние этого премьера в японской внутренней и международной политике, считали, что она должна развиваться в сторону укрепления дружеских отношений с Советским Союзом. Вот главное, чем мы руководствовались, когда решали этот вопрос. Я и сейчас полагаю, что это было правильное решение, что оно сыграет полезную роль, если мы будем и дальше развивать политику мирного сосуществования и крепить дружбу с Японией. Правительства уходят и приходят, они меняются, а народы остаются. Интересы японского народа созвучны интересам советского народа. Если бы Япония стала дружественной страной по отношению к СССР, то она от этого только выиграла бы и экономически, и политически. Сейчас действующий договор Японии с США преследует главным образом военные цели. Такие договора ведут к истощению материальных ресурсов страны и могут вовлечь Японию в военную катастрофу, более ужасную, чем пережил японский народ во вторую мировую войну, когда на него свалились две атомные бомбы. Ведь если разразится война, неизвестно, сколько и каких бомб обрушится на Японские острова. Что останется тогда от Японии? Дружба же с Советским Союзом, устранение с Японских островов военных сил США принесли бы облегчение. Создались бы возможности использования природных ресурсов для развития экономики, повышения жизненного уровня народа. Япония обрела бы возможность получать сырье из соседней страны, находящейся под боком у нее. Я уже говорил о лесе, скажу также о нефти, газе, руде, угле. Многое еще можно назвать.

Вообще соединение усилий таких могущественных и богатых стран, как Советский Союз и Япония, предоставило бы много возможностей расширения и углубления наших связей, а на этой базе — расширения дружбы, укрепления братских отношений между нашими народами. Японский народ потерял Окинаву, американцы ее оккупировали. А обратный шаг с нашей стороны, как мы считали, мобилизует общественное мнение Японии в пользу дружбы с СССР и направит народные силы Японии против оккупантов, против тех, кто втянул Японию в военный союз и преследует военные цели. А это означает повторение катастрофы, из которой лишь недавно вышла Япония. Вот сумма вопросов, которыми мы руководствовались, когда шли на такой шаг, думая, что уступка, которую мы сделаем Японии, политически оправдана и окупится с лихвой. И еще одно подтверждение тому же. Не случайно Мао Цзэдун вдохновлял против нас японских политических деятелей, с которыми он беседовал, укреплял их претензии к нам. Тут пошла борьба за то, чтобы Япония и Китай нашли взаимопонимание хотя бы в тех вопросах, которые не служат мирным целям. Но это проявились уже личность, характер Мао. Он, к сожалению, остался и сегодня этому верен, вершит дела не в пользу социализма, а во вред братским отношениям, которые сложились у нас с Китаем. Все народы СССР хотели бы их восстановления. Думаю, что это сбудется, потребны только время и терпение.

О военных мемуарах

Несколько дней назад я совершенно случайно встретился с Иваном Христофоровичем Баграмяном. Мне было очень приятно его повидать. Ведь я уже много лет не видел его. Накоротке мы обменялись с ним различными мнениями. Неожиданно он поднял вопрос о книге мемуаров Жукова, высказал ряд замечаний и заявил, что в ней допущены очень большие искажения и отступление от истины. Тут же он сказал, что написал воспоминания и маршал Москаленко, причем написал просто гадкую книгу. Я не стал его выспрашивать и как-то уточнять, в чем же выражается эта гадость. Но вообще-то Москаленко может такое сделать. Я его знаю и с хорошей, и с плохой стороны. С хорошей знаю в том смысле, что он человек, преданный делу, воевал неплохо, проявлял настойчивость и энергию, не щадил себя. Плохие его стороны — нервозность, неуравновешенность, вспыльчивость, грубость, даже больше чем грубость. Оскорбления, которые он наносил своим подчиненным, всем известны. Люди, которые находились у него в подчинении, неоднократно жаловались мне на то, что он груб, оскорбляет их. Вот его обычный лексикон: «Враг народа! Предатель! Подлец! Судить надо! Расстрелять надо!» Это человек настроения, который очень поддается влиянию. Он на все способен. Особенно если почувствует, что это выгодно для него, что такая гадость как-то оплачивается, то он пойдет на нее.

Его беспринципность особенно поразила меня во время истории с отставкой Жукова в 1957 году. Я с доверием относился к Жукову во время войны и многое сделал для поднятия его репутации и авторитета в глазах Сталина. Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: «Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!»

Когда я услышал это, то был поражен. Такого я никак не ожидал от Москаленко. Жукову не было смысла лгать. Да и Москаленко никак не смог парировать такое серьезное обвинение, фактически в государственной измене. Когда я рассказал об этом Малиновскому, Малиновский по собственной инициативе внес предложение об освобождении Москаленко от занимаемых постов.

Но я сказал: «Родион Яковлевич, вряд ли нужно так поступать. Это же Москаленко! Если будет нормальная обстановка (а я был уверен, что она нормализуется), то Москаленко станет честно выполнять свои обязанности». Малиновский посмотрел на меня с каким-то удивлением. В его взгляде читалось удивление потому, что то, что сказал Жуков и не отрицал Москаленко, — подсудное дело. Заговор! А я сказал тогда членам Президиума ЦК: «Давайте не будем сейчас следовать государственному принципу, хотя следовало бы провести следствие и судить Москаленко. Надо принять во внимание ту роль, которую он сыграл при аресте Берии, когда мы прибегли к его помощи, и он честно выполнил все, что ему поручили. Поэтому давайте простим ему данный эпизод».

Это я рассказал, чтобы показать, кто есть Москаленко. Существуют два Москаленко. Один — это генерал, который честно командовал войсками, попадая во всевозможные переплеты на первом этапе войны. Я уже рассказывал анекдотический случай, как при нашем отступлении его выгнала колхозница из своего коровника, где он прятался, переодевшись в крестьянскую свитку, и он, сам украинец, выступил после этого против украинцев, кричал, что все они предатели и всех их надо выслать. Вот неуравновешенность этого человека. Имел место и второй этап деятельности, когда он командовал армией и его активная роль была заслуженно отмечена. Я лично вносил предложение о присвоении ему, уже после смерти Сталина, звания Маршала Советского Союза. А есть и другой Москаленко — приспособленец и беспринципный человек. Таким он показал себя в деле с Жуковым. Но в чем конкретно выражалась та гадость, о которой говорил Баграмян, я не знаю.

Что касается Жукова, то Баграмян при нашей встрече, говоря о книге Жукова, рассказал, что неправильно, искаженно изложено проведение Барвенковской операции в 1942 году. Жуков пишет, что когда эта операция докладывалась Сталину, то при этом присутствовали Тимошенко, Баграмян и сам он, Жуков. Иван Христофорович возмущенно заметил: «Но там ничего не говорится о Вашем присутствии. И еще меня удивило, как он пишет, что присутствовал там, хотя я отлично помню, что Жукова при этом не было». Почему же он так написал? Вряд ли сам Жуков мог написать, что он присутствовал. Допускаю, что это не Жуков написал. Я ведь знаю его, Жуков не пойдет на ложь. Это, видимо, дело рук редакторов, которые ему «помогали». Книга изобилует такой «помощью», искажающей факты, порой вопреки здравому смыслу.

«А вот еще, — продолжал Баграмян, — в книге описывается, как Сталин звонил на фронт и разговаривал с Вами в присутствии Жукова, предупреждая Вас о том, что по данным Ставки на нашем фронте намечается угроза прорыва противника на нашем левом фланге, то есть в направлении Славянск — Барвенково. Я же помню, что такого звонка не было, я отлично помню, как развивались события на нашем фронте. Это выдумка!» Да, это чистая выдумка. Однако она ничего не давала Жукову. Следовательно, это опять же выдумка не Жукова, а кого-то иного, кому было выгодно вставить такой эпизод при описании операции. Все очень характерно. Кто же эти редакторы, кто? Ведь не Сталин звонил мне тогда, а, наоборот, я позвонил Сталину после того, как он отменил решение командования

фронтом о приостановке наступления и перегруппировке войск для прикрытия нашего левого фланга в направлении Славянска. Сталин тогда вообще не подошел к телефону, а мне предложили, чтобы я передал то, что хочу сказать, через Маленкова. Я изложил Маленкову нашу аргументацию и опять поставил вопрос об утверждении нашего решения как единственно правильного. Сталин передал через Маленкова, что надо выполнять прежнее решение Ставки. Я вновь доказывал, что это делать нельзя. Сталин опять передал мне через Маленкова, что решение об отмене наступления было принято командующим войсками фронта Тимошенко в результате моего давления на него. Я в ответ доказывал, что товарищ Сталин хорошо знает характер Тимошенко: заставить его, надавить на него невозможно. К тому же у нас никакой размолвки по этому вопросу вообще не было, тут наше единодушное мнение. «Нет!» — заявили мне. Разговор на этом закончился. Весь разговор происходил в присутствии Баграмяна. А наутро, когда мы встретились с Тимошенко, он ничего мне не сказал. Видимо, ему неприятно было возвращаться к данной теме. Мы сели в машину и поехали на фронт.

Вот какая была история в тот злополучный для нас день нашего наступления в направлении на Красноград. Чем оно кончилось, известно. Оно кончилось гибелью наших войск.

Спрашивается, зачем Жукову сейчас понадобилось возвращаться к этой операции? Лично он в ней не участвовал, а был, как говорится, сбоку припека. Видимо, кто-то был заинтересован в том, чтобы вложить Жукову в уста небылицу насчет того, как якобы в присутствии Жукова Сталин звонил Хрущеву и предупреждал его об угрозе немцев с фланга. Если такой звонок действительно был, то почему Сталин позвонил Хрущеву, а не командующему войсками фронта? Этот вопрос ведь относится к компетенции командующего. Конечно, имели место случаи, когда Сталин по тем или другим вопросам оперативного характера звонил и мне. Но как раз в этом случае не он звонил, а я домогался разговора со Сталиным, и при этом присутствовали свидетели — Молотов, Маленков и другие. Микоян как-то, уже после войны, в разговоре за столом у Сталина и находясь под довольно большим градусом, сказал: «Товарищ Сталин, а ведь Хрущев тогда правильно предупреждал Вас». Сталин так глянул на него, что даже я испугался, и ответил: «Для чего ты поднимаешь этот вопрос, Анастас Иванович?» Ведь это был ежик в горло Сталину. Он же знает, скольких тысяч жизней стоило его упрямство.

Как рассказывал мне Анастас Иванович, когда я разговаривал по телефону с Маленковым, Сталин заметил: «Чего Хрущев, гражданский человек, сует свой нос? Что он понимает в военных вопросах? Мне военные уже доложили обстановку». Спрашивается, кто те военные, кто дал такой совет Сталину, который стоил многих тысяч жертв? Думаю, что это мог быть Василевский, к которому я тогда тщетно обращался, чтобы он мне помог. Но были и другие, потому что Василевский не сам лично следил за обстановкой на фронтах. У него имелись «направленцы», как называли генералов, которые наблюдали за определенными направлениями на фронте и докладывали ему. Вот эти-то штабисты, которые сейчас в мемуарах Жукова подпудривают его воспоминания, навязывают ему чужую точку зрения, подправляют и редактируют текст, видимо, и были замешаны. А сейчас они хотят войти в историю чистенькими и свалить вину с больной головы на здоровую, в данном случае на меня. Почему-то Тимошенко оказывался здесь в стороне, а Хрущев фигурирует. Тоже не случайно. Конечно, я как член Военного совета пользовался равными с ним правами при решении тех или других вопросов. Но командующий здесь не должен быть лишь каким-то свидетелем, если он командующий войсками.

Хочу обратить внимание и на такой факт. Люди, которые сейчас редактируют ход истории и подкрашивают ее под свои вкусы, знали Сталина, знали его крутой характер. Вот Жуков пишет, что Сталин мне позвонил и предупредил о том, что нам угрожает с левого фланга противник, а я его не послушал. Значит, это я несу ответственность за провал операции. Но это противоречит словам Сталина, которые мне передал Маленков насчет того, что я «навязал» Тимошенко решение об отмене директивы Ставки о наступлении. Если даже считать, что моя вина доказана, то, спрашивается, почему же Сталин сделал вывод обратного характера? Ведь Сталин злился не на меня, а на Тимошенко.

И это вскоре проявилось. Когда наши войска вынуждены были отступить за

Дон, а противник, заняв Ростов, прорвался через Дон на Северный Кавказ и начал развивать наступление в сторону Сталинграда, Сталин позвонил мне (тут и я уже говорю, что мне позвонил Сталин): «Вы должны сейчас же собраться и переехать со своим штабом в Сталинград. Там организуется Сталинградский фронт, мы утвердили Вас членом Военного совета Сталинградского фронта. Но Вы должны назвать командующего войсками нового фронта». Я отказался предложить командующего, ссылаясь на то, что это функция Ставки. Сталин: «Я назначил бы Еременко, но он в госпитале. Подошел бы Власов, но он в окружении. Поэтому назовите Вы».

Отказывался я, отказывался и в конце концов назвал Гордова. Гордов был утвержден командующим войсками Сталинградского фронта. О Тимошенко же Сталиным не было сказано ни слова. В чем дело? Поражение на Дону обернулось опалой для Тимошенко. Значит, Сталин, помня, как я настаивал на отмене решения о наступлении у Барвенково после провала той операции, одумался и понял, что Хрущев был прав. Вот он и перенес свой гнев на командующего войсками фронта за то, что не проявил твердости, хотя у него не было недостатка в твердости. В результате Сталин, видимо, сделал вывод, что надо сменить командующего войсками фронта. Меня же, члена Военного совета того же фронта, на которого сейчас редакторы валят ответственность за провал операции, Сталин взял да и утвердил членом Военного совета Сталинградского фронта.

На Сталинградском фронте я был до конца его существования. Потом был утвержден членом Военного совета Южного фронта, и мы с Еременко, а затем с принявшим у него командование Малиновским освободили Ростов и продвинулись к Таганрогу. Потом меня забрали с Южного фронта и назначили членом Военного совета Воронежского фронта. Когда его преобразовали в Первый Украинский, я опять остался членом Военного совета. Мы провели Курскую операцию, и хорошо провели. Это был перелом в войне. Затем освободили Киев, и я оставался членом Военного совета этого фронта до конца войны, до полного разгрома Гитлера. Если бы Сталин считал меня виновным, он бы мне никогда не простил, а, как говорится, поставил бы мне в строку. В то же время я не говорю, что там была именно моя личная точка зрения. Это была точка зрения и командующего войсками, и начальника штаба фронта, вообще всего фронтового руководства, а в первую голову Баграмяна, который проявил большое упорство, стараясь добиться отмены Сталиным решения Ставки. Уверен, что найдутся объективные люди, которые разберут ход операции и дойдут до первоисточников. Правда, не существует записей телефонных переговоров, которые я вел со Сталиным через Маленкова. Но имеется наш приказ о перегруппировке войск, который Сталин отменил, хотя тоже устно.

И снова о мемуарах. Я сейчас мало читаю мемуары военных лиц. Я не хочу, не могу их читать, не могу равнодушно переносить неправду. Очень много существует искажений в описании проведенной войны, много вранья, много неправильного. Видимо, есть люди, которые заинтересованы в этом. Вот они и подтасовывают факты так, как им выгодно, с тем чтобы показать собственное Я: какие они были умные, как они все предвидели. Но ведь не пишут о том, как они «все предвидели», а мы оказались не подготовленными к войне, хотя эти люди и тогда сидели в штабах и формировали по своей линии политику в вопросах обороны страны.

(Продолжение следует)

Технология власти

А. Г. Авторханов

XX. Подольское совещание

Удивительным человеком был этот Сорокин. Никогда я его не видел таким торжествующим, как в те дни, в дни победного шествия аппаратчиков, быстрой переориентировки приспособленцев, жадной хватки партийных карьеристов. Я ожидал, что победа сталинцев в ЦК, позорная капитуляция Коммунистической академии перед Кагановичем, «разброд» и «шатания» в бухаринской школе в ИКП, полный триумф мехлисов и юдиных на «теоретическом фронте» окончательно доконают и Сорокина.

Мы с ним провели вместе первомайские праздники. Потом в конце мая собрались к какому-то его другу, который жил где-то вне Москвы, но Сорокин нарочно не говорил, куда и к кому мы поедем, намеренно возбуждая во мне любопытство, а я так же намеренно не спрашивал. «Как теперь дела, Иван Иванович?» Сорокин сразу ответил: «Лучше бывает, но редко!» «Но ведь кругом катастрофа, Иван Иванович», — недоумеваю я. Сорокин делает удивленное лицо, впивается в меня своими проницательными глазами, словно ожидая от меня страшной вести об этой неизвестной ему катастрофе. «Да ведь наших бьют повсюду», — поясняю я.

В ответ Сорокин залился знакомым мне смехом, так что я даже на мгновение подумал, что это, вероятно, «не наших бьют» и что, может быть, «наши» вообще «не наши». Когда же Сорокин, успокоившись, спросил: «Кого же ты считаешь «нашими»?» — я, не задумываясь, ответил в его же тоне: «Разумеется, Кагановича и Юдина!» Сорокин сделался мрачным, как будто я произнес не имена известных ему людей, а какой-нибудь нечисти. Потом медленно встал, подошел к умывальнику, плюнул в него и, заложив руки назад и слегка нагнувшись, начал шагать по комнате, рассуждая вслух: «Да, политика, как и пространство, не терпит пустоты. В верхах партии зияющая пустота. Сталин вынужден ее заполнять мнимыми величинами вроде кагановичей и юдиных, беря все, что есть в партии идеалистического, под аппаратный контроль. Я слышал о выступлениях Кагановича и прочих в Комакадемии. Слышал, как Сталин стал и «великим вождем», и «мудрым теоретиком». Но трагедия заключается в том, что ни Каганович, ни Мехлис не верят, абсолютно не верят в то, что сами говорят о Сталине, начиная возносить его. Юдины — это просто дурачье с претензиями на «ученость». Как политики они попугаи, а как «ученые» — мастера сводить цитаты из Маркса с цитатами из Ленина. Ни одной оригинальной мысли, ни одного живого слова не ждите от них даже о Сталине. Эти люди созданы, чтобы мыслить цитатами и говорить штампами».

«Как ты оцениваешь итоги пленума?» — нетерпеливо прерываю я Сорокина. «Подожди. К этому я и веду речь. Угрозы Кагановича расправиться со старыми революционерами и объявленная чистка во всей партии приближают нас к развязке». «Развязка состоялась!» «Неправда». «Как это неправда, если Бухарина и Томского вышибли с постов, а Рыков оставлен за «разоружение». «Рыков тоже будет вышиблен. Но не забудь, что ЦК находится под грозным контролем человека, который сильнее всех кагановичей, вместе взятых, — это русский мужик. Его вышибить не удастся ни «храбростью» Кагановича, ни цитатами Юдина, ни «мудростью» Сталина. Апрельский пленум постановил закрепостить его второй раз. В этом — исторический смысл пленума. Но удастся ли это? Сомнительно, если мы доберемся до XVI съезда». «Если не доберемся?..» — спрашиваю я. «Тогда второе закрепощение крестьянства явится причиной гибели советской власти, а идеи социализма будут дискредитированы на русской земле во веки веков...»

Сорокин не считал, что правые потерпели окончательное поражение. Он восхищался мужественной и последовательной линией Бухарина и Томского на пленуме. Был доволен на этот раз также Углановым и Котовым, а о Стэне выразился очень коротко — «умница», слово, которое означало в его устах высшую похвалу. Условием оставления правых на их постах было признание ими «генеральной линии». Только один Рыков ее отчасти признал. Сталинцы за это его и оставили «условно». Зато, несмотря на всю предварительную подготовку и многочисленные «требования с мест», сталинцы и Сталин не осмелились вывести правых из Политбюро и ЦК.

«Более того, — говорил Сорокин, — сейчас же после пленума Сталин поехал к Рыкову и всю ночь пил с ним «рыковку», говоря о своей дружбе к нему и любви к Бухарину. Победители так не поступают. Но если Сталин возомнил себя «рыцарем без страха и упрека», то имеется основание бояться новой подлости с его стороны. В умении маскировать эту подлость преданностью друга и добропорядочностью человека он доходит до гениальности. Не разгадают наши этой двойственной натуры Сталина и сталинцев, тогда наступит развязка...» «Два десятилетия находиться со Сталиным в нелегальной партии, в решающие дни проводить вместе с ним революцию, десять лет заседать после революции за одним столом в Политбюро и после всего этого не знать Сталина — это уже действительно развязка», — говорю я.

Сорокин заметно оживляется. Я вижу, что он доволен тем, как я нарочно заострил и утрировал вопрос о «развязке». Он хочет только, чтобы я был последователен. Он меня толкает к этой последовательности. Вопросы сыпятся за вопросами. Когда я начинаю фальшивить, он ловит меня на полуслове, язвит, издевается или бросает короткие фразы: «Ты попугайничаешь! Ты повторяешь чужие слова! Ты так говоришь, но не думаешь!» Именно потому, что Сорокин ловит меня на неправде, я выхожу из себя. Это как раз и радует его. Он наступает еще больше, а я еще больше злюсь. Сорокин преспокойно продолжает свою прогулку по комнате, но потом вдруг останавливается, поворачивается ко мне и резко спрашивает: «Ты веришь в подлость Сталина?» — «После информации «Генерала» я в ней и не думал сомневаться». — «Тогда запомни — при прочих равных условиях в политике преуспевают только подлецы». «Но тогда тем более развязка уже состоялась», — делаю я новый вывод. «Вот тут ты и ошибаешься. Развязки нет. Сталин исподтишка подкрадывается к ней. Но его можно предупредить и по-сталински, то есть ответить на подлость подлостью, и профилактически, то есть хирургическим ножом».

После последних слов Сорокин вопросительно посмотрел на меня. Я продолжал молчать. Но слова «хирургический нож» острием врезались в мое сознание. Сорокин сделал паузу, как бы давая мне время переварить сказанное. «Государственный переворот не есть контрреволюция, — поясняюще продолжал Сорокин, — это только чистка партии одним ударом от собственной подлости. Для этого не нужен и столичный гарнизон Бонапарта. Вполне достаточно одного кинжала советского Брута и двух слов о покойнике перед возмущенной толпой фанатиков: «Не потому я Цезаря убил, что любил его меньше, но потому, что я любил Рим боль-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, № 1—8.

ше!» Сорокин еще раз сделал паузу, на этот раз более длинную. Я продолжал хранить молчание, но то красноречивое молчание, которое выдавало меня с головой. «Ты чего побледнел, будто только что убил Сталина?» — дергает он меня за плечо. Я молчу. Сорокин продолжает: «Каждый друг — потенциальный Брут, но чтобы стать Брутом римского класса, надо уметь забыть свое прошлое, ненавидеть свое настоящее и отказаться от своего будущего во имя вечного и бессмертного — во имя своего Рима. Ни одна страна не богата такими Брутами, как наша. Только надо их разбудить. Но тот Брут загубил Рим, а наш спасет его. И в этом бессмертное величие советского потенциального Брута».

Сорокин развил эту тему еще дальше и глубже, беспощадно откидывая воображаемые контраргументы. Я чувствовал, что он по обыкновению убеждает не меня, а самого себя в своей правоте. Однако мысль о насильственном дворцовом перевороте против Сталина сама по себе не была новой, особенно среди молодежи, но лидеры правых были решительно против этого. Помню, как накануне XVI съезда на квартире Сорокина собралась группа «неразоружившихся оппортунистов». Был приглашен и Бухарин. Бухарин был в веселом настроении, шутил со всеми, как будто это не его, а Сталина собираются хоронить на XVI съезде. Вся идиллия была нарушена неприятным вопросом: «Николай Иванович, когда жизнь подтвердила ваши самые мрачные прогнозы во всех отраслях внутренней политики, а крестьяне, доведенные до отчаяния, проголосовали за вас своей кровью, неужели после всего этого вы собираетесь на XVI съезде голосовать за Сталина?»

С лица Бухарина исчезли притворная веселость, наигранное хладнокровие и маска политического индифферентизма. Вероятно, такие вопросы в последние месяцы задавали ему не раз. Столь же вероятным казалось и то, что у Бухарина на такие и им подобные вопросы никакого удовлетворительного ответа не было. Он находился в положении полководца, который, блестяще выиграв генеральное сражение, предлагал противнику собственную капитуляцию, так как не знал о своей победе. «Атаки против сталинцев сверху не увенчались успехом. Линия партии может быть выправлена только снизу» — вот все, что мог сказать Бухарин. «Но в том-то и дело, что партии нет, а есть аппарат, против которого бессильны и членские билеты низов, и крестьянские вилы в деревне», — вмешался Сорокин. «Мораль?» — спросил Бухарин. «Хирургия!» — ответил Сорокин.

Наступила та напряженная тишина, которую прилично нарушать только при веском аргументе. Такого аргумента не нашлось сразу даже у Бухарина. Мы продолжали молчать. Бухарин почувствовал, что он должен ответить. «Нож в руках неосторожного хирурга может вместе с язвой поразить и жизнь молодого организма», — сказал он наконец. Сорокин сразу отвел аргумент: «При смертельной язве такая операция явится только актом высокой милости к самому организму». Вновь наступила тишина. Но нарушить ее пришлось опять-таки самому Бухарину. Теперь он начал издалека. «В нашей революции, — говорил Бухарин, — надо различать две стороны — преходящую форму правительственной верхушки и постоянное содержание социального строя. Идеалы социализма и социальной справедливости, во имя которых мы совершили революцию, не могут быть принесены в жертву межгрупповой борьбе в верхах партии. Неумелое управление великолепной машиной вовсе не говорит о пороках самой машины. Нелепо разбивать эту машину, лишь бы убрать водителя».

Бухарин прочел Сорокину и нам почти часовую лекцию в этом духе. Стало ясно, что хотя Бухарин и не собирался предложить Сталину «торжественную капитуляцию» на XVI съезде, но не думает вернуться к своим прежним атакам против «водителя». Острота внутрипартийной борьбы дошла до такой грани, за которой у оппозиции была только одна перспектива — обращение к народу, а народ был против всей существующей социальной системы («машины»). У меня создалось впечатление, что Бухарин боится этого народа не меньше, чем Сталин. Идеолог советского крестьянства с его вернейшим лозунгом «Обогащайтесь!» словно испугался, как бы это крестьянство не объявило его своим «Пугачевым». Ни Бухарин, ни его друзья на это органически не были способны.

Вернусь к теме. Мы выехали из Москвы довольно поздно, но уже через час прибыли к месту назначения — в Подольск. Направились на квартиру, которая была приготовлена для нас. Принял нас пожилой интеллигентный человек высокого роста, худощавый, черный, с украинским выговором, но с немецкой фамилией. Потом я узнал, что это был старый «железнодорожник», член коллегии Народного комиссариата путей сообщения. Здесь мы застали и «Генерала». Ночью Сорокин и «Генерал» ушли с «железнодорожником» куда-то, а я лег спать. Утром, когда меня вызвали к завтраку, я нашел уже довольно большое общество, в том числе некоторых наших друзей из Москвы. Общество собралось в день рождения члена ЦКК Виктора.

Юбиляр Виктор был довольно известным человеком в партии. Его пригласили сюда из Москвы для «чествования», так как свою революционную работу он начал здесь. Но «чествование» было официальной «легендой». На самом деле это было совещание представителей разных московских групп, поддерживающих правых лидеров или связанных с ними. Совещание было посвящено итогам пленума ЦК и XVI конференции партии и задачам оппозиции в связи с подготовкой XVI партийного съезда. Главным докладчиком был сам Виктор, который участвовал на пленуме и на XVI конференции. Я его видел впервые, но много раз слышал его имя и знал, что он занимает крупное положение в правительственном аппарате. Он очень мало говорил о том, что происходило на пленуме, зато подробно осветил всю закулисную борьбу аппаратчиков против правых, главным образом по линии советского аппарата и ЦКК.

«После всего того, что произошло, — говорил Виктор, — мы поставлены перед дилеммой: либо мы сдаемся на милость Сталина и его группы, тогда мы несем одинаковую ответственность вместе с ними за гибель революции, либо мы переходим от пустых деклараций к более действенным формам борьбы, тогда есть серьезные шансы на спасение революции и страны. Если нам удастся через голову аппаратчиков доложить нашу программу партии и народу, то наши старания увенчаются полным успехом. На возможные возражения, — продолжал Виктор, — что при выборе второго пути мы рискуем быть политически и, вероятно, физически изолированными, как это случилось с троцкистами, я отвечаю: изолированы мы будем и в том случае, если бы мы встали на первый путь, на путь капитуляции. Это только вопрос времени. Кто утверждает обратное, тот не знает ни опыта истории, ни логики политической борьбы, ни, конечно, натуры Сталина. Но лучше сознательно погибнуть в борьбе за правое дело, чем кончить жизнь самоубийством в качестве жалких капитулянтов. Каждый из присутствующих должен разрешить эту дилемму, полностью сознавая риск, на который он идет. Да, шансы наши серьезные, но и риск велик. Кто способен во имя шансов победы рисковать своей головой, тот уже по крайней мере не рискует одним — потерей чести революционера».

Виктор говорил убедительно и с пафосом, как, может быть, говорил в те годы, когда он рисковал головой перед другой полицией, перед царской. Именно его репутация бесстрашного революционера в прошлом придавала вес и значение каждому его слову. Прения тоже были на этот раз серьезные и деловые. Предстояло решить два вопроса — продолжать ли борьбу против сталинского крыла в партии, если да, то в каких формах и при помощи каких методов. На первый вопрос у всех был один ответ — продолжать. По второму вопросу взгляды значительно расходились. Эти взгляды, по существу, воспроизводили противоречия, существовавшие среди лидеров оппозиции по этому вопросу. Там были «активисты» — сторонники решительных действий (Бухарин, Томский, Угланов, Розит, Михайлов и др.), «пассивисты» — сторонники выжидательного бездействия, как выразился бы Троцкий (Рыков, Котов, Куликов, Уханов, Енукидзе и др.). Виктор принадлежал к «активистам». Из моих друзей таковыми, несомненно, были Сорокин, «Генерал» и отчасти Резников. Зинаида колебалась, а «Нарком» был и «пассивистом», и оппортунистом одновременно.

Первым выступил «Генерал». Поддержав тезис докладчика о переходе к активным формам, он попросил Виктора «раскрыть скобки» вокруг этой формулы. Почти в том же духе выступило два-три человека. «Пассивисты» выжидали, пока не будут «раскрыты скобки». Сорокин и раскрыл их, предложив план активного действия. «План Сорокина» предусматривал: 1. Составление детально разработанной программы требований оппозиции к съезду партии. 2. Требование создать Оргкомитет по созыву экстренного съезда, на который избираются путем прямых и тайных выборов. 3. Задачи съезда — не принятие каких-либо решений, а избрание межпартийного центра для проведения референдума во всей партии по программе оппозиции и по политике сталинской группы.

Сорокин указал, что его план вовсе не противоречит уставу партии, а, наоборот, вытекает из него, предусматривающего создание Организационного комитета рядом с ЦК для созыва экстренного съезда, в случае, если ЦК отказывается от созыва его, или если в самом ЦК нет твердого большинства, или же ЦК считает нужным опросить партию о правильности своей политики. «Если Сталин отклонит ваш план, а он его, конечно, отклонит, тогда что же делать?» — спросил кто-то. «Тогда созвать его через голову Сталина», — ответил Сорокин. Виктор одобрительно наклонил голову, «Генерал» бросил реплику «Правильно!», а незнакомец, который задал вопрос, сделал кислое лицо. Он тоже, несомненно, был «пассивистом».

Резников, по существу, поддерживал Виктора и «план Сорокина» при условии, если он будет принят всеми лидерами оппозиции. Последним выступил тот, который задал вопрос Сорокину. Он считал, что время для активных действий неподходящее. Он полагал, что Сталин сам сломает себе шею без всякого усилия с нашей стороны и именно тогда, когда он вновь приступит к проведению своего плана принудительной коллективизации. Поэтому, критикуя политику Сталина в рамках «легальности», надо выжидать развития событий. Как и надо было ожидать, «Нарком» его поддержал.

Виктор подвел итоги совещания в духе активного действия и безоговорочно поддержал «план Сорокина» (по всей вероятности, он был и соавтором его). Было решено большинством, без формального голосования, принять «план Сорокина», довести его до сведения лидеров оппозиции. Тут же был намечен и состав программной подкомиссии совещания (комиссия должна была быть назначена в руководящем центре).

Если план Сорокина в отношении требований к ЦК был принят более или менее безболезненно, с той оговоркой, которую сделал Резников, то предложение Виктора о создании организационной подкомиссии вызвало явный раскол. Виктор, поддержанный «Генералом» и Сорокиным, полагал, что для координации усилий самостоятельно действующих оппозиционных групп в Москве и вне столицы надо учредить постоянную организационную подкомиссию по аналогии с программной подкомиссией. Резников, поддержанный рядом участников, в том числе и «железнодорожником», в резкой форме отверг это предложение. Его аргументы сводились к тому, что, создавая постоянную организационную комиссию, мы даем самый опасный козырь в руки сталинцев. Нас будут обвинять в создании фракции внутри партии, и этого будет достаточно для нашего немедленного разгрома, даже без обсуждения и дискуссии по нашей политической платформе.

«Вы знаете, — убеждал Резников, — что судьба всех фракций в нашей партии, безотносительно к их правоте или неправоте, была одна — политическая изоляция. Мы не должны сознательно идти навстречу этой изоляции». «Боишься волков — не ходи в лес», — заметил «Генерал». «Но отсюда только одна мораль, — ответил Резников, — прежде чем двигаться в лес со стаями волков, нужно сначала вооружиться». «Писаниной?» — презрительно спросил «Генерал». Резников с раздражением продолжал речь: «Если вы считаете наши сформулированные политические требования, которые мы думаем довести до сведения всей партии, простой писаниной, тогда я отказываюсь понять, почему мы вообще собрались сюда! Эти требования могут быть поданы и без создания отдельной фракции внутри партии. Никто так не заинтересован в оформлении нас в отдельную фракцию, как сам Сталин. На расправу с фракциями у него есть законный мандат предыдущих съездов партии, который подписывали и мы с вами. Но политические требования определенной части партии и ее ЦК в рамках легальности и устава лишают сталинцев возможности поступать с нами как с антипартийной фракцией. Я полагаю, что так будет не только целесообразнее, но и гораздо спокойнее».

Сорокин, который с великим нетерпением ожидал окончания речи Резникова, попросил слова. В комнате воцарилась тревога. Тревожен был и председатель Виктор, который, предупреждая возможные резкости со стороны Сорокина, дипломатически попросил его говорить коротко и только по существу обсуждаемого вопроса. Сорокин принял совет председателя. Речь его не была резкой. Он не соглашался с Резниковым насчет фракции. «Как бы мы себя ангельски ни вели в «рамках легальности», — говорил он, — Сталин и аппарат объявят, да и уже объявляют нас «антипартийной фракцией». Надо быть очень низкого мнения о Сталине, если Резников думает, что он имеет дело с «генеральным секретарем» партии, который влюблен в «устав» своей партии. Сталин — это аппарат над партией. С этим аппаратом можно бороться и побороть его лишь на том же пути: созданием антисталинского аппарата внутри партии».

Обосновав этот свой тезис ссылками на то, как создавалась сама сталинская фракция в партии, Сорокин сказал несколько слов и лично Резникову: «Как человеку мне вполне понятны доводы Резникова о спокойствии, но как революционеру они для меня неприемлемы. Резников, конечно, не прав. Прав был только один Прутков: «Спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казенный счет». Председатель невольно улыбнулся, но присутствующие сдержанно отнеслись к афоризму Пруткова-Сорокина. Резников вообще никак не реагировал. Наоборот, мне казалось, что он был очень доволен, что так легко отделался от Сорокина. Но Сорокин был уже наказан: совещание отвергло предложение Виктора о создании организационной комиссии. Виктор оставил за собою право вернуться к нему «в более подходящих условиях». Поздно вечером мы вернулись в Москву.

XXI. Коминтерн — сектор «Кабинета Сталина»

На титульном листе членского билета ВКП(б) до роспуска Коминтерна значилось на самом верху: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В середине: «Партийный билет». В самом низу: «ВКП(б) — секция Коммунистического Интернационала». Со второго конгресса Коминтерна, когда были приняты знаменитые ленинские «двадцать одно условие» приема и пребывания иностранных партий в Коминтерне, нижние строки советского партбилета были юридическим анахронизмом. Не ВКП(б) была секцией Коминтерна, а сам Коминтерн был секцией ВКП(б), вернее, международным отделом ЦК. Создание Коминтерна подготавливалось Лениным еще в годы первой войны из кругов так называемых «левых циммервальдцев», куда входили все крайние левые из существующих западных социал-демократических партий. Это были те элементы, которые, подобно русским большевикам и немецким «независимцам» (позднее — «спартаковцам»), стояли на интернационалистских позициях и поддерживали ленинский лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую».

Самые настойчивые попытки Ленина еще во время войны создать «III Коммунистический Интернационал» не имели успеха. Победа большевиков в России в октябре 1917 года резко изменила положение. Теперь были налицо не только политико-моральные условия (победа ленинской тактики и стратегии), но, главное, были налицо условия материальные. С большой настойчивостью и еще с большей гарантией успеха Ленин вновь поставил на повестку дня создание Коминтерна на деньги советской России. По иронии истории, получилось как раз противоположное тому, что Троцкий пророчил в 1906 году, когда писал[1]: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата русский пролетариат не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

Ленин доказал обратное — можно создать мировое коммунистическое движение при государственной поддержке коммунистической России. Весьма показательно, что первое решение создать Коминтерн было принято не ЦК партии, а самим советским парламентом — ВЦИК. Так, 24 декабря 1917 года ВЦИК выносит постановление о посылке за границу делегации (от большевиков — Бухарин, Радек, Берзин, Коллонтай; от левых эсеров — Устинов и Натансон) с целью «предпринять подготовительные шаги к созыву международной конференции представителей левого крыла Интернационала, стоящих на точке зрения советской власти о необходимости борьбы против империалистических правительств внутри каждой из воюющих стран»[2].

Делегации этой, конечно, не удалось пробраться за границу, но в январе—феврале в Петрограде состоялось международное совещание левых, которое постановило[3]: «Международная социалистическая конференция должна быть создана при следующих условиях: 1. Согласие организаций и партий встать на путь революционной борьбы против «своих» правительств за немедленный мир. 2. Поддержка

Октябрьской революции и Советской власти». Вот только таким заграничным партиям и кадрам советская власть оказывала щедрую «государственную помощь». Они и являлись одним из резервуаров, откуда большевики черпали людей III Интернационала. Не менее важным был и другой резервуар Коминтерна — бывшие военнопленные в России: немцы, австрийцы, венгры, румыны, чехи, словаки, болгары и др. Сейчас же после Февральской революции 1917 года большевики повели среди военнопленных энергичную пропаганду «коммунистического воспитания», а после Октябрьской революции из этих групп военнопленных, организованных по языковому принципу, была создана «Федерация иностранных групп» коммунистов при ЦК ВКП(б). В «Федерацию» входило до девяти групп (в том числе и «свободные иностранцы», как, например, «Англо-американская группа»). Она возглавлялась пресловутым Бела Куном.

Этому резервуару коммунизма Ленин придавал исключительное значение. В отчете на VIII съезде партии (1919 г.) он говорил[4]: «Я должен обратить внимание на отчет о деятельности федерации иностранных групп... Я должен сказать, что здесь замечается настоящая основа того, что сделано нами для III Интернационала. Третий Интернационал был основан в Москве на кратком съезде, подробный отчет о котором... сделает тов. Зиновьев. Если в короткий срок мы могли так много сделать на съезде коммунистов в Москве, то это благодаря тому, что была выполнена гигантская подготовительная работа Центральным Комитетом нашей партии и организатором съезда тов. Свердловым. Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев, и был организован целый ряд иностранных групп. Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что *бациллы большевизма захватили эти страны целиком* (курсив мой. — *А. А.*). И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности невидной и в организационном отчете (на съезде. — *А. А.*) суммарной и краткой работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии».

Из этих двух резервуаров — крайне левых представителей социалистических партий Запада и Азии и бывших военнопленных в России — Ленин и заложил основы мирового коммунистического движения на I конгрессе 2—6 марта 1919 года в Москве. На конгрессе присутствовал 51 делегат. Представлены были следующие партии: РКП (б), Коммунистическая партия Германии, Американская социалистическая рабочая партия, Циммервальдское левое крыло французских социалистов, Коммунистическая партия Австрии, КП Венгрии, КП Польши, КП Финляндии, Шведская левая социал-демократическая партия (оппозиция), Балканская революционная федерация (Болгария и Румыния), КП Украины, КП Латвии, КП Литвы и Белоруссии, КП немецких колоний в России, объединенная группа восточных народов России. С совещательными голосами на конгрессе были представлены английская, французская, шведская, чешская, болгарская, югославская коммунистические группы, голландская с.-д. группа, американская Лига социалистической пропаганды, туркестанская, турецкая, грузинская, азербайджанская и персидская секции Центрального Бюро коммунистических организаций народов Востока, Китайская социалистическая рабочая партия, Корейский рабочий союз и Циммервальдская комиссия.

I конгресс принял решение о конституировании Коминтерна и его исполнительных органов — Исполкома и Бюро — и обсудил и принял к руководству программные и тактические доклады русской делегации: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Осинского. Конгресс закрылся принятием «Манифеста Коммунистического Интернационала пролетариям всего мира», который оканчивался словами[5]: «Под знаменем Советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, — пролетарии всех стран, соединяйтесь».

В состав Исполкома Коминтерна от ВКП(б) вошли Ленин, Зиновьев, Бухарин и Троцкий. С тех пор Бухарин состоял неизменным членом Президиума Коминтерна, выступая на всех его конгрессах с руководящими докладами. Сталин вошел в

Президиум Коминтерна только в 1925 году, после смерти Ленина, но раз войдя, он по-своему, по-сталински, основательно приступил и к его чистке от всего того, что в нем было действительно идейного и непродажного. Несправедливо и просто наивно думать, что в Коминтерн с начала его организации вошли или входили лишь одни наемники и «агенты Москвы». В таких, конечно, как при всякой подобной комбинации, недостатка не было. Однако здесь были и старые ветераны международного рабочего движения, желавшие видеть в русской революции начало той социалистической эры на Земле, задачам осуществления которой они себя посвятили. Были и молодые энтузиасты, которые всерьез поверили в «освободительную миссию» русского Октября. Тех и других ожидало глубокое разочарование. Иностранные коммунистические партии и III Интернационал фактически были сведены к роли секции ЦК РКП(б). Если при Ленине все еще существовала «местная автономия» иностранных партий, то при Сталине и такая автономия стала чистой фикцией. Параллельно чисткам в ВКП(б) Сталин беспощадно чистил и Коминтерн от всех, кто слепо и беспрекословно не подчинялся диктатуре «кабинета Сталина» в Коминтерне.

После расправы с Троцким и Зиновьевым при помощи того же Бухарина в Коминтерне остались только те, кого можно назвать «агентами Москвы». После всего этого Сталину не представляло абсолютно никакой трудности развенчать славу Бухарина и по линии Коминтерна. Однако к решению и этой задачи Сталин подходил методически и предусмотрительно начиная уже с 1928 года. Бухарину, главному руководителю Коминтерна (официально его титуловали «полит-секретарем» — после снятия Зиновьева ревнивый Сталин ликвидировал пост «председателя Коминтерна»), было поручено делать доклад о международном положении на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.). Бухарин составил тезисы своего доклада в полном согласовании с установками Политбюро, в том числе и самого Сталина, и разослал их делегациям в Исполкоме Коминтерна. Сталин решил, что теперь наступило время «прощупать» Бухарина и по линии Коминтерна. Сталин рассылает в свою очередь, но без ведома Бухарина и без согласия Политбюро, «поправки» к тезисам Бухарина, которыми он фактически дезавуирует Бухарина. Совершенно неожиданный и беспрецедентный в практике Политбюро и Коминтерна поступок Сталина обескураживает Бухарина, но достигает цели в Коминтерне: оказывается, не Бухарин, а Сталин теоретик большевизма — таково сенсационное открытие, которое делают иностранные члены Коминтерна.

В чем был смысл «поправок» Сталина? Вдумываясь в эти поправки, я невольно вспомнил одну чеченскую поговорку: «Если медведь хочет съесть собственного детеныша, то он предварительно погружает его в лужу грязи, чтобы довести до неузнаваемости». Так поступил и Сталин. Прочитайте рассказ об этом самого Сталина[6]: «Делегации ВКП(б) (то есть Сталину. — *А. А.*) пришлось внести в тезисы (Бухарина. — *А. А.*) около 20 поправок. Это обстоятельство создало некоторую неловкость в положении Бухарина... И вот... из делегации ВКП(б) (то есть от Сталина. — *А. А.*) вышли, по сути дела, новые тезисы по международному положению, которые стали *противопоставляться иностранными делегациями старым тезисам, подписанным Бухариным...* (курсив мой. — *А. А.*). Я хотел бы отметить четыре основные поправки, внесенные в тезисы Бухарина...

Первый вопрос — это вопрос о характере стабилизации капитализма. У Бухарина выходило, что... капитализм *реконструируется* и держится в основном более или менее *прочно*... Второй вопрос — это вопрос о борьбе с социал-демократией. В тезисах Бухарина говорилось о том, что борьба с социал-демократией является одной из основных задач секций Коминтерна. Это, конечно, верно. Но этого недостаточно... Необходимо заострить вопрос на борьбе с так называемым «левым» крылом социал-демократии... Третий вопрос — это вопрос о примиренчестве в секциях Коминтерна. В тезисах Бухарина говорилось о необходимости борьбы с правым уклоном, но там не оказалось ни единого слова о борьбе против *примиренчества* (курсив мой. — *А. А.*) с правым уклоном... Четвертый вопрос — это вопрос о партийной дисциплине. В тезисах Бухарина не оказалось упоминания о необходимости сохранения железной дисциплины в компартиях». Перечислив эти «убийственные» обвинения, Сталин патетически закончил эту часть своей речи на апрельском пленуме словами: «Бухарина мы любим, но истину, но партию, но

Коминтерн мы любим еще больше. Поэтому делегация ВКП(б) оказалась вынужденной внести эти поправки в тезисы Бухарина».

Я не хочу, чтобы у читателя создалось впечатление, что я стараюсь здесь реабилитировать Бухарина в его споре со Сталиным. Мне важно указать на своеобразные приемы Сталина в полемике с противником. Сталин сознательно утрировал мысль противника, чтобы объявить ее ересью. Он намеренно разрывал ее на части, чтобы она потеряла всякий смысл. Там же, где ни то, ни другое не удавалось, он поступал просто: извольте, почему у вас не сказано о том, о сем, о третьем, о двадцатом?! Мне кажется, что Бухарин очень удачно и прямо, в его собственном стиле ответил Сталину на том же VI Конгрессе, когда, оглашая свои злополучные тезисы и имея в виду «20 поправок» Сталина, заявил: «Я не охватил всех вопросов, но недаром Кузьма Прутков сказал: «Плюньте в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное!»

Сталин, однако, не успокоился тем, что один раз дезавуировал Бухарина в самом Коминтерне. Надо было покончить со «славой» Бухарина как теоретика ВКП(б) и Коминтерна и в «братских партиях». За выполнение этой задачи взялись вернейшие оруженосцы Сталина: во Франции — Торез, в Германии — Тельман, в Чехословакии — Готвальд. Тельман дошел до того, что публично критиковал доклад Бухарина на VI конгрессе, тогда как в самом СССР еще не было произнесено ни одного слова по адресу Бухарина не только публично, но даже и на пленумах ЦК. Бухарин считался правоверным из правоверных. Разумеется, такой смелый поступок Тельмана поставил Бухарина в тупик. Он потребовал немедленно выслать из Москвы представителя Тельмана при президнуме Коминтерна — Неймана — и одновременно призвать к порядку самого Тельмана. Тогда Сталин решительно восстал против требования Бухарина. Более того — обвинил самого Бухарина в покровительстве правым в Германской коммунистической партии. Но тут же выяснился и «секрет» смелости Тельмана. Оказалось, что Сталин сам лично подготовил выступление Тельмана против Бухарина, воспользовавшись тем, что Бухарин стоял за санкцию того переворота, который был произведен Эвертом и Герхартом после VI Конгресса против Тельмана в ЦК Германской коммунистической партии.

Актом этого переворота был нанесен тягчайший удар по сталинскому аппарату в Германии. Первый человек Сталина на Западе — Тельман — был обвинен в растрате партийных денег другом Тельмана — секретарем гамбургской парторганизации Витторфом — и снят с поста председателя партии. Это было сделано решением большинства ЦК КПГ. Сталин возмущался[7], что это большинство во главе с Эвертом и Герхартом «отстранили Тельмана от руководства, стали обвинять его в коррупции и опубликовали «соответствующую» резолюцию *без ведома и санкции Исполкома Коминтерна*... вместо того, чтобы *повернуть руль* и выправить положение... Бухарин предлагает в своем известном письме *санкционировать* переворот примиренцев, отдать КПГ примиренцам, а т. Тельмана вновь ошельмовать в печати, сделав еще раз заявление о его виновности» (весь курсив мой. — *А. А.*).

Сталин и «повернул руль» — грубым диктатом Секретариата ЦК ВКП(б) он провел решение Президиума Исполкома Коминтерна об отмене «переворота» в немецкой коммунистической партии, о восстановлении снятого партией Тельмана на его постах и об отзыве в Москву «в распоряжение Коминтерна» «примиренцев» из Берлина. Благодарный Тельман как председатель самой крупной и самой авторитетной «секции» Коминтерна за границей на X пленуме Исполкома Коминтерна в июле 1929 года ответил Сталину взаимностью: Тельман и его друзья внесли предложение об исключении Бухарина из Президиума Коминтерна — как «идеолога правого уклона». То, что Сталин все еще не осмеливался делать по линии Политбюро, «иностранец» Тельман сделал по линии Коминтерна. В апреле 1929 г. Бухарин был снят с поста политического секретаря Коминтерна, но не был отозван из Коминтерна.

Чем руководствовались тельманы? Разбирали ли они по существу обвинения против Бухарина? Показал ли им Сталин заявление Бухарина от 30 января или «платформу трех» от 9 февраля? Конечно, нет. Дело и здесь обстояло точь-в-точь так, как это рассказано у И. Силоне о случае с Троцким. Президиум Коминтерна обсуждал меморандум Троцкого (о китайской революции) и на основании этого документа исключил его из Коминтерна. Кроме русских членов, никто из иностранных членов Президиума Коминтерна даже и не видел документа, на основании которого судили Троцкого. Когда представители Италии Силоне и Тольятти захотели видеть документ Троцкого, прежде чем о нем судить, председательствующий Тельман совершенно хладнокровно ответил: «Мы сами не видели этого документа». Силоне, подумав, что он неправильно понял Тельмана, попросил его повторить свои слова. Тельман повторил слово в слово то же самое. Тогда Силоне, которого поддержал Тольятти, заявил, что документ Троцкого, вполне возможно, и заслуживает осуждения, но, не прочитав его предварительно, он не может его осуждать. Теперь вмешался в спор Сталин и, сославшись на незнакомство итальянских товарищей с внутренним положением в СССР, предложил отложить обсуждение данного вопроса до следующего дня, а тем временем «проинформировать» итальянцев о положении дел.

Эта роль «информатора» была поручена лидеру болгарских коммунистов Коларову. И Коларов сыграл ее превосходно. Пригласив к себе в отель «Люкс» Силоне и Тольятти, Коларов за чашкой чая изложил итальянцам весьма толково, хотя и несколько цинично, суть «внутреннего положения в СССР». Смысл его доводов сводился к следующему: во-первых, я тоже не читал документа Троцкого; во-вторых, если бы даже Троцкий прислал мне секретно этот документ, то я отказался бы читать его, ибо он, откровенно говоря, не представляет для меня интереса; в-третьих, мы не ищем исторической правды, а констатируем факт борьбы двух групп... за власть в Политбюро. В этой борьбе сила (большинство) на стороне Сталина, а потому мы поддерживаем именно Сталина, а не Троцкого[8]. Таков был смысл урока коммунистической политграмоты, который преподал Коларов Силоне и Тольятти.

XXII. Капитуляция правой оппозиции

Совершенно так же поступили в Коминтерне и с Бухариным. Сталин был и на этот раз силой. Поэтому Сталин был прав. Теперь руки Сталина были развязаны и по международной линии. Дни Бухарина в Политбюро были сочтены. Сверхосторожный в таких делах Сталин, однако, не спешил. Прошло семь месяцев после апрельского пленума и четыре месяца после исключения Бухарина из Коминтерна, пока Сталин решился на созыв очередного пленума ЦК. Наконец в ноябре 1929 года был созван новый пленум ЦК. Пленум обсудил два основных вопроса: 1. О коллективизации сельского хозяйства. 2. О группе Бухарина.

По первому вопросу было принято решение о форсировании коллективизации и об усилении «наступления на кулачество». Замечу тут же, что еще не было никакой речи о «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества» как «класса» на ее основе. Постановление по второму вопросу, опубликованное впервые только в 1933 году, гласило[9]: «Заслушав заявление тт. Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября 1929 г., пленум ЦК ВКП(б) устанавливает следующие факты: 1. Авторы заявления, бросая обвинения апрельскому пленуму ЦК и ЦКК, что он будто бы поставил их в «неравноправное положение», добиваются тем самым от партии «права» противопоставлять себя Политбюро как равноправная сторона, «свободно» договаривающаяся с партией, т. е. добиваются легализации фракционной группировки правых уклонистов, лидерами которых они являются. 2. Товарищи Бухарин, Рыков и Томский, вынужденные теперь — после позорного провала всех своих предсказаний — признать бесспорные успехи партии и лицемерно декларирующие в своем заявлении о «снятии разногласий», в то же время отказываются признать ошибочность своих взглядов, изложенных в их платформах от 30 января и 9 февраля 1929 г. и осужденных апрельским плеиумом ЦК и ЦКК, «как несовместимые с генеральной линией партии». 3. Бросая демагогические обвинения партии в недовыполнении плана в области зарплаты и сельского хозяйства и утверждая, что «чрезвычайные меры» толкнули середнячество в сторону кулака, лидеры правых уклонистов (тт. Бухарин, Рыков, Томский) подготовляют тем самым новую атаку на партию и ее ЦК. 4. Заявление тт. Бухарина, Рыкова и Томского в корне расходится с постановлением X пленума ИККИ, осудившего взгляды т. Бухарина как оппортунистические и удалившего его из состава Президнума ИККИ.

Исходя из этих фактов, пленум ЦК вынужден квалифицировать новый доку-

мент тт. Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября 1929 г., как документ фракционный, как фракционный маневр политических банкротов... Отвергая, ввиду этого, заявление тт. Бухарина, Рыкова и Томского, как документ, враждебный партии, и исходя из постановлений Х пленума ИККИ о т. Бухарине, пленум ЦК постановляет: 1. Тов. Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро; 2. Предупредить тт. Рыкова и Томского, а также Угарова... что в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ИККИ и ЦК ВКП(б) партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры».

Резолюция эта была выработана самим Сталиным, но оглашена Молотовым от имени «комиссии» по делу Бухарина[10]. Кроме того, что сказано в этой резолюции пленума ЦК, в партийной литературе или оппозиционных публикациях не сохранилось никаких следов и об этом последнем совместном заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября 1929 года. Однако даже беглый анализ резолюции пленума дает возможность установить следующие два важнейших факта: 1. Правые продолжали стоять на точке зрения своего заявления от 30 января и «платформы» от 9 февраля 1929 года. 2. Правые требовали «равноправия сторон» (сталинцев и бухаринцев). Последнее требование, безусловно, стояло в связи с «планом» Виктора и Сорокина, оглашенным на подольском совещании. Что же касается указания резолюции на то, что правые, говоря о «снятии» некоторых разногласий, задумали тактический маневр, то тут правда, вероятно, была на стороне Сталина.

Правые учитывали опыт борьбы с «левыми», которую они вели вместе со Сталиным. Ведь это правые (Бухарин, Рыков, Томский), по инициативе Сталина, не дали лидерам Объединенной оппозиции (Троцкому и Зиновьеву) обратиться к XV съезду партии, исключив их из партии за какой-нибудь месяц до открытия съезда (декабрь 1927 г.). Остальных во главе с Каменевым исключил из партии сам съезд, хотя бы потому, что их лидеры уже числились «во врагах партии». Эту же вполне оправдавшую себя процедуру Сталин — Молотов — Каганович хотели применить сейчас к самим правым. Правые же не хотели дать для этого внешнего повода. Поэтому, не отказываясь от своих программных взглядов, они маневрировали тактически. К этому их обязывали и серьезнейшие разногласия, существовавшие в низовой массе правых по поводу тактики («активисты» и «пассивисты»).

Маневр этот, однако, не удался. Бухарина вывели из Политбюро. Рыков, Томский и Угаров письменно, а другие устно были предупреждены. То, что Сталин — Молотов — Каганович все еще не осмеливались, имея очевидную возможность, вывести из Политбюро заодно и Рыкова с Томским, показывало их неуверенность в конечной победе. Еще более скандальным, а в истории большевизма и просто неслыханным, был другой факт: Сталин — Молотов — Каганович скрывали не только от страны, но и от собственной партии платформу правой оппозиции. И в этом, с точки зрения их собственных интересов, сталинцы были правы. Если бы, по примеру бывших оппозиций в ВКП(б) при Ленине и после него («левая оппозиция», «новая оппозиция»), сталинцы допустили до огласки платформу правых, то вся страна из нее убедилась бы в том, что: 1. Правые против грабительской индустриализации за счет жизненного стандарта рабочего класса. 2. Правые против крепостнической коллективизации для «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». 3. Правые против международных авантюр за счет жизненных интересов народов России.

Программа Троцкого, независимо от субъективных намерений ее автора, выглядела как программа, противоположная бухаринской, и ее сталинцы охотно допустили и до печати, и даже до свободного обсуждения на партийных собраниях. Троцкий жил вчерашним днем революции и в глубине своей души был антинэпманом, а Россия, став нэповской, собиралась совершить еще один шаг — сделаться капиталистической. Тут на пути встал Троцкий. Здесь-то и произошел разрыв Троцкого не со Сталиным, а со страной. Поэтому точно так же, как Ленин нэпом убил внутреннюю контрреволюцию, Сталин от имени того же нэпа похоронил Троцкого, опубликовав его платформу к сведению всей страны. Поступить так с платформой людей, которые на своих знаменах написали магический лозунг духа нэповской России «Обогащайтесь!», сталинцы не могли. Вот почему они не осмеливались опубликовать бухаринскую программу. Зато вся печать страны кричала: бухаринцы хотят восстановить в России старый царский строй капиталистов и

помещиков! В это же время члены Политбюро Бухарин, Рыков и Томский, читавшие эту печать, как и вся страна, хранили абсолютное «молчание», а молчание, как говорят, есть знак согласия. Они молчат, значит, они и всерьез «реставраторы» — так мог рассуждать простой народ. Откуда было знать, что уста правых искусственно закрыты.

Если в программе бухаринцы пользовались преимуществом правильно понятого духа нэповской России, то в тактике, если ее понимать не только как искусство пассивного маневрирования, но и как оружие внезапных диверсий и решительных действий на повороте истории, бухаринцы уступали троцкистам. Троцкий и троцкисты были решительные, жертвенные и мужественные люди, не боявшиеся апеллировать и к улице (демонстрации 7 ноября 1927 г.), но их «апелляция» не была «созвучна эпохе», и поэтому они проиграли. Бухаринцы находились в «контакте с эпохой», но они не меньше, чем Сталин, боялись того же народа, к которому надо было «апеллировать». Сталин был прав, когда окрестил их новым прозвищем — «оппортунисты». Но, увы, это был «оппортунизм» на пользу самому Сталину.

После вывода Бухарина из Политбюро и предупреждения остальных вопрос о дальнейшей тактике по отношению к сталинцам вновь заострился. Либо полная капитуляция, либо переход к активным действиям — другой альтернативы сталинцы не допускали. На созыв съезда партии Сталин соглашался также только при полной капитуляции правых. Сталин пошел еще дальше в своих требованиях. Если раньше можно было излагать — письменно или устно — на заседаниях ЦК взгляды, расходившиеся со взглядами сталинцев на текущую политику, то теперь и такое действие считалось противоречащим требованиям партии. Больше того: любой член партии — от члена ЦК и до рядового коммуниста, — который публично не клеймил «правых оппортунистов» — бухаринцев, автоматически зачислялся в новую категорию «врагов партии» — в «примиренцев». Сталин — Молотов — Каганович лишали членов партии даже того преимущества, которым пользовались лидеры правых, — права «молчания». Полуторамиллионная масса членов партии должна была во всеуслышание осуждать «платформу» правых, которой они никогда не видели, совершенно так же, как это делали, по свидетельству Силоне, члены Президиума Исполкома Коминтерна по отношению к Троцкому.

Этого мало. Надо было везде и всюду «выявлять и разоблачать» «оппортунистов на практике», как гласила партийная директива со страниц «Правды» и «Известий» накануне XVI съезда. И этого еще мало. Закрытые и открытые партийные директивы требовали «беспощадно выявлять и разоблачать «скрытых оппортунистов», которые на словах согласны с партией, формально даже проводят установки ее, но в душе остаются «оппортунистами» и держат «камень за пазухой». Такова была общая атмосфера в партии к концу 1929 года.

Выбрать в такой атмосфере тактику, гарантирующую успех, особенно тактику активного действия, было нелегким делом, тем более что сталинцы искусственным маневрированием, с одной стороны, и морально-политическими репрессиями, с другой, добились первого открытого раскола и в руководстве правых. Члены ЦК Михайлов, Котов, Угланов и Куликов на том же пленуме подали заявление «о разрыве с правыми». Политический «капиталист» Сталин весьма умело воспользовался этим «капиталом»: 18 ноября 1929 года в «Правде» (№ 268) появились заявления этих четырех виднейших членов ЦК об их полной капитуляции перед Сталиным и решительном осуждении своей, ранее совместной с Бухариным программы.

Рыков, Томский и Угаров заявили пленуму, что они, оставаясь при своих взглядах, подчиняются решению большинства. Лишь один Бухарин бросил Сталину вызов — он заявил, что не признает решения пленума ЦК и не успокоится, пока не доведет своих взглядов до сведения всей партии. Но такой образ действия Бухарина осуждал вместе со Сталиным и Рыков. Рыков и отчасти Томский считали, что надо продолжать и впредь тактику «выжидательного бездействия». Я убежден, что не Сталин, а Рыков и Томский убедили Бухарина в необходимости подать заявление в Политбюро от 25 ноября 1929 года о подчинении решению сталинского большинства ЦК. Но Бухарин писал, что он целиком остается при своих старых взглядах. В отличие от заявлений Котова, Угланова и других Сталин, конечно, его не опубликовал (подобный «капитал» приносил лишь отрицательные проценты), но этого было вполне достаточно, чтобы заявить в печати о победе сталинцев.

Это разложение в верхах оппозиции сказалось сейчас же и среди оппозицион-

ных кадров правых. Такие люди, как Резников, «Нарком», перестали встречаться с друзьями. Зинаида Николаевна явно ушла в «примиренцы». Она никого не приглашала к себе, и если кто приходил к ней, то уходил с настроением человека, который только что, похоронив любимого друга, покинул кладбище, — жаль покойника, да и жизнь не сладка.

Как бы в довершение ко всему этому сталинцы в конце 1929 года приступили к массовому изданию антибухаринской литературы, к которому они тайно готовились еще с середины 1928 года. Рукописи таких книг давно уже лежали в готовом виде в портфеле «Кабинета Сталина», но задерживались до организационного разгрома Бухарина. Теперь Бухарин был политически «разоблачен», организационно разбит, но не был еще теоретически дисквалифицирован в глазах партии. Новые «труды красных профессоров», впрочем бывших учеников самого Бухарина, должны были завершить дело уничтожения всякой славы «теоретика и любимца партии». Таковыми были: сборник статей «Против правой опасности и примиренчества» (Москва — Ленинград, 1929); В. Сорин «О разногласиях Бухарина с Лениным. Краткий очерк для молодых членов партии» (Москва — Ленинград, 1930); «Фальсифицированный Ленин» («Заметки к книге «Экономика переходного периода») («Ленинский сборник», т. XI, 1929) и т. д.

Правда, изданием фальсифицированного Ленина сталинцы ничего не достигли. Как раз из этих «заметок» Ленина на книгу Бухарина, написанную в 1920 году, то есть за год до нэпа, партия узнала, как высоко Ленин ценил Бухарина как теоретика. Среди многочисленных ленинских «правильно», «хорошо», «отлично» на полях книги Бухарина значилось и несколько критических замечаний Ленина. Так, там, где Бухарин писал: «Финансовый капитал *уничтожил* анархию производства внутри крупнокапиталистических стран», — Ленин, подчеркнув слово «уничтожил», пишет сбоку «*не уничтожил*».

Этот взгляд на организованность современного «финансового капитализма» у Бухарина установился еще до революции, его Бухарин защищал против Ленина на VIII съезде партии (1919 г.) в своем докладе о программе партии, от него он не отказывался и при Сталине. Но теперь Сталин теоретические воззрения возводил в степень криминальных преступлений и поэтому мертвого Ленина заставлял бороться против живого Бухарина. Но здесь Ленин оказывал Сталину медвежью услугу. Странным казалось только то, что, выпуская Ленина на сцену, Сталин не выключил, при всей прочей фальсификации, общего заключения Ленина о книге: Ленин поздравлял Комакадемию с «блестящим трудом одного из ее членов» (см. названный «Ленинский сборник», т. XI). Сказывалась, видно, старая «проклятая болезнь — беспечность и гнилой объективизм» (Сталин), от которой сам Сталин вылечился окончательно только после ежовщины, когда он приступил к подготовке фальсифицированных изданий не только ленинских, но даже и своих собственных старых сочинений (таково четвертое издание сочинений Ленина и первое издание сочинений Сталина, не говоря уже о скандальном «Кратком курсе истории ВКП(б)»).

XXIII. Случайности и закономерности в карьере Сталина

Заметили ли биографы Сталина целую цепь «случайных событий», которые каждый раз выводили его из прямо-таки рокового положения и служили новой вехой на путях его стремительной карьеры? Положение отчаянное, ужасный дамоклов меч вот-вот готов сорваться прямо на голову Сталина, абсолютно некуда деваться и не от кого ожидать руки помощи. «На этот раз, ты, проклятый, отсюда не уйдешь!» — пророчат ему враги, а он не только выходит из-под меча, но с львиной силой, с волчьей хваткой и с дьявольским коварством направляет тот же меч на голову врагов, злорадствующих зрителей и даже собственных спасителей. Теперь он на переднем плане в позе благодетеля для уцелевших, в образе мстителя против будущих врагов. Он умеет эксплуатировать и «дары судьбы». Случайность объявляет закономерностью, а закономерность сводит к случайности. Его интеллектуальная примитивность недоучившегося семинариста получает ореол всепобеждающего величия и всевидящего гения. Если до очередной «случайности» «он был

знаменит только у своих знакомых», как сказал бы Генрих Гейне, то после нее сама слава толкает его на более широкую сцену.

Сейчас он снова на трибуне перед толпой, которая, частью с восхищением, частью с недоумением, смотрит на его малоимпозантную по внешности, но необыкновенно живучую фигуру триумфатора. Он, знающий, как никто, цену толпе и самому себе, величаво позирует перед толпой и надменно выступает перед врагами. Толпа ему аплодирует за величие, а враги втихомолку вспоминают слова Перикла: «Дело в том, что кичливость бывает и у труса, если невежеству помогает счастливый случай!» Но сколько же должно быть этих «случаев», чтобы они определили не только непостижимое восхождение одного человека, но и гибель целого поколения? Первая русская революция. Крайние и тогда бросают в буйствующую толпу заразительный лозунг: «Грабь награбленное!» Большевики создают отряды партизан, террористов и вооруженных «экспроприаторов» (слово «грабитель», режущее ухо даже самого грабителя, Ленин заменяет почти академическим иностранным словом «экспроприатор», или сокращенно «экс»).

Рядовой Джугашвили «случайно» возглавляет грузинских «эксов» и руководит грабежом тифлисского казначейства. Сотни тысяч рублей через будущего министра иностранных дел — Литвинова — переводятся за границу в кассу Ленина. Полиция тщетно ищет грабителей, арестовывает тысячи людей, в том числе и помощника Сталина по грабежу тифлисского армянина Камо (Тер-Петросяна). Камо арестован за границей, в Берлине, по требованию русского правительства как грабитель казначейства. Улики против Камо абсолютные и бесспорные. Он должен быть допрошен и выдан русской полиции, чтобы наказать как его самого, так и его руководителей. Для таких преступников царизм знает в революционное время только одно наказание: суточный военно-полевой суд, а на второе утро — виселица. В берлинском полицай-президиуме идут интенсивные допросы, Ленин награбленные деньги столь же интенсивно превращает в пламенные революционные прокламации и бросает в гущу бунтующей России.

Джугашвили с видом святого простака и невинного младенца ходит днем по Тифлису, коротает ночи в духанах, а деньги выпрашивает... у агентов тайной полиции. Но страх временами охватывает душу: а что, если Камо вдруг расскажет немцам тайну преступления в надежде на недосягаемость русской полиции и в погоне за славой русского революционера или, что еще хуже, педанты законов и законности — немцы — отдадут Камо в руки законного судьи — русского правительства? Тогда уж не миновать веревки на шею. Но опасения Джугашвили напрасны. Камо объявляется сумасшедшим. Немцы приходят к заключению, что Камо, вне сомнения, преступник, но его сумасшествие тоже несомненно. Под ужасом содеянного преступления он лишился рассудка. Показания умалишенного не могут иметь юридической силы, да и сам он теперь безответственен перед законом.

Редкая сенсация для мировой криминальной литературы. «Грабитель тифлисского банка сошел с ума!» — кричат газетные шапки, и только тогда Джугашвили вздыхает облегченно. Но ненадолго. В один из черных дней сумасшедшего сажают в одиночную камеру тифлисской уголовной тюрьмы. Сейчас уже и Джугашвили уверен: «Все кончено, погиб Камо, погиб и я!» Культурным немцам не угнаться за нашими жандармскими профессорами. Эти выбьют из Камо или дух, или полное признание со всеми деталями. Новые допросы, новые «психоанализы» и под конец новые пытки. Но напрасно! «Если когда-нибудь на этой земле люди сходили с ума, то Камо — король сумасшедших», — решает полицейский следователь и направляет его в сумасшедший дом, в палату тихопомешанных наполеонов. Джугашвили «случайно» ускользает от веревки[11].

Он ссылается по другому преступлению в Сибирь. Но он бежит. Его опять ссылают подальше, но он опять бежит. Так, уже в общей сложности пять или шесть раз Джугашвили ссылают все дальше и дальше, и каждый раз ему «случайно» удается побег, и он появляется то в Баку, то в Тифлисе, то в Петербурге. Но наконец его загоняют в далекий край (Туруханская ссылка) под «строгий надзор». Побег оттуда считался почти безнадежным делом. Однако и тут «счастливая случайность» снова помогла неугомонному «беженцу». Еще не успел Джугашвили разработать маршрут своего нового побега, как его призывают в армию, но тем временем революция мощной волной прибила его к берегам Невы в апартаменты Смольного дворца в качестве члена ЦК партии большевиков и депутата всесиль-

ных Советов рабочих и солдат, но уже не как безвестного Джугашвили, а как будущего Сталина.

Октябрь. Ленин у власти. Все еще малоизвестный, Сталин получает маловажный пост народного комиссара по делам малых национальностей России. У этого министерства нет почти никаких функций. И на малые народы распространяется власть «классических министерств». Сталину делать нечего. Он просто «номинальный министр», да и пост выдуман Лениным специально для него, чтобы отблагодарить за прошлое, но и до настоящего дела не допускать. Слишком примитивен, груб, все еще «экс». Пусть пока что присматривается к другим, как надо управлять «награбленным». Сталин исполнителен, терпелив, лоялен, по-собачьи «предан Ильичу», до приторности вежлив по отношению к сильным, бесчеловечно жесток к «врагам революции». Такому надо дать власть побольше. Сталин — нарком Рабоче-крестьянской инспекции, блюститель законов революции. Враг врагов и бич нового, советского бюрократизма. Вернейшее око Ильича.

Гражданская война. Троцкий — полководец Красной армии, Сталин — уполномоченный по хлебу. Столицы голодают. Сталин с Волги снабжает их хлебом, забранным у крестьян штыками солдат продовольственных отрядов и частей особого назначения. Сталин снабжает Ленина хлебом и в компенсацию требует, чтобы Ленин снабдил его мандатом, дающим ему власть над Южным фронтом Троцкого. Ленин колеблется, Сталин задерживает хлеб («Без мандата ему не дают хлеба!»). Но без хлеба Ленин погиб. Революция удалась из-за лозунга «Даешь хлеба, хлеба, хлеба!». Пролетариат «победил» и теперь говорит просто и естественно: «Давай мой хлеб!» А хлеб там, где Сталин. Нечего делать: Ленин посылает Сталину мандат. Сталин посылает хлеб Ленину с приложением своего «гениального» «плана разгрома Деникина». Заодно тут же, пользуясь ленинским мандатом, организовывает военную оппозицию (Ворошилов, Буденный, Егоров и др.) против Троцкого. Троцкий требует убрать лидера «партизан» Сталина. Сталина убирают. Плохо, но он покорно подчиняется. Рано. Надо ждать своего счастья. Не просто ждать, а ковать его. Как ковать? Теми же методами, как потом другие ковали его у самого Сталина: лестью, преданностью, исполнительностью, послушностью, но и подлостью. Сталин скромно, но демонстративно заявляет: «Голосуйте за Ильича — не ошибетесь!» (то же твердили потом по адресу Сталина его «соратники»). Так было во время Брестского кризиса, так было во время профсоюзной дискуссии с Троцким, так было во время «рабочей оппозиции» и оппозиции «демократического централизма». Так было всегда после первого ленинского удара. Да, Сталин не просто лоялен, но он глубоко предан.

1920 год. Ленину исполняется 50 лет. Сталин требует публичного празднования даты рождения «великого вождя мировой революции». Ленин хочет показать, что ему чужды внешний блеск, шум и торжественные фанфары. Он старается избежать этого, но Сталин неумолим. В «Правде» появляются юбилейные статьи Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Сталина и других. В статьях дается в биографических датах Ленина анализ истории русской революции. Статьи блестящие, торжественные, высокостильные. Самая слабая из них — статья Сталина. Слабая литературно. Но только в этой статье разгадан весь Ленин: «Ленин-вождь, Ленин-организатор, Ленин-идеолог». Весь Ленин вылит в сжатых, льстивых, до упрощенства простых литературных формулах. Ленин — враг фразы и рисовки — впервые увидел себя в зеркале. Нет, Сталин не просто исполнителен, но он и талантливый интерпретатор большевизма!

Но Ленин все еще не сдается. Однако враги Троцкого — Зиновьев и Каменев — выдвигают Сталина на пост генерального секретаря ЦК, чтобы руками Сталина выгнать оттуда троцкистов. Ленин все еще колеблется, он против. Собственно, только он и знает Сталина. Знает даже, куда стремится Сталин, а Зиновьев и Каменев считают его просто удобным оружием против Троцкого. Ленин болен уже давно, временами возвращается в Кремль, но почти потерял контроль над партией.

XI съезд партии (1922 г.) — зиновьевцы проводят Сталина «генеральным секретарем» ЦК. Троцкий считает даже ниже своего достоинства придавать какое-либо значение этому «техническому» факту. Ленин сдается, Сталин переселяется в ЦК и тут же приступает к войне против Троцкого. Новые кадры в ЦК. Зиновьевцы и сталинцы на паритетных началах. Глубокая конспирация и глухая борьба. Дело принимает серьезный оборот. Сталин, Зиновьев и Каменев конспирируют даже

против Ленина. Больной Ленин, находясь в Горках, требует отчета от Сталина. Сталин отчета не дает. Возмущенные поведением Сталина троцкисты бомбардируют Ленина письмами, но Ленин бессилен.

Сталин уже громит своих врагов в Грузии — членов ЦК и руководителей грузинского правительства, многие из которых являются личными друзьями Ленина и Троцкого. Ленин требует отчета, но Сталин его не дает. Тогда Ленин посылает с ультиматумом свою жену — Крупскую, но Сталин бесцеремонно выставляет ее из кабинета, да еще обзывает нецензурными словами. Умирающий и бессильный Ленин пишет «Политическое завещание» — убрать Сталина со всех постов в партии — и вдобавок, после «разговора Сталина по телефону с Крупской», краткую записку в ЦК, что он порывает всякие отношения со Сталиным. Теперь судьба Сталина на волоске — авторитет Ленина в партии и ЦК непререкаемый. Первый день возвращения Ленина к работе — последний день сталинской карьеры. Но тут опять помогла «случайность» — Ленин умирает, и Сталин остается.

Еще один, правда, не последний, но самый свежий пример. 1941 год. Война. Триумфальный марш немцев в глубь России. Судьба Сталина и режима на волоске. Она, собственно, предрешена: один на один с Гитлером Сталин бы погиб. Трагическая «случайность»: Рузвельт и Черчилль спасают удачливую голову Сталина — на свое же несчастье. Если в будущем какой-либо суеверный биограф Сталина возьмется за перо, то таких «счастливых случайностей» он установит уйму. Но я не суеверен и думаю, что в этом хаосе «случайностей» — величайшая закономерность криминальной карьеры Сталина. До конца Сталина могут понять лишь криминалисты и психологи, но никак не историки и социологи.

Но я не могу не указать здесь и еще на одну «случайность», которая имеет прямое отношение к моему дальнейшему изложению. Один счастливый случай в борьбе Сталина против правых представился еще до того, как он окончательно разделался с врагами в ЦК. Это было 21 декабря 1929 года. Сталину в этот день исполнилось 50 лет. Но отмечать даты рождения или даже юбилеи вождей не принято в партии. Ленинский юбилей был единственным исключением, но то был все-таки Ленин. Молотов, Каганович и Ворошилов решили в полном согласии с амбицией Сталина «легализовать» нового вождя партии. До сих пор все члены Политбюро назывались «вождями партии» и перечислялись всегда в алфавитном порядке. Если же речь шла о каком-нибудь отдельном члене Политбюро, то писали просто: «один из вождей или руководителей партии». Теперь впервые был нарушен и алфавит и вместе с тем ликвидирован «институт вождей» — Сталин объявляется публично «первым учеником Ленина» и единственным «вождем партии».

«Правда» была заполнена статьями, приветствиями, письмами, телеграммами о «вожде» (прилагательные вроде «мудрый», «великий», «гениальный» пришли позднее, по мере развития аппетита). Почин «Правды» подхватили другие газеты, за ними — журналы, провинциальные газеты, радио, кино, клубы, вся пропагандная машина партии. Уже во всей прессе завелся стандарт — каждая статья начиналась ссылкой на «вождя» и кончалась верноподданнейшим поклоном по его же адресу. Юдины и мехлисы, вышинские и варги талантливо оспаривали друг у друга пальму первенства по восхвалению Сталина. Но всех этих «академиков» превзошел потом неграмотный акын Казахстана Джамбул, который в той же «Правде» кратко и образно определил, кто такой Сталин: «Сталин — глубже океана, выше Гималаев, ярче солнца. Он — учитель Вселенной!» Вот все это бешеное соревнование во лжи, фальши и виртуознейшей лести началось официально с тех дней. Сталин ответил на все это притворное раболепство краткими, но производящими впечатление строками: «Я готов отдать и впредь за дело партии все свои силы и способности и, если потребуется, и всю свою кровь, каплю за каплей». Враги Сталина острили тогда: «К чему такая скромность — «капля за каплей», — отдал бы всю кровь сразу!»

Вот в зените этой пропагандной шумихи — 27 декабря 1929 года [13] — Сталин единолично и без решения ЦК произнес смертный приговор многомиллионному российскому крестьянству — так называемому «кулачеству». В речи на конференции «аграрников-марксистов» в этот день Сталин заявил: мы делаем новый поворот в нашей политике и приступаем к «ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации». Таких кулаков в стране было, по официальной статистике, 5 миллионов человек и кандидатов в них — «зажиточных и подкулачников» — не менее 13 миллионов. Началась подлинная война на истребление крестьянства.

Только тогда, когда я увидел своими глазами в Центральной России и на Кавказе, как проводилась эта «коллективизация и ликвидация», я понял Дедодуба: «В деревне идет настоящая война, хуже гражданской и германской!» Я не стану рисовать здесь ни ужасов этой «войны», ни ее последствий в стране. Об этом хорошо и много рассказано другими свидетелями. Здесь я хочу только сказать о том, как реагировали на «новый поворот» люди правой оппозиции.

Я упомянул, что выступление Сталина последовало неожиданно и без решения ЦК. В решении по сельскому хозяйству, которое принял пленум ЦК за месяц до выступления Сталина («ноябрьский пленум»), ни слова не сказано ни о «новом повороте в политике партии», ни о ликвидации «кулачества как класса». Там говорится, правда, что колхозное движение ставит «задачу сплошной коллективизации перед отдельными областями», но абсолютно нет ни единого слова о «ликвидации кулачества как класса», а там, где речь идет об этой части крестьянства, сказано лишь следующее: развивать «решительное наступление на кулака, всячески преграждая и пресекая попытки проникновения кулаков в колхозы»[14].

Но пропагандная ругань по адресу «кулаков» не сходила со страниц советских газет, начиная уже с VIII съезда партии (1919 г.). Сталин же заявил теперь о «ликвидации», то есть конфискации имущества и земли у пятимиллионного крестьянства (для начала) и выселении его в сибирские тундры без крова, одежды и пищи, причем поголовно — от грудных детей и до глубоких стариков. Даже в мрачные эпохи рабства и работорговли щадили детей, матерей и стариков. Сталин не щадил никого. Такая расправа с крестьянством считалась настолько невероятной, что первое время мы думали, что Сталин сказал это ради красного словца или просто сболтнул лишнее по неосторожности. Когда же выяснилось, что Сталин вовсе не занимался упражнением в красноречии, в верхах партии, не говоря уже об оппозиционных кругах, началось весьма серьезное брожение.

Рыков и Томский подали протест в ЦК против «самовольного» выступления Сталина и прямого нарушения решения последнего пленума о политике в деревне. Раскаявшиеся было Угланов, Котов и другие поспешили присоединиться к протесту. От местных секретарей партии и членов ЦК и ЦКК начали поступать недоумевающие телеграммы и запросы. На время создалось неуверенное, почти кризисное положение, когда правые, поймав Сталина с «поличным», могли бы призвать его к ответу как узурпатора власти не только Политбюро, но и ЦК.

Сталин метался между Молотовым и Кагановичем, низы настойчивее требовали разъяснения, члены ЦК считали себя обойденными, но правые ограничились паллиативными мерами «торжественного протеста». О Бухарине ничего не было слышно. Отдав Рыкова и Томского на произвол Сталина, он как бы пассивно мстил им: вот вам, простофили, Сталин. Любуйтесь и катитесь вместе с ним в яму! Но чем больше росли трудности, тем увереннее росла сила Сталина. 5 января 1930 года Политбюро одобряет задним числом речь Сталина и выносит решение «О темпе коллективизации»[15] по всему СССР. Правые воздерживаются. Запросы с низов и недоумения членов ЦК прекращаются. Страна погружается в принудительную и кровавую коллективизацию. Победа Сталина над ЦК — полная. Насколько он победил партию и народ, покажут коллективизация и «ликвидация кулачества». Но тут перспективы — мрачные.

Отдельные крестьянские вспышки в связи с «чрезвычайными мерами» на хлебозаготовках осени 1929 года перерастают в грозные тучи крестьянских бунтов по всей стране — в Центральной России, на Урале, в Сибири, в Туркестане, на Кавказе... Происходит второе издание крестьянской революции 1905 года, но без поддержки рабочих города, при молчании интеллигенции, при безучастности внешнего мира... Мужики с вилами бросаются на первые, для них еще диковинные, советские танки (первое «боевое крещение» советские танки получают в войне против собственного народа), женщины — на штыки чекистов, дети истерически плачут на телах умерщвленных родителей, а танки, пушки, пулеметы и штыки безжалостно и с какой-то жуткой планомерностью «коллективизируют» одних, ликвидируют других. Да, это действительно хуже любой войны, которая когда-либо разыгрывалась в истории народов и государств.

«Оперативные сводки» с фронтов этой войны доносят в ЦК: абсолютное большинство крестьянства предпочитает физическую ликвидацию начавшейся принудительной «коллективизации». «Мудрый вождь» приказывает еще и еще раз нажать,

наступить, сломать, разбить «кулацкий саботаж». Но все это тщетно и напрасно. Крестьяне умирают, но не сдаются. Правда, все это неорганизованно, стихийно, без связи и порою безумно. Но каждый миг может объявиться новый Пугачев, и тогда судьба советской власти — в руках такого Пугачева. Страна — крестьянская, армия — тоже. Революция тоже была крестьянско-солдатская, хотя ее узурпировал город, но нынешняя революция может жестоко отомстить городу. Реалисты и трусы из Политбюро наконец спохватились. Надо предупредить Пугачева.

Теперь уже по решению Политбюро Сталин выступает с новым заявлением в «Правде» — 2 марта 1930 года. Выходит статья Сталина под фарисейским заглавием: «Головокружение от успехов». Оказывается, у большевиков «вскружилась» голова от «больших успехов по коллективизации», и в этом «головокружении» наши местные организации («стрелочник виноват»!) начали насильственно коллективизировать крестьян. Это, говорит Сталин, является нарушением «ленинского принципа» добровольности в колхозном движении. 15 марта 1930 года выходит и новое постановление ЦК, которое подтверждает статью Сталина и во всеуслышание объявляет о «добровольности колхозного движения». Оба документа исключительно важны: они удостоверяют то, что происходило в деревне, и объективно признают банкротство политики ЦК в колхозном движении.

«Нельзя насаждать колхозы силой», — писал Сталин в этой статье и тут же спрашивал: «А что иногда (! — *А. А.*) у нас происходит на деле? Можно ли сказать, что принцип добровольности и учета местных особенностей не нарушается в ряде районов?» И тут же отвечал: «Нет, нельзя этого сказать». В замаскированных формулировках, ссылками на «огромные успехи» Сталин старался в этой статье переложить собственную вину на местные организации. Но и тогда было известно, а впоследствии заявили об этом и официально, что выступление Сталина с «Головокружением от успехов» не было добровольным, личным почином. Оно было продиктовано до смерти испуганным ЦК. Его же собственные единомышленники заявили ему прямо: «Ты сам заварил эту кашу, ты сам должен ее и расхлебывать!»

Во второй своей статье на ту же тему («Ответ товарищам колхозникам») Сталин, встав в невинную позу простого исполнителя воли ЦК, прямо признался [16]: «Иные думают, что статья «Головокружение от успехов» представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было. Это была глубокая разведка ЦК. И когда выяснились глубина и размеры ошибок, ЦК не замедлил ударить по ошибкам всей силой своего авторитета, опубликовав свое знаменитое постановление от 15 марта 1930 года».

Сделав это признание о своей «скромной роли» во «всесильном ЦК», но тщательно избегая даже упоминания о своем единоличном приказе о коллективизации 27 декабря, Сталин еще раз делает комплимент Центральному Комитету, без которого «трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся *стремглав к пропасти*»[17] (курсив мой. — *А. А.*). Сталин во главе ЦК стремглав летел бы в пропасть, если бы ЦК временно не встал над Сталиным, — таков смысл этого признания. Впрочем, такой вывод из этого выступления подтверждает сам Сталин в той же статье, когда констатирует, что «вполне реальна опасность превращения революционных мероприятий партии в пустое, чиновничье декретирование со стороны отдельных представителей партии... Я имею в виду не только местных работников, но и... отдельных членов ЦК».

Сталин так заканчивает свое признание основной опасности, создавшейся в связи с колхозными восстаниями [18]: «Опасность состоит здесь в том, что они, эти ошибки, ведут нас прямым сообщением к развенчанию колхозного движения, к *разладу с середняком*, к дезорганизации бедноты, *к замешательству* в наших рядах... имеют тенденцию толкнуть нас... на путь *подрыва* пролетарской диктатуры» (весь курсив в цитате мой. — *А. А.*). Ведь все это, собственно, было то, против чего предупреждали правые — Бухарин и другие. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы он и это свое очевидное и им самим же косвенно признанное (ошибки «отдельных членов ЦК») преступление не отнес на счет правых. «Левые загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов», — безапелляционно заявляет неповторимый «диалектик» Сталин[19].

Обратимся теперь и к самому «знаменитому» постановлению ЦК от 15 марта 1930 года[20]. «Полученные в Центральном Комитете партии сведения, — говорится

в нем, — о ходе колхозного движения показывают, что... наблюдаются факты искривления партийной линии в различных районах СССР... В ряде районов добровольность заменяется *принуждением* к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, под угрозой лишения избирательных прав и т. п. В результате в число «раскулаченных» попадает иногда часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15—20. Наблюдаются факты исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением... (мародерство, дележка имущества, аресты середняков и даже бедняков и т. п.)... (в некоторых районах коллективизация за несколько дней «доходит» с 10 до 90%)... [происходит] *административное* закрытие церквей без согласия подавляющего большинства села... и *упразднение* в ряде мест рынков и базаров».

То, что произошло после этого в деревне, было катастрофической иллюстрацией провала сталинской политики. Вот данные из разных советских источников, которые лучше всяких рассуждений демонстрируют масштаб этого провала[21].

Годы и месяцы коллективизации	Коллективизация всех крестьянских хозяйств в СССР, в %	Годы и месяцы коллективизации	Коллективизация всех крестьянских хозяйств в СССР, в%
Июнь 1928	1,7	Апрель 1930	37,0
Июль 1929	3,9	Май 1930	28,0
Октябрь 1929	4,1	Июнь 1930	24,0
Январь (20) 1930	21,0	Сентябрь 1930	21,0
Март (10) 1930	58,1		

Всем этим «головокружением от успехов» ЦК был обязан своему «мудрому» вождю. Но вождь вышел сухим из воды. Цель статьи Сталина и постановления ЦК — временный отказ от политики насильственной коллективизации и ускоренной массовой ликвидации «кулачества», чтобы спасти положение, — была достигнута. Политика Сталина позорно провалилась, основная масса крестьянства вышла из колхозов, деревня успокоилась. Но позорно провалилась и политика правых. Небывалые во всей истории сталинизма шансы — шансы силой скинуть сталинский режим — были упущены самым непростительным образом. В условиях, когда решительно все прогнозы правых оправдались, в условиях, когда почти вся Россия ответила на аракчеевскую политику Сталина — Молотова — Кагановича крестьянскими бунтами, в условиях, когда сам Сталин, потеряв голову, метался из стороны в сторону, в условиях, когда Красная армия, то есть те же крестьяне в красноармейских шинелях, отказывалась стрелять в своих братьев, в условиях, когда в местных партийных организациях царила паника, а в самом ЦК растерянность и неуверенность, — в этих условиях единственно правильной политикой была бы политика демонстративного разрыва со сталинским ЦК, политика апелляции к народу.

Правда, позже, на своем процессе в марте 1938 года, Бухарин заявил, что он обманывал ЦК, подавая заявление о лояльности с тем, чтобы подготовить и возглавить крестьянские восстания в стране против сталинского режима. Это была чудовищная неправда, вложенная в уста Бухарина самими чекистами. Но зато верно другое. Среди рядовых членов оппозиции, среди московских групп были люди («активисты»), которые требовали от своих лидеров энергичных действий по свержению Сталина, пользуясь крестьянскими бунтами и банкротством сталинской политики.

Как отвечали лидеры на эти требования? Читатель уже знает, как отвечал на это Бухарин. Укажу еще и на другую, не новую, но весьма характерную для сталинской политики черту — на умение маневрировать между «кнутом и пряником». Каждая репрессия широкого масштаба в СССР всегда сопровождалась определенными материальными подачками. Так было и сейчас. Но цель подачек на этот раз была другая — если не вышло «кнутом», так заманить крестьян «пряником» в те самые колхозы, против которых они столь решительно и пока успешно восстали. В цитированной выше статье «Ответ товарищам колхозникам» от 3 апреля 1930 года (кстати сказать, никаких вопросов Сталину колхозники не задавали — они

были выдуманы самим Сталиным для его излюбленной формы «изложения») Сталин довольно ясно говорит об этом «прянике»[22]: «На днях Советская власть решила *освободить* от налогового обложения *на два года* весь обобществленный рабочий скот в колхозах (лошадей, волов и т. д.), всех коров, свиней, овец и птицу, находящихся как в коллективном владении колхозов, так и в индивидуальном владении колхозников. Советская власть решила, кроме того, *отсрочить* к концу года покрытие задолженности колхозников по кредитам и *снять* все штрафы и судебные взыскания, наложенные до 1 апреля на крестьян, вошедших в колхозы. Она решила, наконец, обязательно осуществить кредитование колхозов в настоящем году в размере 500 миллионов рублей».

Тут же для еще большей ясности Сталин добавляет: «Этих льгот *не получат* крестьяне, ушедшие из колхозов». Но каким же образом могут и эти крестьяне получить такие великодушные и щедрые «милости» Сталина? Сталин прямо отвечает: «Только возвращением в колхозы могут они обеспечить себе получение этих льгот». Я не хочу предвосхитить свое дальнейшее изложение, но я должен сказать в связи с этим и о том, что Сталин *сознательно* умолчал — постановление ЦК об этих льготах для колхозников и возвращавшихся в колхозы было принято вместе с другим постановлением, до сих пор не опубликованным, но строго проводившимся в жизнь, — о применении серии налоговых и экономических репрессий по отношению к тем «беднякам и середнякам» в деревне, которые отказываются добровольно войти в колхозы. Коротко — весь смысл «мирных» репрессий сводился к тому, чтобы упорствующие крестьяне ясно осознали и заявили: «Жить вне колхоза просто невозможно!»

Хотя колхозы все еще «бумажные», но сам факт *номинального* нахождения в колхозах освобождает крестьян от ряда высоких обложений и налогов, да еще они получают кредит (в деньгах, ссудах, в сельскохозяйственном инвентаре и т. д.). Совершенно другое создалось положение у единоличных крестьян — сегодня номинально свободных, но завтра так же обреченных на колхозное ярмо, как и нынешние «передовики». Поэтому прав был Сталин, когда в той же статье писал: «Крестьяне допускают ошибку, уходя из колхозов». В конечном счете и сами крестьяне скоро поняли свою «ошибку». Жестокая действительность нанесла смертельный удар иллюзии о возможности оставаться вне колхоза. Стало ясно, что имеются только два пути: один путь — в колхоз, с широкими обещаниями «счастливой жизни», другой путь — в Сибирь, где безжалостный НКВД находится в вернейшем союзе с суровой природой. Третьего пути не было.

Такой скандальный провал политики коллективизации, который ясно предвидели и о котором безуспешно предупреждали бухаринцы, вызвал величайшее замешательство в рядах партии. Все видели и чувствовали, что статьи и постановления ЦК — это просто громоотводы против наэлектризованной до предела и в партии, и в стране атмосферы. Трудно было бы найти в партии мало-мальски мыслящего человека, который бы не повторил слов М. И. Калинина, сказанных им, по свидетельству Л. Троцкого, по другому поводу: «Сталин может завести нашу телегу в такую пропасть, из которой никому из нас не выбраться».

Но в том-то и заключалась другая характерная черта Сталина, что, заведя однажды партийную телегу в какую-либо пропасть, он выходил оттуда через трупы тех, кого он в свое время железной рукой в нее запрягал. Так поступил Сталин и на этот раз. Несмотря на то что крестьянство бунтовало по всей стране, несмотря на то что партийная масса стала в явную оппозицию к политике ЦК, несмотря на то что даже ортодоксальнейшие члены ЦК и ЦКК на местах требовали обсуждения чрезвычайного положения на чрезвычайном съезде партии, Сталин — Молотов — Каганович не удосуживались даже созвать пленум ЦК. Не созывали они съезда или пленума ЦК именно в силу этих же обстоятельств.

Между тем срок очередного пленума ЦК уже наступал. Устав партии гласил, что «Центральный Комитет имеет не менее одного пленарного заседания в два месяца»[23]. Последний пленум был 10—17 ноября 1929 года, сейчас прошел уже январь. Но прошел не только январь, а прошло почти восемь месяцев, пока Сталин и сталинцы решились на созыв пленума ЦК, в котором они были в абсолютном большинстве на последнем, ноябрьском пленуме, когда они громили бухаринцев только за то, что те предупреждали против опасной «пропасти». Сталин, конечно, был прав, отказываясь от созыва пленума. Теперь последний фанатик из его соб-

ственного окружения видел, что партия провалилась на коллективизации из-за Сталина и его «ближайших соратников» и что лично он и его друзья должны ответить за этот провал перед пленумом.

В этих условиях созвать собрание высшего учреждения партии значило совершить политическое самоубийство. Сталин был последним в составе ЦК, кто был бы способен на этот отчаянный шаг. Он избрал испытанный путь — путь аппаратной расправы с теми из своей же среды, которые толкали Сталина на это самоубийство. Аппарат ЦК, собственно «Кабинет Сталина» и Секретариат, по всей стране приступил к перетасовке партийных карт, в течение которой начали выходить из игры не только простые козыри, но и грозные партийные тузы, в том числе те же предположительно опасные члены ЦК и ЦКК на местах и в центре. Были сняты с партийной работы десятки руководителей областей на Украине, в Белоруссии, на Волге, в Сибири. Было сменено партийное руководство туркестанских республик, республик Закавказья, республик и областей Северного Кавказа. Сменили даже московское областное руководство во главе с Бауманом, бывшим до сих пор вернейшим человеком Сталина, который был недавно выдвинут туда прямо из самого «Кабинета Сталина», сначала заведующим деревенским отделом, а потом секретарем МК.

Обвинение против всех стандартное: «левые загибы» в проведении «генеральной линии партии» по коллективизации. Другими словами, Сталин одним выстрелом убивал сразу двух зайцев — ликвидировал своих потенциальных критиков в составе ЦК и на местах, наделив их новой криминальной кличкой, «левых загибщиков», а перед крестьянством и рядовой партийной массой реабилитировал себя переложением собственного преступления на голову своих добросовестных исполнителей.

На место снятых редко назначались местные люди. Но и из Москвы посылались преимущественно те, кто прошел стаж партийной работы непосредственно в аппарате ЦК или ЦКК (заведующие и заместители отделов ЦК и ЦКК, инструктора разных отделов, «эксперты» из «Кабинета Сталина») или из высших партийных школ при ЦК (Коммунистические университеты имени Свердлова, имени Сталина, курсы марксизма, Институт красной профессуры).

Одновременно «Особый сектор» ликвидировал и всякие следы сталинского преступления — все директивы ЦК по коллективизации от конца января 1930 года были срочно возвращены обратно в ЦК через фельдъегерскую связь НКВД из «спецсекторов» обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий и, может быть, уничтожены. Даже в позднейших партийных публикациях ни одна из этих директив не увидела свет, что, конечно, вполне естественно. Именно в директивах ЦК, подписанных лично Сталиным за январь и февраль, фактически аннулировалось известное постановление ЦК в начале января 1930 года о «темпе коллективизации», согласно которому коллективизация в СССР должна была проводиться «планомерно» и в течение почти пятилетнего срока, в зависимости от районов.

Под влиянием первого азарта дутых «встречных планов», или, выражаясь словами Сталина, в «головокружении от успехов», сам же Сталин требовал теперь «более ускоренных темпов коллективизации». За указанный период времени последовало несколько таких директив, которые теперь считали удобным сжигать вместе с их вольными или невольными исполнителями. Даже больше. Очень многие из местных руководителей поплатились своей партийной карьерой за то, что либо уклонились от проведения их в жизнь, либо просто не поспевали за «колхозными темпами» Сталина. Их Сталин снимал как «правых оппортунистов на практике». Можно было бы думать, что теперь, когда жизнь вылечила и самого Сталина от его чересчур бурной колхозной лихорадки, он амнистирует хотя бы этих, оказавшихся «правыми на практике», и тем самым отчасти исправит собственную ошибку. Сталин был не таков.

Еще ни разу не было случая в его долгой и суровой жизни, чреватой не только блестящими успехами, но и грубейшими ошибками, чтобы Сталин добровольно сказал: «Да, товарищи, вот здесь-то я ошибся». Это, однако, не означало, что Сталин упорствовал в своей очевидной и грубой ошибке. Он ее исправлял, но исправлял втихомолку, без шума, на практике и по возможности за счет тех, кто был вернейшим исполнителем его же ошибочной воли. Тех же, кто сопротивлялся этой

воле, а как потом выяснилось, были правы, он уничтожал с еще большей жестокостью, потому что они оказались правы.

Так, в тридцатых годах к власти двинулось на место «правых» бухаринцев и «левых загибщиков» новое, послеоктябрьское поколение большевиков — аппаратчики ЦК (Маленков, Хрущев, Щербаков, Михайлов, Суслов, Пономаренко, Патоличев, Козлов), «красные директора» предприятий (Булганин, Первухин, Малышев, Тевосян, Сабуров, Ефремов), чекисты (Берия, Багиров, Круглов, Абакумов, Меркулов, Серов), «академики» и «красные профессора» (Мехлис, Юдин, Митин, Панкратова), сталинские «дипломаты» (Громыко, Малик, Смирнов, Зорин, Семенов). Этот список мог бы быть доведен до сотни менее известных имен. Я ограничиваюсь указанием на характерных и ведущих представителей каждой из перечисленных групп. Сознательно обхожу армию, так как ее командный состав после ликвидации троцкистов оставался постоянным и некоторым образом «вне политики» до самой «ежовщины».

Это новое поколение, свободное от прошлых «ошибок» и уклонов, без амбиции и без своеволия, исполнительное и преданное, действующее и не рассуждающее, а главное — выросшее тут же на глазах самого Сталина с «коллективной биографией» — было способно на все, кроме одного — самостоятельного мышления.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Наша революция, 1906.
2. «Известия ЦИК», 24.12.1917, № 260.
3. «Правда», 24.1.1918, 6.2.1918.
4. ЛЕНИН. Соч., т. 29, 4-е изд., стр. 140—141.
5. Первый Конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы. Петроград, 1921, стр. 189—190.
6. И. СТАЛИН. Соч., т. 12, стр. 20—23.
7. Там же, стр. 23—24.
8. «The God that Fauked», ed. by R. H. S. Crossman, New York, Harper and Brothers, p. 114.
9. ВКП(б) в резолюциях... Москва, Партиздат, 1933, стр. 611—712.
10. И. СТАЛИН. Соч., т. 12, стр. 389.
11. Трагической была судьба самого Камо. Уже после победы советской власти, когда Сталин иаходился в Кремле и катался на шикарных «бьюиках», Камо ехал иа дрянном велосипеде по Тифлису и попал под машину. Его задавили иасмерть.
12. И. СТАЛИН. Соч., т. 7.
13. И. СТАЛИН. Соч., т. 12, стр. 141—172.
14. ВКП(б) в резолюциях..., стр. 594—603.
15. ВКП(б) в резолюциях..., 1933, ч. II, стр. 792.
16. И. СТАЛИН. Соч., т. 12, стр. 213.
17. Там же, стр. 212—213.
18. Там же, стр. 212.
19. Там же, стр. 212.
20. КПСС в резолюциях..., ч. II, издание 7-е, стр. 549—550.
21. В. МЕРЦАЛОВ. Трагедия российск. крестьянства. «Посев», 1950.
22. И. СТАЛИН. Соч., т. 12, стр. 222.
23. Устав ВКП(б). «Правда», № 140 (3369), 26.6.1926.

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том второй. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918

Глава XVI. *«Московский центр». Связь Москвы с Доном. Приезд на Дон генерала Корнилова. Попытки организации государственной власти на Юге: «триумвират» Алексеев — Корнилов — Каледин; «Совет»; внутренние трения в триумвирате и Совете*

Когда мы съехались в Новочеркасск, там многое изменилось. Каледин признал окончательно необходимость совместной борьбы и не возбуждал более вопроса об уходе с Дона Добровольческой армии, считая ее теперь уже единственной опорой против большевизма. 6-го декабря приехал Корнилов, с нетерпением ожидавшийся всеми; после первого свидания его с Алексеевым стало ясно, что совместная работа их, вследствие взаимного предубеждения друг против друга, будет очень нелегкой. О чем они говорили, я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что «расстались они темнее тучи»...

В Новочеркасске уже образовалась «политическая кухня», в чаду которой наезжие деятели сводили старые счеты, намечали новые вехи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непонимания совершающихся на Дону событий. Собрались и лица, игравшие злосчастную роль в корниловском выступлении. Б. Савинков с безграничной настойчивостью, но вначале безуспешно, добивался приема у генералов Алексеева и Корнилова. Добрынский сводил дружбу с приближенными Корнилова, свидетельствуя о своей преданности генералу и необходимости своего участия в новом строительстве. Его присутствие около организации благодаря неясному прошлому, странному поведению во время корниловского выступления и налету хлестаковщины производило досадное впечатление. Завойко я уже не застал. Он вызвал всеобщее недоумение монополией сбора пожертвований и плел какую-то нелепейшую интригу с целью свержения Каледина и избрания на должность донского атамана... генерала Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск.

Приехали и представители Московского центра[I]. Организация эта осенью 17 года образовалась в Москве из представителей к.д.-ской партии, совета общественных организаций, торгово-промышленников и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов. Первоначально были присланы делегатами

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—8.

М. М. Федоров и А. С. Белецкий (Белоруссов) и еще двое. Позднее из числа этих лиц остался при Добровольческой армии только М. М. Федоров, а остальных заменили кн. Г. Н. Трубецкой, П. Б. Струве и А. С. Хрипунов.

Пригласив к себе на конспиративную квартиру генерала Алексеева, делегация обратилась к нему с глубоко прочувствованным словом, растрогавшим генерала. Задачу делегации Федоров в общих чертах определял так: «Служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии в тех пределах, какие вызывались потребностями армии и всей обстановкой ее деятельности, и отвезти те первые средства, которые были тогда собраны». У Алексеева явились, таким образом, надежды расширить значительно масштаб Добровольческой организации — надежды, весьма скоро обманувшие его.

18 декабря состоялось первое большое совещание московских делегатов и генералитета. Предстояло решить основной вопрос существования, управления и единства «Алексеевской организации». По существу, весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов — Алексеева и Корнилова. И общественные деятели и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начинавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена: Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею и заявив, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь; Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие, нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей (в особенности страстно реагировал Федоров), которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения... После второго заседания оно как будто состоялось: вся военная власть переходила к Корнилову. Недоразумения начались вновь при приеме «Алексеевской организации», когда выяснилась полная материальная необеспеченность армии не только в будущем, но даже и в текущих потребностях. Корнилов опять отказался от командования армией; но после новых уговоров было достигнуто соглашение. На Рождество был объявлен «секретный» приказ о вступлении генерала Корнилова в командование армией, которая с этого дня стала именоваться официально Добровольческой.

* * *

Предстояло разрешить еще один важный вопрос — о существе и формах органа, возглавляющего все движение. Принимая во внимание взаимоотношения генералов Алексеева и Корнилова и привходящие интересы Дона, форма «верховной власти», естественно, определялась в виде триумвирата Алексеев — Корнилов — Каледин. Так как территория, подведомственная триумвирату, не была установлена, а мыслилась в пределах стратегического влияния Добровольческой армии, то триумвират представлял из себя в скрытом виде первое общерусское противобольшевистское правительство. В таком эмбриональном состоянии оно просуществовало в течение месяца, до смерти Каледина.

Конституция новой власти все еще обсуждалась и грозила внести новые трения в налаживавшиеся с таким трудом отношения. Поэтому я набросал проект «конституции» приблизительно по следующей схеме: 1. Генералу Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы. 2. Генералу Корнилову — власть военная. 3. Генералу Каледину — управление Донской областью. 4. Верховная власть — триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается.

Моя записка, прочтенная в конспиративной квартире профессора К-ва совеща-

нию генералов[1], была одобрена и, проредактированная затем начальником штаба армии генералом Лукомским, подписана триумвирами и послана Московскому центру с одним из возвращавшихся делегатов.

Если этот документ попадет когда-нибудь в руки государствоведа, то для сведения его сообщаю: это не было упражнением в области государственно-правовых форм власти, а исключительно психологическим средством, вполне достигшим цели. В то время и при той необыкновенно сложной обстановке, в которой жили Дон и армия, формы несуществующей фактически государственной власти временно были совершенно безразличны. Единственно[е], что было тогда важно и нужно, — создать мощную вооруженную силу, чтобы этим путем остановить потоп, заливающий нас с севера. С восстановлением этой силы пришла бы и власть.

В таких же муках рождался «Совет». По определению главного инициатора этого учреждения Федорова, задачи Совета заключались в «организации хозяйственной части армии, сношениях с иностранцами и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью», наконец, в «подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой армии». В состав Совета от русской общественности вошли московские делегаты Федоров, Белецкий, позднее Струве и кн. Г. Трубецкой; персонально П. Милюков.

Первое затруднение при образовании Совета встречено было со стороны «Донского экономического совещания», возникшего еще в половине ноября, возглавляемого к.д.-том Н.[Е.] Парамоновым и состоявшего из донских и пришлых общественных деятелей. «Экономическое совещание» при донском атамане и правительстве играло до некоторой степени тождественную роль той, которая намечалась Совету. Явилось поэтому неприкрытое соревнование в вопросе о приоритете в освободительном движении донского казачества и добровольчества и, сообразно с этим, экономического совещания и Совета... Вопрос, впрочем, был скоро улажен вмешательством Каледина и М. Богаевского: Совет был признан, и в состав его вошли Парамонов и М. Богаевский.

За кулисами продолжалась работа Савинкова. Первоначально он стремился во что бы то ни стало связать свое имя с именем Алексеева, возглавить вместе с ним организацию и обратиться с совместным воззванием к стране. Эта комбинация не удалась. Корнилов в первые дни после своего приезда не хотел и слышать имени Савинкова. Но вскоре Савинков добился свидания с Корниловым. Начались длительные переговоры между генералами Алексеевым, Корниловым, с одной стороны, и Савинковым, с другой, в которых приняли участие как посредники Милюков и Федоров. Савинков доказывал, что «отмежевание от демократии составляет политическую ошибку», что в состав Совета необходимо включить представителей демократии в лице его — Савинкова — и группы его политических друзей, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытой реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество; он утверждал, кстати, что в его распоряжении имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды Добровольческой армии...

Все три генерала относились отрицательно к Савинкову. Но Каледин считал, что «без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии», Алексеев уступал перед этими доводами, а Корнилова смущала возможность упрека в том, что он препятствует участию Савинкова в организации по мотивам личным, восходящим ко времени августовского выступления.

На одном из военных совещаний генерал Алексеев предъявил ультимативный запрос Савинкова относительно принятия его условий. Конечным сроком для ответа Савинков назначал 4 ч. дня (было 2), после чего оставлял за собой «свободу действий». Члены триумвирата долго обсуждали это странное обращение; Лукомский, Романовский и я не принимали участия в их разговоре. Наконец, я выразил изумление, что уходит время на обсуждение более чем смелого требования лица, представляющего только себя лично и уже один раз сыгравшего отрицательную роль в корниловском выступлении.

Условия, однако, были приняты на том основании, что не стоит наживать врага... В состав Совета вошли четыре социалиста — Б. Савинков и указанные им лица: бывший комиссар 8-й армии Вендзягольский, донской демагог Агеев и председатель крестьянского съезда, бывший ссыльный и эмигрант Мазуренко. От предложения Корнилова, сделанного мне, вступить в состав Совета я отказался. Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака; вызвало лишь недоумение в офицерской среде.

В силу общих неблагоприятных условий и отсутствия подлежащей управлению территории деятельность Совета имела самодовлеющий характер и в жизни армии не отражалась вовсе. К тому же в недрах самого учреждения создались совершенно ненормальные отношения, о которых один из членов Совета пишет: «Оба течения, правое и левое, держались обособленно. Савинков внушал к себе недоверие со стороны правых и чувствовал это. Когда он что-нибудь предлагал, все настораживались и старались отклонить его предложение. Но эта обструкция была поневоле слабой, потому что редко кто из нас вносил в свою очередь другое предложение».

Впрочем, Совет просуществовал всего лишь недели 2—3 и в середине января, с переездом штаба армии в Ростов, фактически прекратил свою деятельность. Часть членов его разъехалась. Савинков взял на себя поручения «войти в сношение с некоторыми известными демократическими деятелями» и отбыл в Москву. Удостоверение за подписью Алексеева открывало ему новые возможности. Его именем он начал собирать офицерство, распыляя наши силы, и организовывать восстания, которые были скоро и кроваво подавлены большевиками.

Вендзягольский уехал в Киев — для связи с Юго-западным фронтом, отчасти с поляками и чехословаками, и вскоре обратился к армии с воззванием, начинавшимся такими неожиданными словами: «От имени последнего русского правительства — национального и неизменнического, сверженного в октябре большевиками, — я, военный комиссар 8 армии, объявляю»... Вряд ли можно было найти более одиозные к тому времени в военной среде понятия, как «Временное правительство» и «комиссар», чтобы их авторитетом побудить офицеров и солдат ехать на Дон...

* * *

Главный вопрос, от которого зависело само существование армии, — денежный, оставался по-прежнему неразрешенным. Денежная Москва ограничилась «горячим сочувствием» и обещаниями отдать «все» на спасение Родины. «Все» выразилось в сумме около 800 тысяч рублей, присланных в два приема; и дальше этого Москва не пошла; впоследствии, по мере утверждения советской власти и захвата ею средств буржуазии, неограниченные ранее финансовые возможности последней значительно сократились. Повторилось опять то явление, которое имело место в дни корниловского выступления. И генералы Алексеев и Корнилов с полным основанием обращались с суровым осуждением к Московскому центру в лице его делегатов.

Московский Центр в лице трех его членов, командированных в Петроград, обратился за финансовой помощью и к союзным дипломатам. Попытка эта также не привела ни к чему. В первое время после большевистского переворота иностранные посольства находились в состоянии страха и полной растерянности. Английское, впрочем, устами второстепенного представителя, майора Киз, обещало крупную материальную поддержку.

По мысли Федорова и московской делегации, от имени оставшихся на свободе членов Временного правительства местной казенной палате предложено было обращать 25 процент. всех областных государственных сборов на содержание борющейся против большевиков армии. После длительных переговоров с атаманом и донским правительством эта мера и была осуществлена, причем общая сумма отнесена в равных долях на нужды Добровольческой и Донской армий.

Этот источник был главным средством существования армии и в силу зависимости от донской власти, постоянных трений с нею и крайне слабого поступления казенных доходов, являлся весьма скудным и ненадежным. Чтобы расширить на тех же началах финансовую базу, в Екатеринодар и Владикавказ был командирован Федоров и г. Н. Кубанское правительство отказало наотрез, а с последовавшим падением Дона и исходом армии дальнейшие попытки в этом направлении прекратились.

Тем временем сбор средств шел и на местах: ростовская плутократия по

подписке дала около $6^1/_2$ миллионов, новочеркасская около 2-х. Половина этих сумм должна была поступить в фонд Добровольческой армии, но фактически до самого нашего выхода казначейству удалось собрать с трудом не более 2-х миллионов. Временами состояние добровольческой казны было таково, что приходилось для ее нужд в ростовских банках учитывать мелкие векселя кредитоспособных беженцев. Впоследствии в учреждениях Юга России возникла даже тяжба для решения вопроса — кто был Мининым: банк или беженец.

Вместе с тем отделения государственного банка и казначейства Дона, не подкрепляемые наличностью, испытывали большие затруднения, грозившие еще больше запутать экономическое положение области. Ввиду этого по инициативе донского экономического совещания донская власть приступила к печатанию собственных денежных знаков — операция, осуществленная в значительных размерах только весною 1918 г., после освобождения Дона.

* * *

Внутренние трения в триумвирате не прекращались. Однажды едва не кончились полным разрывом. 9-го января, незадолго до переезда в Ростов, меня и Лукомского вызвали спешно в помещение канцелярии генерала Алексеева. Пришли мы поздно, когда все уже кончилось, и с удивлением услышали о происшедшем столкновении.

Некто капитан Капелька, состоявший при штабе Алексеева, со слов Добрынского доложил Алексееву о предстоящем «перевороте»: с переездом в Ростов генерал Корнилов должен был свергнуть триумвират и объявить себя диктатором; сделаны якобы уже назначения до «московского генерал-губернатора» включительно. Невзирая на мутный источник этих сведений, генерал Алексеев, предубежденный в отношении Корнилова, не переговорив с кем-либо из нас, собрал членов Совета и старших генералов и пригласил генерала Корнилова для объяснений. Корнилов, взбешенный подобным обвинением и инсценировкой «судилища», ответил резким словом и удалился. На другой день московская делегация получила письма с отказом от участия в организации обоих генералов — Алексеева и Корнилова. Опять пришлось уговаривать: Алексеева — мне лично, Корнилова — вместе с Калединым.

Корнилов удовлетворился извинениями Алексеева, но при этом потребовал от московской делегации: 1. «письменного извещения, что Совет признает себя органом только совещательным при коллегии из трех генералов и ни один вопрос, внесенный на рассмотрение Совета, не получает окончательного решения без утверждения означенных трех лиц»; 2. включения в состав Совета начальника штаба армии и председателя вербовочного комитета; 3. «признания за командующим Добровольческой армией права назначения лиц, обязательно из военных, возглавляющих военно-политические центры...[2] с указанием, что эти лица получают инструкции по военным делам только от штаба армии», и проч.

В ответ на это требование 12 января поступило письмо, подписанное Федоровым, Струве и кн. Трубецким: «Обсудив вместе с генералами Лукомским, Деникиным, Романовским и Марковым общее положение организации и наиболее целесообразные способы наладить в дальнейшем работу ее, мы пришли к заключению»... и далее удовлетворялись все требования Корнилова.

Чтобы понять обращение Корнилова именно к московской делегации, нужно иметь в виду, что в глазах триумвирата она пользовалась известным значением, так как с ней связывалось представление о широком фронте русской общественности. Это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших также добросовестно в заблуждение и всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей армии, но за ними не было никого: Московский центр, по-видимому, забыл и своих представителей на Дону, и свои обязательства в отношении Добровольческой армии...

Итак, еще один подводный камень был обойден. Много раз потом мне приходилось выслушивать сомнение, правильно ли поступали мы все, употребляя такие усилия, чтобы соединить несоединимое, статику и динамику добровольческого движения. И не лучше ли было предоставить каждому из вождей идти своим путем... Полагаю, что в обстановке того времени иначе поступать мы не могли, а в масштабе историческом то или иное решение вопроса вряд ли могло бы видоизменить ход событий, управляемых великими и неведомыми законами бытия.

Глава XVII. *Формирование Добровольческой армии. Ее задачи. Духовный облик первых добровольцев*

Под влиянием всякого рода недоразумений Корнилов все еще колебался в окончательном решении. На него угнетающе действовали отсутствие «полной мощи», постоянные трения и препятствия, встречаемые на пути организации армии, скудость средств и ограниченность перспектив.

Извне на Корнилова оказывали давление в двух направлениях: одни считали, что для человека столь крупного, «всероссийского» масштаба слишком мелко то дело, которое зарождалось в Новочеркасске, и что ему необходимо временно устраниться с военно-политического горизонта, чтобы впоследствии возглавить широкое национальное движение. Ранее этот взгляд поддерживал по побуждениям личным Завойко. Другие звали генерала в Сибирь, на его родину, где «нет самостийных стремлений» и где почва в социальном и бытовом отношении казалась наиболее чуждой большевизму. Наконец, были и просто авантюристы, вроде И. Добрынского, который в неудержимом стремлении играть политическую роль применял все виды шантажа. Так, в половине января по каким-то атавистическим признакам он неожиданно оказался астраханским казаком, нашил желтые лампасы и явился к генералу Корнилову в сопровождении находившихся в Ростове гг. Н. Киселева и Б. Самсонова, в качестве делегации «от поволжского купечества и Астраханского, соединенного с Калмыцким, войска».

Обращение, подписанное этими тремя лицами 16 января, после дифирамба диктатуре и вождю, звало Корнилова в Астрахань для водворения в губернии законности и порядка, обещало широкую материальную поддержку и заканчивалось такой политически безграмотной тирадой, превращавшей идею добровольчества в своего рода средневековый институт ландскнехтов: «Купечество произведет милитаризацию своих предприятий, сохранив за военными навсегда их служебное положение, дав обязательство в том, что все назначения в этом смысле будут происходить с согласия генерала Корнилова». В эти дни Астрахань, как я уже говорил, агонизировала и 24-го после жестокой резни перешла в руки большевиков.

Однако мало-помалу связь Корнилова с армией укреплялась все более, и, чем серьезнее, безвыходнее становилось положение, тем больше росли его привязанность к добровольцам и их преклонение перед своим вождем. Его имя сразу заняло центральное место и стало тем нравственным стержнем, вокруг которого группировались все боевые элементы армии.

Те трения, которые происходили между Алексеевым и Корниловым, находили прямое отражение (иногда наоборот — служили отражением) только среди политиканствующего привилегированного офицерства, стоявшего ближе к обоим генералам и создавшего разделение на «корниловцев» и «алексеевцев». Только в этой среде, и то весьма сдержанно, шли разговоры о «демократизме» Корнилова и «монархизме» Алексеева и делались вытекающие из этого выводы. Для армии это было тогда безразлично. Армия воспринимала положение более просто и непосредственно: она относилась с искренним уважением, доверием и любовью к Алексееву, помня его прежние заслуги, зная его доброту, доступность и трогательное внимание к ее нуждам. Но вместе с тем армия чувствовала, что повести ее в кровавый бой должен, конечно, Корнилов, имя которого было обвеяно боевой славой, окружено уже легендой. В глазах добровольчества жизнь сплела эти имена. И Алексеев и Корнилов были необходимы армии.

Поэтому я, вместе с Лукомским и Романовским, считал своим долгом примирять обе стороны и сглаживать, насколько возможно, возникавшие недоразумения. А накоплявшаяся на поверхности военно-общественного движения людская накипь вела между тем систематически разрушительную работу. Она проявлялась ежедневно во всех мелочах жизни, но дважды вызвала особенно тягостное впечатление: в эпизоде с «объявлением диктатуры», приведенном мною в предыдущей главе, и в событии, имевшем место перед самым выступлением армии из Ростова. Некоторые лица явились к начальнику штаба [3] и представили список офицеров, которые якобы

решили организовать убийство Корнилова. В списке фигурировали имена людей «алексеевского окружения» и некоторых чинов штаба. Когда Романовский, смотревший на этот инцидент как на злостную выдумку, все же собрался доложить о нем генералу Корнилову, тот перебил его: «Мне это известно». И перешел к текущим вопросам.

Оскорбленные наветом офицеры требовали реабилитации или отчисления их из армии. Через 2—3 дня Корнилов собрал их и сказал: «Дело не в Корнилове. Я просто не допускаю мысли, чтобы в армии нашлись офицеры, которые могли бы поднять руку на своего командующего. Я вам верю и прошу продолжать службу».

* * *

Донская политика привела к тому, что командующий Добровольческой армией генерал Корнилов жил конспиративно, ходил в штатском платье и имя его не упоминалось официально в донских учреждениях.

Донская политика лишила зарождающуюся армию еще одного, весьма существенного организационного фактора... Кто знает офицерскую психологию, тому понятно значение приказа. Генералы Алексеев и Корнилов при других условиях могли бы отдать приказ о сборе на Дону всех офицеров русской армии. Такой приказ был бы юридически оспорим, но морально обязателен для огромного большинства офицерства, послужив побуждающим началом для многих слабых духом. Вместо этого распространялись анонимные воззвания и «проспекты» Добровольческой армии. Правда, во второй половине декабря в печати, выходившей на территории советской России, появились довольно точные сведения об армии и ее вождях. Но не было властного приказа, и ослабевшее нравственно офицерство шло уже на сделки с собственной совестью.

Пробирались в армию сотни, а десятки тысяч в силу многообразных обстоятельств, в том числе главным образом тяжелого семейного положения и слабости характера, выжидали, переходили к мирным занятиям, преображались в штатских людей или шли покорно на перепись к большевистским комиссарам, на пытку в чрезвычайки, позднее на службу в Красную армию. Часть офицерства оставалась еще на фронте, где офицерское звание было упразднено и где Крыленко[II] доканчивал «демократизацию», проходившую, по словам его доклада Совету народных комиссаров, «безболезненно, если не считать того, что в целом ряде частей стрелялись офицеры, которых назначали на должность кашеваров»... Другая часть распылялась. Важнейшие центры — Петроград, Москва, Киев, Одесса, Минеральные Воды, Владикавказ, Тифлис — были забиты офицерами. Пути на Дон были, конечно, очень затруднены[4], но твердую волю настоящего русского офицера не остановили бы никакие кордоны.

Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным результатам: напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей — юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками советский комендант Калюжный жаловался в Совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, «что они не были в Добровольческой армии»... Так же было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию — единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества.

Надежды на Москву также не оправдались. В ноябре приехал к генералу Алексееву посланец от Брусилова. Брусилов писал, что тяжелое испытание, ниспосланное России, должно побудить всех честных людей работать совместно. Узнав, что Алексеев формирует армию, он отдает себя в полное его распоряжение и просит полномочий для работы в Москве. Алексеев ответил сердечным письмом, в котором изложил свои планы и надежды, дал полномочия и поставил задачу — направлять решительно всех офицеров и все средства на Дон. Скоро, однако, алексеевский штаб убедился, что Брусилов переменил направление и, пользуясь остатком своего авторитета, запрещает выезд офицеров на Дон...

Вероятно, нет более тяжелого греха у старого полководца, потерявшего в тисках большевистского застенка свою честь и достоинство, чем тот, который он взял на свою душу, давая словом и примером оправдание сбившемуся офицерству, поступавшему на службу к врагам русского народа. Свою, вероятно, не последнюю в жизни эволюцию он объяснил позднее следующими, полными внутренней лжи словами: «Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой советской власти; но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины»[5].

Цели, преследуемые Добровольческой армией, впервые были обнародованы в воззвании, исходившем из штаба, 27 декабря.

1. Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова, как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих попранных прав».

2. «Первая непосредственная цель Добровольческой армии — противостоять вооруженному нападению на Юг и Юго-Восток России. Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его правительства и Войскового атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевистского ига, — все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей Родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России.

3. Но рядом с этой целью другая ставится Добровольческой армии. Армия эта должна быть той действенной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России... Новая армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием».

В заключение воззвание призывало «встать в ряды российской рати... всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

Отозвались, как я уже говорил, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих «городских и земских» русских людей. «Всенародного ополчения» не вышло. В силу создавшихся условий комплектования армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый. Нет нужды, что руководители ее вышли из народа, что офицерство в массе своей было демократично, что все движение было чуждо социальных элементов борьбы, что официальный символ веры армии носил все признаки государственности, демократичности и доброжелательства к местным областным образованиям... Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противополагать ее цели народным интересам.

Было ясно, что при таких условиях Добровольческая армия выполнить своей задачи в общероссийском масштабе не может. Но оставалась надежда, что она в состоянии будет сдержать напор неорганизованного пока еще большевизма и тем даст время окрепнуть здоровой общественности и народному самосознанию, что ее крепкое ядро со временем соединит вокруг себя пока еще инертные или даже враждебные народные силы.

Лично для меня было и осталось непререкаемым одно весьма важное положение, вытекавшее из психологии октябрьского переворота: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это был бы не народ, а навоз для удобре-

ния беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу.

* * *

Формирование армии вначале носило поневоле случайный характер, определяясь зачастую индивидуальными особенностями тех лиц, которые брались за это дело. К началу февраля в состав армии входили:

1. Корниловский ударный полк (подполковник Неженцев).

2. Георгиевский полк — из небольшого офицерского кадра, прибывшего из Киева (полковник Кириенко).

3. 1-й, 2-й, 3-й офицерские батальоны — из офицеров, собравшихся в Новочеркасске и Ростове (полковник Кутепов, подполковники Борисов и Лаврентьев, позднее полковник Симановский).

4. Юнкерский батальон — главным образом из юнкеров столичных училищ и кадет[ов] (штабс-капитан Парфенов).

5. Ростовский добровольческий полк — из учащейся молодежи Ростова (генерал-майор Боровский).

6. Два кавалерийских дивизиона (полковники Гершельман и Глазенап).

7. Две артиллер. батареи — преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров (подполковники Миончинский и Ерогин).

8. Целый ряд мелких частей, как-то: «морская рота» (капитан 2-го ранга Потемкин), инженерная рота, чехословацкий инженерный батальон, дивизион смерти Кавказской дивизии (полковник Ширяев) и несколько партизанских отрядов, называвшихся по именам своих начальников.

Все эти полки, батальоны, дивизионы были, по существу, только кадрами, и общая боевая численность всей армии вряд ли превосходила 3—4 тысячи человек, временами, в период тяжелых ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров. Армия обеспеченной базы не получила. Приходилось одновременно и формироваться, и драться, неся большие потери и иногда разрушая только что сколоченную с большими усилиями часть.

Около штаба кружились авантюристы, предлагавшие формировать партизанские отряды. Генерал Корнилов слишком доверчиво относился к подобным людям, и зачастую, получив деньги и оружие, они или исчезали, или отвлекали из рядов армии в тыл элементы послабее нравственно, или составляли шайки мародеров[6]. Особенную известность получил отряд сотника Грекова — «Белого дьявола», как он сам себя именовал, который в течение двух, трех недель разбойничал в окрестностях Ростова, пока наконец отряд не расформировали. Сам Греков где-то скрывался и только осенью 1918 года был обнаружен в Херсоне или Николаеве, где вновь по поручению городского самоуправления собрал отряд, прикрываясь добровольческим именем. Позднее был пойман в Крыму и послан на Дон в руки правосудия. Какой-то туземец вербовал персов, набирая их, как оказалось, среди подонков ростовских ночлежных домов... Все эти импровизации вносили расстройство в организацию армии и придавали несвойственный ей скверный налет. К счастью, вскоре этому был положен предел.

Назревала мистификация и в более широком масштабе: из Екатеринодара приехал некто Девлет-хан-Гирей с предложением «поднять черкесский народ», для чего потребовался аванс в 750 тысяч рублей и до 9 тысяч ружей. Только пустая армейская казна остановила этот странный опыт, так неудачно повторенный впоследствии.

Армия пополнялась на добровольческих началах, причем каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное повиновение командованию. Состояние казны давало возможность оплачивать добровольцев до крайности нищенскими окладами (у автора — таблица. — *Ред.*): офицеры, 1917 г., ноябрь — только паек, декабрь — 100 руб.; 1918 г., январь — 150 руб., февраль[7] — 270 руб.; солдаты (соответственно) — только паек, 30 руб.; 50 руб., 150 руб.

В офицерских батальонах, отчасти и батареях, офицеры несли службу рядовых в условиях крайней материальной необеспеченности. В донских войсковых складах хранились огромные запасы, но мы не могли получить оттуда ничего иначе, как

путем кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду решительно во всем: не хватало вооружения и боевых припасов, не было обоза, кухонь, теплых вещей, сапог... И не было достаточно денег, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродавшие на сторону все, до совести включительно...

Высоко поучительна история создания добровольческой артиллерии. Одну батарею (два орудия) украли в 39-й дивизии, ушедшей самовольно с Кавказского фронта и обратившей Ставропольскую губернию в свой лен. Сборный офицерско-юнкерский отряд произвел ночной набег на одно из селений, расположенных в районе Торговой (Ставропольской губ., верст за полтораста от Новочеркасска), где квартировала батарея; отбил у солдат два орудия и привез их в Новочеркасск. Два орудия мы взяли в донском складе с разрешения комитета для отдания почестей на похоронах добровольческого офицера и «затеряли». Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов, послав к ним полковника Тимановского, который споил команду и уплатил ей около 5 тысяч рублей. Можно себе представить наше огорчение, когда донцы неожиданно отказались от сделки, ввиду того что войсковой штаб назначил в батарею пополнение и неизвестно было, как оно отнесется к самоупразднению. Послали телеграмму в донской штаб, который поспешил отменить свое распоряжение.

Наконец, в начале января команда в составе около 40 офицеров и юнкеров была командирована в Екатеринодар за уступленными нам кубанским атаманом пушками. На узловой станции Тимашовской вагон с добровольцами окружили казаки местного кубанского полка, и, когда после долгих споров добровольцы, не желая пролития крови, согласились сдать оружие, с тем, что их пропустят в Екатеринодар[8], казаки перецепили вагон и под сильным конвоем отправили его... в Новороссийск, сдав добровольцев военно-революционному комитету.

Несколько человек на полном ходу выбросились из вагона и вернулись в Ростов, остальные томились почти восемь месяцев в Новороссийской тюрьме в ожидании той участи, которая постигла там вскоре несчастных офицеров Варнавинского полка... Команда контр-миноносца «Керчь» совместно с советскими властями города сняла с транспорта, отходившего от пристани с 491-м Варнавинским полком, выданных солдатами, после некоторого колебания, всех офицеров полка. В тот же день, 18 февраля, офицеры, помещенные на баржу, были раздеты, связаны, изувечены, изрублены, расстреляны, а затем сброшены в море. Через несколько месяцев трупы несчастных стали всплывать на поверхность воды... По счастливой случайности артиллеристы остались целы и были выручены вступившими в Новороссийск в августе 1918 года частями Добровольческой армии.

Сколько мужества, терпения и веры в свое дело должны были иметь те «безумцы», которые шли в армию, невзирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования! Отличительным знаком новой армии был нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов.

Я был назначен начальником «Добровольческой дивизии», в состав которой входили все наши формирования, так что, в сущности, возникало двоевластие, устраненное впоследствии, в начале февраля. Хозяйственных функций у меня не было никаких. Начальником штаба «дивизии» стал генерал Марков; штаб 4—5 офицеров.

При командующем армией образовался большой штаб армии, возглавляемый генералом Лукомским и ведавший всеми организационными, административными, хозяйственными вопросами, а также высшим оперативным руководством армии. Имел свой штаб и генерал Алексеев. Несоответствие численности наших штабов боевому составу армии резко бросалось в глаза и вызывало осуждение в рядах войск. Вызывалось оно разными причинами: широким размахом, который хотели придать всему начинанию, навыком начальников, занимавших ранее высокие посты и привыкших к большому масштабу работы, наличием многих штабных работников, не годившихся к строевой службе, и, конечно, тем стихийным стремлением всех штабов всех времен к саморазмножению, с которым безнадежно боролись и Корнилов, и впоследствии я. Отчасти на этой почве в конце января произошло недоразумение между генералом Корниловым и генералом Лукомским, после чего в должность начальника штаба армии вступил генерал Романовский, а Лукомский был назначен представителем армии при Донском атамане.

Штаб армии состоял из двух отделов — строевого и снабжений. Первым ведал генерал Романовский, вторым — генерал Эльснер. В первый период деятельность Ивана Павловича [Романовского] заслонялась многими наслоившимися инстанциями и не привлекала к себе особенного внимания. Только его манера резко и откровенно обрывать людей недобросовестных, независимо от положения, людей, которые все больше и больше облепляли организацию, создавала этому скромнейшему по характеру человеку репутацию «надменного»... Зато на почве тяжелого материального положения армии всеобщее озлобление обрушилось на голову начальника снабжения, генерала Эльснера. Его бранили и в строю, и в штабах, и среди общественных деятелей, прикосновенных к организации. Впоследствии А. Суворин зло и несправедливо обрушился на него в печати...

Действительно, суровое время требовало и других людей. Эльснер был выдающимся начальником снабжения Юго-Западного фронта, а здесь нужен был просто хороший, крепкий интендант, умеющий найти и купить. Эльснер был добросовестен, медлителен и трудолюбив, несколько придавлен бердичевским и быховским сидением, состарившим его, и слишком добр, тогда как требовались исключительная энергия, порыв и безжалостность. Наконец, Эльснер был честен, тогда как подлое время требовало, очевидно, и подлых приемов.

Генерал Алексеев по выходе книги А. Суворина, вступившись за Эльснера, между прочим, писал: «Начинали мы работу с грошами, а главное, совершенно не имели времени и возможности готовиться к походу... Наиболее тяжким и кошмарным представлялся (тогда)... вопрос санитарный... Вы знаете причины этого: не недостаток средств, а полное отсутствие людей, готовых беззаветно и умело работать в этой области. Так и по другим частям: нет энергичного интенданта — толкового и дельного, нет других сотрудников, могущих честно и продуктивно работать в области хозяйства»...[9]. Был, впрочем, в организации один инженер, обладавший как раз всеми свойствами, противоположными тем, которыми судьба наделила Эльснера. Но и он в тогдашней удручающей обстановке не дал армии ничего, себе же создал весьма сомнительную репутацию.

Назначение начальников строевых частей вначале имело поневоле чисто случайный характер: выбора не было, людей не знали. Один оказался пьяницей и садистом и, будучи исключен из армии, впоследствии подобрал шайку, нанялся к ставропольским овцеводам и терроризировал население, пока не был предан суду. Другой, выдававший себя за родственника Корнилова — бестолковый и недалекий, игравший на аракчеевском «без лести предан» и льстивший до приторности командующему, графоман и кляузник, — в течение трех недель безнадежно путал в деле командования отрядом, пока случай не избавил нас от него: после одного тяжелого боя он уехал в Ростов и оттуда послал своему заместителю на позицию распоряжение присылать ежедневно по 15—20 человек под видом обмороженных; таким образом соберется весь отряд и отдохнет... А в эти дни поредевший фронт еле держался. Письмо попало в руки генерала Корнилова и решило участь писавшего: он был уволен в резерв.

Корнилов привязывался к людям, верил им и страдал, когда обнаруживалась ошибка. Помню, как в тот день он характерным жестом провел рукою по опечаленному лицу и сказал: «Как тяжело разочаровываться в людях».

Такие типы были, однако, исключением; в большинстве подобрались высоко доблестные командиры, а тяжкие бои и поход создавали тесное взаимное общение и близкое знакомство и отсеивали постепенно все более слабое. Добровольческая армия чтит память многих первых своих командиров: Неженцев — влюбленный в Корнилова и в его идею до самопожертвования, пронесший ее нерушимо сквозь тысячи преград, бесстрашный, живший полком и для полка и сраженный пулей в минуту вдохновенного порыва, увлекая поколебавшиеся ряды корниловцев в атаку... Миончинский — этот виртуоз артиллерийского боя, живший, горевший и священнодействовавший в музыке смертоносного огня... Тимановский — весь израненный, — в кубанских походах ходивший в атаку так же спокойно, с величайшим презрением к смерти, как и в дни Луцкого прорыва в рядах «железной дивизии»... «Наш» Марков... И много других, уже павших или уцелевших, которые с первых дней армии добросовестно и бескорыстно отдали ей свои силы и жизнь.

* * *

Много уже написано, еще больше напишут о духовном облике Добровольческой армии. Те, кто видел в ней осиянный страданием и мученичеством подвиг, — правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях искренни. Весь вопрос в правильном синтезе ряда сложных явлений в жизни армии — явлений, рожденных войной и революцией. Так, каждый в отдельности офицер, выведенный в купринском «Поединке», — живой человек, но такого собрания офицеров, такого полка в русской армии не было.

В нашу своеобразную Запорожскую сечь шли все, кто действительно сочувствовал идее борьбы и был в состоянии вынести ее тяготы. Шли и хорошие и плохие. Но четыре года войны и кошмар революции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны. Было бы лицемерием со стороны общества, испытавшего небывалое моральное падение, требовать от добровольцев аскетизма и высших добродетелей. Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть. Социальная терпимость и инстинкт классовой розни. Первые явления возносили, со вторыми боролись. Но вторые не были отнюдь преобладающими: история отметит тот важный для познания русской народной души факт, как на почве кровавых извращений революции, обывательской тины и интеллигентского маразма могло вырасти такое положительное явление, как добровольчество, при всех его теневых сторонах сохранившее героический образ и национальную идею.

Добровольцы были чужды политики, верны идее спасения страны, храбры в боях и преданны Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих — смерть; победа представлялась тогда в далеком будущем. Они дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиною живут легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение. Одиночные добровольцы, случайно попадавшие в Темерник — рабочие кварталы Ростова, часто не возвращались...

Однажды в Ростове, когда юнкерский караул, спровоцированный выстрелом на большом железнодорожном митинге, пустил в ход оружие, в результате чего оказались один или два рабочих убиты, это событие вызвало огромную демонстрацию; с разрешения донского правительства «жертвам» были устроены грандиозные похороны с толпами народа, депутациями, венками и речами, направленными против «врагов народа». А «враги народа» в это время каждый день тихо, без венков и речей, в наскоро сколоченных гробах, иногда и без гробов, опускались в холодную могилу возле чужих и незнакомых им станций и полустанков донской земли. И редко когда их провожала слеза друга или брата, ибо звериное время зачерствляло сердца и понижало цену жизни.

Гражданская война довершила тот психологический процесс, который только наметила война на фронте. Вскоре стало известным, что большевики убивают всех добровольцев, захваченных ими, предавая перед этим бесчеловечным мучениям. Сомнений в этом не было. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, добровольцы находили изуродованные трупы своих соратников, слышали леденящую душу повесть свидетелей этих убийств, спасшихся чудом из рук большевиков.

Помню, какой жутью повеяло на меня, когда первый раз привезли восемь замученных добровольцев из Батайска — изрубленных, исколотых, с обезображенными лицами, в которых подавленные горем близкие едва могли различить родные черты... Поздно вечером, где-то далеко на заднем дворе товарной станции, среди массы составов я нашел вагон с трупами, загнанный туда по распоряжению ростовских властей, «чтобы не вызвать эксцессов». И когда при тусклом мерцании восковых свечек священник, робко озираясь, возглашал «вечную память убиенным», сердце сжималось от боли, и не было прощения мучителям...

Помню свою поездку на «Таганрогский фронт» в середине января. На одной из станций возле Матвеева кургана, на платформе лежало тело, прикрытое рогожей. Это был труп начальника станции, убитого большевиками, узнавшими, что его

сыновья служат в Добровольческой армии. Отцу порубили руки и ноги, вскрыли брюшную полость и закопали еще живым в землю. По искривленным членам и окровавленным, израненным пальцам видно было, какие усилия употреблял несчастный, чтобы выбраться из могилы. Здесь же были два его сына — офицеры, приехавшие из резерва, чтобы взять тело отца и отвезти его в Ростов. Вагон с покойником прицепили к поезду, в котором я ехал. На какой-то попутной станции один из сыновей, увидев вагон с захваченными в плен большевиками, пришел в исступление, ворвался в вагон и, пока караул опомнился, застрелил несколько человек...

Среди кровавого тумана калечились души молодых, жизнерадостных и чистых сердцем юношей. Однажды в Ростове, в Парамоновском доме, до слуха моего долетел веселый разговор. Рассказывал о чем-то молодой подпоручик, почти мальчик, 17 лет. Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, шел он по улице, как обычно, с винтовкой через плечо. Наткнулся на облаву, устроенную милиционерами на бандитов, принял участие и одного бандита убил выстрелом: «Вскинул ружье, бац — прямо в глаз, так и свалился, не пикнув!» И он сопровождал рассказ веселым смехом. Я обрушился на него: «Стыдитесь вы! Неужели вы не понимаете всего цинизма вашего смеха? Если судьба привела убить человека, так разве можно этому радоваться?» По мере того как я говорил, лицо у подпоручика сводило сильной судорогой, глаза наполнились слезами, и он опустился беспомощно на стул. Мне рассказали потом его историю. Большевики убили его отца, дряхлого отставного генерала, мать, сестру и мужа сестры — полного инвалида последней войны. Сам подпоручик, будучи юнкером, принимал участие в октябрьские дни в боях на улицах Петрограда, был схвачен, жестоко избит, получил сильные повреждения черепа и с трудом спасся.

И много было таких людей, исковерканных, изломанных жизнью, потерявших близких или оставивших семью без куска хлеба там, где-то далеко, на произвол бушующего красного безумия. Не они создавали основной облик армии, но их психология должна быть учтена теми в особенности, кто на крестном пути добровольцев склонен видеть только мрачные тени.

Большевики с самого начала определили характер гражданской войны: истребление. Советская опричнина убивала и мучила всех не столько в силу звериного ожесточения, непосредственно появлявшегося во время боя, сколько под влиянием направляющей сверху руки, возводившей террор в систему и видевшей в нем единственное средство сохранить свое существование и власть над страной. Террор у них не прятался стыдливо за «стихию», «народный гнев» и прочие безответственные элементы психологии масс — он шествовал нагло и беззастенчиво. Представитель красных войск Сиверса[III], наступавших на Ростов, Волынский, явившись на третий день после взятия города в Совет рабочих депутатов, не оправдывался, когда из меньшевистского лагеря послышалось слово — «убийцы». Он сказал: «Каких бы жертв это ни стоило нам, мы совершим свое дело, и каждый, с оружием в руках восставший против советской власти, не будет оставлен в живых. Нас обвиняют в жестокости, и эти обвинения справедливы. Но обвиняющие забывают, что гражданская война — война особая. В битвах народов сражаются люди-братья, одураченные господствующими классами; в гражданской же войне идет бой между подлинными врагами. Вот почему эта война не знает пощады, и мы беспощадны»[10].

Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении — без своей территории, без тыла, без баз, представлялись только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или «не брать пленных». Я читал где-то, что приказ в последнем духе отдал Корнилов. Это неверно: без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление», который до известной степени напомнил мрачные страницы русской пугачевщины и французской Вандеи...

Когда во время боев у Ростова от поезда оторвалось несколько вагонов с ранеными добровольцами и сестрами милосердия и покатилось под откос в сторону большевистской позиции, многие из них в припадке безумного отчаяния кончали самоубийством. Они знали, что ждет их. Корнилов же приказывал ставить караулы к захваченным большевистским лазаретам. Милосердие к раненым — вот все, что

мог внушать он в ту грозную пору. Только много времени спустя, когда советское правительство, кроме своей прежней опричнины, привлекло к борьбе путем насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человечные обычаи, поскольку это вообще возможно в развращенной атмосфере гражданской войны. Она калечила жестоко не только тело, но и душу.

Глава XVIII. *Конец старой армии. Организация Красной гвардии. Начало вооруженной борьбы советской власти против Украины и Дона. Политика союзников; роль чехословацкого и польского корпусов. Бои Добровольческой армии и донских партизан на подступах к Ростову и Новочеркасску. Оставление Добровольческой армией Ростова*

В Брест-Литовске происходил торг между Центральными державами и их советскими агентами, воспоминание о котором вызывает жгучий стыд и боль. Никогда еще европейские государственные деятели не сбрасывали с себя с таким бесстыдством всякие покровы чести и справедливости. Совет народных комиссаров, связанный денежными отношениями с немецким штабом, соблюдал, однако, внешний декорум. Совет пожелал узнать мнение крыленковской Ставки — подписывать ли немедленный мир на немецких условиях или нет, «в зависимости от способности фронтов к боевому сопротивлению».

Крыленко собрал 22 января «военный совет»[11], членов которого он познакомил с мнениями по этому поводу Ленина и Бронштейна. Первый считал необходимым заключение мира во что бы то ни стало; второй предлагал «всю материальную часть действующей армии эвакуировать в глубь страны... старую армию распустить, а потом, не подписывая и не заключая мира, предоставить немцам поступать с нами, как они захотят, заранее зная, что они все равно фактически нам сделать ничего не могут, так как Германия заливается пожаром пролетарской революции». Даже крыленковский «совет» возмутился подобной постановкой вопроса и большинством 7 голосов против 4 (в последнем числе голос самого главковерха) признал невозможным заключение мира на предложенных немцами условиях и необходимым продолжать борьбу всеми средствами.

На этом секретном заседании Крыленко высказал некоторые взгляды, отражавшие образ мыслей народных комиссаров, обнаженные от всяких условных форм советского лукавства и несравнимые по своему цинизму. «Какое нам дело, — говорил он, — до того, заботится или не заботится Германия о наращении или ненаращении территории? Какое нам дело, будет или не будет урезана Россия? И какое, наконец, нам дело, будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию буржуев? Наплевать нам на территорию! Это — плоскость мышления бужуазии, которая раз навсегда и безвозвратно должна погибнуть»... «Войну нужно окончить теперь же... Старую армию расформировать до последнего человека, чтобы от этой крестьянской рухляди не осталось и следов, чтобы сама идея старой армии была растоптана и раздавлена»...

Таким языком говорили они теперь о той силе, которой раньше расточали низкую лесть и которая привела большевизм к власти над страной. «Новая социалистическая армия не должна вести войну на внешнем фронте против неприятельской армии,.. она будет стоять на страже советской власти как основа ее существования, и вместе с тем главнейшая задача армии будет заключаться еще в том, чтобы раздавить нашу буржуазию»[12].

Исходя из этой точки зрения, еще в половине января советская власть обнародовала декрет об организации «рабоче-крестьянской армии» из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящегося класса». Но формирование новой классовой армии шло неуспешно, и совету пришлось обратиться к старым организациям: выделялись части с фронта и из запасных батальонов, соответственно отсеянные и обработанные, латышские, матросские отряды и красная гвардия, формировавшаяся фабрично-заводскими комитетами. Все они шли против Украины и Дона.

Какая сила двигала этих людей, смертельно уставших от войны, на новые

жестокие жертвы и лишения? Меньше всего — преданность советской власти и ее идеалам. Голод, безработица, перспективы праздной, сытой жизни и обогащения грабежом, невозможность пробраться иным порядком в родные места, привычка многих людей за четыре года войны к солдатскому делу как к ремеслу («деклассированные»), наконец, в большей или меньшей степени чувство классовой злобы и ненависти, воспитанное веками и разжигаемое сильнейшей пропагандой. Ростовский орган с. д. «Рабочее слово» (№ 8, 1918 г.) приводил интересный факт: возвращение из ограбленного Киева Макеевского отряда рудничных рабочих, их «внешний облик и размах жизни» вызвали в угольном районе такое стремление в Красную гвардию, что сознательные рабочие круги были серьезно обеспокоены, «как бы весь наличный состав квалифицированных рабочих не перешел в Красную гвардию»...

Известное участие в наступлении против Юга принял и немецкий Генеральный штаб, одна из организаций которого — майора фон Бельке — занималась формированием для советской армии отрядов из военнопленных немцев, широкой пропагандой и разведкой на Дону. Как видно из документов, опубликованных Сиссоном, майор фон Бельке совместно с большевиками организовал также покушение на убийство генералов Алексеева и Каледина и помощника атамана М. Богаевского, неудавшееся в силу того, что командированные для этой цели агенты, по определению немцев, «оказались трусливыми и непредприимчивыми людьми».

Однако военное положение в течение всего декабря и начала января в представлении советского командования рисовалось в чрезвычайно пессимистических красках. Советские сводки до смешного преувеличивали и силы Добровольческой армии, и активность ее намерений. Так, 18 декабря, когда добровольческие части не выходили еще на фронт, а донские митинговали, с Южного фронта доносили: «Положение крайне тревожное. Каледин и Корнилов идут на Харьков и Воронеж... Главнокомандующий просит присылать на помощь отряды красногвардейцев»[13]. Комиссар Склянский сообщал Совету народных комиссаров, что Дон мобилизован поголовно, вокруг Ростова собрано 50 тысяч войска. Ленин рассылал во все стороны отчаянные телеграммы, подымая красную гвардию против «Каледина, напавшего на русскую революцию». Только в конце января большевистское командование получило более подробную ориентировку о военно-политическом строе Добровольческой армии, между прочим, как писали «Известия», и от генерала Д. Потоцкого, арестованного военно-революционным комитетом деревни Позднеевки и отправленного в Петропавловскую крепость[14].

Невзирая на кажущуюся бессистемность действий большевистских отрядов, в общем направлении их чувствовалась рука старой Ставки и определенный стратегически-политический план. Он заключался в том, чтобы разъединить Украину и Дон путем захвата железнодорожных узлов и линий и тем пресечь связь между ними и снабжение Дона; затем одновременным наступлением захватить административные центры новообразований — Киев, Ростов (Новочеркасск). В частности, против Дона, который, кроме своего военно-политического значения, имел и огромное экономическое, преграждая пути к хлебу, углю и нефти, наступление должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорецкой (Ставрополя).

Первое направление, после падения Украины, приобретало наиболее серьезное значение, в особенности ввиду сосредоточения на нем более стойких и послушных центру войск. На последних трех, в силу продолжавшейся в Воронеже, Царицыне и на Кавказе анархии и неповиновения центральной власти со стороны местных Советов, пока еще не заметно было активных действий. Тем не менее большевистское кольцо вокруг казачьих столиц все более сжималось, и к середине января все железнодорожные пути к ним были отрезаны.

Общим фронтом наступления командовал комиссар Антонов-Овсеенко[IV], а «армией», наступавшей на Ростов, Сиверс — бывший редактор «Окопной правды», издававшейся на Северном фронте.

К концу января обстановка на «внутреннем фронте» складывалась следующим образом: украинские части Петлюры находились в беспорядочном отступлении от Киева к Житомиру; Добровольческая армия сосредоточилась в Ростове, имея передовые части у станции Матвеев курган; партизанские отряды донцов защищали с севера Новочеркасск, располагаясь у Сулина; добровольческие отряды на Кубани

прикрывали Екатеринодар со стороны Тихорецкой и Новороссийска; в Закавказье национальные войска — грузинские, татарские — только еще готовились к сопротивлению большевикам и турецкому нашествию; отряды атамана Дутова, выбитые из Оренбурга, ушли в степи; на Урале войсковая власть вела скрытую подготовку вооруженной силы, стараясь не привлекать к себе внимания советского правительства и руководствуясь, по словам уральского бытописателя, исторической поговоркой: «Живи казак, пока Москва не узнала. Москва узнает — плохо будет».

В Финляндии после ее отделения образовалась своя национальная Красная гвардия; в Бессарабскую губернию под предлогом восстановления порядка вступила румынская армия Авереско. Наконец, на западе и юго-западе России расположены были два сильных и достаточно организованных корпуса: польский — генерала Довбор-Мусницкого — в районе Витебск — Минск — Жлобин, и чешско-словацкий — под начальством русского генерала Шокорева — в районе Полонного (Волынск. губ.) и Ромодан (Полтавской губ.).

Два эти корпуса привлекали издавна наше внимание, и генералы Алексеев и Корнилов вели длительные переговоры с их руководителями с целью привлечения этих войск к борьбе против большевиков. Планы наши не встретили сочувствия ни со стороны политических руководителей польских и чехословацких войск, ни в среде французской дипломатии, голос которой имел решающее значение в силу того, что оба корпуса поступили в ведение французского правительства и содержались на его средства.

Полное непонимание совершающихся в России событий приводило союзническую политику к ряду непоправимых ошибок, последствия которых одинаково тяжело отзывались на их и наших интересах.

Командированный Корниловым в Киев офицер — чех — в начале декабря доносил: «У наших вождей (профес. Масарик и Макс) крепко засела мысль, что (они) не имеют права вмешиваться в русские дела; (они) недостаточно оценивают силы корпуса, а генерал Шокорев ничем себя не проявляет, подчиняется вполне молодому профессору Максу»... Состоявший комиссаром при корпусе проф. Макс на предложение Корнилова о соединении чехов с польским корпусом ответил отказом на том основании, что без разрешения Центральной рады погрузка чешских эшелонов невозможна. Лояльность Макса в отношении советской власти была настолько велика, что само присутствие в районе чешского штаба офицера, так или иначе причастного к корниловскому выступлению, сочтено было неудобным и ему предложили покинуть Киев...

Впоследствии, в конце января 1918 года, генерал Алексеев в письме, обращенном к начальнику французской миссии в Киеве, указав на серьезное значение добровольческой организации и очертив тяжелую обстановку на Дону, говорил: «...Но силы неравны, и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона, к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно и безнадежно добивался согласия направить на Дон если не весь чешско-словацкий корпус, то хотя бы одну дивизию. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшие формирования Добровольческой армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав — Александровск — Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь... Весь корпус — сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи. Зная ваше влияние на г. Макса и вообще на чехов, я обращаюсь к Вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может, еще не поздно. Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских вообще»...

Наши призывы не были услышаны. Французский посол Нуланс[V] отнесся весьма несерьезно к зарождавшемуся на Юге движению. И он, и киевская французская миссия продолжали строить близорукие планы удержания развалившегося русского фронта сначала в единении с большевиками, демобилизовавшими армию, потом с Украиной, уже приступившей к тайным переговорам о мире с Германией, и опирались в то же время на помощь польских и чехословацких войск.

8 февраля Нуланс обратился к комиссару Бронштейну (Троцкому), предлагая от имени союзников, под личной своей ответственностью, советскому правительству финансовую и техническую помощь для продолжения войны с немцами.

Только после подписания советами 19 февраля Брест-Литовского мира Нуланс нашел, что нельзя больше «рассчитывать на советскую армию для восстановления восточного фронта»... «Во имя наших интересов и нашей чести всякое сотрудничество французских офицеров в качестве инструкторов красных войск должно быть отныне воспрещено. Я не замедлил сделать это»[15]. «Честь» находилась в такой зависимости от «интересов», что после 19 февраля она приобретала иное внутреннее содержание, чем до 19-го...

Эти нелепые планы, над которыми жизнь издевалась ежедневно, тем не менее гипнотизировали французов и препятствовали им оценить надлежаще все огромное значение нового (южного) общесоюзнического фронта — более глубокого, но в полной мере удовлетворявшего идее борьбы против австро-германцев и большевиков.

Что касается гг. Масарика и Макса, они, всецело преданные идее национального возрождения своего народа и борьбы его с германизмом, в запутанных условиях русской действительности не сумели найти правильной дороги и, находясь под влиянием русской революционной демократии, разделяли ее колебания, заблуждения и подозрительность. Жизнь жестоко мстила за эти ошибки. Она заставила скоро обе национальные силы, столь упорно уклонявшиеся от вмешательства «во внутренние русские дела», принять участие в нашей междоусобной распре, поставив их в безвыходное положение между германской армией и большевизмом.

Уже в феврале, во время немецкого наступления на Украину, чехословаки, среди общего позорного бегства русских войск, будут вести ожесточенные бои против германцев и бывших своих союзников — украинцев — на стороне большевиков. Потом они двинутся к бесконечному Сибирскому пути, выполняя фантастический план французского командования — переброски 50-тысячного корпуса на западноевропейский театр, отделенный от восточного девятью тысячами верст железнодорожного пути и океанами. Весною выступят с оружием в руках против своих недавних союзников — большевиков, предающих их немцам. Летом союзная политика повернет их обратно для образования фронта на Волге. И долго еще будут они участвовать деятельно в русской трагедии, вызывая к себе среди русских людей перемежающееся чувство злобы и благодарности...

Польский корпус окончит печальнее, сделавшись игрушкой в руках немцев. В начале января по требованию германского Генерального штаба и в связи с обнаруженными сношениями между генералами Алексеевым и Довбор-Мусницким большевистская агитация обрушится на польские войска, внося разложение в их среду; в конце января начнутся жестокие бои поляков с большевиками, неудачные для первых, а в феврале — в то самое время, когда чехи будут вести бои совместно с большевиками против германцев, польские дивизии, признав варшавский «Регентский совет», совместно с немцами перейдут вновь в наступление против большевиков. Вероятно, затем только, чтобы через несколько недель их вероломно разгромили, разоружили и расформировали... немцы.

Все эти события, при всей их очевидной непоследовательности и отсутствии внутренней логики, имеют, однако, одно общее обоснование — в том забвении морального начала в политике и чрезмерного развития государственного материализма, которые были свойственны не только нашим врагам, но и друзьям. Все они руководствовались исключительно собственной выгодой; до несчастья русского народа им не было никакого дела. Они могли идти с украинцами и против украинцев, с большевиками и против большевиков, могли воссоединять и расчленять Россию, лишь бы эти действия соответствовали их национальным интересам. Но крайности этой доктрины при отсутствии политического предвидения привели как раз к противоположным результатам.

А между тем обоюдная государственная польза требовала от союзников не самопожертвования — этот банальный, с точки зрения Европы, альтруизм был похоронен давно на полях Восточной Пруссии и Галиции в русских братских могилах; она требовала некоторой жертвы. Конъюнктура безнадежная. До такой моральной высоты психология европейских государственных деятелей и практика союзной дипломатии подняться не могли.

* * *

Итак, мы остались одни. В середине января штаб и все добровольческие части перешли из Новочеркасска в Ростов[16]. Корнилов руководствовался при этом решении следующими мотивами: важное харьково-ростовское направление было брошено донцами и принято всецело добровольцами; переезд создавал некоторую оторванность от донского правительства и Совета, возбуждавших в командующем армией чувство раздражения; наконец, Ростовский и Таганрогский округа были не казачьими, что облегчало до некоторой степени взаимоотношения добровольческого командования и областной власти.

В Таганроге был расположен офицерский батальон полковника Кутепова и юнкерская школа; у Батайска — дивизион полковника Ширяева, позднее усиленный Морской ротой с выдвинутой вперед к станции Степной заставой.

Города Таганрог и Ростов с их многочисленным рабочим населением, враждебным Добровольческой армии, поглощали много сил на внутреннюю охрану. Буржуазия и в этом вопросе проявила полнейшее равнодушие, ограничившись взносом некоторой суммы денег на организацию охраны и длительными спорами, в результате которых городская дума и Совет рабочих и солдатских депутатов потребовали формирования охраны из... безработных-большевиков. В конце концов, в армию пошли только дети. В батальоне генерала Боровского можно было наблюдать комические и вместе с тем глубоко трогательные сцены, как юный воин с громким плачем доказывал, что ему уже 16 лет (минимальный возраст для приема), или как другой прятался под кровать от являвшихся на розыски родителей, от имени которых было им представлено подложное разрешение на поступление в батальон.

На этот батальон предполагалось возложить несение более легкой службы по охране города, но судьба распорядилась иначе: через несколько недель юные добровольцы ушли в далекий, тяжкий поход, из которого многие не вернулись. Поход был не худший выход, ибо оставшихся в Ростове в течение многих дней большевики ловили, мучили и убивали. «Бессильные иными путями предотвратить продолжающиеся убийства... мы заявляем о нашей полной готовности быть расстрелянными в любой момент и в очереди, какую будет угодно установить военно-революционному комитету, взамен детей, предназначенных к расстрелу»... С таким полным отчаяния и бессилия криком обратились тогда вожди ростовской революционной демократии[17] к тем злым духам, которых они же вызвали.

В десятых числах января обозначилось наступление советских войск на Ростов и Новочеркасск, и с этого времени работа по организации фактически прекратилась. Все кадры были двинуты на фронт. 2-й офицерский батальон по просьбе Каледина был послан на новочеркасское направление, где ввиду отказа казаков от борьбы создавалось трагическое положение.

Началась агония Донского фронта. Полковник Кутепов выступил из Таганрога и, усиленный частями Георгиевского полка и донского партизанского отряда Семилетова, дважды разбил отряд Сиверса у Матвеева кургана. Это был первый серьезный бой, в котором яростному напору неорганизованных и дурно управляемых большевиков, преимущественно матросов, противопоставлено было искусство и воодушевление офицерских отрядов. Последние победили легко. Среди офицеров я видел высокий подъем и стоическое отношение ко всем жизненным невзгодам, вызывавшимся вопиющим неустройством хозяйственной части. Но их была горсть против тысяч. Разбитые советские отряды разбегались или после бурных митингов брали с бою вагоны и требовали обратного своего отправления. Но на смену им приходили другие, и бои шли изо дня в день — нудно, томительно, вызывая у бессменно стоявших на позиции добровольцев смертельную нравственную усталость.

Между тем после ухода войск из Таганрога среди рабочего населения города, составлявшего более 40 тысяч, начались волнения. Непонимание совершающихся событий было настолько велико, что городская дума послала на фронт делегацию для переговоров о «примирении сторон»; ее через добровольческие линии не пропустили. 14 января в городе вспыхнуло восстание. Красногвардейцы в течение двух дней громили город и выбивали слабые, разбросанные юнкерские караулы. Собрав, что было возможно, начальник училища полковник Мостенко выступил на соединение с Кутеповым. Юнкера, пробиваясь по улицам под сильным обстрелом, понесли вновь тяжелые потери; раненый Мостенко, которого пытались вынести,

приказал бросить себя и застрелился; только небольшая часть юнкеров пробилась к станции Марцево на соединение с добровольческими войсками.

Сильный напор с севера и потеря Таганрога, Красная гвардия которого угрожала тылу и сообщениям отряда Кутепова, заставили меня в двадцатых числах отвести его в район станции Синявской, всего в одном переходе от Ростова. Здесь под начальством генерала Черепова отряд, усиленный всем, что можно было выделить из Ростова, в том числе и Корниловским полком, продолжал сдерживать большевиков.

Особенно давало себя чувствовать отсутствие конницы[18], в то время как на открытом фланге с севера у селения Салы появилась большевистская бригада 4-й кавалерийской дивизии с конной артиллерией. Поступили сведения, что командует ею вахмистр, а помощник у него… офицер Генерального штаба. Удалось было нам поднять несколько сот казаков Гниловской станицы, появился донской партизанский отряд Назарова, но после неудачной атаки селения Салы, во время которой начальники сборного отряда проявили чрезмерную самостоятельность, все это донское ополчение рассыпалось и исчезло. Держался сильнейший мороз и стужа. Добровольческие части, плохо одетые, стояли бессменно на позиции и с каждым днем таяли.

* * *

На новочеркасском направлении было еще хуже. Каледин приступил к переформированию казачьих полков, оставляя на службе лишь четыре младших возраста, к мобилизации офицеров и к организации партизанских и добровольческих казачьих частей. Но Дон не откликнулся.

Прикрытие Новочеркасска лежало всецело на состоявшем по преимуществу из учащейся молодежи партизанском отряде есаула Чернецова. В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет Совет в Александровске-Грушевском, то усмиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени роятся легенды, и большевики дорого оценивают его голову.

Между тем 11 января большевики берут станицу Каменскую, создают военно-революционный комитет и объявляют его правительством Донской области. Через несколько дней председатель комитета донской урядник Подтелков[VI] — будущий «президент Донской республики» — едет в Новочеркасск предъявлять ультимативное требование донскому правительству — передать ему власть… Правительство колеблется, но Каледин посылает в ответ Чернецова. Три донских полка, вернувшихся с фронта, под начальством демагога, войскового старшины Голубова, идут с большевиками «за трудовой народ» против «калединцев»…

Чернецов легко взял Зверево — Лихую — Каменскую, но 20-го в бою с Голубовым попал в плен. На другой день Подтелков после диких надругательств зверски зарубил Чернецова. Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось.

Донское правительство вновь вступило в переговоры с Подтелковым, а генерал Каледин обратился к Дону с последним своим призывом — посылать казаков-добровольцев в партизанские отряды. В этом обращении, 28 января, Каледин поведал Дону скорбную повесть его падения: «…Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе со вторгнувшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами напали на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков — участников этого подлого и гнусного дела — рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество».

«В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки в союзе с бандой красноармейцев из Царицына произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын — Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом

и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов». «В слободе Михайловке, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела, и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение»…

В конце января генерал Корнилов, придя к окончательному убеждению о невозможности дальнейшего пребывания Добровольческой армии на Дону, где ей при полном отсутствии помощи со стороны казачества грозила гибель, решил уходить на Кубань. В штабе разработан был план для захвата станции Тихорецкой, подготовлялись поезда, и 28-го послана об этом телеграмма ген. Каледину.

29-го Каледин собрал правительство, прочитал телеграммы, полученные от генералов Алексеева и Корнилова, сообщил, что для защиты Донской области нашлось на фронте всего лишь 147 штыков, и предложил правительству уйти. «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено [к] нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю». И во время обсуждения вопроса добавил: «Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!»[19] В тот же день генерал Каледин выстрелом в сердце покончил жизнь…

Калединский выстрел произвел потрясающее впечатление на всех. Явилась надежда, что Дон опомнится после такой тяжелой искупительной жертвы… Из Новочеркасска поступали к нам сведения, что на Дону объявлен «сполох», подъем растет, собравшийся круг избрал атаманом генерала Назарова и призвал к оружию всех казаков от 17 до 55 лет.

В Парамоновском доме настроение вновь поднялось. Приходившие к нам постоянно ростовские и пришлые общественные деятели, в том числе Милюков, Струве, кн. Гр. Трубецкой, забыв вопросы широкой политики, сосредоточили свое внимание исключительно на Донском фронте, жили его судьбою, сильно тяготели к Ростову и в каждом малейшем просвете военного положения жадно искали симптомов перелома. Так же относился к вопросу ростовский градоначальник к. д. Зеелер, который служил добросовестным и деятельным посредником между Добровольческой армией, с одной стороны, скаредной ростовской плутократией и враждебной нам революционной демократией — с другой. Точка зрения этих лиц, телеграммы Назарова и надежда на «сполох» изменили планы Корнилова. Мы остались.

На совещании с политическими деятелями возник вопрос о своевременности передачи Ростовского округа в подчинение Добровольческой армии и назначении командованием ее генерал-губернатора. До сих пор военная власть в городе номинально находилась в руках «командующего войсками» донского генерала А. Богаевского[VII]. Богаевский шел во всем навстречу армии, но, не имея в подчинении никакой вооруженной силы, находясь всецело в зависимости от донского правительства, ничего существенного сделать не мог. Этим актом положен был бы конец безначалию и тому нелепому и унизительному положению армии, при котором она, защищая Ростов, не могла извлечь из него никаких средств для борьбы и своего существования. Этого хотели и ростовские финансисты, боявшиеся репрессий со стороны большевиков и предпочитавшие, чтобы добровольческое командование обложило их «насильно»…

Чтобы придать предстоящей реформе легальный характер, генерал Корнилов предложил атаману Назарову объявить о ней атаманским приказом. Назаров не пожелал взять на себя ответственности и предоставил инициативу добровольческому командованию. Вопрос осложнился еще натянутыми отношениями между генералами Алексеевым и Корниловым, невыясненным после распадения «триумвирата» разделением ролей между ними, вызвал размолвку и заглох. Этот эпизод интересен для характеристики того удивительного стремления всех главных деятелей противобольшевистского движения к «легальным» выходам — стремления, которое среди развалин государственного строя и общих анархических тенденций приобретало характер совершенно нежизненный.

Был еще один случай подобного рода: решив в первый раз уходить из Ростова,

ген. Корнилов распорядился взять с армией ценности ростовского отделения Государственного банка. Генералы Алексеев, Романовский и я резко высказались против этой меры, считая, что она набросит тень на доброе имя Добровольческой армии. В результате ценности мы отправили в Новочеркасск, в распоряжение донского правительства, и там в день спешной эвакуации города они были оставлены большевикам…

Скоро все надежды рассеялись. Донской круг, принимая смелые решения, вместе с тем не оставлял надежд на соглашательство и послал депутацию к советским властям в Каменскую. Большевистский «командующий» Саблин[VIII] ответил делегации с исчерпывающей ясностью: «Казачество как таковое должно быть уничтожено, с его сословностью и привилегиями». Это заявление не усилило на круге решимости бороться; напротив, внесло уныние и подавленность. Поднявшиеся в довольно большом количестве казаки, преимущественно старших возрастов, стекались к Новочеркасску вместо нормального сосредоточения в разгромленных уже полковых штабах; там, не находя ни подготовленных приемников, ни организованного продовольствия, они принимались митинговать, буйствовать и расходились по станицам. Подъема хватило лишь на несколько дней.

Между тем положение Ростовского фронта значительно ухудшилось. Большевистскому «главковерху» удалось заставить выступить против нас Ставропольский гарнизон (112-й запасн. полк), к которому примкнули по дороге части 39-й дивизии, составив отряд около $2^1/_2$ тысяч пехоты с артиллерией. Отряд этот, передвигаясь по железной дороге, 1 февраля неожиданно напал на наши части у Батайска; они, окруженные на вокзале вплотную со всех сторон, весь день отстреливались и, понеся значительные потери, ночью прорвались сквозь большевистское кольцо, отойдя кружным путем по еле державшемуся льду на Ростов. Ростовские переправы я наскоро закрыл юнкерским батальоном. Большевики остановились в Батайске и дня через два начали обстреливать город огнем тяжелой артиллерии, внося напряженное настроение и панику среди его населения.

На Таганрогском направлении бои продолжались. Добровольческие части таяли с каждым днем от боевых потерь, болезней, обмораживания и утечки более слабых, потерявших душевное равновесие в обстановке, казавшейся безвыходной. Войска Сиверса овладели постепенно Морской, Синявской, Хопрами, и к 9 февраля отряд Черепова, сильно потрепанный — в особенности большие потери понес Корниловский полк, — под напором противника подходил уже к Ростову, обстреливаемый и с тыла… казаками Гниловской станицы, вторично бросившими обойденный правый фланг Неженцева. На Темернике — предместье Ростова — рабочие подняли восстание и начали обстреливать вокзал.

В этот день Корнилов отдал приказ отходить за Дон, в станицу Ольгинскую. Вопрос о дальнейшем направлении не был еще решен окончательно: на Кубань или в донские зимовники. Хмурые, подавленные, собрались в вестибюле Парамоновского дома чины армейского штаба, вооруженные винтовками и карабинами, построились в колонну и в предшествии Корнилова двинулись пешком по пустым, словно вымершим, улицам на соединение с главными силами. Мерцали огни брошенного негостеприимного города. Слышались одиночные выстрелы. Мы шли молча, каждый замкнувшись в свои тяжелые думы. Куда мы идем, что ждет нас впереди?

Корнилов как будто предвидел ожидавшую нас участь. В письме, посланном друзьям накануне похода, он говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств, на произвол судьбы, среди чужих людей, и о том, что больше, вероятно, встретиться не придется… Сохранились строки, написанные к близким рукой другого вождя, генерала Алексеева, которые как будто служили ответом на мучивший многих тревожный вопрос: «… Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы»…

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, Лукомский, Романовский, Марков и я.
2. Эпизоды с командировкой Савинкова в Москву и Вендзягольского в Киев.
3. Тогда был уже Романовский.
4. С Кавказа не особенно затруднены. Большая группа офицерства, преимущественно гвардейского, в Минеральных Водах не откликнулась вовсе на призыв командированного туда ген. Эрдели.
5. Из беседы с корреспондентом «Нового пути». Лето 1921 года.
6. Донцам удалось сформировать несколько хороших партизанских отрядов, о которых говорится дальше.
7. Кроме того, небольшая прибавка семейным.
8. В этом их заверил и штаб-офицер Кубанского полка.
9. Письмо генерала Алексеева к А. Суворину 13 августа 1918 года.
10. «Рабочее дело», 14 февраля 1918 г.
11. Из 9 председателей различных военных большевистских учреждений и двух генералов — Бонч-Бруевича и Лукирского.
12. Секретный протокол заседания «военного совета».
13. Московские «Известия».
14. Ростовские «Известия» 1918 года № 19. Ген. Потоцкий был до Богаевского командующим войсками в Ростове.
15. Из письма Нуланса к Кашену 7 февр. 1921 г.
16. Штаб расположился в Парамоновском доме. После нашего ухода из Ростова в нем поселилась чрезвычайка; подвалы его были залиты кровью; дом вскоре сгорел.
17. Васильев, Петренко, Мельситов, Смирнов.
18. В конном дивизионе полк. Гершельмана было не более 50—60 шашек.
19. Из рассказа М. Богаевского.

Примечания редакции

I. *«Правый центр» («Московский центр»)* — нелегальное объединение буржуазно-помещичьих партий и организаций, созданное в марте 1918 г. в Москве представителями кадетов, монархических групп, Совета общественных деятелей, Торгово-промышленного комитета. Всероссийского союза земельных собственников и сельских хозяев. Ставил задачу сплотить все консервативные силы для борьбы с Советской властью, с тем чтобы после ее свержения захватить руководство страной и не допустить к власти либеральные элементы. Во главе стояли проф. П. И. Новгородцев (кадет), бывш. царский министр А. В. Кривошеин, бывш. член Государственного совета Вл. И. Гурко, бывш. товарищ министра внутренних дел С. М. Леонтьев. «Правый центр» придерживался германской ориентации, но его члены надеялись и на помощь Антанты. Внутренняя борьба привела к его распаду осенью 1918 года.

II. *Крыленко Николай Васильевич* (1885—1938) — член РСДРП с 1904 г., в Октябрьскую революцию — член Петроградского Военно-революционного комитета. В 1917—1918 гг. — член Комитета по военно-морским делам, народный комиссар. Верховный главнокомандующий с декабря 1917 г., председатель Верховного трибунала с 1918 г., прокурор РСФСР. С 1931 г. — народный комиссар юстиции РСФСР, с 1936 г. — член Президиума ВЦИК. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

III. *Сиверс Рудольф Фердинандович* (1892—1918) — участник Октябрьской революции в Петрограде, член Военной организации при ЦК РСДРП(б). Командовал 5-й Украинской (позже — 2-я Особая) армией, которая вела бои против немецких интервентов, особой бригадой на Южном фронте. Умер от ран.

IV. *Антонов-Овсеенко Владимир Александрович* (1883—1939) — один из военных руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, советский военный деятель, дипломат. Член РСДРП с 1903 г., меньшевик, с июля 1917 г. — большевик. В Октябрьские дни — секретарь Петроградского ВРК, активный участник взятия Зимнего дворца, ареста Временного правительства. На II Всероссийском съезде Советов избран в состав СНК — член Комитета по военным и морским делам, народный комиссар. В гражданскую войну командовал группой войск Курского направления, Украинским фронтом. был членом РВС Республики. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

V. *Нуланс Жозеф* (1864—1939) — французский дипломат. В 1917 г. — посол Франции при Временном правительстве. После Октябрьской революции — один из организаторов заговора Локкарта, мятежа Чехо-словацкого корпуса (1918 г.).

VI. *Подтелков Федор Григорьевич* (1886—1918) — подхорунжий, участник борьбы за установление Советской власти на Дону. 10(23) января 1918 г. на съезде казаков-фронтовиков избран председателем Донского казачьего ВРК; в апреле на 1-м съезде Советов Донской области — председателем СНК Донской советской республики. Член Президиума ЦИК и Чрезвычайного штаба обороны этой республики. В мае 1918 г. возглавил экспедицию в северные округа Дона для проведения мобилизации в Красную Армию, захвачен в плен белоказаками и повешен.

VII. *Богаевский Африкан Петрович* (1872/73—1934) — генерал-лейтенант. В 1918—1919 гг. — председатель Донского правительства, атаман Войска Донского. С 1920 г. в эмиграции.

VIII. *Саблин Юрий Владимирович* (1897—1937) — советский военачальник, комдив (1935 г.). Участник Октябрьской революции в Москве, член ВРК. Командовал бригадой, дивизией, группой войск. Член ВЦИК. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Россия на историческом повороте

А. Ф. Керенский

Глава XXV. *Моя жизнь в подполье*

Бегство из Гатчины

31 октября 1917 г. Краснов направил делегацию казаков в Красное Село, вблизи Петрограда, для переговоров с большевиками о перемирии. Ранним утром 1 ноября делегация возвратилась в Гатчину вместе с большевистской делегацией во главе с П. Дыбенко[1]. Переговоры между двумя делегациями начались в нижнем зале Гатчинского дворца в присутствии генерала Краснова и его начальника штаба полковника Попова. Результатов этих переговоров я ожидал в комнате на втором этаже. Почти сразу после начала встречи ко мне вошли несколько моих друзей с тревожным сообщением, что переговоры подходят к концу и казаки согласились выдать меня Дыбенко в обмен на обещание отпустить их на Дон при лошадях и оружии.

В пустом Гатчинском дворце со мной рядом было лишь несколько верных мне людей, выступавших в роли посредников и державших меня в курсе проходивших переговоров. Мы знали о деморализации казачьих частей и о подрывной деятельности в войсках. И все же казалось невероятным, что генерал Краснов или офицеры казачьего корпуса опустятся до прямого предательства. Краснов пришел ко мне приблизительно в 11 утра. Если у меня и раньше были основания относиться к нему с подозрением, то после разговора они еще более укрепились. Он стал убеждать меня отправиться в Петроград для переговоров с Лениным, уверяя меня, что я буду в полной безопасности, под защитой казаков, и что другого выхода нет. Не стану вдаваться в подробности нашей последней встречи[2]. Оглядываясь назад, я понимаю, как трудно ему тогда пришлось, ибо по натуре своей он вовсе не был предателем.

Вскоре наверх прибежали мои «наблюдатели» и сообщили окончательные результаты переговоров. Меня передают Дыбенко, а казакам разрешено возвратиться на Дон. Время близилось к полудню. Шум и крики внизу все усиливались. Я старался убедить близких мне людей спасаться бегством. Моего личного помощника Н. В. Виннера уговаривать не приходилось: мы с ним были полны решимости живыми не сдаваться. Мы намеревались, как только казаки и матросы станут искать нас в передних комнатах, застрелиться в дальних помещениях. В то утро, 14 ноября 1917 г., такое решение казалось логичным и единственно возможным.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 6—12; 1991, №№ 1—8.

Мы стали прощаться, и вдруг отворилась дверь, и на пороге появились два человека — гражданский, которого я хорошо знал, и матрос, которого никогда прежде не видел. «Нельзя терять ни минуты, — сказали они. — Не пройдет и получаса, как к вам ворвется озверевшая толпа. Снимайте френч — быстрее!» Через несколько секунд я преобразился в весьма нелепого матроса: рукава бушлата были коротковаты, мои рыжевато-коричневые штиблеты и краги явно выбивались из стиля. Бескозырка была мне так мала, что едва держалась на макушке. Маскировку завершали огромные шоферские очки. Я попрощался со своим помощником, и он вышел через соседнюю комнату.

Гатчинский дворец, построенный безумным императором Павлом I в форме средневекового замка, был своего рода ловушкой. Со всех сторон окруженный рвом, он имел лишь единственный выход — через подъемный мост. Чтобы пройти сквозь толпу вооруженных людей к автомобилю, который ожидал нас во внешнем дворе, оставалось рассчитывать лишь на чудо. Вместе с матросом мы спустились по единственной лестнице вниз. Мы двигались, как роботы, в сознании не было ни мыслей, ни ощущения опасности.

Без особых приключений мы добрались до внешнего двора, но никакого автомобиля там не обнаружили. В отчаянии, не произнеся ни слова, мы повернули обратно. Должно быть, выглядели мы весьма нелепо. Стоявшие у ворот с любопытством смотрели на нас, однако, по счастью, среди них были и наши люди. Один из них подошел к нам и прошептал: «Машина ждет у Китайских ворот. Не теряйте ни минуты!» Появился он как нельзя более кстати, ибо к нам уже двинулась толпа людей, и положение наше становилось совсем отчаянным. Но тут один из обмотанных бинтами молодых офицеров неожиданно «потерял сознание» и забился в конвульсиях, чем отвлек внимание толпы. Не раздумывая, мы тотчас воспользовались этой помощью и пошли со двора в сторону Китайских ворот, от которых шла дорога на Лугу. Мы шли не спеша и, чтобы не привлекать внимания, громко разговаривали.

Мое исчезновение было обнаружено минут через 30, когда ватага казаков и матросов ворвалась в мою комнату на верхнем этаже. Немедленно во все стороны были посланы автомашины, и снова нам улыбнулось счастье. Навстречу по пустынной улице медленно тащилась телега. Остановив ее, мы посулили вознице хорошее вознаграждение, если он довезет нас до Китайских ворот. У него буквально отвисла челюсть, когда два матроса сунули ему сторублевку. У ворот нас ждала машина. Я быстро занял место рядом с офицером-водителем, а позади расположились матрос и несколько солдат с гранатами в руках. Дорога до Луги была в превосходном состоянии, но мы все время оглядывались назад, ожидая в любой момент увидеть наших преследователей. Мы решили в случае их появления использовать все имевшиеся у нас гранаты. Несмотря на всю напряженность, офицер-водитель казался совершенно спокойным и, управляя машиной, даже насвистывал какой-то веселый мотивчик из репертуара Вертинского.

И еще один подарок сделала нам судьба. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, сохранил верность мне. Он знал, что мы поехали в сторону Луги и, когда обнаружилось наше исчезновение, поднял крик, заверив толпу, что на своем самом быстроходном автомобиле нагонит «негодяя». Понимая, что действительно без труда нагонит нас, он в дороге ловко организовал поломку машины.

Наконец мы подъехали к лесу. Заскрипели тормоза, и офицер произнес: «Выходите, Александр Федорович». Вместе со мной вышел и мой матрос, которого звали Ваня. Трудно было понять, где мы очутились, — вокруг были только деревья. Весьма озадаченный, я попросил объяснений. «Прощайте, — сказал офицер. — Вам все объяснит Ваня. Нам же надо ехать». Он нажал на акселератор и исчез. «Понимаете, — сказал Ваня, — у моего дяди здесь в лесу дом. Места тут тихие и спокойные. Я, правда, не был здесь два года. Но если в доме нет прислуги, бояться нечего. Давайте рискнем, Александр Федорович!»

Мы двинулись по заросшей тропинке в глубь леса. Шли, окруженные мертвой тишиной, не думая и не размышляя о том, что нас ждет впереди. Я безгранично верил этим незнакомым мне людям, которые по каким-то причинам так беззаботно рисковали своей жизнью ради моего спасения. Время от времени Ваня останавливался, чтобы убедиться, правильно ли мы идем. Я потерял счет времени, дорога стала казаться бесконечной. Внезапно мой спутник сказал: «Мы почти пришли».

На полянке перед нами стоял дом. «Посидите тут, а я посмотрю, что там делается». Ваня исчез в доме и почти тотчас же вернулся со словами: «Никакой прислуги. Служанка ушла вечером. Мои дядя и тетя будут счастливы видеть вас. Пойдемте».

Домик в лесу

Так началась моя жизнь в лесном приюте, где мне предстояло провести 40 дней.

Болотовы — чета немолодых людей — сердечно приветствовали меня. «Не беспокойтесь. Все будет хорошо», — утешили они меня. Убежище в своем доме они предложили мне с удивительным добросердечием и душевной щедростью, даже намеком не дав мне понять, какому риску подвергают себя. Они наверняка понимали, какая им грозила опасность, ибо 27 октября газета «Известия» под заголовком «Арест бывших министров» опубликовала следующее сообщение: «Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и другие арестованы Революционным комитетом. Керенский бежал. Предписывается армейским организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставки его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться как тяжкое государственное преступление».

Мои гонители искали меня повсюду. Им и в голову не пришло, что я скрываюсь у них под самым носом, между Гатчиной и Лугой, а не где-то на Дону или в Сибири. А мне тем временем не оставалось ничего другого, как затаиться, занявшись, насколько это возможно, изменением своей внешности. Я отрастил бороду и усы. Бороденка была жиденькая, она кустилась лишь на щеках, оставляя открытыми подбородок и всю нижнюю часть лица. И все же в очках, со взъерошенными патлами я по прошествии 40 дней вполне сходил за студента-нигилиста 60-х годов прошлого века.

Те долгие ноябрьские ночи никогда не изгладятся из моей памяти. Мы постоянно были начеку, и Ваня ни на минуту не покидал меня. Под рукой мы все время держали гранаты, готовые в любой момент пустить их в ход. Днем нас окружал мирный, солнечный покой, а прошлое казалось призрачным и нереальным. Ночью же я не находил себе места от обуревавших меня кошмаров, от трагических видений тех событий, которые потрясли и потрясали мою страну. И все время сердце терзал страх — отнюдь не за собственную участь, а за судьбу моих добрых хозяев. Стоило ночной мгле огласиться лаем собак из соседней деревни, как мы вскакивали с кроватей и с гранатами в руках бросались к двери. Бывало, в первые дни моего пребывания в доме новых друзей меня ночами порой охватывало такое отчаяние, что приход преследователей и арест казались счастливым избавлением. По крайней мере это избавило бы меня от мучительных мыслей и страданий.

Однако мало-помалу у меня стало появляться ощущение, что большевики потеряли мой след и непосредственная угроза миновала. С помощью Вани я установил связи с Петроградом. Стали поступать последние новости, время от времени появлялись надежные посланцы от друзей. Я понимал, что мой долг — продолжить борьбу и служить делу России до самого конца. Я немало поездил по стране и знал, что люди, независимо от сословной принадлежности, не смирятся без борьбы с игом диктатуры. Я был уверен, что стоит Ленину и его приспешникам отбросить прочь маску поборников демократии и патриотизма, и в столице тотчас же рассеется отравленная атмосфера беспардонной большевистской пропаганды.

Первыми против ленинской узурпации власти выступили руководители Совета крестьянских депутатов, которые 28 октября опубликовали следующее заявление: «Товарищи крестьяне! Все добытые кровью ваших сынов и братьев свободы находятся в страшной, смертельной опасности! Гибнет революция! Гибнет родина! На улицах Петрограда вновь проливается братская кровь. Вновь вся страна брошена в бездну смуты и развала. Вновь наносится удар в спину армии, отстаивающей родину и революцию от внешнего разгрома.

26 октября партия социал-демократов большевиков и руководимый ею Петроградский Совет Р. и С. Д. захватили в свои руки власть, арестовали, после орудийного и пулеметного обстрела, в Зимнем дворце и заточили в Петропавловскую крепость Временное правительство и министров-социалистов, в числе которых были члены Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов

С. Л. Маслов и С. С. Салазкин, разогнали вооруженной силой Временный Совет Российской Республики, избранный для контроля над деятельностью Временного правительства до Учредительного собрания. Наконец, они объявили государственным преступником министра-председателя, Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского.

Неисчислимы бедствия, которые несет России это выступление, неизмеримо преступление против народа и революции тех, кто поднял восстание и посеял смуту в стране. Они, во-первых, разъединяют силы трудового народа, внося в его ряды смуту и разлад и облегчая внешнему врагу возможность полного разгрома и порабощения нашей страны. Удар по армии — первое и самое тяжкое преступление партии большевиков! Во-вторых, они начали гражданскую войну и насильственно захватили власть в тот самый момент, когда Временное правительство, заканчивая выработку закона о переходе всех земель в ведение земельных комитетов, исполняло давнишнее желание всего трудового крестьянства и когда до прихода полномочного хозяина земли русской — Учредительного собрания — оставалось всего только три недели. Они обманывают страну, называя голосом всего народа, всей демократии собравшийся в Петрограде съезд Советов, из которого ушли все представители фронта, социалистических партий и Советов крестьянских депутатов. Злоупотребляя присутствием нескольких крестьян, оказавшихся на этом съезде, вопреки постановлению Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов... они осмеливаются говорить, будто они опираются на Советы крестьянских депутатов. Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов крестьянских депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство — Исполнительный Комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов — с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся.

Большевики обещают народу немедленный мир, хлеб, землю и волю. Ложь и бахвальство — все эти посулы, рассчитанные на усталость народных масс и на их несознательность. Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, земля и воля, а гражданская война, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута и нагайки несут они, увеличивая смуту и облегчая темным силам восстановить проклятый царский порядок. Поэтому, полагая, что совершившийся переворот ставит страну и армию под угрозу немедленного разгрома, отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародным признанием, Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов считает своим священным долгом перед собственной совестью и перед всей страной заявить, что он не признает новой, большевистской власти государственной властью и призывает местные Советы крестьянских депутатов, органы местного самоуправления и армию не подчиняться этой насильственно созданной власти, в то же время соблюдать полный порядок и охранять страну от внешнего разгрома.

Исполнительный Комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов ставит своей задачей: 1. Воссоздание власти, пользующейся всеобщим признанием и могущей довести страну до Учредительного собрания. 2. Созыв Учредительного собрания без изменения избирательного закона. 3. Взятие всех земель в ведение земельных комитетов».

Этот исторический документ был опубликован в эсеровской газете «Дело народа» 28 октября 1917 года. Я цитирую его целиком потому, что в нем содержится категорическое опровержение утверждения большевиков, будто русское крестьянство с энтузиазмом приветствовало большевистскую революцию, став оплотом нового режима. Даже сегодня крестьянство из всех слоев советского населения является самым непримиримым врагом тоталитарной диктатуры, лишившей его свободы, отнявшей у него землю и восстановившей в новой форме рабский труд.

8 или 9 ноября два моих верных друга доставили мне петроградские газеты и среди них горьковскую «Новую жизнь» от 7 ноября. Точка зрения Горького на ленинский режим была несколько неожиданной. В его статье говорилось, что Ленин, Троцкий и их приспешники отравились гнилым ядом власти, как это явствует из их отношения к свободе слова, личности и всех прав, во имя которых боролась демократия. Подобно слепым фанатикам и безответственным авантюристам, с головокружительной быстротой они несутся к так называемой социальной

революции, которая на самом деле ведет лишь к анархии и гибели пролетариата и революции. «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть, что из этого выйдет... Рабочие не должны позволить авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам пролетариат. Рабочий класс должен понять, что Ленин — не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата».

А в статье, опубликованной в «Деле народа», говорилось: «Через неделю должны были бы уже состояться выборы в Учредительное собрание. Кровавая авантюра большевиков нанесла страшный удар этому ожидавшемуся с такими надеждами торжеству русской трудовой демократии... Насильственный переворот создал в стране условия и психологию, совершенно противоречащие тому настроению умов, которое должно было бы господствовать во время выборов. Пуля — не избирательный бюллетень, и штык — не избирательный манифест... Где свобода слова? Где свобода печати? Где неприкосновенность личности? Где вся та атмосфера оживленной, но мирной выборной кампании?.. Петроград, Москва, Киев, Одесса, Харьков, Казань испытали на себе прелести «диктатуры пролетариата». Пушки и ружья, сабли и штыки вели достаточно недвусмысленную агитацию за большевиков в этих центрах. Чем будет воля народа в этих избирательных округах, где террор прошелся своим кровавым плугом по улицам и домам?»[3]

Эти статьи побудили меня написать 8 ноября открытое письмо, которое доставили в Петроград мои верные друзья. Позднее, 22 ноября 1917 г., оно было помещено в газете «Дело народа»: «Опомнитесь! Разве вы не видите, что воспользовались простотой вашей и бесстыдно обманули вас? Вам в три дня обещали дать мир с германцами, а теперь о нем молят предатели. Зато все лицо земли русской залили братской кровью, вас сделали убийцами, опричниками. С гордостью может поднять свою голову Николай II. Поистине никогда в его время не совершалось таких ужасов. Опричники Малюты Скуратова — и их превзошли опричники Льва Троцкого. Вам обещали хлеб, а страшный голод уже начинает свое царство, и дети ваши скоро поймут, кто губит их. Вам обещали царство свободы, царство трудового народа. Где же эта свобода? Она поругана, опозорена. Шайка безумцев, проходимцев и предателей душит свободу, предает революцию, губит родину нашу. Опомнитесь все, у кого еще осталась совесть, кто еще остался человеком!

Будьте гражданами, не добивайте собственными руками родины и революции, за которую восемь месяцев боролись! Оставьте безумцев и предателей! Вернитесь к народу, вернитесь на службу родине и революции! Это говорю вам я — Керенский. Керенский, которого вожди ваши ославили «контр-революционером» и «корниловцем», но которого корниловцы хотели передать в руки дезертира Дыбенки и тех, кто с ним. Восемь долгих месяцев, по воле революции и демократии, я охранял свободу народа и будущее счастье трудящихся масс. Я вместе с лучшими людьми привел вас к дверям Учредительного собрания. Только теперь, когда царствует насилие и ужас ленинского произвола — его с Троцким диктатура, — только теперь и слепым стало ясно, что в то время, когда я был у власти, была действительная свобода и действительно правила демократия, уважая свободу каждого, отстаивая равенство всех и стремясь к братству трудящихся. Опомнитесь же, а то будет поздно и погибнет государство наше. Голод, безработица разрушат счастье семей ваших, и снова вы вернетесь под ярмо рабства. Опомнитесь же!»

Жизнь в те дни казалась мне почти невыносимой. Я знал, что в ближайшее время Россию ожидают еще более страшные удары. Ибо цели ленинского восстания — диктатуры посредством сепаратного мирного договора с Германией — можно было добиться лишь безжалостным террором, разрушением армии, ликвидацией демократических структур, созданных Февральской революцией.

Становление диктатуры

24 октября 1917 г., выступая на последнем заседании Совета Республики, я указал на две ближайшие цели большевиков: 1) открыть фронт немцам и 2) не допустить созыва Учредительного собрания.

В пятницу 27 октября официальный орган Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов газета «Известия», к тому времени, конечно, полностью контролировавшаяся большевиками, опубликовала знаменитый Декрет о мире, принятый вторым Съездом Советов. Он вызвал энтузиазм пацифистов и недальновидных политиков, на которых огромное впечатление произвело выраженное в нем желание установить отношения дружбы между всеми народами мира. В своем обращении ко всем воюющим народам и к их правительствам миротворцы из Смольного института призывали к немедленным переговорам о мире в подлинном демократическом духе, то есть к немедленному миру без аннексий и контрибуций.

В том же номере «Известий» было помещено обращение второго Съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам»: «Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам»[4].

Смысл такого заявления был достаточно ясен: если Германия отклонит предложение о мире, советское правительство начнет «революционную войну», которой постоянно грозили Ленин и Троцкий перед Октябрьской революцией. С этих позиций и развернулась пресловутая кампания за так называемый демократический мир.

Напыщенный и возвышенный стиль Декрета о мире отражал пустую демагогию, рассчитанную на завоевание симпатий масс путем раздувания надежд на немедленный мир «между народами». Истинной цели этого декрета больше соответствовало замаскированное положение, которое включил в него Ленин, без сомнения адресованное Берлину и находившееся в прямом противоречии с задачами Декрета: «Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира»[5].

Как и следовало ожидать — что, безусловно, предвидел и сам Ленин, — никакого ответа на переданное по радио обращение «Ко всем народам и правительствам воюющих стран» не последовало. 8 ноября Троцкий направил послам союзных стран ноту, в которой рекомендовал рассматривать Декрет о мире как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»[6]. В соответствии с этим Совет Народных Комиссаров дал распоряжение главнокомандующему генералу Духонину начать прямые переговоры об установлении мира с неприятелем на линии фронта. Этот приказ был передан по радио поздно вечером 8 ноября, несколько ранее того, как в армейских штабах утром 9 ноября был получен текст ноты, направленный послам союзных стран.

Прождав в нетерпении ответа Духонина, который так и не поступил к исходу дня 8 ноября, Ленин, Сталин и Крыленко в ночь на 9 ноября вызвали его по линии прямой связи. Разговор, который имел для генерала самые трагические последствия, длился с 2 до 4 ночи. На требование Ленина дать «ясный отчет» честный солдат и патриот заявил: «Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов, я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира».

Однако этот откровенный ответ вызвал у Ленина лишь раздражение, и дальнейший разговор проходил следующим образом: «Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить данное нами предписание?» Ставка: «Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством».

Ответ на эти слова, как записано на телеграфной ленте, звучал следующим образом: «Именем правительства Российской республики, по поручению Совета

Народных Комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам, под страхом ответственности перед законом военного времени, продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко». Подписано Лениным, Сталиным, Крыленко[7].

От имени Совета Народных Комиссаров, который не имел ни малейшего представления о положении дел на фронте, Ленин тут же на обрывке бумаги написал приказ, коим снимал с должности генерала Духонина и назначал на его место прапорщика Крыленко. Затем Ленин совместно с Крыленко обратился по радио с призывом ко «всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота» вступить в формальные переговоры о мире. Призыв завершился такими словами:

«Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклоняться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров. Солдаты! Дело мира в ваших руках. Бдительность, выдержка, энергия и дело мира победит!»[8]

Такое развитие событий поставило в тупик многих людей. Даже внутри Центрального комитета большевистской партии ощущались напряженность и страх. Однако, несмотря на отдельные и запоздалые попытки сопротивления, Ленину удалось добиться первой из своих целей. Он нанес смертельный удар русской армии и, по сути дела, отдал страну на милость кайзера Вильгельма. Но германское верховное командование не спешило воспользоваться преимуществами создавшегося положения. Стремясь сохранить свои силы для предстоящих боев на Западном фронте, оно предпочитало просто наблюдать, как распадается русская армия. Когда же этот процесс зашел достаточно далеко, австро-германское верховное командование 14 ноября приняло предложение Крыленко о переговорах по установлению перемирия на «демократических условиях», предложенных Лениным всем воюющим сторонам.

Одновременно большевики сообщили по радио, что мирные переговоры откладываются на 5 дней, до 19 ноября, с тем чтобы дать возможность принять в них участие союзникам России. В тот же день, 14 ноября, между русской и австро-германской сторонами было достигнуто соглашение о прекращении огня, тогда же в Могилев был отправлен отряд солдат и матросов во главе с Крыленко для захвата Ставки Верховного главнокомандования. Операция была успешно проведена 20 ноября. Генерала Духонина, которого арестовали и отправили под конвоем поездом в Петроград, по пути вытащили из вагона и убили перепившиеся солдаты и матросы Крыленко.

20-го начались переговоры о заключении сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Тогда мне казалось, что немцы и большевики стремительно приближаются к завершению переговоров и в самом скором времени в Брест-Литовске, где располагалась ставка германского командования на Восточном фронте, будет подписан мирный договор. Однако переговоры тянулись в течение трех месяцев, пока 3 марта 1918 г. договор не был в конце концов подписан[9].

Подготовка к сепаратному миру

Хотя всей Россией владело искреннее стремление к миру, идея унизительного мирного договора была приемлема лишь для фанатиков «мировой революции», дезертиров, деморализованных пораженческой пропагандой, и для подонков из рабочей массы — люмпен-пролетариев. Ленин отдавал себе отчет в том, что большинство русских демократов решительно выступает против капитуляции перед Германией.

Более того, с ним не было согласно и большинство внутри его же партии. Понимал он также, что Учредительное собрание никогда не утвердит сепаратного мира с Германией.

На следующий день после Октябрьской революции в «Правде» огромными буквами был напечатан лозунг: «Товарищи! Проливая свою кровь на фронте, вы обеспечиваете своевременный созыв Всероссийского Учредительного собрания»[10]. Рассчитанный прежде всего на матросов и солдат, преднамеренно одурманенных лживой пропагандой, призыв этот был чистым жульничеством. Под выдуманным предлогом отсрочки выборов для приведения положений избирательного закона в соответствие с радикально изменившейся ситуацией Ленин вознамерился сразу же после Октябрьской революции отложить созыв Учредительного собрания.

Однако против такой отсрочки решительно выступили Бухарин и его сторонники, утверждавшие, что после шумной кампании большевиков против планов «Корнилова—Керенского» «торпедировать» выборы население истолкует такой шаг как попытку вообще похоронить Учредительное собрание. Ленину пришлось уступить. Более того, он даже усмотрел определенные тактические преимущества для себя, по крайней мере на то время, в укреплении веры у масс в то, что большевики не отважатся поднять руку на институт, который в глазах общественности все еще выглядел как святое учреждение.

Выборы состоялись в середине ноября, в день, установленный Временным правительством. Из общего числа 707 мест большевики завоевали лишь 175. Более того, большевистская фракция в Учредительном собрании оказалась под контролем так называемого бюро, возглавляемого лидерами «правого крыла» большевиков — Каменевым, Лариным, Рыковым и другими, которые настойчиво выступали против роспуска Учредительного собрания, когда в начале декабря такая идея была выдвинута «ленинцами» в Центральном Комитете. «Бюро» настаивало на созыве партийной конференции для выработки отношения партии к Учредительному собранию и поспешно вызвало в Петроград всех тех членов партии, которые были избраны в собрание. Видя, что фракция большевиков в Учредительном собрании пользуется поддержкой большинства рядовых членов партии, особенно в провинции, Ленин решил пустить в ход против «бюро» драконовские меры.

На заседании Центрального комитета 11 декабря Ленин предложил: 1) сместить бюро фракции Учредительного собрания; 2) изложить фракции наше отношение к Учредительному собранию в виде тезисов; 3) составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений ЦК; 4) назначить члена ЦК для руководства фракцией; 5) выработать устав фракции. Все эти предложения были немедленно одобрены и приняты к исполнению.

Ленинские «Тезисы об Учредительном собрании» были опубликованы 13 декабря. Подвергнувшись накануне «дисциплинарному» воздействию и оказавшись под управлением члена Центрального Комитета, фракция была вынуждена капитулировать и «единогласно» согласиться с тезисами. Тезисы были изложены предельно четким языком, а предупреждение, содержавшееся в них, не оставляло никаких сомнений. Не стану цитировать полностью этот текст и ограничусь лишь изложением сути рассуждений Ленина о будущем Учредительного собрания. В 14-м тезисе совершенно справедливо говорится о том, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию» означает кампанию за отмену Советской власти. И если бы Учредительное собрание, продолжает далее Ленин, разошлось с Советской властью, оно «было бы неминуемо осуждено на политическую смерть».

В 15-м тезисе записано: «К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире». И Ленин приходит к выводу: «Несоответствие между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно».

Особенно красноречив 18-й тезис: «Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетски-калединской контрреволюции».

Сторонникам Учредительного собрания было четко заявлено, что они должны «либо подчиниться, либо уйти». Такое предупреждение в еще более откровенной форме звучит в 19-м тезисе: «Кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти»[11].

Лишь в результате такого давления на большевистскую фракцию в Учредительном собрании стало возможным развернуть кампанию в пользу заключения сепаратного мирного договора, однако и при этом она велась в основном в пределах самой партии и крайне осторожно.

Капитуляция

18 декабря Крыленко сообщил Совету Народных Комиссаров о том, что российская армия не способна более вести боевые действия. Германское верховное командование, конечно же, знало об этом. А тем временем в Берлине взяли верх милитаристские силы, ослепленные идеей мирового господства. Главу германской делегации на переговорах в Брест-Литовске, умеренного министра иностранных дел фон Кюльмана, вскоре сменил генерал Макс фон Гофман. Среди других участников мирной конференции, открывшейся в Брест-Литовске 9 декабря, были министр иностранных дел Австрии граф Оттокар Чернин, великий визирь Турции Талаат-паша, премьер-министр Болгарии В. Радославов, а также Главнокомандующий Восточным фронтом Германии принц Леопольд Баварский, который председательствовал на конференции по особо торжественным случаям.

Когда после длительного перерыва мирная конференция 2 января 1918 г. возобновила свою работу, германская делегация стала настаивать на праве сохранить «по стратегическим соображениям» свои войска на территории Польши, Литвы, Белоруссии и Латвии. Общественность России пришла в замешательство. Многие из самых яростных противников Ленина были готовы вместе с ненавистными большевиками выступить на защиту отечества.

Условия, выдвинутые немцами, грозили расколоть большевистскую партию. В партийных комитетах, в городах, на Балтийском флоте и даже в некоторых большевистских полках все громче стали звучать голоса протеста и требования разорвать переговоры с «германскими империалистами» и начать «революционную войну». Для Ленина было абсолютно очевидно, что такая революционная война неизбежно приведет к его падению и уже никогда не сбудется его мечта превратить Россию в базу для грядущей пролетарской революции на Западе. А это значит, что надо любой ценой задушить патриотические чувства, столь неожиданно пробудившиеся даже в сердцах партийных лидеров.

8 января 1918 г., сразу после роспуска Учредительного собрания, в Петрограде было созвано совещание членов ЦК партии с партийными работниками. В нем приняли участие 63 делегата, прибывшие из всех частей страны. Ленин сразу же решил взять быка за рога и зачитал свои «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»[12], которые подготовил специально для этого случая. В отличие от тезисов по Учредительному собранию этот документ был весьма расплывчат и противоречив и, что еще более нехарактерно для Ленина, был выдержан в оборонительной тональности, как об этом можно судить из следующего весьма своеобразного заключения:

«Тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и прочее мира, предать Польшу и т. п.», не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только еще более усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и других стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром с точки зрения России, но нисколько не перестал бы быть миром с аннексионистами, с германскими империалистами»[13].

Ленин потерпел на совещании поражение, и резолюция в поддержку революционной войны была принята абсолютным большинством в 32 голоса. Неопреде-

ленная формула Троцкого «ни мира ни войны», которая по сути своей имела антиленинский характер, получила 16 голосов. Лишь Ленин, Зиновьев и 13 их сторонников проголосовали за «позорную и постыдную» капитуляцию. Ленин не нашел другого выхода из создавшегося положения, как сделать «шаг назад», чтобы выиграть время.

Троцкий тут же пустил в ход все свое красноречие против презренной капитуляции и даже начал заигрывать с бывшими союзниками. Однако тактика проволочек со стороны большевиков усилила раздражение немцев, и, стремясь положить конец всем этим маневрам, они решили продемонстрировать силу. 10 февраля они внезапно объявили о прекращении мирных переговоров, а 18 февраля верховное командование Германии предприняло наступление на Петроград.

18 февраля в Смольном было созвано чрезвычайное заседание Центрального Комитета; ленинское предложение об «аннексионистском» мире было отклонено семью голосами против шести, но с нарастанием панических настроений Троцкий изменил свою позицию, и за ленинское предложение проголосовало в конце концов семь человек при шести, выступивших против. Было немедленно принято решение направить в Берлин радиограмму о согласии с первоначальными требованиями и готовности вести переговоры даже на более жестких условиях. Радиограмму подписали Ленин и Троцкий.

Лишь заручившись большинством голосов Центрального Комитета большевистской партии за капитуляцию перед кайзером и отправив унизительную радиограмму в Берлин, Ленин решился открыто выступить против поборников «революционной войны» и в поддержку сепаратного мира. Но даже теперь он сделал это, прикрывшись псевдонимом. 21 февраля 1918 г. «Правда» поместила статью «о революционной фразе» за подписью «Карпов». 24 февраля «Известия»[14] опубликовали январские «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». 28 февраля в Брест-Литовск прибыла новая большевистская делегация, чтобы безоговорочно принять тяжелые и безжалостные условия мира. Тем не менее победное шествие германских войск к Петрограду продолжалось вплоть до 3 марта, когда был официально подписан мирный договор. Именно в этот час части генерала Людендорфа вступили в Нарву, расположенную на границе с Петроградской губернией.

Таким образом, ради того, чтобы заключить сепаратный мирный договор, Ленин был вынужден скрыть свои планы даже от ближайших соратников, сломить сопротивление большевистской фракции в Учредительном собрании и распустить это собрание прежде, чем поведать партийной элите свои тезисы о сепаратном и аннексионистском мире. Иногда мне кажется, что Россия только выгадала, если бы Ленин действовал более расторопно и принял условия, предложенные более умеренным фон Кюльманом. Однако у него не хватило мужества преждевременно сбросить с себя одеяния борца «за всеобщий и справедливый мир в интересах трудящихся», и его двойная игра лишь усилила аппетиты берлинских претендентов на мировое господство.

Возвращение в Петроград

К концу пребывания в лесном домике меня стала преследовать одна и та же навязчивая идея: попытаться добраться к открытию Учредительного собрания до Петрограда. Мне казалось, это мой последний шанс сказать стране и народу свое мнение о создавшемся положении. В начале декабря на двух санях ко мне приехали несколько солдат с ружьями и гранатами. Это были надежные и отважные друзья, которые должны были отвезти меня в тайное убежище в лесу по дороге в Новгород.

Лесное поместье принадлежало богатому лесопромышленнику З. Беленькому. Зимой оно было полностью отрезано от внешнего мира, а полуразвалившийся дом утопал в сугробах. Сын Беленького проходил службу в гарнизоне Луги (это он организовал мое бегство из Гатчины). Теперь он приехал, как и обещал, за мной. Появление «большевиков» до смерти перепугало моих дорогих хозяев, и успокоились они лишь, когда узнали, зачем явились мои гости.

Я переоделся, чтобы не отличаться от моих спутников. На прощание мои хозяева, не удержавшись от слез, подарили мне маленькую нательную иконку. (Эта иконка — единственная вещь, которую я взял с собой, покидая Россию.) Сердце мое разрывалось от печали, и я ничем не мог отплатить им за их доброту. Денег они бы не приняли, у меня не было даже возможности спасти их от возможных последствий оказанного мне теплого гостеприимства. Мой спутник, матрос Ваня, возвратился на свой корабль.

Молодой Беленький, я, а также три или четыре солдата ехали в первых санях, за которыми следовали вторые с пятью солдатами. Никто не обращал на нас никакого внимания, ибо повсюду теперь было полным-полно солдат, дезертировавших с фронта. К месту назначения мы приехали ясной морозной зимней ночью. Несмотря на угрозу советского правительства строго расправиться с теми, кто окажет мне помощь, мои спутники были в превосходном настроении. Они проявляли ко мне подчеркнутое внимание, словно стремясь успокоить и ободрить. Прожив со мной целую неделю, Беленький на несколько дней уехал в Петроград, а по возвращении предложил перебраться поближе к городу. Мы снова уселись в сани, держа наготове ружья и гранаты, но при этом распевая армейские песенки и не переставая шутить и смеяться.

Неожиданная неприятность поджидала нас на окраине Новгорода. Беленькому дали неправильный адрес, и мы подъехали к дому, оказавшемуся штаб-квартирой местного Совета. Со всей возможной поспешностью мы кинулись прочь, двинувшись в противоположном направлении, пока не отыскали нужного дома, в котором, как выяснилось, размещался приют для душевнобольных. Мы въехали прямо во двор и остановились у женского отделения, где проживал директор заведения. Мы вошли в дом вдвоем с Беленьким. Нам хотелось по возможности произвести наилучшее впечатление. Директор, которого предупредили о нашем приезде, сердечно приветствовал нас и предложил обоим гостеприимство, однако Беленький поспешил вернуться к своим сотоварищам, и мы остались с доктором одни.

С первых слов он попросил меня ни о чем не тревожиться. Когда я поинтересовался, есть ли повод для тревоги, он сказал: «Видите ли, я почти не бываю здесь днем, а дверь никогда не закрывается. Время от времени сюда заходят сестры и многие другие из больничного персонала. Но при вашем нынешнем облике никто не признает вас. Впрочем, больничный персонал безо всякой симпатии относится к большевикам. Это — хорошие люди». Шесть дней провел я в больнице, не испытывая никаких неудобств. У директора была превосходная библиотека, и он получал все газеты. День я посвящал чтению, а по вечерам мы с ним беседовали.

Вскоре неожиданно вновь появились мои друзья, чтобы отвезти меня дальше, до места следующего убежища. Директора не было дома, когда вошел Беленький и кратко бросил: «Едем. Сани уже ждут». «Куда теперь?» — спросил я. Он рассмеялся: «Поближе к столице. Какое-то время поживем в поместье около Бологого». Стояло солнечное зимнее утро. Лошади бежали резво, сани плавно скользили по укатанной колее.

В полдень мы решили отдохнуть в каком-нибудь укромном спокойном местечке. На окраине одной из деревень нам приглянулся постоялый двор. Пожилая хозяйка провела нас в самую лучшую комнату. Там было тепло и уютно, а на стене над диваном висел мой литографированный портрет. Положение было настолько комичным, что мы разразились смехом и долго не могли остановиться. Хозяйка с удивлением смотрела на нас, видимо не имея ни малейшего представления о том, кто я такой, и, когда мы наконец перестали хохотать, спросила, с какого мы фронта. Обед, которым она накормила нас, был превосходен. Усевшись снова в сани, мы опять стали смеяться, и кто-то сказал: «Представляете, она так и не поняла, в чем дело. Ей и в голову не пришло, кто вы есть на самом деле, и отнюдь не из-за бороды, которую вы отрастили».

Доставив меня в поместье вблизи Бологого, мои друзья в тот же день уехали. На обратном пути они остановились на том же постоялом дворе. Хозяйка была рада вновь увидеть их и шепотом спросила: «Он в безопасности?» «Да, бабуся», — ответил один из моих друзей. И тут она перекрестилась.

Поместье было довольно большое, дом со всех сторон окружал густой лес. Мы остановились на поляне у охотничьего домика, откуда виднелась лишь крыша центральной усадьбы. В домике было две комнатушки. В большой стояла железная печка, в углу лежала охапка поленьев. Кроватей не было, но зато в избытке соломы.

Мы разожгли в печке огонь, вскипятили в огромном чугуне воду и заварили чай. Затем с удовольствием улеглись на солому. На следующий день Беленький пошел в центральную усадьбу повидаться с хозяевами, которые рассыпались в извинениях. Они ожидали нас несколькими днями позже, а потому не в полной мере подготовили охотничий домик. В дом они пригласить нас не рискнули, опасаясь слуг, а также многочисленных гостей, приехавших к ним на Рождество.

После этого к нам проявили максимум внимания, и в этом охотничьем домике мы чувствовали себя превосходно. Мне дали лыжи, и я прошел на них немало километров по лесным тропам. Дни стояли холодные, но кристально ясные и солнечные. В канун Рождества наши хозяева прислали для нашего стола роскошное угощение. А на Новый год, последний, который я встречал в России, хозяева пригласили нас к себе: им удалось на день отправить из дома всю прислугу.

На следующий день мне предстояло выехать в столицу. Беленький объявил, что отправляться надо без промедления. Рассказал, что центральные комитеты антибольшевистских социалистических партий высказались против проведения вооруженных демонстраций в день открытия Учредительного собрания и предложили организовать в его поддержку лишь сугубо мирные манифестации. Положение сложилось весьма абсурдное. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию» потерял отныне всякий смысл. Для законно избранного Учредительного собрания было абсолютно невозможным сосуществование с диктатурой, которая отвергала самое идею народного суверенитета.

Учредительное собрание имело смысл лишь в том случае, если бы оно получило поддержку правительства, признающего его как верховную политическую власть[15]. К концу 1917 г. в России такого правительства уже не было. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию» звучал теперь лишь как объединяющий призыв для всех сил, готовых продолжить борьбу с узурпаторами. По причинам, которых я в то время не знал, «Комитет защиты Учредительного собрания» оказался неспособным вести эффективную борьбу. При всем при том, говорил я себе, даже если Учредительное собрание обречено на гибель, пусть оно выполнит свой долг перед народом, уйдя со сцены с достоинством и оставив людям нетленный дух свободы.

Предполагалось, что я сяду в ночной московский поезд, который останавливался в Бологом в 11 вечера. Поезда были в то время всегда переполнены, вагоны дышали на ладан, освещения, особенно в купе третьего класса, практически не было. Мне назвали номер вагона, где уже находились мои сторонники, я должен был забиться в угол купе и постараться не привлекать к себе внимания. На вокзал мы прибыли вовремя и в ожидании поезда, который опаздывал, стали расхаживать вдоль платформы. Меня по-прежнему сопровождали вооруженные гранатами люди, однако мы настолько привыкли к такой форме существования, что уже не думали о мерах предосторожности и довольно громко разговаривали.

Неожиданно один из моих ангелов-хранителей подошел ко мне и прошептал: «Будьте осторожны. За вами следят железнодорожники с другой стороны платформы. Посмотрите, они идут за нами». Мы замолкли. Группа железнодорожников перешла с московской платформы на нашу и направилась прямо к нам. У всех пронеслась одна и та же мысль: все пропало. Однако подошедшие сняли в знак уважения фуражки и сказали: «Александр Федорович, мы узнали вас по голосу. Не беспокойтесь, мы вас не выдадим!» Так удвоилась моя личная охрана! После этого все пошло как по маслу. Прибыл поезд, нам удалось втиснуться в нужный вагон, почти не освещенный. Без всяких происшествий мы доехали до Петрограда, где извозчик доставил нас по условленному адресу.

Учредительное собрание должно было открыться 5 января 1918 г., и, казалось, все идет по намеченному мною плану. Через три дня я надеялся быть в Таврическом дворце, на открытии собрания. 2 января меня посетил член фракции эсеров в Учредительном собрании Зензинов. Завязавшаяся беседа, поначалу очень дружеская, вскоре обернулась ожесточенным спором. Я и сегодня с болью вспоминаю тот разговор. Я сказал ему, что считаю своим долгом присутствовать при открытии Учредительного собрания. Хотя у меня и не было пригласительного билета в Таврический дворец, я рассчитывал, изменив внешность, пройти по билету какого-нибудь малоизвестного депутата из провинции. Я рассчитывал на помощь в получении такого билета, самонадеянно думая, что мои друзья в Учредительном собрании позаботятся обо мне. Но они наотрез отказались.

Зензинов заявил, что мое появление на открытии сопряжено с огромной опасностью и я не имею права идти на такой риск. Он особо подчеркнул, что я — главный враг большевиков. Я возразил, что сам волен распоряжаться своей жизнью, что он не сможет переубедить меня и что я уверен в правильности своего решения. Если бы меня заточили в Петропавловскую крепость, тогда я физически не смог бы присутствовать на открытии собрания, а коль скоро я на свободе, мой долг — быть там. Я напомнил ему о статье «Судьба Керенского», которая появилась 22 ноября 1917 г. в газете эсеров «Дело народа»:

«Недавний официальный глава Российской республики и революции должен сейчас где-то скрываться и скитаться, а имя Керенского сделалось почти запретным именем согласно повелению тех, кто захватил вооруженной рукой власть в государстве. Сейчас Керенский ушел из политической жизни, но с созывом Учредительного собрания он к ней вернется. И тогда он даст отчет в своей деятельности народу, который в Учредительном собрании сумеет оценить по заслугам все положительное и все отрицательное, что имелось в политической деятельности А. Ф. Керенского за все восемь месяцев его работы в качестве одного из министров, а позднее и председателя Временного правительства русской революции».

Я сказал Зензинову, что именно за этим я и приехал: отчитаться в своей деятельности. Задумавшись на минуту, Зензинов заметил: «Положение в Петрограде коренным образом изменилось. Ваше появление в Учредительном собрании будет концом для нас всех». «Не будет, — возразил я. — Я приехал спасти вас. Я стану мишенью яростных атак, и на вас даже не обратят внимания». Тотчас же почувствовав бестактность такого аргумента, я поделился с ним своими истинными намерениями, взяв с него слово, что он никому не расскажет о них до моей смерти. Должно быть, мой план[16] показался ему безумным, однако растрогал его до слез, и, пожимая мне на прощание руку, он сказал: «Я обсужу его с друзьями».

Однако это был лишь жест дружбы, и рубикона смерти я не пересек. Когда он вновь пришел на следующее утро, разговор наш протекал в более спокойных тонах, и я даже не пустился в спор, когда он передал мне окончательный ответ: «Нет». Я лишь сказал, что крайне огорчен решением не проводить вооруженной демонстрации и что, на мой взгляд, Учредительному собранию не следует без боя сдавать свои позиции. Будучи сторонником строгой партийной дисциплины и в то же время глубоко порядочным человеком, Зензинов искренне согласился с моим мнением и добавил, что такой же точки зрения придерживается его партийная фракция в Учредительном собрании.

Я поинтересовался, кого собираются избрать председателем Учредительного собрания, и был поражен, услышав, что речь идет о Викторе Чернове. Все, кто знал этого способного и преданного партии человека, должны были понимать, что не ему следует выступать от имени всей России. Я горячо просил Зензинова сделать все, что можно, лишь бы не допустить избрания Чернова на столь ответственный пост. Я молил найти другого человека, быть может менее известного и менее одаренного, но обладающего большей силой воли и в большей степени отдающего себе отчет, что переживаемая нами трагедия — результат предательства стремлений и идеалов свободы, во имя которых боролись и жертвовали своими жизнями многие поколения в России. Я снова и снова повторял это каждому из тех немногих, кто посетил меня в эти последние два дня перед открытием Учредительного собрания.

Трагедия Учредительного собрания

В критический день, 5 января, столица выглядела так, словно в ней ввели осадное положение. За несколько дней до этого большевики создали так называемый Чрезвычайный штаб, а весь район вокруг Смольного был передан под юрисдикцию приспешника Ленина Бонч-Бруевича. Район же вокруг Таврического дворца был отдан в ведение большевистского коменданта Г. Благонравова. Сам дворец был окружен вооруженными до зубов войсками, кронштадтскими матросами и латышскими стрелками, часть которых расположилась внутри здания. Все улицы, ведущие ко дворцу, были перекрыты.

Нет нужды описывать это первое и последнее заседание Учредительного собрания. Возмутительное поведение ленинских головорезов в отношении «избранников народа» многократно описывалось теми, кому довелось пережить те ужасные часы 5 и 6 января. Ранним утром 6 января Учредительное собрание было разогнано с применением грубой силы, а двери Таврического дворца — закрыты. На мирных людей, которые собрались, чтобы выразить поддержку Учредительному собранию, обрушился шквал ружейного огня.

За легкой победой большевиков над Учредительным собранием почти сразу же последовало убийство двух бывших министров Временного правительства от партии кадетов — Шингарева и Кокошкина, которые не присутствовали на открытии Учредительного собрания, поскольку содержались под арестом в Петропавловской крепости. Поздно вечером 6 января их перевели в Мариинскую больницу, где поместили в специальную палату, охранявшуюся солдатами. В ночь на 7 января ворвавшаяся в палату под предлогом смены караула банда большевистских солдат и матросов заколола штыками двух лежащих в постелях больных людей, которые всю свою жизнь посвятили служению свободе и демократии.

9 января Максим Горький опубликовал удивительную статью об этих событиях, которая заслуживает того, чтобы привести ее почти полностью[17]. Описав события «Кровавого воскресенья» (9 января 1905 г.), когда царские войска открыли огонь по мирным безоружным рабочим, Горький сравнивает их с событиями последних дней: «5-го января 1917-го года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие, — мирно манифестировала в честь Учредительного собрания. Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, и в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же на протяжении всей политической деятельности своей внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного собрания. «Правда» лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была сорганизована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы».

«Правда» лжет — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и, сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта.

«Буржуи», может быть, радовались, когда они видели, как солдаты и Красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но, возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех «буржуев», ибо ведь и среди них есть честные люди, искренне любящие свой народ, свою страну. Одним из них был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверями.

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы. И точно так же, как 9 января 1905 года, люди, не потерявшие совесть и разум, спрашивали стрелявших: «Что вы делаете, идиоты? Ведь это свои идут! Видите — везде красные знамена, и нет ни одного плаката, враждебного рабочему классу, ни одного возгласа, враждебного вам!»

И так же, как царские солдаты — убийцы по приказу, отвечают: «Приказано! Нам приказано стрелять». И так же, как 9 января 1905 г., обыватель, равнодушный ко всему и всегда являющийся только зрителем трагедии жизни, восхищался: «Здорово садят!» И догадливо соображал: «Эдак они скоро друг друга перехлопают!»

Да, скоро. Среди рабочих ходят слухи, что Красная гвардия с завода Эриксона стреляла по рабочим Лесного, а рабочие Эриксона подверглись обстрелу Красной гвардии какой-то другой фабрики. Этих слухов — много. Может быть, они не верны, но это не мешает им действовать на психологию рабочей массы совершенно определенно. Я спрашиваю «народных» комиссаров, среди которых должны же быть порядочные и разумные люди:

Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания республики? Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай все и всё погибают?»

Открытие Учредительного собрания обернулось трагическим фарсом. Ничто из того, что там происходило, не дает возможности назвать его последним памятным бастионом защиты свободы. Лучшую и самую смелую речь произнес лидер меньшевиков Церетели. Однако эта речь была совсем не в духе того революционера Церетели, который клеймил Столыпина во Второй Думе. В ней содержалась критика, она была сказана с большим чувством и все же она была лишь гласом «лояльной оппозиции». И действительно, читая ее, я вспоминал о стиле «либеральной оппозиции Его Императорского Величества (кадетов)» в мирные дни Четвертой Думы. По сути дела, уже в начале ноября меньшевики отказались от идеи вести революционную борьбу против большевистского «правительства рабочих и крестьян».

Что касается выступления председателя Учредительного собрания Виктора Чернова, то, по словам секретаря Собрания и его соратника по партии эсеров Марка Вишняка, в нем звучал язык интернационалистских и социалистических идей с отдельными включениями полутонов демагогии. Казалось, что оратор намеренно ищет общий язык с большевиками и стремится убедить их в чем-то вместо того, чтобы отмежеваться от них и в качестве представителя русской демократии выступить против них. Речь была совсем не такой, какой следовало быть. В ней не было ничего, что могло бы произвести впечатление на кого-нибудь или в какой-то мере соответствовать требованиям исторического момента. Речь изобиловала банальностями и избитыми местами, и произнес ее не Чернов в своем расцвете.

Трудно возложить вину за фиаско Учредительного собрания на Чернова. Он был отважным человеком, и его, как и многих других депутатов, не страшили направленные на них ружья ленинских пьяных, обезумевших от ненависти солдат и матросов. Я полагаю, что очевидный паралич воли, который сыграл 5 января столь важную роль в наступившей катастрофе, имел глубокие психологические корни, которые определяли деятельность самых стойких приверженцев демократии того времени. Прежде всего речь идет о широко укоренившемся страхе начала гражданской войны, которая могла легко вылиться в контрреволюционную войну против демократии в целом. Кроме того, не следует забывать, что в глазах многих людей большевики были всего лишь самым крайним левым крылом социал-демократов. А идея, что «врагов слева» не бывает, имела самое широкое хождение. Среди большинства левых царило убеждение, что люди, по их утверждению выступающие от имени пролетариата, не могут подавить свободу. Считалось, что на это способна лишь «буржуазия», а следовательно, главная угроза исходит не от окопавшихся в Смольном институте большевиков, а от контрреволюционеров, объединявших в те дни свои силы на Дону, на юге России вокруг атамана Каледина.

Если бы небольшевистские социалистические лидеры знали правду о большевистско-германских связях, они бы, без сомнения, действовали совсем по-другому. Но они не поверили «клевете» в адрес руководителя рабочего класса России. Еще одним мощным фактором, работавшим на Ленина, была мистическая вера многих социал-демократов, не говоря уж о кантианцах и христианских идеалистах, в то, что беспредельные страдания и кровопролития «империалистической войны» породят новую эру и «новое поколение людей». Многие видели в Ленине провозвестника такого духовного возрождения. Мне доводилось встречать таких достойных и гуманных людей, как выдающийся эсер Иванов-Разумник, которые искренне верили в это. Борис Пастернак, вращавшийся в эсеровских кругах и тоже близко знакомый с Ивановым-Разумником, в «Докторе Живаго» изложил суть этой веры:

«Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, расшаркивались перед ней и приседали. В том, что это так без страха доведено до конца, есть что-то национально-близкое, издавна знакомое. Что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невиляющей верности фактам Толстого…

— Главное, что гениально? Если вы кому-нибудь задали задачу создать новый мир, начать новое летоисчисление, он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место. Он бы ждал, чтобы сначала кончились старые века, прежде чем он приступит к постройке новых...

А тут, нате пожалуйста. Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу. Оно начато не с начала, а с середины, без наперед подобранных сроков, в первые подвернувшиеся будни, в самый разгар курсирующих по городу трамваев. Это всего гениальнее. Так неуместно и несвоевременно только самое великое»[18].

И не только в России обрек людей на гибель этот трагический, так не вовремя проявленный энтузиазм.

В Финляндии

После роспуска Учредительного собрания обстановка в Петрограде стала невыносимой, и оставаться в городе было бессмысленно. А посему было решено, что, пока она не изменится, мне следует уехать в Финляндию. В те дни Финляндия стояла на пороге гражданской войны. Власть была в руках финской социал-демократической партии, которую поддерживали большевистские солдаты и балтийские матросы. У меня были связи с группой деятелей в Хельсинки, которые всегда были в хороших отношениях с эсерами, но для отъезда туда мне требовалось получить разрешение советских властей. Без особых трудностей мы получили такое разрешение для двух лиц, однако проверка пассажиров на вокзале проходила весьма строго. Поначалу мы подумывали использовать грим, но, по счастью, вовремя представили, как будем выглядеть, попав с мороза в теплое купе. А потому решили рискнуть и ехать безо всяких особых предосторожностей. Сопровождать меня в Хельсинки вызвался отважный и опытный конспиратор В. Фабрикант. Именно отсутствие грима и спасло нам жизнь, ибо иначе в душном жарком вагоне мое лицо превратилось бы в чудовищную маску.

Все шло хорошо, и мы, как это случалось не раз прежде, и не подозревали о грозящих нам опасностях. Линию «красного контроля» на вокзале в Хельсинки мы миновали без особых осложнений. И через какое-то время очутились в маленькой незатейливой квартирке молодого шведа. Там было тихо и покойно, но длилась эта идиллия недолго. На призыв генерала Маннергейма многие молодые люди, независимо от их политических взглядов, бросали работу и вступали в отряды антибольшевистских сил, формировавшиеся на севере страны. Вспоминая всеобщую беспомощность и пассивность образованных людей петроградского общества, а также революционных демократических кругов, я был потрясен тем врожденным чувством ответственности, которое отличало финскую интеллигенцию. Мой хозяин так объяснил кажущееся мирное положение финской столицы: «Скоро я отправляюсь на север, и, по-видимому, тут никого не будет. Но мы приняли необходимые меры. Наши друзья будут ждать вас у города Або неподалеку от Ботнического залива». Там и было мое следующее убежище.

Жил я там в полном комфорте и имел возможность получать исчерпывающую информацию о событиях, происходивших в России и Европе, поскольку хозяин мой — владелец животноводческой фермы, постоянно ездил в Хельсинки и был в курсе всех дел. Мне показалось, что он занимается активной политической деятельностью, и мое предположение получило подтверждение, и самым необычным образом.

Как-то в конце февраля, за несколько недель до того, как немецкие войска 3 апреля пришли на помощь Маннергейму, мой хозяин, застав меня одного, обратился ко мне со словами: «Давайте поговорим откровенно, ладно?» — «Конечно». — «Видите ли, мы ведем переговоры с Берлином о вводе германских войск. Несколько человек из верховного командования Германии прибудут сюда раньше того срока, о котором мы договорились, и остановятся здесь. Это произойдет не завтра, тем не менее нам придется сообщить в Берлин, что вы тут. Не волнуйтесь, ради бога. Я имею полномочия сообщить, что вам гарантирована безопасность и вам не о чем беспокоиться».

«Благодарю вас за гостеприимство, — ответил я, — однако я не могу здесь

более оставаться. И не могу принять защиту, предложенную Германией. Пожалуйста, попросите немедленно приехать сюда госпожу У.[19] Я попрошу ее поехать в Петроград и устроить мое возвращение в Россию».

Без всякого сомнения, хозяин моей квартиры находился в тесной связи с окружением Маннергейма, и он проявил полное понимание моей просьбы: «Не буду с вами спорить и тотчас же пошлю телеграмму госпоже У.». Через какое-то время приехала госпожа У., и я объяснил ей создавшуюся ситуацию. По прошествии нескольких дней она вернулась из Петрограда. «Ваши друзья, — сказала она, — попросили меня отговорить вас от возвращения. В настоящий момент это ничего не даст». «Ну что же, — ответил я. — Тогда я поеду на свой страх и риск. Пожалуйста, организуйте с помощью своих друзей мой отъезд и сообщите, когда я смогу ехать. Время еще есть, но я не могу здесь оставаться. Вы должны меня понять, как понял меня мой хозяин». Она выполнила мою просьбу. Я убежден, что в моем положении так же поступил бы и любой другой человек.

Последний раз в Петрограде

Я сел в поезд 9 марта 1918 года. На этот раз в вагон даже не второго, а третьего класса, набитый пьяными горластыми солдатами. Платформа Финляндского вокзала в Петрограде была в сугробах — снег давно уже никто не убирал. Выходя из вагона с тяжелым чемоданом в руке, я поскользнулся и упал лицом прямо в снег. Ко мне подбежали солдат и матрос и помогли подняться на ноги. Со смехом и шутками они подали мне упавшую шапку и чемодан. «Иди, парень, и гляди в оба!» — крикнули они, пожав на прощание руку.

Носильщиков не было, как не было и извозчиков на вокзальной площади. Трамваи не ходили. С чемоданом в руке я отправился пешком, растворившись в толпе пассажиров с корзинками, баулами или чемоданом, ни у кого не вызывал удивления. Это был наилучший способ остаться незамеченным. А потому ни милиционеру, ни сыщику не пришло бы в голову обратить внимание на бородатого «врага народа № 1», благопристойно шествовавшего с чемоданом по Литейному проспекту.

Не имея ни малейшего представления, куда направиться, я прошел по Литейному, повернул на Бассейную и вышел к 9-й Рождественской. Проделав столь длинный путь, я не чувствовал усталости, пока не подошел к дому, где проживала моя теща. По счастию, улица была безлюдна, а прислуги не было дома. И все же оставаться так близко от места, где некогда помещалась наша фракция в Думе и где меня хорошо знали в лицо, было весьма рискованно. Поэтому было решено, что ночью я укроюсь в доме на дальней стороне Васильевского острова.

Там я и прожил довольно долго в квартире женщины-врача, муж которой, тоже врач, служил в армии. Без малейших колебаний она предоставила мне убежище, отдавая себе отчет, какой опасности подвергает свою жизнь. И подобно чете старых Болотовых в лесном домике, проявляла обо мне трогательную заботу. Ни разу за все время она и виду не подала, что понимает, какому подвергается риску. Уходила она из дома ранним утром, и до позднего вечера я был в квартире в полном одиночестве.

Не припомню обстоятельств, при которых в мои руки попала запись моих показаний в Чрезвычайной комиссии по расследованию корниловского дела. Не использовать эту неожиданную возможность написать правду об этом деле было выше моих сил. Сегодня эту правду признают сами участники дела (см. гл. 24), но в то время она не была известна ни широкой общественности, ни в политических кругах. Читая свои собственные показания, вновь вернувшись к событиям того времени, я смог воссоздать подлинную картину всего дела и пролить новый свет на некоторые его аспекты. Летом 1918 г. моя книга «Дело Корнилова» появилась в Москве.

Я поставил своей целью не только отмежеваться от предателя Корнилова, но и выбить из рук большевистских пропагандистов то разрушительное оружие, с помощью которого было расколото единство демократических сил.

Однажды, работая над рукописью и пытаясь воссоздать атмосферу прошлого лета, когда, казалось, еще не были утрачены надежды на новую и лучшую жизнь,

я вдруг услышал с улицы звуки военного оркестра и нестройный гул голосов. Я подошел к окну и стал свидетелем весьма жалкого зрелища. По улице двигалась жиденькая толпа угрюмых людей, «отмечавших» день Первомая. Над головами рабочих реяли знамена, однако в самой демонстрации не чувствовалось истинной праздничности. Ничто не говорило о радости победы пролетариата. И на память мне пришел день 18 апреля (1 мая) 1917 года. «Капиталистическое правительство» объявило его национальным праздником. Не работали все заводы, фабрики, правительственные учреждения и магазины. На улицы вышли тысячи рабочих, солдат, служащих, людей самых различных профессий, несших над головами флаги и поющих под звуки оркестров русскую «Марсельезу». По всему городу шли многочисленные митинги: то был действительно большой и радостный праздник.

Перед самым моим возвращением из Финляндии Совет народных комиссаров принял решение перебраться в Кремль (9 марта 1918 г.). Вслед за правительством в Москву переехали все центральные политические комитеты, профсоюзы, руководящие органы крестьянских и других организаций. Петроград опустел, политически умер.

Переслав моим московским друзьям рукопись завершеной книги, я почувствовал, что оставаться долее в опустевшем Петрограде совершенно бессмысленно. К тому же, находясь на нелегальном положении, нельзя слишком долго жить в одном и том же месте.

Пока я тихо и спокойно жил в Петрограде, в России начиналась ожесточенная гражданская война. Зимой 1917—1918 гг. завязались бои между донскими казаками и войсками Добровольческой армии, с одной стороны, и частями Красной Армии — с другой. По условиям Брест-Литовского мирного договора германские войска оккупировали Балтийские государства и Украину. Рука большевиков пока еще не дотянулась до Сибири. По всей стране стали обычным явлением крестьянские бунты. Члены распущенного Учредительного собрания провели нелегальную встречу в Самаре, поставив перед собой цель — свергнуть местную советскую власть, сформировать Комитет Учредительного собрания и развернуть вооруженную борьбу против узурпаторов.

Я решил отправиться в Москву и связаться со своими друзьями, имея в виду в дальнейшем прорваться через большевистские заслоны и перебраться на Восток — на Волгу или в Сибирь. На организацию отъезда в Москву много времени не потребовалось.

Москва

На Николаевском вокзале в ожидании ночного поезда на Москву нас оказалось трое. Меня сопровождали мой друг В. Фабрикант и крупный чиновник Министерства сельского хозяйства, которого ранее я никогда не встречал. Нас обещали устроить в отдельном купе. Однако, сев в поезд, мы застали в заказанном для нас купе постороннего человека, на вид весьма респектабельного. Незнакомец не принимал участия в нашем разговоре, а сразу же забрался на верхнюю полку и вскоре захрапел. Мы же трое остались сидеть на нижних полках, обсуждая события, происшедшие в Министерстве сельского хозяйства за минувшие лето и осень. Войдя в раж, мы заговорили в полный голос. И лишь глубокой ночью мы вдруг вспомнили, что с нами в купе находится четвертый спутник. Сверху не доносилось ни звука. Успокоившись, мы расположились на полках и тут же заснули.

Проснулись мы, когда уже рассвело и поезд приближался к Москве. Верхняя полка была пуста. Это весьма и весьма обеспокоило нас, хотя, быть может, подозрения наши и были напрасны. Но на всякий случай мы с Фабрикантом решили спрыгнуть с поезда, когда он замедлит ход при подъезде к городу, а наш третий спутник должен был продолжить путь вместе с нашим багажом. Довольно много времени мы потратили на то, чтобы добраться от окраин до центра Москвы. После заброшенного Петрограда улицы Москвы казались особенно оживленными и многолюдными. Трудно было поверить, что за нами нет слежки. И если наши подозрения справедливы и наш случайный попутчик уже донес на нас, то в это время на вокзале нас должны поджидать агенты секретной полиции.

Мы бродили по улицам с самым непринужденным видом, стремясь не привлекать к себе внимания. Один раз мы даже замешались в кучку прохожих, читавших крайне интересное объявление о выходе в свет первого номера новой политической газеты «Возрождение», которая появится 1 июня. Среди издателей и сотрудников газеты было немало знакомых фамилий. Большинство из них принадлежало к так называемому правому крылу партии эсеров. В объявлении сообщалось также, что в «Возрождении» «будут опубликованы мемуары А. Ф. Керенского». Весть о том, что моя рукопись получена своевременно и будет напечатана, облегчила мою душу.

Не знаю отчего — быть может потому, что свои краткие прогулки в Петрограде я совершал лишь по ночам, а тут иду по улице прекрасным весенним утром, а быть может, из-за бодрящего московского воздуха, — но в то чудесное утро чувство постоянной тревоги внезапно покинуло меня. Напряжение ушло, я был полон надежд. Мы добрались наконец до места назначения — квартиры Е. А. Нелидовой где-то в районе Арбата у Смоленского рынка. Хотя до этого мы с ней никогда не встречались, Нелидова приняла нас как старых друзей.

После завтрака Нелидова и Фабрикант разработали для меня распорядок дня, определили «приемные часы» и проявили готовность установить все необходимые связи. И хотя дело, которым нам предстояло заняться, было очень и очень серьезным, разговор шел в самой непринужденной манере, будто обсуждали мы детали светской жизни. Я не удержался и спросил Нелидову, не боится ли она так рисковать. Ее ответ в какой-то мере объяснил мне и те изменения, которые произошли в моем настроении. Видимо, жизнь в Москве вышла из рутинных берегов. Завершив переезд в Кремль, Советское правительство все еще находилось в стадии реорганизации. Пользующаяся дурной славой Лубянская тюрьма не стала пока составной частью системы, и делами ее занимались отнюдь не профессионалы. И хотя аресты, обыски и расстрелы стали повседневным явлением, все это было плохо организовано и носило случайный характер.

Свою лепту в усиление неразберихи в Москве вносили немцы. Чека Дзержинского работала в тесном сотрудничестве с соответствующей германской службой, и действия их постоянно координировались. Ленин воцарился в Кремле, а германский посол барон фон Мирбах занял в Денежном переулке особняк, который круглые сутки охраняли немецкие солдаты. Средний обыватель был в полной уверенности, что именно Мирбах контролирует пролетарский режим. Любые жалобы на действия Кремля адресовались только ему, и даже монархисты всех мастей искали защиты у Мирбаха. Берлин придерживался мудрой линии поведения: оказывая кремлевским руководителям финансовую помощь, он одновременно обхаживал самых крайних монархистов на случай, если большевики потеряют их «доверие».

Монархистов также всячески поощряли в Киеве, где по воле германского кайзера гетманом независимой Украины стал бывший генерал Скоропадский. При каждом удобном случае Скоропадский, находившийся под эгидой германского верховного комиссара, демонстрировал свои высочайшие симпатии к монархии.

Свой вклад в создавшийся хаос вносили и центральные комитеты наиболее влиятельных антибольшевистских и антигерманских социалистических, либеральных и консервативных партий, которые занимались своей деятельностью под самым носом кремлевских правителей. Лидеры всех этих организаций регулярно встречались с различными представителями союзников России, и дипломатический ранг этих представителей зависел от того, насколько ценилась «союзниками» та или иная организация. Конечно же, все эти организации вели свою деятельность нелегально. Это было несложно, принимая во внимание неэффективность системы тогдашней Чека. А потому даже те люди, которых разыскивали большевики, включая и меня, могли негласно встречаться.

Вряд ли, однако, стоит говорить о том, как много всякого рода авантюристов и агентов внедрилось во все эти бесчисленные комитеты, организации и «представительства». Этому политическому хаосу положили конец печально известные мятеж левых эсеров, убийство барона фон Мирбаха и неудачная попытка покушения на жизнь Ленина, повлекшая за собой бесчеловечную расправу над тысячами заложников. Однако всему этому еще предстояло свершиться.

В те времена в Москве можно было достаточно свободно заниматься нелегальной деятельностью; организация встреч в доме Нелидовой или моих посещений негласных собраний проходила легко. Сейчас мне трудно поверить, что «бабушка русской революции», как ее именовали, Екатерина Брешко-Брешковская, злейший

враг Кремля, совершенно безнаказанно приходила повидаться со мной. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома барона Мирбаха.

Я рассказал Брешко-Брешковской, что привело меня в Москву, и поделился своими планами уехать на Волгу. Она спокойно возразила: «Они не пустят Вас». Под словом «они» она подразумевала членов Центрального комитета партии эсеров, с которыми она разошлась во мнениях относительно меня. Она была прекрасно осведомлена о настроениях в левых кругах и подробно рассказала мне о внутреннем разброде, нестабильности и хаотическом состоянии их дел.

Не помню точно, когда состоялся этот наш разговор, но уверен, что он произошел после встречи с Борисом Флеккелем, моим молодым петроградским соратником, умным и преданным. Он тоже намеревался отправиться на Волгу, и ему весьма импонировала мысль ехать туда вместе со мной. Он приступил к необходимым по этому вопросу переговорам, однако спустя несколько дней пришел ко мне удрученный и подавленный. Сказал только, что имеются «трудности». Судя по всему, кому-то из партийных лидеров мои намерения пришлись не по душе. Вскоре я узнал и о причинах их недовольства моими планами отправиться на Волгу.

Именно в это время решением важных политических проблем занялся «Союз возрождения России». О существовании такой организации я узнал еще в Петрограде, однако о работе ее и целях имел самое смутное представление. После Октябрьской революции и Брест-Литовского мира все главные политические партии раскололись на многочисленные фракции, часто весьма враждебные друг другу. «Союз возрождения России» не был обычной коалицией демократических и социалистических партий, а был организацией sui generis[20]. Часть ее членов принадлежала к партии народных социалистов, другие — к эсерам, кадетам, плехановской группе «Единство», к кооператорам и т. д. Их объединяло общее отношение к основной проблеме и стремление к конкретным действиям во имя ее решения.

Они считали необходимым создать правительство национального единства на самой широкой основе и восстановить в сотрудничестве с западными союзниками России фронт боевых действий против Германии. За восстановление такого фронта выступали не только политические сторонники Союза, но и те партии, к которым принадлежали члены этой организации. Такая же тенденция проявлялась и в деятельности «Национального центра», в который наряду с кадетами входили представители умеренных и консервативных групп, не признавшие Брест-Литовского мира и готовые ради достижения общей цели сотрудничать с «Союзом». «Национальный центр» поддерживал самые тесные связи с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина.

Я был страстным сторонником приемлемого правительства национального единства и активного сотрудничества с союзниками с учетом создавшихся условий и был уверен, что деятельность «Союза возрождения России» имеет жизненно важное значение для нации. Я никоим образом не был намерен вмешиваться в деятельность «Союза» или содействовать росту разногласий между двумя патриотическими организациями, у которых и без того было немало идеологических трудностей. Для меня было очевидно: после всех чудовищных потрясений обе стороны преодолеют предубеждения и недоверие, объединившись во имя любви к народу и ради выполнения своего долга перед отечеством, а такие люди, как генерал Алексеев, народный социалист Чайковский, кадет Астров, эсер Авксентьев и другие, восстановят реальную государственную власть на основе принципов духовной и политической свободы, равенства и социальной справедливости, провозглашенных Февральской революцией.

Исходя из этих соображений, я принял предложение «Союза возрождения России» отправиться за границу для переговоров с союзниками на условиях, изложенных Союзом. Впоследствии термин «интервенция», используемый для обозначения военных условий Союза, дал повод для неправильного его истолкования. В иностранных и даже в некоторых русских кругах он трактовался как призыв к «вмешательству во внутренние дела России». Однако, согласно пункту 3 этих условий, такое вмешательство исключалось. На деле это был призыв к союзникам продолжить войну на Русском фронте на основе равноправного партнерства.

В свое время по просьбе Франции русские войска под командованием генерала Лохвицкого были отправлены на Западный фронт, и никому не пришло в голову назвать это вмешательством России в дела Франции. Не секрет, что фронт у Салоников был, по сути дела, укомплектован воинскими подразделениями всех стран-союзников, включая Россию. И если уж требуются дальнейшие пояснения, то следует напомнить, что захваченные Австро-Венгрией и Германией военнопленные были направлены по решению Берлина и Вены для оказания всей возможной помощи большевикам в их борьбе против Добровольческой армии на юге и вооруженных сил Учредительного собрания на Волге и Урале. Именно эти иностранные батальоны несут ответственность за репрессии и расправы, именно они сыграли важную роль в развитии событий в Москве. Вот о чем не следует забывать, говоря об обращении к союзникам руководителей «Союза», которые, воскресив в памяти вклад России в победу, выступили представителями той России, которая не признала Брест-Литовский мир.

Перед моим отъездом за границу были предприняты все необходимые меры для сохранения связей с Москвой. Отъезд был назначен на конец мая через Мурманск, где стояли английские и французские корабли, охранявшие в порту огромные склады с военным и другим снаряжением. Ехать на этот раз мне пришлось в так называемом экстерриториальном поезде, предоставленном для репатриации сербских офицеров. Формированием таких поездов занимался глава всех операций по репатриации полковник Иованович (серб), который по просьбе моих друзей безо всяких колебаний выправил для меня документы на имя сербского капитана. Английскую визу проставил английский генеральный консул в Москве Роберт Брюс Локкарт, который оставался там в качестве специального эмиссара после отъезда из столицы союзнических послов. Локкарт выдал визу, даже не обратившись за разрешением в Лондон. Много позднее он сказал мне, что был вынужден взять на себя всю ответственность, ибо был уверен, что министерство иностранных дел Англии отклонит мое обращение за визой.

Завершив все приготовления к отъезду, я в последний раз встретился со своими московскими друзьями и соратниками.

Отъезд в Лондон

В день отъезда мы с Фабрикантом засветло приехали на Ярославский вокзал. Без особых затруднений мы встретились с двумя сербскими офицерами в военной форме, которые проводили нас на нужную нам платформу, где мы смешались с толпой пассажиров. Поезд был набит до отказа, однако нам предоставили места в купе второго класса, судя по всему, предназначенного для офицеров. Путешествие казалось бесконечным. На однопутной мурманской ветке было огромное число разъездов. По непонятной причине мы часами стояли на узловых станциях. Казалось, состав едва двигается.

Но мы не сетовали на судьбу. В конце концов торопиться было некуда, а впереди нас ждала упоительно-прекрасная северная весна. Мы радовались длительным ночным стоянкам, когда поезд останавливался прямо посреди густого леса. Это напоминало мне о белых ночах в Петрограде. Но природа тут казалась более таинственной: особую прелесть придавал ей какой-то особый северный покой и белизна ночей. Прошлого словно и не существовало, и не хотелось ни говорить, ни думать о будущем. Мы ощущали полную гармонию с естественной красотой окружающей нас природы, какое-то единение с загадочными лесами.

Не помню, сколько длилось наше путешествие, должно быть, около десяти дней. В конце концов мы добрались до Мурманска, в те дни грязного и заброшенного. Все пассажиры сразу же отправились в порт, занятый союзными войсками, хотя сам город подчинялся советской власти, и вначале нам необходимо было пройти проверку на советском контрольно-пропускном пункте. Советские солдаты едва заглянули в наши документы. Затем мы отдали документы офицеру союзнических войск, который сверил наши имена со своим списком. Нас со спутником встретили два офицера французского флота, которые препроводили нас на борт крейсера «Генерал Об». Там сербский офицер передал командиру корабля наши подлинные документы с визами. Во время нашего путешествия по железной дороге они находились у начальника «экстерриториального» поезда. Покидая родную землю, я и подумать не мог, что никогда более не увижу ее, все мысли мои были обращены в будущее.

Французская команда встретила нас очень сердечно. Мы наслаждались совершенно необычным для нас состоянием полного покоя. Больше не надо было быть постоянно начеку. «Наверное, вы хотите отдохнуть?» — сросил меня один из офицеров. «Благодарю, нет. Предпочитаю пойти к парикмахеру». — «Зачем?» — «Я донельзя устал от своего маскарада. Хочу быть снова самим собой». Раздался взрыв хохота. Через несколько минут я уже был в руках искусного парикмахера, и вскоре мои лохмы и борода усыпали весь пол.

На борту корабля мы провели три незабываемых дня. Фабрикант провел долгие годы в эмиграции и совсем недавно вернулся в Россию из Парижа, где теперь его ждала семья. Его французский был безупречен, а сам он был великолепным causeur[21] и немало потешал офицеров описанием наших приключений и событий в России. Двумя днями позже на борту корабля появился английский офицер, и нас пригласили в каюту капитана. Там мы узнали, что все формальности, связанные с приездом в Англию, выполнены и завтра мы покинем Мурманск на борту небольшого тральщика. На следующее утро к крейсеру пришвартовался тральщик, казавшийся игрушечной лодкой, и мы с трудом могли представить себе наше путешествие по водам Северного Ледовитого океана. На борту крошечного судна капитан представил нас всем 15 членам команды, которые проявили большой интерес к необычным пассажирам.

Воды Северного Ледовитого океана кишели германскими подводными лодками, и для защиты от их нападения на судне была установлена маленькая пушчонка. Капитан занимал единственную на судне отдельную каюту, которая находилась непосредственно под капитанским мостиком. И вот теперь он предложил ее мне, а сам вместе с Фабрикантом перебрался в носовой кубрик.

Мы прекрасно провели время на этом утлом суденышке и были с капитаном и командой в наилучших отношениях, хотя не знали ни слова по-английски. Погода стояла мягкая и ясная. Нас немало удивил покой на просторах Северного Ледовитого океана. Прозрачные полярные ночи оказывали на нас какое-то странное воздействие, мешая уснуть, и мы часами сидели на палубе, любуясь небом и водой. Как-то в полдень Фабрикант сообщил мне, что барометр падает. Это предвещало шторм. Конечно же, в шторме, трепавшем нас подряд 48 часов, не было ничего необычного, но в мою душу он явно привнес какое-то облегчение.

В одну из бессонных полярных ночей, за неделю до этого шторма, я мыслями вернулся к 1916 году. После многочисленных выступлений на собраниях и митингах в Саратове, на которых я рассказывал о сложившемся политическом положении, я возвращался в Петроград на одном из волжских пароходов. Стоял ясный спокойный осенний день, и я прохаживался по палубе, наслаждаясь свежим воздухом, забыв обо всех своих политических заботах и отдавшись на волю чувств, которые всегда пробуждала во мне Волга. В памяти вновь возникли счастливые дни моего детства в Симбирске, и желание бросить все и снова, как тогда, забраться на вершину холма было почти непреодолимым. Только бы снова увидеть ее и снова, как и в бытность мальчишкой, задохнуться от радости. Весь во власти этой тоски по прошлому, я вдруг ощутил в душе зловещее предчувствие, что мне уже никогда более не увидеть моей родной Волги. С огромным трудом подавил я этот необъяснимый страх, казавшийся тогда абсолютно безосновательным.

И вот этой бессонной ночью на борту судна снова вернулось в душу то ощущение и снова появилось зловещее предчувствие, что я уже никогда не увижу ни Волги, ни Симбирска, никогда не ступлю на русскую землю. Эта мысль была непереносима, но она овладела сознанием столь властно, что я впал в состояние полного отчаяния. Снять с души этот кошмар, прогнать черные мысли и обрести покой можно было, лишь пережив потрясение, и оно пришло ко мне в виде шторма. Чем сильнее бушевали волны, чем мощнее гремела стихия, тем легче было забыть слово «навсегда» и убедить себя, что я только выполняю особую миссию, которая завершится после капитуляции Германии.

Когда рассеялись страхи, вернулась и способность к осознанию своего предназначения. Не обращая более внимания на шторм, я стал готовиться к встрече с руководителями Англии и Франции. Я, конечно, знал, как относятся они к Временному правительству и ко мне лично. Но это ни в коей мере не тревожило меня. Меня делегировала Россия, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача состояла в том, чтобы немедленно заручиться военной помощью союзников для восстановления Русского фронта и тем самым обеспечить России место среди союзных стран на предстоящих мирных переговорах.

Ко мне вернулось внутреннее состояние оптимизма. Я пришел к выводу, что неудачи последнего, решающего сражения с врагом объясняются лишь злой волей, которую проявили западные союзники в отношении России.

Через два дня шторм постепенно утих. И хотя он изрядно потрепал нас, мы пребывали в наилучшем расположении духа. Еще через несколько дней показались Оркнейские острова, одна из главных баз английских военно-морских сил, и вскоре мы бросили якорь в шотландском порту Тюрсо. Там я впервые в жизни ступил на нерусскую землю. Ночь мы провели в этом мирном городке, которого, казалось, почти не коснулась война.

Вечером следующего дня мы сели в поезд, и утром 20 июня 1918 г. я приехал в Лондон. Начинался новый этап моей жизни, который, как я думал, будет очень кратким и который длится по сей день.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Красный матрос, который после Октябрьской революции сделал быструю карьеру, став командующим Красной армии в Туркестане, в 1937 году был, как и Тухачевский, казнен.
2. После второй мировой войны союзники выдали Сталину генерала Краснова, и он был казнен в Москве.
3. Дело народа, 5.XI. 1917.
4. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 12.
5. Известия, 27.X. 1917.
6. Дело народа, 9.XI. 1917.
7. Дело народа, 10.XI. 1917 (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 79—80. — *Прим. ред.).*
8. Дело народа, 10.XI. 1917 (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 82. — *Прим. ред.).*
9. Грегорианский календарь, предусматривавший «новый стиль», был введен 14 февраля 1918 года.
10. Так у автора. В «Правде» («Рабочем пути») такого призыва не было. — *Прим. ред.*
11. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 164—166.
12. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 243—252.
13. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 251.
14. Так у автора. — *Прим. ред.*
15. Я довольно часто высказывал эту точку зрения тем людям, с которыми встречался, находясь в подполье.
16. По чисто личным соображениям, я даже сейчас не могу раскрывать суть этого плана.
17. Новая жизнь, 9(22). I. 1918.
18. ПАСТЕРНАК Б. Доктор Живаго. М. 1989, с. 227.
19. Госпожа У. была дочерью отставного финского полковника русской армии. Она была активным членом Христианской ассоциации женской молодежи и часто ездила в Петроград. Одновременно она была моим курьером.
20. Своеобразной (лат.). — *Прим. ред.*
21. Рассказчик (фр.). — *Прим. ред.*

Мои заметки

Ю. В. Готье

1918 год

1 января. Ни визитов, ни газет с бюрократическими радостями. Вчера новые слухи об уничтожении всех государственных займов, наследств и т. д.[1]. Все обеспокоены и все в это не верят или делают вид, что не верят. Видимо, кроме того, что за взятку при современном режиме можно сделать все, русская нечестность проявляется со стороны торжествующей хамократии вовсю. Встретили новый год в Мертвом переулке, где и ночевали. Сейчас возвращался домой и на заборе, на бумаге одного из заборных декретов, прочел начертанную «народною» рукой следующую надпись: «Что ни час, то совет. Что ни день, то декрет. А хлеба все нет». Vox populi, vox Dei[2].

А все-таки — все гибнет, и все покорится еще более торжествующему немцу: не даром знаменитые русские дипломаты Троцкий и К° «приняли ультиматум» и продолжают продавать в Бресте остатки России оптом и в розницу[3]. Да отчего им и не продавать: ведь в России нет ни людей, ни народа. Где хоть один человек, выдвинутый революцией? Даже те посредственности, которые были в старое время, — и те все исчезли; с-рская Керениада не дала ни одного человека; большевизм — тем менее. Более чем когда-либо, «народ-богоносец» — это панургово стадо, бросающееся в море[4]. Нет спасения тем, кто сам себя погубил.

Вчера Вилькены рассказывали о поездке Жоржа[5] из Владивостока в Москву: порядок только в Маньчжурии[6], которую охраняют китайцы; в русских пределах их девять раз обыскивали; в Перми едва не расстреляли поезда, потому что некий комиссар, реквизировавший у ресторанного повара 2800 рублей, разозлился на протестовавшую публику и хотел было расстрелять поезд с помощью милиции и красной гвардии; наконец, раз у них украли паровоз какие-то солдаты для своего «воинского» поезда. Где же выход из этого бедлама?

4 января. Опять слухи об уничтожении государственных займов, что повлечет за собою обнищание людей, не способных к работе или отвыкших от нее, но большей частью людей скорее цивилизованных; «буржуазия» дала более всего займа свободы[7], теперь она должна платиться и за то, что у нее были кое-какие деньги, и за то, что у нее были все же кое-какие зародыши сознательного патриотизма. Какова будет участь всех, кто свое состояние поместил в так называемых спокойных бумагах?[8] Надо думать, что все это опять-таки временные явления, но каков

П р о д о л ж е н и е. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—8.

будет поворот, который нас потянет вон из бездны, в которую мы падаем все ниже; и каковы будут наши остатки в тот момент, когда придет этот поворот? А наряду с этим постоянные настойчивые слухи о скупке русского достояния: англичане, американцы, немцы скупают земли, заводы, банки, и когда Россия избавится от большевистского кошмара, она очутится во власти иностранцев.

Все эти дни я был занят выуживанием вещей из стального ящика; пока что не удалось; сомневаюсь, чтобы вообще удалось и впредь; но это дало мне возможность посетить банк — нет ничего ужаснее пустого покинутого банка, в котором хозяйничают бывшие солдаты. В Музее выдали квартирные; даже удивительно; пока придирок никаких.

В Бресте немцы отодрали наших «делегатов» за воззвание товарища Крыленко и воспользовались им, чтобы быть с Россией еще более жестокими, а товарищи бывшие солдаты так и валят домой. Глупость русского народа, самая отъявленная неприкрытая глупость, которой пользуются изменники и негодяи, — вот то, что в действительности оказалось на месте пресловутого здравого смысла русского народа.

Сегодня опять не вышли газеты. Товарищи их арестовали, из-за завтрашнего дня: в Москве на заборах и стенах висят рядом приказ Совета рабочих депутатов, запрещающий демонстрации 5-го за всенародный кабак, и прокламация, призывающая всех на улицу в этот день[9]; ждут пальбы. Что будет на самом деле? И если кровь прольется, то за что она прольется: за химеру, за отвлеченное понятие Учредительного Собрания, за утопию, выдуманную русскими доктринерами.

5 [января]. Несмотря на демонстрацию, которая состоялась, весь день не принес мне никаких новых впечатлений. Я весь день сидел дома, много занимался, и как будто вне дома ничего не было. Говорят, что сегодня в Петербурге могло что-нибудь произойти. Я в это не особенно верю и не знаю даже, нужно ли этого желать, ибо возвращение господства с.-р. и царство всенародного кабака не есть выход из положения.

6 [января]. Всенародный кабак открыли вчера; президент Чернов; большевики уже на первом заседании покинули залу, так что конфликт, вероятно, неизбежен. Говорят, что с.-р. решили не выходить из Таврического дворца и не решать вопроса «о власти», а заниматься проведением законов, которыми можно будет подкупить любовь народа, и тогда свергнуть большевиков — это «законы» «о мире», «о земле» и т. п. Борьба начнется, вероятно, с разгона кабака и с провозглашения съезда советов учредительным собранием[10]. Говорят, что с.-р. в случае своей победы хотят провозгласить президиум русской республики из Гоца, Минора и Авксентьева[11], а министерство поручить Рудневу. Вот скорбные главы!

О вчерашнем дне в Москве пока не удалось толком узнать. По-видимому, была стрельба, были убитые и раненые, но каково было общее настроение и каковы числа жертв, не знаю[12].

Завтракал у Савина в обществе Богословского, Егорова, Котляревского, Н. В. Сперанского и др.; много говорили все о том же; выхода, кажется, никто не видит; говорили об Университете, положение которого экономическое столь же безнадежно, как и положение России. Что нас ждет в ближайшие дни: как отзовутся на Университете последующие взрывы и столкновения? Ясно, что в сумерках русской культуры не сдобровать и ее рассадникам.

7 [января]. Сегодняшний день — под знаком убийства Кокошкина и Шингарева[13]. Их убили больных в больнице. Кажется, в этом сомневаться не приходится, и это в то время, когда выпускают на свободу Белецких, Курловых[14] и т. п. В чем тут дело? Вечером циркулировали еще более страшные слухи о новых убийствах и о бое в Петербурге, но это еще требует проверки.

8 [января]. Убийство Кокошкина и Шингарева, увы, подтвердилось; остальные слухи об убийствах — нет. Бедный всенародный кабак распущен после суток существования; да и зачем было существовать этому кабаку, когда вся Россия — кабак в прямом и переносном смысле. Грустные вести из Заграньея. 28 декабря пьяные граждане Запрудья ворвались к нам в дом и унесли два ружья [далее зачеркнуто: Влад. Влад.] брата. Начало положено; остальное пойдет по проторенной тропе. Грустно, хотя я и ожидал этого; грустно, что не придется жить в русской деревне, что Володю не придется воспитать на родной природе.

Завтра ждут большевической манифестации, запасаются провизией, ожидая

нового московского осадного сиденья[15]. Как трагично умер Кокошкин: погиб в день существования того самого учредительного собрания, закон о котором писал[16], и это символ погибшей России и неудачи ее революции. Забастовка банков продолжается[17]; начинает портиться городской водопровод — быть может, это последствие забастовки инженеров?

Грустью веяло от рассуждений профессоров на совете; в клиниках решили принять пожертвование от раненых или от кого-то стоящего за ними (большевическая управа?) для поддержания на некоторое время госпиталя; от Екатерининской больницы — отступились вовсе; большевическое правительство решили игнорировать, т. е. не переписываться с ним; это, пожалуй, и верно, потому что, если оно укрепится, оно все равно университеты погубит, но все же разговоры о том, писать или не писать бумаги Луначарскому — это сплошное показывание кукиша в кармане.

9 [января]. Сейчас вечер, и, кажется, демонстрация большевиков сошла более или менее благополучно; однако эпизоды с пальбой были, и один из них имел даже последствия для меня: сегодня я был впервые обыскан. Утром мы заходили к В. Е. Кокошкиной; Владимир Федорович уехал в Петербург; затем был я на панихиде по убиенным, а вышедши оттуда, видел шествие замоскворецких демонстрантов.

Красная гвардия ужасает своим видом; толпа рабочих обычного типа, лица без веселья, шествуют по команде, кричали кому-то ура, тоже по команде — красные флаги, как всегда, с надписями, которые встречались весною уже; очень много подростков, очевидно, совсем развращенных — словом, ничего особенного; так все и должно быть в русском социал-хулиганстве; когда я подходил оттуда домой, началась перестрелка; оказалось, что дело было на Моховой, против доходного дома Музея; по рассказу Никитюка[18], которого я встретил час спустя, первый выстрел раздался неизвестно откуда, а потом эта шатия начала валять друг в друга, причем, по его словам, оказалось до 100 убитых и раненых.

В 2 часа я проводил дядю Эдуарда от нас до Воздвиженки и, идя назад по Ваганьковскому [переулку], был остановлен двумя красногвардейскими товарищами и обыскан, впрочем, вежливо; дойдя далее до ворот Музея, я встретил Никитюка, который сообщил мне, что писано выше. От сегодняшней демонстрации, вчерашних писем из Загранья и убийства Кокошкина и Шингарева сегодня опять на сердце скребут кошки; чувствуется, что все идет с каждым днем хуже; а выход в будущем разве только немецкий принц, посаженный при помощи немцев же, um die russischen Schweine zu frischen[19].

Вечером читал опять Кюстина и, право, нахожу, что это захаянное сказание иностранца содержит много правды: например (IV, 72), La Russie, puissante chez elle, redoutable tant qu'elle ne littera qu'avec des populations asiatiques, se brisera contre l'Europe[20]; ведь это целое пророчество.

10 [января]. По проверке оказалось, что на Моховой было трое убитых, а может, и всего трое убитых и раненых; характерно, что демонстранты в панике высадили зеркальную раму в доме Красильщиковой против Румянцевского Музея и спасались в этот дом от выстрелов. За день мало впечатлений и известий.

11 [января]. Сегодня — новая напасть: от Союза служащих государственных учреждений явилось предложение получить жалованье за 3 месяца вперед и забастовать вместе со всеми учреждениями; всеобщая забастовка ожидается на днях; я стою на той точке зрения, что мы (Румянцевский Музей) — учреждение, которое должно хранить и которое ни в каком случае не должно принимать участие в политике.

По словам Нины, панихида в Храме Спасителя по Шингареве и Кокошкине была очень величественна и многолюдна. В остальном день не принес ничего нового; все то же беспросветное состояние, без всякой надежды впереди, среди всеобщего разложения и гибели; я уверен, что большевики продержатся очень долго, потому что их некому сменить, за исключением разве иностранцев, которым до этого надо между собой помириться.

13 [января]. Вчера грустная, печальная Татьяна[21]; такой еще никогда не бывало; был в Университетской церкви с таким чувством, что в последний раз, может быть; затем сидел на совещании профессоров, где с грустью и кислотой говорили все о том же: о новых захватах клинических служителей, об отношении к большевикам, о грустной будущности бедного Университета; чувствовалось, что все мы какие-то обреченные.

В Музее своя тревога; с одной стороны, опять обсуждали вопрос о забастовке, хотя все в общем стоят на моей точке зрения, что мы не должны участвовать в борьбе партий; с другой, надо просить денег и охраны у большевиков, а главное, зажать рты хамам и акулам служителям; сегодня выяснилось (из свидания князя Голицына с г. Малиновским), что большевики готовят прибавки хамам, а может и вольно-трудящимся, но тогда наши нештатные дамы заволновались, могут ли они принять прибавки от большевиков. Вопрос будет обсуждаться на дамском вече.

В общих делах все ужаснее и ужаснее — гражданская война на юге против Украйны привела к провозглашению самостоятельности последней и к сепаратному договору Украйны с немцами[22] и, наконец, к открытому заявлению немцев, что они не очистят русских земель, потому что население занятых ими областей не желает испытывать благодеяний русской революции. Так русское столпотворение приводит к осуществлению всех германских затей на востоке.

14 [января]. Русская революция имеет одну неотъемлемо свойственную ей черту — глупость, доведенную до крайних пределов; в ней все было глупо — от образования первого временного правительства, висевшего на воздухе, до большевических переговоров о мире; а вторая черта — это подражание глупости других; что бы и где бы ни выкинули, сейчас же всякая глупость находит подражателей, и волна подражательной глупости докатывается до полного конечного абсурда.

15 [января]. День без газет и с малым количеством слухов; тем не менее, настроение самое тягостное; видел В. Ф. Кокошкина; этот жизнерадостный человек совершенно угнетен и убит; да, по правде, и есть от чего; его впечатления от Петрограда: там все еще более подавлены, чем в Москве; настроение рисуется еще более беспросветным, нежели здесь. Черные, с А. А. Вырубовой[23] во главе, играют какую-то роль, но какую — ему это не ясно. О том, что эти силы что-то делают, я получал сведения в эти дни и из других источников. Однако, насколько все эти силы, и эти и другие, организованы? Не проще ли думать, что все идет стихийно, без плана, с полным отсутствием какой бы то ни было организации, как все в России?

17 [января]. Объявление самостоятельности Украины есть апофеоз глупости русского племени и австро-германского умения не мытьем, так катанием добить этот глупый и несчастный народ; это — дальнейший шаг русской диссолюции. А если стать на их точку зрения, то, может быть, они и правы; ибо лучше стать рабом цивилизованных немцев, нежели рабом невежественных большевиков. Товарищи уехали в Брест за похабным миром[24]. Вчера впервые был в кинематографической конторе и немножко в ней забылся от всего ужаса, который меня давит и угнетает.

18 [января]. Сегодня у меня сложилось твердое убеждение, что большевики останутся у власти очень долго; на это указывает уступка банковских служащих, которые становятся на работу, уступая большевикам; лопнула забастовка служащих по ведомству финансов, сдаются городские учителя, колеблются казаки[25]; сегодня я слышал от бывших людей мнение, что война большевизма должна пройти чрез всю Россию, и только из пепла ее что-то, может быть, возродится. Начал читать лекции на Высших Женских Курсах; слушательниц мало, но все те же; спрашиваешь себя, зачем это все?

19[января]. Сегодня большевицкий комиссар «имуществ республики» архитектор Малиновский обсуждал с нами смету Румянцевского Музея на 18-ый год; новый начальник был крайне предупредителен; мы взбили смету на сумму до около миллиона, и он скостил с этой суммы много менее и любезнее, чем былые императорские петербургские чиновники. Но мне все казалось, что и он и мы — римские авгуры, которые должны засмеяться, если будут искренни[26]; все это пустое дело, и с нашей стороны, если мы и должны идти на такие разговоры, то только из активной обороны нашего Музея; от большевиков был еще художник Орановский[27] — совсем дурак и притом, вероятно, зловредный: в конце совещания он возбудил вопрос, нельзя ли всех сверхштатных сделать штатными и уничтожить слово «вольнотрудящиеся».

Поляки присоединили Могилевскую губернию к Польше, а большевики говорят, что взяли Киев и что украинские полки перешли на их сторону[28]. Час от часу не легче. Известия о каких-то движениях в Германии; конечно, все это раздуто и значения иметь не может, но все-таки было бы хорошо, если бы немцы немножко между собой порезались.

Ко мне приезжал франко-итальянец Malfitano, член Institut Pasteur, член миссии «Entendement réciproque», которая дежурит в б. России с июля. Их ближайшая цель — расширение французского института в Петрограде[29] и основание русского института в Париже. О, если бы что-либо из этого вышло!

21 [января]. Вчера и сегодня больших новостей нет. Вчера налаживал разговор и свидание историков с Malfitano. Это человек застенчивый, но гораздо более симпатичный со второго раза. Он оказался сиракузянином, и когда я это узнал, то так и всплыло путешествие в Сицилию; кажется, он был тронут моим энтузиазмом, а мне вспомнилось старое и захотелось безумно еще раз попасть в Италию. Волна большевизма идет по всей России. Германской забастовке я не придаю значения, но она все-таки факт, который может иметь определенные последствия. О, если бы мог быть приближен общий мир! Может быть, это приблизило бы и наше успокоение.

22 [января]. В газете «Фонарь» напечатаны опубликованные ранее в «Приазовском Крае» документы относительно немецких денег, которые получали Ленин, Троцкий и К° на свои «предприятия» от Германии[30]. Конечно, все это было известно и раньше, но документ имеет всегда особенную силу и вес. Но достигли ли немцы в России только того, что они хотели, или дела приняли несколько иной, не вполне для них желательный оборот? Это мы узнаем в ближайшие месяцы по тому, будут ли немцы продолжать поддерживать анархию или же будут стараться водворить порядок. Смогут ли они сделать последнее? Это будет зависеть от оборота дел на западе. Едва ли на руку немцам будут также централистические стремления большевиков в Малороссии и их отношение к Румынии[31]. Итак, Россию продали или, быть может, точнее, купили дешевле, чем за 30 сребреников. Что же это за народ, который позволяет над собой сделать подобный эксперимент? И стоит ли о нем говорить? Приходится констатировать за последние дни усиление подавленного состояния среди цивилизованных людей; бессознательные надежды на скорое крушение большевизма не сбылись; денежное положение становится все хуже; вот источник развивающегося маразма в обществе.

23 [января]. Сегодняшние газеты принесли менее известий, чем я думал. «Декрет» об отделении церкви от государства может иметь силу только в зависимости от того, как его будут осуществлять; думаю, однако, что нашу церковь и попов, утолстевших и забывших Бога, может вернуть к их обязанностям и вообще поднять церковь только некоторое гонение; однако крестный ход в Петрограде[32], видимо, на большевиков произвел впечатление. Движение в Германии остается неясным; кругом слышу удовольствие от разгона рады[33] — и сам его отчасти разделяю; вопрос только, как взглянут на это немцы; это должно сказаться в связи с заключением большевиками похабного мира, т. е. на ближайших днях. Еще одна основная черта русской революции — это общая лень и воздержание от труда; от этого мы отказались воевать, останемся без хлеба, без транспорта, а заработают гориллы, когда действительно «досыта наголодаются». Сегодня домовый комитет пригласил, с согласия М. М. Петрово-Соловово[34], управлять домом прокурора Могилевского суда кн. Ю. Д. Урусова.

24 [января]. Сегодня день без особых новостей. Вечером были у меня Malfitano, Савин и Яковлев. Договорились, что надо в Москве устроить маленький комитет, который мог бы вести [далее зачеркнуто: связи] сношения постоянные с соответственной французской организацией. Такова практическая сторона дела. Что из него выйдет, не знаю, м. б., ничего; я берусь за него как за средство расширить мои слабые связи с иностранцами, в частности, с Францией. Я делаю это с сознательной мыслью, что, может быть, все это пригодится в черный день, когда придется бежать из России. Покончив с делом, стали просто болтать; он оказался очень милым собеседником, который много рассказывал о Мечникове[35], о своем увлечении русскими, о своих превратностях за время войны. Мы старались осветить ему положение в России с нашей точки зрения историков. Он, видимо, слушал со вниманием. Вернулся из Питера Н. П. Киселев[36] и рассказывал, что там настроение еще более угнетенное, чем в Москве, и что просвета и там не видят. И есть еще оптимисты все-таки. На что они надеются?

26 [января]. За эти два дня мало нового. Кругом говорят, что козел революции обломает рога о церковную ограду. Так ли это? Хватит ли у православной церкви силы противостоять гонениям? Боюсь, что нет и что самодержавие, и православие, и русская народность[37] — все это один bluff[38], одно,как и другое. Все кругом продолжает быть в маразме и в ожидании каких-то провиденциальных перемен, которые, вероятно, никогда не придут или придут, когда [далее зачеркнуто: не будет никакого] давно иссякнут всякие надежды.

27 [января]. Сегодня, наконец, выпустили «декрет» об «аннулировании» займов[39]; хотя, конечно, все еще, вероятно, переменится, тем не менее, он произвел на меня тяжелое впечатление — сколько народа выброшено на улицу, и все это такие люди, которые жили кредиторами государства и никому не вредили. Что же, это сделано в самом деле de bonne foi[40] или же нарочно, чтобы отучать от социализма? Ведь, право, если смотреть оптимистически и юмористически — возможно, что это так, чтобы отучить социалистическую Россию от ее химер. Очень страшно за родителей жены: трудиться упорно столько лет и успокоиться наконец — вот меньше года прошло, и все состояние опять под знаком вопроса.

Сегодняшним известиям о наступлении Алексеева я не верю[41]; это было бы слишком хорошо, а все хорошее — слишком далеко от действительности. Мирные переговоры затягиваются; движение в Германии прекратилось, но кажется, что немецкая инспирированная пресса начинает травить большевиков.

28 [января]. Сегодня был крестный ход в Москве. К сожалению, мы его не видели; говорят, что народа было много; подробностей пока не знаем; я не пошел, потому что у меня прогрессирует антропофобия[42] и потому что сегодня утром у меня на шее был «жернов осельский»[43]. Потом нас посетил А. А. Кизеветтер и рассказал интересную вещь: от делегации Мирбаха и Кейзерлинга[44] приезжали в Москву уполномоченные для переговоров с промышленными тузами, пробуя заручиться их сочувствием делу мира; они говорили, что знают, что большевики — пена, которая исчезнет, и что они желали бы завязать переговоры с существом русского общества; видимо, что мир с большевиками кажется им ненадежным и их не удовлетворяет. Это любопытно, но что же эти дьяволы сделают для того, чтобы удалить нынешних владык земли русской?

Известие о наступлении Алексеева опровергнуто, как и следует ожидать. Сегодня приехал из Киева С. Д. Кучин, пробравшись через Сарны, Лунинец и Брянск; по его рассказам, в Киеве похоже на то, что было в Москве 28 октября — 3 ноября; берут верх большевики[45], потому что наемные красногвардейцы, напоенные допьяна, оказывается, легко побеждают украинских солдат, которые разложились не меньше наших, очень неустойчивы и стремятся только «втикати». Вот в чем секрет большевицких побед.

30[января]. Приехал брат — ликвидированный человек; но смотрит на вещи бодро. Вчера попали в Большой театр — на один из последних спектаклей в абонементную ложу, которую все равно удержать будет нельзя; в царской ложе сидели торжествующие хамы из солдатских депутатов — гнусно и противно. Вчера же был университетский совет — наши профессора, я говорю, по крайней мере, о господствующей группе, — большие идеологи; они упорствуют в непризнании большевицкого правительства и даже не желают отвечать на вежливые, пока что, запросы из бывшего министерства.

Сегодня пришли известия, что Троцкий и К° в Бресте мира не заключили, но заявили, что война прекращена. Это было сделано или по соглашению с немцами, и тогда это — фиговый лист, или это сделано было в виде наглой бравады по отношению к немцам; в обоих случаях у немцев руки развязаны, и они могут сделать с бывшей Россией все, что им угодно[46]. Так гнусно кончить войну — беспримерный в истории случай.

31[января]. Пью бром и тем стараюсь сохранить душевное равновесие. Общий разговор о пресловутом «мире» г. Троцкого. Суждения в большинстве случаев схожи с моим; открывается возможность новых головокружительных событий, которые могут дать самые неожиданные результаты. Думаю, что это событие — какой-то перелом в большевицком иге, но какой, еще не знаю. А большевики продолжают душить мелкого буржуя — сегодня декрет о новом, третьем сборе подоходного налога, на этот раз — в пользу собачьих депутатов. Платить его при всем желании нечем. Стараюсь убедить и себя и Нину, что нужно все продать и все ликвидировать, как ни грустно расставаться с памятью о всей прожитой жизни. Было опять свидание с Malfitano, вырабатывали текст «appel»[47] к взаимному пониманию.

1-ое или 14 [февраля], не знаю — пока пишу оба числа; готов приветствовать это первое здравое изменение, проведенное большевиками[48]. Сегодня мы закладывали свое серебро, которое лежало на хранении в ссудной казне[49]; нам казалось, что лучше что-либо получить над залог его, ибо дома его держать нельзя, а если его оставить там без залога, то дождешься его конфискации. Оказалось, что ссудная казна теперь арена действий исключительно буржуев, которые закладывают то немногое, что у них осталось. Мир, заключенный радой и не заключенный большевиками, производит большое впечатление; об этом говорят и предвидят всяческое зло, т. к. немцы сделают Малороссию объектом своих вожделений.

3[февраля]. Сегодня слышал от Мануйлова, что товарищи наборщики заявили, что в вопросе о праздниках они стоят на стороне церковного собора — в этом сказался русский человек во всей его красоте[50]. Говорят, что в Киеве убили митрополита Владимира и ген. Иванова[51]. Интересно, подтвердят ли это газеты завтра? Начал читать лекции в Университете; к удивлению, лекция состоялась, хотя и при очень небольшом числе слушателей. Общее сознание, что большевики сидят надолго, укрепляется повсюду.

4 [февраля]. Сегодня Яковлев делал блины С. П. Бартеневу[52] и его сыну В. С., оставленному нами при Университете за услугу, оказанную ему у большевиков. Бартеневы оделись в волчью шкуру и с этой точки зрения представляют любопытное явление. Много говорили о тактике сегодняшнего дня. Преобладало мнение, что переодевание в волчью шкуру лучше, чем что-либо иное. То, что сегодня писано о Киеве, превосходит всякие ожидания и вероятия. Убийство митрополита Владимира искупило его темное прошлое; самоубийство Каледина[53] — кошмар.

5 [февраля]. Дело на Дону кончается; большевизм и там побеждает, и, быть может, победа над бедными русскими генералами и офицерами без солдат будет решительнее и прочнее, чем над лукавыми хохлами, которые, предводимые лукавым Грушевским, отправились за немецкой подмогой[54]. Надвигается и война с одураченными и обозленными румынами, которым сами русские дали возможность с России содрать все то, что немцы не дали им содрать с Австрии[55]. В Музее учинили профессиональный союз всех служащих и избрали председателем кн. Голицына[56]. Задача — беречь себя и добывать прибавки хамам. Дай Бог, чтобы мы не прогадали с этим делом.

В вечерних газетах сообщалось, что 4 февраля с-ры праздновали память Каляева: в большой аудитории Университета Шанявского собравшиеся плакали «о поэте-революционере», который отказался от помилования, боясь, что морально пострадает партия[57]. Старый дурак дедушка Минор «представил» присутствующим брата Каляева, который «был так растроган, что упал без чувств». Бедная Россия, ты еще далека от исцеления.

6 [февраля]. Совершилось. Немцы возобновили войну; по-видимому, они взяли уже Двинск, возьмут Гапсаль[58]. Шведы, заступаясь за финляндскую белую гвардию, т. е. за цивилизованных шведов, идут на Торнео и заняли Аландские острова[59]. Большевики приостановили демобилизацию и взывают к священной войне[60]. Поздно. Что ты посеял, то и жни. Злонравия достойные плоды. Развращенный ими народ умер, и ничто не пробудит в нем любовь к родине, которой в настоящем смысле у него и не было. Перевернулась новая страница русского смутного времени, и это одна из самых скорбных; народ-богоносец, увы, еще глубже опустился в яму отхожего места.

8/21 [февраля]. Большевики просят мира у немцев, а немцы идут вперед и забирают несчастную русскую землю. Теперь они могут сделать все, что хотят. Но что они хотят? Еще раз выторговать у большевиков выгодные, даже гораздо более выгодные, чем в Бресте, условия или же хотят устранить их, потому что они им не нужны для разложения России, доведенного до пределов, и потому что очаг пугачевщины на всей территории бывшей империи русской не может быть терпим, с точки зрения Западной Европы: ведь такая зараза не может не оказать своего влияния и на Европу. Для немцев прямой расчет восстановить куцую Россию в виде монархии и по-прежнему, как до Александра III, властвовать в ней[61]. Если будет первое, т. е. торговля с большевиками, то нам, цивилизованным людям, будет еще хуже, чем было, а если второе, то значит нам предстоят новые испытания, такие, каких у нас еще не было. Господство немцев, возможная немецкая оккупация — реально это означает пяту завоевателя, оскорбления, презрение белого к цветному, немца к русской свинье, но, по всей вероятности, восстановление старого механизма, целость сбережений, водворение порядка. В духовном отношении это — полный крах всего; но ведь я уже переболел и оплакал Россию, какою я себе ее представлял и какою я желал ее видеть.

С моей точки зрения, у нас все в прошлом, как это прошлое ни было тусклым. Большевизм, как опыт социалистической пугачевщины, настолько дик и тяжел, что даже владычество бронированного немецкого кулака кажется меньшим злом, чем разгул русских горилл. Ужасно в этом признаваться, даже самому себе. Но ведь гибель русских погромщиков неизбежна, так лучше пусть она придет поскорее. А народная честь, а стыд? Но ведь нельзя этих понятий даже прилагать к народу, который сам себя попрал и продал, который счел для себя ненужным даже обеспечить свое бытие.

9/22 [февраля]. События развиваются в том же направлении; немцы заняли Минск; кажется, Полоцк[62]. Что они предпримут дальше? Меня поражает тупое равнодушие московской публики: ходят, гуляют, все театры действуют, ничто не трогает и ничто не всколыхнет эти массы, несмотря на истерические выкрики народных комиссаров о том, что «социалистическое отечество в опасности». Ведь выдумают же такой термин! Это дурачье устами главковерха призывает бороться с немцами из-за угла партизанскими отрядами, собирается объявлять какую-то мобилизацию. Сегодня я слышал, как один молодой солдат, несомненный большевик, говорил другому — «станет кто исполнять их приказания», а горничная или портниха, прочитавши истерическое воззвание, заявила — «ишь, раскричались!». Нет, убитых остатков или, вернее, зачатков патриотизма не воскресить, особенно самим убийцам.

Сегодня я узнал о неожиданной, бессмысленной смерти моего ученика А. Я. Лютша, способного, хорошего мальчика, из которого вышел бы честный и добросовестный ученый работник. Язва в желудке в 24 года. Когда мне это сказали, я долго не мог очнуться от ужаса, несмотря на то, что сейчас ко всему, кажется, мы притерпелись.

11/24 [февраля] [в подлиннике — 10/24]. Вчера похоронили бедного Лютша; мы проводили его до кладбища, и мне как-то решительно не верится, что этот скромный, добросовестный молодой человек уже больше не существует. У меня вовсе не было так много учеников; но Лютш был всецело мой ученик, и мне еще более жалко терять его именно потому, что это был мой, действительно мой, ученик. Я не знаю, что вышло бы из него; пожалуй, скорее что-нибудь очень скромное; при своих способностях и несомненной одаренности, он был упрям и немножко идеолог, немножко фантаст; он не хотел сосредоточиваться на научной подготовке и за два года едва ли приготовил два магистерских билета[63]; он отвлекался многими предметами; в последнее время — например, преподаванием на курсах Полторацкой[64]; в нем было много артистического, он увлекался музыкой, наукой; судя по его разговорам, он умел отлично, по-своему, наслаждаться жизнью, несмотря на более чем скромные условия жизни, в которые он был поставлен. Но в нем, с другой стороны, была громадная добросовестность, объяснимая его не совсем русской кровью. За что он брался, то он исполнял; и только в том, в чем он был ответствен перед одним собой, он позволял себе своеобразно эпикурействовать. Он был прекрасным работником в Музее, где его ценили, и где он почти единственный не потерял работоспособности в последние месяцы. И вот такой человек умирает от язвы в желудке в 24 года. Мы проводили его на Пятницкое кладбище и после погребения прошли на могилу Грановского, покоящегося в уголке западников вместе с Н. Станкевичем, Кетчером, Коршем, М. С. Щепкиным и А. Н. Афанасьевым[65], двоюродным дедом моего Лютша.

Большевики приняли ультиматум Германии[66]; условия еще более тяжелые, но большевики не будут в состоянии выполнить их: прекратить пропаганду, вывести свои войска из Украины и демобилизовать не только белую, но и красную армию. Это значит отказаться от углубления революции, а этого они сделать не захотят и не смогут. В немецких условиях много такого, на чем они будут в состоянии играть, и играть с большевиками, как кошка с мышью; но, заключив мир, большевики все же продержатся еще некоторое время; на этом построен их расчет; пусть погибнет Россия, но да здравствует социалистическая республика. И они могут гордиться. Россию они погубили, они ее догубили, действуя вслед за Николаем II, Львовым,

кадетами и Керенским. Позорное дурачье, будь они все прокляты судом истории.

Мы сейчас возвращались домой и видели пьяного демократа, кричавшего, прислонившись к фонарю: «Пусть меня Ленин и Троцкий расстреляют, черти проклятые; будь они прокляты, а я всю ночь буду здесь стоять и кричать: Ленин, Троцкий, черти проклятые». И я готов повторить то же самое. Проклятие этим убийцам России, проклятие русской интеллигенции, которая довела народ до того состояния, в котором он находится. А черная бюрократия ничему не научилась: сегодня в Мертвом переулке обедал Н. П. Муратов[67] и нес такую чушь, что я даже запротестовал; ведь нельзя же обвинять декабристов в современных событиях. Вчера я узнал из нескольких источников, так что сомнений не остается никаких, что из $1^1/_2$ миллионов пожертвований, которыми располагал стачечный комитет городских служащих, один миллион был украден. Дальше идти некуда.

12/24 [февраля] [в подлиннике 11/25]. Какой-то сброд из жидов-интернационалистов, людей без отечества, без чести, без закона, бешеных горилл из русских рабочих и бывших солдат в количестве 227 человек, большинством 116 против 85, при 26 воздержавшихся решил участь России и согласился на немецкие условия[68]. Немцы успели занять Псков, Ревель и Борисов[69]. Так идут события на русской земле. Что же будет дальше — вот роковой вопрос, который задаешь себе каждый день, каждую минуту. Игра не кончена, недаром большевики обнаруживают растерянность и неуверенность в завтрашнем дне. Малиновский говорил Виноградову, что они не знают, будут ли они на ближайших днях комиссарами. Я думаю, что будут и еще некоторое время продержатся.

14/27 [февраля]. События нарастают. Германцы, несомненно, идут на Петроград, и я думаю, что туда они дойдут. Насчет Москвы — это дело темное. Кругом уже учитывают этот приход; говорят, между прочим, что идет чрезвычайно энергичная скупка русских бумаг[70] немецкими агентами. Несомненно, вся бывшая Россия будет под немецкой пяткой, что о ризах ее уже мечут жребий[71]. Страшно, грустно, стыдно за всех и за весь этот отвратительный в своей дикости народ. Ловишь себя на том, что ненависть к большевизму больше, чем ненависть к германизму.

15/28 [февраля]. Все идет по тому же пути; однако думаю, что развязка относительно Петрограда наступит не так скоро, быть может, неделя, а то и больше. Вопрос о Москве затянется. Ужаснее всего будет, если вся сволочь явится в Москву и будет проявлять себя здесь во всей своей красе. Грустно и больно было сегодня читать лекцию о теории славянофилов. Какое глубокое заблуждение; как ошибались эти прекрасные люди, мечтая о блестящей судьбе страны, кончившей, как старый алкоголик в одном из романов Золя: подожгли и сгорела без остатка. Вечером были дядя Эдуард и Мальфитано; хорошо поговорили; Мальфитано — мечтатель и нас же утешает в нашем горе.

16 [февраля]/1 [марта]. Сегодня почему-то страшный гнет на душе. Ужасно, если придут немцы; ужасно, если останутся большевики. Это неразрешимая дилемма, хотя умом представляешь себе довольно ясно, что только внешняя сила может выпихнуть большевиков. Немцы приостановились, продвинувшись довольно далеко; для чего? чтобы осесть или же чтобы следующим прыжком захватить Петербург? Вечером заседание домового комитета, в котором я давно не был; а между тем ходить нужно; собачьи депутаты и их аггелы скоро сделают натиск на буржуйские квартиры; возможен новый налог, возможны попытки уплотнения; впрочем, говорят, что можно откупиться и что откуп стоит 500 рублей.

17 [февраля]/2 [марта]. Калейдоскоп известий. Утром Ленин разослал телеграмму, что переговоры разорваны[72]; днем известие, что неведомые проходимцы, отправленные в Брест[73], решили подписать мир, отдав еще вдобавок к прежнему — Карс и Батум туркам. Что из этого выйдет, даже представить себе нельзя. Если этот мир будет действительно утвержден, то может статься, что Питер не послушают в Москве и в других городах, и война будет все-таки продолжаться; во всяком случае немцы могут продолжать играть с большевиками, как кошки с мышами. Но если они стремятся к новым отторжениям от России, то можно ли их себе представлять как спасителей? А ведь это именно так и есть, по крайней мере, в Москве. Я в этом еще раз убедился, побывав сегодня в Английском клубе.

18 [февраля]/3[марта]. В известиях много смутного. Что Покровский и К° подписали все, что им было предъявлено — это факт[74], но какие последствия из этого вытекут — это неясно. События бегут так, что даже мыслью за ними не

угнаться. Сегодня мы праздновали наш академический праздник — диспут В. И. Пичеты[75], которому возражали Любавский и я; насколько мне кажется, диспут был из удачных как по общему настроению, так и по характеру возражений. Затем было угощение у Пичеты на дому; развязались языки, было уютно, хотя забыть об общем ужасе не пришлось; в различных речах много говорилось о том, что нас ждет и что мы переживаем — течения разделились: были пессимисты с Любавским во главе и оптимисты, которых представлял Егоров; но все согласны были, что до такого ужаса мы еще не доживали; много говорили о необходимости воспитать национальное чувство — как поздно об этом спохватилось русское цивилизованное общество.

19 [февраля]/4[марта]. Мирный договор не ладится; заняли Нарву[76]; правители переезжают в Москву[77]. В Москве усиливаются анархисты; занимают особняки, а сегодня, говорят, захватили Английский клуб. В воздухе что-то нависло, как никогда еще не нависало. Я не знаю, что будет — погром, нашествие немцев или иное что, но что-то будет. От большевических кругов Кремля идет слух, что в числе немецких условий есть право вывезти из России произведения искусства, какие они найдут нужным; если это и так, то гориллам не нужны произведения искусства; но такое условие показывает, что с большевиками немцы собираются поступить сурово. Мирные условия подписаны М. Н. Покровским — вот истинно позорное имя в русской истории и позор для школы московских русских историков.

20 [февраля]/5[марта]. Газеты не вышли, потому что, говорят, некоторые газетные идиоты из принципа решили не выпускать, пока цензура существует; они наказывают всех нас и свой карман, думая, что наносят удар большевикам, которым на них наплевать. Слухов мало, но говорят, что немцы требуют восстановления порядка в полном объеме; с одной стороны, это, может быть, и так, но тогда как могут немцы думать, что большевики честно выполнят это требование; но ведь немцам, с другой стороны, нельзя терпеть того кабака, который у нас существует. А ум все так вокруг немцев и вертится — пропала Россия, если спасти нас могут только немцы, а турки выгоняют нас из Трапезунда. Позор; еще раз чувствует, что можно жить только своими личными интересами — ни для чего другого в бывшей России жить не стоит; и сколько бы мы ни прожили — и не будет стоить. Много раз неврастеническое настроение успеет за день смениться — а все-таки рассудком приходишь к одному и тому же: Россия кончилась, сама себя предала, народ сам вырыл себе могилу — а теперь лишь логическое развитие всего того, что мы видели за последний год. Сегодня мы поднесли Любавскому единственный экземпляр, доставленный в Москву, сборника, затеянного четыре года назад[78]; сборник очень хороший, и подношение было теплым; быть может, это последний сборник этого рода.

21 [февраля]/6 [марта]. Сегодня слышал, что отныне на веки знаменитый М. Н. Покровский, который осенью жил на квартире у А. Н. Веселовского, куда-то исчезает и даже не приехал к Веселовскому сам, а по телефону просил собрать белье и пожитки, сказав, что пришлет за ними. Вероятно, этой гадине совестно даже видеть людей, с которыми он был знаком в старый московский период своей жизни. Рассказывали также, что будто бы тот же герой второй русской смуты заявляет, что дни большевиков сочтены. Интересна его речь в совете рабочих депутатов в Москве: она вся проникнута печалью — это не торжественный гимн, а отходная. Подлец и изменник, способствовавший преданию своего отечества на поток и разграбление немцам, с крокодиловыми слезами доказывал, что они хотят нас доконать и, кажется, советовал не ратифицировать мира[79]. Проклятый, влюбленный в себя квазимодо, к которому я всегда чувствовал какое-то гадливое ощущение. Не сделавшись ничем другим[80], он стал Геростратом или, вернее, одним из геростратов России. Что ж! Суд истории его рассудит. В Москве распространяются анархисты и захватывают дома; непонятно еще, что они — могильщики большевиков или новая ступень в погружении русского народа в отхожее место.

23 [февраля]/8 [марта]. Собачьи депутаты, следуя товарищу Луначарскому, закрывают все учебные заведения г. Москвы[81], под предлогом голода, эпидемий и эвакуации «столицы» в Москву. Это смерть тех слабых ростков цивилизации, которые еще теплились в Москве, или, по крайней мере, их долгая летаргия. Сознание всеобщей гибели и разрушения все более овладевает мной; сознание общего краха всей жизни, всего миросозерцания. А в Москву перевозят пресловутых народных

комиссаров; в Москве идет такая вакханалия реквизиций помещений, перед которой бледнеет все бывшее доселе. Произвол, насилие и ничего больше; скрывают продвижение немцев, а оно все-таки совершается по какому-то плану. И большевизм и германизм, как две петли, душат бедную, гаснущую русскую жизнь.

25 [февраля]/10 [марта]. Вчера мы обедали с Любавским в тесном кругу, в квартире Веселовского; предлогом было поднесение ему книг[и], а настоящей причиной — отвести душу, забыться хотя бы на один вечер. Совершенно непьющая ученая среда на этот раз изменила своим привычкам и немного выпила; при взвинченных нервах создалось повышенное и оживленное настроение; много и легко говорили, и преобладающими нотами были ноты патриотические; это вытекало из личности Любавского, который все-таки был центром, и из общего чувства «Мариев, плакавших на развалинах Карфагена». А сегодня опять неисходная тоска, потому что все валится вокруг.

Невольно спрашиваешь себя — делал ли хоть ты всегда все, что было нужно. Конечно, лучше было бы добровольно уйти на войну и там своевременно прикончить свое существование; но этому помешали три вещи — мой прирожденный индивидуализм, который всегда заставлял меня стараться жить не как Бог велит, а как сам я находил нужным; во-вторых, то, что на свои ученые занятия родной историей я смотрел как на служение родине, которое мне надлежало продолжать всю жизнь; и, наконец, семья. А теперь — счастлив тот, кто умер на войне, думая, что он способствует благоденствию и спасению России, и не зная, что русскому народу все равно, будет ли он свободным или рабом.

Горько думать, что и наши все научные занятия — это никому не нужная роскошь, в которой русские гориллы не нуждаются и нуждаться не будут; а будущие владыки — немцы — сами сумеют использовать материальные и письменные памятники погубившего себя народа. Сегодня химерическое известие о новом русском правительстве кн. Львова и Путилова, которое образовано где-то в стране восходящего солнца под защитой японских штыков[82]. И само по себе все это утопично, а раз во главе будет этот рыхлый вегетарианец, то и подавно ничего не выйдет. Да если оно и имеет будущность, то все равно нас здесь задушат ранее, чем они сюда явятся. Все равно от своей погибели мы не уйдем.

26 [февраля]/11 [марта]. Целый день слышно только о «реквизициях» помещений, т. е. попросту о выгонке людей с их квартир в 24, 48, 72 часа, о захвате особняков и т. п. действиях на пользу народа; отнимают последнее; после денег — похищают личное имущество; скоро будет так, что имущие станут нищими, а грабители расхитят награбленное и «тогда придет Бирон, Мерзенштет и Гаденбург и великий Сукензон»[83], как писал еще князь Вяземский. Вечером был у Мальфитано и познакомился с его компаньоном Avenard, французом очень симпатичного типа; оказывается, в Москву перебрался весь Institut français. В университетском семинарии прочитал отличный реферат мой ученик Камерницкий — критический разбор истории Покровского[84], это была хорошая и здоровая критика марксизма.

27 [февраля]/12 [марта]. Весь день с двух часов я сидел дома и пытался заниматься, в общем сравнительно удачно; надо пользоваться такими минутами, их становится все меньше и меньше. Утром, несмотря на праздник годовщины начала русской смерти и позора[85], я занимался на Высших Женских Курсах при наличности 3 слушательниц, молодцы! На улицах мало народа; кое-где красногвардейская сволочь с ружьями чего-то ждет и кого-то ищет. Ужасает надвигающийся ужас переселения властителей из Петрограда; здешние же грозят даже выселением всех ненужных ртов из Москвы — куда угодно. А на какие деньги? Очевидно, из этого создадут новый усовершенствованный способ есть буржуя и отделываться от неприятных им лиц.

28 [февраля]/13 [марта]. Положение не меняется; в Москве все та же волна реквизиций; по улицам в автомобилях или в «хамотрясах» ездят люди с самыми удивительными физиономиями, которых, встретив в укромном уголке, можно испугаться. Университетский совет; наконец, решили вступить в деловые сношения с современной властью; давно пора, хотя я не знаю, что выйдет из этого хорошего; решили всячески отстаивать университетские занятия; и из этого тоже не знаю, что получится. С. Б. Веселовского избрали экстраординарным профессором по истории русского права[86]. Будет ли он читать когда-нибудь в Университете?

1/14 [марта]. Пекли блины у себя дома — один раз в масленицу; Шамби рассказывал разные утешительные вещи, но я им не верю. Сегодня утром я много ходил по улицам, видел разные физиономии делегатов, которые явились в Москву[87]. Их можно было узнать по любопытствующим лицам, нахальному виду, ходьбе группами. Меня брал ужас, что эти банды дикарей будут решать судьбы несчастной страны; отребье, чернь, руководимая демагогами, топчет в грязь «все великое, священное земли», и нет ни одного голоса цивилизованного человека, который бы направил и предостерег их и к которому бы они прислушались. Вся эта сволочь исполнит то, что им прикажет их царь — Ульянов — а потом? А потом они не сумеют выполнить условия мира.

2/15 [марта]. От французов, проповедующих entendement réciproque[88], я слышал слово, которое мне очень понравилось, потому что оно верно. Русские после мартовского переворота помнили только «leur peau et leur poche»[89]. Шкура и карман — вот что повело к нашей гибели; это и не могло быть иначе; не только народ, но и интеллигенция признала себя свободной от всех обязательств, принятых по отношению к кому бы то ни было; ni foi, ni loi[90], свое собственное благо, достигаемое какими угодно средствами, — вот что стало целью; но ведь дело обстояло и ранее не лучше. Если интенданты были, как говорят, скромнее, чем раньше, то военные инженеры и особенно врачи показали пример взяточничества и злоупотреблений всякого рода. Сухомлиновы и Мясоедовы продавали Россию, теперь ее продают большевики. Боялись, что Штюрмер[91] предаст союзников; что же удивительного, если теперь предали и Румын, и Армян, и Грузин и всех, кого только можно было продать. Шкура и карман — вот лозунги, в которых погиб русский народ, но погиб потому, что эти лозунги и раньше были его единственным лозунгом и потому, что на большее он морально не способен — и не от одной темноты, а от той лживости и нечестности, которые не умирают и в русском интеллигенте.

В 3 часа состоялось наше собрание compréhension réciproque[92]. Было около ста человек; были сказаны теплые слова; чувствовалось, что русский интеллигент очень расположен к идеям такого взаимного интеллигенческого общения, потому что по существу эти идеи ему близки и понятны; я уверен, что если бы общественный барометр стоял на уровне прошлой весны, наше собрание имело бы очень большой успех; но сейчас русский интеллигент совестится бессознательно всего им содеянного и стыдится своих союзников. Последнее впечатление я вынес из довольно многочисленных переговоров по этому делу. Слышишь ответы — теперь не время, да разве можно; а за этими ответами чувствуются горечь и стыд. Однако наши французы и итальянцы были очень милы и держали и держат себя как нельзя лучше. Я, все-таки, считаю, что собрание удалось и что, может быть, из всего этого что-нибудь и выйдет.

3/16 [марта]. Они ратифицировали мир[93]. После заседания, тянувшегося целый день, где гориллы ругались, едва ли не дрались, они утвердили «похабный мир». Россия, связанная и изувеченная, предана ими их хозяевам немцам. «Вот день начала многих бед для Греции», вспоминаю я Фукидида[94], однако, впрочем, для России было уже так много подобных дней, что одним больше, одним меньше — все равно. В истории русской катастрофы перевертывается еще одна страница, но это не последняя.

Мне нередко вспоминаются речи покойного В. О. Ключевского перед открытием первой Государственной Думы. Он сказал мне тогда — жизнь покажет, что делать, жизнь выведет; надо только показать мужику, что он дурак, да поладить с окраинами. И вот теперь русскому мужику [далее зачеркнуто: горилле] — вороне эпигоны народничества и лисицы — интернациональные, а в частности жидовские, изменники — напели, что лучше, выше и умнее его нет никого на свете, а наши окраины или сами отложились от нас, убегая от пугачевщины, или же выданы нами на поток и на грабеж. Как верно определил Ключевский наши две самых тяжелых болезни, и как тяжело эти болезни отозвались в наше время. Народ идиотов, кто тебя исцелит и направит? Рабство у немцев, рабство в позоре — немецкое Viehzucht, точнее, Russisch[e] schwein[e] zucht[95], — вот будущность народа-самопредателя. Всё история может исправить, кроме того, чтоб народ сдуру, от небывалой в истории тупости и отсутствия чутья, сам покончил со своею будущностью, отдав себя голым в руки врага и с глупой радостью ожидая, как этот враг будет с ним расправляться.

В одной из речей царя-Ульянова на съезде горилл есть обращение к левому

с.-р. Камкову (его жидовской настоящей фамилии не помню)[96], в ответ на его вопросы: «Один дурак может больше спросить, чем десять умных ответить». К этому можно прибавить только то, что эти слова могли бы быть обращены и к Ульянову. Это не один дурак, а десятки миллионов, может быть, сотни миллионов идиотов, среди которых не нашлось ни одного человека с проблесками если не государственного (что им государство?), то хоть народно-общественного ума. И это панургово стадо [далее зачеркнуто: хочет] претендует на то, чтоб сказать что-то новое миру — идиоты, дураки, преступники перед предками [и] потомками. Не может Россия менять свой уклад. После 1861 года — погибло дворянство, так как не могло приспособиться к новой жизни; после 1917 года — погибнет весь народ, ибо ни нового уклада, ни состязания с Европой он не в силах выдержать. А они все еще думают, что они богоносцы, хотя бы и не от старого Бога, а от коммунизма, анархизма и прочих жупелов русской жизни, которая по существу далее Разина и Пугачева не могла и не сможет идти.

5/18 [марта]. Вчера день без особых впечатлений; в городе чувствуется беспокойство господствующей группы; носятся слухи о разных отставках и переменах; пока все смутно, но, видимо, перевернется еще страница русской смуты. В Университете занятия шли сегодня беспрепятственно.

6/19 [марта] [в подлиннике — 18]. Состояние духа угнетенное; прямых поводов нет; но этот немецкий мир давит на меня все более и более; хуже всего территориальные уступки Турции, которые опять-таки были вырваны на почве вопроса о самоопределении национальностей — принцип, которым немцы так гениально воспользовались для околпачения тех дураков всякого вида и оттенка, которые вместе с изменниками составляют русскую демократию. О, русская глупость, что может с ней сравниться? Немцы могут писать вторую «Похвалу глупости»[97], но только русской. Сегодня имел свидание и беседу с Patouillet и его двумя помощниками, Fichelle и Antonelli[98]. Искренно или же только соболезнуя нам, они выражали надежду, что что-то в России еще поправится; далее они говорили, что la question russe devra être résolue au congrès et qu'il est impossible de laisser l'Allemagne libre de ses actions en Russie[99]. Так вот он, этот русский вопрос, порожденный народом-самоубийцей. Этот вопрос будет предметом дипломатических переговоров, и самоубийца займет внимание Европы, как ранее его занимал больной человек — Турция[100]. Русская сволочь достойна, впрочем, своей участи.

7/20 [марта]. Сегодня день необыкновенно смутный; общих изменений или новостей нет, но какая-то муть вокруг и извне и внутри, в душе, настолько, что даже не могу вечером заниматься. Сегодня я впервые попал в Кремль, ходил в Комиссию по охране памятников старины. У Троицких ворот толпа людей, одетых в военную форму, с вихрами волос из-под шапки, заломленной набекрень, с глупым и нахальным видом, частью русские, частью латыши[101] с плохой русской речью. Все это защитники владык, грубо спрашивающие пропуски; в воротах грязь, колдобины, лужи; автомобили продвигаются на руках, причем я сам видел, как один подпихивали какие-то дураки, помахивая кнутом и крича, как на лошадь; вслед за этим туда с трудом пара рослых и еще не очень тощих лошадей подняла сравнительно нетяжелую подводу дров. На площади полное смятение, какие-то люди снуют, незнамо куда и зачем; бесцельная суета, внешний вид растерянности — вот общее впечатление, которое получаешь! Затем я свернул на Дворцовую улицу и в помещении Комиссии видел, как Орановский и К° кушали на дворцовом сервизе.

8/21 [марта]. Общий барометр без движения; опять слухи о близком выступлении анархистов. С трех часов началось столпотворение вавилонское; на помещение в нашем доме сразу заявили претензию — какая-то морская судная коллегия и какой-то комиссариат инструкторов военно-учебных заведений; удалось отделаться квартирой Гончаровых; но смятения было много; осмотры, совещания на лестницах, экстренное заседание домового комитета; беспокойства, надежды и т. д. Кто из двух конкурентов возьмет верх, мы узнаем завтра, но реквизиционная комиссия уверяет, что нас больше не тронут. Так ли, увидим потом. Кончилось для нас тем, что мы уплотняемся, сдавая две комнаты Тимашевым: [далее зачеркнуто: дочери] она — урожденная Трубецкая, он — едва ли не потомок министра Александра II[102]. Сегодня я в последний раз пишу в своем кабинете, в котором работал пять лет.

9/22 [марта]. Весь день в суматохе с переносом вещей в квартире. К вечеру

более или менее убрались, имея уже не пять комнат, а три, начали новую, полупролетарскую жизнь. Жильцы въехали вечером; пока кажется, что будем ладить. Поле реквизиционной битвы осталось за матросами; сегодня они потребовали уже всей квартиры Гончаровых и даже угрожали М. М. Петрово-Соловово; но надежда отстоять ее еще не потеряна; старший из этих матросов держал себя с подобающим нахальством, грозил револьвером ген. Гурко и обещал расстрелять Тимашевскую обезьяну. На большом горизонте мало нового; большевики обещают вновь формировать армию[103]; вероятно, даже они видят наглядные последствия самой преступной из российских глупостей — пораженчества. Русские могут радоваться успеху пораженчества — оно действительно достигло всех возможных результатов.

12/25 [марта]. Наступление немцев на западном фронте; они рекламируют его по своему обычаю; французы, с которыми я сегодня заседал и обдумывал взаимопонимание, относятся к наступлению довольно спокойно — ils ne feront pas plus qui'ils ne l'ont fait aux autres offensives[104]; дай Бог, чтоб это было так; от этого зависит вся будущность Европы. В Москве мертвая точка; глухие слухи, разговоры; но большевики пока что и не думают уходить. Занятия в высших учебных заведениях идут своим чередом; замирание — самое постепенное, и если нас не прихлопнут искусственно, то мы как-нибудь дотянем до Пасхи. В Музее все еще не топят, что становится положительно противным — девицы окончательно являются только для чаепития и притом на законнейшем основании; от бездействия развал увеличится и подбирать вожжи будет еще труднее. Так как перетасовка в квартире кончилась, то со вчерашнего дня начал опять заниматься.

13/26 [марта]. Немцы одерживают значительные успехи; хотя это не катастрофа для союзников, но положение тревожное; для меня это — последняя моя надежда на что бы то ни было; если там союзники не сладят с немцами, то всемирное германское владычество неминуемо — и все это из-за тупой и глупой подлости русского народа и его еще более подлой интеллигенции, бессовестной, беспринципной и глупой. Сегодня меня посещали французы Patouillet и Fichelle; они относятся к делу спокойнее; быть может, я просто стал неврастеником; во всяком случае, такого настроения, как сегодня, у меня не было давно; старался душить мрак тем, что усиленно писал лекцию о Ключевском[105]. Говорят, что большевики дадут нам денег; я, все-таки, этому не верю; но характерно вот что: тов. Малиновский, узнав, что наш Музей уже неделю закрыт из-за недостатка топлива, страшно разозлился и утолил свой гнев тем, что в течение двадцати минут мылил голову по телефону нашему дураку, архитектору Шевякову[106] (депутату трудовой интеллигенции, horribile dictu![107]), своему же товарищу по Институту гражданских инженеров. Так живут и не умирают распеканции старого режима.

14/27 [марта]. По вечерним сообщениям, натиск немцев как будто ослабевает; хотелось бы верить, что это действительно так. В Москву возвращаются 400 французских офицеров обучать красную армию[108]; их расчет правилен; они говорят, что пока они смогут какую-либо пакость устраивать немцам, они останутся здесь; это понятно — для них русские теперь только материал для продолжения борьбы, по крайней мере, потенциально; на большее русские рассчитывать теперь не могут ни в каком случае.

Музей мы открываем; трубы сегодня не лопались, и есть шансы, что учреждение может опять действовать. Насколько подла русская интеллигенция, можно видеть из следующего. В понедельник В. М. Хвостов[109], с которым вместе я шел в Университет, начал мне (я с ним вовсе не близок) ругательски ругать Мануйлова, с которым он всегда был дружен, за которым ходил собачкой и из-за которого вышел в 1911 году из Университета: оказывается, что Мануйлов все говорил, что не надо вносить городского большевицкого налога, [а] за спиной всех внес его; мотив — тот, что на бывшего члена правительства обратят особое внимание и будут с него особенно взыскивать. Хвостов по этому поводу говорит — во Франции есть поговорка noblesse oblige[110], а у нас поступают обратно ей; так делают видные кадеты и члены безвременного правительства; что же могут делать представители простой русской сволочи?

Из сегодняшнего номера «Русских Ведомостей» вырезаю выдержку из последнего номера «Киевлянина»[111]. Я подписываюсь под ней обеими руками. В самом деле, кто были патриотами на Руси — часть мечтательных помещиков, да еще

метисы, вроде меня и очень многих мне подобных. Некоторая часть старого дворянства любила Россию и умирала в эту войну за нее; и метисы ее любили, причем любовь к родине в кругах средних, в средней интеллигенции, была обычно обратно пропорциональной количеству русской крови. Но ведь этой горсти людей было недостаточно, чтобы спасти страну, которую хотели погубить кровные русские интеллигенты, стыдившиеся весной 1917 года самого слова «победа» (например, болван Шевяков), или гориллы из народа, которые никогда не знали ничего, кроме la peau et la poche[112].

15/28 [марта]. Немцы продолжают двигаться. Становится страшно за Францию, за западные страны, за последний оплот против германского цезаризма. Хоть бы они уцелели — не для нас, мы отпетые, а для них; большего желать нельзя. Характерный случай из Музейной хроники: вчера было уже тепло, трубы не лопнули, и после двухнедельного перерыва уже было возможно заниматься; я предложил это в мягкой форме дамам, пришедшим пить чай, и все-таки все ушли, не желая начинать ранее сегодняшнего дня, — вот она, русская добросовестность; и этой компании большевики будут выплачивать по 300 рублей в месяц. Все эти оклады примут, а работать будут по-старому. Оправданием будет то, что большевицкие оклады ни к чему не обязывают. Сейчас вернулся Ляля и рассказывал, со слов приехавшей Лены Репман, о том, что происходит в Загранье. Пока все еще стоит, но все напряжено до последней степени; ждут, как везде, что весною будут делить землю. Прибывшие матросы и солдаты делают попытки наставлять местных горилл на социалистический путь и силятся поддерживать революционный порядок от натиска анархии. Надо думать, что этого натиска они не отразят, а поведут себя так же, как вели на войне.

16/29 [марта]. Известия с запада как будто несколько лучше, но я все же боюсь им верить. В Музее сегодня выдали по 100 руб. от большевиков милостыни, в счет [сметы?] новой, которую вчера утвердил товарищ Малиновский, — 30 сребреников. Пытался пойти в библиотечный отдел комиссии по охране памятников старины, но сидел зря до 4-х часов, засиделся, не дождался и ушел, лишь понаблюдав переднюю этой комиссии — опять чашки с орлами, бюрократическое хамство, жарко натопленные печи и ироническое отношение нескольких лиц, которые надели на себя что-то вроде большевичьей волчьей шкуры.

17/30 [марта]. Известия из Франции не лучше; немцы вновь напрягаются; чувство отупения. Днем — заседание совета Румянцевского Музея, который переименован в ученую коллегию; переизбрали князя, выразив ему свое глубокое доверие; постановили собираться каждую неделю, чтоб говорить о делах и выслушивать доклады и сообщения нашего посланника при владыках[113]; в библиотечной комиссии Университета говорили о новых большевицких штатах; решили занять выжидательное положение впредь до выяснения дела в факультетах. Этот гнусный фарс переносится и в Университет, и придется там решать вопрос, как быть — спасать Университет и рисковать собственным достоинством или же блюсти последнее и рисковать Университетом. Сегодня познакомился с ген. Жилинским[114] — одним из ex-помпадуров военного типа: холодный и неприятный блеск глаз; что-то очень неприятное во всем выражении лица.

18/31 [марта]. Мало впечатлений. Известия с запада опять как будто лучше.

19 [марта]/1 [апреля]. Сегодня я видел А. Э. Вормса[115], выпущенного большевиками после ареста. Он имел вид человека, постаревшего на несколько лет сразу. Оказывается, в доме гр. Сол[л]огуб [116] были захвачены протоколы Союза земельных собственников[117], из которых выяснилось, что в данных заседаниях выступали бывшие министры Риттих[118] и Вормс; они и были арестованы; Риттих еще сидит, Вормса выпустили, потому что народный комиссар юстиции тов. Стучка решил, что общественная физиономия профессора Вормса допускает его освобождение[119]. Между прочим, он 30 часов просидел в подвале дома Сол[л]огуб, где ранее складывали картофель, в компании с какими-то спекулянтами, с женщиной, которую арестовали неизвестно за что, и с людьми, арестованными за торговлю спиртом, которым они сами накачивались. Всех их грозили чуть ли не каждую минуту расстрелять.

Сегодня узнали ужасную новость: шальной пулей в Ростове или в Таганроге убит Зарудный, с которым собиралась венчаться Элли Петер[...]; как жаль ее — вот несчастное существование. Общее настроение подавленное; все точно обманулись в ожиданиях большевического падения; но ведь на скорое избавление наивно было надеяться.

На западном фронте порыв испытывает перерыв. Это уже лучше, хотя до хорошего далеко. Avenard и Malfitano были сегодня очень грустны на нашем совещании; я понимаю, как душа французов должна теперь беспокоиться, ведь и для всех должно быть понятно, что на западе делается последняя ставка против германизма, и если из-за подлого русско-жидовского народа погибает прекрасная Франция, то еще более позора на грязных русских гориллах и на дьяволах в образе человеческом, вроде Лейбы Бронштейна и его соплеменников.

20 [марта]/2 [апреля]. Сегодня ревизовали стальной ящик брата; удалось вытащить [...] Наполеона, эмалевые часы, серебряные вещи; завтра должны передать табакерки в Румянцевский Музей. Были вежливы, но процентные бумаги выкрасть не удалось. В факультете обсуждали возможность увеличения окладов; решили признать несвоевременным такое увеличение; то же признали и приват-доценты; вероятно, в этом смысле и составлены постановления факультета. Я не дождался, потому что был вызван в Комиссию по охране памятников старины для суждения о делах Исторического Музея, против которого, кажется, хотят воздвигнуть гонение; от этого я не был и на магистерском экзамене Голубцова, хотя меня он очень интересовал[120]. На западе без перемен; трудно сказать, к чему это поведет дальше. У нас, кого ни спросить — все в отупении; да и, правда, не знаешь, что ждать в будущем; и все-таки без внешней силы перерождение России продлится очень долго.

21 [марта]/3 [апреля]. Сегодня в Музей явился молодой человек из Комиссариата народного просвещения «по важному делу» и спросил заведующего библиотекой. Это оказался «чиновник» нового образца — студент-филолог Юрьевского университета[121] Богушевский. Оказалось, что «Владимиру Ильичу» желательно пользоваться книгами, «заграничными справочными изданиями» из библиотеки Музея[122]. Я хотел ответить, что все это можно сделать посредством декрета, но они искали «законных» путей, и я должен был сказать, что по неотмененной статье неотмененного устава все учреждения имеют право выписывать книги Румянцевского Музея, в том числе и председатель Совета народных комиссаров. За этим же делом молодой человек отправился и в Университет; я в это время был у М. А. Мензбира и успел предупредить его о цели посещения г. Богушевского. Я очень был рад, что Мензбир стал на мою точку зрения и понял, что лучше дать Ленину справочник добровольно, чем подводить зря Университет; характерно, что библиотекарь Калишевский[123] не сразу понял это и хотел, разговаривая со мной, отстаивать неприкосновенность справочников.

Вечером с Виноградовым сочиняли бутафорскую конституцию для Румянцевского Музея[124] на время господства большевиков; не знаю, как ее примут в Музее; все это — переодевание в волчью шкуру. Сегодня много всяческих слухов; в них трудно разобраться, но характерно, что большевики уверяют, что война с Германией скоро возобновится. Я очень боюсь одного: большевики, реорганизуя армию и возобновляя войну, должны опереться на союзников; союз союзников с большевиками может отвратить от них так называемую русскую буржуазию и бросить ее в немецкую ориентацию[125]. Несмотря на то, что именно буржуазия до сих пор более всего стояла за войну с Германией. На западе дело лучше; а с другой стороны, точка зрения союзников на Россию может быть только одна: с паршивой овцы хоть шерсти клок.

22 [марта] / 4 [апреля]. Узнал любопытную вещь: Чичерин, который теперь изображает собой что-то вроде министра иностранных дел, — не кто иной, как родной племянник Б. Н. Чичерина, таким образом и родовитое русское дворянство со своей стороны участвует в теперешнем конечном разорении родины[126]. Андрей Белый, или Б. Н. Бугаев, поэт, романтик, мистик, последователь Штейнера, оказался левым с.-р.[127]; истинно русская общественность, идиотизм, переменчивость, отсутствие общественной морали и этики, или же просто неуравновешенность молодого Анахарсиса из Скифии[128]. «Россия, Россия, Россия, мессия грядущего дня» — это его стихи. Несчастная страна с ее самозваными мессиями и незваным, непрошеным мессианством вот уже четыре века все остается страной завтрашнего дня. Morgen, morgen, nur nicht heute[129], а сегодня дай пограбить, изобразить моему нраву не препятствуй. Народ идиотов и преступников. Все более и более упорные

слухи о поступлении офицеров в армию. Быть может, этим намечается один из возможных исходов. На западе не хуже.

23 [марта] / 5 [апреля]. На западе затишье; быть может, перед бурей. Сегодня был в заседании библиотечного отдела большевической Комиссии по охране памятников старины. Заседание не представляло интереса; но мне было любопытно видеть тов. Малиновского в виде государственного человека и министра; важности и деловитости было, несомненно, больше, чем у любого деятеля прежнего режима — в особенности вид affairé[130]. Большевики хотят сразу подарить нам два дома — Апраксинский, который уже нам подарен, и церковный, который мы сами давно хотели получить; все это похоже на бред.

25 [марта] / 7 [апреля]. Благовещение. Но благих вестей никаких; наоборот. Вчера — известие о высадке японцев во Владивостоке[131]; германцы высадились в Ганге и топят остатки русского флота; на юге отбирают Екатеринослав, а завтра очередь Харькова[132]; а здесь все та же война с буржуазами. Наконец, сегодня известие о том, что немцы дошли до Amiens; правда, это «собственная корреспонденция» «Раннего утра»[133], и в ней есть некоторые географические несообразности, но ведь уже надо привыкнуть к тому, что сбывается все самое скверное. Чувствуешь только одно — хоть бы какой-нибудь конец всему этому. Вчера и третьего дня известия о том, что немцы опять стараются заговорить с русскими правыми элементами и, будто бы, теперь успешнее. Почти нет сомнения, что русские геростраты доведут до того, что те, кто боролся с немцами, станут их друзьями, чтоб спасти хотя бы развалины России.

27 [марта]/ 9 [апреля]. На западе бои идут своим чередом; без успеха в ту или иную сторону. Слухи о взятии оказались, слава Богу, вздором, так же как и сменившие их слухи о взятии Реймса. Немцы приказали русской сволочи разоружить суда Балтийского флота, и русская сволочь поспешила привести в исполнение это приказание[134]. Взаимные отношения Германской империи и советской республики начинают мне напоминать отношения Рима к Карфагену перед последней Пунической войной или же к Египту во времена Помпея и Цезаря. С другой стороны, они дошли до Харькова, а японцы прочно засели во Владивостоке. Сволочь кричит об империалистах, ополчающихся против России, и ждет, чтобы легионы красной армии вышли из земли, когда Лейба Бронштейн топнет ногою.

Вчера были у меня Malfi и Avenard, с которыми мы кропали устав союза взаимопонимания. Я излагал некоторые из моих скорбных мыслей; Avenard мне сказал — Vous êtes indigné, nous le comprenons[135]. В этом сказалось их отношение к русской сволочи, прикрытое деликатным чувством к гостеприимному хозяину. Да, все можно понять — самую последнюю подлость и гадость, но когда подлость делается только для самоубийства, без намека на выгоду, теряешь разум перед бездною такой глупости; а ведь в этом проявился пресловутый здравый смысл русского народа.

28 [марта] / 10 [апреля]. По Курской дороге выдают билеты только до Орла — далее, видимо, уже немцы; большевик Саблин кричит об интернационалистической армии из военнопленных[136], которые, действительно, частью не желают возвращаться, боясь опять быть отправленными на войну; в Киеве собрались праздновать годовщину революции, но ее запретил немецкий комендант (о, ирония судьбы!). Словом, сумасшедший дом по-прежнему горит, а безумные по-прежнему прыгают в окна. На западе, может быть, скоро опять установится равновесие, но мира не видать, а как бы он был желателен во имя спасения европейской цивилизации; из нашего отхожего места это так ясно видно теперь.

29 [марта] / 11 [апреля]. Сегодня собачкины приказали доставлять им все земельные документы на предмет уничтожения и собираются уничтожить все акты по земельным делам в нотариальных конторах[137], а тов. Лупанарский[138] назвал университеты кучей мусора; в совете Румянцевского Музея раздается голос (конечно, Н. А. Янчук[139]) о необходимости реквизировать дом гр. Шереметева, занимаемый Охотничьим клубом, для размещения в нем этнографического музея — это ли не проявления, разнообразные и богатые, той всероссийской глупости, которая, неудержимо прорвавшись наружу, воочию доказала ненужность и вред политического бытия России. Будем ждать германского посла, который будет играть роль князя Репнина в Варшаве в 1760-х годах[140]. Более, чем когда-либо мне становится ясно, что земельное дворянство и гибнущая промышленность пригласят немцев на

помощь против социалистов всех оттенков. Это — единственный исход из теперешнего положения.

30 [марта] / 12 [апреля]. Сегодня Ульянов доказывал, что он умнее Керенского; вышибали и ликвидировали анархистов[141], из 27 особняков выгнали; что при этом разрушено и испорчено — не известно; в 4 часа из Кремля, где я в это время был на заседании Комиссии по охране старины, должны были быть разосланы автомобили, чтоб выяснить повреждения и убытки. Вечером говорили, что в сегодняшнюю ночь продолжение того же должно следовать и что, будто бы, здесь действуют и другие силы; в это последнее я не верю. Вести с запада начинают меня убеждать, что и там дело в конце концов замрет; а тогда дележ сошедшего с ума зверинца будет естественным исходом из положения. На днях я узнал, т. е. мне сказали, что тов. Лупанарский — педераст, имеющий ближайшие дружеские связи с некоторыми известными футуристами. Se non é vero, é ben trovato. Мне представляется чрезвычайно характерной эта смесь эпикурейского разврата с социальными экспериментами, фантастического футуризма с хлестаковщиной, образцом которой являются речи Луначарского о русской школе.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Проект декрета об аннулировании государственных займов должен был рассматриваться СНК 31 декабря; возможно, об этом сообщалось в газетах. Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» был принят 27 апреля 1918 года.
2. Глас народа — глас божий (*лат.*).
3. 27 декабря 1917 г. в Бресте возобновились мирные переговоры, советскую делегацию возглавил нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий (1879—1940) — социал-демократ с 1897 г.; с 1903 г. до лета 1917 г. почти всегда и во всем расходился с Лениным. С августа 1917 г. — член РСДРП(б) и ее ЦК, один из руководителей Октябрьского восстания в Петрограде, после чего стал вторым лицом в партии и Советском правительстве. Считал нужным затягивать мирные переговоры в расчете на начало в ближайшее время революции в Германии и Австро-Венгрии. В остальном состав делегации оставался прежним, но Иоффе стал в ней вторым лицом, а некоторое время спустя в Брест приехал один из лидеров левых эсеров В. А. Карелин, бывший в то время наркомом государственных имуществ. Консультантами делегации по национальным делам были П. И. Стучка (1865—1932), В. С. Мицкявичюс-Капсукас (1880—1935) и С. Я. Бобинский (1882—1937, расстрелян). Последний представлял социал-демократию Польши и Литвы, вторым консультантом от нее был К. Б. Радек (1885—1939(?), погиб в заключении), истинная роль которого на переговорах остается неясной (по некоторым сведениям, в то время он почти не владел русским языком). 30 декабря началось обсуждение выработанного германской стороной проекта мирного договора, который содержал территориальные притязания Германии и ее союзников. Ленин считал германские требования фактически ультиматумом и настаивал на их принятии.
4. Образ в произведении Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».
5. *Жорж* — член семьи Вилькенов.
6. Прямые поезда Владивосток — Москва в описываемое время ходили по принадлежавшей России Китайско-восточной железной дороге через Маньчжурию.
7. *Заем свободы* — последний консолидированный (то есть поглощавший прежние) государственный военный заем, выпущенный 27 марта 1917 года.
8. Вероятно, не котировавшихся на бирже, а имевший (теоретически) постоянную ценность.
9. Постановлением СНК от 20 декабря 1917 г. открытие Учредительного собрания было назначено на 5 января 1918 года. К манифестации призывал Союз защиты Учредительного собрания, созданный в конце ноября с участием эсеров, народных социалистов, меньшевиков и кадетов. Заявление против демонстрации было принято Петроградским Советом 3 января.
10. Предположение Готье сбылось почти в точности. На выборах в Учредительное собрание большевики получили 24% голосов и соответственно (поскольку выборы были пропорциональными) из 707 (по другим данным — из 715) избранных их было 175, а из присутствовавших на заседании примерно 410 членов — около 120. Ушли они после того, как Учредительное собрание отказалось узаконить результаты Октябрьского восстания. В 5 часов утра 6 января, после 13-часового заседания, по распоряжению, полученному через члена СНК П. Е. Дыбенко, оно было разогнано охранявшим его отрядом матросов под командой анархиста А. Г. Железнякова. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК принял декрет

о его роспуске, а 18 января III съезд Советов постановил устранить из текста узаконений ссылки на их временный, «до созыва Учредительного собрания», характер. Советское правительство перестало именоваться Временным рабоче-крестьянским правительством.

11. *Гоц Абрам Рафаилович* (1882—1940 (1937?), по-видимому, расстрелян) — член ЦК ПСР, июнь — октябрь 1917 г. — председатель ВЦИК 1-го созыва. В Октябрьские дни — член Комитета спасения родины и революции. *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878—1943) — член ЦК ПСР, председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Совета республики и Комитета спасения родины и революции. В описываемое время находился в Петропавловской крепости. Позднее эмигрировал.
12. В Москве, как и в Петрограде, состоялась демонстрация в поддержку Учредительного собрания; обе были разогнаны.
13. Кокошкин и Шингарев, арестованные 28 ноября 1917 г., 5 января 1918 г. были переведены из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу и там в ночь на 6-е убиты то ли караулившими их солдатами, то ли ворвавшимися в больницу матросами. По официальному сообщению, убийцы были обнаружены и арестованы, но суда над ними не было, и, вероятно, они были вскоре освобождены.
14. *Белецкий Степан Петрович* (1873—1918) — юрист, служил в Министерстве внутренних дел, тайный советник; с 1914 г. — сенатор. Имел репутацию беспринципного человека крайне правых взглядов, близкого к Распутину; принимал деятельное участие в организации «дела Бейлиса». В дни Февральской революции арестован, вскоре после Октябрьского восстания освобожден; с началом «красного террора» вновь арестован и 5 сентября 1918 г. расстрелян. *Курлов Павел Григорьевич* (1860—1923) — шталмейстер, генерал-лейтенант; военный прокурор, служил в министерствах юстиции и внутренних дел. В 1906, 1911 и 1915 гг. увольнялся в связи с обвинением в серьезных служебных проступках, но всякий раз расследование прекращалось, и он получал новое назначение; подозревался в причастности к убийству Столыпина. 28 февраля 1917 г. был арестован, после Октябрьского восстания освобожден, в августе 1918 г. эмигрировал.
15. *«Московским осадным сиденьем»* часто называют осаду Москвы Лжедмитрием II в 1608—1610 годах.
16. Кокошкин был председателем комиссии Временного правительства по выработке закона о выборах в Учредительное собрание.
17. Банковские служащие бастовали в знак протеста против национализации банков.
18. *Никитюк Всеволод Станиславович* (Степанович?) — заведующий хозяйственной частью Румянцевского музея.
19. Очевидно, Готье пытается передать по-немецки выражение «чтобы свежевать русских свиней», полагаясь на смысловое сходство глагольных корней (доступные нам словари такого значения глагола frischen не дают).
20. «Россия, сильная у себя дома, грозная, пока борется с азиатскими народами, разобьется о Европу» (*фр.*). *Кюстин Астольф де* (1790—1857) — французский маркиз, литератор. По приглашению Николая I посетил Россию. Его книга «La Russie en 1839» (P. 1843), которую цитирует Готье, отрицательно характеризующая самодержавие, вызвала поток официозных опровержений. Наиболее полный перевод ее на русский язык появился после Октябрьской революции.
21. *День св. Татьяны* (12 января ст. ст.) — годовщина основания Московского университета. Отмечался как праздник студенчества.
22. 9 января Центральная Рада провозгласила Украинскую народную республику (УНР) независимым государством. Сепаратный мирный договор между УНР и Германией с ее союзниками был подписан в Брест-Литовске 27 января.
23. «Черный блок» — распространенное в либеральных кругах наименование темных личностей, старавшихся (главным образом через Вырубову и Распутина) влиять на царскую семью в своих интересах. Катков находит (Russia, 1917, p. 209), что никакого единства, тем более политического, между ними не было. *Вырубова* (урожд. Танеева) *Анна Александровна* (1884 — не ранее 1961) — с 1904 г. фрейлина императрицы Александры Федоровны; близкий друг царской семьи и Распутина. С 1920 г. в эмиграции в Финляндии. Недавно обнаружена ее переписка за последние годы жизни. Книга «Фрейлина Ея Величества: Интимный дневник и воспоминания А. Вырубовой» (Рига. Б. г.) — сомнительной подлинности, хотя, возможно, и основана отчасти на каких-то реальных материалах.
24. 17 января после перерыва возобновились пленарные заседания мирной конференции в Бресте. Советскую делегацию опять возглавлял Троцкий.
25. Войсковые правительства казачьих областей не признали Советского правительства, оказывали сопротивление большевистским войскам, попыткам установления Советской власти в своих областях и до какой-то степени (особенно на Дону) поддерживали антибольшевистские начинания. Однако возвращавшиеся с фронта деморализованные казачьи части нередко примыкали к большевикам. В начале января в станице Каменской состоялся «съезд фронтового казачества», на котором был образован Донской казачий военно-революционный комитет.

26. То есть обе стороны понимали несерьезность, чисто формальный характер того, что делали.
27. *Орановский Е. В.* — заместитель наркома имуществ РСФСР.
28. Польские патриоты стремились к восстановлению Польского государства «в его исторических границах» (1772 г., до первого раздела Речи Посполитой), а не к созданию нового государства на территории сплошного расселения поляков. Могилевская губерния была образована на части территории, отошедшей к России по первому разделу. 16 января на некоторых заводах Киева началось восстание против правительства УНР.
29. *Пастеровский институт* — научно-исследовательский институт иммунологии в Париже, основанный в 1886 г. Л. Пастером. *П. Мальфитано* был научным сотрудником этого института, членом миссии «Взаимопонимание». Institut Français de St. Pétersburg (на Гороховой ул.), основанный до войны, имел целью способствовать развитию франко-русских культурных связей. Такие институты в разных странах обычно создавались по инициативе французского правительства и содержались на его средства.
30. *«Фонарь»* — беспартийная газета, выходившая в Москве нерегулярно в 1917—1918 гг. (последний номер 12 марта 1918 г.), закрыта советскими властями. *«Приазовский край»* — большая ежедневная «политическая, экономическая и литературная» газета левого направления, выходившая в Ростове-на-Дону в 1891—1918 годах. Документы, о которых идет речь, известны в литературе как «документы Сиссона» — по имени американского журналиста, при посредстве которого они получили широкую огласку. С ноября 1917 г. Э. Сиссон был петроградским представителем «U. S. Committee on Public Information», официального информационно-пропагандистского ведомства США во время первой мировой войны. По-видимому, большинство документов были целиком или частично подложными, в связи с чем вся публикация оказалась дискредитированной.
31. 12 декабря 1917 г. Всеукраинский съезд Советов в Харькове провозгласил создание Украинской Советской республики и объявил ее частью Российской Советской республики. В декабре в Одессе был образован Румынский военно-революционный комитет, приступивший к формированию красных румынских частей (в Одессе и окрестностях были захвачены румынские военные склады). В январе 1918 г. эти части боролись в Бессарабии с оккупировавшей ее румынской армией.
32. Декрет СНК, обычно называемый Декретом об отделении церкви от государства, был принят 20 января. Постановлением 2-й сессии Поместного собора Русской православной церкви, открывшейся в эти же дни в Москве, он был определен как «акт открытого гонения против церкви». Крестные ходы, состоявшиеся после декрета в Петрограде и др. городах, воспринимались большевиками как «контрреволюционные демонстрации».
33. Всеукраинский съезд Советов объявил Центральную Раду «вне закона».
34. *Петрово-Соловово Мария Михайловна* (1858—1940) — хозяйка дома, в котором жили Готье, из состоятельных дворян Тамбовской губ., фрейлина императрицы.
35. *Мечников Илья Ильич* (1845—1916) с 1888 г. до конца жизни работал в Пастеровском институте в Париже.
36. *Киселев Николай Петрович* (1884—1965) — книговед и библиограф. С 1910 г. служил в библиотеке Румянцевского музея; в 1925—1930 гг. заведовал отделом редких книг. Возможно, пострадал в связи с арестом Готье, но, по-видимому, арестован был только в 1939 г., реабилитирован в 1957 г. (см. о нем: Книги, исследования и материалы. Сб. XII. М. 1966).
37. Православие, самодержавие, народность — принципы, на которых должно было строиться народное образование в России, сформулированные в 1833 г. министром просвещения С. С. Уваровым. Эта формула, часто называемая теорией официальной народности, выражала взгляды Николая I и стала основой политической доктрины российской монархии до 1905 г. и большинства позднейших русских монархических течений.
38. Блеф (*англ.*).
39. Декрет об аннулировании государственных займов был «одобрен» СНК 1 января и «подтвержден» ВЦИК 21 января 1918 года. Этим актом аннулировались все внутренние и внешние государственные займы прежних правительств, а также все правительственные гарантии, данные по займам предприятий и учреждений. Декретом предусматривалась компенсация владельцам облигаций аннулированных займов облигациями нового займа на сумму не более 10 тыс. рублей.
40. Искренне (*фр.*).
41. С 27 декабря 1917 г. «Алексеевская организация», в командование которой вступил ген. Корнилов, стала именоваться Добровольческой армией. Известия, о которых пишет Готье, возможно, были связаны с ее перемещением из Новочеркасска в Ростов-на-Дону (насчитывала в то время, по разным сведениям, от 2 до 4 тыс. бойцов).
42. Человеконенавистничество (*греч.*).
43. «Жернов осельский» (*церковнослав.*), то есть ослиный — верхний жернов, который крутил, ходя по кругу, привязанный к нему осел. В переносном смысле — душевная тяжесть.

44. *Мирбах В. фон* (1871—1918) — граф, германский дипломат (с 1911 г.), был участником мирных переговоров в Брест-Литовске. С конца декабря 1917 г. — глава германской делегации в Петрограде, затем официальный представитель (посланник) при Советском правительстве. *Кейзерлинг В. фон* — контр-адмирал, глава военно-морской миссии в делегации Мирбаха.
45. По-видимому, поезда между Киевом и Брянском в эти дни не ходили (район военных действий). Красная Армия заняла Киев 26 января.
46. Заявление Троцкого (в соответствии с его полномочиями) было сделано 28 января. В ответ Кюльман заявил, что «неподписание Россией мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия». 18 февраля началось наступление австро-германских войск.
47. Призыва (*фр.*).
48. Декретом СНК от 24 января 1918 г. о введении «западноевропейского», григорианского, календаря постановлялось считать первый день после 31 января не 1-м, а 14 февраля. Переход Готье на новый календарь, хотя он и приветствовал эту меру, затянулся.
49. *Ссудная казна* — государственное кредитное учреждение. Открытые в 1772 г. ссудные казны (их было две — в Санкт-Петербурге и Москве) имели целью в какой-то степени оградить малоимущих и людей среднего достатка от ростовщиков. Под залог драгоценных вещей в них можно было получить небольшой заем из сравнительно низких процентов. Очевидно, в ссудной казне можно было хранить драгоценности и не беря под них денег.
50. В России главные церковные праздники (их было довольно много) были нерабочими днями.
51. *Владимир* — в миру Богоявленский Василий Никанорович (1848—1918), духовный писатель и проповедник, доктор богословия; с 1886 г. в монашестве. С 1915 г. — митрополит Киевский и Галицкий. Придерживался крайне правых взглядов, но был убежденным противником Распутина. Убит в Киево-Печерской лавре 25 (?) января. *Иванов Николай Иудович* (1851—1919) — генерал от артиллерии, генерал-адъютант; после Февральской революции был не у дел, после Октябрьской вернулся из Петрограда в Киев, где служил до войны. Слух о его убийстве оказался ложным.
52. *Бартенев Сергей Петрович* (1863—1930) — пианист, профессор музыки в Николаевском сиротском женском институте в Москве.
53. Большинство донских казаков, возвращавшихся с фронта, расходилось по домам, не желая принимать участия в гражданской войне. Не находя достаточной поддержки среди казаков в начатой им совместно с генералом Алексеевым борьбе, Каледин 29 января сложил полномочия войскового атамана и в тот же день застрелился.
54. После взятия Киева советскими войсками 26 января 1918 г. Центральная Рада перебралась в Житомир, потом в Сарны (железнодорожная станция в Ровенском уезде Волынской губ.); при поддержке германских войск (на основании Брест-Литовского соглашения от 27 января) вернулась в Киев 1 марта (н. с.).
55. 2 декабря 1917 г. Бессарабский земский совет, состоявший главным образом из представителей левых партий, провозгласил образование независимой Молдавской народной республики. 6 января 1918 г. в Бессарабию вступили румынские войска, 13 января Советское правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с Румынией. Постановлениями земского совета от 9 апреля и 10 декабря 1918 г. Бессарабия была присоединена к Румынии. Австро-венгерские территории, на которые претендовала Румыния, она получила: по Сен-Жерменскому мирному договору держав Антанты с Австрией (1919 г.) — Буковину, а по Трианонскому договору их с Венгрией (1920 г.) — Трансильванию и восточную часть Баната. С румынской точки зрения, это был процесс объединения населенных главным образом румынами земель в одном государстве.
56. На общем собрании всех служащих был избран «Комитет служащих Государственного Румянцевского музея»; в 1919 г. он стал местной организацией Московского профсоюза работников советских, общественных и торговых учреждений, а в 1920 г., после разделения этого профсоюза, вступил в профсоюз работников искусств. В. Д. Голицын был избран председателем комитета на год, затем дважды переизбирался (декретом ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г.об уничтожении сословий и гражданских чинов был уничтожен и княжеский титул, так что официально он князем уже не был). Секретарем комитета был избран ученый секретарь музея К. А. Стратонитский.
57. После убийства 4 февраля 1905 г. московского генерал-губернатора, дяди Николая II, великого князя Сергея Александровича (1857—1905) И. П. Каляев (1877—1905) был приговорен к смертной казни. Вдова убитого великая княгиня Елизавета Федоровна (1864—1918), старшая сестра императрицы Александры Федоровны, посетила Каляева в тюрьме и уговаривала его просить о помиловании, обещая ходатайствовать за него перед императором.
58. Германское наступление началось 18 февраля 1918 г. в 12 часов дня. *Двинск* — уездный город в Витебской губ. и крепость — был занят в первый же день наступления, *Гапсаль* — уездный город в Эстляндской губ. — 22 или 23 февраля.
59. Возможно, автор смешивает два разных явления. Поддержкой Германии пользовалась белая гвардия,

созданная финляндским Сенатом (правительством) в декабре 1917 г. для борьбы с образовавшейся летом Красной гвардией и предотвращения захвата ею власти. 5 марта на Аландских островах высадился отряд германских войск. Шведское же правительство поддерживало возникшее на Аландских островах, населенных исключительно шведами, движение под лозунгом национального самоопределения, отделения от Финляндии и присоединения к Швеции.
60. 21 февраля СНК выпустил декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности».
61. В царствование Александра III немецкое влияние на российское правительство значительно уменьшилось. Переориентация на Францию резко ослабила германское влияние на внешнюю политику России. Во внутренней политике проводился в жизнь тезис «Россия для русских», что до некоторой степени ослабило позиции в правительственном аппарате необрусевших немцев. Подорвано было до того почти неограниченное господство местного немецкого дворянства и бюргерства в Остзейских (прибалтийских) губерниях.
62. Минск был занят 21-го, Полоцк — 25 февраля 1918 года.
63. Будучи оставленным при университете, А. Л. Лютш приготовился к магистерскому экзамену по двум предметам.
64. Московские частные высшие женские юридические (с 1907 г.) и историко-филологические (с 1910 г.) курсы В. А. Полторацкой.
65. *Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855) — историк-медиевист и известный общественный деятель. *Станкевич Николай Владимирович* (1813—1840) — историк, руководитель «кружка Станкевича» — средоточия московских гегельянцев 1830-х годов. *Кетчер Николай Христофорович* (1809—1886) — врач и литератор, переводчик, в молодости входил в радикальный кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева, позднее придерживался либеральных убеждений. *Корш Евгений Федорович* (1810—1897) — журналист, переводчик; одно время входил в кружок Герцена, позднее разделял либеральные взгляды, предшественник Готье в должности библиотекаря Румянцевского музея (1862—1892 гг.). *Щепкин Михаил Семенович* (1788—1863) — актер Малого театра, основоположник реализма в русском сценическом искусстве, реформатор русского театра. *Афанасьев Александр Николаевич* (1826—1871) — историк, литературовед, исследователь русского фольклора.
66. Германский ультиматум был принят ВЦИК и СНК в ночь на 24 февраля 1918 года.
67. *Муратов Николай Павлович* (1861—?) — действительный статский советник; был тамбовским и курским губернатором. С 1915 г. — член Государственного совета (по назначению), входил в группу правых.
68. Речь идет о ВЦИК, избранном III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. (305 членов).
69. Псков был занят 26 февраля 1918 г., Ревель днем раньше, Борисов (уездный город Минской губ.), по-видимому, в те же дни.
70. Ценных бумаг, в расчете на то, что обесценившие их советские декреты потеряют силу.
71. Метафора основана на евангельском тексте (Матф. XXVI. 35), где говорится о разделе по жребию одежд Иисуса Христа после распятия.
72. Утренняя телеграмма СНК была вызвана недоразумением, разъяснившимся в течение 2 и 3 марта.
73. В состав советской делегации, подписавшей мирный договор, входили: *Сокольников Григорий Яковлевич* (1888—1937/39, погиб в заключении) — глава делегации. Журналист, из интеллигентной семьи, высшее образование (юридическое и экономическое) получил в Париже; вернулся в Россию весной 1917 г. вместе с Лениным. С лета 1917 г. — влиятельный член ЦК РСДРП (б) (10 октября избирался в Политбюро). Входил в состав делегации А. А. Иоффе, подписавшей 2 декабря в Бресте соглашение о перемирии. Был неизменным сторонником Ленина во внутрипартийной борьбе по вопросу о мире. *Петровский Григорий Иванович* (1878—1958) — рабочий, депутат IV Государственной думы. С 17 ноября 1917 г. — народный комиссар внутренних дел (сменил на этом посту А. И. Рыкова, ушедшего из-за разногласий по вопросу об образовании «однородного социалистического правительства». *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — потомственный дворянин и дипломат (дипломатами были его отец и многие предки по материнской линии из балтийско-немецких семей баронов Мейендорфов и графов Штакельбергов). Окончив историко-филологический факультет Петербургского университета, с 1897 г. до эмиграции в 1904 г. служил в Архиве МИД, где под руководством Н. П. Павлова-Сильванского работал над историей министерства. В 1905 г. — большевик, с 1906 г. — меньшевик. По возвращении в Россию в январе 1918 г. опять большевик, заместитель наркома иностранных дел; с 13 марта — и. о. наркома, с 30 мая — нарком.
74. М. Н. Покровский был членом делегации на мирных переговорах в декабре — январе (при Иоффе и Троцком). На последнем этапе (при Сокольникове) в переговорах не участвовал и мирного договора не подписывал; по наблюдениям немецкого дипломата Фокке, больше других членов делегации заботился о территориальных интересах России.
75. В качестве магистерской диссертации Пичета защищал первую часть своего исследования «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (М. 1917).

76. Нарва была занята германскими войсками 4 марта. Готье мог считать это свидетельством того, что «мирный договор не ладится», так как Нарва за все время пребывания ее в составе Российской империи (с петровских времен) не входила в Эстляндскую губернию (в описываемое время была заштатным городом Петроградской губ.), а население ее (по данным 1910 г.) несколько более чем наполовину (51%) состояло из русских. Официально Нарва отошла к Эстонии по советско-эстонскому мирному договору 2 февраля 1920 года.
77. Советское правительство переехало в Москву 11 марта 1918 года. Решение о переносе столицы было принято ВЦИК в конце февраля, а 16 марта утверждено IV Всероссийским съездом Советов.
78. Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг. 1917.
79. Покровский входил во фракцию «левых коммунистов», считавших принципиально недопустимым заключать мир с «империалистами». Генеральный консул США в Москве М. Саммерс 31 марта телеграфировал в госдепартамент, что Покровский ожидает, что Москва будет оккупирована в мае, а Советское правительство будет вынуждено отступить за Волгу и там воссоздавать свои силы.
80. Готье, вероятно, имеет в виду, что Покровский не стал профессиональным историком. С 14 ноября 1917 г. он был председателем Московского Совета рабочих и солдатских депутатов; московским комиссаром по иностранным делам оставался до 20 марта 1918 г., когда стал председателем образованного в тот день Московского областного Совета народных комиссаров.
81. 13 марта Московский совет постановил закрыть высшие учебные заведения, а их преподавателей и студентов эвакуировать из города. На следующий день общее собрание старостатов шести крупнейших вузов решило «считать декрет... недопустимым вмешательством в область автономии высшей школы, а потому совершенно его игнорировать, ни в какие отношения с представителями Советской власти не входить» (цит. по: Память. Вып. 5. М. 1981 (Париж. 1982), с. 412). Видимо, постановление Моссовета не было приведено в исполнение.
82. 5 марта 1918 г. Советское правительство направило правительствам Антанты и США ноту, в которой между прочим запрашивало, что они предприняли бы, «если бы Япония... попыталась захватить Владивосток». Примерно тогда же в газетах стали появляться сообщения о предстоящей в ближайшее время высадке союзников на Дальнем Востоке. Первая высадка японцев (небольшого отряда морской пехоты) во Владивостоке произошла 5 апреля. Известие об образовании правительства во главе с кн. Львовым не соответствовало действительности.
83. Кроме Э. Г. Бирона (1690—1772), фаворита Анны Иоанновны и фактического правителя России в ее царствование (1730—1740), — псевдонемецкие фамилии, придуманные автором.
84. Книги Покровского «Русская история с древнейших времен» (Тт. 1—5. М. 1910—1914) — первого обзора истории России с марксистской точки зрения.
85. Начала Февральской революции.
86. *Веселовский Степан Борисович* (1876—1952) в 1917 г. был удостоен степени доктора истории русского права honoris causa (лат., букв. — «чести ради»), то есть без защиты диссертации. Годом избрания его профессором обычно указывается тоже 1917.
87. Речь идет о делегатах (1232 чел.), съехавшихся на Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов (14—16 марта 1918 года).
88. Взаимопонимание (*фр.*).
89. «Свою шкуру и карман» (*фр.*).
90. Ни стыда, ни совести (*фр.*).
91. *Штюрмер Борис Владимирович* (1848—1917) — обер-камергер, действительный тайный советник; с 1904 г. — член Государственного совета (группа правых); 20 января — 10 ноября 1916 г. — председатель Совета министров, 7 июля — 10 ноября также министр иностранных дел. По отцу происходил из обрусевшей немецкой семьи и на этом основании подозревался в прогерманских симпатиях.
92. Взаимного согласия, понимания (*фр.*).
93. Брестский мирный договор был ратифицирован IV Всероссийским съездом Советов 15 марта.
94. Цитата из «Истории» древнегреческого историка Фукидида (11.XII.3). В дневнике приведена на греческом языке.
95. Скотоводство; разведение русских свиней (*нем.*). Возможно, тут игра слов, т. к. Zucht означает также «дисциплина», «повиновение», «принуждение».
96. *Камков (Кац) Борис Давидович* (1885—1938 (?), погиб в заключении) — член ВЦИК, член ЦК левых эсеров; противник Брестского мира.
97. «Похвала глупости» — сочинение Эразма Роттердамского.
98. *Patouillet Jules* (Патуйе Жюль) — директор Французского института в Петрограде и руководитель группы «Взаимопонимание»; Патуйе и его сотрудники с начала войны занимались пропагандой в русском обществе в пользу союзников.
99. Русский вопрос должен быть разрешен на конгрессе (*фр.*); нельзя предоставить Германии свободу действия в России (*фр.*).

100. «Больным человеком Европы», делами которого могут (а то и должны) заниматься совместно другие великие державы, называли в европейской публицистике второй половины XIX в. Оттоманскую империю.
101. Сводная рота латышских солдат (из латышских стрелковых полков, сформированных в 1915 г.) вместе с матросами и красногвардейцами охраняла Советское правительство в здании Смольного института в Петрограде, в поезде во время переезда в Москву, а затем в Кремле.
102. *Тимашев Александр Егорович* (1818—1893) — в 1868—1878 гг. — министр внутренних дел.
103. Декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии был принят СНК 15 января 1918 г., тогда же была образована Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА. Хотя в Брестском мирном договоре говорилось, что «Россия незамедлительно произведет полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством», организация Красной Армии продолжалась. В течение марта был создан Наркомат по военным делам, во главе которого 14 марта был поставлен Троцкий; постановлениями СНК от 4 и 19 марта был образован и усовершенствован Высший военный совет, возглавляемый наркомом, для руководства военными операциями.
104. Они не достигнут большего, чем при других наступлениях (*фр.*).
105. Вероятно, для курса историографии.
106. *Шевяков Николай Львович* — архитектор Румянцевского музея.
107. Страшно сказать (*лат.*).
108. Присылки этих офицеров требовал, еще будучи наркомом по иностранным делам, Троцкий в письме французскому послу Нулансу.
109. *Хвостов Вениамин Михайлович* (1868—1920) — профессор римского права на юридическом факультете Московского университета. Кроме работ по специальности, автор общих трудов по социологии и по методологии истории.
110. Положение обязывает (*фр.*).
111. *«Киевлянин»* — влиятельная ежедневная литературно-политическая газета русско-националистического направления, выходившая в Киеве в 1864—1918 гг.; с 1879 г. редактором ее был профессор университета св. Владимира Д. И. Пихно, с 1911 г. — видный член II—IV Государственных дум В. В. Шульгин (1878—1976). Номер «Русских ведомостей», вырезку из которого прилагает автор, оказался последним — газета была закрыта. Под названием «Свобода России» выходила с 11 апреля по 6 июля 1918 года. Текст приложенной вырезки состоит из следующих заметок Шульгина о социалистах: «Социалисты воображали, что так называемая контрреволюция придет от рахитичных русских капиталистов или от мечтательных русских помещиков... Во имя этой несуществующей контрреволюции они расстреливали и уничтожали тот небольшой культурный класс, который в России единственно был носителем национальной гордости и готов был подвергнуться всем экспериментам «социализма», лишь бы сохранить независимой свою родину. Задача блестяще удалась. Людей, любивших свое отечество, смяли и растоптали из страха перед «ней». Но когда это было сделано, «буржуи» уничтожены, тогда-то и пришла «она»... Пришла сильная, спокойная, уверенная... И все эти жалкие людишки стали на колени и приветствовали ее появление. Контрреволюция пришла в образе немецких офицеров и солдат, занявших Россию. Тех немецких солдат, у которых «нервы оказались крепче».
112. Шкуры и кармана [собственных] (*фр.*).
113. На заседании совета Румянцевского музея было принято «Положение» об управлении музеем, согласно которому вместо совета учреждалась ученая коллегия, а председателем ее — председатель комитета служащих.
114. *Жилинский Яков Григорьевич* (1853—1918) — генерал от кавалерии, в 1911—1914 гг. — начальник Генерального штаба, затем командующий войсками Варшавского военного округа и Варшавский генерал-губернатор (в генерал-губернаторство входили все 10 польских губерний); с началом мировой войны — главнокомандующий Северо-Западным фронтом, сменен за поражение в Восточной Пруссии.
115. *Вормс Альфонс Эрнестович* (1868—1937) — юрист, в 1906—1911 гг. — приват-доцент Московского университета, затем преподавал в Московском коммерческом институте, с 1917 г. вернулся в университет, где был профессором до 1928 года. Специалист по гражданскому и крестьянскому праву. Когда был в правительстве (возможно, товарищем министра), установить не удалось.
116. Речь, по-видимому, идет о занятии особняка графини Соллогуб чекистами.
117. Всероссийский союз земельных собственников и сельских хозяев, зародившийся в 1905—1906 гг., был воссоздан в 1916 г. для помощи в снабжении армии продовольствием и организационно оформился весной 1917 года. Основная цель Союза — защита имущественных прав землевладельцев, в том числе состоятельных крестьян. Закрытый советскими властями в феврале 1918 г., он споради-

чески действовал до конца гражданской войны (в местностях, занятых антибольшевистскими силами), а затем в эмиграции.

118. *Риттих Александр Александрович* (1868— ?) — тайный советник, гофмейстер, с 1916 г. сенатор. Последний (с 12 января 1917 г.) министр земледелия царского правительства.
119. *Стучка Петр Иванович* (1865—1932) — с 18 марта по 22 августа 1918 г. — народный комиссар юстиции. Вормс имел репутацию человека либеральных взглядов.
120. *Голубцов Иван Александрович* (1887—1966) — историк, археограф, архивовед и картограф. Сдал магистерский экзамен, но диссертацию не успел защитить до отмены ученых степеней (только в 1963 г. получил докторскую степень). С 1912 г. преподавал на Высших женских курсах Полторацкой и (до 1925 г.) в Московском университете (куда курсы были влиты). С 1914 г. служил в Московском архиве МИД, затем в других архивах. В 1930 г. арестован по «делу Платонова», скорее всего сослан, по возвращении в Москву в середине 30-х годов работал по контрактам (составлял исторические карты); с 1946 г. — младший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР. Интерес Готье к экзамену объяснялся, в частности, тем, что в студенческие годы Голубцов работал и в его семинаре.
121. Юрьевским с 1893 г. (после официального переименования города) назывался Дерптский (ныне Тартуский) университет.
122. Других сведений об этом обращении Ленина в библиотеку Румянцевского музея как будто нет. Широко известно его аналогичное (письменное) обращение туда 1 сентября 1920 года.
123. *Калишевский Антон Иеронимович* (1863—1925) — библиотековед, в 1891—1908 гг. работал в библиотеке Румянцевского музея, в 1908—1925 гг. — директор университетской библиотеки.
124. Новая структура библиотеки была принята на заседании Ученой коллегии музея в начале января 1919 г. и обрисована в докладе Готье «План устройства органов Румянцевского музея» на «библиотечной сессии» Наркомпроса в конце того же месяца.
125. Интересно, что в то же время к мысли о «германской ориентации» (то есть о сотрудничестве с Германией против большевиков) пришли многие члены Правого центра, образованного в Москве в марте.
126. *Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904) — крупнейший представитель западнического либерализма в русской мысли XIX века. Чичерины — старинный московский дворянский род.
127. С мая 1917 г. до 6 июля 1918 г. левые эсеры, расходясь с большевиками идейно, тесно сотрудничали с ними политически. Многие продолжали сотрудничество и позже и даже вступили в большевистскую партию.
128. У Геродота и других древних авторов — скиф, отправившийся в Грецию и пленившийся тамошними порядками.
129. Завтра, завтра, не сегодня (*нем.*).
130. Очень занятого (*фр.*).
131. 5 апреля во Владивостоке высадились со стоявших в бухте судов две японские роты и полурота английской морской пехоты. Официальные цели высадки — защита иностранных подданных, устранение опасности со стороны находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке австро-германских военнопленных и помощь в эвакуации чехо-словацкого корпуса.
132. *Ганге* — небольшой портовый город и курорт на юго-западном побережье Финляндии, у входа в Финский залив. Германские войска (посланные по договоренности с финляндским правительством для помощи ему против Красной гвардии, пытавшейся захватить власть) начали высадку в Ганге 3 апреля. Екатеринослав был занят австро-германскими войсками 4-го, Харьков — 8 апреля.
133. *«Раннее утро»* — ежедневная политическая и литературная газета либерального направления, издавалась с 1907 г. в Москве на средства одного из братьев Рябушинских — крупных промышленников, банкиров и либеральных общественно-политических деятелей (прогрессистов); незадолго до революции перешла в собственность известного издателя И. Д. Сытина. Закрывалась Московским ВРК 26 октября 1917 г., окончательно закрыта 30 мая 1918 года.
134. Произвести полную демобилизацию военно-морского флота обязывал Советское правительство Брестский мирный договор, но этого сделано не было.
135. Вы возмущены, мы это понимаем (*фр.*).
136. *Саблин Юрий Владимирович* (1897—1937 (?) — погиб в заключении) — прапорщик; в марте — апреле 1918 г. командовал 4-й красной армией. В 1917—1918 гг. был левым эсером, в РКП (б) вступил в 1919 году. Из австро-венгерских и германских военнопленных в 1917—1920 гг. было создано много красногвардейских и красноармейских формирований. Мотивы участников были различны: одни воодушевлялись идеей мировой революции, другие видели в борьбе на стороне большевиков продолжение борьбы против держав Антанты (сначала России, а затем государств, помогавших антибольшевистской стороне в гражданской войне).
137. 27 января ВЦИК утвердил «Основной закон о социализации земли». В нем, в частности, говорилось: «Всякая собственность на землю... в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда». Эта формулировка была взята почти буквально из программы по земельному вопросу ПСР; наркомом земледелия в то время (24 ноября 1917 — 18 марта 1918) был левый эсер А. Л. Колегаев (1887—1937 (?), погиб в заключении); по некоторым сведениям, текст декрета был написан заместителем наркома, тоже левым эсером, И. А. Майоровым (1888(?) — 1941).
138. Саркастическое искажение фамилии Луначарского (от лат. lupanar — дом терпимости), ходившее среди интеллигенции.
139. *Янчук Николай Андреевич* (1859—1921) — этнограф и филолог, исследователь культуры славянских народов; секретарь общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, редактор журнала «Этнографическое обозрение». С 1892 г. хранитель Дашковского этнографического музея, входившего до 1924 г. в состав Румянцевского музея. С 1919 г. — профессор Московского университета. Один из организаторов (1918 г.) Белорусского научно-культурного общества и Белорусского народного университета в Москве, затем Белорусского государственного университета в Минске, где в 1921 г. был профессором.
140. *Репнин Николай Васильевич*, князь (1734—1801) — дипломат и полководец, в 1763—1768 гг. посланник в Варшаве. Бесцеремонно вмешивался во внутренние дела Польши, используя находившиеся на ее территории российские войска для давления на польское правительство.
141. Хотя большинство захваченных анархистами зданий было взято без боя, в некоторых местах они оказали серьезное сопротивление; при штурме «Дома Анархии» — здания Купеческого клуба на М. Дмитровке — с обеих сторон была даже пущена в ход артиллерия.

А. И. Гучков рассказывает

11 ноября 1932 г.

Базили. Вы описывали, как начались Ваши отношения с Николаем II.
Гучков. Это была моя первая встреча — июнь 1905 года. Затем в Москве продолжаются эти съезды земские и городские, которые становятся все более и более бурными. Затем выработана в Петергофе на совещании под председательством Николая II так называемая Булыгинская конституция, которая предоставляет законодательным учреждениям роль совещательную на земских съездах. Это не вызывает никакого удовлетворения и успокоения, и революционная волна идет все выше и выше. Я пытаюсь убедить, что все уже достигнуто, но голоса благоразумия не принимаются во внимание, требования растут. Это было в августе — Булыгинская конституция. Декабрьское восстание в Москве — это 1905 год... Мы хронологию потом тоже установим. Затем смена министерства — Витте призван. Под влиянием роста революционного движения по настоянию кн. А. Д. Оболенского[1], который играл большую роль, Витте убеждает государя сделать какую-то общественную манифестацию, которая свидетельствовала бы о том, что верховная власть решила идти на широкие реформы. Появляется манифест 17 окт[ября], и затем начинается выполнение этого манифеста; составлен проект избирательного закона и проект положения Государственной думы и Государственного совета. В самом конце ноября — начале декабря 1905 г. в Петергофе созывается совещание для обсуждения того проекта избирательного закона, который выработан был министерством. Совещание это под председательством государя состоит из Совета министров, некоторых членов Государственного совета, специально приглашенных, и туда же приглашены четыре со стороны независимых общественных деятелей: Шипов — председатель губ. управы московской, бар. Корф — от Петербургского земства, граф Владимир Алексеевич Бобринский и я.
Базили. Было в Петергофском дворце?
Гучков. Да. В Большом дворце. Это была моя вторая встреча с государем. Она не имела никакого значения. Меня просто представили ему. Он несколько слов ласковых сказал. Мы считались как бы экспертами, приглашенными дать свои показания. Вот эти четыре лица, которые там были, они по одному вопросу, основному — должно ли быть положено в основание закона представительство профессиональное или национальное — разделились на две группы. Бар. Корф и Бобринский стояли за представительство профессий, исходя из того, что эти выборы дают возможность избирателям более сознательно выбрать своих представителей: они выбирают людей своей группы. Шипов и я, мы стояли за общее представительство. Технически, может, те были правы, но мы считали, что дело касалось известного умиротворения, сословное же представительство могло бы вызвать большие брожения и протест оппозиции. Потом, в этом вопросе большую роль играет не дозирование представительства групп, а какое количество голосов вы тем и другим группам дадите.
Базили. Это решение не удовлетворило бы левых?
Гучков. Мы с Шиповым, не предрешая вопроса о всеобщем избирательном праве, допускали известные преимущества, которые были бы даны тем и другим избирателям. Мы предполагали, что известный ценз должен быть. В требованиях не доходили до всеобщего избирательного права, а допускали известные цензовые ограничения.

Одну любопытную черту надо отметить. Тогда мы были приглашены в Петербург на три совещания. Остановились мы все четверо в одной и той же гостинице «Франция» на Морской, и Шипов и я; мы получили записку от графа Витте, приглашающую нас к нему зайти вечером накануне совещания. Он тогда жил в Зимнем дворце, в одном из флигелей. Очевидно, он знал заранее, как у нас распределены течения. Шипова вместе со мной позвал и спросил, какие у нас основные взгляды? Мы ему изложили. Он сказал, что разделяет наши взгляды, не обещал их поддерживать, но я помню, в виде аргументации он дал такой совет: «В числе аргументов, которые вы будете приводить, вы не указывайте на то, что манифест 17 октября уже предрешает введение конституционного образа правления в России и что этот манифест уже связывает верховную власть, как что-то уже сделанное». Значит он уже в то время заметил, что у государя было некоторое колебание.

Когда мы возвращались от Витте поздно вечером домой, по дороге мы встретили бар. Корфа и графа Бобринского, которые тоже получили приглашение к Витте — позднее, чем мы. Мы условились, что поделимся нашими впечатлениями. Они рассказали нам, что Витте то же самое с ними говорил, что и с нами. Он не возражал против их схемы и тоже дал ряд советов, как они должны себя вести. Отсюда я заключаю, что сам Витте не выработал в то время для самого себя определенного взгляда на этот важнейший вопрос.

На другой день было совещание, и меня тронула одна черта, которая очень характеризует Бобринского, человека искреннего. Мы говорили в таком порядке: сперва Шипову было предоставлено слово, потом я говорил, горячо, убежденно. Поэтому когда после меня Бобринскому было предоставлено слово, то он взволнованно сказал, что пришел на это совещание вот с какими мыслями, но моя речь, мои доводы его совершенно поколебали и он думает, что действительно следует стать на эту позицию. Я указывал на то, что неравенство, классовые деления вызывают всеобщее осуждение, и если мы эти остатки прошлого закрепим, предоставим представительство этим классам, то не будет удовлетворения, которого жаждет нация; что акт великой справедливости должен совершиться, и только тем путем, что предоставляется всем без различия языков и сословий.
Базили. Этот проект и был введен в силу, который вышел из этого Совещания?
Гучков. Он и был введен. При самом обсуждении мы [до конца] не присутствовали. После нас было предоставлено слово кое-кому из остальных (или: основных — не расслышала. — *Прим. стеногр.)* участников. Я помню только речь Дурново Петра Николаевича. Он тогда был членом Государственного совета. Он возражал против самой идеи народного представительства. Очень умно, резко говорил, предостерегал против этого строя, находя, что он — как ни строить сам избирательный закон — будет большой фальсификацией народного и общественного настроения: предполагается, что народ, а на самом деле это разные самозваные вожаки — учительницы, фельдшера. Об этом революционном третьем элементе.
Базили. Возьмет народ в опеку...
Гучков. И угрожал всякими бедами, если власть станет на этот путь. Что будет с народом в руках революционных элементов? Тут его старый опыт бывшего министра внутренних дел сказался, потому что донесения Департамента полиции свидетельствовали о сильном революционизировании этих кругов. Но в прочих выступлениях я чувствовал большое колебание. Когда после одной или двух речей чле-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, № 7—8.

нов Государственного совета государь объявил перерыв и позвал нас завтракать, то подошел ко мне граф Алексей Игнатьев, который был киевским генерал-губернатором, член Государственного совета. Он говорил, что тоже очень колебался, но моя речь его убедила. Ему показалось, что можно на этих началах построить наши новые представительные учреждения по типу старых земских соборов, и так как вся семья Игнатьевых со славянофильскими традициями, ему представилось, что это не будет такой разрыв с прошлым. Насколько в кругах, которые должны были решать, не было плана; они были в поисках.

Затем перерыв был, нас благодарили и отпустили, потому что с нас как с экспертов сняли допрос. Государь ничего не сказал во время завтрака, он подошел и все. Это было в декабре. Кто-то меня спросил: «Что, вы еще остаетесь в Петербурге?» Я говорю: «Нет, я тороплюсь в Москву, потому что там назначено вооруженное восстание». Насколько мы знали, гласные думы по городскому управлению, что там подготавливается вооруженное восстание! А брат Николай и я, мы по долгу гласных и общественных деятелей считали необходимым быть там.

Базили. Кто вел это вооруженное восстание?

Гучков. Оно было хаотическое. Я не думаю, чтобы там было правильное руководство. У меня не было впечатления, что был какой-то революционный комитет, объединяющий действия всех. Были отдельные вспышки. Был московский гарнизон и потом туда был приведен Семеновский полк (хотели какие-нибудь чужие войска ввести). Семеновцы выполнили все то, что им было приказано, но в общем без очень больших потерь это движение было подавлено.

Базили. В Петрограде Хрусталев[2] играл очень большую роль, а там не было такого Хрусталева? Из Петрограда руководили?

Гучков. Возможно. Но внутри Москвы не чувствовалось плана.

Базили. Но это была социал-демократическая затея?

Гучков. Да, да, в это время рабочее население было распропагандировано, какое-то влияние было. Следующим эпизодом из этой области был съезд, тоже очень бурный, и вот я получаю из Петербурга приглашение от графа Витте приехать к нему. Одновременно туда приглашены: Шипов, В. А. Стахович, князь Евгений Трубецкой, который был в то время профессором в Киеве, талантливый, но менее значительный, чем брат. Тот был чистый философ, а этот — философ в области юриспруденции. Витте созывает нас и говорит, что по поручению государя он нас пригласил для того, чтобы нам войти в состав министерства. В Зимнем дворце ряд вечерних заседаний. Мы, сговорившись между собой, даем согласие, но ставим условие. Условие заключается в том, что одновременно с призывом нас к власти должна быть если не обнародована, то выработана для нас самих общая программа тех мер, которые это правительство должно было бы провести.

Мы говорим: имена наши что-то такое дают, потому что всем известно наше прошлое, это имеет что-то за себя, но это слабо; если верховная власть и граф Витте хотят привлечением новых людей вызвать успокоение общественного мнения, которое, так сказать, авансом готово поверить новому правительству, то имен недостаточно, а надо программу. Относительно программы у нас в общих чертах как будто складывалось. Больших разногласий в конце концов не было бы, потому что у высшей власти в лице Витте была как бы безграничная готовность идти на самые большие уступки. Распалась вся эта комбинация на вопросе личном. Какие портфели предполагалось распределить между этими лицами? Граф Гейден — Государственный контроль, значит пост мало влиятельный; Шипов — земледелие, тоже техническое министерство...

Базили. Об аграрной реформе тогда не говорили еще?

Гучков. Нет, не говорили. Мне — чисто техническое Министерство торговли и промышленности, в силу моего происхождения из этой среды; Стаховича имели в виду на должность обер-прокурора Синода; кн. Трубецкого — на пост министра народного просвещения.

Базили. Но предполагалось создать Совет министров, так что идея была?

Гучков. Основное — борьба с революционными течениями, отношение к городам и земствам, деятельность полиции — это все сводилось к центральной фигуре министра внутренних дел. Кто же министр внутренних дел? Витте очень неохотно разъяснил нам, что его кандидат — Петр Дурново, который в то время был товарищем министра внутренних дел. У Дурново была репутация определенная, а у некоторых

из нас были личные впечатления неблагоприятные. Трудно было придумать человека, менее отвечающего задачам, которые ставила себе верховная власть и ее представитель — Витте, и если нужно было составом министерства успокоить общественное мнение, то это отпадало.

Мы возражали против этой кандидатуры, и я сказал Витте: «Могу вас уверить, что все то впечатление, на которое вы рассчитываете, будет начисто смыто, раз после опубликования списка министров окажется, что мы согласились войти в состав того же министерства, в каком и Дурново. Мы будем в этом отношении бесполезны, потому что тот капитал, на который вы рассчитывали, будет в пять минут растрачен, если противник всякой общественности становится во главе министерства». Витте сказал, что он в своих руках держит весь узел борьбы с революционными течениями. Даже, как сейчас помню: «Если государь в безопасности и жив, если мы с вами спокойно обсуждаем эти вопросы, то только благодаря ему, потому что на нем все держится».

В один вечер мы пришли к Витте, застаем там князя Урусова Сергея Дмитриевича, быв. московского губернатора. Кн. Урусова я знал хорошо. Так, человек средний был, но он считался представителем либеральных течений в нашей бюрократии и был специально приглашен туда, чтобы убеждать нас, что Дурново вполне приемлем, что он совсем не такой страшный реакционер, как его рисуют, и очень горячо его отстаивал. Конечно, в этой защите был один слабый пункт: при этой комбинации Урусов предназначается на должность товарища министра внутренних дел. Эта защита, однако, не подействовала на нас, и мы в конце какого-то из вечерних заседаний заявили, что если только Витте настаивает на Дурново, то мы отказываемся от участия в этой комбинации. В этот же день предполагалось последнее наше совещание по этому вопросу. Хотя у нас [произошел] как бы разрыв, но Витте сказал: «Обдумайте и затем вечером еще раз сойдемся».

У меня в этот вечер был родственник, брат моей жены — Зилоти, который был старшим адъютантом Морского штаба, но он был гораздо влиятельней, гораздо больше знал, чем полагалось по должности, которую он занимал. Он имел влияние на министров и очень близкую связь с адмиралом Ниловым. Я обедал у Зилоти, и я ему объяснил. Надо сказать, что Зилоти очень сочувствовал этой комбинации. Он был с Витте хорош, так что во всей этой интриге был очень в курсе. Очень огорченный этой неудачей, казалось, уже окончательной, он мне ничего не сказал, но после обеда куда-то уехал. Когда мы поздно вечером в назначенный час пошли к Витте, то встретили какого-то человека, который спускался от него. Кто-то спросил, кто это такой, и нам объяснили, что это Рачковский.

Базили. Он кто был тогда?

Гучков. Начальник сети иностранной агентуры. Когда Витте нас принял, мы его застали взволнованным. Он сказал: «Да, господа, я обдумал, вы, пожалуй, правы. Я решил отказаться от кандидатуры Дурново». Оказывается, Зилоти поехал к Витте и сказал, что ему известен целый ряд темных сторон из жизни и деятельности Дурново; история с обыском у испанского посланника (Высочайшая резолюция по этому поводу: убрать и никуда не пускать); незадолго до всех этих событий разоблачение и травля Дурново в левой прессе по поводу каких-то поставок овса. Так вот, Зилоти сказал Витте, что, как ему известно, в левой прессе — тогда была газета «Русь» — уже заготовлены статьи и одновременно с опубликованием нового министерства все эти разоблачения Дурново будут обнародованы — и насмарку все расчеты на успокоение. Тогда Витте вызвал Рачковского, и тот подтвердил, что это имело место. Отсюда этот вольт-фас.

Когда утром мы пришли, то Витте за ночь передумал и нам заявил, что, повидимому, наша комбинация не состоится, потому что он вынужден вернуться к кандидатуре Дурново. (Значит, какое-то воздействие было?) Во время этих переговоров я тоже был вызван к государю. Он сказал, что не удастся составить полуобщественный кабинет, [произнес] несколько добрых слов. Я единственный был приглашен из этого совещания, так как был раньше ему представлен. Так вот, вторая встреча осталась без какого-нибудь следа.

Базили. Вы тогда какую должность занимали в Москве?

Гучков. Я был гласным Городской думы и Московского губернского земства.

Базили. А партия была уже составлена?

Гучков. Партия уже состоялась. Центральный Комитет Октябристской партии.

Базили. Значит вы и шли туда как лидер октябристов?
Гучков. Я думаю, что едва ли этот пост играл роль.
Базили. Предполагалось опираться на октябристов. Ставка была на октябристов.
Гучков. Казалось, что представителями и защитниками нового строя являемся мы — октябристы. Эта комбинация не состоялась.
Базили. Ведь был момент в 1905 году, когда предполагалось призвать кадетов. Когда это было?
Гучков. Это было до созыва I Думы.
Базили. Значит после этого...
Гучков. После этого — это уже 1906 год. Значит, выборы в I Думу, большая победа кадетов. Мы в очень маленькой группе. Я лично не прошел, прошли другие, как Стахович, Гейден, предводители дворянства, председатели губернских управ, два десятка, три десятка, а кадетов большинство. Вот тогда обнаружилась некоторая растерянность, и тогда, в попытке приручить некоторые радикальные элементы, и явилась идея составить кадетское министерство.
Базили. У того же Витте.
Гучков. У того же Витте. Большим сторонником такого кадетского министерства был генерал Трепов. Эта мысль встретила личное нежелание, сопротивление самого государя. Обнародован закон о положении Думы. Выборы. Выборы дают победу кадетам. Затем очень быстро [состоялся] роспуск I Думы после того, как один из ее членов, Кузьмин-Караваев[3], предложил Государственной думе сделать какое-то обращение к населению. В этом усмотрели известное нарушение положения и прав Государственной думы и убедились, что она неработоспособна в том смысле, что никакого соглашения между этими элементами и исторической властью не может быть. Она была распущена, затем [предпринималась] попытка на основе избирательного закона произвести вторые выборы, которые дали еще более плачевные результаты. Умеренные правые остались на своих позициях, кадеты потеряли в пользу более левых элементов во II Думе.
Базили. Были введены в России общие выборы, они определенно пошли влево. На это, казалось, один ответ, что программы умеренных были совершенно чужды массе, что масса поддавалась демагогическим обещаниям — очень простым, близким, касавшимся материального интереса, а все культурные лозунги, которые выдвигались умеренными, были массам абсолютно непонятны.
Гучков. Еще большую роль играло непримиримое отношение к власти и к правительству. Призыв к сотрудничеству встречал мало сочувствия, а призыв к борьбе привлекал. Что касается крестьянства — расширение земельной площади, а городское население и интеллигенция увлекались не столько этими отдельными обещаниями, сколько своей боевой ролью по отношению к существующему строю.
Базили. Чем это объяснить?
Гучков. Накопление многих претензий к старому строю и наивная вера, что добиться новых основ жизни можно в порядке насильственном, революционном, а попытка компромисса не приведет ни к чему серьезному. Общее революционное настроение было. Сотрудничество с властью — это значит человек предает себя. Потом перемена пришла со Столыпиным. Сотрудничество можно было наладить с правительством Столыпина... Через некоторое время после роспуска II Думы, ухода Горемыкина, назначения Столыпина я получаю из Петербурга [приглашение] явиться к Столыпину. Вызваны туда были два лица — Львов Н. Н. и брат его Владимир, прокурор. Николай Николаевич был прогрессистом. Несмотря на левый уклон этой группы, он в первых Думах держал себя очень сдержанно. Видно, что он не был увлечен этим революционным потоком. Лично был известен Столыпину, потому что Львов был предводитель дворянства в одном из уездов Саратовской губернии, где губернаторствовал Столыпин. Значит, Столыпин к нему относился с доверием и симпатией.

Перед этим у меня со Столыпиным была одна только встреча, тоже довольно своеобразная. Придется передвинуться немножко назад. Вскоре после московского вооруженного восстания было введено положение о военно-полевых судах. Подавление восстания [прошло] без особых эксцессов, но иногда эксцессы все же имели место. Отдельные воинские отряды озлоблялись сопротивлением мятежников, которые из-за угла, из окон подстреливали солдат, озлобление охватывало не только офицеров, но и нижних чинов, они чувствовали обиду и вражду. Когда кого-то заподозривали, на месте расстреливали. Указ о военно-полевых судах встретил у меня полное одобрение, потому что в условиях гражданской войны ждать медленно работающего судебного аппарата — это значит ослабить власть и ослабить то впечатление, которое репрессии должны вызвать. В качестве правильного решения между этими двумя крайностями я видел военно-полевой суд, который давал известную гарантию, потому что все-таки был суд. Такое решение достигало и того и другого.

Но в тех условиях этот приказ о военно-полевых судах был встречен криком негодования. Ко мне зашел один из журналистов от «Нового времени», Ксюнин[4], с просьбой дать мой отзыв по этому делу, и я совершенно определенно высказался одобрительно, и вообще высказался о необходимости суровыми мерами подавить революционное движение, которое мешает проведению у нас назревших либеральных реформ. Травля в либеральной прессе поднялась невероятная против меня. Очень даже заколебались такие столпы, как Шипов, граф Гейден, Стахович. Шипов после этого заявил об уходе из октябристской партии, Гейден имел очень суровое объяснение со мной, после которого объявил себя удовлетворенным, но они оба остались в рядах октябристского комитета.

Вот любопытный штрих безвольности, дряблости общественных элементов. Ко мне пришел граф Гейден. Он был выше остальных, потому что он был, во-первых, нерусского происхождения, у него не было той сентиментальности, а было положительное отношение к вопросам, как у западноевропейских людей, и он не был чистым продуктом общественности, а был в свое время чиновником. Для него чувство ответственности, долга, понимание необходимости власти, инстинкт власти не были пустые слова. Когда я пришел, мы имели с ним разговор, и я ему говорю: «Как же иначе власти быть в такие времена, когда нужно подавлять такие движения?» И для того, чтобы усилить мою позицию и отнять у него известное оружие, я ему привел случай борьбы двух групп населения и говорю: «Представьте, что вы как министр внутренних дел получаете телеграмму, что в Баку готовится борьба между армянами и татарами (азербайджанцами. — *Ред.).* Как вы будете действовать? В конце концов вы должны будете ввести исключительное положение либо осадное положение, если все не утихомирится. А что такое осадное положение? Предоставление военным властям права распоряжения. Ну, как же граф, вы поступили бы в данном случае?» Вы знаете, что он мне сказал, когда я его спросил? Он взял себя за голову: «Я вышел бы в отставку». Вот вся эта дряблость, а я еще говорил, что он был одним из лучших.

Поэтому я говорил, что все время был проникнут недоверием к государственным способностям общественности. Я считал, ее надо проучить (приручить? — *Прим. стеногр.).* Я был против парламентского принципа, против парламентского кабинета и даже Столыпину не рекомендовал отдельных лиц вводить туда. В Петербурге это мне создало репутацию человека энергичного, не боящегося ответственности перед общественным мнением. И вот моя первая встреча с П. А. Столыпиным. Она произошла при таких условиях. Я был в Петербурге в день созыва I Думы.
Базили. Вероятно, это заявление и вызвало ваши невыборы в I Думу?
Гучков. Конечно. Я был у Столыпина А. А. — одного из основателей октябризма. Мы все видели из окна, как членов Государственной думы везли куда-то на прием в Зимний дворец. Из Зимнего дворца приехал к своему брату П. А. Столыпин, там мы и познакомились. Он говорит, что аплодировал мне по поводу того гражданского мужества, которое я проявил, взяв под свою защиту такую непопулярную вещь.

Во время одного из земских съездов я опять получаю приглашение Столыпина приехать, и мы приняты Столыпиным на Аптекарском острове в том самом здании, которое через несколько недель после нашей беседы было взорвано. Так что вот II и III Думы до взрыва на Аптекарском острове и до обнародования нового избирательного закона от 3 июля с ограничениями, куриальная система.
Базили. Ценз был выше и только для известных категорий.
Гучков. Он нас убеждает войти в министерство, он всю свою государственную работу строит на аграрной реформе, на умиротворении крестьянского моря, на целом ряде начинаний, которые должны крестьянство культурно и материально поднять: аграрная реформа, экономическая реформа, введение волостного зем-

ства, общественных школ для крестьян — все его внимание на крестьянах. Он говорит: «Если мы и на этой реформе провалимся, то гнать нас надо всех». Он считал, что будущее России надо строить на этом, он убеждает Н. Н. Львова стать во главе Министерства земледелия. «Нет предела тем улучшениям, облегчениям, которые я готов дать крестьянству, — говорит он, — для того, чтобы его вывести, я даже не так уже расхожусь с кадетской программой, я только отрицаю массовое отчуждение, я считаю, что нужно другими мерами этого достигнуть, в смысле увеличения крестьянского землевладения. Я только не могу теми путями идти, которые указаны в кадетской программе».

Я опять-таки предназначаюсь на должность министра торговли и промышленности. Он очень желал, чувствовал необходимость ввести в бюрократическую среду новые элементы и не только дорожил личностью Львова и моей, но самым принципом чего-то нового. Он чувствовал, что это произведет впечатление. Мы, однако, сказали ему то, что говорили Витте: мы готовы идти, но только при двух условиях — программа, которая должна была бы связать правительство и характеризовать новый его состав в глазах общественного мнения, и, затем, мы настаивали на значительном расширении состава людей со стороны, которые должны были быть введены, т. е. ввести и других общественных деятелей в министерство, потому что [если] нас двое, что же мы смогли [бы]. «Вы это сделайте, — говорил я Столыпину, — потому что, если бы мы вошли вдвоем, мы встретили бы оппозицию. Если мы через некоторое время будем вынуждены уйти, это вам худший урон будет — лучше не начинать».

Он стал поддаваться. У меня было впечатление, что он готов идти на расширенный состав, но сверху не получил согласия. Мы не шли очень далеко, о министре внутренних дел не было речи, но [требовалось] введение туда еще когонибудь. Я назвал такие имена, как Кони, человек, который с восторгом был бы принят и общественным мнением и судебным персоналом. Водворение у нас не только правосудия, но и человека, который являлся бы гарантией бескорыстного укрепления правосудия — это произвело бы сильнейшее впечатление. Он только говорил «я подумаю», — значит должен был просить согласия. Потом выяснилось, что он получил согласие на Кони, но было нелегко, потому что придворные круги припомнили ему председательствование в окружном суде по делу Засулич.

Затем взбудораженное море профессуры и студенчества, надо какого-нибудь министра, который импонировал бы, и я тогда рекомендовал бывшего московского профессора П. Г. Виноградова, который был в Англии. У Виноградова были следующие достоинства: он был выдающимся ученым, знал хорошо среднюю школу, потому что принадлежал к педагогической семье и до профессуры давал уроки в классической гимназии; как председатель училищной комиссии в Московской городской думе знал начальную школу городскую. Хотя он был человек либеральных взглядов, но очень решительный, трезвый, а главное не связан никакими партийными связями, свободен от обязательств. В качестве проректора Московского университета он потерпел за правду, потому что, когда после каких-то студенческих беспорядков Ванновский издал приказ (указ) о взятии на военную службу исключенных студентов, тогда он резко против этого выступил и за это потерпел. Не помню, добровольно ли он ушел или его удалили, но после этого ему пришлось уйти. В то же время я близко знал его, знал, что он приблизительно таких же взглядов, как и я. Он был приглашен в Лондон сейчас же по окончании этого конфликта, потому что его специальность была общественные учреждения и хозяйственная история Англии в средние века.

Затем, я очень настаивал на графе Гейдене. Виноградов прошел свободно, он телеграммой мне ответил, что согласен, но ставит некоторые условия, и между прочим одно условие — снятие ограничений для еврейской молодежи, процентного отношения. Я думаю, что это тоже было правильно, потому что ничем не угрожало, а как первый признак равноправия произвело бы впечатление на революционные элементы.

Вот, значит, состав приблизительный определился, а что касается выработки программы, то тут мы не встретили со стороны Петра Аркадьевича большой готовности идти в этом направлении сколько-нибудь далеко. Аграрную программу он нам изложил, мы с ней соглашались, но он не был сторонником сколько-нибудь разработанной общей программы, которая, может быть, связала бы это правительство более практически. Он был прав, но для воздействия на общественное мнение — мы на этом настаивали. На этом мы разошлись, и комбинация почти готова была рухнуть, когда он нам в одну из бесед сказал, что государь хочет лично переговорить с Львовым и со мной и назначил такой-то день. Это было в первые дни после роспуска II Думы. Было опасение, как бы на роспуск II Думы не ответили бунтами. В Кронштадте было несколько матросских вспышек. В Петергофе полный комфорт и благоухание, а рядом с этим вот что... Мы были приглашены туда. Государь принял Львова; помню, час с четвертью продолжалась беседа, потом меня — тоже час с четвертью.

Я был поражен полным спокойствием и благодушием государя и, как мне показалось, не вполне сознательным отношением к тому, что творится, — не отдавал себе отчета во всей серьезности положения. Он был, как всегда, обворожительно любезен, сказал, что хотел бы, чтобы я вошел в состав правительства. Я сказал, что я согласен, но говорил то же, что Столыпину, что для того, чтобы вступление Львова и мое было бы эффективным, нужно, чтобы новые люди вошли и [была] программа. Я сказал, что мы полагали ввести в декларацию. Там был один любопытный пункт — это вопрос еврейский. Я государю сказал: «Я не охотник до евреев, лучше, если бы их у нас не было, но они у нас даны историей. Надо известный модус вивенди установить. Надо создать нормальные условия, как бы к ним ни относиться, но надо сказать, что все мероприятия с еврейским засильем никуда не годятся. Есть цензовые ограничения в школах — это, казалось бы, должно было нас оградить от еврейского засилья в духовной области, а на самом деле посмотрите: в области печати — евреи там всесильны; художественная, театральная критика — в руках евреев. Это все ничего не дает, между тем озлобления без конца. Надо снять черту оседлости».

Я сказал, как это развращает администрацию, говорю: «Это все надо уничтожить, это произведет сильное впечатление на общественное мнение в России, во всем мире. Только в одном отношении я согласен сохранить ограничения в отношении к еврейству — не допускать евреев в состав офицерства (но они и не хотят) и ограничить их права в приобретении земель вне городов (их не тянет и на роль помещиков)». Я считал долгом эти ограничения сохранить, потому что я понимал, что морально мы при этом теряли, но этим путем избегали противодействия в тех кругах, которые были антисемитски настроены; а сохраняя их, мы могли бы эти еврейские реформы провести без потрясений. Государь ответил мне на эту часть моей программы следующим образом: «А не думаете ли вы, что такие меры расширения прав евреев могут вызвать сильное противодействие, могут повести к громадному всероссийскому погрому. Ведь была такая аргументация, якобы правительство ослабело...»

Базили. А остальные пункты программы?

Гучков. Он не возражал, но несмотря на милый, ласковый тон, несмотря на то, что у него было желание образовать правительство, но в это время какое-то ощущение спокойствия, безопасности там начинало крепнуть, революционная волна не так грозна и можно без новшеств обойтись. Насколько Столыпин хотел введения новых элементов, настолько государь перестал этим дорожить. Затем мы вышли с Николаем Николаевичем, был поздний вечер, наступила ночь. Столыпин ждал результатов нашей беседы и просил, чтобы мы заехали к нему. Мы поехали туда. Он принял нас. Мы передали ему нашу беседу, сказали, что мы чувствуем, что наши предложения не будут приняты, и я помню, между прочим, что я так сказал Столыпину: «Вот иногда, когда мы предлагаем то или другое лицо, вы ссылаетесь, что государь не хотел; как будто считаетесь не только с серьезной волей, но и с капризом...» Помню, я тогда получил какую-то чрезвычайно глубоко пессимистическую оценку и государя и его окружения. Я сказал Столыпину: «Если спасать Россию, самого государя, ее надо спасать помимо его, надо не считаться с этими отдельными проявлениями его желания, надо настоять». Самое тяжелое впечатление [оставило то], что у него было полное спокойствие.

Вторник, 15 ноября 1932 гг.

Гучков. У Николая Львова и у меня было страшно тяжелое чувство, потому что мы видели, что государь не отдает себе отчета, в каком положении страна. Поэтому он

не решается принять какой-нибудь решительной меры в смысле нового политического курса. И когда мы, Львов и я, вышли из дворца, сели в коляску, стали обмениваться впечатлениями, и наши впечатления совершенно совпадали — один ужас, полное непонимание. Мы ночью попали к Столыпину и сказали: «Нет, мы при таких условиях совершенно бесполезны». И не то что был страх за себя и боязнь ответственности — у меня было чувство: я среди них ничего не сделаю, а в стране, что касается организации общественных групп, надо было собрать умеренно-либеральную группу. Я чувствовал, что в стране такие элементы есть, но в то время как левые хорошо организовались — социал-демократы, эсеры, кадеты, — остальные казались рассыпаны. Я думал: лучше буду в этой области работать, по организации общественного мнения. Столыпин был ужасно удручен, рассчитывал на наше сотрудничество и на тот эффект, который нужно было вызвать в известных общественных кругах. Я ему сказал: «Вы ссылаетесь на государя. Если спасать Россию, и династию, и самого государя — это надо силой делать, вопреки его желаниям, капризам и симпатиям». Он сам видел, как трудно этого достигнуть. Это было летом после роспуска II Думы.

Затем произошло изменение избирательного закона, и тогда выборы дают большое преобладание умеренных элементов, самой сильной партией оказывается партия октябристов — 170 человек. Это приблизительно немножко больше трети, но все же таки нет большинства, а остальные секторы — те скорее направо от нас. Некоторая бесформенная масса правых, среди которых чувствуются различные течения, причем чувствовалось, что там были вполне хорошие элементы, а верхи в лице Маркова 2-го, Пуришкевича, Замысловского — и не государственные и не почтенные элементы. Бобринский — фигура чистая, но, по-видимому, не он имел там влияние. А затем налево от нас — сектор левый, там Ефремов, Львов, кадеты, потерявшие на выборах благодаря введению нового ценза, социал-демократы, поляки, магометане, мелкие группы.

Как при таких условиях вести парламентскую борьбу — нет большинства. И тогда у Столыпина и у меня явилась мысль найти это большинство в расколе правого сектора: нельзя ли нам подобрать более пригодный для этой работы элемент, а крайних отбросить совсем. П. Н. Балашов, очень чистый, благородный человек и тоже консервативно-либерального направления, но человек мало подготовленный для этой роли. Надо сказать, что эти группы националистов и октябристов [шли] вместе. Во всяком случае это группа, с которой можно было. Главное дело, в то время как у нас была своя самостоятельность, эта группа всецело приняла Столыпина. Целиком за ним шла — это была самая верная ему группа. Мы иногда расходились с ним, но в основных линиях столыпинской политики можно было строить...

Я еще хочу подойти к государю. Я был выбран в III Думу. Брат Николай в то время был уже московским городским головой. Часто приходилось бывать в Петербурге и ему приходилось представляться государю. И как раз брат представлялся государю и государыне, и он сказал: «Я узнал, что брат ваш выбран, как мы счастливы». Размолвка началась в 1907 г. с моей речи по военному бюджету в III Думе. Первый бюджет регулярный, который проходил через Государственную думу, бюджет военный и морской прошел через комиссию государственной обороны, где я был председателем. Когда собралась III Дума, надо было организовать работы, и в нашей среде было чувство большой боли за то поражение и тот позор, который мы понесли на Дальнем Востоке. Было немало офицеров запасных, предводителей дворянства, председателей земских управ, и они в эту Думу принесли жгучее чувство боли за то, что они перенесли. В нашей фракции обсуждалось, какие комиссии образовать, и очень дружно прошло предложение образовать комиссию государственной обороны. Государю это не понравилось, он говорил Родзянко: «Надо, чтобы это переименовалось». Ему не нравилась эта комиссия, потому что во время войны было образовано особое совещание (Совет государственной обороны. — *Ред.*), где председательствовал великий князь Николай Николаевич под предлогом, что могли слышать [лишнее]. Для нас это была мысль отдаленная — мы даже не знали о существовании этой комиссии.

Была выбрана такая комиссия — первым делом была военно-морская смета. Я докладчик по военной смете. При первом соприкосновении с военными делами мы подвели итоги всему прошлому и наметили себе план, причем надо сказать, что мы

с самого начала самые дружеские отношения стали с Военным министерством, во главе которого стоял Редигер — очень умный, знающий и благородный человек, и я не сказал бы — безвольный, но все-таки не отличавшийся особой энергией по устранению препятствий. Он нам раскрыл всю картину, ожидал нашей помощи в смысле кредитов. Все прошло, как предлагало Военное министерство, но за этот краткий период, который протек со времени созыва Думы и обсуждения сметы в Государственной думе, наша группа в одном убедилась, что есть совершенно непреодолимое препятствие для возрождения нашей военной мощи и для поднятия ее на ту высоту, чтобы представлять Россию, — это участие великих князей в военном управлении, на хозяйственно-административных должностях, и у нас у самих было такое чувство, что в этой области неблагополучно. А когда мы несколько углубились, когда удалось по душам поговорить со всеми крупными представителями военного ведомства, то мы увидали, что это такая болячка, которая давно там засела и для самого военного ведомства — болезнь непреодолимая, они сами не могут справиться. Очень ярко сказалось хозяйничанье великих князей в морском ведомстве, но также и в военном ведомстве в смысле глубокого застоя, невозможности провести новую мысль и новых людей.

Базили. Вы имели в виду злоупотребления и застой вокруг них?

Гучков. Я не обвиняю их самих. Даже когда великие князья были сами по себе неплохие знатоки данной отрасли (таким был Сергей Михайлович), то все равно был окружен неподходящими людьми, потому что были особенные приемы сделаться угодным великому князю, и чистые люди гнушались этих приемов, и значит как-то фатально, органически вокруг великого князя, который сам по себе был бы не плох, создавалось окружение совершенно невозможное.

Базили. Кто были великие князья?

Гучков. Вот какие места они занимали. Во главе всей обороны (потому что там были не только сухопутные, но и морские дела) стоял великий князь Николай Николаевич. Правда, это были вопросы общего характера. Там не было хозяйственных, финансовых, административных дел, а только общие вопросы, но тоже чувствовалось, что там застой. Военный министр, который хотел бы ввести там новые порядки, должен [был] преодолеть средостение, где сидели люди прежних взглядов; у него не было такой возможности, и сам Николай Николаевич — потом его война многому научила, а в то время он тоже скорее представлял из себя рутину — не было у него настоящего понимания нужд армии, что нужно очень круто переменить подбор людей и порядки, чтобы поставить нашу военную мощь на должную высоту. Главным препятствием для военного министра был Совет государственной обороны. Во главе отдельных главных управлений стояли: во главе учебного ведомства — великий князь Константин Константинович; во главе Главного артиллерийского управления — великий князь Сергей Михайлович; Военно-инженерного управления — Петр Николаевич. Эти люди, во-первых, мешали, а затем, они снимали с военного министра ответственность, и не было известно, кто начальник. С Редигером я не раз говорил на эту тему. Первое время с Сухомлиновым тоже. Они [говорили] очень лояльно, не выдавая секретов ведомства. Я убедился, что они тяжко страдали от этой организации.

У меня создалось твердое убеждение: если только не реорганизовать верхи военного ведомства, если не будет предоставлена военному министру полнота управления, свобода действия, зато и полная ответственность, то ничего не выйдет и мы будем барахтаться в мелких реформах. Я знал, что трудно найти мне в этом отношении союзников, и даже не искал их себе, чтобы не заставить других делить ответственность за тот шаг, который я надумал, ни с кем не советуясь. Вообще говорили в нашем кружке, что великие князья являются препятствием.

Убедившись, что другими способами нельзя удалить это влияние, как публичным очень ярким выступлением в Государственной думе, я задумал в качестве такого шага свою речь в защиту сметы Военного министерства. Я ее закончил указанием на эти слабые пункты. Для того чтобы не делать ответственными других, я своему близкому товарищу Хомякову[5] ничего не сказал. Он должен был председательствовать, и я не хотел, чтобы он был моим соучастником. Свою речь — деловую, обоснованную, где я предлагал целый ряд мер, предлагал принять все ассигнования, — я закончил призывом к великим князьям.

Я задумал это поставить таким образом. Основная проблема — восстановление нашей военной мощи; еще предстоят нам впереди очень тяжелые испытания, и Россия не вправе позволить себе роскошь нового поражения, новое поражение — окончательный развал России. Дальше я говорил, что народное представительство готово решительно на все жертвы, но жертвовать должны все, и указал, что поперек дороги целого ряда реформ стоит то обстоятельство, что во главе главных отраслей военного дела стоят безответственные люди, которые окружены безответственными помощниками, и вот я сказал, что обращаюсь к этим людям, чтобы они маленькими своими интересами, самолюбием и славолюбием пренебрегли и принесли себя в жертву насущной потребности возрождения нашей военной мощи. Для того, чтобы сделать призыв к ним еще более убедительным, я всех назвал. Вот во главе Совета государственной обороны стоит великий князь Николай Николаевич... Всем сказал. И кончил призывом к ним, чтобы они сами ушли.

Это произвело потрясающее впечатление, все взволновались. Я говорил быстро, чтобы не дать возможности председателю Государственной думы меня остановить. И он не остановил, потому что сам растерялся. Он просто закрыл заседание, когда я кончил. Сделал перерыв, потому что в голову такие вопросы не приходили. Я вышел из зала заседаний. Тоже характерно: вижу, бежит за мной Милюков и говорит: «Александр Иванович, что вы сделали — ведь распустят Государственную думу». Я тогда засмеялся и говорю: «Нет. Из-за чего другого распустят Думу, но по этим вопросам не распустят. Я убежден, что вся армия и народ с нами. Не решатся». Потом заседание возобновилось и продолжалось. Все кончилось благополучно. Это происходило глубокой осенью 1908 года. (Проверить даты.) В это время было Ревельское свидание, государь был там и Столыпин был там. И когда Столыпин вернулся оттуда, то он мне говорит: «Что вы наделали. Государь очень негодует на вас, и к чему было приводить этот синодик. Он говорит, если Гучков имеет что-либо против участия великих князей в военном управлении, он мог это мне сказать, а не выносить все это на публику, да приводить синодик. Я с вами согласен, что участие великих князей вредно, но мне кажется, что вашим выступлением вы только укрепили их положение. И у государя бывала мысль их устранить, а сейчас для того, чтобы не делать впечатление, что действует по вашему настоянию, все останется по-прежнему». Я ответил, что думал об этой стороне дела, но не согласен: на первых порах вы будете правы с вашими предсказаниями, в ближайшее время меры не будут приняты. Но все-таки вокруг этих слов, которые впервые так открыто высказаны, образуется целый ком общественного мнения, и в конце концов эта мысль победит. Я не ошибся.

Через несколько месяцев была проведена очень серьезная реформа военного ведомства, где был выполнен следующий план. Рядом с начальниками главных управлений были созданы должности генерал-инспекторов, и вот те великие князья, которые занимали должности начальников главных управлений, делались генерал-инспекторами. Это была очень высокая и почетная должность, они могли инспектировать это управление сверху донизу, но не имели никаких прав по распоряжению. Все смотры они должны были докладывать военному министру.

Базили. Они были контролерами, подчиненными военному министру.

Гучков. А право распоряжения было отнято. Так что цель была достигнута. В то время произошла перемена: вместо Редигера был назначен Сухомлинов, и во время одной из первых своих речей за время его министерства я указал, что военный министр в настоящее время находится в более благоприятных условиях, чем все его предшественники, ему раскрыта широта власти, но зато на него возлагается великая ответственность. Вот я считал, что это был первый клин, который был вбит.

Я очень горячо отдавался делу государственной обороны и не стеснялся критики тех непорядков, которые там были. Это тоже, конечно, вызвало неудовольствие. По-видимому, народное представительство — III Дума — и, в частности, комиссия государственной обороны начали пускать корни в этой среде. Мы не занимались военной демагогией, но просто все речи нашего кружка были проникнуты чувством симпатии к армии, пониманием нужд. Потом — рядом с критикой — широкое понимание: мы никогда ничего не урезывали, шли очень широко. По нашей инициативе была принята такая мера. Когда мы на первых порах ознакомились с положением армии, выяснилось, что тяжелая сторона — большой и все растущий некомплект офицерского состава, и отчасти потому, что каждое поражение

несет умаление притягательности звания, а в российской интеллигентской среде относились к военному ремеслу отрицательно, и прилив в юнкерские училища сократился. К этому присоединились тяжелые материальные условия. Оклады были низкие, зажиточный класс, который раньше был поставщиком [офицерских кадров] в армию, обеднел. Надо было поставить иначе.

Редигер как раз установил хороший обычай, приглашая к себе на квартиру на чашку чая 5 — 6 человек, которые несли на себе всю работу и были полными хозяевами в этой комиссии. Он нас приглашал, и мы в такой беседе обменивались взглядами. И когда первый раз указал на это, то мы ему сказали, что моральная сторона дела — раны залечиваются, а материальная часть — мы вас просим внести законопроект об улучшении материального положения офицерства. Если вы на первых порах встретите препятствия со стороны Министерства финансов, то скажите, что у вас обеспечено в Думе большинство. Вы скажите им заранее, что мы вам даем обязательство, что мы это проведем, а затем если бы вам провести не удалось, то мы в порядке инициативы внесем такой закон и получится, что Дума заботится об офицерстве, а правительство — нет. Это было проведено очень быстро. Так что те корни, которые таким образом не только комиссия, но и народное представительство пускало, — это вызвало недовольство.

Базили. Государь считал армию своей привилегированной территорией, а тут вмешиваются.

Гучков. Эти первые шаги привели к тому, что у меня установились добрые связи с очень большими людьми из военного мира. Они часто давали мне добрые советы, словом, получилось очень тесное сотрудничество, не только мое лично, но нашей маленькой группы с представителями военно-морского ведомства. На морские дела имел очень большое влияние адмирал Эссен.

Тогда же для того, чтобы были не случайные соприкосновения, а постоянное [сотрудничество], я подумал о том, что было бы хорошо создать постоянный орган, который мог бы служить лабораторией для разработки всяких вопросов. Я сношусь с генералом Василием Иосифовичем Гурко — тогда он еще молодым был, во время Бурской войны он был военным агентом. С одной стороны, Стаховича, а с другой Гурко. В то время в Военном министерстве была создана комиссия для составления «Истории русско-японской войны», во главе этой комиссии был поставлен Гурко. Он подобрал отличный состав сотрудников — это были офицеры Генерального штаба, горящие интересом к делу[6], люди, проделавшие японскую войну. Мне показалось, что это готовый орган, с которым мы могли бы сойтись на началах сотрудничества. Так как они были люди корректные, то Гурко доложил им о наших предположениях и просьбе. Тут негласно и началась совместная работа, то у меня, то у Балашова, то у Гурко. Собиралось человек 5 — 6 с нашей стороны и с той стороны, а если по тому или другому вопросу в их среде не было специалиста, то они сами приглашали того или другого. Например, по вопросу об образовании железнодорожных частей — у них не было, они его пригласили.

Базили. Это все в порядке дружеской беседы...

Гучков. Работа была такая. Когда к нам поступал законопроект от военного ведомства, мы его процеживали через это совещание в порядке обсуждения. Поэтому, когда этот вопрос потом официально шел в комиссии государственной обороны, наша группа была великолепно ознакомлена с делом. Так как они были люди свободные и независимые, они могли указывать на те или другие дефекты. Они занимали свою должность, писали историю, но помогали разбираться в этих вопросах. Кроме того мы в порядке таких бесед выяснили вообще нужды армии и целый ряд вопросов, которые были [впоследствии] подняты в порядке инициативы, в виде пожеланий, [так как] были две возможности: либо Дума вносила свой закон, либо это делалось в форме пожелания; правительство и министерство брали на себя выполнение. Мы предпочитали второе. Воля исходила от нас, а выполнение шло по ведомству. Так что очень многие работы были в этой области сделаны. Все шло благополучно. Никогда не урезывали кредит. Мы указывали на необходимость увеличения кредитов по тем или другим статьям. Это называлось у них вмешательством в военные дела. Боялись, что общественное мнение военное будет считаться с Думой больше, чем с другими.

Базили. Высказывались опасения, что вы постепенно симпатии армии переведете на народное представительство.

Гучков. Я их понимаю, я должен сказать только, что нам эта самая мысль была совершенно чужда, ни малейшей ноты, которая бы в наших настроениях отвечала этому. Причем при Редигере все шло благополучно, сам Редигер ушел из-за меня. Я это знал и из переписки государя убедился. Было мое выступление такое: великие князья являются помехой к реформам, а затем больное место был высший командный состав. После японской войны армия, в общем, очень подтянулась, проснулся интерес к военному делу, в самой офицерской среде прежняя ленивая работа сменилась более деловой, так что чувствовалось, что жизнь забилась, но что оставалось безнадежным — это высший командный состав. Он не только был сам по себе плох, но плох безнадежно, потому что его рекрутирование шло ненормальными путями. Это не самые выдающиеся в военном деле люди, а люди, связанные товарищескими отношениями, высоким положением; связи с двором — это влияло, подбор шел отвратительный; случайно попадали туда какие-нибудь крупные лица.

Не было создано школы для высшего командного состава, никто не занимался подготовкой людей для высоких постов. Той организации, которая создавалась в Германии, где для продвижения с одной ступени надо пройти известные маневры, выполнение известных задач, — этого не было. В нашем же кружке, под влиянием знакомства с тем, что делалось на Западе, также родилась мысль, что надо такое военное ведомство. Не то чтобы тоже таким образом создать высшую школу командного состава, но надо было указать всенародно на эту слабую сторону.

После того как я увидел, что в нормальных условиях не удастся провести какую-нибудь из таких новых мер, потому что уже очень много личных интересов связано с этим, я тоже решил поступить по тому же шаблону, как с великими князьями, и, тоже воспользовавшись речью своей, я указал на тот прогресс, который можно отметить в смысле улучшения постановки военного дела, но указал и на то, что прошлая война была фатальной как раз благодаря неудовлетворительному составу, и что я не вижу никаких мер для того, чтобы люди почувствовали свою личную ответственность. Я сказал: «Давайте ознакомимся с теми, которые стоят во главе военных округов, потому что эти лица являются кандидатами в командующие фронтами армий», и как нарочно оказалось, что за маленькими исключениями только Иванов в Киеве удовлетворял, а остальные были люди, которые никаких серьезных военных заслуг, никакого имени в военном деле не имели. Я их всех перечислил по имени: в Москве Гершельман, в Варшаве Скалон и т. д.

Произносил эту речь в присутствии военного министра Редигера. Редигер, которого я тоже не предупредил, был очень взволнован, выступил после меня и в общем признал неудовлетворительным состав, и тут были, может быть, некоторые неудачи в смысле выражения своих мыслей. Он сказал: «Что же поделать, приходится пользоваться тем материалом, который мы находим». Тогда, мне говорили, негодование наверху не имело пределов. В то время, когда надо было меня опротестовать, военный министр согласился со мной! Он из-за этого вынужден был уйти. Опять вмешательство в военные дела: великие князья, забота об армии, а теперь высший командный состав.

После того был назначен Сухомлинов. На первых порах я пытался продолжать с ним ту работу, которую вел с Редигером. Он нуждался в некоторой помощи Государственной думы. Первые шаги обещали успех, но затем он убедился, что Дума не в фаворе, комиссия государственной обороны под подозрением и ее председатель тем более. И тогда, будучи человеком равнодушным к интересам армии, он очень круто повернул против нас в том смысле, что старался подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к народным представителям, не ходил в комиссию, предоставляя это своему помощнику, хотел, по-видимому, подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к этим новым условиям нашего государственного строя.

Я убедился очень скоро, что с программой, планом реформ, который он вначале изложил очень широко, он не сладит. И тогда я перешел из благожелательного отношения в резкую оппозицию. Все недочеты были резко подчеркнуты и в докладах и в речах. Между прочим, когда мы убедились, что в артиллерийском ведомстве мы не можем добиться того улучшения, какое нужно, то я предложил формулу, которая была принята в комиссии государственной обороны единогласно и в Думе, и формула эта говорила о том, что Государственная дума признает, что Главное артиллерийское управление и его деятельность представляют из себя государственную опасность. Это было в III Думе. Все это было доказано цифрами и фактами.

Я помню такой эпизод, характерный для той горячки, которой мы были исполнены, и того покойного и равнодушного величия, которое показывали с той стороны. Как сейчас помню, смета Главного артиллерийского управления рассматривается в маленькой подкомиссии. С нашей стороны Савич, я и еще кое-кто. С той стороны — ряд артиллерийских генералов. При рассмотрении сметы выясняется, что один вопрос очень жгучий, вопрос перевооружения пехоты, чрезвычайно задерживается, что медленно использованы отпущенные ранее кредиты, кредиты, которые раньше отпущены, не отвечают потребности. Когда мы пытаемся выяснить, на какой срок рассчитано выполнение плана, то получается такой длинный срок, что к концу срока винтовка будет устаревшей, и Савич, который немного нервен был, он в форменную истерику вошел, стал резко говорить генералам и вдруг заплакал, и этот генерал говорит: что вы волнуетесь, посмотрите, как мы спокойны. Это меня взорвало, и я сказал: «Если бы вы так нервничали, как нервничает Савич, тогда мы могли бы быть спокойны».

Я помню один такой случай, они спрашивали случайного кредита для выполнения какой-то работы. Мы требовали плана. Дайте нам общий план. Затем в зависимости от остроты этой потребности, в зависимости от возможности кредитов установите срок, и вы будете знать, на что вы можете рассчитывать. Я помню, какая-то была второстепенная задача, касалась она картографии, снятия карт в районах, которые могут сделаться театром военных действий. Когда стали высчитывать быстроту (такие кредиты были не в фаворе), то оказалось, что в двести лет работу выполнят.

Так все росло недовольство там, с Сухомлиновым я во вражеские отношения становлюсь. Очень обеспокоен Сухомлинов большой моей осведомленностью: «Откуда вы это знаете...» Просто я тщательно изучал, а затем, создались эти каналы. Это совершенно не маленькие люди даже были. Например, начальник штаба военного округа приезжает в Петербург, заходит ко мне: «Не могу добиться... Крепости строятся с такой медленностью... Артиллерийское снабжение запаздывает...»

Базили. Были ли какие-нибудь санкции против тех людей, которые были с вами?

Гучков. Нет, искали их. Этот кружок, Гурко и офицеры Генерального штаба, был взят под подозрение. Каких-нибудь суровых мер — этого не было. Во-первых, это были люди, которые имели свой собственный вес. Может быть, их там немножко и обходили.

Базили. Отчего не проводилось до конца?

Гучков. Возьмут на подозрение, обойдут его очередной наградой, а дальше не шли. Даже с теми, которых режим находил противниками, начать борьбу не было сил. Еще во время Столыпина в этих своих неудачах и огорчениях с военным и морским ведомствами я находил поддержку у П. А. Пойдешь к нему, расскажешь о том, о другом. Он собирал нас у себя, военного министра, морского министра, о чем-нибудь договариваемся. Когда Столыпин исчез, исчезла возможность этими путями влиять. Коковцов относился к Сухомлинову в высшей степени отрицательно. Он его раньше знал, чем я, и, когда у меня была некоторая надежда, иллюзия относительно Сухомлинова (потому что он умный человек, знающий, с практическим опытом), то меня Коковцов с самого начала разочаровал и сказал: «Ведь это гусарский корнет, а в смысле военном легкомысленный человек».

Базили. Разве главная слабость в его жуирстве?

Гучков. Ему на все наплевать. Жизнь и успехи наверху. Все благополучие построил на том, чтобы завоевать душу государя, привлечь к себе, подлаживался к этим вкусам. Новые воинские части, перемена формы, забавлял государя, старался освободить государя от скуки выслушивать серьезный доклад, а какие-нибудь недочеты — не доводил до сведения государя. Мы чувствовали, что, если так дальше будет идти... У нас была суеверная вера: 1915 год, 1916 год... Сведения, которые были из Германии (у меня были добрые отношения с военным агентом в Берлине генералом Михельсоном и Зенкевичем. Когда я за границей бывал, то их видел, либо когда они в Петербург приезжали, то бывали у меня), как росла там военная мощь, какие сроки были там установлены, когда нам приходилось это сравнивать с медленностью темпа у нас, то мы приходили в отчаяние.

Отчаяние нас так охватило, что в комиссии государственной обороны возникла такая мысль — не помню, от кого она исходила, я отстаивал это — чтобы сделать демонстрацию следующего характера: заявить в один прекрасный день в заседании Государственной думы, что мы слагаем с себя звание членов комиссии государственной обороны. Мы решили ударить по нервам, выступить с обвинительным актом, сказав, что народное представительство пришло с горячим сердцем на помощь делу государственной обороны и что нас постиг целый ряд неудач. Мы видим, что вся наша работа дает очень мало, что мы дальше нести ответственности не можем, и уходим. Требовался какой-то шок, скандал на весь мир. Мы потом отказались от этой мысли, потому что, по-видимому, не получили бы единодушия, а если бы это все к тому свелось, что ушли бы люди неприятные на верхах, то сказали бы: вот и прекрасно...

Я считал главным препятствием Сухомлинова. Но как его было устранить? Просто критикой его деятельности? Чем резче критика в Государственной думе, тем проще, при ловкости Сухомлинова, можно было представить это дело так: его травят как человека, преданного делу государя. Во главе правительства был Коковцов. Я раз с ним говорил. Он был в отчаянии от деятельности военного министра.

Среда, 16 ноября 1932 г.

Гучков. Какие шансы были на благополучный исход [для] Временного правительства? Во-первых, один основной шанс. Он отпал одновременно с появлением Временного правительства — тогда, когда Временное правительство осталось без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственности власти и в смысле отсутствия опоры снизу, когда не было ни законодательных учреждений, ни опоры в организованном общественном мнении и настроении масс. Мы буквально повисли в воздухе: внизу не было почвы и наверху не было исторического знамени. В тот момент, когда я убеждал государя отречься, я считал, что с маленьким Алексеем в качестве государя (и вообще с каким-то все-таки законным государем во главе) этой власти можно было спасти положение. Был не только символ, а была какая-то живая сила, которая имела в себе большое притяжение, для борьбы за которую можно было найти очень много людей, которые умерли бы за царя, даже маленького. [Иное дело —] за Временное правительство. Надо было обладать высоким разумом для того, чтобы через эту группу людей обычного склада прозревать Государство, Отечество, страну, довести себя до такого напряжения, чтобы в них видеть и залог...
Базили. Я помню, мы с вами обсуждали этот вопрос. Присягать Временному правительству — ведь это же как раз то, что вы говорите.
Гучков. Я не радовался сам этим событиям, потому что я знал, как трудно среди этих бурь что-то новое создавать. У меня была надежда, что мы выполним нашу задачу, но при условии наличия монарха. И в тот момент, когда в Маленькой гостиной Михаил Александрович... Он вышел к нам... Он обдумал этот вопрос. Значит — нет. Значит гибель... Я сказал: «Я ухожу». Милюков настаивал, чтобы [великий князь] принял... (Во мне не было [для этого сил], потому, что я был монархистом раньше.) Я ему ставлю в заслугу, что в этот момент он сумел отмести свои симпатии в сторону и остаться на защиту [исторической власти].
Базили. Вы и Милюков были единственными лицами, которые могли спасти положение. Судьба повернулась против вас. Тут моя просьба к вам, хотелось бы иметь все материалы, все объяснения, благодаря которым можно уяснить, почему, унаследовав то наследство, которого вы не хотели, которое вы получили, потому что события изменили курс, события, которых вы не желали, и даже Милюков не желал, и вот вы все мужественно взялись за спасение этого корабля. Вы оставались верными той программе, которую поставили с самого начала вашей государственной деятельности, Милюков же изменил, уклонившись вправо с той минуты, когда ответственность на него пала... Приказ № 1, в котором вы не ответственны, — вот та вещь, которую мне хочется оттенить, тем более, что я сидел у вас в кабинете после того, как это произошло, и вы объяснили мне, как это произошло. Одна из несправедливостей судьбы заключалась в том, что ваша вынужденная жертва —

это в недостаточной степени известный пункт, и тут мне хочется в самой энергичной форме факты связать так, как они были, и я обращаюсь к первоисточникам. Какая ужасная была обстановка. Вы и Милюков с самого начала, я помню, мрачно смотрели на будущее.
Гучков. Хотя у него было меньше надежд, я всегда находил в нем гораздо более оптимизма, чем во мне. Это объясняется теми впечатлениями, в которых я жил и он жил. В этом ведомстве спокойном — иностранцы; мне [приходилось иметь дело] с бунтующими солдатами, а ему — с полными радужных надежд дипломатами. До меня все это доходило в виде словесных докладов, телеграмм, а он видел социалистов, у него были иллюзии, что этому «Ахерону» можно противопоставить средний класс интеллигенции. Когда предвиделось Учредительное собрание, он был исполнен надежды, что можно собрать государственно мыслящее собрание. Он говорил: никогда наши (кадетские. — *Ред.)* собрания не имели того успеха, как сейчас, — они переполнены. Кадеты были последним прибежищем. Ему казалось, что это есть показатель такого трезвого отношения окружающей интеллигенции, а на нее нельзя было положиться.
Базили. В нем должна была быть такая иллюзия. Вы пошли энергично на борьбу, несмотря на то, что у вас надежды было мало, но вы этот бой приняли...
Гучков. В ночь, когда я возвращался в Петербург из Пскова после отречения государя, в эту ночь, по-видимому, и обсуждался Приказ № 1 в особой комиссии при Солдатском и Рабочем Совете в составе Нахамкиса-Стеклова (он был секретарем этой комиссии). Так как в этот момент телеграфные сообщения, и в частности беспроволочный телеграф, находились в руках Советов солдатских депутатов, то приказ сейчас же был разослан по всем фронтам. Узнал я о его существовании только на другой день. Первый день я был очень занят. На второй день после возвращения в Петербург я узнал, что там приказ состоялся, я тогда же видел. Я тотчас же протелеграфировал в Ставку об этом самовольном акте Совета, прося принять меры.

Какие меры мы в центре должны были принять? В то время мы строили нашу дальнейшую работу на попытках соглашения между Временным правительством и Советом Р. и С. депутатов. В серьезных случаях их делегации приходили даже в заседания Совета министров. В частности, Совет Р. и С. депутатов образовал ряд контактных комиссий, которые имели контроль за отдельными ведомствами. Такая комиссия была образована и в отношении военно-морского министерства. Поэтому мне хотелось найти какой-нибудь способ убедить Совет Р. и С. депутатов этот шаг отменить. Отмена с моей стороны ничего не прибавляла, важно было, чтобы они сами от него отреклись.
Базили. Кто был членом контактной комиссии?
Гучков. Стеклов-Нахамкис, был какой-то прапорщик, был от флота какой-то инженер-механик... Человек пять, шесть. Тогда я их призвал к себе и сказал, что этот приказ принесет чрезвычайный вред, он окончательно разрушит армию, она перестанет быть опасной для врага внешнего и сделается опасной для внутреннего положения. Не думайте, что вы этим путем создадите послушную армию, вы создадите хаос, который отразится на всей стране. Я сказал, что если они думают этим приказом связать армию в пользу нового строя, то это повлечет за собой только вот эти последствия, а я ручаюсь, зная настроения, что армия орудием для реакционного переворота быть не может; задача ваша, чтобы этого не было. Этого и не будет, зато, если вы ее окончательно разложите, то она перестанет быть опасной для врага внешнего и станет опасной для населения. Они очень внимательно слушали меня. Я говорил очень убежденно, поэтому, вероятно, убедительно.

Для того чтобы иметь немножко больше представления, какие у них были настроения и какими мотивами они руководствовались, я пригласил на это собеседование одного молодого генерала, Потапова[7] (раньше он был военным агентом в Корее), во время первых дней революции нашедшего какие-то связи с революционными кругами, и человека, который считался ими за человека с ними согласного, а я его знал еще раньше по бурской или по японской войне. Я его позвал и попросил, поскольку он был вхож в Совет Р. и С. депутатов, чтобы он разведал и объяснил, на кого там надавить. Беседа продолжалась довольно долго, затем я сказал им, что это вопрос довольно спешный. Я настаиваю, чтобы они новым приказом от их имени отменили свой первый приказ. Я тогда исчерпал все свои доводы и сказал,

что предоставляю им некоторое время на обсуждение. Они остались у меня в кабинете, остался и Потапов там среди них. Затем они пригласили меня опять и сказали, что обсуждали этот вопрос и что они на мои условия о полной отмене согласиться не могут. Я думаю, что тут вопрос об их престиже играл роль. Говорят, вот что мы можем сделать: мы можем издать приказ № 2, где будет указано, что те основы, которые преподаны в приказе № 1, имеют отношение только к тылу.

Потом Потапов мне рассказывал условия, в которых это обсуждалось в мое отсутствие. Оказывается, они со мной согласились и готовы были пойти на полную уступку. Кто очень горячо возражал — это Нахамкис. Вероятно, он уже и в то время был большевиком. Так что те доводы, которые я приводил, ему как раз и нужны были. [Требовался] хаос, чтобы боеспособность армии рухнула, потому что связь с немцами была. Как представитель крайних течений он берет верх, и тогда у них была выработана эта формула «отменить по отношению к фронту, сохранить по отношению к тылу». Разумеется, меня это не удовлетворяло, потому что тыл тоже мог быть разложен и резкой линии между фронтом и тылом не было. Так что меня эта формула не удовлетворяла, но, с другой стороны, я думал, если я это не приму, тогда остается то, что было в силе.

Базили. Удар страшный по престижу Временного правительства.

Гучков. Первый приказ подписан был ими — военного министра не было. Я оповестил Ставку о том, что мы этот приказ не признаем. Мы могли, конечно, всенародно сказать, выступить возмущенно, но в то время мы не хотели рвать с Советом Р. и С. депутатов. Я все-таки колебался, идти ли на такой компромисс или нет. Идти на такой компромисс — это значит косвенно признать право Совета Р. и С. депутатов на какое-то вмешательство в военные дела, поэтому я сделал следующее. У меня была мысль, она сейчас же осуществилась. Я решил образовать при Военном министерстве особую комиссию, куда я предполагал давать на обсуждение все вопросы, которые бы шли снизу, хотел создать между военным министром и этой средой известное средостение. Во-первых, я выигрывал время, можно было воздействовать на эту среду успокоительно. Я вызвал генерала Поливанова и просил его взять на себя председательствование. Комиссия была образована по истечении часа-двух в небольшом составе; ряд офицеров, генералов, молодых полковников Генерального штаба по указанию Поливанова были приглашены, и первый вопрос, который был задан, — вопрос о примирительном предложении, выдвинутом контактной комиссией. Они единогласно решили, что надо выбирать меньшее зло и что нужно на это согласиться. Это произошло в следующих условиях. Был (тоже от имени раб. и солдатских депутатов) издан Приказ № 2, где было указано, что Приказ № 1 относится к тылу, и там была фраза, что это толкование принято по соглашению с военным министром. Подписи моей там не было, но это отвечало действительности.

Теперь я до сих пор не знаю, если бы можно было рвать окончательно с Советами, то, я думаю, если бы я даже пошел этим путем, меня бы мои коллеги [едва ли] поддержали. Надо было рвать с ними во время Временного правительства. Это было через два дня после объявления Временного правительства, еще положение бурное, взбудораженный гарнизон. Без той попытки, которую я делал, привести гарнизон в порядок, разрыв с Советами кончился бы анархией, хаосом и гражданской войной. Поэтому я до сих пор не знаю, правильно ли это было или нет — идти на такой компромисс.

Базили. Я помню, вы говорили, что с этим вопросом была связана судьба Временного правительства. Вы говорили: надо на эту уступку идти, а затем стараться починить все зло, сделанное этими мерами, а против этих мер я выступить не мог, потому что сам бы не удержался.

Гучков. Приказы эти вредны не сами по себе, а как симптом и первые предвестники целой работы по разложению армии, которая пошла потом.

Базили. Вы его не вписывали? Было индоссирование или нет?

Гучков. Нет.

Базили. Вы формально руки не приложили к этому?

Гучков. Нет.

Базили. Вы только терпели ссылку на соглашение. Как он (Приказ № 1. — *Ред.*) сам возник? Тут существует версия, что он был привезен в Россию.

Гучков. Потом я узнал, что он был привезен. Он происхождения кинтальского.

Базили. Циммервальд.

Гучков. Были два съезда, которые устанавливали общую стратегию выступления крайних партий, Циммервальдский и Кинтальский. Мне Милюков указывал на то, что будто бы меры к разложению армии обсуждались и приняты были там, и при таких условиях можно думать, что это произошло при германском участии.

Базили. Тут указывают на какого-то немца, который тогда приехал и сотрудничал.

Гучков. Имейте в виду — это первый же день. Так что, если кто-нибудь приехал — значит, раньше. Скорее всего, я получил убеждение, что это был готовый документ, составленный в условиях иностранных, заграничных и при участии таких, которые знали.

Базили. В Циммервальде подробно обсуждалось, как социалистические партии разных стран должны уничтожить возможность национальным армиям защищать буржуазный строй, как вообще овладеть армиями. И вот этот Приказ пошел по всей армии. Не было ли еще одного факта, что этот Приказ № 1 фактически уже прошел в армию, когда вы с этим делом столкнулись. Он был разослан, я думаю, раньше, чем вы знали о его существовании.

Гучков. Он прошел потому, что аппарат сношений с фронтом был в их руках. Вы знаете, что до конца существования первой стадии Временного правительства оно так и не могло добиться свободного права распоряжения этим телеграфом. Люди сидели там от Совета Р. и С. депутатов. Мы могли сноситься по этому телеграфу только под их контролем.

Базили. Этим приказом вводилось изменение дисциплины и образование комитетов — вот два главных тезиса.

Гучков. Началось выработкой положения о Комитете. Ставка выработала свой проект. Нам приходилось решать вопрос: вводить ли комитеты или нет, а где не было авторитета командного состава, там эти комитеты уже возникли. Вопрос шел о том, в состоянии ли мы закрыть существующие комитеты. Тогда мысль была легализировать их, но ввести в рамки солдатских экономических вопросов, резко ограничить их претензии на вмешательство в пределах быта.

Базили. Это удалось.

Гучков. Положение удалось провести, и затем там, где командный состав сумел их приручить, комитеты не всегда играли плохую роль. Лучше бы их не было, но была мысль о том, что это совершившийся факт. Оставалось только одно: прибрать их к рукам, чтобы они не были чисто революционными, по возможности обезвредить. Некоторые из командного состава пошли очень далеко. Колчак, который очень умел к себе привязать, он как раз комитетами воспользовался для этого. Путем известного давления он ввел в состав комитета своих людей, так что они были представителями интересов матросских масс, но скорее его скрытыми агентами по внедрению успокоения и известных правил дисциплины.

Базили. Удивительное явление, что Черноморский флот был в порядке, а Балтийский в полном беспорядке.

Гучков. Это объясняется тем, что в Балтийский флот взрыв сейчас же передался, командный состав растерялся, и быстро возникли революционные эксцессы. С самого начала они вырыли известную яму. Кронштадт окопался и был самостоятельной республикой. Там были арестованы морские офицеры, мы не могли их освободить. Там было революционное гнездо, которое распространяло свою заразу повсюду. Черноморский флот был географически отдален, это дало командному составу возможность подготовиться. А затем совершенно исключительная личность адмирала Колчака: он с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался. Он сделал ряд других уступок второстепенного характера, не выпуская из рук основ, этим сразу вселив доверие к себе. А в Балтийском флоте был невероятный хаос. Не было никого, кто в своих руках объединил бы все: ряд убийств вывел из строя выдающихся людей, остальное было второстепенно. Были случаи большой демагогии со стороны командного состава, особенно адмиралов Максимова и Кедрова, который имел особое наблюдение за Балтийским флотом... (Разговоры просят не заносить в стенограмму.)

...Розыски морского министра. Я лично остановился бы на Колчаке. Я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора. С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак. Я думал и о Гурко, об Алексееве, но меньше, а Колчак представился мне подходящей фигурой, но я боялся его взять с Черного моря потому, что первые дни он там овладел положением. Поэтому если вызвать его в Петербург, то мы потеряли бы [достигнутое там]. Тогда я посоветовался с Савичем, и мы решили с ним пойти посоветоваться с адмиралом Григоровичем, который был одним их немногих министров, еще не арестованных. Он меня не жаловал, потому что я не был сторонником его назначения. Когда ушел Воеводский, была борьба за это, мой кандидат был князь Ливен.

Так вот, мы отправились к Григоровичу, он сидел в Морском министерстве, его не трогали. Я ему объяснил положение и говорю: «Помогите мне найти самого подходящего моряка, какой только у нас есть». Помню как сейчас, он взял маленькую толстую книжку чинов морского ведомства, и мы втроем просто пошли по списку, он все браковал, особенно старших, и в конце концов получилось три у нас: Колчак, Кедров, молодой адмирал из капитанов I ранга, третий был адмирал Бахирев, которого я мало знал. Когда мы этот список составили, надо было выбрать одного, было колебание между Кедровым и Колчаком, и только вот это соображение, что он совладал на юге и как бы его уход оттуда не повел к развалу здесь, заставило остановиться на Кедрове. Он согласился, был вызван. Вот [что получилось], по оценке Григоровича, который знал [командный] состав, причем, надо сказать, Григорович ни Колчака, ни Кедрова не жаловал и старался быть объективным.

Вот, значит, лучший, какой только был, адмирал. Он и стал во главе Морского министерства. Я расходился только с Кедровым: он стоял за уступки, я за большой отпор. У нас было раз резкое столкновение по вопросу о погонах. Что касается моряков, там резче была оппозиция против погон, и были случаи, когда команды целых судов сами сняли погоны. Кедров говорил, что нужно это узаконить, чтобы не было борьбы. Было решено упразднить погоны во флоте, причем Кедров ссылался на то, что в заграничных флотах допускается отсутствие погон во флоте только в особых случаях. Разошлись мы с ним в том, что он настаивал, чтобы это была общая мера, которая распространялась бы не только во флоте, но и на армию. Это была ошибка, потому что если мы на флоте не брались сохранить (если бы пытались сохранить, вызвали бы целую систему столкновений), то в армии этот вопрос не был такой острый, во всяком случае такие требования были в тылу. Мы могли сохранить, и мы сохранили.

Базили. Есть другой вопрос чрезвычайно важный. Каким образом произошла замена Алексея Михаилом? Отдельный эпизод.

Гучков. Пока могу только сказать, у государя было принято решение, поэтому, когда я ему излагал доводы, он сказал: «Я об этом думал, я решил...» И тут же добавил: «Но я не могу расстаться с сыном и не могу отречься в пользу него, я решил отречься в пользу брата Михаила». Шульгин и я пробовали возразить, но впечатление у нас сложилось, что наши доводы не производят никакого впечатления и что, согласимся мы или нет, государь все это сделает, потому что у него решение это было окончательное.

Базили. После разговора с Боткиным...

Гучков. Это решение мне не очень понравилось, но я не учел, я не мог себе представить, чтобы Михаил мог отречься — это не входило во все комбинации, какие у меня проносились через голову. Я этого не допускал, я просто учитывал, что лучше было бы Алексея, Михаил (это было ясно) не есть настоящая царственная фигура. Ему могли поставить в вину подчинение известным влияниям, отсутствие представительности, блеска царского. Я считал, что эта комбинация слабее, чем та, которую мы предложили, но не представлял себе, что эта комбинация могла кончиться отказом его принять корону. Мы ему дали текст, а у него был готов свой.

Вторник, 22 ноября 1932 г.

Гучков. Потапов участвовал в этой комиссии. Я очень долго и, казалось, убедительно говорил этим господам: не думайте, что армия в таком виде, как она сейчас,

может сделаться орудием для переворота в смысле восстановления старого строя. Она лояльно будет выполнять свой долг в отношении России, а ваша работа по разложению сделает армию каким-то сбродом, очень опасным. Пугал солдатской анархией, просто диким разгулом вооруженных людей, которые одинаково будут опасны и для людей старого режима и для них. По тем замечаниям, которые они делали, я увидел, что есть надежда убедить их принять мою точку зрения. Я им сказал, что я им даю подумать, посовещаться, но что мне нужен ответ. Я пошел в другую комнату, оставив их в кабинете с тем, чтобы меня пригласили. Они имели несколько сконфуженный вид, я не заметил какой-либо особой аррогантности. Они говорят, что не могут взять [назад] целиком Приказ, но соглашаются издать второй Приказ, где они соглашаются, что Приказ № 1 имеет отношение к тылу.

От Потапова я узнал, что в их среде прения были горячие; большинство убедилось моими доводами и готово было идти на отмену, но соблюдая лицо, чтобы не конфузить себя перед массами, но Стеклов очень резко возражал и в конце концов он своим упорством взял верх, и тогда, чтобы получить единогласие, они остановились на этом компромиссе, который мне предложили. Компромисс этот казался мне сомнительным. С одной стороны, были как будто положительные черты — то, что они идут на уступки и отменяют только что ими сделанное. Тогда определенно можно было на фронте отстаивать еще дисциплнну и не допускать Приказ № 1 как средство агитации в солдатских массах. Все это так, но, с другой стороны, то, что Приказ № 2 был по соглашению с Временным правительством, это, конечно, как будто санкционировало положение Совета Р. и С. депутатов — это я сразу учел. Я был в нерешительности — какая сторона превалирует. С другой стороны, если не идти на соглашение, то Приказ остается как был.

Базили. Если бы вы сказали: мы не признаем... Мог бы быть разрыв с солдатскими депутатами?

Гучков. Моим распоряжением по фронтам было указано, что это самовольный шаг. Я послал такую вещь в Ставку, и это было распространено, и Алексеев мне сообщил, что меры были приняты. Тогда я подумал передать этот вопрос на обсуждение комиссии. Я образовал комиссию реформ при Военном министерстве. Во главе стоял генерал Поливанов, входило несколько офицеров Генштаба от разных управлений, потом она пополнилась представителями с фронтов. От фронтов были посланы представители главнокомандующего. На этом совещании я не участвовал потому, что был занят другими делами, но знаю, что единогласно они пришли к заключению, что, хотя у этого компромисса есть отрицательные стороны, но лучше дать на него согласие. Тогда появился Приказ № 2, но с фразой, что это делается по соглашению с военным министром, что Приказ № 1 относится только к тылу, что он не относится к Действующей армии.

Базили. Были посланы какие-либо делегаты от Совета?

Гучков. Они несколько раз пытались послать с моего разрешения. Тут я был непреклонен. Вероятно, самовольные поездки были. Помню, у меня было одно столкновение с кронштадтской депутацией, которая приехала по вопросу о комитетах. Приехала ко мне матросская депутация, очень настойчиво требовали разрешения, а я отказал, и поездка не состоялась. Я не слыхал, чтобы были официальные поездки делегатов от Совета Рабочих и Солдатских депутатов, не помню ни одного случая, но, вероятно, агитация шла. Как ни вреден был Приказ № 1, но, если бы мы были в силах принять ряд мер к прекращению той агитации, которая велась, можно было бы последствия довольно быстро ликвидировать. Но, к сожалению, этого нельзя было сделать: вопрос об аресте таких людей не мог быть поднят потому, что это знаменовало бы собой разрыв с Советом. Я думал, что без этого разрыва мы не обойдемся, но я хотел дать им бой тогда, когда у нас будут к этому силы. Так просто ликвидировать, арестовать их в то время, когда мы в порядке расхождения, — неизвестно, кто физически взял бы верх. Весь гарнизон был в их руках, и они могли ликвидировать все Временное правительство. Они создали бы анархию.

Базили. Мы тогда говорили, что это нежелательное явление, что нужно стараться выиграть время для укрепления власти, авось удастся ликвидировать Совет Рабочих и Солдатских депутатов.

Гучков. Был вызван после Корнилов, мне казалось, что он наиболее подходящий. Я думал о Крымове, но Крымов наотрез отказался — не хотел расставаться со

своей казачьей дивизией, а потом, Крымов с некоторой иерархией считался, он был молодым генералом, так что назначение командующим войсками было бы встречено очень недружелюбно военными кругами, а так как он был очень резкий человек, у Крымова в первые же дни создалась репутация врага революции и представителя контрреволюции. Все это мешало его назначению. Когда Корнилов был приглашен, я объяснил ему, в чем его задача, объяснил, что главная задача — создать военную опору для Временного правительства. Временное правительство было совершенно беззащитно, на воинские части расчета не было; они были настроены революционно, а те, которые настроены более спокойно, на них нельзя было рассчитывать для отпора. Так что если бы была попытка свергнуть правительство, то охотников нашлось бы много.

Корнилову была поставлена задача привести в порядок петербургский гарнизон, даны неограниченные полномочия в смысле личных назначений, и так как офицерский и высший командный состав были чрезвычайно слабы, то разрешено с фронта приглашать тех лиц, которых он найдет нужным; были отпущены неограниченные денежные кредиты, чтобы организовать пропаганду своей стороны в этом гарнизоне. Ознакомившись с состоянием гарнизона, особенно с офицерским командным составом, он говорил: если бы моей задачей было создать революционный гарнизон, я поступил бы так, как делали мои предшественники. Гарнизон почти 100 тысяч человек, а затем [еще те,] кто пришел из окрестностей, — [всего] 125 тысяч более или менее живших в праздности, потому что интенсивных задач, которые представляют из себя здоровую атмосферу, [войскам] не было [поставлено]. Невероятная скученность, нары в два-три этажа, очень слабый унтер-офицерский состав, слабый надзор — поэтому пропаганда.

В офицерском составе имелись очень доблестные лица — офицеры, после фронта, ранений, болезни командированные в Петербург в свои части, они входили в состав соответственных батальонов, полков. Эти офицеры, либо больные, либо раненые, сравнительно недавно попавшие [в гарнизон], не знали людей, люди их не знали. Сам по себе это был доблестный элемент, но не имевший знаний. Имелся и совсем слабый элемент из офицеров, которые не рвались на фронт, а ограничивались должностями в тылу. При таких условиях Корнилов говорил, что чрезвычайно слабый состав. Он мне тоже не раз говорил, что в тех частях, где происходили эксцессы, они всегда почти неизменно натыкались на то, что это происходило либо по прямой вине офицеров, либо по известному попустительству с их стороны. На фронте появилась так называемая офицерская демагогия: на подыгрывании солдатским настроениям самим попасть куда-то наверх.

Базили. Помните Верховского? Верховский играл большую роль — типичный авантюрист был.

Гучков. Он не был сторонником революции, а был профитером революции. Ему казалось, что можно не мелкий свой карьеризм [удовлетворить, а] сыграть большую роль. Ему казалось, что если он к этой революционной стихии подойдет, то сумеет ее вовремя захватить и на этой волне продвинуться.

Базили. Очень отрицательное впечатление произвел.

Гучков. Мне казалось, у него были некоторые черты вырождения, какие-то симптомы отсутствия равновесия, он был способен s'emballer [его могло занести. — *Ред.*].

Базили. Какую он играл роль? Он был постоянным посетителем Совета Раб. и Солд. депутатов, и им там дорожили. Там они почувствовали: свой человек, и он как будто брался на них действовать. Он был в роли посредника Совета в армии; кажется, с Керенским близок.

Гучков. Я его с самого начала учел. Приходилось его терпеть. Но я не имел в виду им пользоваться для каких-либо больших работ. Точно так же там кроме него появилась группа «младотурок» — Половцев, Туманов, Туган-Барановский. Они умнее и более приличны, с более чистыми задачами, потому что я не видел, чтобы у них была личная цель. Но это роль посредников, старавшихся перебросить мост, [чтобы связать] высшее командование, правительство и требования, которые шли от традиции страны, с одной стороны, с новыми требованиями, революционными идеями, стихией — с другой стороны.

Базили. Половцев ведь был помощником?

Гучков. Должность, которую он занимал, — начальник «дикой дивизии». Должен

сказать, что я ни одному из «младотурок» никакой должности и повышения им не дал.

Базили. Вы держались за старый состав, удалив только несколько лиц, которые являлись препятствием для успокоения умов.

Гучков. Я удалял тех, которые были технически непригодны. Я чувствовал, что при Военном и морском министерстве с этой необходимостью постоянных приемов очень много времени уходило на такие приходящие извне задачи и что для того, чтобы техническая сторона не страдала от этого, нужно несколько децентрализовать работу министерства. И я провел реформу в том смысле, что было назначено три помощника военного министра. Между этими тремя помощниками были распределены все главные управления, так что все текущие дела заканчивались докладами у моих помощников. Таким образом, трудность найти меня не отражалась на нормальной работе всего аппарата. Если вопрос, по мнению помощника министра, выходил из рамок его компетенции, он шел ко мне.

Маниковскому были поручены технические главные управления (артиллерийское, инженерное, интендантское). Вторым помощником был генерал Новицкий. Это назначение я сделал неудачно. Он хороший военный писатель, талантливый военный, оказавшийся вполне хорошим и на фронте в боевых действиях, но человек слабой воли, большого честолюбия и в общем немножко покладистый в убеждениях и в отношениях к людям, человек очень применявшийся к обстановке и поэтому не очень надежный. Слишком гибкий, у него были наклонности к военной демагогии: потворством революционным течениям закрепить себя и подняться. Оставался ряд главных управлений — военно-учебная часть, военно-судная. Новицкому было подчинено все, что касается стратегии и личного состава, Главное управление Генерального штаба и Главный штаб, а третьему оставалось подчинить военно-учебные заведения и военно-судную часть. Я взял человека, которого я и нашел, — это был генерал Филатьев. Он остался начальником канцелярии. Это были три докладчика, с которыми мне приходилось иметь дело.

Базили. Заседание Временного правительства, на котором Корнилов предложил ликвидировать большевиков. Что вы по этому поводу помните? Как постепенно подходили к тому, чтобы принимать энергичные репрессивные меры против большевистской пропаганды? В результате было сделано предложение, которое провалилось.

Гучков. Корнилов попытался если не оздоровить гарнизон, то создать в нем какие-то надежные части, надежные элементы, на которые, если потребуется, можно было бы опираться даже при вооруженном столкновении. Он и я, мы были связаны обязательством Временного правительства, заключенным до образования правительства, — пактом о невыводе частей петербургского гарнизона из Петербурга. Было это сделано без меня в ту ночь, когда я был в Пскове. Когда я вернулся и Милюков мне показал, я тогда сказал, что это лишает нас всякой возможности бороться. Оно понятно: петербургский гарнизон, который считал, что он своими революционными выступлениями завоевал новый порядок, будет очень дорожить этой возможностью, будет сидеть в Петербурге, пользоваться всеми благами и держать нас в плену, а мы лишаемся права делать какие-нибудь перемены. Введение в Петербург новых частей не допускалось, вывод частей Петербургского гарнизона куда-нибудь на фронт тоже был бы нарушением, и задача была в том, чтобы незаметно инфильтрировать здоровый элемент командного состава. Этим усиленно занялся Корнилов и кое-какого успеха достиг. Более слабые люди были устранены, крепкие назначены в более здоровые части, казачьи части, части артиллерии, училищ, потому что из-за них тоже приходилось вести борьбу.

Так вот, его задача была образовать такие отдельные части, на которые в случае чего можно было бы опереться. Все это шло очень медленно и малоуспешно. Помню те цифры, которые Корнилов называл, когда приближался на очередь вопрос о вооруженном столкновении, в момент демонстрации конца апреля, 23 — 24-го, когда толпы рабочих и солдат ходили по Петербургу и кричали: «Долой буржуазное правительство», «Долой Милюкова и Гучкова». Это принимало довольно грозный характер, и тогда мы с Корниловым обсуждали, какими располагаем силами, чтобы дать отпор в случае вооруженного столкновения, и пришли к заключению, что в нашем распоряжении имеется всего $3^1/_2$ тысячи человек против 100 000 человек. Правда — это в одних руках, а то толпа, и, конечно, офицерство было в

тех частях. Но многие их них не участвовали, а остальные были бы убиты. Так что разгромить этот революционный гарнизон такими силами мы не могли бы, но отстоять против него существование правительства или какое-нибудь здание могли.

Когда эта манифестация апрельская принимала все более грозный вид, у меня состоялось заседание Временного правительства, где я доложил положение дел и очень спокойно заявил, что за существование самого правительства можно поручиться, потому что в нашем распоряжении имеется $3^1/_2$ тысячи человек вполне надежных, что мы не предполагаем самим перейти в наступление потому, что, может быть, это движение уляжется, а пролитая кровь может вызвать волнения, но что, если будет вооруженное вторжение — мы даем вооруженный отпор. Общее молчание — только встал Коновалов [8]. Коновалов подошел ко мне и громко говорит: «Александр Иванович, я вас предупреждаю, что первая пролитая кровь — и я ухожу в отставку». Подошел Терещенко и сказал то же самое. А я все говорил — мы не нападаем, а на нас нападают. Тут несколько десятков юнкеров, если бы я им приказал стрелять...

Я потом вспоминал, мне приходилось быть при последних вспышках спартакизма в Германии, был в одном ресторане, завтракал, недалеко от рейхстага, и услыхал трескотню ружейную и пулемет. Я и другие вышли, потом выяснилось, что толпа невооруженная шла с манифестацией к рейхстагу. Там в силу закона известный район вокруг рейхстага считается запретным, и там не допускаются никакие манифестации, и их полиция остановила, а они приказанию полиции не подчинились и пошли дальше. Но невооруженная толпа. И когда они приблизились к рейхстагу, то по распоряжению военного министра вышла довольно значительная охрана с пулеметом и открыла по этой толпе огонь. Около ста человек было убито. Толпа разбежалась. Прервалось заседание рейхстага, члены стояли у окон и смотрели на стрельбу, и, когда возобновилось заседание, Носке с кафедры заявил очень энергично, что он распорядился открыть огонь, что манифестация прекращена, и ему сделали чрезвычайно восторженную овацию немецкие социалисты.

...Я посмотрел на остальных и получил впечатление, что один человек не пошел бы в отставку — Милюков, а другие пошли бы в отставку.

Базили. Как вы объясняете психологию этих людей?

Гучков. По-разному. У меня от соприкосновения с кн. Львовым получилось впечатление, что он неисправимый непротивленец, он крепко верил, что все это стихийное само собой уляжется, что известные добрые качества, здравый смысл заложен в русской народной массе, что он в конце концов возьмет верх, эксцессы связаны с бурным весенним потоком, а потом спокойно потечет. Что касается других, я не знаю, было ли у них такое миросозерцание. [И то и] другое — просто физическая трусость. Вот если бы кто другой подавил движение... но сами участвовать в этом, принимать на себя ответственность! Нет, себя они покрыли бы тем, что отреклись от Корнилова, от меня, от Милюкова, от всех тех, кто либо дали бы распоряжение подавить движение, либо одобряли, санкционировали.

Я помню эту сцену, она подготовлялась, но это окончательно сломило меня: я увидал, что те задачи, которые перед нами выросли, — необходимость войны, контрреволюции, гражданской войны, — что они в сообществе с этим составом правительства невозможны. Данный состав Временного правительства не только не помог бы, но лишил бы эту власть доверия. Сейчас же это было бы понято как контрреволюция. Буржуазные элементы отреклись бы, значит, это пахнет контрреволюцией. Я не был уверен, не будет ли это опасным провокационным актом, сигналом к общему развалу.

Базили. Предположим, был бы дан отпор и кончилось анархией. Мы могли одержать верх, если бы дали решительный бой. Это вообще был бы заговор, не скажу против существующего официально строя, но против того политического уклада, который сложился.

Гучков. Весь план мой заключался в том, чтобы ликвидировать Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Я думал, что, если бы нам удалось образовать единую, свободную, ответственную перед самой собой, а не перед другими, твердую правительственную власть, то даже при всей разрухе, которая охватывала и страну и фронт, шансы навести порядок были. Надо было какое-то очень кровавое действие, расправа должна была быть. Вот как-то позднее мы с Милюковым вспоминали. Он говорит: «Александр Иванович, я вас в одном обвиняю, почему вы не арестовали Временное правительство?» Я мог бы арестовать их, но я не знал, как к этому отнесется страна.

Этими демонстрациями в конце апреля выяснилось: в Совете Раб. и Солдат. депутатов поняли, что захват власти для них не будет так легок, как они полагали. Поэтому через два-три дня после этого Совет обратился в правительство с требованием, чтобы права командующего войсками Петербургского округа по вызову войск были бы связаны разрешением и согласием какой-нибудь делегации от Совета. Их мысль была, чтобы некоторое количество, 2—3 человека, было бы ими делегировано в состав штаба Петербургского военного округа, чтобы всякое распоряжение главнокомандующего о вызове и употреблении войск принималось бы при контрассигнировании приказа. Я отвечал, что я на это не согласен, настаивал, чтобы от этого отказаться.

Мы отказались. Но поразительна одна черта: это то, что Корнилов, при всех своих качествах, меня уговаривал согласиться на это. Видите, такие умные люди не разбирались в этом деле, искали выходов в сторону какого-то соглашения, примирения, пытались отсрочивать момент столкновения. Это очень характерно. Он очень настаивал на том, чтобы согласиться, считая, что сумеет сговориться с лицами, которые командированы. Я был против этого, считая, что это была бы лишь капитуляция, а затем это просто материально и физически связало бы нас. Эта военная демонстрация против Временного правительства, она тогда же и произошла. Велась очень зажигательная пропаганда — это был период, когда Ленин произносил речи в доме Кшесинской, и это производило такое разлагающее влияние на армию, на войска в Петрограде, что было тогда предположение произвести нападение. Я подробностей не помню...

Базили. Я помню, как мы поехали втроем...

Гучков. Это когда было?

Базили. За день-два до вашей отставки. Вы считали, что это последний шанс.

Гучков. У меня крепко сидела еще мысль, что до тех пор, пока мы не добьемся единого правительства, пока будет продолжаться эта двойственность (Совет Р. и С. депутатов, который посылает распоряжения по своему усмотрению), — до тех пор мы не сладим с нашими задачами, не приведем в порядок ни страну, ни армию. Мне этот вопрос о перевороте представлялся совершенно ясно.

Базили. Мысль арестовать большевиков — прежде всего нужно было взяться за вожаков крайнего крыла. Так что это было кульминационным пунктом в вашем старании спасти Временное правительство.

Гучков. Это была последняя попытка. И когда я убедился, что как ни велики затруднения, но они преодолимы, а непреодолимо одно препятствие — в виде определенного отказа большинства Временного правительства от резких мер борьбы, — тогда моя миссия кончилась. Я не отказывался вообще от работы, но мне казалось, что надо из центра перенести работу на фронт. Может быть, там несколько подготовить какие-нибудь здоровые части, с которыми можно было бы предпринять поход на Петербург для его оздоровления. Я с самого начала пришел к этой идее, которую потом неудачно развил Корнилов.

Базили. Что вы сделали после своего ухода?

Гучков. После ухода я вернулся на прежнюю должность. В соприкосновении с военным ведомством имелась возможность общаться с фронтом, ездить туда. Затем не по моей инициативе, а по инициативе Путилова образовался негласно комитет из представителей банков и страховых обществ. Чтобы оправдать официально свое существование, он назвал себя Обществом экономического возрождения России. На самом деле задача была собрать крупные средства для того, чтобы в случае выборов в Учредительное собрание помогать выбору умеренно-буржуазных элементов, и, главным образом, работа на фронт. Вся эта финансовая работа заключалась в том, что, собрав крупные средства, мы их передали в распоряжение Корнилова. Это давало возможность мне с ним общаться. Он делал большую работу, разная пропаганда, литература, объезды офицерами и нижними чинами фронта и просто разные подарки, которые делались частям, солдатам от имени командующего армией для того, чтобы поднять его личный престиж. Это делалось за счет тех средств, которые мы ему отпускали.

За несколько дней до переворота (то есть выступления Корнилова. — *Ред.)* я

поехал на фронт, переворот меня застал около Риги. Оставался за меня Путилов. Приехал какой-то полковник от Корнилова, ему были вручены некоторые средства, и он их повез туда. Характерна неудача Корнилова. Я тоже убежден, что военное командование в согласии и союзе с правительством еще имело шансы захватить власть, а как только между ними образовался антагонизм, так [все] и рухнуло. Ведь Корнилов имел поддержку, а как только увидал, что поддержка изменила, он смалодушничал.

Базили. Если бы Корнилов тогда не смалодушничал, если бы он пошел и дошел, что произошло бы?

Гучков. Трудно сказать, я не уверен. Они просто остановились, один по малодушию низкого калибра, другой по некоторой нерешительности — выполню ли я эту задачу… Вдруг провал, гражданская война — и в то время, как фронт у нас. Не воспользовались бы немцы… У Корнилова были не личные соображения.

Базили. Вы помните что-либо по вопросу о выезде за границу Николая II?

Гучков. Это было совершенно без меня. Я мало был в Петербурге. Когда я возвращался, меня осведомляли.

Базили. Милюков и Керенский…

Гучков. Я помню одно — мысль о том, что надо принять очень тщательные меры для того, чтобы обеспечить безопасность царской семьи, — это нас очень занимало. Я считал, что [если предпринять] сколько-нибудь открытый их вывоз, то могут узнать какие-то воинские части, может быть попытка захвата их, это было столь грозно, что заставляло нас очень задуматься, потому что окружить царскую семью такой воинской частью, которая дала бы отпор таким попыткам, — мы не были уверены, в состоянии ли мы будем найти таких, и выезд мог быть только при условии тайны. Надо было симулировать как бы бегство царской семьи. Можно было бы организовать технически…

Базили. Следующий раз вернемся к коренному вопросу.

Примечания

1. *Оболенский Алексей Дмитриевич* (1855 — 1933) — член Государственного совета (группа центра), сенатор. В 1905 — 1906 гг. обер-прокурор Св. Синода. Один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте при разработке октябрьских актов 1905 года.
2. *Хрусталев-Носарь* (Переяславский) Г. С. (1877 — 1918) — помощник присяжного поверенного, из крестьян, члеи Союза Освобождения, адвокат Союза печатников. В 1905 г. председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестоваи и в 1906 г. сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. Вернулся в 1917 г. в родной Переяславль. Оборонец, антибольшевик. Расстрелян большевиками.
3. *Кузьмин-Караваев В. Д.* (1859—1927) — генерал-майор, гласный Тверского земства, активный участник съездов земских и городских деятелей, член I и II Дум от Тверской губернии. До 1905 г. профессор Военно-юридической академии. В эмиграции принимал участие в различных общественных начинаниях, в частности в Русской академической группе и в Институте русского права (некролог — Возрождение, 18. II. 1927).
4. *Ксюнин Алексей Иванович* (1880—1938) — журналист. Начинал журналистом-криминалистом в «Петербургском листке», «Новом времени», «Вечернем времени». Вместе с Гучковым входил в совет Товарищества «Новое время», на протяжении многих десятилетий поддерживал с ним дружеские отношеиия, участвовал во многих его начинаниях. В 1918 г. эмигрировал в Белград, в 1919 г. — в ОСВАГе у Деникина. В Белграде входил в Моиархический совет. В 30-е годы собирал для Гучкова информацию об СССР. Узнав о предательстве генерала Скоблина, застрелился. По словам Н. Н. Берберовой, Ксюнин был вместе с Гучковым в начале 20-х годов исключен («радирован») из масонства, членом которого состоял еще в России (Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны. Нью-Йорк. 1986, с. 134).
5. *Хомяков* Н. А. (1850—1925) — октябрист, в 1886—1896 гг. — уездный предводитель дворянства в Смоленской губернии. В 1896—1902 гг. — директор Департамента земледелия в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Депутат II, III и IV Дум от Смоленской губернии. Председатель III Думы до 6 марта 1910 года.
6. Берберова пишет, что М. С. Маргулиес в своем докладе, прочитанном в Париже в 1925 г. (хранится в Парижском архиве русского масонства, 1922—1971), упоминает петербургскую «Военную ложу», в которую входили Гучков, генерал В. И. Гурко, Половцов и еще человек десять высоких чинов (см.:

Берберова Н. Ук. соч., с. 25; Свитков Н. Военная ложа. — Владимирский вестник (Сан-Паулу), 1953, № 23, 18/31.V., с. 5—8).

7. *Потапов Николай Михайлович* (1871—1946) — генерал-лейтенант. Будучи генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), с июля 1917 г. сотрудничал с Военной организацией большевистской партии при Петроградском комитете. С Н. И. Подвойским и М. С. Кедровым Потапов был хорошо знаком еще до Октября. Соученик Потапова, видный член Военки Кедров вспоминал, что «после июльских дней генерал Потапов Н. М. … предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)» (От Февраля к Октябрю. М. 1957, с. 174). Позднее Потапов сыграл видную роль в операции «Трест», которую провели органы ВЧК — ОГПУ. В ноябре 1917 — мае 1918 г. Потапов — начальник ГУГШ и одновременно помощник управляющего Военным министерством и управляющий делами Наркомвоена (с декабря 1917 г.). В июне — сентябре 1918 г. — член Высшего военного совета. С лета 1918 г. — постоянный член, с июня 1919 г. — председатель Военного законодательного совета (совещания) при Реввоенсовете (РВС), с сентября 1921 г. — помощник главного инспектора Всевобуча. Затем на военно-научной и преподавательской работе (см. Военно-исторический журнал, 1989, № 10, с. 75).
8. *Коновалов Александр Иванович* (1875—1948) — фабрикант, член IV Думы от Костромской губ., товарищ председателя Думы от фракции прогрессистов. Министр торговли и промышленности во Временном правительстве. Во Временном правительстве последнего состава был заместителем министра-председателя. С конца 1917 г. в Париже (в 1940—1947 гг. — в Нью-Йорке). В эмиграции входил в состав республиканско-демократической группы партии Народной свободы (кадетов). Председатель правления газеты «Последние новости». После смерти Г. Е. Львова в течение нескольких лет был председателем Российского земско-городского комитета. Один из главных инициаторов и организаторов Русского музыкального общества в Париже и русской консерватории при этом обществе.

СООБЩЕНИЯ

Месхетинские турки

Э. Х. Панеш, Л. Б. Ермолов

Месхетинские турки населяли южные и юго-западные районы Грузии. Они оказались в числе тех депортированных народов, которые специальным постановлением Государственного комитета обороны от 14 ноября 1944 г. «в целях безопасности границ» были высланы из Грузии в Среднюю Азию. Переселению подверглись 115,5 тыс. человек, проживавших в Ахалцихском, Адигенском, Аспиндзском, Ахалкалакском и Богдановском районах. Еще 40 тыс. советских турок находилось на фронтах Великой Отечественной войны[1].

Существуют две полярные позиции по вопросу об этногенезе месхетинских турок. Первая определяет их грузинское происхождение и основывается на грузинских источниках, которые подтверждают обитание на грузино-турецком пограничье месхов, соотносимых с древнегрузинским субстратом. Вторая связана с их турецким происхождением. Согласно первой точке зрения, частично население Месхети было отуречено, приняло ислам и утратило грузинское самосознание. Исторически месхи, бесспорно, фиксируются на данной территории. Район Месхетского хребта всегда был пограничной этнической зоной. Он служил естественной границей, разделявшей зоны влияния грузинских княжеств и турецких пашалыков. Известно, что любые пограничные территории всегда спорны, поскольку провести там четкую этническую границу очень трудно. На ранних этапах истории такие территории административно неопределимы.

Княжество Самцхе-Саатабаго (в составе Турции — Ахалцихский пашалык) образовалось в XV в., когда от единого грузинского княжества, созданного в X—XI вв. Багратом III, отделился ряд мелких владений. В XVI в. южные и юго-западные районы Грузии подверглись агрессии со стороны османской Турции и сефевидского Ирана. В результате земли Месхет-Джавахети (Самцхе-Саатабаго), Аджария и Лазика оказались под властью Турции[2]. Считается, что с этого времени и начался процесс отуречивания местного грузинского населения, который продолжался до заключения Адрианопольского мира между Россией и Турцией в 1829 году. Отуречивание сопредельных Аджарии и Месхети проходило неодинаково. С одной стороны, месхи, которые утратили прежние язык, религию, патронимическую структуру, традиционную культуру и самосознание; с другой — аджарцы, сохранившие свои этномаркирующие показатели и сменившие лишь религию.

Ассимиляция турками коренного населения Месхети могла протекать интенсивно особенно в тех случаях, когда это население уже было смешанным, причем с подавляющей долей тюркского компонента. Происходило это в результате длительного прессинга со стороны тюркского мира. Еще в XIII в. Грузия подверглась монгольскому нашествию, в XIV—XV вв. — опустошительным набегам Тимура. Основной удар этих двух экспансий пришелся на юго-западные районы Грузии. А еще раньше, с XI в., в южные ее районы проникали сельджуки. Хотя после ухода оттуда сельджукских сил Баграту IV удалось вернуть ряд захваченных земель и вновь воссоединить их с Грузией, «можно предполагать, что в этих местах осели тюркские племена. Росту турецкого этнического элемента способствовало массовое переселение тюрок в Закавказье и их систематические нападения на его территорию»[3].

Панеш Эмма Хасановна — кандидат исторических наук; *Ермолов Леонид Борисович* — кандидат исторических наук (научные сотрудники Ленинградского филиала Института этнологии и антропологии АН СССР).

К 1070-м годам в Анатолии возникло государство Великих Сельджуков — основной плацдарм нападений на Закавказье и иных контактов с ним. С того времени в течение 300 лет Грузия находилась в тесных политических и экономических отношениях с сельджукским государством, особенно при Сулейман-шахе. В тяжелом положении оказался этот район при Мелик-шахе (1072—1092 гг.), когда сельджуки практически наводнили всю Грузию. К той поре уже не существовало армянского политического объединения, представлявшего при Баграте IV барьер для турок. Приходившие в Грузию с целью грабежа сельджуки обратно уже не возвращались, а оседали там. Усилиями везира Мелик-шаха Низам-аль-Мулька на границах Грузии и Византии были поселены туркменские племена, потоки которых, появляясь из Средней Азии, создавали опасность для государства сельджуков.

Именно Грузия в те годы осуществляла в Закавказье основную освободительную борьбу против государства кочевников. Этот факт в значительной степени объясняется культурно-хозяйственной оппозицией двух разных этносов, основой хозяйственной деятельности которых были развитое оседлое хозяйство и кочевой образ жизни.

Хозяйственно-культурной спецификой объясняется и разница в интенсивности оседания на территории Грузии и Азербайджана тюркского этнического элемента, основной пласт которого составили племена огузов. Территория Азербайджана к этому периоду уже была насыщена тюрками, чьи компактные массы фиксируются там в V—VII веках[4].

Хотя народы Закавказья примерно в равной мере стали объектом экспансии Византии и государства Сельджуков и подвергались постоянному давлению со стороны кочевников, для Грузии и Армении этот процесс в силу культурно-исторической специфики стал более болезненным. Оппозиция «кочевой» — «оседлый» сыграла решающую роль в развитии региона в целом и еще более подкрепилась в дальнейшем конфессиональным противостоянием христианства и ислама.

Длительное воздействие турок на Грузию, ее многовековое соседство со скотоводческими племенами, оседание турецкого этнического элемента в грузино-турецком пограничье, отуречивание христиан соседней Анатолии и в значительной степени Балкан, интенсивное оседание огузов в сопредельном Азербайджане обусловили естественное присутствие турок в этногенезе населения Месхети. В отличие от месхов аджарцы были защищены Месхетским хребтом, который вместе с Триалетским позволил населению Центральной Грузии сохранить относительную чистоту, поскольку горные преграды препятствовали распространению кочевников на север. Вот почему именно месхи еще до османской экспансии XVI в. представляли собой в значительной степени смешанное население со значительной долей тюркского компонента.

Вместе с тем пограничье не было административно определено и являлось достаточно условным, как промежуток между двумя этническими и культурными массивами. Эти районы были населены контактирующими группами, которые в ходе естественного исторического развития смешивались, образуя основу, предрасположенную к метисации. А в XVI в., до «разделения Иверии на три отдельных царства и пять самостоятельных княжеств в 1469 г. ... при Саркисе II, владетеле Ахалцихского уезда, было даровано этому краю автономное правление... Правитель Самцхе именовался атабегом»[5]. Данная область составляла тогда одну из наиболее отдаленных провинций Грузинского царства, в которой и сложилась своеобразная культурно-национальная автономия.

Насколько правомерно определение проходившего там этнического процесса как ассимиляции? Нам представляется более точным именовать его реверсией, при которой шла естественная концентрация тюркского субстрата, составившего значительный элемент в этногенезе месхетинских турок. Комплексного сравнительно-антропологического исследования турко-месхетинского и коренного населения Грузии, которое поныне проживает в Месхети, не проводилось. Мы не имеем объективных данных о реальных размерах и соотношении смешивавшихся в Месхети популяций. Поэтому попытка какого-либо сугубо однозначного решения вопроса об их этническом происхождении теряет смысл. Но мы знаем, что предрасположенность к ассимиляции определяется конкретными факторами, прежде всего

формами и интенсивностью контактов, характером миграций, степенью оседлости, наконец, даже ландшафтно-географическими характеристиками зоны и пр.

Что касается этнокультурной характеристики месхетинских турок, то их традиционная культура чрезвычайно близка к классической турецкой[6], хотя и содержит некоторые аналогии с традиционной грузинской[7]. Конечно, этнокультурный облик турок в условиях принудительных миграций менялся. Изменения в традиционной культуре дисперсно разбросанных локальных групп отразились и на их этническом самосознании. Например, с середины 40-х годов XX в. в результате принудительной миграции началось интенсивное разрушение традиционной культуры советских турок: они утрачивают основные компоненты традиционной материальной и, в значительной степени, духовной культуры.

Этому процессу подверглись прежде всего хозяйственные традиции, пища, одежда, жилище. Разрушению этнической культуры сопутствовали культурные заимствования, связанные с существованием в новых зонах. Ведь основная часть турко-месхетинских переселенцев была рассредоточена в Узбекистане, без права выезда за черту оседлости. Другая, под видом спецпереселенцев, таким же образом была поселена в Казахстане и Киргизии[8]. Попав в новую природную среду и не имея опыта ее эксплуатации, месхетинские турки заимствовали способы жизнеобеспечения у окружающего населения. Новые обстоятельства уже не являлись для них этномаркирующими. К ним относятся системы земледелия и скотоводства, типы жилища.

Сохранив наиболее показательные символы традиционной культуры (обрядовую одежду, некоторые виды головных уборов, элементы традиционной пищи), месхетинские турки обрели основные культурно-показательные символы среднеазиатского населения. При этом одни заимствования были связаны с обеспечением главных жизненных потребностей, другие превратились в знаковую форму коммуникативных средств межэтнических контактов. В результате этнокультурный облик месхетинских турок приобрел культурно-региональные различия в соответствии с тем, где и в какой социальной среде проживает та или иная группа.

В 60-е годы началась миграция советских турок в Азербайджан, Кабардино-Балкарию, Ставропольский и Краснодарский края. Исключением оставалась их историческая территория в Южной Грузии. Мигранты, переселявшиеся на Северный Кавказ, воспринимали это как временный этап на пути возвращения в Грузию и ограничивали свои контакты с коренным населением новых зон расселения. Культурное взаимопроникновение сводилось к минимуму[9].

В Азербайджане события получили несколько иное развитие. Там для мигрантов сложились более благоприятные условия, ибо турки оказались в окружении этноса, близкого как генетически, так и культурно-исторически. Добавим сюда антропологическое сходство, конфессиональное единство, близость общекавказских культурных традиций. Оппозиция «абориген» — «пришелец» была существенно ослаблена также вследствие давних исторических контактов Азербайджана и Турции. Азербайджанцы не восприняли месхетинских турок как абсолютно пришлое население. Наметилось не только и даже не столько взаимопроникновение их культур, сколько своеобразный процесс восстановления традиционной культуры турок «по аналогии», хотя и насыщенной уже элементами культуры среднеазиатского региона.

Миграция советских турок из Средней Азии на Кавказ была основным направлением их нового переселения. Вместе с тем их отдельные этнические группы фиксируются сегодня в 11 союзных республиках СССР. Расселение по отдельным регионам расширяло этнокультурные контакты турок и влияло на перемены в их этнокультурном облике. Еще одна волна миграции советских турок была вызвана в 1989 г. трагическими июньскими событиями в Ферганской области Узбекистана. Ареал этноконтактных зон еще более расширился. Основной поток мигрантов направился в Азербайджан, который согласился принять всех среднеазиатских турок и предоставил им земли в степи Джейран-чой[10].

Именно в Азербайджане может в ближайшее время сконцентрироваться основной массив депортированных советских турок. Это приведет к восстановлению их традиционной культуры, ее унификации на основе азербайджанского варианта и к последующему смешению ее с азербайджанской культурой. Неизбежно возникающая при таких миграциях деформация традиционной культуры способствует обострению национального самосознания. Интенсивность его роста совпадает с ходом социально-политических событий.

Как известно, XX съезд КПСС в 1956 г. осудил культ личности и его последствия. В результате часть депортированных народов была репатриирована, а в отношении других были лишь отменены режим спецнадзора и черта оседлости. Неясен в данном случае сам принцип выборочной репатриации, хотя очевидно, что значительная часть выселенных народов была кавказского происхождения или местожительства (карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, турки, курды, хемшилы, иранцы, греки). Депортация переселенцев имела в разное время то или иное отношение к Кавказу либо Закавказью.

Когда после реабилитации депортированные народы были репатриированы на историческую родину, измененные ранее административные границы отчасти были сохранены. Эта тенденция становится еще более очевидной, если учесть, что частично была осуществлена депортация народов Дагестана: в 1944 г. были переселены в Чечню народы дидойской подгруппы (цезы, бештинцы, хваршины), жившие ранее в приграничье Грузии. Вопрос же о репатриации всех без исключения выселенных с ее территории решался отрицательно. Только в 70-е годы был отменен противоправный акт, совершенный по отношению к греческому населению[11] — единственным христианам среди принудительно переселенных.

Вопрос о выселенных из Грузии мусульманах остается открытым. Среди депортированных оттуда народов самую значительную по численности группу составляют турки. Тут лежит одна из причин возникновения турко-месхетинской проблемы, хотя она не является исключительно турко-месхетинской и включает в себя вопрос о всех депортированных из Грузии народах.

Конец 60-х годов характеризовался некоторыми позитивными изменениями: для депортированных был отменен режим спецпереселенцев, разрешен выезд за пределы Средней Азии. Но половинчатость решения привела к дальнейшему их распылению и утрате ими этнокультурных ценностей. Это не ослабило их движения за полную реабилитацию, однако осложнило его организацию. С 1962 по 1989 г. состоялось 10 съездов месхетинских турок. Основной их целью была выработка стратегии и тактики движения за возвращение на родину.

К 70-м годам наметилась определенная тактика, поскольку появилась официальная мотивация отказа месхетинским туркам в возвращении на родину. Если в первые годы движения этот отказ имел безоговорочный характер, то далее смысл его сводился к социально-экономическим сложностям, трудностям переселения немалого количества людей на заброшенные земли, необходимости больших государственных дотаций для возрождения региона и удовлетворения социально-культурных потребностей реэмигрантов, изменившейся там демографической ситуации.

Эти обстоятельства предопределили, в частности, ход 8-го съезда, состоявшегося 18 июня 1976 г. в селении Ерокко Кабардино-Балкарской АССР. На нем была рассмотрена подготовленная инициативной группой программа, которая должна была служить встречным аргументом при решении вопроса. Поскольку переселение значительной массы людей влечет за собой социальные трудности и значительные финансовые затраты, к обсуждению был представлен план поэтапного переселения, не требующий государственных дотаций и включающий в себя строительство жилых, общественных и производственных комплексов силами молодежных бригад, с отказом от компенсации за потерю недвижимости в районах проживания месхетинских турок на данный момент[12]. Появилась реальная альтернатива прежней «безысходности».

Одним из следствий этого явилось неофициально поставленное грузинской стороной условие признания турками грузинского происхождения и смены фамилий[13], что оказалось невыполнимым в силу устойчивости этнического самосознания этой группы. Таким образом, в движении турок обозначился раскол. Ряд депортированных, не видя иного выхода, готов был принять указанные условия. Наметилась частичная деструкция самосознания этой этнической группы.

Сложившееся положение стимулировалось тем, что Грузия стала принимать на постоянное жительство отдельные семьи месхетинских турок, но в различные районы республики, чтобы избежать их национальной концентрации. Данные репатрианты характеризуются ситуативным самосознанием, которое при непрерывности протекания наметившегося процесса может стать стабильным. Однако подавляющая часть турко-месхетинского населения продолжает осознавать себя турками и настаивает на признании своей турецкой принадлежности. Обозначенный раскол перерос в борьбу двух фракций, во главе каждой из которых стояли свои лидеры. Сами фракции — «грузинская» и «турецкая», — по существу, отражают разные взгляды на способ реэмиграции.

На 9-м съезде советских турок (28 июля 1988 г. в районе селения Псыкод Кабардино-Балкарской АССР) позиция «грузинской» фракции была признана ошибочной. Съезд принял решение добиваться возвращения на родину при непременном условии признания их турецкой национальности и провозгласил себя «съездом единения»[14]. Движение месхетинских турок стало более развернутым, ибо вышло за пределы этнической группы. В прессе появи-

лись первые публикации о проблеме советских турок, она становится объектом внимания различных организаций. Но обострение национальной и политической ситуации в Грузии помешало позитивному решению турко-месхетинской проблемы.

Резкий перелом в судьбе этой группы наметился после ферганских событий летом 1989 года. Существует мнение, что там имели место стихийные волнения, вылившиеся в противоправные действия. Есть и другая точка зрения, которая связывает эти события с социально-экономическими трудностями в Средней Азии, «теневой» экономикой, коррупцией администрации и ростом этнократических идей. Преобладает взгляд, что конфликт был все же связан с диспропорцией экономического положения основной массы турко-месхетинского и коренного населения.

Однако каждая из названных причин в отдельности не лежала в основе конфликта. Этническая группа месхетинских турок, расселенная по различным областям Узбекистана, Казахстана и Киргизии, оказалась в таких условиях, которые способствовали растворению этой сравнительно небольшой группы в общей массе коренного населения. Мусульманство, тюркский язык, общие культурные традиции, казалось бы, предоставляли возможность тесного межэтнического общения. Однако, несмотря на столь благоприятные условия и в целом хорошее отношение к туркам со стороны местного населения, такая тенденция не получила развития. Этому изначально препятствовал ряд объективных факторов.

Прежде всего, имело место противопоставление мигрантов и коренного населения. Оно было усилено политической реальностью. Существовали и антропологические различия, определявшие тенденции межэтнического взаимодействия в регионе. При этом месхетинские турки, локализовавшиеся в Киргизии и Казахстане, были более замкнуты, чем в Узбекистане. Добавим сюда этнопсихологическое противопоставление по линии «европеоид» — «монголоид». Турки, столкнувшись со среднеазиатской средой, довольно остро ощутили такую оппозицию, выразившуюся в степени монголоидности контактирующих с ними народов. Особое значение имела этнокультурная оппозиция «кочевой» — «оседлый», представленная в районах взаимодействия турок с казахами и киргизами. Кроме того, 40-е годы (время депортации месхетинских турок в Среднюю Азию) были временем проведения государственной политики насильственного перевода на оседлость кочевников-скотоводов, которые болезненно переживали этот процесс. Депортированные же сюда турки представляли традиционно оседлое население.

Обращает на себя внимание тот факт, что ферганской трагедии не предшествовала предконфликтная ситуация. За все 45 лет проживания турок-месхетинцев в Узбекистане не отмечалось трений между ними и коренным населением. Исходя из этого, вообще невозможно определить данные события как «конфликт». Налицо — односторонняя акция в форме этнического погрома. Этим и объясняются масштабы трагедии. Оценивая ее применительно к национальному движению месхетинских турок, можно сказать, что она имела для него различные последствия. Во-первых, движение понесло значительные людские потери — не только погибшими официально, но и пропавшими без вести. Во-вторых, новая волна мигрвции турок за пределы Средней Азии, связанная с непрекращавшимися угрозами в их адрес[15], еще более распылила компактный энический массив по различным областям СССР. Особо следует выделить тяжелый морально-психологический стресс, многократно усилевший и без того обостренное самосознание депортированных.

Официальное решение о вывозе беженцев в ряд областей РСФСР вызвало недоумение и негативную реакцию со стороны месхетинских турок, воспринявших это как очередную принудительную миграцию. Местное население также сдержанно восприняло идею такого переселения, поскольку осуждение сталинской политики репрессий и депортации предполагало возвращение турок на их историческую родину в Грузию. В этих условиях лидеры турко-месхетинского движения обратились к руководству Красиодарского и Ставропольского краев, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Казахстана, Киргизии и Азербайджана с просьбой принять и разместить беженцев. Однако в подавляющем большинстве названных регионов им было отказано в этом. В ряде случаев сыграла свою роль нечеткость действий местных властей. Так, Красиодарский край не был заранее поставлен в известность, что туда направляются спецрейсами беженцы[16]. При этом крымско-татарское население оказывало всяческую материальную помощь месхетинским туркам. Звучали также призывы к тем татарам, которые уезжали в Крым, не завышать цены на дома, продаваемые туркам. Чечено-Ингушетия предложила разместить часть беженцев из Узбекистана непосредственно по семьям.

Обращение месхетинских турок в различные регионы с просьбой принять беженцев встретило наиболее существенную поддержку в Азербайджане, несмотря на то что после

событий в Сумгаите, Баку и Нагорном Карабахе с последующей эскалацией армяно-азербайджанского конфликта там чрезвычайно остро стоит проблема устройства азербайджанских беженцев. Азербайджан согласился принять всех месхетинских турок, пожелавших поселиться на его территории, и предоставил для этого на выбор земли в степях Муганской и Джейран-чой. Турки предпочли последнюю.

Результатом ферганских событий явилось также создание в июне 1989 г. специальной комиссии в Совете национальностей Верховного Совета СССР для «изучения возможности удовлетворения пожеланий турко-месхетинского населения о возвращении на их историческую родину, откуда этот небольшой народ был выселен без всяких на то оснований в годы произвола и беззакония»[17]. Можно считать ее создание формой официального признания движения месхетинских турок.

Комиссией был поставлен вопрос о том, что «все затраты по оказанию помощи, а также возмещению ущерба обязано взять на себя правительство Узбекистана»[18]. Однако в этом направлении не было предпринято конкретных шагов. Средства, отпускаемые руководством Узбекистана на восстановление сожженных домов турок-месхетинцев[19], вряд ли можно рассматривать в качестве компенсации, поскольку они продолжали в массовом порядке покидать территорию республики[20], и сегодня этническая группа советских турок в Узбекистане не фиксируется. Некоторую помощь ферганским беженцам оказал Красный Крест.

В целом события 1989 г. придали движению месхетинских турок новые качества. Проблема, обострившаяся на фоне этнического погрома и новой миграции, привела это движение к более жесткой позиции в отношении репатриации. Такой вопрос и прозвучал на 10-м съезде советских турок (2 сентября 1989 г., колхоз Адигюль Саатлинского района Азербайджана) с участием 5727 человек. Съезд потребовал возвращения турок в Грузию. На нем отразилось настроение основной массы этой этнической группы, 70—80% которой намерено эмигрировать в Турцию в том случае, если их требование о возвращении на историческую родину не будет удовлетворено.

Сегодня невозможно рассматривать события, касающиеся месхетинских турок, в отрыве от других межнациональных конфликтов, к сожалению характерных ныне для СССР. Полагаем, что вопрос о месхетинских турках тем быстрее и правильнее найдет свое разрешение, чем скорее и вернее будет решен весь комплекс таких проблем в нашей стране.

Примечания

1. Архив Ленинградского филиала Института этнологии и антропологии (ЛЧИЭА) АН СССР, ф. К-1, оп. 2, № 1480, л. 4.
2. Страны и народы. М. 1984, с. 20—23.
3. ШЕНГЕЛИЯ Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси. 1986, с. 391, 392, 396 и § 2.
4. Народы Кавказа. М. 1952, с. 45.
5. ХАХАНОВ А. Месхи. — Этнографическое обозрение, 1891, № 3, с. 2.
6. КУРЫЛЕВ В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М. 1976; СЕРЕБРЯКОВА М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М. 1979.
7. Страны и народы, с. 45, 158сл.; Народы Кавказа, с. 232—266; ВОЛКОВА Н. Г., ДЖАВАХИШВИЛИ Г. Н. Бытовая культура Грузии в XIX—XX вв.: традиции и инновации. М. 1982.
8. ХУРШУТ А. Турки. — Литературиный Киргизстан, 1988, № 12.
9. Архив ЛЧИЭА АН СССР, ф. К-1, оп. 2, №№ 1480, 1481 (1966), 1988 (безномерной).
10. Данные предоставлены нам членом Комиссии по проблемам турко-месхетинского иаселения при Верховном Совете СССР Ю. Сарваровым.
11. Известия, 13.IX.1989.
12. Архив ЛЧИЭА АН СССР, ф. К-1, оп. 2, № 1480.
13. Там же.
14. Там же.
15. Ленинградская правда, 22.VII.1989; Правда Востока, 5.VIII.1989.
16. Известия, 1.VII.1989.
17. Известия, 15.VI.1989.
18. Там же, 1.VII.1989.
19. Правда Востока, 8.VIII.1989.
20. Известия, 15.VI.1989.

М. И. Туган-Барановский — мыслитель, демократ, экономист

С. Н. Татарникова

«Выдающийся ученый, блестящий писатель, своеобразный и гуманнейший человек, яркий представитель высших достижений современной духовной культуры, человек, который своей жизнью и работой провел заметную борозду в общественной мысли» — так характеризовал М. И. Туган-Барановского его ученик, известный экономист Н. Д. Кондратьев. По свидетельству современника, «за границей бесспорно Туган был едва ли не единственным русским экономистом, которого знал каждый иностранный ученый по тем же вопросам, которого цитировали, с которым считались»[1].

Между тем долгое время творчество его оценивалось у нас преимущественно в негативно-уничижительном плане. Причиной тому были как некоторые обстоятельства политической биографии ученого, так и его идейная платформа, основанная на приверженности идеям гуманного социализма при активном неприятии казарменного. В результате идейное наследие ученого оставалось практически невостребованным. А появившиеся недавно статьи с анализом каких-либо сторон его творчества страдают тем, что их основным источником является только книга Кондратьева, который знал Тугана лишь в последнее десятилетие его жизни и не прибегал при написании ее к архивным изысканиям.

Михаил Иванович происходил из татарского княжеского рода. Предки его именовались вначале Туган Мирза Барановскими. Семья была дружной. Лихость и расточительность отца будущего ученого Ивана Яковлевича, гусара по мундиру и по духу, дополнялась рациональностью его жены Анны Станиславовны, происходившей из знатного литовского рода Монвиж-Монтвидов[2], идеализм и определенная житейская неприспособленность старшего сына, Михаила — конформизмом и расчетливостью младшего сына, Николая (будущего гофмейстера). Что касается их сестер Людмилы и Елены, то их портреты можно найти на страницах повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет», где они послужили прототипами Веры Шеиной и Анны Фриессе, равно как Иван Яковлевич и Николай — соответственно генерала Аносова и Николая Тугановского. Куприн и Михаил Туган-Барановский были женаты первым браком на сестрах Давыдовых, и семейная история послужила писателю основой для сюжета повести[3].

Анна Станиславовна учила детей чтить аристократизм своего происхождения. Это повлияло на дочерей и Николая, но не затронуло первенца, которого позднее его сын однажды спросил, почему тот не вписывает в фамилию титул «Мирза». Михаил Иванович ответил, что для него большей ценностью обладает степень доктора политической экономии, так как ее он получил сам и за свою работу[4].

Татарникова Светлана Николаевна — аспирант философского факультета Московского государственного университета.

Считается, что Михаил Иванович родился 8(20) января 1865 г., однако утверждать можно лишь то, что в этот день он был крещен в Петро-Павловской церкви Купянского уезда Харьковской губернии (в ряде документов датой его рождения названо 7 января). Детство и юность ученого прошли главным образом на Украине. Он закончил 2-ю Харьковскую классическую гимназию[5], а затем поступил на физико-математический факультет Харьковского университета. Еще на гимназической скамье он проявлял интерес к философии и с особым увлечением читал Канта, но остановил выбор на естествознании.

В университетские годы Туган познакомился с революционно настроенными студентами, включая А. И. Ульянова. 17 ноября 1886 г., в день 25-летия смерти Н. А. Добролюбова, Михаил Иванович участвовал в демонстрации на Волковом кладбище в Петербурге, за что был арестован и выслан в Харьков. Там его исключили из университета, а распоряжением Министерства народного просвещения ему было запрещено заниматься в будущем педагогической деятельностью. Туган считал, что «этот арест спас его. Он был немедленно после ареста выслан из Петербурга, и, таким образом, порвалась его связь с революционным кружком, иначе он, наверное, принял бы участие в покушении 1 марта 1887 года, и возможно, что его постигла бы трагическая участь Александра Ильича Ульянова»[6].

С тех пор он попал в разряд «политически неблагонадежных». Из полицейских сведений о нем узнаем, что «в 1887 г. он привлекался в Харькове к дознанию по обвинению в принадлежности к местному революционному кружку, но по недостаточности улик дознание это было прекращено». В 1890 г. Туган числился в рядах кружка, именовавшегося «фракцией политической борьбы», деятельность которого выразилась «в организации студенческих беспорядков и издании революционных брошюр и прокламаций»[7].

В начале 1890-х годов Михаил Иванович входил в земский кружок, который, «устраняясь от явно революционных выступлений, имел в виду противодействие мероприятиям правительства и оказание на него давления посредством петиции о необходимости освободительных реформ». Политическая платформа ученого всегда имела скорее общедемократическую, чем узкопартийную направленность: так, он, хотя принимал участие в либеральном движении и был членом партии кадетов, в 1910 г. заявлял: «Мы должны идти в с.-д. партию, не ту, которую рекомендуют Ленин и Луначарский, а ту, о которой говорят Плеханов и Мартов, и, войдя в эту партию, мы должны организовать рабочих и приучать их к планомерной борьбе, которая окончилась бы полной победой»[8].

Когда в конце 1880-х годов Михаилу Ивановичу разрешили вернуться в университет, он стал готовиться к сдаче экзаменов по юридическому и физико-математическому факультетам, на что ему понадобилось всего три месяца. По рассмотрении его дипломных работ «Причины ценности» и «Явления гидризма у животных» он был удостоен степеней кандидата — 11 мая на физико-математическом и 31 мая 1889 г. — на юридическом факультетах. Хотя к тому времени Туган потерял особый интерес к естествознанию, естественнонаучная подготовка дала ему умение «четко и ясно ставить проблему, находить нужные материалы, брать из них только существенное, подмечать в них закономерности»[9].

В том же году он познакомился с Л. К. Давыдовой, дочерью директора Петербургской консерватории и издательницы журнала «Мир божий». Остроумная, общительная, полная интереса к людям, она была помощницей матери и пользовалась симпатиями литературного Петербурга, сама тоже пробуя свои силы в литературе. Она, Н. К. Крупская и Н. А. Герд (будущая супруга П. Б. Струве) были гимназическими подругами. Высокий, грузный, без намека на светскость, лицом походивший на своих ордынских предков, Туган был для Лидии Карловны «самый красивый, самый привлекательный, умный, самый удивительный человек на свете». Встретились они в Париже, на Международной выставке, и на Эйфелевой башне решилась их судьба. В день 25-летия Михаила Ивановича они обвенчались уже в Петербурге[10].

Туган трудился с большой отдачей, за восемь лет одолев путь от публикации первой статьи до защиты докторской диссертации и довольно широкой известности. Судя по его письмам, он не обладал ярко выраженными литературными способностями, но ему передались от жены вкус и требовательность к стилю. Трудно спорить с Кондратьевым, отмечавшим его «удивительную способность красочного, почти художественного, даже патетического изложения»[11] сухих, прозаических вопросов. Книги Тугана пользовались большим спросом, много и часто переиздавались.

Из написанного им в 1890-е годы наиболее важны два фундаментальных труда — «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшее влияние на народную жизнь» (1894 г.) и «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.), защищенные им как диссертации в Московском университете. 12 ноября 1894 г. он был удостоен за первую книгу

степени магистра, 13 февраля 1899 г. — доктора политической экономии за вторую[12]. «Промышленные кризисы», переведенные на английский, немецкий, французский и японский языки, оказали серьезное влияние на развитие мировой экономической мысли. «Русская фабрика», содержащая огромный статистический и фактический материал, стала крупным исследованием по истории капитализма. Она не раз переиздавалась в СССР даже тогда, когда имя ее автора подвергалось шельмованию.

Результаты научных поисков Тугана часто использовались марксистами в борьбе с народничеством, чтобы побить тезис об «искусственности» российского капитализма. Михаил Иванович принадлежал к легальной ветви российского марксизма. Ее представители достаточно свободно публиковались в открытой печати. В эту группу входили тогда будущие философы Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и С. Л. Франк, а также идеолог российского либерализма П. Б. Струве. Революционный марксизм они не воспринимали. Туган писал, что он «никогда не был неограниченным поклонником Маркса и всегда относился к его теории, признавая ее сильные стороны, критически». Будучи одним из лидеров этого направления, он участвовал в редактировании журналов «Новое слово» (1897 г.) и «Начало» (1899 г.).

Какое-то время это не очень мешало сотрудничеству легальных марксистов с Плехановым и Лениным. Последний подчеркивал, что необходимость преодолевать цензурные рогатки, говорить «эзоповским языком» особенно облегчила сотрудничество революционных марксистов с марксистами легальными, по их сути буржуазными демократами, «для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»[13]. Зимой 1900—1901 г. произошел окончательный разрыв двух направлений.

В литературе нет упоминаний о чиновничьей карьере Тугана. Между тем она длилась почти пять лет. В начале 1893 г. он поступил на службу в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов, а через год был назначен и. о. столоначальника хлеботоргового отделения. Служил Туган без особого усердия, часто брал отпуска, отвлекался на общественную деятельность, научную работу и преподавание. Будучи вызван к вице-директору департамента «для объяснений по делам службы», в тот же день, 20 октября 1897 г., написал прошение об отставке. За годы службы он получил лишь одно повышение в чине, автоматически причитавшееся при присвоении чиновнику ученой степени магистра[14]. Зато он пришелся ко двору в женском училище коммерческого счетоводства при Доме Анатолия Демидова, позже получившем название Демидовских учебно-воспитательных заведений. Там он преподавал в 1896—1898 годах. Это учебное заведение выхлопотало молодому преподавателю орден Станислава 3-й степени и чин коллежского асессора.

Туган уволился из училища, чтобы преподавать в Петербургском университете. А когда в 1906 г. был открыт юридический факультет петербургских Высших женских курсов (Бестужевских), Михаил Иванович стал там профессором политической экономии и секретарем факультета[15]. «Студенчество теснилось к его кафедре», — писал Кондратьев. Не обладая ораторским даром, говоря торопливо и сбивчиво, Туган захватывал слушателей собственной увлеченностью, потоком мысли и умением акцентировать на том, что особенно волновало аудиторию. Свой курс лекций он читал также в Петербургском обществе народных университетов (1911 г.)[16] и в московском Народном университете Шанявского (1912—1918 гг.). Частыми были его выступления в Вольном экономическом и Петербургском религиозно-философском обществах, а также перед широкой аудиторией.

Хотя Туган был профессором Бестужевских курсов, а с 1914 г. — Петербургского политехнического института, основным местом преподавания он считал Петербургский университет, где в 1895 г. был допущен к чтению лекций по истории экономических учений в качестве приват-доцента. Однако вскоре выявилось прежнее запрещение ему заниматься педагогической деятельностью, и его отстранили от преподавания, впрочем, ненадолго. С 1898 г. Туган стал читать общий курс политической экономии[17]. В начале 1899 г. в Петербурге прошли студенческие волнения. Студенческая демонстрация 8 февраля была разогнана, дело не обошлось без раненых, счет исключенных из вузов шел на сотни, многие (в том числе известный впоследствии Б. В. Савинков) подверглись арестам и обыскам. Туган выступил 8 февраля на студенческом собрании с ободряющей речью и отказался принимать затем экзамены, «так как существующее положение дела создало такую обстановку, которая не соответствует личному достоинству экзаменующих и лишает их и экзаменующихся спокойствия и взаимного доверия», за что был исключен из приват-доцентов[18].

Революция 1905—1907 гг. возвратила его в стены университета. Доктор наук, экономист с европейской известностью и видный педагог по-прежнему не получал ученого звания профессора. Реакционно настроенный профессор П. И. Георгиевский составил записку для вла-

стей в форме политического доноса против занятия Туганом кафедры. А когда в 1912 г. Совет университета избрал Михаила Ивановича профессором, министерство не утвердило его. В 1915 г. Туган вынужден был покинуть университет, а в звании профессора он был утвержден лишь после Февральской революции.

Осенью 1917 г. Туган был поглощен политической деятельностью на Украине, и так как отпуска в университете ему не дали, он уволился. Особенно жалели об этом участники его семинаров и научных кружков, на заседаниях которых собиралось порой по нескольку сотен человек[19], а обсуждавшиеся там темы никогда не замыкались на экономике. Сборники «Вопросы обществоведения», состоявшие из прочитанных в кружках докладов, — явление, тогда довольно новое, — хорошо отражают этот факт. В одном из них увидела свет статья Тугана «Нравственное мировоззрение Достоевского (Три великих этических проблемы)» — результат идейных изысканий ученого в 1901—1908 годах.

На их направление повлияли события его личной жизни: в декабре 1900 г. он похоронил свою супругу. В возрасте 31 года она скончалась от анемии — последствия восьми тяжелых и неудачных попыток родить ребенка. После ее смерти Михаил Иванович «очень тосковал, стал беспомощный, растерянный, что-то бормотал, часами молчал, не мог работать... Неверующий, он в эти темные для него дни закружился около вечных вопросов, но как-то по-детски цеплялся за возможность личного бессмертия, но без Бога. В церковь не пошел, читал не Евангелие, а Канта. Схватился за спиритизм»[20].

4 марта 1901 г. его арестовали как участника демонстрации у Казанского собора в Петербурге и выслали из столицы под надзор полиции на два года. Позднее запрет на проживание в столицах продлили еще на пять лет. Михаил Иванович уехал на Украину, где сосредоточился на социально-философской проблематике. Постепенно избыв одиночество, он в 1902 г. женился на полтавской помещице О. Ф. Русиновой, подарившей ему первенца. Русиновы играли заметную роль в общественной жизни уезда: один из братьев был предводителем дворянства, другой — кандидатом на этот пост, в их селе действовал народный театр[21]. Они вовлекли Тугана в местные дела, «расшевелили» его, и он сумел после этого снова углубиться в научную работу.

Результатом ее стали «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» (1903 г.), «Теоретические основы марксизма» (1905 г.), «Современный социализм в своем историческом развитии» (1906 г.), «В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени» (1913 г.), «Социализм как положительное учение» (1918 г.). Они позволяют говорить о Тугане как видном отечественном теоретике социализма.

Его социалистические взгляды несли на себе сильный отпечаток неокантианства. Именно у Канта он перенял понимание человека как «бесконечно сложной, никогда не повторяющейся индивидуальности, которая однажды приходит в мир, чтобы навсегда из него исчезнуть. Как верховная цель в себе, человек не может быть никогда обращен в средство для других целей»[22]; в этом смысле любой человек равен другому и всему человечеству, ибо бесконечность равна бесконечности и не может увеличиваться умножением. Туган выступал в своих работах как активный противник деспотической системы, стремящейся превратить человека в «средство для других целей». В 1908 г. он критикует тоталитарную утопию, показав ложь и опасность идеи о миллионах бездумно-послушных счастливцев и пастырях, несущих за них бремя власти и ответственности: невозможно «железной рукой загнать человечество к счастью»; лишить человека права выбора означает уничтожить его как личность.

По его мнению, наличие социалистического общества еще не гарантирует само по себе от превращения его в тоталитарное. Чтобы этого не случилось, необходимы наличие центробежных сил, свобода «кооперации», понимаемой им буквально (т. е. как сотрудничество), местное самоуправление. Кооперация, построенная на свободной самоорганизации, представлялась ему прообразом общества, в приближении к которому он видел смысл человеческой истории. И он не жалел сил для участия в развитии отечественной кооперации. В 1908 г. его избирают товарищем председателя, а в 1914 г. — председателем Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Под его руководством оно стало вскоре одним из самых влиятельных учреждений отечественной кооперации.

Туган был также бессменным редактором издававшегося с 1909 г. журнала «Вестник кооперации», а в 1916 г. написал книгу «Социальные основы кооперации», сохраняющую свое научное значение до сих пор, и, кроме того, преподавал на кооперативных курсах при Московском народном университете. В 1917 г. на Всероссийском кооперативном съезде он был избран в Совет кооперативных съездов. Когда в Москве возник в 1918 г. Кооперативный институт, он стал членом его ученого совета.

В 1917 г. Туган получил от Центральной Рады портфель генерального секретаря (министра) финансов Украины и работал на этом посту в сентябре — ноябре. До этого ему приходилось участвовать лишь в местном самоуправлении: он побывал почетным мировым судьей Лохвицкого округа, гласным Полтавского губернского и Лохвицкого уездного земских собраний, Петроградской городной думы[23]. Разработанная им программа финансовой политики отталкивалась от идеи автономии Украины с отказом от сепаратизма. Поэтому он примкнул к партии социалистов-федералистов. После краха Центральной Рады Туган уехал в Москву и вернулся к преподаванию, научной работе и кооперативным делам. Затем занимался тем же вновь на Украине. Он был избран профессором и деканом юридического факультета Киевского университета, стал одним из основателей и действительных членов украинской Академии наук и председателем ее социально-экономического отделения, руководил Центральным кооперативным украинским комитетом, Научным обществом экономистов, журналом «Украинская кооперация», сотрудничал в газетах, участвовал в организации Кооперативного института (открылся после его смерти и получил его имя)[24].

В начале 1919 г. Михаил Иванович перенес два приступа стенокардии, ослаб и, когда поехал на конференцию в Париж руководителем украинской делегации по экономической части, после третьего приступа скончался 21 января 1919 г. в вагоне поезда близ Одессы[25]. Последняя его статья называлась «Влияние идей политической экономии на естествознание и философию». В ней он подходил к осмыслению взаимодействия тех трех областей знания, которыми занимался всю жизнь. Весьма любопытны, а у нас малоизвестны его книга «Социализм как положительное учение», брошюры «Русская революция и социализм» (1917 г.), «Земельная реформа и кооперация» (1918 г.), в которых он формулировал реалистическую программу хозяйственного развития, предвосхищавшую идеи нэпа.

Примечания

1. КОНДРАТЬЕВ Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг. 1923, с. 7; ЛУТОХИН Д. А. Школа жизни. — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 445, оп. 1, д. 6, л. 173.
2. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1409, оп. 9, д. 210; ЦГИА УССР в г. Киеве, ф.2066, оп. 1, д. 1, л. 19; д. 3, лл. 32—32об.
3. КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ М. К. Годы молодости. М. 1966.
4. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского (ОР ЦНБ) АН УССР, ф. X, оп. 1, д. 961, лл. 11 об., 27 об.; ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 9, д. 210.
5. ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 2, д. 696, л. 3; ф. 25, оп. 1, д. 4525, л. 4; ЦГИА г. Ленинграда (ЦГИАЛ), ф. 478, оп. 23, д. 297, лл. 1 об., 50; ф.14, оп. 2, д. 946, л. 47; КОНДРАТЬЕВ Н. Д. Ук. соч., с. 34.
6. ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 43, д. 77, л. 7; ф. 733, оп. 201, д. 189, л. 34 об.; ПОССЕ В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.). М.—Л. 1929, с. 38.
7. ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 43, д. 77, л. 7; ЦГИАЛ, ф. 253, оп. 6, д. 1071, лл. 26—26 об.
8. ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 43, д. 77, л. 7 об.; ЦГИАЛ, ф. 569, оп. 13, д. 388 а, л. 21 об.
9. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 144, карт. 8, д. 59, л. 11; ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 2, д. 696, лл. 4, 5; ЛУТОХИН Д. А. Ук. соч., л. 173.
10. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А. На путях к свободе. Лондон. 1990, с. 39; ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 2, д. 696, л. 3.
11. КОНДРАТЬЕВ Н. Д. Ук. соч., с. 25.
12. ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 2, д. 696, л. 2; ЦГИАЛ, ф. 478, оп. 23, д. 297, л. 4 об.
13. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л. 1978, с. 286; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 16, с. 96.
14. ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 2, д. 696, лл. 13—56.
15. Там же, ф. 777, оп. 5, д. 66; оп. 4, д. 78, лл. 6—7; ЦГИАЛ, ф. 358, оп. 1, д. 1383; ф. 113, оп. 1, д. 15, л. 20.
16. КОНДРАТЬЕВ Н. Д. Ук. соч., с. 117; ЦГИАЛ, ф. 139, оп. 1, д. 12134, лл. 28, 39.
17. ЦГИА СССР, ф. 25, оп. 1, д. 2425; ф. 740, оп. 43, д. 77, л. 7 об.; ЦГИАЛ, ф. 14, оп. 2, д. 946, лл. 2—23; ф. 478, оп. 23, д. 297, лл. 1—4 об.
18. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 1040, л. 25 об.; ф. 733, оп. 226, д. 81, л. 1 об.; ф. 740, оп. 43, д. 77, лл. 1—2, 7—8 об.; Земщина, 25.IX.1912.
19. ЦГИА СССР, ф. 1624, оп. 1, д. 40; ф. 733, оп. 201, д. 156, лл. 42—43; оп. 155, д. 194, лл. 15—15 об., 76—77; ЦГИАЛ, ф. 478, оп. 23, д. 297, л. 10 об.; ф. 14, оп. 2, д. 946, л. 102.

20. ОР ГБЛ, ф. 157, карт. 2, д. 4, лл. 51—51 об.; ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А. Ук. соч., с. 44—45.
21. ЦГИА СССР, ф. 740, оп. 43, д. 77, л. 8; ОР ГБЛ, ф. 135, разд. II, карт. 32, д. 95, л. 1; карт. 34, д. 93, л. 5 об.; ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 320, оп. 1, д. 31, л. 117; д. 65, лл. 204—204 об.; ОР ЦНБ АН УССР, ф. III, д. 51862.
22. ОР ГБЛ, ф. 144, карт. 8, д. 59, л. 11; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. О кооперативном идеале. М. 1918, с. 7.
23. Русь, 5.VI.1905; ЦГИАЛ, ф. 478, оп. 23, д. 297, л. 77; ОР ЦНБ АН УССР, ф. X, оп. 1, д. 961, л. 37.
24. Центральный научный архив АН УССР, ф. 22, оп. 2, д. 105, лл. 26—27.
25. ОР ЦНБ АН УССР, ф. X, оп. 1, д. 961, л. 39.

Авиационный ленд-лиз

В. Р. Котельников

Получение Советским Союзом боевой техники и военных материалов в соответствии с Актом о ленд-лизе, то есть о передаче взаймы и в аренду (принято конгрессом США 11 марта 1941 г.[1]), охватывало только основную часть союзных поставок в 1941—1945 годах. На СССР ленд-лиз был распространен лишь 30 октября 1941 года. К этому времени из США уже поступили 59 истребителей[2]. Мы смогли их закупить, поскольку еще 24 июня были разморожены советские счета в банках США и прекращено действие «закона о нейтралитете» в отношении СССР. «Помощь США Советскому Союзу сначала шла вне рамок ленд-лиза... До конца октября 1941 г. русские оплачивали все, получаемое этой страной»[3]. Помощь со стороны Англии была основана на тех же юридических принципах, что и было зафиксировано советско-английским договором от 26 июля 1942 года.

Однако и после официального введения в действие системы ленд-лиза в СССР прибывала техника, на которую не распространялись главные его принципы (юридическая собственность США и т. д.): самолеты — подарки от различных организаций и частных лиц, самолеты, совершившие вынужденные посадки и затем брошенные, интернированные (на Дальнем Востоке) и пр.

Общепринятая цифра — 18 700 поставленных в СССР союзниками самолетов — согласуется с другими советскими и зарубежными источниками. Долю импортных машин среди наших обычно определяют в 12%. Если считать, как принято, что за войну у нас было выпущено 136 800 самолетов, то это действительно так[4]. Но в данном случае учитывалось производство за 1941 и 1945 гг. целиком. Точнее оперировать цифрой 112 100 боевых самолетов, которые были выпущены с 22 июня 1941 г. по 1 сентября 1945 г., отбросив из союзных поставок транспортные и учебные машины. Получается около 16% отечественного производства. А по отдельным классам самолетов это соотношение будет иным. По истребителям импорт составляет около 19% (почти каждый пятый истребитель). Примерно такое же соотношение по бомбардировщикам. Необходимо помнить также, что в СССР построили за войну 37 тыс. штурмовиков, не получив от союзников ни одного.

Приведенные показатели — средние. Но поставки распределялись во времени неравномерно. Львиная их доля пришлась на 1944—1945 годы. За ноябрь — декабрь 1941 г. из Великобритании вместо 800 обещанных машин поступило 669, из США с октября 1941 г. по июнь 1942 г. было получено 29,7% истребителей и 30,9% бомбардировщиков от количества, определенного соглашениями. Иногда уже отправленные в СССР машины переадресовывались англичанам либо реквизировались армией США для своих нужд[5].

Котельников Владимир Ростиславович — кандидат технических наук, сотрудник Московского авиационного института.

В битве под Москвой — первой крупной операции, в которой нами использовалась боевая техника союзников, на фронте действовало менее 1% английских и американских самолетов от числа применявшихся. В 1943 г. самолеты иностранных типов на фронте составляли около 11%. При этом не все полученные нами самолеты были использованы на фронтах: из примерно 2400 присланных в СССР «кингкобр» лишь около 400 были применены нами против Японии. Кроме того, СССР передал странам Восточной Европы 2300 самолетов, что сравнимо с поставками из Англии в СССР за указанное время (правда, часть нашей помощи составляла трофейная техника)[6].

Англичане получили по ленд-лизу 33 700 самолетов (26 800 боевых), а сами построили 94 600 боевых машин. Импорт в боевом оснащении английской авиации составлял около 22% (вдвое больше, чем у нас). Максимум численности самолетов в СССР в годы войны достигал 15 818 шт., в Англии — 8395[7]. Отсюда следует, что обеспеченность английской авиации самолетами была намного выше, чем советской. Неудивительно, что после 1943 г. англичанам удалось создать солидный резерв машин. Это отразилось и на их поставках в СССР.

Всего СССР было получено 14 759[8] американских самолетов (в частности, и через Англию); остальное приходится на английские и канадские машины. Но разграничить американские, английские и канадские поставки трудно, ибо к нам поступали американские самолеты и из США, и из Англии, причем из США прибывали машины, оборудованные и по американским нормам, и по английским стандартам (с иным оборудованием и вооружением). Из Англии присылали также самолеты, купленные в США еще до организации ленд-лиза, включая переделанные англичанами (и использовавшиеся, и неиспользовавшиеся). Поставки из Канады до так называемого IV протокола 1944/45 г. вообще не выделялись, а включались в английские: даже английские источники не указывают количества отправленных из Канады «харрикейнов XII» и включают их в свои «харрикейны II В». Часть машин была утрачена при доставке. Цифра потерянных самолетов — 638 — хорошо согласуется с данными по отдельным типам машин. Правда, порою потери были велики: из 297 бомбардировщиков, отправленных с конвоем PQ-17, потопленным немцами, утонуло 210[9].

Львиную долю импортных самолетов составляли восемь типов: английские истребители Хаукер «харрикейн» и супермарин «спитфайр», американские Белл Р-39 «аэрокобра» и Р-63 «кингкобра», Кэртис Р-40 «уорхаук» (у нас более известен под английскими обозначениями «томагавк» и «киттихаук»), бомбардировщики «дуглас» А-20 (у нас назывался на английский манер «бостон», также В-3, В-20), «Норт Америкэн» В-25 «митчелл», транспортный «дуглас» С-47. В меньших количествах прибывали американские истребители Рипаблик Р-47D «тандерболт» и летающие лодки Консолидейтед PBY «каталина». Немного было поставлено учебных «Норт Америкэн» АТ-6 «тексан» («гарвард»). Имелось также до 20 типов английских и американских самолетов, полученных в количестве нескольких десятков либо даже в единичных экземплярах. На каждые два истребителя поступал примерно один бомбардировщик. Запрашивались же они, наоборот, в соотношении три к одному в пользу бомбардировщиков[10].

Шесть основных типов самолетов выпускались в течение всей войны («харрикейн» и «аэрокобра» были сняты с производства в 1944 г.). Ни один из этих самолетов, кроме Р-63, не был к моменту поступления в СССР новинкой. «Харрикейн» и «спитфайр» производились в течение уже четырех-пяти лет, остальные — в течение двух-трех лет и были хорошо освоены. «Харрикейн» и Р-40 (серий В и С — «томагавк») можно назвать устаревшими, прочие находились на уровне того времени. Однако два устаревших типа составляли основную часть поставок в самые тяжелые для нас 1941—1942 годы. Союзниками посылалось то, без чего они могли обойтись. Из упомянутых самолетов в США широко применяли В-25, Р-47, PBY и С-47 (15% американской помощи). В-25 было получено менее 10% их выпуска, Р-47 — менее 1%[11]. Р-40 довольно широко применялся американцами в течение всей войны. Но с 1943 г. он вытеснялся на роль истребителя-бомбардировщика или штурмовика и заменялся более совершенным Р-51 «мустанг». Его строили в основном на экспорт, поскольку имелось уже налаженное производство.

«Кобры» и «бостоны» выпускались американцами тоже в основном для СССР, причем у нас их было больше, чем в США. Не найдя себе места в американских вооруженных силах, они хорошо вписались в условия советско-германского фронта. Но и здесь проявлялся остаточный принцип: «А-20В не имел самозатягивающихся баков; это объясняет тот факт, что большая их часть попала в Россию»[12]. «Харрикейны» к 1941 г. устарели. После воздушной «битвы за Англию» 1939/40 г. их выводили на второстепенные театры боевых действий и заменяли «спитфайрами». В СССР приходили многие машины, сдаваемые перевооружавшимися английскими авиачастями[13]. Аналогичная ситуация была со «спитфайрами». Первые

«спитфайры» VB, прибывшие на Кавказ в начале 1943 г., тоже были ранее в употреблении. То же повторилось со «спитфайрами» IX.

Это, впрочем, не умаляет высоких боевых качеств последних. В 1941—1942 гг. мы не могли быть очень привередливыми. Общая нехватка самолетов, вызванная огромными потерями летом и осенью 1941 г., выходом из строя многих авиазаводов, располагавшихся на захваченной врагом территории, и эвакуацией промышленности на Восток (в декабре 1941 г. наши заводы собрали всего 600 боевых самолетов[14]), заставляли бросать на фронт все, что можно было использовать. По сравнению с И-5 и И-15, извлеченными из учебных частей или восстановленными из списанного старья, даже «харрикейн» считался серьезной боевой машиной. По своим характеристикам он во многом превосходил и И-153, и И-16, составлявшие большую часть парка советских истребителей в 1941 году. А в сравнении с «харрикейнами» неплохо выглядел «томагавк». По мере насыщения советских ВВС современной техникой эти типы самолетов переводились на решение второстепенных фронтовых задач.

Заморская техника успешно применялась советскими летчиками. Эффективно использовались «аэрокобры»: сами за себя говорят 59 самолетов врага, сбитых трижды Героем Советского Союза А. И. Покрышкиным (из них 48 — на Р-39). Успешно применяла А-20 морская авиация, где они стали одним из основных видов бомбардировщиков-торпедоносцев[15]. На «киттихауке» летал, в частности, дважды Герой Советского Союза Б. В. Сафонов, лишь за первый год войны (погиб 30 мая 1942 г.) сбивший 30 самолетов врага. Но использование заграничной техники имело такие особенности, которые снижали боевую эффективность английских и американских машин.

Главной ударной силой англо-американской авиации в Европе были соединения тяжелых бомбардировщиков и средства обеспечения их действий — разведывательная авиация плюс тяжелые дальние истребители сопровождения. Большой объем действий над морем привел к широкому развитию гидросамолетов и палубной авиации, к появлению новой категории машин — колесных самолетов большой дальности для патрулирования океанских пространств. Именно к такой войне приспосабливались самолеты союзников. Отсюда — большая их дальность, богатое навигационное и радиооборудование, высотность.

Специфика войны на советско-германском фронте была иной. Боевые действия осуществлялись авиацией в основном над сушей и почти исключительно в прифронтовой зоне. Доля стратегических ударов дальней авиации была мала. Воздушные бои велись, как правило, на высоте до 5000 м, подавляющее большинство поражаемых целей были точечными или небольшими площадными. Поэтому основными типами машин в советской авиации стали легкие и маневренные истребители (главной задачей которых был воздушный бой), штурмовики (атаковавшие пехоту и танки) и средние бомбардировщики (обеспечивали поражение объектов за ближней линией фронта). Относительно штурмовиков вопрос ясен: ничего, подобного Ил-2, у США и Англии не имелось, но по истребителям и бомбардировщикам СССР рассчитывал на помощь союзников. Именно последние категории машин составили большую часть союзных поставок, хотя полученные нами машины были сориентированы на «другую войну». Это было заранее заложено в технические задания, которыми определялось направление развития авиации.

Западные истребители имели хорошие характеристики на высотах 6000—8000 м, лучше, чем у их ровесников — советских истребителей. Яркий пример — «спитфайр» VB: высотность мотора «мерлин», установленного на этой машине, наши летчики считали просто излишней[16]. Американские истребители обладали крупными размерами и значительным весом, что ухудшало их маневренность. Оснащение советских самолетов западные специалисты именовали спартанским; не на каждом истребителе имелся не только радиопередатчик, но даже приемник. То же относится к авиаприборам. Но в условиях сухопутной низковысотной войны ценность оснащения резко падала, ибо облегчалась ориентация, а время нахождения в воздухе было небольшим. Английские истребители были ближе к нашим по размерно-весовым характеристикам, но тоже имели специфику.

Лучше показали себя у нас те машины, которые по своей концепции были ближе к советским: «аэрокобра» и А-20 как самолеты малых и средних высот, ярко выраженные машины тактического применения. Немаловажно и то, что они были доступны среднему летчику военного времени. Именно различием критериев объясняется разница в оценках, которые давались в СССР и на Западе: Р-39, сочтенный в США «пережитком изоляционизма», а в Англии признанный непригодным для боевого применения[17], прекрасно показал себя у нас. Снижала эффективность применения иностранных самолетов, особенно вначале, их чувствительность к культуре эксплуатации. На Западе авиамоторы работали на бензине с октановым числом от 87 до 100; у нас войну начали на бензине с числом 70, а кончили — с 78. Ана-

логичная ситуация была со смазочными маслами и охлаждающими жидкостями, которые у нас зачастую заменяли отечественными суррогатами. Сказывалась также нехватка боеприпасов к иностранному оружию (приходилось вести подгонку отечественных патронов) и запасных частей[18]. Данные проблемы решались частично массовым их ввозом.

Большая напряженность боевых действий на советско-германском фронте приводила к тому, что зачастую не удавалось выдерживать регламентные работы и режимы эксплуатации, что отрицательно влияло на технику. Иностранные самолеты проектировались для иных климатических условий. В русскую зиму их боеспособность снижалась, особенно за Полярным кругом. Большинство прибывавших самолетов подвергалось переделкам, облегчавшим зимнюю эксплуатацию. Англичане, ориентировавшиеся на оборону своих колоний, выпускали большое количество машин в тропическом исполнении. Немало таких самолетов попало в СССР. Мощные пустынные противопыльные фильтры сгодились, однако, на оголенных аэродромах Заполярья[19]. Трудности возникали и в силу иных традиций конструирования, норм и стандартов. Например, для наших летчиков были непривычными широко разнесенное по крылу вооружение «спитфайра», необычная калибровка приборов и пр.

Самолеты ленд-лиза не всегда использовались у нас по первоначальному назначению. Их специфика привела к переориентации в другие сферы применения. В-25, рассматривавшийся американцами как дневной фронтовой бомбардировщик, у нас служил в основном в дальней авиации; использовались его дальность, значительная бомбовая нагрузка, мощное вооружение, богатое приборное оборудование. Бомбардировщик-штурмовик А-20 стал у нас торпедоносцем, для чего использовались даже штурмовые его варианты A-20G и A-20J, оттесненные от своих основных функций советским Ил-2. При изменении функционального назначения приходилось переделывать импортные машины на советских заводах.

Англия и США превосходили СССР по числу типов машин. У нас же проводилась жесткая политика увеличения массовости выпуска за счет сокращения числа типов. В СССР одновременно строились два-три типа истребителей (не учитывая модификаций), в США — семь-восемь. Аналогично обстояло дело с другими категориями самолетов. Ряд типов самолетов не имел у нас аналогов: не было специализированных тяжелых ночных истребителей, больших гидросамолетов, крупных транспортных машин, тяжелая бомбардировочная авиация была представлена лишь несколькими Пе-8, отставала советская разведывательная авиация[20]. Однако тяжелых бомбардировщиков нам почти не присылали, тяжелых истребителей поступило лишь несколько десятков Р-70, да и те без радиолокаторов, большие транспортные самолеты насчитывались единицами. Попытки получить наиболее современные американские истребители Р-51 модификаций В и D остались безуспешными[21]: их дали только англичанам, причем немного. Заметнее сказались союзные поставки на гидроавиации ВМФ. В ходе войны отечественные гидросамолеты почти не строились. К 1944 г. от примерно 500 машин, имевшихся на 22 июня 1941 г., парк гидросамолетов сократился до 52. Поэтому 185 «каталин», прибывших из США, оказались ценной помощью[22].

Еще одной сферой помощи союзников были поставки сырья, оборудования и материалов для авиапромышленности: отправлялись алюминий в слитках и в виде проката, легированные стали, авиатросы и пр. Эти поставки начались весной 1942 года. Наиболее важной оказалась доставка алюминия, в котором советская промышленность испытывала острую нужду, так как в начале войны выбыли из строя основные предприятия по выплавке алюминия и производству проката цветных металлов. Цветная металлургия до конца войны вообще оставалась одним из узких мест военной экономики СССР. Поставки алюминия были довольно велики. В 1942 г. из Англии посылалось по 2 тыс. т алюминия ежемесячно, в июле — сентябре 1943 г. из США и Канады — по 6 тыс. т каждый месяц. Других видов сырья и полуфабрикатов поставлялось меньше. Качество зарубежных сталей и проката было невысоким, при длительной транспортировке грузы повреждались коррозией и использовались в основном для вспомогательных целей[23].

В 1942 г. попытались заменить в шасси Ил-2 отечественную сталь американским аналогом, но неудачно[24]. Акт о ленд-лизе позволял поставлять и промышленное оборудование в военных целях, на основании чего мы получали станки для авиазаводов. В Англию ввозили из США не только сырье и полуфабрикаты, но и авиаприборы, целые узлы и агрегаты самолетов (шасси, турели и пр.); широко применялись на английских самолетах американские приборы и радиооборудование. В СССР же авиамоторы поступали только как запасные, да и тех иногда не хватало, что вынуждало переоборудовать Р-39 и Р-40 под отечественные двигатели М-105П[25]. Не использовались на наших машинах импортные узлы. Исключением можно считать бомбардировщик Ту-2, на первых сериях которого предусматривалось комплектование как отечественными колесами, так и американскими «бендикс».

Своеобразной стороной поставок самолетов по ленд-лизу явилось их воздействие на советских летчиков, инженеров и конструкторов: они получили возможность познакомиться с иностранной техникой, отличавшейся иными концепциями проектирования и более передовой технологией. Все поступающие к нам машины тщательно изучались и испытывались, даже прибывавшие в небольшом количестве («мустанг I», «москито», «стирлинг»). Однажды ознакомление советских летчиков с конструкцией фонаря американского истребителя привело к усовершенствованию на отечественных машинах[26].

Иностранная техника долго после войны использовалась у нас. В первые послевоенные годы на нее даже переходили новые авиаполки (в основном на Р-83). Последние машины от ленд-лиза дожили до 50-х годов. Дольше других продержались «каталина» и транспортный «дуглас» С-47, у которых были лицензионные аналоги. Они использовались и гражданской авиацией. Хотя все эти поставки не сыграли решающей роли в борьбе за господство в воздухе, их значение и в войну, и позднее было существенным.

Примечания

1. KIMBALL W.F. The Most Unsordid Act. Baltimore. 1969, p. 244.
2. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1. М. 1984, с. 15.
3. STETTINIUS R. E. Lend-Lease. N. Y. 1944, p. 110.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 6. М. 1965, с. 48; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. М. 1982, с. 168; ДУНАЕВА Н. Ленд-лиз: факты и вымысел. — Военно-исторический журнал, 1977, № 3, с. 103; EYERMANN K.-H. Die Luftfahrt der UdSSR. Brl. 1977, S. 96.
5. ЗОРИН Л. И. Особое задание. М. 1987, с. 30; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1, с. 16—17; Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т.1. М. 1986, с. 63, 82.
6. ФЕДОРОВ А. Г. Авиация в битве под Москвой. М. 1971, с. 260; ШЕПЕЛЕВ А. Л. В небе и на земле. М. 1974, с. 225; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 255; NEMEČEK V. Vojenska letadla. Sv. 3. Praha. 1977, s. 19.
7. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 183; NEMEČEK V. Op. cit., s. 18; GROEHLER D. Geschichte des Luftkrieges. Brl. 1975, S. 502.
8. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1, с. 37.
9. ДЖЕКСОН Р. Красные соколы. В кн.: От «Барбароссы» до «Терминала». М. 1988, с. 153; ИРВИНГ Д. Разгром конвоя PQ-17. М. 1971, с. 75, 352.
10. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1, с. 114.
11. MUSIALKOWSKI L. Samolot bombowy B-25 Mitchell. Warszawa. 1985, s. 4; Fighting Juggernaut. — Air International, 1978, № 2, p. 87.
12. MESCO J. A-20 in Action. Carrolton. 1983, p. 16.
13. GREEN W., SWANBOROUGH G. RAF Fighters. Vol. 2. Lnd. 1976, p. 31.
14. ШАХУРИН А. И. Крылья победы. М. 1985, с. 138.
15. Авиация ВМФ в Великой Отечественной войне. М. 1983, с. 9.
16. КОСМИНКОВ К., ПАВЛОВ Е. Говорят факты и документы. — Крылья родины, 1986, с. 22—23; ИВАНОВ А. Л. Скорость, маневр, огонь, М. 1974, с. 186.
17. Contentious Cobra. — Air International, 1982, № 1, p. 35.
18. Авиационные моторы военных воздушных сил иностранных государств. М. 1939, с. 47—59; ШАХУРИН А. И. Ук. соч., с. 201; РАБКИН И. Г. Время, люди, самолеты. М. 1985, с. 218; ШЕПЕЛЕВ А. Л. Ук. соч., с. 125.
19. МИНАКОВ В. И. Торпедоносцы атакуют. Л. 1988, с. 255.
20. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 6, с. 57.
21. STAPFER H.-H. Lend-Lease. — Cockpit, 1987, № 3, p. 42.
22. JANKEWICZ Z. Wodnosamoloty. Warszawa. 1986, s. 228.
23. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 6, с. 60; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1, с. 272, 331; ШАХУРИН А. И. Ук. соч., с. 158.
24. ШАВРОВ В. Б. История конструкций самолетов в СССР. Т. 2. М. 1978, с. 245.
25. БРИТИКОВ А. Помощники крылатых бойцов. — Военно-исторический журнал, 1973, № 1, с. 57.
26. СТЕФАНОВСКИЙ П. М. Триста неизвестных. М. 1973, с. 242.

Наши интервью

Восточная Европа на историческом переломе

5 июня 1991 г. состоялась встреча главного редактора журнала «Вопросы истории» чл.-корр. АН СССР А. А. Искендерова с известным чехословацким общественным деятелем и ученым, проф. Зденеком Млынаржем, который участвовал в проходившей в Москве Международной конференции «Восточная Европа и СССР на историческом переломе».

А. А. Искендеров. Прежде всего хочу поблагодарить вас за то, что вы согласились дать интервью нашему журналу. В последнее время в советской печати публикуются отрывки из ваших книг, ваши статьи, интервью. Тема, которая сегодня многих волнует, связана с процессами, происходящими в странах Восточной Европы. Событиям, о которых идет речь, скоро исполнится два года. Хотелось бы знать ваше мнение об этих событиях, тем более что вы имеете возможность сравнить их с теми процессами, которые происходили в 60-е годы в Чехословакии и активным участником которых вы являлись. Я имею в виду период так называемой Пражской весны. Как вы оцениваете нынешнюю политическую ситуацию в странах Восточной Европы?

З. Млынарж. То, что происходило в 60-е годы, можно оценить как конец одного из этапов послевоенного развития. В 1968 г. в Чехословакии решающую роль в экономической, социальной и политической жизни играли те поколения, которые после второй мировой войны уже занимали активные политические позиции. После критики административно-командной системы, с которой выступил Хрущев (это, конечно, дало определенный импульс), была предпринята попытка пойти дальше и сделать какой-то шаг в направлении к качественному изменению всей старой системы в экономическом, социальном и политическом отношениях, но при этом сохранить некапиталистический характер развития, то есть развития, как тогда говорили, «социализма с человеческим лицом». Имелось в виду дополнить развитие экономических и социальных отношений в том виде, как это происходило после второй мировой войны, демократизацией политической системы.

Эта попытка в Чехословакии имела довольно хорошие шансы на успех, поскольку у нас были совершенно специфические условия по сравнению, например, с Польшей или Венгрией. Нельзя утверждать, что социализм в нашей стране после 1945 г. был навязан Красной Армией. Это не так. В мае 1945 г. советские войска пришли, а в декабре ушли. И дальнейшее развитие Чехословакии опиралось на внутренние факторы.

В 1968 г. появилось намерение вернуться назад, к 1948 году, так как именно в то время у нас существовало то, что можно назвать демократическим социализмом. Тогда, насколько я знаю, более 50% общественного продукта создавалось в национализированном секторе, около 25% — в секторе мелкого хозяйства, то есть крестьянами-частниками (коллективных хозяйств практически еще не было), около 21% — в капиталистическом (в полном смысле этого слова) секторе. Это уже был социализм в современном его понимании — с многоукладной экономикой при решающем влиянии общественного сектора.

Тогдашние национализированные предприятия не были государственными предприятиями бюрократического типа, какими они стали позже. На этих предприятиях существовали рабочие советы, которые играли важную роль в принятии решений. Национализированные предприятия не принадлежали каким-либо ведомствам, над ними не стоял Госплан. Это были субъекты, которые вынуждены были жить в условиях рыночного хозяйства и даже в условиях мирового рынка. Они справлялись с этой своей ролью, так как не слишком пострадали во время войны, а общий уровень экономического развития страны был достаточно высок: Чехословакия входила в число семи передовых в индустриальном отношении европейских государств.

Что касается политической системы, то у нас существовал парламент, в выборах которого участвовали четыре-пять партий. В 1946 г. на свободных выборах коммунисты получили 38% голосов и вместе с социал-демократами имели абсолютное большинство в парламенте. Это то, к чему мы в идеале стремились.

А. А. Искендеров. Давайте вернемся к периоду конца 60-х годов, к тем событиям, активным участником которых вы являлись. Можно ли провести такую параллель: XX съезд КПСС пробудил надежду, вызвал оттепель; в СССР развернулся процесс демократизации как в самой партии, так и в обществе. Однако затем этот процесс был, как известно, искусственно приостановлен, и притом сверху. Историческая возможность обновления общества не была использована. Нельзя ли события 1968 г. в Чехословакии (а до того — в Венгрии в 1956 г., а в известной мере и в Польше) рассматривать как попытку продолжить те процессы, которые не были реализованы в Советском Союзе? Кое-кто считает, что процессы, происходящие сейчас в странах Восточной Европы, следует рассматривать как своего рода реакцию на замедление темпов перестройки, которая стала пробуксовывать.

З. Млынарж. События 1968 г. я считаю завершением первого этапа развития. Тогда, после XX съезда КПСС, действительно появился хороший шанс. Ведь с 1948 г. начался процесс насильственной сталинизации (я бы так это определил) в странах Восточной Европы. Он был связан, в частности, с обострением отношений с Югославией, политическими процессами, вызванными известными решениями Коминформа.

В Чехословакии с 1956 г. события нарастали постепенно, в течение 12 лет. Руководство, да и общество в целом недооценили значение того факта, что в 1964 г. Хрущев был отстранен от власти, продолжая считать, что и после этого можно будет двигаться дальше и вернуться в эпоху до февраля 1948 г., то есть до установления монополии коммунистической партии на власть в стране. Однако этого сделать не удалось. Была предпринята интервенция. Попытку 1968 г. расценили как контрреволюцию и подавили, в основном с помощью военной силы.

У поколений, которые были причастны к событиям 1968 г., имелся и опыт до 1948 г., и довоенный опыт. Мы хорошо представляли себе, что означают парламентаризм, многопартийная система. Мы не были столь наивными. Мы прекрасно понимали, что в 1938 г. и парламентаризм, и многопартийная система оказались слишком слабыми, чтобы защитить существование национального демократического государства от гитлеризма. Наши западные союзники — Англия и Франция — пошли на мюнхенский сговор, продав тем самым Чехословакию Гитлеру. Все это имело значение. Ведь люди принимают решения, исходя не только из своих идеологических убеждений, но и учитывая исторический опыт. А он тогда был именно таким.

Спустя 20 лет после подавления «Пражской весны» наступили события, в которых решающей силой явились уже новые поколения. Эти люди считали, что весь предыдущий опыт общественного развития связан только с негативными проявлениями старой системы, и они уже не верили, что ее можно изменить к лучшему. Они желали просто ее свергнуть. Повинна в этом прежде всего компартия, которая монопольно властвовала в стране и которая в течение 20 прошедших лет так и не позволила ничему развиваться (это был не застой, а зажим). У вас тоже нельзя сказать об эпохе Брежнева, что это был только застой. Но у нас-то это был откровенный зажим неосталинистского типа. После «Пражской весны» началась настоящая расправа: из партии была исключена почти треть ее членов, им было запрещено заниматься определенными профессиями и т. д. У нас все это чувствовалось значительно острее, чем у вас.

После всего случившегося нельзя было ожидать, что люди снова будут верить партии, которая 20 лет проводила политику застоя и зажима, называя это политикой нормализации. Партия лишилась власти и у нас, и в Венгрии, и в Польше. Я полагаю, что именно в тех странах, где в 50-е и 60-е годы были подавлены попытки реформировать систему, никто теперь в компартию не верит.

А. А. Искендеров. Именно в этих странах партия понесла особенно ощутимые потери.

З. Млынарж. Да, это так. А вот в Болгарии и даже в Румынии, где вспыхнуло восстание и где казнили Чаушеску, такого сокрушительного поражения партии не было. Сейчас в Чехословакии наблюдается стремление как бы вновь вернуться к какому-то историческому рубежу, исходному пункту, от которого все последующее развитие пошло не так, и за исходный пункт берется уже не 1948, а 1938 год.

А. А. Искендеров. Проявляется определенная ностальгия по прошлому?

З. Млынарж. Да. Есть желание вернуться в довоенное состояние, когда Чехословакия не испытывала на себе советского влияния.

А. А. Искендеров. У нас тоже иногда проявляется похожее желание. В частности, у некоторых возникает желание начать отсчет времени с Февральской революции 1917 года.

З. Млынарж. Да. Только у вас этот исходный пункт лежит значительно дальше. Но все равно это в определенном смысле иллюзия, потому что такого пункта в действительности нет, он сохранился лишь в народной памяти. Это скорее идеологический фактор, в действительности же такого пункта нет ни в экономическом, ни в социальном, ни в политическом плане.

Но все-таки такая попытка имеет место. Проводится она в жизнь в Чехословакии сейчас достаточно активно. В области экономических отношений это находит свое проявление даже в реституции частных собственников, которые пострадали от национализации после 1948 года. Что это даст? Я думаю, что процесс еще не закончился, общество находится теперь на стадии поисков какого-то выхода. Представление же о том, что мы очень быстро сможем стать таким же обществом, как, скажем, австрийское или западногерманское, просто иллюзорно. Если это и произойдет, то спустя очень длительный период времени, и пройти этот этап будет очень нелегко.

Я бы рекомендовал более серьезно заняться изучением германского опыта. Это очень интересный феномен. Бывшая ГДР оказалась просто поглощенной одним из самых развитых западных государств. И несмотря на это, там возникло множество трудностей социального, экономического и даже политического характера. Сказываются системные различия. Возникла сложная проблема: как из системы так называемого реального социализма переходить в систему западного типа? Иногда люди даже не хотят этого, потому что не все готовы к тому, чтобы в один момент потерять все, что они имели. Они желали бы из бывшей системы сохранить все хорошее, например отсутствие безработицы, а из западной системы взять динамичное развитие, высокий уровень жизни. Но это невозможно. Уже сегодня в процессе объединения Германии возникают некоторые явления, которые в Чехословакии или Польше проявятся, возможно, еще только через некоторое время.

Чего следует ожидать в будущем? Предстоит, очевидно, развитие, которое будет сопровождаться новыми социальными и политическими конфликтами. Я лично думаю, что движение по пути парламентской демократии еще не гарантировано, поскольку во многих из этих стран (пожалуй, во всех, кроме Чехословакии) довлеют традиции не парламентаризма, а политического авторитаризма, национализма и т. д. Все это, естественно, будет в той или иной мере проявляться, и лишь со временем можно будет с определенностью сказать, какая тенденция возьмет верх, что общество примет, а что отвергнет. Ясно одно: потребуется какое-то переходное время. Важно, чтобы в этот переходный период были созданы условия для демократического решения возникающих проблем, в том числе политических и международных.

А. А. Искендеров. И все-таки можно ли утверждать, что процессы, происходящие сейчас в странах Восточной Европы, по преимуществу имеют социал-демократическую направленность?

З. Млынарж. Нет, я бы этого не сказал. Это нечто иное. Сейчас модными стали идеи неоконсерватизма и либерализма английского типа, типа тэтчеризма, наблюдается вера в то, что рынок, механизм рыночного хозяйства и частной собственности быстро, чуть ли не сам собой приведет к тому, что жизненный уровень будет у нас таким же высоким, как на Западе. Это нечто правее социал-демократизма.

Социал-демократия на Западе имела другую, я бы сказал, более простую задачу. Существовала динамичная, функционирующая система капиталистического хозяйства. Ее надо было ограничивать, защищать интересы трудящихся. Это делали реформисты социал-демократического толка, и немало преуспели в этом. Поэтому то, что мы сегодня наблюдаем в Западной Европе (в США это выглядит несколько по-иному), особенно в скандинавских странах, есть результат столкновения капиталистической тенденции развития, связанной с эффективностью производства, ростом прибылей и так далее, с тенденцией защиты человека. В результате мы сегодня наблюдаем на Западе общество, которое характеризуется относительно высоким жизненным уровнем, наличием достаточно многочисленного среднего

слоя, социальным обеспечением (в том числе и при безработице) и т. п. Классических форм нищеты при капитализме мы сегодня в этих обществах не найдем. Они больше характерны для стран «третьего мира».

Так что думать, что в странах Восточной Европы все трудности вызваны только тем, что у власти находились коммунистические партии, неверно. Все не так просто. Даже если мы создадим три социал-демократические партии, шведская модель не получится. Для этого надо иметь такие же развитые производительные силы, как в Швеции.

А. А. Искендеров. Я понимаю, что сейчас идет сложный процесс поиска новых идей и практических решений. В свое время вы работали вместе с Дубчеком. В конце 60-х годов (да и сейчас) он принадлежал к числу главных действующих лиц развернувшихся событий. Как вы считаете, идеи, с которыми он выступал в конце 60-х годов, сохраняют свое значение в наши дни или они сильно эволюционировали, и если да, то в каком направлении?

З. Млынарж. Дубчек, как я говорю, стал памятником самому себе. Это в истории бывает. Я не хочу все сводить к этой личности. Не то чтобы программа 60-х годов сейчас никого не интересовала, но в данный момент все обстоит по-другому. Если дело дойдет до столкновений, до защиты определенных социальных интересов, то эти идеи возродятся. Какая-то преемственность, конечно, есть: я имею в виду левый фланг нашего политического спектра, который сегодня довольно слаб. У нас значительно сильнее правый фланг и центр, который движется вправо. Причем слово «правый» я применяю в западном смысле слова — оно относится к оценке тех, кто выражает тенденцию развития в направлении к капитализму, тогда как к «левым» относятся те, кто защищает социальные интересы трудящихся. В этом смысле наш левый фланг сегодня довольно слаб.

А. А. Искендеров. Вы как ученый могли бы определить нынешнее состояние теоретической мысли в Чехословакии? Можно ли говорить о начале прорыва в теории или пока для этого нет достаточных оснований?

З. Млынарж. В данный момент еще нет. Плюрализм большой. То, что раньше было запрещено, теперь разрешено. Все увлеклись различными теориями, которые часто берутся в готовом виде из западных стран. Но того, чтобы действительно самостоятельно разработать и обобщить свой собственный опыт, проанализировать процессы, происходящие в своем обществе, которое имеет немало отличий, — этого пока нет. Социологи только начинают подходить к этим проблемам. С экономической теорией дела обстоят совсем плохо. У экономистов господствующее положение занимает идеология рыночного хозяйства в ее либеральном духе. Историки тоже начинают пересматривать национальную историю, потому что никто теперь не мешает им писать честно.

А. А. Искендеров. Как бы вы определили социальный характер тех событий, которые происходят в Восточной Европе? Вы сказали, что эти страны переживают переходный период — переход от чего к чему?

З. Млынарж. Я бы на этот вопрос ответил так: есть попытка развиваться в русле тех ценностей, которые имеются на Западе, иначе говоря, в русле того, что мы называем капитализмом. Хотя это не совсем точно. Точнее было бы определить эти общества как современные индустриальные общества западного типа. Так что налицо попытка развиваться в этом направлении. В этом тоже состоит одно из различий между нашими странами. Этот шаг можно, наверное, сделать в Чехословакии и Венгрии, но возможен ли этот путь для вашей страны в целом или, например, РСФСР, которые после 1917 г. развивались по иному пути, — это другой вопрос.

А. А. Искендеров. Как известно, революционный процесс, развивающийся в определенном направлении, как правило, связан с выработкой позиции. Это же не стихийный процесс. Идут ли в Чехословакии дискуссии по этому поводу, делаются ли попытки определить идеологическую и политическую платформу, на которой базируются преобразования?

З. Млынарж. В данный момент самое влиятельное течение у нас — идеологический плюрализм. Попыток выработать какую-то единую концепцию практически нет. Я думаю, что это и невозможно и, более того, даже вредно. Что же касается научной разработки, вернее, оценки этих процессов, то такая работа только начинается. К каким результатам она приведет, сказать трудно. Думаю, что то общество, которое рухнуло, не было капиталистическим (и не стало оно социалистическим, хотя его и называли «развитым социализмом»). Это значит, что люди, которые жили в этом обществе (в нашем случае — 40 лет, в вашем — более 70), имеют иной жизненный опыт, другие привычки, другие методы овладения неполитическими сторонами жизни. Ведь это совершенно другой образ жизни, чем при классическом западном строе. Этим людям теперь будет, конечно, трудно переходить (а может быть, они и не захотят во всем переходить) к западному образу жизни. Поэтому я и говорил о необходи-

мости изучения опыта Германии. Но, возможно, все будет обстоять так, если они убедятся в том, что западная система не враждебна им и потому не опасна. Видимо, будет какое-то новое влияние этого разнородного опыта.

Если мы говорим о создании в будущем единой Европы, то страны Восточной Европы надо рассматривать как часть Европы, пусть более отставшую, но имеющую собственный опыт. Нельзя все разорвать, необходимо соединять разнородные части. В процессе такого соединения будут возникать новые проблемы. Не исключено, что будут перенимать что-то не только с Запада на Восток, но и с Востока на Запад. В Германии право на аборт, предоставленное женщинам Восточной Германии, приветствуется женщинами Западной Германии. Вопросы интеграции, национализма и т. д. в обеих частях Германии воспринимаются по-разному.

Уже сегодня на Западе меняются представления о национальных границах того или иного государства. Кого в Бельгии или в Голландии интересует сегодня национальный суверенитет в том смысле, за который в странах Восточной Европы люди кладут свои жизни? Опыт интеграции на Западе, конечно, другой. Для них интеграция — это путь к улучшению жизни. У нас же это — путь к гегемонизму, пренебрежение национальными особенностями и т. д. Все это другой жизненный опыт, другой уклад жизни. Свести все это в единое целое будет очень сложно.

А. А. Искендеров. Вы воспринимаете все, что происходит в нашей стране, не совсем со стороны: вы здесь долго жили, учились. И тем не менее, как вы оцениваете нынешнюю нашу ситуацию? Нет ли опасения, что может случиться так же, как после XX съезда КПСС?

З. Млынарж. Так просто, как это было после XX съезда, уже не произойдет. Но опасения, конечно, есть, иногда даже испытываешь чувство страха. Страха за то, что порою переоценивается (это неизбежно, и я никому это в вину не ставлю) значение и влияние идеологии, политики и даже самой политической власти. Это приводит к тому, что многие, в том числе демократы, увлекаются представлениями, будто уже на деле изменились экономические, социальные и другие условия. Если мы добились определенных результатов на выборах, записали в программу какое-то, пусть очень важное, требование, то как будто бы этим уже все достигнуто! Но ведь это только предпосылка, не более того.

Если правильные идеи будут расходиться с реальной жизнью, то это может привести общество к катастрофе. Нередко предпринимаются попытки осуществить сами по себе хорошие идеи, но при этом не учитывается, готово ли общество к этому. Здесь кроется большая опасность. Общество может стать неуправляемым, и дело может дойти до столкновения и даже до установления диктатуры. Тем не менее никаких апокалипсических перспектив я не вижу. Всегда опасно, когда обстановка или развитие выходят из-под контроля.

А. А. Искендеров. Вы, конечно, сталкивались с утверждением, что события в странах Восточной Европы оцениваются чуть ли не как катастрофа, последствиями которой будет резко отрицательное отношение этих стран к Советскому Союзу и общее ухудшение положения в мире. Насколько справедливы такие утверждения?

З. Млынарж. Те, кто говорят о потере политического влияния Советского Союза, рассуждают в старом, имперском духе. Эти люди должны, по-моему, помнить, что то что происходит в странах Восточной Европы, началось не теперь, а еще с конфликта Сталина и Тито. Тогда уже была «потеряна» Югославия, затем Хрущев «потерял» Китай. На самом же деле надо видеть, что это было результатом тех процессов, которые развивались и в Советском Союзе, и в странах Восточной Европы. Если рассматривать весь процесс в долгосрочной перспективе, то ни о каком проигрыше или выигрыше не приходится говорить. Вместе с тем я думаю, что нынешнее развитие, с 1985 по 1990 г., действительно имело своими последствиями ухудшение отношений с Советским Союзом и негативное отношение к политическим системам, существовавшим в этих странах. Потому что они навязывались силой в течение последних 20 лет. Они порой напоминали режимы некоторых латиноамериканских стран, поддерживаемые извне. Ясно, что ликвидация этих режимов не дает выигрыша Советскому Союзу. Но и большой трагедии в этом нет. Наступил конец старого метода гегемонии. Сейчас приходится расплачиваться за старые ошибки и просчеты. В будущем, я уверен, все может измениться, и развитие пойдет иначе. У нас есть исторические и экономические условия для сотрудничества. Для установления подлинного сотрудничества потребуется время, необходимое для исцеления всех ран.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Политическая мысль раннего английского Просвещения

Т. Л. Лабутина

Англия — признанная родина Просвещения. Его идеи впервые появились в этой стране во второй половине XVII — начале XVIII века. Это было следствием буржуазной революции и бурного роста капитализма. Развитию просветительских идей способствовало и освобождение науки от влияния религии. Сказались также изменения в английском политическом устройстве, происшедшие в результате революций 1640 и 1688 годов.

Идеология английской буржуазии периода ее борьбы с феодализмом пока еще слабо изучена. По мнению ряда авторов, она «по-настоящему еще даже не сформулирована»[1]. Это замечание особенно справедливо в отношении политической мысли раннего Просвещения[2]. На Западе рассматривается, как правило, очень узкий круг просветителей, чаще всего ограничивающийся именами философов Дж. Локка, Дж. Толанда, И. Ньютона, А. Шефтсбери и Г. Болингброка[3]. Идейно-политические взгляды политиков и литераторов эпохи Просвещения остаются пока еще вне поля зрения исследователей[4]. Между тем в оформлении идеологических и политических позиций буржуазии после революции 1688 г. писатели, журналисты, памфлетисты сыграли весьма заметную роль. Анализ ряда произведений Дж. Свифта и Д. Дефо, видных журналистов Р. Стиля и Дж. Аддисона, а также государственного деятеля и философа лорда Болингброка позволяет лучше и полнее проследить процесс формирования политической идеологии раннего английского Просвещения, выявить ее отличия прежде всего от идей французского Просвещения.

В раннем английском Просвещении ярко выступает тесное переплетение политических идей с наследием Английской буржуазной революции. Теории «общественного договора», «разделения властей», «равновесия сил», «сопротивления тиранической власти», к которым обращались политики, идеологи, государственные деятели, имели по сути своей революционные истоки. В трактатах и памфлетах просветителей, так же как и у их революционных предшественников, центральное место занимал вопрос о власти. Они были сторонниками «договорной» теории происхождения государственной власти, в соответствии с которой «первичная власть» на земле, являвшаяся «высшей» властью и имевшая «божественное происхождение», принадлежит народу[5]. У Дефо, например, не было и тени сомнения не только в том, что народная власть предшествовала королевской, но и в том, что короли получили ее именно от народа, который сам избирал своих правителей и заключал с ними договоры, ставшие, по мнению писателя, «краеугольным камнем создания монархии»[6].

Указывая на «естественное происхождение» первоначального договора между правителем и подданными, некоторые просветители подчеркивали, что самой человеческой приро-

Лабутина Татьяна Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

дой обусловлено, чтобы подданные подчинялись правительству, а некоторым людям было бы оказано доверие заботиться о правлении, от коего зависит всеобщее счастье. Эту идею выразил Болингброк в произведении «Идея о Короле-Патриоте»: «Государь обязуется хорошо править, а народ почитать и повиноваться ему»[7]. Заключенный между правителем и подданными договор оговаривал как границы власти первого, так и степень подчинения вторых. Король получал корону с согласия народа и на тех уловиях, которые народ признавал приемлемыми.

Однако под «народом» просветители подразумевали отнюдь не крестьян, ремесленников, подмастерьев и слуг. Низы были для них всего лишь «чернью», «толпой на улице». Истинную же волю народа, по мнению большинства просветителей, выражала палата общин. «Могут спросить, кто эти люди, которым должна принадлежать власть? Кто обладает первоначальной властью?» — вопрошал Дефо и отвечал: «Это должен быть весь народ, но так как невозможно собрание всей общности людей», то от имени его должны выступать «только фригольдеры», то есть свободные арендаторы земли, мелкие и средние землевладельцы. Дефо подчеркивал, «что не может быть никакой законной власти в Англии, кроме той, которая основывается на собственности»[8].

Просветители единодушно высказывались в поддержку конституционной монархии. «Очень хорошо известно, — писал Стиль, — что монархия, когда ее подкупают, вырождается в тиранию, аристократия — в олигархию, а демократия склонна к волнениям и беспорядкам. И потому, чтобы устранить опасность, которая может возникнуть от каждой из них в отдельности, изобрели смешанную форму правления, которая означает правление короля, лордов и общин»[9]. Аддисон акцентировал внимание на том, что конституционное правление позволяет сохранить гражданские свободы. В том же духе высказывался и Болингброк[10]. В этом ранние английские просветители существенно отличались от французских, которые в канун буржуазной революции не признавали «никаких внешних авторитетов» и подвергали «самой беспощадной критике» религию, понимание природы, общество, государственный строй[11].

Конституционно-монархическая форма правления привлекала английских просветителей больше всего тем, что давала возможность ограничивать королевскую власть силами аристократии и демократии. Революционные события середины XVII в. и республиканскую форму правления они осуждали. На взгляд Дефо, республика — это «химера», «абсурд», «непрактичная идея, которую невозможно реализовать в Англии»[12], поскольку «никто добровольно не пожелает отказаться от тех свобод, которыми [сейчас] владеет» и которых будет лишен в условиях республики[13]. Свифт называл революцию не иначе, как «противоестественной» и «ужасной»[14]. Смешанная же форма правления представлялась просветителям идеальной в английских условиях, поскольку сочетала в себе, как они считали, преимущества и монархии, и аристократии, и демократии.

Отстаивая принцип «разделения властей», просветители отводили ведущее место законодательной, то есть парламенту. Законодательная власть, утверждали они, должна находиться в руках тех, кто, «обеспечивая частные интересы людей своего круга, обеспечивает интересы всего народа»[15]. Члены парламента должны быть людьми состоятельными, владеть земельной собственностью. Свифт требовал, чтобы и выборщики были в основе своей землевладельцами. «Закон в свободной стране должен устанавливаться большинством тех, кто владеет земельной собственностью»[16]. Впрочем, право на власть, по его мнению, дает владение любой (не только земельной) собственностью. Просветители были единодушны в том, что участие трудящихся масс в парламенте «привело бы к подрыву основ государственного правления и благосостояния нации». «Заполнение палаты ремесленниками, лавочниками приведет к подрыву основ государственного правления и благосостояния нации», — подчеркивал Дефо[17].

Буржуазия неустанно проявляла заботу о сохранении и расширении полномочий и привилегий парламента, о более частых его созывах, равном представительстве от графств и городов. Для Англии особенно актуален был вопрос о заброшенных бургах или «гнилых местечках», которые выставляли «своих представителей» на выборах[18]. Острой критике подвергались весьма распространенная практика продажи голосов, коррупция и взяточничество[19]. Но просветители не видели реальных средств, с помощью которых можно было бы покончить с этими явлениями. Они сетовали на то, что меры, принимаемые правительством, не дают результатов. Главными покровителями взяточников нередко становились министры. «Вся практика коррупции ведется настолько открыто и нагло, как будто и не принимались суровые законы»[20], — писал Дефо. Для борьбы с коррупцией просветители предлагали обнародовать имена тех, кто брал взятки, и тех, кто их давал.

Английские просветители не допускали и мысли об изменении существовавшей формы правления, чем они также существенно отличались от французских, определенная часть которых была настроена революционно. Общественная структура, государственный строй, по мнению английских просветителей, отнюдь не нуждались в коренном переустройстве, требовалось лишь исправление некоторых частностей и дальнейшее усовершенствование. Для этого, полагали они, необходимо с бо́льшим вниманием отбирать кандидатуры депутатов, избираемых в парламент. «Когда кандидаты предлагают себя для служения стране, — писал Стиль, — разумно поинтересоваться, каким образом они это намерены делать и смогут ли они с должным вниманием отнестись к свободам и благополучию нации»[21].

В парламент, считали просветители, надо избирать лиц состоятельных, религиозных, образованных, придерживающихся «ортодоксальных принципов и морали». Католики, атеисты, еретики и им подобные не должны допускаться к выборам. Не следует избирать в парламент людей глупых, бесчестных, повес и щеголей, а также очень молодых, лишенных жизненного опыта. Претендующие на избрание в парламент должны быть людьми разумными, обладать обширными знаниями, уметь отстаивать интересы своего графства и всей страны в вопросах торговли, свобод, законов. Они «обязаны понимать, когда покушаются на свободы, и быть способными защищать их».

Исполнительная власть должна принадлежать конституционному монарху[22]. Он должен быть «хорошим человеком, во все вникающим и связанным священной клятвой, что врученная ему власть будет направлена на служение делу общества»[23]. Он должен управлять народом в соответствии с законами, принятыми парламентом, а сам не вправе издавать законы. Быть скромным, мудрым, справедливым, добрым, искренним, патриотом своей страны и покровителем народа. В некоторых суждениях просветителей о королевской власти можно обнаружить мотивы, характерные для патриархально-теократической теории роялиста Р. Фильмера, современника Т. Гоббса, который сравнивал власть короля над народом с неограниченной властью отца над семьей[24]. «Отец нации» — король — должен относиться к своим подданным с заботой и вниманием и ни в коем случае не превышать своей власти. Если же правитель перестает быть отцом своему народу и превращается в деспота, это неизбежно влечет плачевные для него последствия.

Идея просвещенного абсолютизма, правда в неразвитой форме, также впервые появилась в идеологии английского просветительского движения. Свифт призывал короля всегда руководствоваться «здравым смыслом», «разумом», «справедливостью», уметь быстро решать государственные дела[25]. Болингброк, категорически отвергая мысль о божественном происхождении королевских прерогатив, утверждал, что власть короля-патриота должна быть почитаема за собственные достоинства монарха. Нередко на троне оказывались короли «слабые разумом, жестокие сердцем и укрепившиеся в своих предрассудках». Чаще всего они становились плохими правителями из-за дурного воспитания. Вот почему важное место в просветительской идеологии занимал вопрос о самоусовершенствовании правителя и подготовке к исполнению им своих ответственных функций.

Конечная и истинная цель правления — это благо народа, его свобода. «Хорошее правление, — писал Болингброк, — залог законности и свободы, а законность и свобода — залог сохранения хорошего правления». «Достойными» целями правления он считал достижение «процветания человечества», «счастье и безопасность подданных» и, наконец, «обеспечение неприкосновенности жизни, свободы и собственности членов общества»[26].

Принцип «равновесия властей» как важное условие сохранения конституционного правления просветители обосновывали исторически[27]. Свифт прослеживал, как происходили изменения в соотношении властей и как это влияло на расстановку сил в государстве. По его мнению, немаловажную роль в нарушении «равновесия» сыграли общины, заметно укрепившиеся в годы правления Генриха VII и его наследников в связи с расширением продажи монастырских земель светским землевладельцам, особенно усилившейся после Реформации, когда на смену монастырям пришли светские владельцы земли. В правление Елизаветы «равновесие властей» было более или менее стабильным. С появлением на политической арене пуритан, создавших «новые схемы в религии и республиканские принципы в правлении» и начавших оказывать давление на прерогативы короля, это «равновесие» вновь нарушилось, что привело к революции, в ходе которой, как утверждал Свифт, возникла угроза «тирании народа», а затем и одного лица — Кромвеля. Однако и он вынужден был считаться с принципом «равновесия власти» и в качестве противовеса усилившейся палате общин созвал новую палату — лордов. После Реставрации, при «двух слабых правителях» — Карле II и Якове II Стюартах — «равновесие сил находилось под угрозой уничтожения». И только революция 1688 г. укрепила баланс сил в государственном устройстве Англии[28].

Болингброк связывал устойчивое «равновесие» в английской политической системе с характером собственности. Собственность членов палаты общин благодаря успехам в торговле, а также «усилению национального богатства и мощи» со временем стала намного превышать собственность лордов, что способствовало укреплению позиций палаты в системе конституционного правления. В то же время изменение в самом характере собственности привело к сближению интересов общин и лордов, которые теперь «не испытывают соблазна и почти не располагают возможностями ущемлять друг друга». Общность интересов, стремление к обеспечению сохранности прежде всего своей собственности объединяли общины и лордов против «поползновений короны». При существовавшем строе общины, лорды и корона «не имеют никаких отдельных друг от друга и противоречивых интересов»[29], что и обеспечивает «равновесие сил» в английской политической системе, считал Болингброк.

Просветители предполагали сохранить «равновесие властей» с помощью законов. Все власти обязаны были подчиняться законам[30]. Короли не могут ни издавать, ни изменять законы, действие которых распространяется на них самих. Законы, писал Дефо, должны ограничивать исполнительную власть с тем, чтобы и правитель, и подчиненные ему министры были подотчетны парламенту и «не могли править вопреки закону». Судьи не должны зависеть от воли короля, а «верой и правдой служить народу», вершить правосудие по законам, а не по указаниям короля. Дефо осуждал тех, кто утверждал, будто король «превыше закона», усматривая в подобных заявлениях нарушение одной «из первейших заповедей королевского правления: закон правит королем»[31]. Таким образом, суть рассуждения о «равномерном распределении привилегий между исполнительной и законодательной властью сводилась к тому, чтобы обеспечить доминирующую роль парламента в системе государственной власти»[32].

Идея сопротивления деспотической власти, имевшая в Англии давние традиции, занимала важное место в идеологии просветителей. Вопрос о сопротивлении королю в случае нарушения им условий «общественного договора», беззаконного правления либо чрезмерного усиления власти являлся на рубеже XVII—XVIII вв. одним из самых острых в партийной борьбе. Однако установившаяся в стране конституционная форма правления оставляла неопределенными взаимоотношения короля с парламентом. Кроме того, возникли и новые проблемы в связи с религиозной, финансовой, внешней политикой правительства и т. д. Просветители оказались в центре этой политической борьбы. Те, кто по своему социальному происхождению или социально-имущественному положению принадлежал к «денежным» людям (Дефо, Стиль, Аддисон), примкнули к партии вигов, а сочувствовавшие интересам землевладельцев (Свифт, Болингброк) вошли в партию тори. Но обе партии использовали в этой борьбе идеологию Просвещения.

Мнения порой расходились в вопросе о способах сопротивления деспотической власти. Виги критиковали тори, придерживавшихся теории непротивления. Дефо, например, считал доктрины пассивного подчинения и непротивления королевской власти «абсурдными» и «несовместимыми с конституцией Британии». Он подчеркивал, что «рабскую доктрину» непротивления особенно рьяно проповедовали англиканские священники, объявлявшие сопротивление власти короля под каким бы то ни было предлогом незаконным, и приходил к заключению: в государстве, где подданные не вправе оказать сопротивление своему правителю, «нет места закону, а существует только воля и желание правителя»[33]. Виги горячо отстаивали право на сопротивление королевской власти. Если правитель использует свою власть для уничтожения законов и конституции страны, нарушает право подданных на собственность, препятствует отправлению правосудия, а также расправляется с религией и гражданскими свободами, то он становится тираном и потому должен быть смещен «той же властью, которая возвела его на трон, и заменен следующим наследником короны »[34].

Сопротивление правителю оправдывалось и в случае, если он посягал на привилегии парламента, стремился «захватить власть, принадлежащую не ему, а лордам и общинам»[35]. При этом виги четко разграничивали, кто мог пользоваться правом на сопротивление королевской власти и кто этого права был лишен. Дефо, например, объявлял «мятежниками» всех, кто пытался изменить правительство страны. Любую замену одной формы правления другой он расценивал как узурпацию, а выступления против личности короля считал «великим преступлением». Впрочем, и выступление против короля, правящего «по закону», он также называл «мятежом». Сопротивление законодательной власти вообще расценивалось как «великий грех». В понимании вигов были совершенно недопустимы любые действия, направленные против существующей в Англии конституционной монархии.

Правом на сопротивление могли воспользоваться только имущие классы, но отнюдь не народные низы. В памфлете «Гимн толпе» Дефо писал: «Толпа, чернь по природе своей способна разрушить как само правительство, так и цели гражданского общества и потому является врагом безопасности и порядка. А поскольку чернь используется в выступлениях против гражданской власти по любым поводам, то все сторонники гражданского правления должны выступить против нее. Долг честного человека — не допускать народных выступлений»[36]. Таким образом, на долю народных масс оставалось безропотное послушание и слепое повиновение власть имущим.

Примечательно, что и события Английской буржуазной революции середины XVII в. просветители называли «мятежом», который привел к расколу нации и закончился убийством суверена. Революция, считал Аддисон, «одно из наиболее гнусных преступлений, какие только может совершить человек». «Великий мятеж» породил грабежи, «безнравственность, убийства», «обеднение народа, разорение семей, разжигание ненависти среди сограждан, друзей и родственников, ввел страну в состояние войны и несчастий, а также повлек за собой нападение внешних врагов». Просветители потому так решительно выступали против революции, что она привела к установлению в Англии республиканского строя. Обезопасить имущие слои населения от взбунтовавшейся «черни» можно, доказывали они, посредством репрессивного законодательства. Правительству следует «применить репрессии для подавления возмутительных волнений и беспорядков», — заявлял Аддисон[37].

Тори в массе своей проповедовали теорию непротивления королевской власти. Однако то крыло, которое разделяло идеологию Просвещения, допускало сопротивление воле монарха вплоть до лишения его короны, но только не путем восстания. Законодательной же власти следует подчиняться беспрекословно, даже и в том случае, если она будет абсолютной и неограниченной[38]. Лорд Болингброк признавал право короля на вооруженную расправу с теми, кто замышлял поднять против него оружие[39].

Значительное место в политической мысли английского Просвещения занимал вопрос о гражданских свободах. Вообще свобода нередко рассматривалась просветителями как непременная составная часть человеческого счастья. Для Стиля свобода означала «счастье людей жить под действием законов, созданных с их личного согласия или с согласия их представителей»[40]. Большинство просветителей связывали понятие «свобода» с собственностью, что вообще очень характерно для многих буржуазных идеологов XVII и XVIII веков. Одним из первых (в своей теории общественного договора) выдвинул во главу угла вопрос о частной собственности и ее охране государством Дж. Локк. «Свобода и собственность — это составляющие счастья, — утверждал Стиль, — за которые честный и благородный человек должен сражаться, пока жив, и с радостью умереть, защищая их»[41]. Аддисон был уверен, что «естественными плодами свободы» являются богатство и изобилие[42].

Гражданские свободы — слова, печати, совести — расценивались просветителями как великие завоевания человечества, и они всегда выступали в их защиту. Очень отчетливо их позиция проявилась при рассмотрении вопроса о цензуре. В Англии с 1661 г. существовал строгий закон, допускавший к печати только ортодоксальные, с точки зрения монархии, материалы и с предварительным ознакомлением цензора. Просветители же добивались отмены цензуры. Особенно активную позицию в этом вопросе занимал Дефо. В памфлете «Очерк о регулировании печати» он писал, что цензура препятствует просвещению, создает помехи в распространении знаний, ведет к наводнению книжного рынка контрабандными изданиями. Продажность цензуры создает благоприятную почву для подкупа, обмана и «всяческих злоупотреблений». Просветители понимали, что цензура может быть использована и в партийной борьбе, в результате чего становится «рабой» партий[43].

Свифт в тот период, когда он поддерживал вигов, требовал свободы печати, защиты права подданных свободно излагать и публиковать свои взгляды. В знаменитой «Сказке бочки» он обличал тех, кто ущемлял эти права. Но с переменой политической ориентации и переходом на сторону тори этот вчерашний поборник свободы слова стал требовать от государственного секретаря лорда Болингброка «примерного наказания» тех, кто «чересчур рьяно» нападает на кабинет министров, и даже настаивал на аресте вигского памфлетиста, осмелившегося выступить против него самого (памфлетистов из лагеря вигов он именовал «чертовыми мошенниками» и «негодяями»)[44].

Вообще в представлении просветителей свобода слова должна была иметь ограниченный характер. Стиль распространял ее только на членов парламента. Дефо предлагал ограничить право подачи петиций представителями имущих классов, а также настаивал на издании указа, чтобы вопросы, касающиеся государственного и церковного правления, не обсуждались в печати[45].

Значительную роль в укреплении идеологических и политических позиций буржуазии сыграла широкая пропагандистская кампания, которую просветители вели против как католицизма, так и начинавших распространяться в стране деизма и атеизма. В вопросе о свободе

совести они придерживались различных взглядов. Считая «незаконным» лишение людей права «выбора различных форм религии»[46], онн тем не менее и свободу совести распространяли не на всех. Это проявилось в их высказываниях о «протестантских диссентерах» (отступниках от господствующей англиканской церкви) и «свободомыслящих», к которым они причисляли атеистов и деистов.

Диссентеры подвергались в период реставрации Стюартов (1660—1688 гг.) религиозным гонениям. Революция 1688 г. предоставила им свободу вероисповедания. Король Вильгельм Оранский их поддержал. Однако при королеве Анне, ярой стороннице англиканской церкви, правительство издало ряд законов, запрещавших диссентерам занимать ответственные должности в парламенте и органах местного самоуправления; предусматривалось закрытие образовательных диссентерских академий. Некоторые просветители, в том числе Дефо и Стиль, выступили с резкой критикой религиозной политики правительства. Дефо назвал преследование диссентеров «ужасающим», противоречащим христианской религии и догматам англиканской церкви. Он требовал покончить с преследованием диссентеров, поскольку все выдвигаемые против них обвинения являются ложными и надуманными. Диссентеры наравне с англиканами принимали активное участие в революции 1688 г., в возведении на трон Вильгельма Оранского, а затем и королевы Анны, они были лояльно настроены к династии Стюартов. Диссентеры, как и англикане, помогали государству налогами и добровольными пожертвованиями и «должны в равной мере пользоваться общественной безопасностью, а если не нарушают закон, то и находиться под его охраной»[47].

Когда правительство в 1714 г. приняло закон о схизме (расколе), запрещавший обучать детей диссентеров, если они не примут причастие по канонам англиканской церкви, и требовавший закрытия диссентерских академий, Стиль открыто осудил это «жестокое» установление. Он утверждал, что данный закон лишает диссентеров «прирожденных прав», как религиозных, так и гражданских, в чем видел «проявление насилия», отдает их под произвол должностных лиц, самовольно решающих вопрос об их собственности и образовании их детей. Принуждать диссентеров к конфирмации в англиканской церкви — значит «нарушать их прирожденные права», а это противоречит здравому смыслу[48].

Свифт, напротив, убежденный приверженец англиканства, сам священник, с негодованием говорил о конформистах или диссентерах как о вероотступниках. Он обвинял их в том, что в 40-е годы XVII в. именно они «подняли восстание, убили короля, разрушили монархию и церковь», что они стремились захватить власть в стране, и требовал лишить «диссентеров всех мастей» любых, даже «самых низших» должностей и в гражданском и в военном управлении[49].

Таким образом, просветители-протестанты выступали в защиту свободы вероисповедания для всех, а англикане — лишь для них самих. Защищая свободу вероисповедания, некоторые просветители осуждали религиозную нетерпимость и преследование людей за религиозные убеждения. Если человек в своем стремлении «поднять нравственность и увеличить счастье людей» начинает действовать «с помощью пыток, виселиц, галер, темниц, если он лишает людей свободы, конфискует их имущество, разоряет семьи, сжигает тело, чтобы спасти душу, — писал Аддисон, — я не могу не сказать о таком человеке: его вера суетна, а его религия бесплодна». Вместе с тем он утверждал, что «вольнодумство» явилось результатом «Великого мятежа», что любой свободомыслящий — это «нахальный недоучка, у которого достаточно познаний, чтобы возбуждать сомнения, но недостаточно знаний, чтобы их разъяснять»[50].

Стиль также не скупился на нелестные эпитеты по адресу деистов, атеистов, сторонников религиозного свободомыслия. В журналах, им издаваемых, они именовались «надутыми болванами», «язвами общества», «нахальными недоучками», «врагами мира и счастья вселенной», «страшными животными» и т. п. В атеизме и деизме буржуазные идеологи видели угрозу не только догматам англиканской церкви, но и самому государственному строю.

Первые английские просветители внесли заметный вклад в дело развития европейской общественной мысли. В английском просветительском движении в соответствии с различиями в классовой принадлежности и политической ориентацией сформировалось два направления: «оптимистическое» и «пессимистическое». «Оптимисты» (Локк, Дефо, Стиль, Аддисон) боролись за то, чтобы устранить все препятствия, мешающие капиталистическому развитию, а «пессимисты» (Свифт, Болингброк) не верили в капиталистическую перспективу и выступали с обличительной критикой пороков общественного строя, утвердившегося в Англии, буржуазной политики и морали.

Морально-этические взгляды ранних просветителей своими корнями уходят в эпоху Возрождения, что признавалось нередко и ими самими. Именно они сделались преемниками

гуманистических идеалов Ренессанса, унаследовав от деятелей той эпохи как исторический оптимизм и свободомыслие, так и стремление к переоценке феодально-церковных догм и традиций. Естественно, просветительская критика феодализма была острее и глубже ренессансной, поскольку затрагивала самое структуру общества и государственного устройства.

Примечания

1. БАРГ М. А. Историческая мысль английского Просвещения. В кн.: БОЛИНГБРОК. Письма об изучении и пользе истории. М. 1978, с. 274.
2. САТЫШЕВ В. Е. Политические взгляды Джона Локка. Автореф. канд. дисс. М. 1967; ДОБРОВА Е. А. Теория разделения властей в Англии эпохи Просвещения. — Вопросы истории, 1981, № 4; ПЕТИНОВА А. И. Общественная мысль раннего английского Просвещения: Шефтсбери. Автореф. канд. дисс. М. 1988.
3. The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustin Age. N.Y. 1950; KRAMNICK I. Bolingbroke and His Circle. Harvard. 1968; DUNN J. The Political Thought of John Locke. Cambridge. 1969; FRANKLIN J. H. John Locke and the Theory of Sovereignity, Mixed Monarchy and the Right of Resistance in the Political Thought of the English Revolution. Cambridge. 1981.
4. Politics and Literature in the Eighteenth Century. Lnd. 1974, p. IX.
5. DEFOE D. The Judgment od Whole Kingdoms and Nations Concerning the Rights, Power and Prerogative of Kings and the Rights, Priviledges, and Properties of the People. Lnd. 1710, p. 11.
6. A Collection of State Tracts. Vol. I. Lnd. 1705, p. 251.
7. БОЛИНГБРОК. Ук. соч., с. 211.
8. DEFOE D. A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. Vol. I. Lnd. 1703, pp. 155, 157, 160.
9. The Englishman. Oxford. 1955, p. 114.
10. БОЛИНГБРОК. Ук. соч., с. 183
11. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 189.
12. A Collection of State Tracts. Vol. II. Lnd. 1705, p. 381.
13. DEFOE D. The Judgment, p. 10.
14. SWIFT J. The Examiner and Other Piecies Written in 1710—1711. Oxford. 1940, p. 145.
15. Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford. 1854, p. 119.
16. SWIFT J. The Works. Vol. II. Lnd. 1843, p. 305.
17. DEFOE D. A True Collection. Vol. I, p. 160, 179,280.
18. SWIFT J. The Works. Vol. II, p. 311.
19. DEFOE D. A True Collection. Vol. I, p. 152; A Speech, Supposed to be Spoken by R. Steele, Esq. at the Opening This Present Parliament. Lnd. 1714, p. 7; BOLINGBROKE H. St. J. A Collection of Political Tracts. Lnd. 1748, p. 283; СВИФТ Дж. Путешествия Гулливера. М. 1976, с. 303.
20. WILSON W. Memoires of the Life and Times of Daniel Defoe, Containing a Review of His Writings and His Opinions. Vol. II, Lnd. 1830, p. 362.
21. The Englishman, p. 38.
22. SWIFT J. Political Tracts. 1711—1713. Oxford. 1951, p. 136.
23. The Englishman, p. 15.
24. Ibid., p. 129.
25. СВИФТ Дж. Путешествия Гулливера, с. 255.
26. БОЛИНГБРОК. Ук. соч., с. 201—202, 208—209, 215, 218; BOLINGBROKE H. St. J. A Dissertation upon Paries. Lnd. 1786, pp. VIII—IX; e j u s d. A Collection of Political Tracts, p. 264; DEFOE D. The Judgment, pp. 1, 9.
27. См. DEFOE D. A True Collection. Vol. I, pp. 152, 160.
28. SWIFT J. The Works. Vol. I, p. 294.
29. БОЛИНГБРОК. Ук. соч., с. 188—189.
30. A Collection of State Tracts. Vol. I, p. 254; BOLINGBROKE H. St. J. A Collection of Political Tracts, p. 265.
31. DEFOE D. The Judgment, pp. 7, 28, 29, 30.
32. DEFOE D. A True Collection. Vol. I, p. 142.
33. DEFOE D. The Judgment, pp. 3, 41, 46, 54.
34. WILSON W. Memoires. Vol. II, p. 468.
35. DEFOE D. A Speech Withour Doors. Lnd. 1710, pp. 11—12.
36. DEFOE D. The Judgment, pp. 4, 54, 65; e j u s d. A Hymn to the Mob. Lnd. 1715, pp. I—IV.

37. The Free-Holder, or Political Essays, by the Right Honourable Joseph Addison, Esq. Lnd. 1751, pp. 70—72, 153—154, 200.
38. SWIFT J. Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church. Oxford. 1940, p.16.
39. БОЛИНГБРОК. Ук. соч., с. 232—233.
40. STEELE R. The Crisis. Lnd. 1714, p. 1.
41. The Englishman, p. 115.
42. Selections from Addison's Papers, p. 163.
43. DEFOE D. An Essay on the Regulation of the Presse. — Luttrell Reprints. Oxford. 1948, № 7, pp. 9—10, 17.
44. СВИФТ Дж. Дневник для Стеллы. М. 1981, с. 207, 219.
45. DEFOE D. An Essay on the Regulation of the Press, pp. 18, 19.
46. Tracts and Pamphlets by Richard Steele. Baltimore. 1944, p. 246.
47. DEFOE D. A True Collection. Vol. II, p. 363.
48. Tracts and Pamphlets by Richard Steele, pp. 245—246, 250.
49. SWIFT J. The Examiner, pp. 127—128; e j u s d. The Works. Vol. I, p. 494.
50. Selections from Addison's Papers, pp. 163, 194.

История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918—1945 гг. М. Высшая школа, 1989. 463 с.

Новый учебник по истории межвоенного периода и второй мировой войны написан коллективом ученых кафедры новой и новейшей истории Московского университета[1]. В нем предпринимается попытка, в целом плодотворная, сочетать постановку и рассмотрение общемировых проблем и страноведческий принцип изложения фактического материала. Особенностью пособия является и то, что оно построено на принципе «от общего к частному»: история каждой страны тесно увязана с историей других стран и рассматривается на широком фоне общемировых процессов.

Обращает на себя внимание подчеркнутое стремление авторов дать целостное представление об историческом процессе, сделать основной акцент на выявлении важнейших его закономерностей, общих для стран Европы и Америки проблем и процессов социально-экономического и идейно-политического развития. К числу этих проблем они относят развитие государственно-монополистического капитализма (ГМК) и соответствующих ему форм идеологии, эволюцию государственного строя и партийно-политической структуры, возрастание роли народных масс. В учебнике говорится также об изменениях в сфере культуры, массовом сознании, в социально-классовой структуре буржуазного общества.

Представляется, что авторскому коллективу удалось сделать определенный шаг вперед в трактовке вопроса об общем кризисе капитализма. Авторы пытаются отойти от вульгаризаторской трактовки этого кризиса как периода все большего упадка буржуазного строя, якобы идущего к неизбежному краху. Они отказались, в частности, от примитивной и искусственной схемы трех этапов общего кризиса капитализма, не выдержавшей испытания практикой, от вывода об исторически обреченном, умирающем капитализме. Однако они не отошли от самой концепции этого кризиса, признав ее право на существование. Но в таком случае возникает ряд вопросов: о хронологических рамках этого периода; о соотношении общего кризиса капитализма с трансформацией последнего как общественной системы, месте его в истории этой формации, сопоставимости экономической и социальной эффективности развития государств, принадлежащих к различным социальным системам. Учебник еще раз показывает насущную необходимость дальнейшей разработки этих и связанных с ними проблем, преодоления традиционных представлений, более современного осмысления исторического процесса.

Авторы предлагают новую периодизацию Ноябрьской революции в Германии. Классовые бои 1919 г. рассматриваются ими как четвертая фаза революции, завершившаяся поражением Баварской Советской республики в начале мая 1919 года. Изменилась и формулировка характера революции: теперь она более верно отражает классовую сущность происходивших в Германии событий. На смену старому определению революции как буржуазно-демократической, совершенной в известной степени пролетарскими методами и средствами, пришла ее трактовка как буржуазно-демократической с тенденцией перерастания в социалистическую (с. 60).

По-новому освещаются вопросы, связанные со становлением ГМК. В учебнике справедливо проводится мысль, что, несмотря на демонтаж системы военно-государственного регулирования, созданной в годы первой мировой войны,

государственно-монополистические тенденции продолжали развиваться, в основном по линии бюджета, налоговой, таможенной, финансовой и социальной политики. Авторами показаны реальные достижения ГМК в США и Англии в экономической и социальной сферах.

Заслуживают быть отмеченными разделы о фашизме, его происхождении и политике, о сущности буржуазного реформизма, народных фронтах 30-х годов. Авторами предложена четкая периодизация второй мировой войны, изложение событий которой дано в большем объеме и на более высоком научном уровне. Подробно показано движение Сопротивления, которое рассматривается как единый процесс, охвативший все страны Европы. Справедливо подчеркивается мысль об антифашистских и освободительных тенденциях войны со стороны Англии, Франции и США (с.363). В свете новых оценок рассматриваются советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и позиция Коминтерна по вопросу о войне. Расширены разделы по истории различных сфер духовной жизни общества: литературы, философии, психологии, искусства, культуры, науки и техники.

Впервые в учебном пособии по новейшей истории освещается политика, место и роль Рабочего социалистического интернационала в межвоенный период. Вместе с тем разделы о Коминтерне и Социнтерне свидетельствуют о том, что сейчас необходимо критически переосмыслить опыт международного рабочего движения, объективно оценить все позитивное и негативное в деятельности коммунистов и социал-демократов, отказаться от старых подходов в отношении СДПГ, от односторонних обвинений ее в кризисе и крахе Веймарской республики, не возлагать на лидеров этой партии всю ответственность за срыв единого антифашистского фронта в Германии. В гибели республики были виноваты все политические партии тогдашней Германии, включая СДПГ и КПГ. Правда, доля ответственности на каждой из них лежит различная. На компартию, пожалуй, падает бóльшая вина за распад республики, чем на СДПГ. Слабая демократия Веймарской республики оказалась не в силах остановить массовое нацистское движение. Ее некому было защищать. Но, разумеется, основную ответственность за ликвидацию веймарской демократии несут фашисты.

С новых позиций следовало бы, видимо, взглянуть на ранний период деятельности Коминтерна, и прежде всего — на проблему мировой революции. Сейчас появилась возможность использовать значительно более широкий круг источников, чем в прежнее время, теснее увязать процессы, происходившие в международном коммунистическом движении 20-х годов, с борьбой, развернувшейся внутри большевистской партии. Это же можно сказать и о таких важных вопросах, как политика Коминтерна в 1939—1943 гг., оценка результатов его деятельности и причины краха. В учебнике следовало бы более отчетливо показать возрастающее негативное влияние сталинизма на выработку стратегической и тактической линии Коминтерна; усиление централистских тенденций, насаждение командно-бюрократических методов, грубое вмешательство Коминтерна во внутренние дела партий, ревизию тактики единого фронта, репрессии против инакомыслящих, широкую кампанию по шельмованию их.

В учебнике правильно отмечается, что VII конгресс Коминтерна осудил левацко-троцкистские взгляды на войну как стимулятор революции (с. 332). Но надо было указать, что этих взглядов придерживался прежде всего Сталин. Конечно, решения конгресса означали крупнейший поворот в стратегии и тактике международного коммунистического движения, но следовало наконец критически подойти к оценке и самих этих решений, и хода их реализации; отметить, что в выступлениях делегатов и в материалах конгресса звучали старые оценки и отжившие стереотипы вроде: «фашизм, появившись в результате упадка капиталистической системы, действует в конечном итоге как фактор ее дальнейшего разложения», «фашистская Германия со всеми ее ужасами и варварством — это в конечном счете последствие социально-демократической политики классового сотрудничества с буржуазией»[2]; и т. д.

В документах конгресса нигде прямо не говорилось о прежней ошибочной тактике и политике Коминтерна, о том, что коммунисты с опозданием осознали масштабы фашистской угрозы миру и демократии. К тому же эта переориентация политики Коминтерна была недостаточно последовательной и потому малоэффективной. Уже к 1936—1937 гг. линия на сотрудничество с социал-демократами была прервана. Политические процессы 1937—1938 гг. в СССР вновь обострили отношения между КПГ и СДПГ. Вмешательство во внутренние дела компартий ничуть не уменьшилось. Топор Сталина висел над всеми деятелями Коминтерна, многие из них были физически уничтожены. Более того, авторитет Коминтерна был использован Сталиным для политического прикрытия своих преступлений. Коминтерн превратился в орудие политики Сталина, который практически саботировал решения VII конгресса, навязав Коминтерну свертывание антифашистской деятельности в 1939—1941 годах. Думается, что международное значение массовых репрессий 30-х годов еще не вполне осознано.

Предметом острых дискуссий ныне являются вопросы истории международных отношений накануне второй мировой войны. В этой связи выдвигается идея об упущенных возможностях предотвращения войны, связанная с анализом причин ее возникновения. В учебнике эта тема, к сожале-

нию, не получила развития. Следовало сильнее сказать о просчетах в политике великих держав, об ошибках Сталина и советской дипломатии. Масштабы угрозы, нависшей над человечеством, не учитывались политическими лидерами и дипломатами. Непонятно, почему в учебнике отсутствует материал о ходе советско-финской войны, а договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. и секретному протоколу к нему не дается никакой оценки. Этот пакт, по сути дела, открыл зеленую улицу второй мировой войне.

В современной литературе большое место занимает проблема человека, прежде всего роль политической элиты и лидеров. Думается, что и в учебных пособиях необходимо стремиться к более полным и объективным характеристикам политических деятелей, показывать взаимосвязь политики и морали в их действиях и поступках. К сожалению, авторский коллектив не преодолел еще типичный недостаток прежних учебников — слабое внимание к реальным деятелям истории.

Конечно, тогда, когда создавался учебник, невозможно было раскрыть все «белые пятна», решить по-новому проблемы, связанные с изучением новейшей истории Западной Европы и Америки. Это, очевидно, будет сделано при подготовке последующих его изданий.

М. Е. Ерин, Г. Н. Канинская,
Е. Г. Михайловский

Примечания

1. Авторский коллектив: Л. С. Белоусов, И. В. Григорьева, И. С. Кремер, М. И. Орлова, В. П. Смирнов, С. А. Соловьев, А. И. Строганов, Е. Ф. Язьков. Редакционная коллегия: Е. Ф. Язьков (отв. ред.), М. И. Орлова, Ю. Н. Рогулев, В. П. Смирнов, С. А. Соловьев, О. С. Сороко-Цюпа, А. И. Строганов.
2. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М.,1975, с. 133, 136, 137 и др.

Первый этап изучения «Худжума»

В 20-е годы в советских республиках Средней Азии возникло женское движение «Худжум» («Наступление»), достигшее кульминации в 1927—1928 гг., когда произошел переход от преимущественно разъяснительных методов обеспечения равноправия женщин к обязательному выполнению как местными властями, так и всеми гражданами законов Советского государства по этому вопросу, к решительной борьбе с затворничеством женщин. Под влиянием происходивших в регионе изменений в общественной жизни и разъяснительной работы среди населения движение «Худжум» нарастало снизу, сопровождалось массовым снятием женщинами паранджи и широким притоком их в общественное производство.

Однако происходило это в весьма сложной обстановке. Консервативные слои населения не принимали новшеств, а реакционные группировки организовывали травлю открывших лицо женщин, террор против них. Тем не менее наступление на затворничество продолжалось, привлекая внимание общественности всей страны. Большое значение движению придавали не только практические работники, но и ученые — историки, экономисты и особенно востоковеды, которые старались содействовать улучшению положения женщин. Важный вклад в изучение женского движения в республиках Средней Азии внесли научные центры Москвы.

В 1928 г. в Коммунистической академии была организована секция по изучению теории и практики международного женского движения. Своей задачей секция считала изучение женского труда в капиталистических странах и в СССР, а также участия женщин в различных общественных движениях. Особое внимание предполагалось уделять положению женщин на Востоке, в том числе в республиках Средней Азии[1]. Возглавила секцию Клара Цеткин. Она призывала к изучению положения женщин в прошлом и настоящем. Особенно важным она считала изучение условий женского труда в республиках Средней Азии. По свидетельству Н. К. Крупской[2], Цеткин мечтала поехать в колхозы этих республик, но, к сожалению, этому не суждено было осуществиться: помешали сначала возраст и болезни, а в 1933 г. — смерть.

Занималась женским вопросом и Научная ассоциация востоковедения (НАВ) при ЦИК СССР. В 1928 г. в ней была организована комиссия по изучению труда и быта женщин Востока, которая основное внимание уделяла женскому вопросу на Советском Востоке. В июне того же года состоялось первое организационное заседание комиссии с участием представителей ЦК ВКП(б), Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), сотрудников НАВ. Были намечены основные направления работы комиссии, избрано бюро под председательством С. Т. Любимовой[3]. Оно разработало программу деятельности комиссии на три месяца: детальное исследование экономического положения женщин, условий их труда, борьбы за их раскрепощение, развития законодательства в их защиту, состояния женского образования в республиках Советского Востока.

Научные сотрудники НАВ были командированы в Закавказье и Среднюю Азию. Результаты их обследований заслушивались на заседаниях комиссии, работавшей в тесном контакте с женотделом ЦК ВКП(б) и Комиссией по улучшению труда и быта женщин (КУБТ) при ВЦИК. В письме НАВ от 16 июля 1928 г., адресованном этой комиссии, подчеркивалось: «Жизнь современного Востока Ассоциация освещает с точки зрения ленинизма и под углом зрения насущных практических задач»[4]. Научные сотрудники анализировали положение женщин в республиках по всем намеченным направлениям, и это помогало практическим работникам женотделов и КУБТ находить новые пути и формы работы среди женщин коренных национальностей.

На расширенном заседании КУБТ и НАВ с участием делегатов Всесоюзного совещания по работе среди женщин Востока (1929 г.) заведующий политико-экономическим отделом НАВ М. И. Целищев сделал доклад о работе Ассоциации по изучению положения женщин на Советском Востоке; на другом заседании, в работе которого участвовали члены Комиссии по изучению ислама, были заслушаны доклады Дигурова «Борьба с бытовыми преступлениями на Советском Востоке» и Н. А. Смирнова «К вопросу о происхождении покрывала мусульманской женщины»[5].

Важной вехой в координации исследований по данной проблеме было открывшееся 5 марта 1929 г. совещание научных учреждений Москвы, посвященное изучению вопросов труда и быта женщин Востока. В его работе принимали участие КУБТ, женкомиссия НАВ, секция Комакадемии по изучению теории и практики международного женского движения, Музей народоведения, Музей восточных культур, Институт этнических культур народов Востока, ВОКС, женотдел ЦК ВКП(б), представители ВЦСПС, Наркомата труда и др.[6] Научные сотрудники из Москвы и Ленинграда, женработники с мест говорили о широком размахе в республиках Средней Азии и Азербайджане женского движения против паранджи и чадры, о яростном сопротивлении противников раскрепощения женщин; подчеркивали, что в этой сложной обстановке научные учреждения должны оказывать максимум внимания женскому движению, всеми силами помогать женотделам в борьбе за раскрепощение женщин.

Серьезное значение придавалось всестороннему изучению на фоне тщательного исследования местной экономики и быта таких аспектов проблемы, как роль женщины в хозяйстве советских республик Востока, условия ее труда, его оплата, производительность. Не менее важной и актуальной задачей, поставленной совещанием, было изучение положения женщины в быту. Чтобы бороться с такими бытовыми пережитками, как калым, многоженство, умыкание невест, надо было знать их исторические и экономические корни. Особое место отводилось анализу противоречий, возникших между советским законодательством, защищавшим права женщин, и религиозным мусульманским правом, тормозившим процесс их раскрепощения.

На совещании было принято постановление, предписывавшее «изыскать средства для издания научных трудов, результатов экспедиций различных учреждений в области изучения труда и быта женщин»; во избежание дублирования координировать работу в этой области; создать печатный орган для научного освещения вопросов раскрепощения женщин[7]. Чтобы выполнить постановление, были организованы экспедиции в Среднюю Азию и Закавказье из представителей различных научных учреждений. Не был создан, однако, специальный печатный орган, но научные и практические вопросы раскрепощения женщин освещались в периодических изданиях, прежде всего в женских журналах и изданиях научных организаций.

Совещание имело важное значение для координации теоретической и практической работы по женскому вопросу. Именно тогда началось научное изучение вопросов труда и быта женщин Советского Востока. Основное ядро исследователей составляли востоковеды. Вместе с работниками женотделов в поисках материалов ездили по городам и кишлакам Средней Азии Н. Н. Венедиктов, С. Ивановский, В. С. Москалев, Н. А. Смирнов, Е. Л. Штейнберг и другие.

По результатам исследований публиковались статьи в журналах «Коммунистка», «Жизнь национальностей», «Новый Восток», «Народное хозяйство Средней Азии», «Туркменоведение», в узбекском женском журнале «Янги юл», таджикском «Бо рохи Ленини», туркменском «Ишчи дайхан аяллар» и других. Систематически выходили брошюры серии «Труженица Востока», запланированные к изданию НАВ совместно с женотделом ЦК ВКП(б)[8]. В них на фоне экономической характеристики республик освещалось положение женщин до Октябрьской революции, анализировались те изменения, которые произошли в их жизни за годы Советской власти, говорилось о роли «Худжума» в раскрепощении женщин, детально рассматривались условия женского труда. Авторы приводили данные о количестве женщин в партии, Советах, школах, клубах. Порою, однако, эти данные были неточными.

Различным аспектам женского труда на Советском Востоке были посвящены публикации видных женорганизаторов — П. Бурениной, С. Любимовой, А. Нухрат, З. Сейфи, Г. Мастюковой и многих других[9]. Эти издания тоже не избежали ошибок, однако заслуга их авторов состоит в том, что они не просто описывали положение женщин, а выдвигали рациональные идеи по улучшению работы среди них, использованию их труда в народном хозяйстве с учетом местных условий. Литература эта давала представление о

тех процессах, которые происходили в жизни ранее темных, забитых и бесправных женщин.

Вскоре к разработке проблем, связанных с женским вопросом, приступили и научные силы республик Средней Азии. В 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о необходимости начать исследовательскую работу в этой области[10]. Она проводилась научно-исследовательским бюро сельскохозяйственного факультета Среднеазиатского университета (Ташкент), а затем и секцией по изучению труда и быта женщин Средней Азии Узбекского филиала НАВ, организованной в Самарканде в 1930 году. Большинство статей, написанных по материалам этих исследований, касается роли женского труда в сельском хозяйстве, прежде всего в хлопководстве[11].

Исследователи в ходе экспедиций осуществляли поиск документов и материалов, а своими публикациями делали достоянием науки и общественности успехи в борьбе за женское равноправие. Однако освещение некоторых аспектов темы нельзя считать исчерпывающим. Особого внимания требует анализ негативных моментов, которые были в те годы в работе среди женщин. В литературе, в том числе и современной, они, как правило, обходятся или сглаживаются, затушевываются. Не изучены и не опубликованы биографии многих непосредственных участниц «Худжума». В детальном изучении нуждается история создания особых форм работы среди женщин региона — женских клубов, домов дехканок, а также делегатских собраний. Именно эти учреждения сыграли большую роль в культурном и политическом просвещении женщин. В дальнейшем исследовании нуждаются не только история женского движения, но и вопросы рационального использования женского труда в различных отраслях народного хозяйства. Положение женщины в семье во многом зависит от их религиозного мировоззрения. Между тем до сих пор нет центров по изучению социальных проблем семьи.

Женщины и поныне недостаточно вовлекаются в производство, в общественно-политическую жизнь, редко выдвигаются на руководящие должности. Не ушли в прошлое факты феодально-байского отношения к женщине, ее традиционной перегрузки домашним хозяйством. Существующее положение в семье и быту приводит к такому трагическому явлению, как самосожжение женщин. Только в Узбекистане в 1987 г. произошло 270 подобных случаев[12]. Думается, что обществоведы, занимающиеся женским вопросом в различных его ракурсах, должны объединить свои усилия для создания таких трудов, которые содержали бы рекомендации по работе среди женщин, как это было в годы «Худжума».

Д. А. Алимова

Примечания

1. Вестник Коммунистической академии, 1929, № 31, с. 246.
2. КРУПСКАЯ Н. К. Памяти Клары Цеткин. — Вестник Коммунистической академии, 1933, № 4, с. 39.
3. С. Т. Любимова — одна из первых организаторов женского движения в крае, в 1923—1926 гг. заведовала женотделом ЦК Компартии Туркестана и Средазбюро ЦК ВКП(б), с 1927 по 1928 г. руководила Восточной группой женотдела ЦК ВКП (б).
4. Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. Р-6983, оп. 1, д. 33, л. 1.
5. Новый Восток, 1929, № 25, с. 363. Смирнов, впоследствии известный историк-востоковед, в те годы изучал историю ислама.
6. Новый Восток, 1929, № 26—27, с. 422.
7. Там же, с. 426.
8. ИВАНОВСКИЙ С. Таджичка. М. 1927; ВЕНЕДИКТОВ Н. Н. Туркменка. М. 1928; МОСКАЛЕВ В. Узбечка. М. 1928; СМИРНОВ Н. А. Чадра. М. 1929; и др.
9. СЕЙФИ З. Женский труд на девятом году Октябрьской революции. М. 1928; Ее же. Женские кустарные промыслы на Советском Востоке. М. 1928; НУХРАТ А. Октябрь и женщина Востока. М. 1927; ЛЮБИМОВА С. Т. Работа партии среди тружениц Востока. М.—Л. 1928; МАСТЮКОВА Г. Женщина в борьбе за урожай и организационно-хозяйственное укрепление колхозов. М. 1932; БУРЕНИНА П. Колхозницы Советского Востока. М. — Ташкент. 1933; и др.
10. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 1309, л. 18.
11. ФОТЕЕВ И. Женский труд в сельском хозяйстве среднеазиатских республик. — За партию, 1929, № 1—2; БУРЕНИНА П. Опыт организации женского труда. — Партработник, 1931, № 3—4; МАКСУДОВА, ЦЕЦУЛИНА, СТЕПАНОВА. Женщина в совхозном строительстве Средней Азии. — Там же.
12. Правда Востока, 31.I.1988.

С. КОЗАК. *Ukraińscy spiskowcy i mesjaniści. Bractwo Cyryla i Metodiego*. Warszawa. PAX. 1990. 284 s.

С. КОЗАК. Украинские заговорщики и мессианисты. Братство Кирилла и Мефодия.

Книга председателя польского общества украинистов Стефана Козака посвящена идеологии кирилло-мефодиевцев. Написанная на стыке литературоведения и историографии работа синтезирует достижения польской и американо-канадской украинистики и продолжает ведущиеся в ней поиски.

Основой источниковой базы монографии являются опубликованные произведения членов Кирилло-Мефодиевского братства, в том числе

программные документы, а также многочисленные труды представителей европейского романтизма первой половины XIX века. Можно упрекнуть автора за то, что он стремится ограничить круг привлекаемых источников рамками 30—40 годов XIX века. Впрочем, в ряде случаев он все же нарушает эту свою установку (с. 9, 81, 82, 83—84, 101).

Козак отошел от традиционной историко-биографической или сугубо хронологической схемы изложения материала и попытался проанализировать взгляды кирилло-мефодиевцев с точки зрения их генезиса и взаимовлияния. В работе довольно подробно рассмотрено зарождение кирилло-мефодиевской традиции в духовной культуре украинцев, проведен анализ романтических, христианских и славянофильских основ идеологии кирилло-мефодиевцев, показана сущность их историософских взглядов и мессианских увлечений, наконец, дана сравнительная характеристика национальных программ «двух великих славянских пророков» — А. Мицкевича и Н. Костомарова.

В приложении помещены документы общества и произведения кирилло-мефодиевцев, носящие программный характер: Устав организации, «Книги бытия украинского народа», воззвания к украинцам, полякам и русским, фрагменты из произведений В. Билозерского, Н. Костомарова, Т. Шевченко. К сожалению, в публикацию не вошли документы из следственного дела кирилло-мефодиевцев.

В отличие от историков, традиционно рассматривающих Кирилло-Мефодиевское братство сквозь призму политической и классовой борьбы с неизбежной в этом случае дихотомией «прогрессивного — реакционного» или «революционного — реформистского», противопоставляющих одних членов братства другим, Козак решает вопрос о противоречиях во взглядах кирилло-мефодиевцев, исходя из концепции украинского культурно-национального возрождения первой половины XIX века. Книга позволяет в определенной степени рассмотреть украинскую общественно-политическую мысль в едином общеславянском и общеевропейском контексте.

Комплексный междисциплинарный подход позволил автору раскрыть взгляды кирилло-мефодиевцев во всем их единстве и многообразии, показать, как универсальные культурные и нравственные ценности европейских народов находили своеобразное преломление в сознании украинских будителей молодой нации. Работа вносит заметный вклад в исследование процесса формирования украинской нации, украинского национального самосознания, традиционно испытывавшего мощную притягательную силу, с одной стороны, польской, с другой — русской культурных традиций.

Ключевую роль во взглядах кирилло-мефодиевцев, как считает автор, играл романтизм, понимаемый ими широко, как определенная система представлений о жизни и обществе, нравственных категорий и т. п. Его проявления Козак обнаруживает не только в литературных произведениях членов Кирилло-Мефодиевского братства, но и в их общественно-политических и этических воззрениях.

Большое внимание уделено в книге выяснению религиозной природы идеологии кирилло-мефодиевцев. Автор исходит из того, что религия — важнейшая, органическая составная часть мировоззрения членов братства. Ему удалось показать взаимосвязь и взаимообусловленность поисков кирилло-мефодиевцами социальных и политических идеалов свободы и справедливости и их глубокой веры в непреходящую ценность христианского понимания добра, истины, нравственного совершенствования (с. 178, 228).

Эта сторона программы Кирилло-Мефодиевского братства роднит его с возникавшими в Европе в первой половине XIX в. всевозможными обществами, организациями, сектами, учениями, проповедовавшими «царство Божие» на земле и погруженными, иногда неосознанно, в мир эсхатологических образов и представлений о своем миссионерском призвании, искуплении и очищении через жертву и т. п. Непривычным для советского читателя выглядит в этой связи то, что Шевченко (по установившейся интерпретации — воинствующий атеист) приобретает у автора черты богоборца (с. 107). Кстати говоря, этот тезис разделяется и некоторыми современными шевченковедами за рубежом.

В полном соответствии с авторской концепцией идеологии Кирилло-Мефодиевского братства как религиозно-романтической в своей основе находится оценка его мессианской направленности. Для Козака мессианизм — не реакционно-утопическое проявление украинского буржуазного национализма, а прогрессивное проявление самосознания нарождающейся национальной интеллигенции (с. 226), сущность которого определялась ориентацией не на класс, личность или даже нацию, а в конечном счете на общечеловеческие ценности морали, нравственности, правды и любви (с. 93).

По мнению автора, именно в славянских идеях кирилло-мефодиевцев нашла свое наиболее яркое проявление система взглядов и представлений членов братства (с. 132). Козак достаточно убедительно обосновывает различия в трактовке славянского вопроса у кирилло-мефодиевцев и славянофилов, исходя при этом, видимо, из представления об общей консервативности последних (с. 136—137). К сожалению, в работе нет указаний на новейшие исследования советских историков, раскрывающие сходство взглядов русских и украинских славянофилов[1] и опровергающие распространенное мнение о консервативности воззрений идеологов российского славянофильства[2].

Особое место в работе отводится украинско-польским взаимосвязям 30—40-х годов XIX века. Заслуживает высокой оценки сравнительный анализ «Книг бытия украинского народа» и «Книг народа и пилигримства польского» А. Мицкевича. Автор при этом не ищет прямых аналогий или различий в обеих программах, а стремится выделить в них общие, присущие европейским романтикам того времени идеи и символы, что вполне оправданно. Нельзя, однако, не заметить, что Козак несколько преувеличивает готовность украинских и польских интеллектуалов первой половины XIX в. к диалогу и взаимному компромиссу (с. 89—90), тем более, что вплоть до конца XIX в. для украинской интеллигенции все еще оставалась актуальной проблема эмансипации от польской культурно-исторической традиции.

Нельзя не пожалеть, что в сравнении с Шевченко и Костомаровым сравнительно мало места в работе занимает еще одна ключевая фигура украинского культурно-национального возрождения — П. Кулиш, долгое время остававшийся горячим поборником украинско-польского сближения.

Первая глава монографии, посвященная проблеме крещения Руси и зарождению в ее духовной жизни кирилло-мефодиевской традиции, стоит несколько особняком и не во всем вписывается в основное содержание книги. Генезис и последующее восприятие этой традиции кирилло-мефодиевцами требуют, видимо, более детального объяснения. Автор не осветил должным образом влияние на программные документы кирилло-мефодиевцев, оказанное украинской политической мыслью конца XVII—XVIII века[3]. Определение масонских организаций на Украине как «украинских» (с. 49) вызывает возражения.

Рассматривая историософию кирилло-мефодиевцев, ее связи с романтическими и христианскими трактовками исторического пути человечества, автор, к сожалению, почти не говорит об их взглядах на основные вопросы истории Украины, что было бы весьма желательно с точки зрения характеристики украинской романтической историографии указанного периода. Выдвигая предположение о возможном влиянии «Истории Русов» на публикации в харьковской периодике второго десятилетия XIX в. (с. 63), автор не приводит тому достаточно убедительных доказательств. Думается, что следовало бы привести более солидные аргументы и в пользу весьма спорного тезиса о колониальном статусе Украины в составе России, чем мнение на сей счет лидера марксистской историографии истории Украины 20-х годов М. Яворского.

По своему характеру и направленности исследование Козака продолжает традиции в изучении истории Кирилло-Мефодиевского общества, заложенные украинскими историками начала XX в. и развитые позднее в трудах представителей украинского зарубежья. Хотя сам автор лишь однажды вступает в прямую полемику с «вульгарно-социологической и неосталинистской» наукой (с. 143), вся его работа объективно противоречит принятой в советской историографии концепции Кирилло-Мефодиевского братства, и в особенности ее ключевому положению о борьбе в его среде двух течений — революционно-демократического во главе с Шевченко и реформистского, представленного Костомаровым и его единомышленниками. Автор чужд национальных, политических и классовых пристрастий и выступает с позиций приоритета общечеловеческих ценностей, диалога культур, взаимной терпимости и взаимопонимания.

В. В. Кравченко

Примечания

1. См. СИМОНОВА И. А. О взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. — Советское славяноведение, 1988, № 1.
2. ЦИМБАЕВ Н. И. Славянофильство. М. 1986.
3. По мнению канадского исследователя З. Когута, политические и исторические традиции украинской аристократии оказали большое воздействие в первую очередь на кирилло-мефодиевцев (см. KOHUT Z. E. Problems In Studying the Post-Khmelnitsky Ukrainian Elite (1650's to 1830's). In: Rethinking Ukrainian History. Edmonton. 1981, p. 115).

P. KENNEDY. *The Rize and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000.* Lnd. Fontana Press. 1989. 898 p.

П. КЕННЕДИ. *Возвышение и упадок великих держав. Экономические изменения и военные конфликты с 1500 до 2000 г.*

Автор книги — профессор Йельского университета (США), специалист в области внешней политики Великобритании и международных отношений XIX—XX веков. Его работа вызвала большой резонанс и удостоилась десятков положительных и даже восторженных рецензий, а ее автора сравнивали с Тойнби и Ранке. За два года книга выдержала несколько изданий и стала международным бестселлером.

Ее отличает высокий профессионализм,

широкий кругозор и эрудиция автора, продуманная аргументация, умелая подача обширного фактического материала в сочетании с глубоким анализом, содержащим интересные наблюдения и обобщения. Труд написан с учетом практически всей имеющей отношение к теме западной литературы.

Главная цель, которую поставил перед собой автор, — проследить историю возвышения и упадка великих держав на протяжении пяти веков в историческом и геополитическом контексте. Внимание его сосредоточено на ряде основных проблем. Рассматривая период 1500—1815 гг., он задается вопросом: почему именно с XVI в. началось «возвышение западного мира», хотя у некоторых восточных держав исходные позиции, то есть материальные, людские, научно-технические и другие ресурсы, выглядели в борьбе за мировое лидерство на первый взгляд более предпочтительно. По мнению Кеннеди, здесь сыграла свою роль совокупность ряда условий: сравнительно незначительное вмешательство государства в экономическую жизнь; больший простор для развития рыночных отношений; «политический плюрализм»; торговое и колониальное соперничество, давшее сильный толчок развитию техники, науки, изобретениям; некоторые особенности географического положения; более благоприятные условия для интеллектуальной свободы. Это дало возможность ряду европейских государств совершить «прорывы» в экономической и военной областях и вырваться на авансцену мировой политики.

Кеннеди проследил влияние экономических факторов на внешнюю политику крупнейших стран и борьбу между ними в XVI—XVII веках. Заслуживают внимания его соображения о начале пусть примитивной на первых шагах, но все же гонки вооружений и процветающей торговли оружием. Другая крупная проблема — процесс складывания многополюсной системы великих держав, к которым автор относит Францию, Габсбургскую монархию, Пруссию, Великобританию и Россию. Повествуя о дипломатическом и военном противоборстве между ними в 1660—1815 гг., он выделяет возрастающую роль финансовых возможностей его участников и географического (геополитического) фактора в межгосударственных конфликтах, все чаще принимавших форму коалиционных войн.

Переходя к периоду 1815—1942 гг., автор сосредоточивается на проблеме изменения соотношения сил в «европейском концерте». Одни страны сумели продвинуться в укреплении своего политического, экономического и военного могущества, другие заметно отстали. Произошло это, по мнению Кеннеди, во-первых, из-за того, что возникла мировая система хозяйства, ускоренно развивавшаяся с середины XIX в., и, во-вторых, из-за неодинаковой способности стран воспринимать достижения промышленного переворота и «военной революции», использовать новые технологии, открытия и коммуникации (железные дороги, телеграф и т. д.), обеспечить мобилизацию и снаряжение крупных армий. Как полагает Кеннеди, с конца XIX в. начинают развиваться процессы, ведущие к замене многополюсного мира биполярным.

В книге рассматривается «новый стратегический ландшафт» — соперничество двух главных великих держав — СССР и США — в 1943—1980 гг., а также его воздействие на страны «третьего мира». Автором охарактеризованы явления и процессы, приведшие к появлению «трещин в биполярном мире»: ухудшение советско-китайских отношений в 60—70-е годы, внешняя политика де Голля, «японское чудо», война во Вьетнаме и др. Особый акцент сделан на анализе изменений в сфере мировой экономики, обусловивших серьезные сдвиги в балансе военно-политических сил в мире. Автор соглашается с законом неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран, считая, что он имеет универсальный характер и приложим ко всем государствам (с. 564).

Кеннеди приходит к выводу, что взлет и упадок великих держав определялись, в конечном счете, размерами тех материальных ресурсов (и умением мобилизовать их!), которыми они располагали. Исход крупных военных конфликтов и войн в течение пяти веков решающим образом определялся влиянием экономических сил на сдвиги в международных отношениях. Быть великой державой, по Кеннеди, — это прежде всего иметь «процветающую экономическую базу» (с. 697), ибо в современных условиях военная мощь, не подкрепленная жизнеспособной экономикой и технологическим прогрессом, мало чего стоит. Вместе с тем он отмечает относительный характер экономического, политического или военного могущества какого-либо государства, поскольку оно «включено» в общий международный баланс сил, который все время изменяется из-за того, что и другие страны имеют возможность наращивать свою силу.

В изложении превалируют аналитический подход и масштабный синтез гигантского массива фактов, статистических данных и т. п.; конкретно-исторический анализ органически сочетается с системным подходом, что позволяет расширить видение исторического процесса, его динамики и многогранности, уяснить внутреннюю логику.

В заключительной главе, «К XXI веку», автор стремится раскрыть тенденции развития главных «центров силы» современного мира (к ним он относит США, СССР, Китай, Японию и страны ЕЭС) до 2000 года. Он считает, что в ближайшем будущем ни одно крупное государство не сможет присоединиться к данной «пятерке», внутри которой баланс сил будет изменяться в пользу Японии

и Китая, а сохраняющаяся биполярность в военной облвсти будет медленно разрушаться как нв ядерном уровне, так и обычных вооружений. Тех, кто радуется сегодняшним трудностям Советского Союза и с нетерпением ожидает его краха, Кеннеди предупреждает, что «твкие трансформвции обыкновенно дорого стоят и происходят не всегда в предсказуемой форме» (с. 664). Он констатирует прогрессирующее «обесценение» военной мощи, выравниввние уровней социально-экономического развития стран и регионов и др.

Воздавая должное автору, следует в то же время отметить, что требуют уточнения или по крайней мере большей мотивации хронологические рамки тех периодов, которые он предлагает. Думается, не обоснован вь бор 1943 г. в качестве нвчального рубежа «биполярной эры», то есть противостояния США и СССР. Не всегда оправданной представляется экстраполяция современной политической терминологии («третий мир» и т. д.) на XIX и другие века. Читателя не оставляет ощущение того, что в подходе и выводах автора нередко доминирует «экономический детерминизм».

Отнюдь не умаляя значения экономики квк действительно важнейшей «несущей опоры» геополитического положения государства и его внешнеполитического курса, следует обязательно учитывать и другие его компоненты, играющие важную роль в чрезвычайных ситуациях (международные кризисы, войны и т. д.). Исторический опыт свидетельствует, что экономическое превосходство не всегда автоматически приводит к политическому или военному выигрышу. Так, экономические и финансовые возможности Англии, не подкрепленные соответствующей военной мощью, долгое время не могли обеспечить ей решающего перевеса в борьбе с республиканской, а затем нвполеоновской Францией.

В экстремальных обстоятельствах немаловажную роль играют особенности внутриполитического положения и идеологического сознания, наличие демократических институтов. Именно последние, обретенные в ходе революции, позволили французскому народу мобилизовать такие физические и психологические ресурсы, благодаря которым Франция прпктически в одиночку оказалвсь способной противостоять многочисленным коалициям, организуемым против нее Англией. У Кеннеди же подобные события и процессы чересчур жестко, прямолинейно «привязаны» к экономическому базису. Поэтому некоторые оценки и утверждения выглядят упрощенными и схемвтичными. Он явно недооценивает идейно-политические и социально-классовые соображения во внешней политике западных государств в 30-е годы, явившиеся одной из существенных причин сползания мира к новой мировой войне. Следовало бы должным образом оттенить и роль идеологического фактора в советско-американских отношениях 1945—1985 годов.

А. И. Сыч

P. M. STRÄSSLE. *Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261—1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung.* Bern — Frankfurt/M. — N. Y. — P. Peter Lang. 1990. 384 S.

П. М. ШТРЭССЛЕ. *Международная торговля на Черном море и Константинополь 1261—1484 гг. в зеркале советских исследований*

Рецензируемая монография является результатом многолвтней работы швейцарского историка П. М. Штрэссле. В 1982—1983 гг. автор собирал материал в библиотеках и научных центрах Москвы, Лвнинграда, Одессы, встречался с ведущими специалистами в данной области.

Автор считает, что советская историография достиглв значительных результатов в изучении средневековой торговли нв Черном море, однвко западные историки недоствточно знвкомы с ними (с. 1). Он стремится не только дать систематичвский обзор советской литературы по этой теме, но и критически обобщить результаты исследования по отдельным ее аспектам (с. 3—4).

Основная часть работы состоит из двух разделов. В первом — историографическом — Штрэссле отмечает, что черноморская торгоаля XIII—XV вв. до сих пор нв являлась предметом комплексного междисциплинарного (историчвского и археологического) и сравнительно-исторического исследования. Советские медиевисты обычно концентрируются нв отдельных вопросах, а работы археологов лишены необходимой исторической пврспвктивы. Сказывается, по мнению автора, и отсутствие центра, координирующего усилия исследователей данной проблвмы. Как правило, каждый специалист работавт сам по себе и опирается на ограниченный круг источников. Указывает Штрэссле и на недостаточность дискуссий. Даже в 13% работ, которые в той или иной мере можно отнести к числу междисциплинарных, дискуссионным вопросам не уделяется должного внимания (с. 26). Автор пишет о трудностях, с которыми сталкиввются советские историки, — это прежде всего неудовлетворительное комплектование библиотек специальной литературой и сложности с использованием зарубежных архивов (с. 16—17, 236).

Штрэссле отмечает, что если до 1945 г. работы по рассматриваемой теме издавались только в Москве и Ленинграде, то после войны возникли новые центры в союзных республиках. Это объясняется общим ростом интереса к проблемвм хозяйства, торговли, региональной и национальной тематике, к изучению истории отдельных народов СССР.

Второй раздел — историко-историографичвский — содержит обстоятельный и системвтизированный обзор советских исследований. Он разбит на шесть глав — «Торговые поселения», «Колонии», «Торговые пути», «Товары», «Социальный состав носителей торгоали», «Торговая, колониальная и фискальная политикв». Каждой главе предпосланы предварительные замечания автора и критический внализ разбираемых им работ. По мнению Штрэссле, в них отсутствует строгая система в употреблении специальных терминов, что существенно затрудняет научно обоснованную типологизацию явлений.

Автор приходит к выводу, что серьезный вклад советских специалистов в изучение черноморской торгоали XIII—XV вв. можно по достоинству оценить только при целостном рассмотрении советской историографии этой темы. Неоспоримы заслуги археологов в исследовании северного и восточного Причерноморья. Знвчительную ценность представляют и работы историков, занимавшихся изучением Кврпатско-Днестровского коридора и Трапезундской империи, исследованием торговых путей и товарооборота северного и восточного Причерноморья, а также социального состава участников торгоали, торговой и фискальной политики на Крымском полуострове. Наряду с этим автор отмечает пробелы и недоствтки в разработке отдельных проблем. Книга содержит ценный справочный мвтериал, позволяющий судить о состоянии двл в советской историографии черноморской торгоали XIII—XV ввков.

Суждения Штрэссле о научном методе советских историков доствточно противоречивы. Он ставит под сомнение марксистский хврактер советской историографии, считавт, что проанализированные им работы основываются скорее на позитивистском подходе, в содержащиеся в них цитаты клвссиков мврксизмв — не более чем формальная дань господствующей идеологии (с. 17—21, 24—25, 231). Автор утверждает, что строгие «псевдоидеологические» рамки ограничивают кругозор советских ученых и мешают им видеть новые перспективы исследований (с. 231, 235). Штрэссле, однако, не видит того, что диалектический метод марксизмв в принципв противоречит догматической идеологии. Судя по всему, автор понимает марксистский подход только как прямое следование указаниям классиков (с. 18, 24, 58, 60, 132, 150, 159, 166).

Автор, как, впрочем, и многие советские историки, рассмвтриввет торговлю в качестве самостоятельного объекта исследования. Но при этом упускается из виду, что здесь требуется системный подход. Все институты, относящиеся к торговле, могут быть адекввтно поняты, осмыслены только в достаточно полном социальном и культурном контексте. Иначе говоря, при изучении торговой деятельности необходимо учитывать ве многогранное «человеческое измерение». Но историков занимают не столько социальные, сколько технические аспекты этого процесса, а люди привлекают внимание лишь в кввчестве «носителей» торговли, то есть средства ее осуществления. Нвльзя сказать, что автор совсем не замечает подобного смещения акцентов. Он даже критикует советскую историографию за отдельные упущения в этом плане (с. 82, 83, 128, 166, 168—170, 222—224). Однако вопрос о необходимости изучвния торговли как целостного социокультурного феномена в монографии нигде прямо не ставится.

В. А. Закс

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Раскрепощение истории

Трудно представить себе более сложное положение, чем то, в котором находятся ныне преподаватели истории. Это касается и работников вузов, и школьных учителей. Сегодня ясно ощущается, что процессы развития самой исторической науки и преобразования в сфере исторического образования отстают от бурных изменений в жизни нашего общества. Плюрализм мнений превратился в острое идеологическое противостояние, в центре которого оказался ленинизм. Одни требуют защитить имя В. И. Ленина, другие утверждают, что события 25 октября 1917 г. — величайшая трагедия.

Эйфория первых лет перестройки прошла. Страх перед возможностью гражданской войны становится фактором общественного сознания. А самым взрывоопасным человеческим материалом остается молодежь. Она наиболее восприимчива к призывам и лозунгам. К сожалению, низкая политическая и общая культура нашего общества заставляет опасаться, что не все молодые люди сумеют отделить зерна от плевел, рациональное от ложного. В этих условиях особую роль играют преподаватели истории, которые в принципе не имеют гражданского права терять доверие своих учеников.

Важным инструментом, который может помочь тут учителю, становится его нравственность, определяемая уже не былой идеей «нравственно все, что служит интересам пролетариата», а этикой, опирающейся на общечеловеческие понятия справедливости. В XIX в. Ф. Шлоссер так сформулировал главную заповедь историка: «Быть честным человеком». Иного рецепта, чтобы сохранить доверие учеников, у преподавателей истории нет.

Из толкователя учебника, из инструмента внедрения в сознание учащихся идеологических стереотипов учитель истории должен преобразоваться в творческую личность, способную к самостоятельным и аргументированным суждениям, ориентирующуюся в потоке современной литературы и достаточно глубоко, а не в рамках одной лишь школьной программы знающую свой предмет. Если же основная часть учителей не сможет работать именно так, как сейчас действуют пока немногие, последствия могут оказаться тяжелыми.

На протяжении многих десятилетий учителя истории рассматривали не столько как наставника, открывающего ученикам тайны прошлого и увлекательный мир людей былых эпох, сколько как «бойца идеологического фронта», главная задача которого — внедрить в сознание учащихся постулаты господствующей идеологической доктрины. Преподавание истории базировалось на тезисе классовости. На 90% история, изложенная в учебниках, была историей классовой борьбы, революций, социальных конфликтов и войн. Любимым словом преподавателей было слово «борьба». Как-то забывалось, что во все исторические эпохи люди и трудились, и любили, и смеялись; что мир повседневной жизни более важен, чем гром пушек и стук падающего ножа гильотины. Из учебников почти ушла проблема освоения человечеством Земли, которая является одним из главным стержней познания вообще, истории в частности.

Гуманитарная наука история — средство воспитания высоких человеческих качеств, способствующее живой работе юного ума, — была до крайности политизирована. Серьезные сомнения вызывает сама периодизация истории, на которой базируется образование: она несет на себе отпечаток политической доктрины и в научном плане не представляется достаточно аргументированной. В советских учебниках новая история начинается с событий Английской революции середины XVII в., а в западной историографии аналогичный период открывается путешествиями Х. Колумба и В. да Гамы.

Еще со сталинских времен велись вялые дискуссии по вопросу о том, с какой революции начинать новое время: Нидерландской XVI в., Английской XVII в. или Французской конца XVIII века.

Эти дискуссии были «допущены свыше», так как не покушались на то положение, что каждый крупный период истории должен обязательно начинаться с социальной революции. Между тем непредвзятое рассмотрение вопроса показывает, что в пользу периодизации с открытия Америки имеются существенные доводы.

Неправомерным представляется и деление новой истории на два периода. Парижская коммуна 1871 г., избранная объектом отсчета второго этапа, может рассматриваться лишь как относительно малозначительное событие в контексте всей истории человечества. Считалось, что этап до 1871 г. — время поступательного движения капиталистического общества, когда оно развивалось по восходящей и когда еще не были исчерпаны его прогрессивные возможности, а следующий этап — время, когда началось загнивание капитализма и формировались предпосылки замены его социализмом. Вряд ли такое деление следует сегодня считать правомерным, если исходить из современных знаний о капиталистическом обществе и не закрывать глаза на возможности его развития в нынешних условиях.

Ради утверждения господствующей политической доктрины подчас извращались взгляды и самих основоположников марксизма. В хорошо известной учителям монографии Н. Н. Молчанова говорится: «Маркс специально исследовал внешнюю политику России и убедительно показал, что территориальные приобретения Петра, в отличие от завоеваний его современников — Людовика XVI и Карла XII, — были исторически оправданы объективными потребностями развития России, что побережья Балтийского и Черного морей, естественно, должны принадлежать ей. Возвышение России Маркс считал результатом закономерного исторического процесса, а не просто «беспочвенным импровизированным творением гения Петра Великого»[1]. Между тем достаточно ознакомиться с работой К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»[2], чтобы убедиться, что он рассматривал российское завоевание Прибалтики как экспансионистскую политику.

Действует у нас и такой вид политизации, тоже отражающий некоторые тенденции развития общественного сознания, как идеализация дореволюционной России, причем именно большевики объявляются единственными виновниками всех бед нашей последующей истории. Было бы неверным снимать с них всякую ответственность. Но историкам негоже забывать, что большевики выражали в своей деятельности определенные традиции, присущие историческому развитию России на протяжении веков: абсолютизация роли государства и монархическое верноподданничество, пренебрежение к правам человека и представительным учреждениям.

Еще в XVI в. Иван Грозный писал английской королеве Елизавете: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь... Ажно у тебя помимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые»[3]. В XVII в. ближний боярин царя Алексея Михайловича и руководитель Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин, один из первых государственных деятелей, придерживавшихся у нас «западного» направления политики, писал: «Да что нам за дело до иноземных обычаев: их платье не по нас, а наше не по них»[4]. А в XVIII в. раздался громовой голос Петра Великого: «Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять»[5].

Ныне настоятельной потребностью исторического образования является отказ от излишней политизации и тех перекосов, которые существуют в этом отношении. Необходимы гуманитаризация и гуманизация освещения истории.

В связи с господством одной идеологической доктрины все исторические явления и оценки исторических лиц упрощались. Исторические деятели делились на хороших и плохих, достойных и недостойных, хотя такие оценки зачастую оказывались поверхностными и недостаточными. Историки и учителя легко присваивали себе право окончательного вердикта в отношении любого исторического лица. Думаю, что существующая сейчас идеологическая конфронтация во многом порождена и преобладавшими на протяжении десятилетий догматически-поверхностными взглядами на историю.

М. Блок писал: «Историк с давних пор слывет неким судьей подземного царства, обязанным восхвалять или клеймить позором погибших героев... Надо полагать, такая миссия отвечает прочно укоренившемуся предрассудку... Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев? Не глупо ли, возведя в абсолют относительные критерии индивидуума, партии или поколения, прилагать их к способу правления Суллы в Риме или Ришелье на Генеральных штатах христианнейшего короля? Нет ничего более изменчивого по своей природе, чем подобные приговоры, подверженные всем колебаниям коллективного сознания или личной прихоти. И история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук — бездоказательные обвинения сменяются бессмысленными реабилитациями».

Напоминая об одном из острейших споров в историографии, Блок восклицает: «Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, бога ради, попросту, каким был Робеспьер?»[6] Эти слова звучат весьма актуально, особенно если учитывать, что учитель должен вести учеников не к яростному осуждению или безудержному восхвалению, а к размышлению, к осознанию внутренних причин тех или иных исторических явлений и поступков исторических лиц.

Поощряя самостоятельность мыслей учащегося, учитель, имеющий полное право на собственную точку зрения, не должен насаждать ее в качестве единственно правильной и не должен настаивать на личной монополии на истину. Ученик тоже имеет право на свою оценку событий. Монополия на уроках истории столь же пагубна, как и монополия в исторической науке. О. Тьерри писал: «Великое правило, которое следует рекомендовать историкам, заключается в том, что надо различать, а не смешивать, ибо уменьшение разнообразия еще не приводит к истине. К несчастью, посредственные умы склонны к однообразию. Однообразие так удобно! Если оно все искажает, то оно по крайней мере разрешает все вопросы, и с ним никакой путь не труден. Этим объясняется, почему наши анналисты стремятся к историческому единству... На такой базе история развивается с идеальной простотой в виде биографического перечня королей, которых, когда у них оказываются схожие имена, просто занумеровывают»[7]. Знаменитый французский историк как в воду глядел! Он словно бы живописал нашу историографию советского периода, с той лишь разницей, что вместо перечня королей у нас фигурировал перечень партийных съездов.

Реальное движение науки возможно лишь на

основе дискуссий, сопоставления различных концепций. А уроки истории раньше развивали у учащихся преимущественно память; теперь они должны развивать и мышление, и логику рассуждений, и знание жизни прошлых поколений, и самые личности учащихся. Когда речь идет о свободном и осознанном изучении истории, предполагается право не только на собственную оценку событий, но и на свое отношение к ходу истории в целом. Ведь отношение к истории нигде и никогда не было однозначным — ни в обществе, ни среди узких профессионалов. А у нас всегда преобладало мнение, что история — это наука, позволяющая обобщать опыт прошлого в назидание потомкам и ради практики построения нового общества.

Эта в целом-то древняя идея была так сформулирована у Н. М. Карамзина: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на Земле счастие»[8]. Идея извлечения уроков из опыта истории проходила через работы С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, А. Токвиля и А. Олара, нашла отражение и в марксистской историографии. Но существовал и иной взгляд.

Кто-то заметил, что история — это кот, которого все тащат за хвост туда, куда он не хочет идти. А многие не раз сомневались, что в исторической науке возможно получение объективной истины. Действительно ли возможно объективное описание прошлого? Способен ли человек к познанию исторической картины, свободной от воздействия политических реальностей его времени? Существуют ли исторические законы, повторяемость исторических явлений? Или есть только индивидуальное и неповторимое, а в истории царит Его Величество Случай? Но если законы истории существуют, то насколько человек приблизился к их пониманию? Можно ли быть уверенным в том, что человечество развивается непременно по пути прогресса? А что принимать за критерии прогресса?

Это — вечные вопросы. Обществоведение мучается ими на протяжении столетий. Мы же лишили подрастающие поколения счастья задумываться над ними, преподнося им готовую схему и подобранные факты. Пускай кто-либо из учеников усомнится в том, что история есть наука, приносящая практическую пользу! Зато у него останутся радость от истории хотя бы как от интереснейшего рассказа и ощущение собственного «я» как части человечества.

Новый дух в преподавании истории мне представляется более важным, чем распределение часов между курсами, методика опроса и организация работы с учебниками, которые мало устраивают и учащих и учащихся. Нужен переход от публицистического наскока на историю к ее осмыслению на основе новых подходов.

А. Б. Соколов,
кандидат исторических наук,
Ярославль

Примечания

1. МОЛЧАНОВ Н. Н. Дипломатия Петра I. М. 1984, с. 7.
2. Вопросы истории. 1989. №№ 1—4.
3. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. Грамоты. СПб. 1875, с. 109.
4. Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1846, № 1, ч. III, с. 34.
5. АНИСИМОВ Е. В. Петр I: рождение империи. — Вопросы истории, 1989, № 7, с. 14.
6. БЛОК М. Апология истории. М. 1986, с. 79—80.
7. ТЬЕРРИ О. Избранные произведения. М. 1937, с. 209—210.
8. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. 1. М. 1989, с. 13.

Русско-американский договор 1887 года

После убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 г. ряд русских революционеров, спасаясь от преследований, эмигрировал в различные страны, включая США. И соответственно в 1880-е годы правительство России заключило серию международных соглашений о взаимной выдаче «политических». Попыталось оно подписать такую конвенцию и с США. Она позволила бы подвергнуть преследованию народников, укрывавшихся там. Министр иностранных дел России Н. К. Гирс в инструкциях царскому посланнику в Вашингтоне К. В. Струве подчеркивал, что «уже самый факт существования экстрадиционного трактата будет иметь важное значение»[1], поскольку его можно использовать как оружие против политэмигрантов; подписание конвенции подтвердит всесилие царского правительства и развеет надежды революционеров на моральную поддержку со стороны заокеанских граждан.

Проект договора имел характер конвенции о взаимной выдаче только уголовных преступников: в нем содержался перечень преступлений, подходивших под категорию уголовных, и подчеркивалось, что политические преступники не будут подлежать выдаче[2]. Но в тексте проекта имелось положение, которое выдавало истинные цели Петербурга и обнажало замаскированную суть трактата: цареубийцы и их соучастники исключались из разряда политических преступников и должны были выдаваться как лица, совершившие тягчайшее уголовное преступление. После слов «убийство Государя» составители добавили выражение «или убийство главы государства», чтобы найти сочувствие в стране, два президента которой ранее уже погибли от рук убийц. Ради успеха дела Министерство юстиции России признало за правительством США право в каждом отдельном случае определять характер преступления в соответствии с американским законодательством. Имелась надежда на традиционно дружественное отношение американцев к России и их в целом негативную реакцию на убийство Александра II[3], которого в США кое-кто сравнивал с президентом А. Линкольном.

Весной 1883 г. проект договора был отправлен в российскую миссию в Вашингтоне. Далее все зависело от предприимчивости царских дипломатов. Однако Струве не торопился начинать переговоры по столь щекотливому вопросу, дожидаясь удобного случая. Он представился в 1886 году. Правящие круги США, напуганные размахом рабочего движения, воспользовались процессом над чикагскими анархистами для мощной «антисоциалистической» кампании. Той же цели отвечала новая иммиграционная политика, которая проводилась Вашингтоном: госдепартамент активно подписывал экстрадиционные конвенции с другими государствами, чтобы оградить США от въезда «опасных лиц»[4].

Российский консул в Нью-Йорке Р. Розен, заменивший уехавшего в отпуск К. В. Струве, в сентябре 1886 г. передал федеральному секретарю проект конвенции о взаимной выдаче преступников. После дипломатических переговоров Россия и США пришли к согласию, и 16 (28 н. ст.) марта 1887 г. экстрадиционный договор был подписан. Но его должен был ратифицировать сенат США. Именно на этой стадии обсуждения трактата могло вступить в силу американское общественное мнение. Струве писал в МИД: «Вопросы, подобные экстрадиции, слишком непосредственно затрагивают народные симпатии или антипатии, чтобы дозволить правительству безнаказанно касаться их»; наилучший выход — держать факт заключения договора в секрете до его подачи в сенат[5]. Однако за два дня до подписания трактата в нью-йоркской газете «World» появился полный текст договора, добытый, очевидно, подкупом у одного из чиновников госдепартамента. Публикация вызвала бурю негодования в США[6] и послужила толчком для организации движения против ратификации русско-американской конвенции о взаимной выдаче преступников.

Кампанию протеста начали русские политэмигранты. По их инициативе в Нью-Йорке была создана Русско-американская национальная лига, которая одной из своих главных задач ставила агитацию против подписания и ратификации конвенции[7]. С. М. Степняк-Кравчинский, проживавший в Лондоне, написал «Послание к американскому сенату и народу», которое произвело «весьма вредное впечатление на публику и на сенаторов»[8]. К тому же времени относятся выступления прогрессивного американского журналиста Дж. Кеннана (во многом вследствие как раз его пропагандистской деятельности пробудился в США интерес к русскому освободительному движению). Вернувшись из поездки по Сибири, он опубликовал на страницах журнала «Century» в 1888—1889 гг. серию статей, осуждавших карательную политику самодержавия и описывавших невыносимые условия, в которых находились политические ссыльные. С 1889 по 1891 г. Кеннан прочел в США около 500 лекций на эту тему. На них собиралось до 7 тыс. слушателей, а в 1891 г. увидела свет его книга «Сибирь и система ссылки»[9].

В 1890—1891 гг. американские газеты пестрели статьями с критикой реакционной политики царизма. Посылая в МИД России подборку таких публикаций, Струве подчеркивал: «Главная цель этого чернильного похода — помешать ратификации нашей конвенции о взаимной выдаче преступников»[10]. В США возникли три общества, которые поставили своей целью противодействовать жестокостям царского правительства в отношении «политических» и оказывать моральную поддержку русскому освободительному движению. Филадельфийская сибирская ассоциация образовалась в феврале 1890 г. после лекций, прочитанных там Кеннаном. Через год в Денвере при активном участии русского революционера Е. Е. Лазарева было организовано Американское общество помощи сибирским ссыльным[11]. Во главе движения, развернувшегося в штате Колорадо, стояла Скотт Сакстон, широко известная своей борьбой за равноправие женщин.

Наибольшей популярностью пользовалось Американское общество друзей русской свободы, образованное в Бостоне в апреле 1891 г. по инициативе Степняка-Кравчинского. Благодаря усилиям русских эмигрантов в Нью-Йорке на средства этого общества начал выходить журнал «Free Russia». Под обращением бостонского общества стояли имена людей, известных прогрессивными взглядами, борьбой за равноправие негров и свободолюбивыми идеями: М. Твена, Т. Хиггинсона, Ф. Гаррисона, Д. У. Хоу, Д. Лоуэлла, Д. Уиттира и др.[12] Названные общества организовывали собрания и митинги, составляли петиции на имя царя и российского правительства, занимались сбором денежных средств и были активными центрами борьбы против ратификации экстрадиционного договора.

В феврале 1890 г. во время вторичного обсуждения договора в сенате был изъят § 2 ст. 3, исключавший цареубийство из разряда политических преступлений. Для России это практически означало отказ от ратификации. Переговоры возобновились в конце 1891 г., и в феврале 1893 г. сенат все же ратифицировал нашумевший трактат[13], а ст. 3 была принята в новой редакции, не менявшей старого смысла. Общественность США продолжила выступления, поставив задачей борьбу за отмену конвенции. В письме Степняку-Кравчинскому от 16 марта 1893 г. секретарь Американского общества друзей русской свободы Ф. Гаррисон писал: «Это движение мы теперь должны начать сами, из чувства собственного достоинства; мы должны добиться успеха как американцы, доброе имя которых и слава запятнаны трактатом»[14].

После ратификации конвенции упомянутые общества опубликовали заявления-протесты[15], в которых разъяснялся ее политический характер. В марте — апреле 1893 г. прошли массовые митинги в Нью-Йорке и Чикаго, где были организованы комитеты противодействия договору. Кеннан послал два письма президенту Г. Кливленду по поводу конвенции и написал статью в «New York Times», в которой критически описывал систему русских судов над «политическими»[16]. В июне 1893 г. текст договора был опубликован в виде Прокламации президента, и почти вся американская пресса выступила с его осуждением. В Нью-Йорке было организовано Общество борьбы за отмену экстрадиционного трактата. Оно объединило действия идентичных групп в Бостоне, Филадельфии, Буффало и Чикаго и опубликовало петицию, адресованную президенту, сенату и членам палаты представителей, с требованием отмены договора[17].

Движение, приобретшее большой размах, нашло отклик во всех слоях общества. В Вашингтон были направлены петиции протеста из разных штатов. В апреле 1894 г. сенатор Д. Тэрпи представил аргументированную записку, составленную членами нью-йоркского общества, и внес предложение об изменении ст. 3 договора. Но выступления Тэрпи и его сторонников не нашли поддержки в сенате. Договор остался в силе, чем царские дипломаты были крайне довольны. Казалось, что движение протеста потерпело неудачу: с 1893 г. по 1917 г. в царском посольстве в Вашингтоне было заведено 38 дел о выдаче России уголовных преступников, скрывавшихся в

США[16]. В их число аходили и «политическив». Однако не отмечено ни одного случая выдачи политических змигрантов. Таков результат неодобрения договора вмериканской общественностью.

В. И. Журавлева,
преподаватель Российского гуманитарного университета

Примечания

1. Архив внешней политики России (АВПР), ф. 137, оп. 475, отчет за 1885 г., л. 89; отчет за 1886 г., лл. 99 об.—103 об.; ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 617, л. 279 об.
2. АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 617, лл. 262—269.
3. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 154, 1881 г., лл. 33—35; The Collected Papers of J. B. Moore. Vol. 1. New Haven. 1944, p. 269.
4. АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 617, лл. 245—252; ф. 137, оп. 475, отчет за 1890 г., лл. 84—85; АСКОЛЬДОВА С. М. Начало массового рабочего движения в США (80-е гг. XIX века). М. 1986; История США. Т. 2. М. 1985, с. 69—76; Thв Collected Papers. Vol. 1, p. 257.
5. АВПР, ф. Посольство в Вашингтонв, оп. 512/1, д. 617, лл. 51—52 об., 94—98, 119—120, 134—136.
6. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 108, 1887 г., л. 15; д. 96, 1889 г., л. 11 об.
7. СОКОЛОВ А. С. Америка и русская революционно-народническая эмиграция 1880—1890-х годов. — Вестник Ленинградского государственного университета, 1984, № 20, с. 26; Free Russia, 1890, Junв, № 1, p. 13.
8. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 98, 1889 г., л. 10 об.
9. КАРПАЧЕВ М. Д., ЛОГУНОВА Т. В. Американский публицист Дж. Кеннан о революционном деижвнии в России. — История СССР, 1988, № 5, с. 189—199; LASERSON M. M. The American Impact on Russia. — Diplomatic and Ideological, 1784—1917. N. Y. 1950, pp. 304—316; BAILEY T. A. America Faces Russia. N. Y. 1955, pp. 128—134.
10. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 104, 1890 г., лл. 33, 34—36.
11. Free Russia, 1890, Junа, № 1, p. 14; November, № 4, pp. 10—11; 1891, February, № 2, p. 8; March, № 3, p. 8; May, № 5, p. 8; АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 104, 1890 г., лл. 30—30 об., 32; Центральный государственный архив литвратуры и искусства, ф. 1158, оп. 1, д. 424, лл. 1—5; д. 544, лл. 1—2 об.
12. ХОМЯКОВ В. А. Поездка С. М. Ствпняка-Кравчинского в Америку. — Научные доклады высшвй школы, филологическив науки, 1963, № 3; СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С. М. В лондонской эмиграции. М. 1988, с. 285, 290, 296—306.
13. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 104, 1890 г., л. 21; д. 101, 1893 г., лл. 111—111 об., 118—118 об.; ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 42, лл. 28—29; д. 57, лл. 47, 52—52 об., 60—61 об., 65—66 об.; д. 617, лл. 1—7, 28 об. — 27 об.; ф. 137, оп. 475, отчет за 1892 г., лл. 245—248.
14. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С. М. Ук. соч., с. 317—318.
15. АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 57, л. 81; д. 617, лл. 13—14.
16. Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 91, д. 295, лл. 1—1 об.; ф. 5799, оп. 1, д. 102, лл. 29—30 об., 33—34; д. 136, лл. 120—124.
17. Там же, ф. 102, 3-е д-во, оп. 91, д. 295, лл. 12, 13—15; Прогресс, 13—15.II.1894, № 28/29, с. 13—15; Free Russia, 1894, February, № 2, pp. 14—15.
18. АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 102, 1894 г., лл. 22, 24—24 об.; ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/1, дд. 77, 89 об., 120, 121, 123, 124, 146—148, 198, 217, 233, 250, 268, 289, 308, 327, 348, 620—639.

Обвинения в национализме были необоснованными

В августовском номере 1963 г. на страницах «Вопросов истории» рассказывалось о работе июньского того года Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам (докладчик Л. Ф. Ильичев), и в этом контексте в редакционной статье говорилось о фактах проявления национализма «среди некоторых башкирских историков». Со ссылкой на выступление на пленумв бывшвго первого свкретаря Башкирского обкома КПСС З. Н. Нуриева говорилось о том, что в отдельных трудах свктора истории Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук (БФАН) СССР, «под флагом критики культа личности делались попытки реабилитировать буржуазно-националистическое движение в Башкирии периода гражданской войны. Эти ошибочные твнденции возглввлялись руководителем сектора истории упомянутого института, который вктивно сосредоточивал вокруг себя малоопытную молодежь, не имеющую достаточной научной и партийной закалки» («Вопросы истории», 1963, № 8, с. 17).

В дальнейшем подобная «критика» со стороны партийно-идеологических ведомств, особенно Башкирского обкома КПСС, всячески усугублялась с отстранением названного ученого, то бишь автора этих строк, от научной, научно-образовательной и нвучно-руководящей деятельности. Все это теперь морально дезавуировано, частично это понял и Башкирский обком, о чем свидетельствует опубликоввнная в гвзете «Советская Башкирия» 7 декабря 1990 г. информация «В рескоме Компартии РСФСР».

Принято решение об отмене постановления бюро Башкирского обкома КПСС «О неправильном освещвнии некоторых вопросов истории Башкирской АССР» от 12 июня 1963 года, в котором были осуждены взгляды заведующвго свктором истории Института истории, языкв и литературы БФАН СССР Б. Х. Юлдашбаева на историю национально-освободительной борьбы башкирского народа в годы Веnикой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Бюро рескома КП РСФСР обратилось с просьбой в Президиум Верховного Совета Башкирской АССР об отмене Указа Президиума Верховного Совета БАССР от 30 июля 1986 года о лишении профессора Б. Х. Юлдашбаева почетного звания «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР» как юридически не обоснованного.

Б. Х. Юлдашбаев

Новые иностранные книги и журналы, поступившие в редакцию

BLANCHARD I. Russia's "Age of Silver". Preciousmetal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. Routledge. London and New York. 1989. 432 p.

BONWETSCH B. Die Russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt. 1991. 240 S.

BRAUNTHAL G. Political Loyality and Public Service in West Germany. The 1972 Decree against Radicals and Its Consequences. The University of Massachusetts Press. Amherst. 1990. 249 p.

DEÁK I. Die rechtmäßige Revolution. Lajos Kossuth und die Ungarn, 1848—1849. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1989. 354 S.

Facing Up to the Past. Soviet Historiography under "Perestroika". Ed. by Takayki Ito. Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo. 1989. 292. p.

GILBERT M. Second World War. Weidenfeld and Nicolson. London. 1989. 846 p.

GUTMAN M. P. Toward the Modern Economy. Early Industry in Europe. 1500—1800. Alfred A. Knopf. New York. 1988. 258 p.

HELLER W. Die Moskauer "Eiferer für die Frömmigkeit" zwischen Staat und Kirche (1642—1652). Otto Harrassowitz. Wiesbaden. 1988. 150 S.

Histoire de l'Empire Ottoman sous la direction de R. Matran. Fayard. Ligugé, Poitiers. 1989. 814 p.

IKONEN K. J. K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaineessa. SHS. Helsinki. 1990. 406 s.

KOMLOS J. Nutrition and Economic Development in the Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton University Press. 1990. 268 p.

LIH L. T. Bread and Authority in Russia, 1914—1921. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 1990. 303 p.

MALLY L. Culture of Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 1990. 308 p.

NIEMELA J. Tuntematon ruotusotilas. Ruotsinajan lopun ruotuarmeijan miöhistön sociaalinen ja taloudelinen asema Satakunnassa. SHS. Helsinki. 1990. 221 s.

Party, State and Society in the Russian Civil War. Exploration in Social History. Edited by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, and Ronald Griegor Suny. Indiana University Press. Bloominton and Indianapolis. 1989. 450 p.

Die Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. 1867—1918. Bd. V. 1896—1907. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1991. 595 S.

Soviet Historians and Perestroika. The First Phase. Edited by Donald J. Raleigh. M. E. Sharpe, Inc. Armonk, New York, London. 1989. 292 p.

VITCU D. Diplomats of the Union. Bibliotheca Historica Romaniae. Monographs. XXVI. Editura Academiei Republicii Socialiste România. Bucureşti. 1989. 176 p.

Der Weg in den Krieg. Hrsg. von Dietrich Eichholtz und Kurt Pätzold. Berlin. Akademie Verlag. 1989. 562 S.

Contents

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»,
Академия наук СССР,
Издательство «Прогресс»**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузищин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 9—10, 1991, 256 стр.
Адрес редакции: 103781 ГСП. Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 5.08.91. Подписано в печать 18.10.91. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4. Бум. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 44,8. Уч.-изд. л. 27,79. Тираж 77684. Заказ № 2467. Цена 4 р. 50 к. Индекс 70145.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Министерства информации и печати СССР. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат. Государственная ассоциация предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ». 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.